

**ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ДОКТОРА И КАНДИДАТА НАУК**

**ЛАУРЕАТ V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2010»
В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ВУЗОВСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»**

**ЛАУРЕАТ VI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2012»
В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»**

Главный редактор:

Бикеев И.И., первый проректор, проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Крамин Т.В., доктор экономических наук, профессор, куратор направления экономических наук (г. Казань)

Кабанов П.А., доктор юридических наук, профессор, куратор направления юридических наук (г. Казань)

Безверхов А.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (г. Санкт-Петербург), Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Гумерова Г.И., доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Демченко С.Г., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и маркетинга Института экономики, управления и права (г. Казань)

Лазарев В.В., доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (г. Москва)

Лазарева В.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Латов Ю.В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ (г. Москва)

Лунеев В.В., доктор юридических наук, профессор Института государства и права РАН (г. Москва)

Малков В.П., доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ и РТ, профессор Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

Некlessа А.И., доктор экономических наук, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований Института Африки РАН

Нурев Р.М., доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ, (г. Москва)

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сургутского государственного университета (г. Сургут)

Сафиуллин Л.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и методологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Тихомиров Ю.А., доктор юридических наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва)

Шабанова Л.Б., доктор экономических наук, профессор кафедры гостиничного и туристического бизнеса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шаймиева Э.Ш., доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шейфер С.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Шестаков Д.А., доктор юридических наук, профессор и заведующий криминологической лабораторией юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского университета МВД РФ (г. Санкт-Петербург)

Юнусов А.А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Зарубежные члены редколлегии:

Базылюк А.В., доктор экономических наук, профессор Национального транспортного университета (г. Киев, Украина)

Беседин В.Ф., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Украины (г. Киев, Украина)

Бод П.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Будапештского экономического университета «Corvinus» (г. Будапешт, Венгрия)

Бужин А.А., доктор экономических наук, профессор Академии пожарной безопасности им. Героев Чернобыля (г. Черкассы, Украина)

Гондольф В. Эдвард, доктор психологии Университета Индиана в Пенсильвании (США, Индиана)

Гришова И.Ю., доктор экономических наук, профессор Института аграрной экономики НАН Украины (г. Киев, Украина)

Денисенко Н.П., доктор экономических наук, профессор, Киевский национальный университет технологии и дизайна (г. Киев, Украина)

Денисюк А.Н., доктор экономических наук, профессор Винницкого торгового-экономического института Киевского национального торгового-экономического университета (г. Винница, Украина)

Дре́мин В.Н., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, проректор Национального университета «Одесская юридическая академия» (г. Одесса, Украина)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Лыч В.Н., доктор экономических наук, профессор Киевского национального университета строительства и архитектуры (г. Киев, Украина)

Мауленов Г.С., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Мельник А.М., доктор экономических наук, профессор Киевского национального экономического университета им. В. Гетмана (г. Киев, Украина)

Меско Г., профессор, декан факультета уголовного правосудия и безопасности Университета в Мариборе (Словения)

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан)

Мутченко А.С., доктор экономических наук, профессор Уманского государственного педагогического университета им. П. Тычины (г. Умань, Украина)

Поклад В.И., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко (г. Луганск, Украина)

Росоха В.В., доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института аграрной экономики НАН Украины (г. Киев, Украина)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Стеченко Д.Н., доктор экономических наук, профессор Национального технического университета «Киевский политехнический институт» (г. Киев, Украина)

Турецкий Н.Н., доктор юридических наук, директор НИИ государства и права им. Г. Сапаралиева, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Уманцев Ю.Н., доктор экономических наук, доцент Киевского национального торгового-экономического университета (г. Киев, Украина)

Ответственный секретарь:

Дарчинова Г.Я.

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики,
управления и права

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: apel.ieml.ru

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» включен в Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO

Подписка на журнал по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Редактор:
Варламова А.М.

Компьютерная верстка:
Каримова С.А.

Дизайн обложки:
Морозова Е.Н.

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Беляева Е.Н.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-45445 от 16 июня 2011 г.
Территория распространения:
Российская Федерация

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 38,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 14.11.14. Заказ № 52/14
Цена свободная
© Издательство «Познание», 2014

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

THE JOURNAL IS INCLUDED INTO THE LIST OF REVIEWED SCIENTIFIC JOURNALS AND EDITIONS, IN WHICH THE MAIN SCIENTIFIC RESULTS OF CANDIDATE AND DOCTORAL DISSERTATIONS MUST BE PUBLISHED

PRIZE-WINNER OF THE 5TH INTERNATIONAL COMPETITION «UNIVERSITY BOOK-2010» FOR «THE BEST PERIODICAL OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT»

PRIZE-WINNER OF THE 6TH ALL-RUSSIAN CONTEST «UNIVERSITY BOOK-2012» IN THE NOMINATION «THE BEST PERIODICAL EDITION»

Chief editor:

Bikeev I.I., Vice Editor-in-Chief, First Vice Rector, Vice-Rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan) on Scientific work, Doctor of Law, Professor

Editorial board:

Kramin T.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Economic section**

Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor of Institute of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Law section** (Kazan)

Bezverkhov A.G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Samara State University (Samara)

Gilinskiy Ya.I., Doctor of Law, Professor, of Saint Petersburg Juridical Institute, of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (Saint Petersburg)

Gumerova G.I., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Innovative Projects Management of Academy of People's Economy (Moscow)

Demchenko S.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economics and Marketing of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Lazarev V.V., Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Right of Moscow State Law University named after of O. E. Kutafin (Moscow)

Lazareva V.A., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Latov Yu.V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Senior Researcher of Academy of Management of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow)

Luneyev V.V., Doctor of Law, Professor of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Malkov V.P., Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Professor of Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Kazan)

Neklessa A.I., Doctor of Economics, Chairman of the Commission on Social and Cultural Problems of Globalization, a member of a Bureau of Scientific Council "History of the World Culture" at Presidium of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director General of Institute for Economic Strategies, Director of Center for Geoeconomic Research of Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Ol'kov S.G., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Right of Surgut State University (Surgut)

Safullin L.N., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic History and Methodology of Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Shabanova L.B., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Hotel and Tourism Business of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Shaimiyeva E.Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Management Chair of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Sheffer S.A., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Shestakov D.A., Doctor of Law, Professor, Professor and Head of Criminological Laboratory of Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, of Saint Petersburg University of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Saint Petersburg)

Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow)

Yunusov A.A., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Foreign members of the Editorial Board:

Bazylyuk A.V., Doctor of Economics, Professor of National Transport University (Kiev, Ukraine)

Besedin V.F., Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Scientific-Research Institute for Economic Institute of Ministry of Economic of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Bod P. Á., a leading Hungarian economist, Professor, Head of the Chair, Corvinus University of Budapest

Buzhin A.A., Doctor of Economics, Professor of Academy of Fire and Safety named after Heroes of Chernobyl (Cherkassy, Ukraine)

Gondolf V. Edward, Doctor of Psychology of Indiana University of Pennsylvania (USA, Indiana)

Grishova I.Yu., Doctor of Economics, Professor of Institute of Agrarian Economics of National Scientific Academy of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Denisenko N.P., Doctor of Economics, Professor of Kyiv National University of Technology and Design (Kiev, Ukraine)

Denisyuk A.N., Doctor of Economics, Professor of Vinnitsa Trade and Economic Institute of Kyiv National Trade and Economic University (Vinnitsa, Ukraine)

Dryomin V.N., Doctor of Law, Professor, correspondent member of National Academy of Juridical Sciences of Ukraine, Vice-Rector of National University "Odessa Juridical Academy" (Odessa, Ukraine)

Kuri H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Friburg (Friburg, Germany)

Lych V.N., Doctor of Economics, Professor of Kyiv National University of Construction and Architecture (Kiev, Ukraine)

Maulenov G.S., Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Mel'nik A.M., Doctor of Economics, Professor of Kyiv National Economic University named after V. Hetman (Kiev, Ukraine)

Meško G., Professor, Dean of the Faculty of Criminal Justice and Security of Maribor University (Slovenia)

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan Republic)

Mutchenko A.S., Doctor of Economics, Professor of Uman State Pedagogical University named after P. Tychna (Uman, Ukraine)

Poklad V.I., PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Conflictology and Sociology of Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko (Lugansk, Ukraine)

Rossozha V.V., Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Institute of Agrarian Economics of National Scientific Academy of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Stechenko D.N., Doctor of Economics, Professor of National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute" (Kiev, Ukraine)

Turetskiy N.N., Doctor of Law, Director of Scientific-Research Institute of State and Law named after G. Sapargaliyev, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Umantsiv Yu.N., Doctor of Economics, Associate Professor of Kyiv National Trade and Economic University (Kiev, Ukraine)

Executive secretary:
Darchinova G.Ya.

Founder – Private educational establishment of higher professional education «Institute of Economics, Management and Law (Kazan)»

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.,
Institute of Economics,
Management and Law
(Kazan)

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal «Actual problems of economics and law» was included into Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO

Subscription for journal
through the United Catalogue
«Press of Russia»

Our index – 86303

Editor:
Varlamova A.M.

Computer lead out:
Karimova S.A.

Cover design:
Morozova E.N

Translator:
PhD (Pedagogics),
member of the Republic
of Tatarstan Translators' Guild
Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
Registration certificate:
ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.
Distribution area: Russian Federation

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 14.11.14. Order № 52/14

© Publishing House «Poznanie», 2014

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Диалектика противодействия коррупции	
<i>Л. С. Леонтьева, Л. Ф. Гайнуллина.</i> Коммуникативные технологии реализации антикоррупционной политики (на англ. и рус. яз.).....	5
<i>Н. В. Ванюхина, А. И. Скоробогатова, Ф. А. Саглам.</i> Проблема антикоррупционного взаимодействия субъектов образовательного процесса.....	15
<i>Л. Н. Буланова.</i> Антикоррупционное образование студентов средствами профессионально-ориентированного иностранного языка (на примере имитационного моделирования в рамках темы «Контракт»).....	20
<i>В. В. Васина, Р. Г. Халитов.</i> Персональная или социальная идентичность в реформировании образования: коррупция или инновация.....	26
<i>А. А. Иванова.</i> Стратегия противодействия коррупции.....	34
<i>П. А. Кабанов.</i> Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание.....	42
<i>Д. В. Манушин.</i> Административные барьеры в российской экономике как условия, способствующие существованию коррупции, и меры по их устранению.....	52
<i>А. Б. Марданов.</i> Сравнительно-криминологическое исследование личности коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп.....	61
<i>В. В. Сверчков.</i> Актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям.....	67
<i>А. И. Сидоренко.</i> Правовая неопределенность как средство ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок.....	76
<i>Е. Л. Яковлева.</i> Осмысляя коррупцию как социальное явление: философский аспект проблемы.....	83
<i>З. С. Якупов.</i> Теоретические вопросы и практические аспекты налогового механизма противодействия коррупции.....	90
Экономика и управление народным хозяйством	
<i>Т. Г. Антропова.</i> Институт интеллектуальной собственности как фактор развития национальной инновационной системы.....	97
<i>М. Г. Ахмадеев.</i> О мерах по обеспечению конкурентоспособности сельского хозяйства в условиях присоединения России к ВТО.....	103
<i>О. А. Баландина.</i> Новый взгляд на методы оценки эффективности инновационного развития предприятия с учетом экологического аспекта.....	109
<i>И. И. Болотов.</i> Экономическое развитие Чешской Республики в 2004–2013 годах с акцентом на привлечение иностранного капитала и качество предпринимательской среды.....	116
<i>И. А. Бондаренко.</i> Условия и источники благополучия домашних хозяйств в России: региональный аспект.....	126
<i>Н. Е. Булетова.</i> Эколого-экономическое развитие регионов России через призму экологической грамотности населения.....	133
<i>Л. В. Воронцова, А. Т. Попова.</i> Эффективный инструментарий для оптимизации процессов развития и укрепления межрегиональных и международных коммуникаций.....	141
<i>Р. Е. Мансуров.</i> О состоянии сахарных заводов Татарстана и перспективах их развития.....	147
<i>В. Ю. Маслихина.</i> Роль и влияние региональных институтов развития на экономику регионов России.....	153
<i>Т. Н. Маслова, Г. Г. Суспицына, Е. В. Холопенкова.</i> Основной капитал и проблемы его воспроизводства в Северо-Кавказском регионе.....	161
<i>Е. С. Пучкина, А. С. Сусская.</i> Способы финансирования развития транспортной инфраструктуры на региональном уровне.....	170
<i>Л. М. Рабинович, Е. П. Фадеева.</i> Инвестиционному процессу – научное управление.....	175
<i>Н. Х. Садекова.</i> Место кластера в структуре региональной экономики: сравнительная характеристика Нижегородской области и Республики Татарстан.....	183
<i>В. В. Шнайдер, Л. А. Коростелева.</i> Теоретические аспекты механизма ценообразования в современных условиях ведения бизнеса.....	190
<i>О. Н. Ярыгин, А. А. Коростелев.</i> Системная динамика как основа современной управленческой компетентности.....	196
Мировая экономика	
<i>А. И. Зайнагулдинова.</i> Современное состояние и перспективы многосторонних торговых переговоров дохийского раунда.....	206
Финансы, денежное обращение и кредит	
<i>Р. Р. Яруллин.</i> Реализация программно-целевого формирования бюджетов субъектов Российской Федерации.....	215
Гражданское право	
<i>Л. Р. Комарова.</i> К вопросу о критериях дифференциации ответственности за совершение административных правонарушений и неосторожных преступлений.....	222
<i>З. К. Кондратенко, Н. С. Мустакимов.</i> Особенности межотраслевых связей гражданского, земельного и градостроительного права в области регулирования отношений по строительству объектов недвижимости.....	229
<i>Н. А. Юценко.</i> Проблемы разграничения понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг».....	236
Международное публичное право	
<i>В. В. Богатырева.</i> Место и роль международной деятельности субъектов федераций в современном мире.....	242
<i>М. Э. Кандель.</i> Реализация права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны, выраженного в нормах Европейской социальной хартии и в праве ЕС и РФ.....	249
Теория и история права и государства	
<i>А. В. Скоробогатов.</i> Конституционное правопонимание как интегральная правовая доктрина.....	258
Уголовное право и криминология	
<i>Э. П. Мельник.</i> Международно-правовые основы дифференциации производства по делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства.....	267
<i>А. Х. Миндагулов.</i> Спорные положения нового уголовного кодекса Республики Казахстан.....	273
<i>С. Г. Ольков.</i> Юрико-математическая модель системы права, правоотношений и юридической ответственности.....	279
<i>А. Л. Репецкая, Ю. В. Зырянова.</i> Технологии восстановительного правосудия как мера специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи.....	286
<i>А. Ю. Шапошников.</i> Криминологический и уголовно-правовой анализ мошенничества, совершаемых с использованием компьютерных вирусов.....	293
Гражданский процесс	
<i>В. В. Оганесян.</i> Гражданско-процессуальные вопросы применения оснований безоговорочной и обязательной отмены судебных актов на стадии апелляции в Республике Армения.....	298
<i>Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права».....</i>	305
<i>Требования к оформлению рукописей.....</i>	306
<i>Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права».....</i>	306
<i>Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.).....</i>	307
<i>Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.).....</i>	308
<i>Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.).....</i>	308

Contents

The dialectics of anti-corruption	
<i>L.S. Leontyeva, L.F. Gainullina.</i> Communicative technologies of anti-corruption policy implementation (in English and Russian)5	
<i>N. V. Vanyukhina, A. I. Skorobogatova, F. A. Saglam.</i> Anti-corruption interaction of the subjects of educational process15	
<i>L. N. Bulanova.</i> Anti-corruption education by means of professionally-oriented foreign language (on the example of imitation modelling on “Contract” topic)20	
<i>V. V. Vasina, R. G. Khalitov.</i> Personal or social identity in reforming education: corruption or innovation26	
<i>A. A. Ivanova.</i> Strategy of corruption counteraction34	
<i>P. A. Kabanov.</i> Anti-corruption education as a means of corruption counteraction: notion and content42	
<i>D. V. Manushin.</i> Administrative barriers in the Russian economy as the conditions promoting corruption, and measures for their elimination52	
<i>A. B. Mardanov.</i> Comparative-criminological research of personality of corruption criminals, convicted for bribery and commercial subornation61	
<i>V. V. Sverchkov.</i> Topical issues of corruption counteraction67	
<i>A. I. Sidorenko.</i> Legal uncertainty as a means of competition limitation in the sphere of state and municipal purchases76	
<i>E. L. Yakovleva.</i> Interpreting corruption as a social phenomenon: philosophic aspect of the problem83	
<i>Z. S. Yakupov.</i> The oretical issues and practical aspects of tax mechanisms of corruption counteraction90	
Economics and economic management	
<i>T. G. Antropova.</i> Intellectual property institution as a factor of national innovative system development97	
<i>M. G. Akhmadeyev.</i> On the measure stop rovide competitiveness of agriculture under Russia’s joining the WTO103	
<i>O. A. Balandina.</i> A new approach to evaluation techniques of an enterprise innovative activity taking into account the ecology aspect109	
<i>I. I. Bolotov.</i> Economic development of Czech Republic in 2004–2013 in the aspect of foreign capital and quality of entrepreneurship environment116	
<i>I. A. Bondarenko.</i> Conditions and sources of households’ well-being in Russia: regional aspect126	
<i>N. E. Buletova.</i> Ecological-economic development of the Russian regions through ecological literacy of the population133	
<i>L. V. Vorontsova, A. T. Popova.</i> Efficient tools for optimization of the processes of developing and strengthening inter-regional and international communications141	
<i>R. E. Mansurov.</i> On the condition of sugar plants in Tatarstan and prospects of their development147	
<i>V. Yu. Maslikhina.</i> The role and influence of regional development institutions on the economy of the Russian regions153	
<i>T. N. Maslova, G. G. Suspitsina, E. V. Kholopenkova.</i> Capital assets and problems of their reproduction in North-Caucasus Region161	
<i>E. S. Puchkina, A. S. Susskaya.</i> Means of financing the transport infrastructure development at region al level170	
<i>L. M. Rabinovich, E. P. Fadeyeva.</i> Scientific management for investment process175	
<i>N. Kh. Sadekova.</i> The place of a cluster in the structure of regional economy: comparative characteristics of Nizhniy Novgorod Region and Tatarstan Republic183	
<i>V. V. Shnaider, L. A. Korosteleva.</i> The oretical aspects of the price-forming mechanism under modern business conditions190	
<i>O. N. Yarygin, A. A. Korostelev.</i> Systemic dynamics as the basis of modern managerial competence196	
World economy	
<i>A. I. Zainagutdinova.</i> Modern state and prospects of multilateral trade negotiations of doha round206	
Finance, monetary circulation and credit	
<i>R. R. Yarullin.</i> Implementation of program-objective forming of budgets of the Russian Federation subjects215	
Civil law	
<i>L. R. Komarova.</i> On the criteria of differentiating liability for administrative breaches of law and undeliberate crimes222	
<i>Z. K. Kondratenko, N. S. Mustakimov.</i> Features of inter-sectoral links in civil, land and town-planning law in the sphere of regulation the relations in real estate objects’ construction229	
<i>N. A. Yushchenko.</i> Distinguishing between the notions of “commercial concession” and “franchising”236	
International public law	
<i>V. V. Bogatyryov.</i> Place and role of international activity of federation subjects under modern conditions242	
<i>M. E. Kandel.</i> Implementation of the right for profitable activity on the territory of any other third party, expressed in the norms of European Social Charter and in the EU and RF laws249	
Theory and history of law and state	
<i>A. V. Skorobogatov.</i> Constitutional law interpretation as an integral legal doctrine258	
Criminal law and criminology	
<i>E. P. Mel’nik.</i> International-legal bases of differentiation in cases of terrorist crimes, as well as infringing the safety of aviation flights and sea navigation267	
<i>A. Kh. Mindagulov.</i> Disputable provisions of the new criminal code of Kazakhstan Republic273	
<i>S. G. Ol’kov.</i> Juridical-mathematical model of the system of law, legal relations ad legal liability279	
<i>A. L. Repetskaya, Yu. V. Zyryanova.</i> Techniques of rehabilitation justice as a means of special-criminological prevention of violent crimes against under-aged family members286	
<i>A. Yu. Shaposhnikov.</i> Criminalistic and criminal-legal analysis of fraud committed with computer viruses1293	
Civil procedure	
<i>V. V. Oganesyanyan.</i> Civil-procedural issues of applying the grounds for unconditional and obligatory withdrawal of legal acts at the stage of appeal in the Republic of Armenia298	
<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal</i> 305	
<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal</i> 306	
<i>The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal</i> 306	
<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)</i> 307	
<i>The requirements to manuscript appearance (in English)</i> 308	
<i>Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)</i> 308	

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

UDK 316:343.9:328.185

L. S. LEONTYEVA,

PhD (Philosophy), Associate Professor

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia,

L. F. GAINULLINA,

PhD (Philosophy), Associate Professor

Kazan State University for Architecture and Construction, Kazan, Russia

COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES OF ANTI-CORRUPTION POLICY IMPLEMENTATION

Objective: to research the scale, segment directions, genre and technical diversity of the demanded social-communicative technologies in the process of anti-corruption policy implementation.

Method: social-communicative method, based on the research of authority and communications phenomenon studied in the works by N. Luhmann and J. Habermas.

Results: Basing on sociological data of international, federal and regional research, the authors state the population dissatisfaction with the results of anti-corruption policy of the state, the demand for transition from declaration of the principle of authorities' transparency to the open data and to broadening the social corruption counteraction initiated by the citizens.

Scientific novelty: The main status subjects and objects in the field of corruption crimes and anti-corruption policy are defined; the efficiency is analyzed of various forms of communicative technologies initiated by the authorities and the civil society.

Practical value: To solve the revealed problems in the sphere of informative-media provision of anti-corruption measures, it is proposed to implement integrative communicative technologies to prevent and eliminate the corruptive factors and circumstances.

Key words: communicative technologies; corruption; anti-corruption policy; mass media; authority transparency; state-civil communications; "corruption formula"; informative-media means; federal legislation; regional legislation; civil society.

Introduction

In the modern society the social communication is an effective means of solving the socially important tasks. Corruption, penetrating into all spheres of the Russian society, is a topical social problem demanding complex, systematic counteraction measures, initiated both by the state and the civil society. The objective of anti-corruption policy is not only to response to unlawful actions but "to eliminate (minimize) the causes and conditions which generate and nourish corruption", by the President of "Indem" Fund and "Anti-corruption" Public Union G. A. Satarov [1, p. 39]. To accomplish the task, the legal and organizational measures should be accompanied by adequate social communications. When studying the scale, segment directions, genre and technical diversity of the demanded social-communicative technologies in the process of anti-corruption policy implementation, the authors implemented the social-

communicative approach based on the methodology by J. Habermas and N. Luhmann, as well as the "corruption formula" formulated by R. Klitgaard.

Research results

Social-communicative technologies are defined by the researchers as "purposeful activity of managing a social subject's communication, aimed at solving a socially-significant task" [2]. The object of communicative technologies is human consciousness and behavior, forming the anti-corruption mentality-action of citizens based on both traditional information-media means and modern information-communicative technologies (further referred to as ICT). The direction on forming the intolerance towards corruptive behavior is translated by federal and regional legislators, specifying the information-communicative measures and methods: provision of mass media independence, publicity and informative transparency of state au-

thorities; citizens' access to information; development of public control institutions; implementation of anti-corruption expertise and monitoring; anti-corruption education and propaganda, etc.

For the oretical proves of the topical directions and communicative technologies of forming the anti-corruption outlook and behavior, basing on legal norms, we should turn to the "Formula of corruption" discovered by an American researcher R. Klitgaard: "Corruption = Monopoly + Freedom of action – accountability" [3]. As counter to the constitutional division of powers, the state in Russia is privatized by the officials, the main status player in the field of corruptive crimes are the state executive bodies, the administrative-political elite. The "monopoly" in power and information plus "freedom of action" "at discretion", not limited by the court and legislation power minus "accountability" presuming transparency of power, public control and independent mass media. The result of this arithmetic is "SEB", i.e. state executive bodies, the Russian power elite. This interpretation of the formula referring to the Russian reality is confirmed by the results of sociological research of various levels. In the global rating Transparency International-2013, which estimated the level of corruption among state servants and politicians, Russia occupied the 127th position out of 177¹. In the opinion of the Russians, the officials (74 %) are the most corrupted social group, alongside with the police (66 %), court and parliamentary systems (59 % and 54 % accordingly)². In the opinion of the Tatarstan citizens, the main cause of corruption is the lack of control over the officials' actions, their income and expenses (43,5 %) and the possibility to make individual decisions by the officials (31,1 %)³.

Thus, the administrative-political elite is the main object at which the modern anti-corruption social technologies should be aimed. At the same time, it

is this actor that is the main status subject of forming and implementing the anti-corruption policy, i.e. selection of information from the point of view of both its content and the technologies in use.

The cause of this pathology of the system which permits such deviant behavior of "state servants" (by R. Klitgaard) is the monopoly and permissiveness with lack of control. Control and accountability of the ruling subject presume the developed state-civil communications, participation of citizens in the politics and making state decisions. However, it is the undeveloped civil society and lack of public control that become the causes of corruption, according to 31 % of respondents from Tatarstan Republic⁴. To achieve the social optimum, the political will of the ruling subject is demanded, its transparency and motivated social activity of the citizens. The transparency of power is the work of the modern government in "open data" regime, with accessible communicative channels for the citizens. The social-communicative activity of the citizens is revealed both vertically – that is participation of the civil society structures in preparation, adopting and control over execution of the power decisions; and horizontally – that is forming (collecting and analyzing) and distributing of the socially important information of anti-corruption orientation.

Thus, the most innovative information-communicative method of power transparency provision and creating the reliable mechanism of "feedback" with population is the Open government. The open information not only serves as a preventive anti-corruption measure but creates conditions for revealing the existing facts illegal activity. Within the frameworks of the Open government of the Russian Federation, the "Open Tatarstan" system⁵ is being formed, which will comprise 4 blocks: "Electronic services" (138 state services), "People's control" (has been functioning since 2012), "Electronic petitions" and "Accountability of Departments". The new regional portal is going to render open information on 24 sectors, 26 ministries and departments. To reduce corruptive pathologies, the following criteria of the power transparency will be taken into account: availability of socially-significant services, access to necessary information and participation in the governing of the region, i.e. the expertise

¹ Corruption Perceptions Index, 2013. Transparency International, available at: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (accessed: 01.10.2014)

² The corruption will be conquered not by the government, but by the citizens. Barometer of the global corruption-2013. Transparency International, available at: <http://www.transparency.org.ru/barometr-mirovoi-korruptcii/korruptciiu-pobedit-ne-pravitelstvo-a-grazhdane> (accessed: 01.10.2014)

³ General report on the state of corruption and anti-corruption policy implementation in Tatarstan Republic in 2013, available at: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (accessed: 01.10.2014)

⁴ Ibid.

⁵ <http://open.gov.ru/infopotok/5509068/> (accessed: 01.10.2014)

of state orders, elaboration of legal acts, estimation of the efficiency of the officials' activity.

The electronic-communicative environment in its modern form offers the official web-sites of power bodies to the citizens. Openness of various categories of information varies greatly in different regions. The monitoring of official sites of executives bodies of various RF subjects, carried out by the Freedom of Information Fund in 2013, showed that only 49,4 % of Federation subjects had the freely accessible plan for corruption counteraction⁶, including the site of the Tatarstan government. The information is added to the Tatarstan official sites is carried out not spontaneously, but in accordance with the "General requirements" for allocating information on corruption counteraction.

The actions of the authorities in the Internet are complemented by the mobilizing Internet-activity of the citizens: 81 % of respondents, according to Transparency International, are ready to distribute data about corruption via social networks⁷. The competent using of the open sources of information (site of state purchases, data of the Russian Register Agency, declarations of incomes and expenses of the officials) allowed the civil activists to launch a number of anti-corruption projects in the Internet. With the support of "Civil Initiatives Committee", the Center for anti-corruption Research of Transparency International – Russia created the largest replenished database on the incomes of deputies, officials, and representatives of regional authorities and other state bodies⁸. "The Declarator" accumulates data and makes them public. An even larger project of public control is connected with the anti-corruption activity of a non-profit organization "Fund for Struggle against Corruption". The directions of research carried out by the Fund are varied. Elimination of corruption in state orders is realized in "RosPil" project: in 2011–2013 417 claims were submitted, out of which 285 are grounded, 40 tenders for the total of 9.32 bln roubles were completely eliminated⁹. Thus,

the civil virtual initiative is tangibly beneficial for the state budget. A similar project is initiated in Tatarstan: a blogger T. Timurshin announced the formation of Interregional public organization "Anti-corruption"¹⁰, whose informative-legal support will be provided by "Yopolis" portal.

Admitting the promising character of network projects, it should be born in mind that, according to Levada-Center, 32 % of the Russian never use the Internet¹¹ [4]. That is why it is quite logical that mass media is the priority source of information about the Tatarstan authorities: newspapers, television, radio (77–78%)¹². In accordance with Art. 12 of the Law "On corruption counteraction in Tatarstan Republic"¹³, the system of state orders and grants stimulates anti-corruption propaganda in electronic and printed mass media of the Republic. The mass media should lead "the enlightenment work in the society concerning the issues of corruption counteraction in all revelations, up-bringing of the sense of civil responsibility for the anti-corruption programs implemented, strengthening trust in authorities". Consequently, more than a half of Tatarstan respondents know about anti-corruption propaganda in mass media – 57 %¹⁴. By the initiative or with participation of heads of state bodies, 1358 materials on corruption were published. Of them: 163 television items, 185 printed materials, 269 materials on sites of electronic newspapers and Internet portals, 741 materials in regional mass media¹⁵. Thus, the anti-corruption informative measures comprise the whole technologically available range of the modern

Report on the Fund activity for 2011–2012, available at: <http://rospil.info/> (accessed: 01.10.2014)

¹⁰ <http://yopolis.ru/union/timeline/37723> (accessed: 01.10.2014)

¹¹ Struggle against corruption: approaching the goal step by step? WCIOM: press-release, available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113912> (accessed: 01.10.2014)

¹² General report on the state of corruption and anti-corruption policy implementation in Tatarstan Republic in 2013, available at: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (accessed: 01.10.2014)

¹³ On corruption counteraction in Tatarstan Republic: Federal Law № 34-ZRT of 4 May 2006 (with amendments by 19 January 2010), available at: <http://docs.cntd.ru/document/917021022> (accessed: 01.10.2014)

¹⁴ General report on the state of corruption and anti-corruption policy implementation in Tatarstan Republic in 2013, available at: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (accessed: 01.10.2014)

¹⁵ Ibid.

⁶ Results of monitoring of official sites of the higher executive state bodies of the RF subjects: Freedom of Information Fund 2013, available at: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2727> (accessed: 01.10.2014)

⁷ General report on the state of corruption and anti-corruption policy implementation in Tatarstan Republic in 2013, available at: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (accessed: 01.10.2014)

⁸ <http://declarator.org/> (accessed: 01.10.2014)

⁹ Report on the Fund activity for 2013, available at: <http://report.fbki.info/> (accessed: 01.10.2014).

means of mass communication. The traditional means of state anti-corruption propaganda include public events and contests, well-known since Soviet times, including those for mass media. In Tatarstan they are as follows: annual Republican Contest “Corruption: journalist’s view”, annual Anti-corruption marathon, which is a set of propaganda events timed to International Anti-corruption Day.

The quality and quantity of information on anti-corruption events in the local mass media in 2013 is estimated by the population as follows: 39,6 % respondents think that the information is complete enough, 35,1 % think that there is a lot of information, but it does not cover all aspects of the problem¹⁶. In general, 74,7 % of the respondents evaluate the information of anti-corruption orientation in the local mass media as sufficient. With the account of federal and Republican newspapers, in which the quantity and quality of information is evaluated even higher (85,6 % and 85 % accordingly), we can conclude that the region obtains full information on the subject.

Despite that fact, from 12 % to 23 % respondents are not satisfied with the media coverage of anti-corruption activity¹⁷, which actualizes the demand for varied communicative technologies of corruption counteraction. This is the trend of “Bez problem” (No problems) anti-corruption independent newspaper of Tatarstan Republic (Chistopol)¹⁸. With a small circulation (3000 copies) and local (in several regions) distribution, the newspaper makes an attempt to implement an independent public information policy on the issue of anti-corruption.

A similar policy is implemented by a specialized on-line periodical “The First Anti-corruption Mass Media”¹⁹. The goal proclaimed by the founder (Inter-regional public organization for promotion of state management improving and anti-corruption policy “Sodeystviye” (Promotion)) is professional information support of anti-corruption policy. The Editorial staff makes journalist’s investigations, renders information support to entrepreneurs and law-enforcement bodies, publishes facts and corruptive schemes. Successfully building state-civil communications, the periodical is an expert media site for the issues of corruption counteraction.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ <http://gazetabezproblem.ru/> (accessed: 01.10.2014)

¹⁹ <http://pasm.ru> (accessed: 01.10.2014)

Thus, the attention of the authorities and the civil society to anti-corruption problem increases; the struggle is carried out in both real and virtual spaces, with both traditional and innovative communicative technologies. However, the international, all-Russia and Republic polls show dissatisfaction of the population with the anti-corruption policy.

According to Transparency International, only 5 % of the polled Russians consider the anti-corruption efforts of the government to be efficient, and no one marked the policy as “very efficient”²⁰. This low evaluation was made in 2012–2013, when media-space was filled with celebrated investigations which, however, did not influence the level of authorities’ activities legitimation.

According to WCIOM research²¹, the share of the Russians who think that the governmental anti-corruption policy is inefficient is larger than the share of those who marks positive trends (52 % and 45 % accordingly).

The results of anti-corruption monitoring of Tatarstan Republic in 2013 show, that the majority of respondents (52,7 %) think that the measures taken by the state can only partially reduce the corruptive crimes²².

Conclusions

The low estimation of the anti-corruption policy efficiency proves that the society demands a transition from declaring the principle of power transparency towards open data, public participation initiated by the citizens and horizontal communication. Implementation of the right for information access and for participation in the free information exchange launches not only information but all other mechanisms of preventing and eliminating corruptive factors and circumstances.

Thus, the main directions of anti-corruption policy information support in Russia should be concentrated on the intensive development of the following social-communicative technologies:

²⁰ Corruption Perceptions Index, 2013. Transparency International, available at: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (accessed: 01.10.2014)

²¹ Struggle against corruption: approaching the goal step by step? WCIOM: press-release, available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113912> (accessed: 01.10.2014)

²² General report on the state of corruption and anti-corruption policy implementation in Tatarstan Republic in 2013, available at: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (accessed: 01.10.2014)

- Services of the Open government;
- Independent mass media of anti-corruption orientation;
- anti-corruption communities of civil activists in social networks;
- motivation of the journalists through the system of contests and grants provided by state and non-state funds;
- social advertisement of anti-corruption themes.

Thus, optimization of anti-corruption system of public communications requires complex social-communicative technologies, integrating information-communicative, media, advertising, reflexive-motivational and PR approaches.

References

1. Sattarov, G.A. Antikorruptsionnaya politika (Anti-corruption policy). Moscow: Fond INDEM, RA «SPAS», 2004, available at: <http://www.indem.ru/corrupt/Uc2004/Glava6.pdf> (accessed: 01.10.2014)
2. Gavra, D.P. Sotsial'no-kommunikativnye tekhnologii: sushchnost', struktura, funktsii (Social-communicative technologies: essence, structure, functions), available at: <http://jarki.ru/wpress/2010/02/28/937/> (accessed: 01.10.2014).
3. Klitgaard, R. Gifts and Bribes / Zeckhauser R.I. (eds) Strategy and Choice. Cambridge: MIT Press, 1991.
4. Volkov, D., Goncharov, S. Rossiiskii media-landshaft: televidenie, pressa, internet (Russian media-landscape: television, press, internet), available at: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada_report_media_0.pdf (accessed: 01.10.2014)

Received 22.09.14

© Leontyeva L. S., Gainullina L. F., 2014

Information about the authors

Leontyeva Lyudmila Stanislavovna, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Chair of State and Municipal Government of the Institute of Management and Territorial Development, Kazan (Volga) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420000, Kazan, tel.: (843) 231-54-66
E-mail: ls13@yandex.ru

Gainullina Liliana Faibergovna, PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Philosophy Chair, Kazan State University for Architecture and Construction
Address: 1 Zelyonaya Str., 420043, Kazan, tel.: (843) 510-46-24
E-mail: lianagai@yandex.ru

How to cite the article: Leontyeva L.S., Gainullina L.F. Communicative technologies of anti-corruption policy implementation. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 5–14.

УДК 316:343.9:328.185

Л. С. ЛЕОНТЬЕВА,

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,

Л. Ф. ГАЙНУЛЛИНА,

кандидат философских наук, доцент

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Цель: исследование масштаба, сегментарной направленности, жанрового и технического разнообразия востребованных социально-коммуникативных технологий в процессе реализации антикоррупционной политики.

Метод: социально-коммуникативный, опирающийся на исследования феномена власти и коммуникаций в работах Н. Лумана и Ю. Хабермаса.

Результаты: На основе социологических данных международных, федеральных, региональных исследований констатирована неудовлетворенность населения результатами проводимой государством антикоррупционной политики, востребованность перехода от декларативности принципа прозрачности власти к открытым данным, к расширению, инициированного гражданами, общественного противодействия коррупции.

Научная новизна: Определены основные статусные субъекты и объекты на поле коррупционных правонарушений и антикоррупционной политики, проанализирована эффективность функционирования различных форм коммуникативных технологий, инициированных властью и гражданским обществом.

Практическая значимость: Для решения выявленных проблем в области информационно-медийного обеспечения антикоррупционных мероприятий предложены интегративные коммуникативные технологии, способствующие предупреждению и устранению коррупциогенных факторов и обстоятельств.

Ключевые слова: коммуникативные технологии; коррупция; антикоррупционная политика; средства массовой информации; открытость власти; государственно-гражданские коммуникации; «формула коррупции»; информационно-медийные средства; федеральное законодательство; региональное законодательство; гражданское общество.

Введение

В современном обществе социальная коммуникация является действенным средством для решения социально значимых задач. Коррупция, пронизывающая все сферы жизнедеятельности российского общества, – это актуальная социальная проблема, требующая комплексных, систематических мер противодействия, инициированных как государством, так и гражданским обществом. Цель антикоррупционной политики – не только реагирование на противоправные действия, но и «устранение (минимизация) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию», – утверждает президент Фонда «Индем» и Общественного союза «Антикоррупция» Г. А. Сагаров [1, с. 39]. Для решения данной проблемы правовые и организационные методы противодействия должны дополняться и сопровождаться адекватными социальными коммуникациями. В ходе исследования масштаба, сегментарной направленности, жанрового и технического разнообразия востребованных социально-коммуникативных технологий в процессе реализации антикоррупционной политики авторы опирались на социально-коммуникативный подход, основывающийся на методологии Ю. Хабермаса и Н. Лумана, а также на «формулу коррупции», выведенную Р. Клитгаардом.

Результаты исследования

Социально-коммуникативные технологии определяются исследователями как «целенаправленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией социального субъекта, направленная на решение какой-либо социально-значимой задачи» [2]. Объектом коммуникативных технологий является сознание и поведение человека, формирование антикоррупционного мышле-действия граждан на базе как традиционных информационно-медийных средств, так и с использованием современных

информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ). Установка на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению транслируется федеральным и региональным законодателем с уточнением конкретных информационно-коммуникативных мер и методов: обеспечение независимости СМИ, публичности и информационной открытости органов государственной власти, доступа граждан к информации, развитие институтов общественного контроля, применение антикоррупционной экспертизы, мониторинга, антикоррупционное образование и пропаганда и др.

Базируясь на законодательных нормах, в качестве теоретического обоснования актуальных направлений и коммуникативных технологий формирования антикоррупционного мировоззрения и поведения следует обратиться к «Формуле коррупции», выведенной американским ученым Р. Клитгаардом: «Коррупция = Монополия + + Свобода действий – Подотчетность» [3]. Учитывая, что в нарушение конституционного положения о разделении властей, государство в России приватизировано чиновниками, то основным статусным игроком на поле коррупционных правонарушений являются органы государственной исполнительной власти, административно-политическая элита. «Монополия» на власть, на информацию плюс «свобода действий» «по усмотрению», не ограниченному судебной и законодательной властью минус «подотчетность», предполагающая открытость власти, общественный контроль, независимые СМИ. Итог арифметических действий в условном уравнении – «ИОГВ», т. е. исполнительные органы государственной власти, российская властная элита. Подобное прочтение и отнесение данной формулы к российской действительности подтверждается результатами социологических исследований разных уровней. В глобальном рейтинге Transparency International-2013, оценивающим

степень распространенности коррупции среди госслужащих и политиков, Россия заняла 127 место из 177¹. По мнению самих россиян, именно чиновники (74 %) относятся к крайне коррумпированным социальным группам, наряду с полицией (66 %), судебной и парламентской системой (59 % и 54 % соответственно)². По мнению жителей Республики Татарстан, основной причиной коррупции является недостаточно строгий контроль над действиями чиновников, их доходами и расходами (43,5 %) и возможность принятия единоличного решения должностными лицами (31,1 %)³.

Таким образом, административно-политическая элита представляет собой основной объект, на который должны быть направлены современные антикоррупционные социальные технологии. В тоже время именно этот актор является основным статусным субъектом формирования и реализации антикоррупционной политики, а значит, и селекции информации как с точки зрения содержания, так и используемых технологий.

Причина подобной патологии системы, допускающей девиантное поведение «государевых слуг» (по Р. Клитгаарду) – это монополия и вседозволенность при отсутствии контроля. Контроль и подотчетность властвующего субъекта предполагают наличие развитых государственно-гражданских коммуникаций, участие граждан в политике и принятии государственных решений. Однако именно неразвитость гражданского общества и отсутствие общественного контроля выступают причинами коррупции, по мнению 31 % респондентов Республики Татарстан⁴. Для достижения социального оптимума востребована политическая воля властвующего субъекта, его открытость и мотивированная социальная активность граждан.

¹ Corruption Perceptions Index, 2013. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (дата обращения: 01.10.2014)

² Коррупцию победит не правительство, а граждане. Барометр мировой коррупции-2013. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org/ru/barometr-mirovoi-korruptcii/korruptciiu-pobedit-ne-pravitelstvo-a-grazhdane> (дата обращения: 01.10.2014)

³ Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 г. URL: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

⁴ Там же.

Открытость власти – это работа современного правительства в режиме «открытых данных» при доступности каналов коммуникации для населения. Социально-коммуникативная активность граждан проявляется как по вертикали – это участие структур гражданского общества в подготовке, принятии и контроле исполнения властных решений; так и по горизонтали – это создание (сбор, анализ) и распространение общественно значимой информации антикоррупционной направленности.

Исходя из этого, самый инновационный информационно-коммуникационный метод обеспечения прозрачности власти и создания надежного механизма «обратной связи» с населением – это Открытое правительство. Таким образом, открытая информация является не только превентивной антикоррупционной мерой, но и создает условия для выявления уже существующих фактов противоправной деятельности. В рамках Открытого правительства Российской Федерации формируется система «Открытый Татарстан»⁵, которая совместит в себе 4 блока: «Электронные услуги» (138 государственных услуг), «Народный контроль» (функционирует с 2012 г.), «Электронные петиции» и «Отчетность ведомств». Предполагается, что новый региональный портал предоставит населению открытую информацию по 24 отраслям, 26 министерствам и ведомствам. С целью снижения коррупциогенных патологий, в качестве критериев открытости российской власти предполагается учитывать: доступность получения социально-значимых услуг, узнаваемость необходимой информации и участие в управлении регионом, т. е. экспертиза госзакупок, разработка законопроектов, оценка эффективности работы чиновников.

Электронно-коммуникационная среда в ее нынешнем виде предлагает гражданам официальные сайты органов власти. Открытость разных категорий информации очень неоднородна и варьируется по регионам. Мониторинг официальных сайтов высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, проведенный Фондом свободы информации в 2013 г., показал, что план-программа мероприятий по противодей-

⁵ URL: <http://open.gov.ru/infopotok/5509068/> (дата обращения: 01.10.2014)

ствию коррупции в открытом доступе есть только у 49,4 % субъектов федерации⁶, включая сайт Правительства Республики Татарстан. При этом информационная наполняемость татарстанских официальных сайтов осуществляется не стихийно, а в соответствии с «Едиными требованиями» размещения информации по вопросам противодействия коррупции.

Действия власти в интернет-пространстве дополняются мобилизующей интернет-активностью граждан: 81 % опрошенных, по данным Transparency International, готовы распространять информацию о коррупции через социальные сети⁷. Грамотное использование открытых источников информации (сайт госзакупок, данные Росреестра, декларации о доходах и расходах чиновников) позволило гражданским активистам запустить в сети ряд антикоррупционных проектов. При поддержке «Комитета гражданских инициатив» Центром антикоррупционных исследований Transparency International – Russia создана самая крупная пополняемая база данных о доходах депутатов, чиновников и представителей региональной власти и иных государственных органов⁸. «Декларатор» аккумулирует сведения и делает их общедоступными. Еще более масштабный проект осуществления общественного контроля связан с антикоррупционной деятельностью НКО «Фонд борьбы с коррупцией». Направления расследований, которые ведет Фонд, основанный А. Навальным, многообразны. Пресечение коррупции в госзакупках реализуется в рамках проекта РосПил: за 2011–2013 гг. отправлено 417 жалоб, из которых обосновано 285, полностью отменено 40 тендеров на общую сумму 9,32 млрд рублей⁹. Таким образом, граждан-

ская виртуальная инициатива приносит весьма ощутимую пользу государственному бюджету. Аналогичный проект инициирован в Татарстане: блогер Т. Тимуршин объявил о создании Межрегиональной общественной организации «Антикоррупция»¹⁰, информационно-правовую поддержку которой готов предоставить портал «Йополис».

При всей перспективности сетевых проектов, следует учитывать, что 32 % россиян, по данным Левада-Центра, никогда не выходят в Сеть¹¹ [4]. Поэтому вполне логично, что приоритетным источником информации о деятельности власти для населения Республики Татарстан являются СМИ: газеты, телевидение, радио (77–78%)¹². В соответствии со ст. 12 Закона «О противодействии коррупции в Республике Татарстан»¹³ система государственных заказов и грантов стимулирует антикоррупционную пропаганду в электронных и печатных СМИ республики. Средства массовой информации призваны осуществлять «просветительскую работу в обществе по вопросам противостояния коррупции в любых ее проявлениях, воспитание в населении чувства гражданской ответственности за судьбу реализуемых антикоррупционных программ, укрепление доверия к власти». Как следствие, об антикоррупционной пропаганде в СМИ знают больше половины татарстанских респондентов – 57 %¹⁴. По инициативе или при участии руководителей органов власти в СМИ республики опубликовано 1358 материалов на тему коррупции. Из них: 163

¹⁰ URL: <http://yopolis.ru/union/timeline/37723> (дата обращения: 01.10.2014)

¹¹ Борьба с коррупцией: шаг за шагом приблизимся к цели? // ВЦИОМ: пресс-выпуск. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113912> (дата обращения: 01.10.2014)

¹² Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 г. URL: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

¹³ О противодействии коррупции в Республике Татарстан: Федеральный закон № 34-ЗРТ от 4 мая 2006 г. (с изм. на 19 января 2010 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/917021022> (дата обращения: 01.10.2014)

¹⁴ Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 г. URL: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

⁶ Результаты мониторинга официальных сайтов высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ: 2013 г. Фонд свободы информации. URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2727> (дата обращения: 01.10.2014)

⁷ Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 г. URL: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

⁸ URL: <http://declarator.org/> (дата обращения: 01.10.2014)

⁹ Отчет о работе Фонда за 2013 г. URL: <http://report.fbk.info/> (дата обращения: 01.10.2014)

Отчет о деятельности за 2011–2012 гг. URL: <http://rospil.info/> (дата обращения: 01.10.2014)

телесюжета, 185 печатных материалов, 269 – на сайтах электронных газет и интернет-порталов, 741 – в районных СМИ¹⁵, т. е. в антикоррупционных информационных мероприятиях задействован весь технологически допустимый спектр современных средств массовой коммуникации. К традиционным методам государственной антикоррупционной пропаганды относятся известные с советских времен публичные мероприятия и конкурсы, в том числе для СМИ. В Татарстане – это ежегодный республиканский конкурс «Коррупция: взгляд журналиста», ежегодный Антикоррупционный марафон, представляющий собой совокупность агитационно-пропагандистских мероприятий, приуроченных к Международному дню борьбы с коррупцией.

Качество и количество информации об антикоррупционных мероприятиях в местных СМИ за 2013 г. население оценивает следующим образом: 39,6 % респондентов считают, что информация предоставлена в необходимом объеме, 35,1 % – полагают, что информации достаточно, но она не освещает всех аспектов данной проблемы¹⁶. В совокупности, 74,7 % респондентов оценивают информацию антикоррупционной направленности, предоставляемую местными СМИ, как достаточную. С учетом газет федерального и республиканского уровня, в которых объем и качество информации оценивается еще выше (85,6 % и 85 % соответственно), можно сделать вывод об информационной насыщенности региона по данной тематике.

Несмотря на информационную насыщенность, от 12 до 23 % респондентов не удовлетворены медийным освещением антикоррупционной деятельности¹⁷, что актуализирует необходимость разнообразия коммуникативных технологий противодействия коррупции. В этом русле действует Антикоррупционная независимая газета Республики Татарстан «Без проблем» (г. Чистополь)¹⁸. Имея небольшой тираж (3000 экземпляров) и локальное (по нескольким районам) распространение, газета представляет собой попытку реализации независимой общественной

информационной политики по антикоррупционной проблеме.

Аналогичную политику реализует специализированное он-лайн издание «Первое Антикоррупционное СМИ»¹⁹. Цель, заявленная учредителем (Межрегиональная общественная организация содействия совершенствованию государственного управления и антикоррупционной политики «Содействие»), – профессиональная информационная поддержка антикоррупционной политики. Коллектив редакции проводит журналистские расследования, оказывает информационную поддержку предпринимателям, правоохранительным органам, гласности придаются факты и коррупционные схемы. Успешно выстраивая государственно-гражданские коммуникации, данное издание представляет собой экспертную медиа-площадку по проблемам борьбы с коррупцией.

Таким образом, внимание власти и гражданского общества к антикоррупционной проблеме возрастает, борьба ведется как в реальном, так и в виртуальном пространстве с использованием как традиционных, так и инновационных коммуникативных технологий. Однако международные, все-российские и республиканские социологические опросы демонстрируют неудовлетворенность населения результатами проводимой антикоррупционной политики:

По данным Transparency International, только 5 % опрошенных россиян считают эффективными антикоррупционные усилия правительства, «очень эффективной» проводимую политику не назвал никто²⁰. При этом столь низкая оценка дана в 2012–2013 гг., когда медиа-пространство было насыщено громкими следственными процессами, которые, тем не менее, не повлияли на уровень легитимации действий власти.

По исследованию ВЦИОМ²¹, доля россиян, считающих, что антикоррупционная политика правительства является неэффективной, выше

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ URL: <http://gazetabezproblem.ru/> (дата обращения: 01.10.2014)

¹⁹ URL: <http://pasm.ru> (дата обращения: 01.10.2014)

²⁰ Corruption Perceptions Index, 2013. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (дата обращения: 01.10.2014)

²¹ Борьба с коррупцией: шаг за шагом приблизимся к цели? // ВЦИОМ: пресс-выпуск. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113912> (дата обращения: 01.10.2014)

тех, кто отмечает позитивные сдвиги (52 % и 45 % соответственно).

По результатам антикоррупционного мониторинга Республики Татарстан за 2013 г., большинство респондентов (52,7 %) считают, что предпринимаемые государством меры способны лишь частично снизить коррупционные правонарушения²².

Выводы

Низкая оценка эффективности антикоррупционной политики свидетельствует о том, что обществом востребован переход от декларативности принципа прозрачности власти к открытым данным, к инициированному гражданами общественному участию и горизонтальной коммуникации. Реализация права на доступ к информации и на участие в свободном информационном обмене запускает в действие не только информационные, но все иные механизмы предупреждения и устранения коррупциогенных факторов и обстоятельств.

Исходя из этого, основные направления информационной поддержки антикоррупционной политики в России должны быть сосредоточены на интенсивном развитии следующих социально-коммуникативных технологий:

- сервисы Открытого правительства;
- независимые СМИ антикоррупционной направленности;

– антикоррупционные сообщества гражданских активистов в социальных сетях;

– мотивация журналистского сообщества через систему конкурсов и грантов, предоставляемых государственными и негосударственными фондами;

– социальная реклама антикоррупционной тематики.

Таким образом, оптимизации антикоррупционной системы публичных коммуникаций нуждается в разработке комплексных социально-коммуникативных технологий, интегрирующих в себе информационно-коммуникационные, медийные, рекламные, рефлексивно-мотивационные и PR подходы.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика / под ред. Г.А.Сагарова М.: Фонд ИНДЕМ, ПА «СПАС», 2004. URL: <http://www.indem.ru/corrupt/Uc2004/Glava6.pdf> (дата обращения: 01.10.2014)
2. Гавра Д.П. Социально-коммуникативные технологии: сущность, структура, функции. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/02/28/937/> (дата обращения: 01.10.2014)
3. Klitgaard R. Gifts and Bribes. Zeckhauser R.I. (eds) Strategy and Choice. Cambridge: MIT Press, 1991.
4. Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada_report_media_0.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

В редакцию материал поступил 22.09.14

© Леонтьева Л. С., Гайнуллина Л. Ф., 2014

Информация об авторах

Леонтьева Людмила Станиславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института управления и территориального развития, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 231-54-66
E-mail: lsl3@yandex.ru

Гайнуллина Лилиана Файберговна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет
Адрес: 420043, г. Казань, ул. Зеленая, 1, тел.: (843) 510-46-24
E-mail: lianagai@yandex.ru

Как цитировать статью: Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Коммуникативные технологии реализации антикоррупционной политики // Актуальные проблемы экономики и права. № 4 (32). 2014. С. 5–14.

²² Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 г. URL: http://ftp.prav.tatar.ru/anticor/otchet_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2014)

УДК 37:328.185

Н. В. ВАНЮХИНА,

кандидат психологических наук, доцент,

А. И. СКОРОБОГАТОВА,

кандидат педагогических наук, доцент,

Ф. А. САГЛАМ,

кандидат педагогических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРОБЛЕМА АНТИКОРРУПЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Цель: определить возможности антикоррупционного взаимодействия родителей как субъектов образовательного процесса с педагогами образовательных организаций в свете реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования.

Методы: теоретические: анализ сложившейся ситуации в практике психолого-педагогического взаимодействия участников образовательного процесса, обобщение фактов; эмпирические: беседа, анкетирование, опрос респондентов.

Результаты: на основе анализа требований Федерального государственного образовательного стандарта о всестороннем развитии и воспитании личности ребенка, возможностей вовлечения родителей обучающихся в образовательный процесс, предложены способы борьбы с коррупцией в образовательной сфере; сделан вывод о несоответствии между требованиями Федерального государственного образовательного стандарта о всестороннем развитии и воспитании личности ребенка и возможностями образовательных организаций в обеспечении условий для данного развития.

Научная новизна: Авторами выявлены явные противоречия между воспитательными целями образовательного процесса и противодействием коррупции в образовательной среде. При этом в образовательной деятельности чаще всего предпочтение отдается достижению целей антикоррупционной деятельности, которая является дополнительной, а не воспитательной основной функцией. Становится очевидным противоречие между образованием как целенаправленным процессом обучения и воспитания и управлением образовательной деятельностью.

Практическая значимость: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов организации антикоррупционных кампаний в сфере образования.

Ключевые слова: антикоррупционное взаимодействие субъектов образовательного процесса; родители как субъекты образовательного процесса; коррупция в сфере образования; Федеральный государственный образовательный стандарт; антикоррупционные кампании; Министерство образования и науки РТ; школа; детский сад; Республика Татарстан.

Введение

Недопустимость коррупции в любых сферах жизни общества и во все времена признается как в теоретических трудах ученых [1, с. 26–28; 2, с. 38–40; 3, с. 179–183], так и в опросах рядовых россиян [4]. Вместе с тем недостаточно ясен вопрос, где проходит граница между коррупционным поведением и некоррупционным обменом благами в рамках взаимопомощи и человеческого общения. В сфере образования также остаются непроясненными механизмы учебной и воспитательной деятельности, которые сделали бы данные виды работ эффективными и полностью свободными от денежных пожертвований со стороны родителей.

Федеральный государственный образовательный стандарт (далее – ФГОС), регулирующий реализацию программ образовательными организациями, имеющими государственную аккредитацию, нацелен на становление следующих личностных качеств детей¹:

- любовь к своему краю и Отечеству, уважение своего народа, его культуры, духовных и семейных традиций;
- осознание и принятие ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества;

¹ Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/543> (дата обращения: 10.11.2014)

- активность и заинтересованность в познании мира, осознание ценности труда и творчества;
- умение учиться, осознание важности самовоспитания и самообразования для жизни и деятельности, способность применять полученные знания на практике;
- уважение своих родителей и других людей;
- осознание необходимости выполнения правил здорового и экологического образа жизни, безопасного для человека и окружающей его среды.

Результаты исследования

Следует особо подчеркнуть, что ФГОС педагоги и психологи, теоретики и практики придают особую роль родителям как субъектам образовательного процесса в развитии у детей кроме вышеперечисленных, еще и базовых национальных ценностей российского общества, таких как патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, здоровье, труд и творчество, наука, традиционные религии России, искусство, природа, человечество.

Согласно ФГОС, важными условиями реализации образовательной программы, по ФГОС, является² участие родителей (законных представителей) детей в проектировании и развитии образовательной программы и условий ее реализации, а также обновление содержания образовательной программы, методик и технологий ее реализации в соответствии с динамикой развития системы образования, запросов детей и их родителей (законных представителей) с учетом особенностей развития субъектов Российской Федерации и др.

Имеющаяся в современном российском обществе дифференциация семей по уровню образования родителей, их социальному статусу, материальному достатку может рассматриваться и как отрицательный, и как положительный фактор организации образовательного процесса в школе. С одной стороны, необходимо нивелировать разницу в возможностях семей при предоставлении образования детям. С другой – достаточно высокий уровень образования родителей позволяет активно привлекать их к развитию системы

образования в конкретной образовательной организации, что позволяет обогатить образовательную среду детей данной школы. Следовательно, задача педагогов – создать условия для участия родителей в разработке индивидуальных образовательных маршрутов развития их детей, сделать родителей активными участниками образовательного процесса.

Активное участие родителей в жизни образовательной организации влияет на развитие образования в целом, расширяет состав ответственных и лично заинтересованных в его положительном результате участников образовательного процесса, содействует повышению авторитета родителей в семье, повышает самооценку учащихся (чьи родители уважаемы и востребованы в детском саду и школе), способствует сближению взрослых и детей.

Как показывает практика, сложившиеся эффективные формы взаимодействия образовательных организаций с родителями обучающихся в современной ситуации оказываются невозможными: для амплификации детского развития ранее воспитатели и учителя приглашали в образовательное учреждение разные организации (кукольный театр, планетарий, трогательный зоопарк), ходили в музеи, театры и кинотеатры. Согласно письму Минобрнауки РТ № 18992/14 от 2 октября 2014 г. «О запрете сбора денежных средств и привлечения материальных ресурсов»³ ни педагоги, ни родители, ни родительские комитеты не имеют права собирать деньги на подобные мероприятия. Возможны лишь совместные акции родителей и детей по предварительной договоренности родителей, когда каждый участник вносит плату за себя на месте. Хотя в данном случае непонятно, как, например, оплатить услуги аниматора или как обеспечить угощение и призы за конкурсы. Если возложить подготовку еды и призов для своего ребенка на каждого родителя, то не приход ли мы снова к проблеме разной цены подарков и угощения из-за имущественного неравенства семей. А ведь имен-

² Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/543> (дата обращения: 10.11.2014)

³ О запрете сбора денежных средств и привлечения материальных ресурсов: Письмо Министерства образования и науки Республики Татарстан № 18992/14 от 2 октября 2014 г. // СПС «Консультант-плюс». URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLA;W363;n=89782> (документ опубликован не был)

но этого старается избежать руководство, вводя школьную форму и одинаковые школьные обеды.

С введением нового регламента ответственными за организацию культурных походов становятся родители. Речь идет не столько о материальной ответственности, которая и так лежала на их плечах, сколько о моральной стороне вопроса, заключающейся в том, что родители должны взять на себя организацию культурного досуга своих детей. Строго говоря, этот вид ответственности лежал на родителях и раньше. Однако вызывает опасение, что в новых условиях без совместно проводимого досуга с трудом будут складываться внутриклассные отношения. Неизбежно появление небольших групп учеников, родители которых дружат и вместе проводят внеучебное время.

Тревогу также вызывают семьи, в которых не сложились традиции совместного досуга. Опрос, в котором участвовали 50 родителей⁴, показал, что лишь 20 % родителей постоянно посещают с детьми культурные мероприятия, еще 40 % делают это периодически, а 20 % семей проводят внеучебный досуг дома. Причинами, сужающими культурный досуг семей, родители называют отсутствие денег, недостаток времени, наличие многочисленных обязанностей по дому, семейные традиции, предписывающие проводить досуг дома или в гостях у родственников.

Опросив 100 педагогов общеобразовательных организаций (детских садов и школ)⁵, приходим к выводу, что около половины из них признают, что в обыденной жизни с коррупцией не сталкивались, а вот в сфере образования встречались с такими случаями около 70 % респондентов. При этом большинство опрошенных не считают конфеты, цветы и подарки проявлением коррупции. Как не считают коррупцией и деньги, собранные на билеты в театр (музей, кинотеатр) или детские развлечения.

Почти 80 % опрошенных пишут о сложностях, возникающих в связи с введением нового закона: родители обучающихся не горят желанием ходить вместе с детьми в учреждения культуры (их вполне устраивала ситуация, когда это делал педагог), хотя некоторые родители рады, что деньги можно сэкономить.

Сложности педагоги видят еще и в том, что в учреждениях образования зачастую не хватает денег на обновление средств обучения; непонятно, каким образом участвовать в олимпиадах и конкурсах (для участия во многих конкурсах требуется вступительный взнос); каким образом стимулировать обучающихся в проводимых школьной конкурсах (за чей счет покупать призы), какого Деда Мороза приглашать на детский утренник (на профессионального актера деньги собирать нельзя, значит, придется воспитателю-женщине переодеваться в дедушку – само по себе это не пугает, но дети должны видеть и мужские роли) и т. д.

Однако некоторые родители обучающихся прямо высказываются за прекращение «поборов», оговариваясь при этом, что поборы прекратить надо, но образовательная среда должна быть полностью укомплектована, а походы в театр (не чаще 1 раза в 2 месяца) надо сделать официальными (ввести в образовательную программу). Педагоги и родители ждут «узаконенного» списка «разрешенных» сборов денег.

В ходе исследования, в котором приняли участие 50 родителей, респонденты были поделены на 3 группы:

1. Родители, которые могут и хотят активно вкладывать деньги и время в образование и воспитание детей. В жизнь детей из данной группы семей новые меры по профилактике коррупции не внесут значимых изменений, благодаря уже сложившимся традициям совместного проведения досуга. Тем не менее существует немалая вероятность того, что формирование классного коллектива, состоящего из таких детей, будет затруднено, так как родители (и соответственно, дети) будут объединяться в малые группы или традиционно посещать мероприятия только своей семьей.

2. Родители, которые могут, но не хотят участвовать в образовании и воспитании детей. Причинами этого является большая занятость на работе, сложные внутрисемейные отношения, поглощенность личной жизнью, специфические личностные особенности, унаследованные сложные традиции семейного воспитания и пр. К слову, именно родители данной группы являются активными жалобщиками и критиками любых учебных и воспитательных начинаний учителей и других родителей. Несмотря на неготовность и нежелание самим воплощать в жизнь воспитательные проек-

⁴ Опрос проведен авторами статьи.

⁵ Опрос проведен авторами статьи.

ты (в силу своих психологических особенностей), они не дают делать это и другим. Жизнь детей из семей данной группы будет значительно обеднена, если будут утрачены возможности вовлечения их в дополнительные мероприятия.

3. Родители, которые не могут, но хотят участвовать в образовании и воспитании детей. Причинами их неготовности служат недостаток педагогических знаний, большая занятость на работе, финансовые проблемы и др. Совместные мероприятия с более опытными родителями и педагогами служили ориентиром для родителей данной группы, обогащая их опыт и облегчая жизнь их детей. В новых условиях эти семьи будут стараться изыскивать возможности организации досуга (через посещение бесплатных мероприятий и музеев в акционные дни), но уровень осмысления детьми содержания данных мероприятий может ухудшиться.

4. Родители, которые не могут и не хотят участвовать в образовании и воспитании детей. Для детей из данной группы семей фактически единственной возможностью получить хоть какие-то культурные впечатления были классные поездки, которых в новых условиях они будут лишены.

Выводы

На основе проведенного исследования нами были выявлены явные противоречия между воспитательными целями образовательного процесса (всестороннее развитие и воспитание личности

ребенка, вовлечение родителей в образовательный процесс) и способами борьбы с коррупцией в образовательной сфере. Становится очевидным расхождение между образованием как целенаправленным процессом обучения и воспитания и управлением образовательной деятельностью. Однако в новых условиях антикоррупционной кампании в той или иной степени пострадают дети из семей любого материального достатка, социального положения и уровня образования.

Список литературы

1. Бурлаков В.Н. Некоторые вопросы противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Диалектика противодействия коррупции: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., 4 декабря 2013 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. 232 с.
2. Вилачева М.Н. Противодействие коррупции в органах власти: исторический и правовой аспект // Диалектика противодействия коррупции: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., 4 декабря 2013 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. 232 с.
3. Скоробогатов А.В. Бюрократические принципы организации и функционирования государственного механизма как средство профилактики коррупционного поведения государственных служащих в дореволюционной России // Диалектика противодействия коррупции: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., 4 декабря 2013 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. 232 с.
4. Скоробогатова А.И., Ванюхина Н.В. Профилактика коррупционного поведения в сфере образования // Карельский научный журнал. 2013. № 4 (5). С. 64–66.

В редакцию материал поступил 13.11.14

© Ванюхина Н. В., Скоробогатова А. И., Саглам Ф. А., 2014

Информация об авторах

Ванюхина Надежда Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и психофизиологии, заместитель декана по учебно-воспитательной работе психологического факультета, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: vanyuhina@ieml.ru

Скоробогатова Анна Ильдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

Саглам Фируза Альбертовна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой педагогической психологии и педагогики, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: firuzasaglam@mail.ru

Как цитировать статью: Ванюхина Н.В., Скоробогатова А.В., Саглам Ф.А. Проблема антикоррупционного взаимодействия субъектов образовательного процесса // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 15–19.

N. V. VANYUKHINA,
PhD (Psychology), Associate Professor,
A. I. SKOROBOGATOVA,
PhD (Pedagogy), Associate Professor,
F. A. SAGLAM,
PhD (Pedagogy), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ANTI-CORRUPTION INTERACTION OF THE SUBJECTS OF EDUCATIONAL PROCESS

Objective: to determine the possibility of anti-corruption interaction of parents as subjects of educational process with teachers of educational institutions in the light of the implementation of the Federal State Educational Standards for Compulsory Education.

Methods: theoretical: analysis of the practice of psycho-pedagogical interaction of educational process participants, summarizing of facts; empirical: interview, questionnaire, survey.

Results: basing on the analysis of the requirements of the Federal State Educational Standard on comprehensive development and upbringing of the child's personality, opportunities to involve parents into the educational process, the techniques are proposed to struggle against corruption in educational sphere; the conclusion is made about the inconsistency between the requirements of the Federal State Educational Standard on comprehensive development and upbringing of the child's personality and the possibilities of educational establishments to provide conditions for such development.

Scientific novelty: The authors identified apparent contradictions between the educational goals of the educational process and combating corruption in the educational environment. In educational activities, preference is often given to achieving the goals of anti-corruption activities, which is optional, and not the main educational function. The contradiction is vivid between education as purposeful teaching process and managing the educational activity.

Practical value: The main provisions and conclusions of the article may be used in scientific and educational activity when viewing the issues of anti-corruption campaigns in educational sphere.

Key words: anti-corruption interaction of educational process subjects; parents as subjects of the educational process; corruption in education; Federal State Educational Standard; anti-corruption campaign; Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan; school, kindergarten; the Republic of Tatarstan.

References

1. Burlakov, V.N. *Nekotorye voprosy protivodeistviya korruptsii ugovovno-pravovymi sredstvami. Dialektika protivodeistviya korruptsii: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., 4 dekabrya 2013 g.* (Some issues of corruption counteraction by criminal-legal means. Dialectics of corruption counteraction: materials of the 3rd All-Russia scientific-practical conference, December 4, 2013). Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2013, 232 p.
2. Vilacheva, M.N. *Protivodeistvie korruptsii v organakh vlasti: istoricheskii i pravovoi aspekt. Dialektika protivodeistviya korruptsii: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., 4 dekabrya 2013 g.* (Corruption counteraction in state authorities: historical and legal aspect. Dialectics of corruption counteraction: materials of the 3rd All-Russia scientific-practical conference, December 4, 2013). Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2013, 232 p.
3. Skorobogatov, A.V. *Byurokraticheskie printsipy organizatsii i funktsionirovaniya gosudarstvennogo mekhanizma kak sredstvo profilaktiki korruptsionnogo povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh v dorevolyutsionnoi Rossii. Dialektika protivodeistviya korruptsii: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., 4 dekabrya 2013 g.* (Bureaucratic principles of organization and functioning of the state mechanism as a means of prevention of state officials' corruptive behavior in pre-Revolutionary Russia. Dialectics of corruption counteraction: materials of the 3rd All-Russia scientific-practical conference, December 4, 2013). Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2013, 232 p.
4. Skorobogatova, A.I., Vanyukhina, N.V. *Profilaktika korruptsiogennoogo povedeniya v sfere obrazovaniya (Prevention of corruptive behavior in the educational sphere). Karel'skii nauchnyi zhurnal, 2013, no. 4 (5), pp. 64–66.*

Received 13.11.14

Information about the authors

Vanyukhina Nadezhda Vladimirovna, PhD (Psychology), Associate Professor of the Chair of Development Psychology and Psychophysiology, Deputy Dean on academic work and up-bringing of Psychology Faculty, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: vanyuhina@ieml.ru

Skorobogatova Anna Ildarovna, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogical Psychology and Pedagogy, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

Saglam Firuza Albertovna, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Pedagogical Psychology and Pedagogy, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: firuzasaglam@mail.ru

How to cite the article: Vanyukhina N.V., Skorobogatova A.I., Saglam F.A. Anti-corruption interaction of the subjects of educational process. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 15–19.

УДК 378.880.2

Л. Н. БУЛАНОВА,

кандидат филологических наук, доцент

Набережночелнинский филиал Института экономики, управления
и права (г. Казань), г. Набережные Челны, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (на примере имитационного моделирования в рамках темы «Контракт»)

Цель: разработать и предложить теоретическое и практическое обоснование целесообразности применения технологии имитационного моделирования при изучении профессионально-ориентированного языка студентами юридического факультета в контексте формирования антикоррупционных установок.

Методы: теоретический анализ и синтез юридической, педагогической и лингводидактической литературы, методики преподавания иностранного языка для специальных целей; контент-анализ; моделирование; эмпирический метод.

Результаты: Доминирующей целью высшего профессионального образования на современном этапе ставится развитие коммуникативной способности студента, ведущей его к грамотному профессиональному межъязыковому контакту. Безусловно, отраслевая направленность вуза должна находить объективное отражение и в содержании обучения иностранным языкам. В статье рассматривается наиболее эффективный процесс иноязычного обучения с целью успешной профилизации студента на основе имитационного моделирования. Показано, что деловая игра способствует сбалансированному развитию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции и умения рационального проектирования коллективного сотрудничества для решения практических задач.

Научная новизна: впервые предпринимается попытка осуществить антикоррупционную пропаганду при изучении профессионально-ориентированного иноязычного материала через посредство реализации ролевой модели «закупочный цикл – коррупционные риски».

Практическая значимость: выявленные особенности организации игрового обучающего пространства позволяют повысить качество профессиональной иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов. Прогностический потенциал исследования обусловлен тем, что его результаты могут быть использованы на практических занятиях по иностранному языку для студентов юридических факультетов.

Ключевые слова: профессиональная коммуникативная компетенция; имитационная модель; деловая игра; междисциплинарная интеграция; антикоррупционная пропаганда; коррупционные риски; антикоррупционная политика.

Введение

В настоящее время все возрастающие требования к профессионально-иноязычной подготовке выпускников вузов определяют потребность в поисках новых подходов в преподавании иностранного языка. Профессиональная культура специалиста трактуется Н. Б. Крыловой как отражение степени и качества развитости социально-значимых личностных качеств, реализуемых в контексте определенной профессиональной деятельности [1].

Первоочередной задачей в условиях модернизации высшего профессионального образования ставится формирование и совершенствование билингвальной коммуникативной компетенции, обеспечивающей подготовку и самореализацию будущего специалиста в условиях современного поликультурного мира. Данное утверждение Г. К. Борозенец выдвигает в качестве гипотезы исследования в своей докторской диссертации.

Именно «коммуникативная компетентность студентов неязыковых вузов как интегративное свойство личности является предпосылкой успешной профессиональной деятельности в контексте диалога культур» [2, с. 12].

Такое положение объективно стимулирует активную разработку стратегического механизма межкультурного общения, который бы способствовал максимально успешной адаптации субъектов межкультурной коммуникации, в границах которой происходит специфическое взаимодействие партнеров-коммуникантов, принадлежащих к разным лингвоэтнокультурным сообществам, наряду с взаимопроникновением «своего» и «чужого» в культуре.

Результаты исследования

Проанализировав современные образовательные тенденции, автор приходит к выводу, что конструирование процесса обучения в контексте диалога

культур в совокупности с идеей формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста становится важнейшей характеристикой современной педагогической практики. Весомое место в формировании профессиональной позиции конкурентоспособного специалиста и развитии жизненной ориентации занимает языковое образование. В связи с этим весьма актуальным становится профессионально-коммуникативная направленность подготовки иностранным языкам в вузах неязыковых специальностей, исходя из языковых потребностей будущей профессии или специализации.

Основная задача обучения иностранным языкам студентов в рамках дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», успешно реализуемая в Институте экономики, управления и права, заключается в приобщении будущего специалиста к лингвопрофессиональным особенностям конкретной деятельности. Наш многолетний опыт работы в данном направлении подтверждает, что ранняя специализация и более углубленное изучение языкового материала формируют у студентов осознанность профессиональной причастности, обогащают словарный запас и позволяют выйти из границ учебного предмета в пространство реальной человеческой деятельности. Как показывает практика, наиболее оптимальная организация квазипрофессиональной деятельности с целью реализации коммуникативных интенций достигается через посредство имитационного моделирования. И. Н. Быстрова в своем научном исследовании постулирует о том, что технология имитационного моделирования раскрывается через имитационную ситуацию, учебную деловую игру и профессионально ориентированный проект. В то же время автор подчеркивает, что игровое имитационное моделирование на современном этапе развития педагогической науки представлено деловыми играми (военными, политическими, производственными, исследовательскими, учебными); аттестационными играми для подбора и назначения кадров, для оценки уровня их квалификации; ситуативно-ролевыми играми и т. д. [3, с. 4].

Коллектив авторов (Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева и Н. А. Неудахина) активно дискутирует о необходимости согласованного ступенчатого применения имитационных методов в рамках одной темы, когда материал изучается

последовательно через анализ/решение «готовых» конкретных ситуаций к познавательнo-дидактическим и ролевым играм [4]. Кульминационным этапом, на котором индуцируется речемыслительная профессиональная деятельность студентов, рассматривается деловая игра, трактуемая как «совокупность способов и приемов совместной согласованной деятельности преподавателя и учащихся, а также учащихся друг с другом, в процессе которой учащимися достигается определенный уровень владения иностранным языком» [5, с. 173]. О целесообразности применения деловых игр в вузовской подготовке будущих специалистов в своих работах заявляли А. А. Голос (1973), Е. А. Литвиненко (1985), И. М. Сыроежин (1981), Е. А. Хруцкий (1991), В. В. Глухов (1998), Н. В. Борисова (1999, 2000), Н. М. Платонова (2001), Е. В. Змиевская (2003), И. Н. Быстрова (2008) и др.

Стержневыми критериями для успешной организации игрового момента становятся: синтез аккумулируемой учебной информации, теоретические и практические осознанно применяемые профессионально-ориентируемые знания, умения и навыки; адекватный уровень владения терминологической базой конкретной профессиональной сферы; готовность, «зрелость» коммуникантов к установлению контакта и прогнозированию последствий принимаемых решений. Именно деловую игру в нашем научном исследовании мы рассматриваем как логическое продолжение и завершающий этап изучения конкретной профориентированной темы на старших курсах.

Нами были разработаны и апробированы деловые игры с практическим применением учебного материала в будущей профессиональной деятельности студентов старших курсов юридического факультета в рамках темы «Contract drafting outline» («Составление проекта контракта») по учебнику Ю. А. Илиади «Английский для юристов» [6]. Принципиальным нововведением является расширение содержательной части данной темы путем активного вовлечения студентов в ролевою игру проблемного характера с целью детализации основных коррупционных рисков при заключении контрактных отношений в сфере закупок (госзакупок). Оправданным видится включение в процесс обучения иностранному языку антикоррупционной пропаганды как важного направления реализации Национального плана противодействия коррупции

на 2014–2015 гг. (утвержденного Указом Президента РФ 11 апреля 2014 г. № 226)¹ и Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг. (утвержденного распоряжением Правительства РФ от 14 мая 2014 г. № 816-р)², в которой одними из приоритетных задач ставятся «изучение иностранного опыта по вопросам повышения уровня правосознания граждан, популяризации антикоррупционных стандартов поведения, образования и воспитания...» и «включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования элементов по популяризации антикоррупционных стандартов поведения».

Как и большинство авторов, мы считаем целесообразным предварять игру-занятие продуманной подготовительной работой, в рамках которой планомерно организуются предыгровой, игровой и постигровой (оценочный) этапы. Как показывает практика, наиболее трудоемким представляется подготовительный этап, в котором студенты задействованы в активном поиске материала по заданной тематике, подборе и изучении специализированной литературы и аутентичных актуальных источников. «Несмотря на бытующее мнение об общности человеческого опыта, для носителя каждого языка найдутся такие фрагменты определенных областей знаний (терминосистем), которые могут иметь специфические значения, что найдет непосредственное отражение в языке» [7, с. 42]. Думается, что указанное утверждение применимо и к практике закупочного цикла. Учитывая факт отсутствия единообразия в понятийно-терминологическом аппарате по закупкам, студентам предлагается провести предварительные терминологические изыскания и подготовить необходимый глоссарий. Задача преподавателя как организатора игрового диалогического двухстороннего взаимодействия – создать оптимальные условия для активного

развития и саморазвития будущих специалистов – требует тщательной проработки сценария, плана проведения мероприятия и ролевого наполнения. На этапе реализации нами конкретизировались цели речевого взаимодействия, роли и ролевые отношения коммуникантов. Деловая игра может реализовываться в форме парной, групповой и командной работы, однако применительно к нашему материалу, исходя из целей рационализации учебного времени, целесообразным представилось разделить игроков на мини-группы из 2–3 человек. В каждой из них студенты аргументировано высказывались и выслушивали альтернативные точки зрения с целью поиска решений искусственно смоделированных жизненных и профессиональных проблем. Завершающим этапом проведения игрового мероприятия является детальный ее анализ, когда студенты совместно с преподавателем обсуждают опыт и действия всех участников, а также потенциально-возможные варианты координации и взаимодействия участников закупочного цикла в принятии конструктивных решений для формирования модуса суждения относительно злоупотреблений коррупционного характера.

Мы осознаем тот факт, что конкретизация связей между содержанием изучаемого иноязычного материала и специальных предметов закладывает огромный потенциал для создания внутренней мотивации студентов. Поэтому, вовлекая учащих в игру, мы моделируем и имитируем реальные ситуации между участниками, предполагающие поиск мер по урегулированию возникшей проблемы и снижению соотносимых с данной ситуацией коррупционных рисков.

Значительную информационную поддержку при разработке ситуативных фреймов оказало практическое руководство ООН для заказчиков и поставщиков «Fighting corruption in the supply chain: a guide for customers and suppliers» [8]. Задействованные ситуации профессионально-дискуссионных ролевых игр связаны с коррупционными рисками на всех этапах закупочного цикла, а также детализируют меры по снижению и профилактике подобного рода злоупотреблений. Выбор темы деловой игры продиктован всевозрастающей актуальностью борьбы с коррупционными преступлениями в системе закупок товаров, сырья и материалов. Сам закупочный цикл репрезентуется И. В. Кузнецовой как высокорискованная

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.: Указ Президента РФ № 226 от 11 апреля 2014 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=161699;div=LAW;dst=100013,0;rnd=0.07387143199523238> (дата обращения: 11.11.2014)

² Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.: Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14 мая 2014 г. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/38/564954451088.html> (дата обращения: 11.11.2014)

деятельность, в которой наблюдается симбиоз рисков эффективности и коррупции [9].

К сожалению, рамки данной статьи позволяют нам ограничиться рассмотрением лишь нескольких игровых ситуаций по заявленной теме.

При рассмотрении заявок могут наблюдаться необоснованные предпочтения поставщикам. Заказчик (менеджер по закупкам) может предоставить спецификации на поставку определенному продавцу, ограничивая доступ к информации о поставках остальным продавцам:

Situation: Procurement manager selects supplier because of personal/family relationship.

Background: Following a review of supplier bids, a procurement manager awards the contract to a supplier owned by his brother-in-law, ignoring other bidders.

Student A: the procurement manager

Student B: the supplier

Заказчик (менеджер по закупкам) также может требовать незаконное вознаграждение ("откаты") у потенциальных поставщиков для лоббирования их интересов, признания их победителями конкурсов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг и предоставления конфиденциальной информации о предпоставочном конкурсе:

Situation: Procurement manager demands kickback from supplier to secure contract or provide inside information on bidding process.

Background: During a solicitation for bids, a procurement manager approaches one of the potential suppliers and offers to secure the contract in exchange for a payment ("kickback").

Student A: the procurement manager

You are interested in finding a birch ply-wood supplier for the furniture plant.

Student B: the supplier

You represent HWTrading which is one of the leading Russian manufacturers of large-size birch plywood. Production facilities are located in Nizhegorodskiy region. You've been demanded to pay a certain amount of money in return for a contract of supply.

It's in your interests to: – Refuse to make the corrupt payment on the grounds that such payment violates the business principles of the company and may violate applicable laws, and could lead to the dismissal and criminal prosecution; – Make a record of the relevant interaction; – Immediately report offers of kickbacks to supplier management or the officer responsible for matters concerning the code of conduct as well as to

appropriate level of the customer's organization; – Work through industry initiatives to communicate bribery demands and other corruption, and expose known corrupt organizations to national anti-corruption bodies.

Student C: the customer

It's in your interests to: – Investigate reported acts of corruption, perhaps in conjunction with supplier; – Discipline all employees involved in acts of corruption and if necessary, terminate employment; – At the conclusion of the investigation, document and apply lessons learned (e.g., make relevant changes to operations, review processes, etc.); – Retrain relevant employees on policies against corruption, including changes that may have been made as a result of the investigation, and the possible sanctions for non-compliance.

Среди коррупционных рисков со стороны поставщиков можно отметить сговор/злоупотребление ситуацией для регуляции тендерных цен:

Situation: Monopoly supplier demands that purchaser pay bribe or kickback to secure goods or services.

Description: A company is sourcing a critical component in country X, and it appears that there is only one supplier in country that can provide the component with sufficient quality and reliability. Other companies purchase the same component from this supplier. As a result, the demand may exceed the supplier's ability to produce the component. During a meeting with a company procurement manager, the supplier's representative accompanies the manager to a local shopping mall and suggests that purchasing expensive watches for the supplier's representative and his wife would guarantee the company an adequate supply of the component.

Student A: the procurement manager

You are sorting out a really challenging task of purchasing hard to find DEC and other computer parts. A-tech Trading Company has appeared to be the only supplier of the corresponding parts. During the negotiations the supplier's representatives explicitly states the possibility of securing the demanded goods in return for a definite gift.

It's in your interests to: – Say no politely to the first request and emphasize the company's business principles. If the request is repeated, explain that any solicitation violates the company's business principles and may violate applicable laws and could lead to the dismissal and criminal prosecution of the

employee concerned; – Record the interaction and report it to company management or the appropriate officer responsible for matters involving the code of conduct; – Go back to the supplier representative with at least one witness and reaffirm willingness to sign a contract and ignore the solicitation; – Report the solicitation to the appropriate level of the supplier's organization; – Source the component from another supplier outside the region; – Report the solicitation to the appropriate government agency, perhaps through an industry trade association; – Work through industry initiatives to communicate bribery demands and other corruption and expose known corrupt organizations to national anti-corruption bodies.

Student B: the supplier's representative

You represent A-tech Trading Company which specializes in Computer Hardware and Software. On realizing the awkward position of your potential customer you are trying to make him settle the situation through a bribe or a gift.

Выводы

Имитация элементов профессионального пространства положительно зарекомендовала себя на занятиях иностранным языком, способствуя реальному осознанию студентами своего профессионального будущего.

Таким образом, можно сделать вывод, что примерка игровых ролевых моделей дает студентам не только новые знания, но и умения пользоваться лексическими единицами определенного терминологического корпуса изучаемого языка в сопоставлении с родным, совершенствует навыки построения плодотворного и конструктивного диалогического взаимодействия, а также активизирует потребность совместного решения возникших проблем. Игровая практика в целом имеет существенное значение в процессе минимизации языкового барьера и интенсификации внутригрупповой речевой деятельности. Игра и игротехнические приемы в рамках рассмотренной темы обладают значительным моделирующим потенциалом, и, безусловно, способствуют формированию у студентов антикоррупционных мировоззренческих установок.

Автором впервые в отечественной научной литературе обозначены вопросы формирования антикоррупционной компетентности специалистов в рамках преподаваемой дисциплины «Иностранный язык». Обычно специалисты рассматривают возможность формирования антикоррупционной компетентности при изучении юридических и иных гуманитарных дисциплин, а иногда в рамках курсов «Психология девиантного поведения» и «Конфликтология». Указанное обстоятельство делает представленную рукопись не только актуальной, но и практически значимой.

Список литературы

1. Крылова Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста: метод. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 142 с.
2. Борозенец Г.К. Интегративный подход к формированию коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов средствами иностранного языка: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Самара, 2005. 40 с. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-integrativnyy-podhod-k-formirovaniyu-kommunikativnoy-kompetentnosti-studentov-neyazykovyh-vuzov-sredstvami-inostrannogo-y> (дата обращения: 11.11.2014).
3. Быстрова И.Н. Имитационное моделирование как технология подготовки специалистов технического профиля в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 2008. 23 с. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-imitatsionnoe-modelirovanie-kak-tehnologiya-podgotovki-spetsialistov-tehnicheskogo-profilya-v-vuze> (дата обращения: 11.11.2014).
4. Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б., Неудахина Н.А. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Ч. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 185 с.
5. Никулина Л.П. Организация деловой игры при обучении иностранному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 112. С. 171–177.
6. Илиади Ю.А. Английский язык для юристов: учебник. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2008. 392 с.
7. Буланова Л.Н. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов-маринизмов в английском, русском и татарском языках: монография. Елабуга: Алмедия, 2011. 160 с.
8. Fighting corruption in the supply chain: a guide for customers and suppliers. United Nations, New York, 2010. 67 p.
9. Кузнецова И.В. Коррупция: риски закупочного цикла // ГОСЗАКАЗ: управление, размещение, обеспечение. 2009. № 15. С. 18–21. URL: <http://zakaz.pnzreg.ru> (дата обращения: 10.11.2014)

В редакцию материал поступил 12.11.14

© Буланова Л. Н., 2014

Информация об авторе

Буланова Лейсан Наилевна, кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423822, г. Набережные Челны, Набережночелнинский проспект, 31, тел.: (8552) 34-04-96

E-mail: leisanbulanova@yandex.ru

Как цитировать статью: Буланова Л.Н. Антикоррупционное образование студентов средствами профессионально-ориентированного иностранного языка (на примере имитационного моделирования в рамках темы «Контракт») // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 20–25.

L. N. BULANOVA,

PhD (Philology), Associate Professor

Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

**ANTI-CORRUPTION EDUCATION BY MEANS OF PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE
(on the example of imitation modelling on “Contract” topic)**

Objective: to develop and offer theoretical and practical substantiation of simulation technologies expediency in the study of professionally-oriented language by law faculty students in the context of anti-corruption notions formation.

Methods: theoretical analysis and synthesis of legal, pedagogical and lingvo-didactic literature, methods of teaching foreign language for special purposes; content analysis; modeling; empirical method.

Results: The dominant purpose of higher professional education at the present stage is the development of communicative abilities of the student, leading him to a competent professional cross-language contact. The sectoral nature of the university must be objectively reflected in the content of teaching foreign languages. The article views the most efficient process of teaching a foreign language based on imitational modelling. It is shown that role play contributes to the balanced development of the professional foreign language communicative competence and skills for effective design of collective cooperation to solve practical problems.

Scientific novelty: For the first time an attempt is made to carry out anti-corruption propaganda in the study of professionally-oriented foreign language material through the implementation of role models “purchase cycle-corruption risks”.

Practical value: The revealed features of learning space organization can improve the quality of professional foreign language training of students in non-linguistic universities. The prognostic potential of the study is determined by the fact that its results can be used for practical foreign language teaching for the students of law faculties.

Key words: professional communicative competence; imitational model; role play; interdisciplinary integration; anti-corruption propaganda; corruptional risks; anti-corruption policy.

References

1. Krylova, N.B. *Formirovanie kul'tury budushchego spetsialista: metod. posobie* (Forming the culture of a would-be specialist: manual). Moscow: Vysshaya shkola, 1990, 142 p.
2. Borozenets, G.K. *Integrativnyi podkhod k formirovaniyu kommunikativnoi kompetentnosti studentov neyazykovykh vuzov sredstvami inostrannogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* (Integrative approach to forming the communicative competence of the students of non-linguistic universities by means of a foreign language: abstract of a Doctoral thesis (Pedagogy). Samara, 2005, 40 p, available at: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-integrativnyy-podhod-k-formirovaniyu-kommunikativnoy-kompetentnosti-studentov-neyazykovykh-vuzov-sredstvami-inostrannogo-y> (accessed: 11.11.2014).
3. Bystrova, I.N. *Imitatsionnoe modelirovanie kak tekhnologiya podgotovki spetsialistov tekhnicheskogo profilya v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* (Imitational modelling as a technique of training specialists in technical sphere at university: abstract of a PhD (Pedagogy) thesis). Rostov-na-Donu, 2008, 23 p, available at: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-imitatsionnoe-modelirovanie-kak-tekhnologiya-podgotovki-spetsialistov-tekhnicheskogo-profilya-v-vuze> (accessed: 11.11.2014).
4. Lavrent'ev, G.V., Lavrent'eva, N.B., Neudakhina, N.A. *Innovatsionnye obuchayushchie tekhnologii v professional'noi podgotovke spetsialistov. Ch. 2* (Innovative teaching technologies in professional training of specialists. Part 2). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002, 185 p.
5. Nikulina, L.P. *Organizatsiya delovoi igry pri obuchenii inostrannomu yazyku* (Organization of a role play when teaching a foreign language). *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 112, pp. 171–177.
6. Iliadi, Yu.A. *Angliiskii yazyk dlya yuristov: uchebnik* (English for law students: textbook). Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008, 392 p.
7. Bulanova, L.N. *Lingvokul'turologicheskii analiz frazeologizmov-marinizmov v angliiskom, russkom i tatarskom yazykakh: monografiya* (Lingvo-cultural analysis of idioms referring to “sea” concept in the English, Russian and Tatar languages: monograph). Elabuga: Almediya, 2011, 160 p.
8. *Fighting corruption in the supply chain: a guide for customers and suppliers*. United Nations, New York, 2010, 67 p.
9. Kuznetsova, I.V. *Korrupsiya: riski zakupchnogo tsikla* (Corruption: risks of purchasing cycle). *GOSZAKAZ: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie*, 2009, no. 15, pp. 18–21, available at: <http://zakaz.pnzreg.ru> (accessed: 10.11.2014)

Received 12.11.14

Information about the author

Bulanova Leysan Nailevna, PhD (Philology), Associate Professor, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 31 Naberezhnochelninskiy Prospekt, 423822, Naberezhniye Chelny, tel.: (8552) 34-04-96

E-mail: leisanbulanova@yandex.ru

How to cite the article: Bulanova L.N. Anticorruption education by means of professionally-oriented foreign language (on the example of imitation modelling on “Contract” topic). *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 20–25.

© Bulanova L. N., 2014

УДК 159.9:316.6:328.185

В. В. ВАСИНА,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник,

Р. Г. ХАЛИТОВ,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

*Институт педагогики и психологии профессионального образования
Российской академии образования, г. Казань, Россия*

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ: КОРРУПЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ

Цель: разработать модель механизма возникновения выбора персональной или социальной идентичности и на его основе проанализировать психологические предпосылки возникновения коррупции на примере реформирования образования.

Методы: положения вероятностной философии В. В. Налимова; положения синергетики о самоорганизующихся системах; собственные разработки авторов: метод психосоциального диссонанса, модель механизма взаимодействия.

Результаты: На основе разработанной модели механизма выбора персональной или социальной идентичности показано, что коррупция связана с персональной идентичностью чиновника, личные интересы которого преобладают над общественными (а зачастую и противоположны им), несмотря на то, что занимаемая государственная должность предполагает наличие у должностного лица социальной идентичности и социального (общественного) сознания.

Научная новизна: На основе использования авторских методов и моделей, которые тоже представляет научную новизну, в статье впервые исследована роль персональной и социальной идентичности в качестве предпосылки возникновения коррупции.

Практическая значимость: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической (воспитательной) деятельности при рассмотрении вопросов о коррупции и развития общества, в профилактике коррупционных преступлений.

Ключевые слова: персональная идентичность; социальная идентичность; реформа; коррупция; коррупционное преступление; психосоциальный диссонанс; готовность к реформе; социальные отношения в обществе; форма самоопределения; взяточничество.

Введение

Современный темп развития общества, технологий, социальных отношений в эпоху постмодернизма ставит перед обществом множество вопросов, которые необходимо разрешать немедленно, во избежание кризисных явлений в обществе, экономике, политике и других сферах общественной жизни. В первую очередь это касается образования, являющегося показателем и базой социальных отношений и определяющего развитие общества. Необходимость реформирования системы образования, ее актуальность ни у кого не вызывает сомнений. Все понимают, что реформирование необходимо, но по-разному представляют, как это реформирование должно проходить, причем порой диаметрально противоположно. Итак, общество понимает, что реформы в образовании необходимы, но готовы ли оно к этому? Готовы ли «реформаторы от

образования»¹, достаточно ли у них компетенций и нравственных качеств для проведения этих изменений? Конечная цель образования – подготовить специалиста и гражданина. Доходит ли реформа до подготовки будущего специалиста? Или же застревает на уровне управления? Судя по всему, реформа касается уровня управления образованием и не доходит до процесса обучения [1]. Новые стандарты, программы и другие меры постоянно разрабатываются законодателями, однако качество обучения при этом падает. Согласно новым стандартам и требованиям, педагоги тратят основную часть своего рабочего времени на составление отчетов, вследствие чего возникает нехватка времени для подготовки

¹ Реформаторы – те, кто стоят у истоков и проводят реформирование системы образования.

специалистов (хотя бы на том же уровне и по тем же технологиям).

Движущими силами самоорганизующихся социальных систем являются потребности, мотивы личностей, социальных групп и обществ. С точки зрения вероятностного подхода у человека великое множество потребностей, и все они присутствуют в его жизни, однако доминирует какая-то одна (не многие), с наибольшей вероятностью отражающая ценность потребности. Какие же потребности личности, социальной группы или общества в целом доминируют у «реформаторов» системы образования? Это зависит от того, какова идентичность чиновников – персональная или социальная? Чьи интересы соблюдаются при реформировании системы образования – личные или общественные? В связи с этим актуальным становится вопрос персональной или социальной идентичности человека (личности, персоны).

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты изучаемой нами проблемы, показывает, что до 70-х гг. XX столетия в социальной психологии существовала индивидуальная парадигма, которая предполагает применение только принципов индивидуальной психологии. Г. Тэджфел попытался выйти за рамки индивидуальной парадигмы, развивая теорию социальной идентичности, которая включает в себя 3 основных концепта: *социальную категоризацию, социальное сравнение и социальную идентификацию*. Дальнейшие исследования индивидуальной парадигмы проводил Дж. Тернер. Его концепция самокатегоризации позволяет различать индивидуальные и групповые феномены как совокупность субъектов и «совокупный субъект», обладающий эмерджентным свойством, т. е. рассматривать межгрупповое поведение как результат, а не причину самовосприятия, а процесс формирования социальной идентичности – как процесс самокатегоризации. Разделение персональной и социальной идентичности позволяет показать целесообразность деперсонализации и стереотипизации групповых членов как основы для категоризации внешних групп. Думается, что такое деление может помочь при оценке напряженности межгрупповых отношений [2].

Практически реформа в большей степени касается управления образованием, а не самого образования. Показателем реформирования образования

являются изменения в процессах обучения и воспитания, которые на данный момент отсутствуют. При этом средства, выделенные на реформирование, сравнимы с военным бюджетом [1]. Однако непонятно, куда уходят эти денежные средства, ведь «внизу» ничего не изменилось: ни зарплаты, ни качество обучения. Вот тут и возникает вопрос о коррупции в реформировании системы образования. Средства «отсеялись» на ступенях управления, не затрагивая интересов общества, т. е. повышения уровня образованности общества и уровня жизни непосредственно педагогов (который в лучшем случае остался на прежнем уровне).

Актуально – выяснить причины того, почему достаточно большие выделенные средства пропадают на уровне чиновников (которые должны решать вопросы улучшения качества образования) и не доходят до участников непосредственного процесса обучения – педагогов и обучающихся. Мы рассмотрим эти проблемы с точки зрения психологии, не затрагивая юридические и правовые аспекты, проведем психологический анализ данного явления².

Методами исследования являются: положения вероятностной философии В. В. Налимова; положения синергетики о самоорганизующихся системах; собственные разработки авторов: психосоциальный диссонанс, модель механизма взаимодействия.

Авторами данного исследования выдвинута гипотеза о том, что *психологический механизм коррупции связан с персональной или социальной идентичностью человека: при социальной идентичности доминируют интересы социума, а при персональной – интересы самого человека. Это создает предпосылки для коррупции (когда необходимо сделать выбор в пользу того или иного решения при исполнении служебных обязанностей)*.

Результаты исследования

Проблема коррупции – это конфликт, который существует между обществом и коррупционером. Конфликт возникает между субъектами взаимодействия при несовпадении их представлений о предмете конфликта. Общество считает, что

² Данная статья – продолжение исследований авторов, освещенных на конференциях «Диалектика противодействия коррупции» в 2010 и 2012 гг.

коррупционеры нарушают нормы общества – воруют. А коррупционеры считают, что «нормы и законы писаны не для них». При этом ключевым моментом при их взаимодействии является *психосоциальный диссонанс*, возникающий при нарушении границ нормы (т. е. привычного, знакомого, адаптированного), когда субъект взаимодействия выходит из зоны нормы.

Механизм взаимодействия субъекта (человека, социальной группы, общества) с окружающей социальной средой и возникновение психосоциального диссонанса можно представить следующим образом³:

- социальная категоризация – упорядочивание объектов социального окружения путем распределения социальных объектов по группам, имеющим сходство по значимым для субъекта взаимодействия критериям;

- идентификация субъекта взаимодействия (личности или социальной группы) с социальным окружением: группой или обществом, в которых осуществляется деятельность субъекта взаимодействия (личности или социальной группы); внешняя и внутренняя, формальная и неформальная, персональная или социальная;

- адаптация к новым условиям деятельности (к социальной среде), к новой нормативной деятельности: формальной и неформальной; внешней и внутренней;

- социальное сравнение (оценка) – установление различий социально-психологических представлений о нормах личности и социальной группы;

- рефлексия и возникновение психосоциального диссонанса (внутреннего и внешнего) как психологического барьера в виде несоответствия представлений, а также возникновения психического напряжения, преодоление которых ведет к «развитию» личности;

- выбор пути «развития» – либо новообразование, либо психологическая защита и психическая напряженность, которая может привести к дистрессу, психосоматическим отклонениям и т. д.;

- обратная связь – взаимодействие, категоризация, идентификация, адаптация, оценка, рефлексия, диссонанс, выбор – элементарный цикл взаимодействия.

³ Модель разработана авторами.

В итоге возникают новые психологические конструкты (компетенции) либо психологическая защита (стрессообразующий фактор) и психическая напряженность, которые ведут к дистрессу, девиациям, конфликтам, психосоматическим отклонениям и т. д.

В цикле взаимодействия ключевым этапом становится психосоциальный диссонанс – эта точка выбора, точка бифуркации траектории развития субъекта взаимодействия: либо новых психологических комплексов, либо образование новых компетенций, психосоциальных конструктов, в том числе способности к адаптации, к разрешению конфликта. Авторами разработано определение *психосоциального диссонанса*⁴, а также создана математическая вероятностная модель психосоциального диссонанса (далее – ПСД), включающая в себя меру, которая позволит вычислять ПСД между субъектами взаимодействия (личности, социальные группы, общества, сообщества) численно, при помощи математических формул, а также моделировать психосоциальные явления. Это помогает разрешать многие теоретико-методологические проблемы современных социально-психологических исследований, в том числе связанных с коррупцией.

В цикле взаимодействия существует еще другая точка бифуркации – выбор персональной или социальной идентичности субъекта взаимодействия. Концепция самокатегоризации, разработанная Дж. Тернером, позволяет различать феномены: индивидуальные – как совокупность субъектов, и групповые – как новый «совокупный субъект», обладающий эмерджентным свойством. «Если мы проведем различие между персональной и социальной идентичностью и допустим, что самовосприятие изменяется вдоль континуума, определяемого этими двумя формами самоопределения, можно увидеть, что перемещение вдоль этого континуума идентичности будет вызывать

⁴ Психосоциальный диссонанс – это несоответствие представлений субъекта взаимодействия нормам социальной (эталонной) группы (общества) и возникающее психическое напряжение, которое может привести к дистрессу, конфликту, психосоматическим заболеваниям, девиациям и т. д., или же к развитию субъекта взаимодействия (группы или человека) – выходу на новую ступень, созданию новых психосоциальных конструктов.

социальное поведение или как межперсональное, или как межгрупповое» (Turner, 1975) [2]. То есть межгрупповое поведение – результат, а не причина самовосприятия, поэтому процесс формирования социальной идентичности входит в рамки процесса самокатегоризации, отождествления индивида с определенной группой. Разделение персональной и социальной идентичности позволяет показать целесообразность деперсонализации и стереотипизации групповых членов как основы для категоризации внешних групп. Такой подход может оказаться полезным при оценке напряженности межгрупповых отношений [2]. Эта напряженность, определенная нами в виде ПСД, проявляется в коррупционных отношениях между обществом и коррупционерами. Для коррупционера, когда возникает выбор между личным и общественным, доминируют только личные интересы. Он всегда готов удовлетворить личные потребности, даже если тем самым наносит непоправимый вред обществу. Когда человек сталкивается с выбором (точка бифуркации траектории развития), каждый делает выбор, исходя из своей идентичности.

У исследователей, кроме как в пеницитарных учреждениях, нет возможности эмпирически исследовать личность коррупционеров. Поэтому мы решили провести эмпирическое исследование опосредовано, выяснив готовность субъектов образования к реформированию системы образования, и по полученным результатам сделать вывод о доминировании интересов и идентичности субъектов образования. Рассмотрим и определим понятия «реформа» и «готовность», чтобы изучить готовность субъектов образования к инновациям в образовании.

«Реформа» в словарях определяется как усовершенствование в какой-либо сфере жизни, не затрагивающее функциональных основ, или преобразование, вводимое законодательным путем. Реформа предполагает существенные изменения в механизме функционирования объекта, возможна смена основополагающих принципов, ведущих к принципиально новому результату и получению принципиально нового объекта. Не стоит путать понятия «реформа» и «усовершенствование», или «модернизация». Реформа в таком случае, по сути, представляет собой коренной перелом устоявшихся процессов, традиций и т. д.

«Готовность» – активно-действенное состояние личности, установка на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения задачи⁵. Для готовности к действиям нужны знания, умения, навыки, настроенность и решимость совершить эти действия. Готовность к определенному виду деятельности предполагает определенные мотивы и способности. Психологическими предпосылками возникновения готовности к выполнению конкретной учебной или трудовой задачи являются ее понимание, осознание ответственности, желание добиться успеха, определение последовательности и способов, желание работать. Затрудняют появление готовности пассивное отношение к задаче, беспечность, безразличие, отсутствие плана действий и намерения максимально использовать свой опыт. Недостаток готовности приводит к неадекватным реакциям, ошибкам, к несоответствию функционирования психических процессов тем требованиям, которые предъявляются ситуацией.

Таким образом, готовность к инновациям (реформе) – это:

- результат опыта и воспитания, установка;
- мотив «должен» – если надо, то сделаем, исполнение социальных норм и своих обязанностей;
- мотив «хочу» – желание, мотив, потребность, стремление к новому, к изменениям;
- личностные качества (возможность – могу в принципе) – интеллектуальность, креативность, коммуникативность, интернальность, ответственность и др.;
- профессиональные качества (могу профессионально в принципе) – необходимые качества для выполнения конкретных инновационных работ.

На основе такого понимания нами разработана методика выявления готовности субъектов профессионального образования (далее – ПО) к инновационным изменениям в образовании. Проведены пилотные исследования по методике.

Пилотная выборка:

– 30 студентов 5-го курса заочного отделения Академии социального образования (г. Казань), обучающихся по специальности «Педагог-психолог» и «Психолог».

– Средний возраст респондентов – 28 (± 8) лет.

⁵ URL: <http://psihotesti.ru/gloss/tag/gotovnost/> (дата обращения: 29.10.2014)

Таблица 1

Готовность субъектов ПО к инновациям в ПО*
(Preparedness for innovations)

№	Уровни управления**	Личность (я)	Педагоги	Директора	Сотрудники министерств	Общество	Среднее значение	Максимум и минимум
1	Хотят ли	1,52	1,13	<u>0,57</u>	<u>0,57</u>	1,00	0,96	
2	Могут ли	<u>0,00</u>	1,39	1,26	0,70	0,61	0,79	
3	Нужны ли	1,83	1,43	0,87	<u>0,43</u>	1,17	1,15	max
4	Готовы ли	0,26	1,04	0,74	<u>0,09</u>	0,17	0,46	
5	Возможны ли	0,91	<u>0,48</u>	0,70	0,91	0,96	0,79	
6	Проводят ли	<u>-0,65</u>	0,09	0,13	0,78	<u>-0,70</u>	<u>-0,07</u>	<i>min</i>
7	Среднее	0,64	0,93	0,71	0,58	0,54	0,68	

* Источник: рассчитано и составлено авторами.

** Выделенные жирным и подчеркиванием цифры имеют максимальные показатели, а косым и подчеркиванием – минимальные.

На вопрос «Хотят ли?» максимальное количество баллов на 1-м уровне, т. е. больше всего изменений в профессиональном образовании хотят студенты; минимальное – на 3-м и 4-м уровнях, т. е. меньше всего хотят этих преобразований директора учебных учреждений и сотрудники министерств. Это подтверждает нашу гипотезу, что фактически на уровне управления нет потребности («хочу») в реформировании, по мнению респондентов (как они это видят), нет мотива, т. е. их идентичность – персональная.

На вопрос «Могут ли?» максимальное количество баллов на 2-м уровне, т. е. именно педагоги могут реально ввести инновации в профессиональное образование, минимальное – на 1-м уровне, т. е. студенты сами по себе, конечно же, не могут вводить инновации. Таким образом, практически реформирование могут проводить педагоги, но до них доходят только циркуляры о том, как правильно писать отчеты.

На вопрос «Нужны ли?» максимальное количество баллов на 1-м уровне, т. е. именно обучающиеся заинтересованы в инновациях, минимальное – на 4-м уровне, т. е. хотя сотрудники министерств якобы и проводят реформирование, но опрошенные сильно сомневаются в том, что это им нужно. Отсутствие социальной идентичности на 4-м уровне.

На вопрос «Готовы ли?» максимальное количество баллов на 2-м уровне, т. е. педагоги в принципе готовы принять инновации (которых, по сути, кро-

– Специальности и должности: менеджеры разных специальностей, воспитатель, директор магазина, инспектор, кредитный эксперт, директор, частный предприниматель и т. д.

– Выборка по признаку пола: 3 мужчин, 27 женщин.

Принцип составления вопросов в методике следующий:

Две составляющие готовности проводить реформы в образовании: *статическая* (профессиональная готовность, компетенции, способности) и *динамическая* (мотивация, интерес, желание, «готовы прямо сейчас начать»):

1. «Хочу» («нужно», «должен» – хочу, поскольку это мой долг) – потребность, мотив.

2. «Могу» – компетенции, возможности, способности и т. д.

Мы также разделили вопросы для респондентов по уровням:

- 1) студенты;
- 2) педагоги;
- 3) руководящее звено;
- 4) работники министерств;
- 5) общество.

Методика состояла из 6 блоков («хотят ли», «могут ли», «нужны ли», «готовы ли», «возможны ли», «проводят ли») по 5 вопросов (по 5 уровням) и 3 блока («где нужно», «кто должен», «как нужно») по 4 вопроса (первые 4 уровня).

Вопрос звучал так: Как Вы думаете? Это Ваше мнение, о чем Вы сами думаете, и как о том считают или думают другие.

Варианты ответов:

- (-2) – нет;
- (-1) – да, если заставляет ситуация (в том числе и люди);
- (0) – как получится;
- (+1) – да, если подучиться, подготовиться;
- (+2) – да.

Позитивный (в смысле оценки) результат должен быть больше «1». Остальные результаты в той или иной мере негативные.

По методике выявления психологической готовности субъектов профессионального образования к инновационным изменениям в системе профессионального образования нами были получены результаты, приведенные в табл. 1 с результатами компьютерной обработки первых шести блоков вопросов методики.

ме циркуляров, нет); минимальное – на 4-м уровне, т. е. нет, не готовы сидящие в министерских креслах, по мнению опрошенных, к инновациям.

На вопрос «Возможны ли?» максимальное количество баллов на 1-м, 4-м и 5-м уровнях. Парадоксально, по мнению опрошенных, инновации возможны через студентов, министров и общество в целом; а минимальное – на 2-м уровне, видимо, опрошенные очень низко оценивают возможности и способности нынешних педагогов, а реально – студенты готовы принять реформу, а финансовые возможности есть у сотрудников.

На вопрос «Проводят ли?» максимальное количество баллов на 4-м уровне. Действительно, только министры и проводят «инновации» в профессиональном образовании: указы, приказы, программы и пр. Минимальное количество баллов – на 1-м и 5-м уровнях: студенты и общество не проводят инноваций и не могут проводить.

В целом, по усредненным данным (по вопросам и уровням) получено значение 0,68, которое находится между «как получится» (0) и «да, если подучиться, подготовиться» (+1). Его можно интерпретировать как мнение примерно такого содержания: «вообщем-то мне и другим все равно, что у вас там происходит с реформой профессионального образования, но если поднапрячься, и если это так необходимо, то можно попробовать». Особого восторга от реформ в системе профессионального образования опрошенные не испытывают, хотя и понимают, что инновации в профессиональном образовании необходимы.

В табл. 2 приведены результаты компьютерной обработки вторых четырех блоков вопросов методики.

Таблица 2

**Конкретное осуществление инноваций
в ПО по уровням***

(Specific implementation of innovations by levels)

№	Уровни управления	Личность (я)	Педагоги	Директора	Сотрудники министерств	Среднее значение
1	Где проводить	1,09	1,17	0,83	1,35	1,11
2	Кто должен	1,26	1,22	1,04	1,39	1,23
3	Как нужно	1,35	1,74	0,48	0,48	<u>1,01</u>
4	Среднее значение	1,23	1,38	<u>0,78</u>	1,07	1,12

* Источник: рассчитано и составлено авторами.

По второму блоку вопросов нами сделаны следующие выводы. Из процессов (процедур) проведения инноваций (реформ) максимальное значение имеет «кто должен», а минимальное – «как нужно», т. е. более важно для проведения реформ в профессиональном образовании, кто проводит инновации (инновационные занятия), и при этом менее важно, каким образом проводятся эти инновации в профессиональном образовании. Важен человек (педагог), его мотивация, его желание.

Примерно такой же результат получен и по анализу уровней. Максимальное значение имеет «педагог», а минимальное – «директор», т. е. важен субъект профессионального образования, который непосредственно связан с обучающимися и отвечает за их образование, а не пишет множество отчетов «наверх» и отчитывается только перед начальством, а не перед обучающимися.

Однако среднее значение по всем показателям (по процессам и уровням) выше «1», что говорит о практической, а не «отчетной» готовности к инновациям в профессиональном образовании.

Вырисовывается весьма «печальная картина»: субъекты образования верхних уровней (выше педагогов) не могут и не хотят, по мнению респондентов, реформирования образования. Это опосредованно говорит о том, что они не «болеют» за состояние образования и, следовательно, за развитие общества – у них отсутствует социальная идентичность. А большие средства, выделяемые на реформирование системы образования, оседают в чьих-то карманах – соответственно, можно говорить о коррумпированности системы в целом и отдельных чиновников в частности.

Сделаем еще один вывод по данным эмпирического исследования. Реформа – это хотя и кардинальные, но эволюционные изменения. Качественно новое, неизвестное может случиться только через скачок, революцию. Таким образом, нынешние реформы в профессиональном образовании через ее «разрушение» выведут на новую, неизвестную ступень. Однако уже это не реформа, а самоорганизация системы (профессионального образования) в новую, неизвестную форму. Не изменение, а рождение нового, неизвестного. И никто не знает, что будет. Саморазрушение или самоорганизация нового, никогда не существовавшего, неизвестного никому – два противоположных полюса диалектического развития.

Выводы

Раньше люди жили в общине, существовало общинное мышление – все для и во имя общины. Потом появились государевы слуги, которых не занимали интересы общины (кроме, разумеется, налогов), но которые пытались «запустить руку» в государственную казну в силу занимаемой должности. Тогда идентичность общинная заменилась идентичностью персональной у слуг государевых.

Для коррупционера характерна персональная идентичность и соблюдение своих интересов, даже если он занимает должность, которая предполагает соблюдение социальных интересов. Для профилактики коррупции необходимо усиление воспитательной работы в образовании для возвращения социальной идентичности наших граждан. Разработка тестов по идентичности ин-

тересов и их использование среди субъектов образования было бы хорошим подспорьем в борьбе с агрессивно наступающей коррупцией, особенно в образовании, которое является системообразующей «частью» государства и наших сограждан.

Список литературы

1. Рукшин С.Е. Дошли до точки невозврата // Санкт-Петербургские ведомости. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/novosti/rus_psy/n3645.html (дата обращения: 20.10.2014).
2. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 306 с.
3. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуальности. Казань: Изд-во КГТУ, 2009. 525 с.
4. Налимов В.В. Облик науки. СПб – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 368 с.

В редакцию материал поступил 27.10.14.

© Васина В. В., Халитов Р. Г., 2014.

Информация об авторах

Васина Вероника Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социализации и профессионального воспитания личности, Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования

Адрес: 420039, г. Казань, ул. Исаева, 12, тел.: (843) 555-66-54

E-mail: virash1@mail.ru

Халитов Рашид Гусманович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории профессионального образования, Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования

Адрес: 420039, г. Казань, ул. Исаева, 12, тел.: (843) 555-66-54

E-mail: virash1@yandex.ru

Как цитировать статью: Васина В.В., Халитов Р.Г. Персональная или социальная идентичность в реформировании образования: коррупция или инновация // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 26–33.

V. V. VASINA,

PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher,

R. G. KHALITOV,

PhD (Psychology), Senior Researcher

Institute for Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education, Kazan, Russia

PERSONAL OR SOCIAL IDENTITY IN REFORMING EDUCATION: CORRUPTION OR INNOVATION

Objective: to develop a model mechanism of choosing a personal or social identity, and on its basis to analyze the psychological prerequisites of corruption on the example of educational reform.

Methods: the provisions of probabilistic philosophy by V. V. Nalimov; provisions of synergy on self-organizing systems; authors' method of psychosocial dissonance, the model of interaction mechanism.

Results: Basing on the developed model mechanism of choosing the personal or social identity, it is shown that corruption is associated with the personal identity of the official whose private interests prevail over the public ones (and often are opposite to them), despite the fact that their public position implies social identity and social (public) consciousness.

Scientific novelty: Basing on the author's methods and models, which have scientific novelty, the article for the first time investigated the role of personal and social identity as a prerequisite for the corruption occurrence.

Practical value: The main points and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical (educational) activities in addressing the issues of corruption and society development, and in corruption crimes prevention.

Key words: personal identity; social identity; reform; corruption; corruption crime; psychosocial dissonance; preparedness for reform; social relations in society; the form of self-determination; bribery.

References

1. Rukshin, S.E. Doshli do tochki nevozvrata (Reached the point of no-return). *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, available at: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/novosti/rus_psy/n3645.html (accessed: 20.10.2014).
2. Sushkov, I.R. *Psikhologiya vzaimootnoshenii grupp v sotsial'noi sisteme: dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Psychology of group interaction in a social system: Doctoral thesis (Psychology)). Moscow, 2002, 306 p.
3. Nurullin, R.A. *Metafizika virtual'nosti* (Metaphysics of virtuality). Kazan': Izd-vo KGTU, 2009, 525 p.
4. Nalimov, V.V. *Oblik nauki* (The image of science). Saint-Petersburg – Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013, 368 p.

Received 27.10.14

Information about the authors

Vasina Veronika Viktorovna, PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher of the Laboratory of socialization and professional upbringing of a personality, Institute for Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education (Kazan)

Address: 12 Isayev Str., 420039 Kazan, tel.: (843) 555-66-54

E-mail: virash1@mail.ru

Khalitov Rashid Gusmanovich, PhD (Psychology), Senior Researcher of the Laboratory of methodology and theory of professional education, Institute for Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education (Kazan)

Address: 12 Isayev Str., 420039, Kazan, tel.: (843) 555-66-54

E-mail: virash1@yandex.ru

How to cite the article: Vasina V.V., Khalitov R.G. Personal or social identity in reforming education: corruption or innovation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 26–33.

© Vasina V. V., Khalitov R. G., 2014

Антикоррупционный менеджмент: инновационные антикоррупционные образовательные программы: сборник программ / под общ. ред. И.И. Бикеева и П.А. Кабанова: в 3 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 232 с. (Серия: Противодействие коррупции).

Первый том серии «Противодействие коррупции» подготовлен специалистами НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань) при участии сотрудников Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики. Он включает 8 образовательных программ, предназначенных для лиц, профессионально или на общественных началах занимающихся различными видами антикоррупционной деятельности: экспертизой, пропагандой, образованием, планированием и программированием, мониторингом, участием в работе специализированных совещательных антикоррупционных органов или в комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов и др.

Издание будет полезным для широкого круга субъектов антикоррупционной деятельности, образовательных учреждений и всех других, желающих пополнить свои знания в указанной сфере.

УДК 343.9:328.185

А. А. ИВАНОВА,

кандидат юридических наук

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Цель: показать значение научного подхода в законодательном обеспечении противодействия коррупции.

Методы: диалектический метод познания с преимущественным системным подходом (анализом).

Результаты: на основании результатов критического анализа антикоррупционного законодательства России и практики противодействия коррупции сформулированы положения о законодательных рисках. Полученные знания представляют определенную полезность для законотворческой и практической деятельности в области противодействия коррупции. Убедительно (и на примерах) доказана очевидная необходимость руководствоваться принципом научности в законодательной технике, что, безусловно, позволяет прогнозировать и минимизировать законодательные риски и тем самым оптимизировать регулятивную систему управления противодействием коррупции.

Научная новизна: заключается в осмыслении стратегии противодействия коррупции как важнейшей основополагающей идеи законодательной и практической деятельности системы государственного управления, а также в необходимости субъектам противодействия коррупции в своей деятельности руководствоваться принципом научности, предвидеть и минимизировать законотворческие риски.

Практическая значимость: предлагаются идеи оптимизации противодействия коррупции на основе научно проработанных программ и планов с учетом реальных возможностей и профессионального благоразумия, исключающего политические амбиции.

Ключевые слова: стратегия; концепция; политика; противодействие коррупции; надсистемное управление; системное мышление; бюрократия; эффект бумеранга; законотворческие риски; принцип научности.

Введение

Понятие стратегии можно рассматривать по-разному, в научной литературе приводится множество классификаций этого определения [1, с. 24]. Представляется правомерным в данном контексте выделить 2 вида стратегии – понимаемой как в широком, так и узком смысле.

В широком смысле *стратегия* означает то же самое, что и *концепция* – это система знаний, в которых выражена идея, основная мысль или главный замысел чего-либо, задуманного к осуществлению в будущем, например, снижение уровня коррупции в стране, теоретическая разработка приоритетных направлений, принципов, целей, задач и других значимых положений, вытекающих из основополагающей идеи. В узком смысле основные направления деятельности и есть стратегии особенного характера.

«Особенная» стратегия определяется как одно из приоритетных направлений деятельности или одно из приоритетных направлений общей стратегии, скажем, стратегии борьбы с преступностью. Так, академик В. Н. Кудрявцев определял около 10 стратегий борьбы с преступностью: пресечение преступлений; уголовное преследование лиц, со-

вершивших преступление; истребление и устрашение; изоляция; исправление и т. д. [2, с. 353].

Главной стратегической целью идеи противодействия коррупции, согласно «Национальной стратегии противодействия коррупции»¹ (далее – Национальная стратегия), является «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» (ст. 5). Проистекающие из этой идеи и ее цели конкретизированные положения выступают основополагающими идеями приоритетных направлений или общих стратегий. В Национальной стратегии предусмотрено более 20 таких направлений (ст. 8). Например, первое из них, чрезвычайно важное направление, которое должно определять основную стратегию, – «обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции».

Данная система стратегических руководящих идей воплощается в конкретную деятельность

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.: Указ Президента Российской Федерации № 460 от 13 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. 15 апреля.

по противодействию коррупции через особый регулятивный механизм, образно говоря, приводной ремень, в роли которого выступает законодательство. В этом механизме должно быть воплощено «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3, с. 772]. Однако таким искусством владеет далеко не каждый из тех, кто пишет и принимает законы, разрабатывает программы и планы. И поэтому нередко концептуальные идеи как истинные воплощаются либо не в полной мере, либо более чем некорректно в позитивных императивах, конкретизирующих эту высшую идею в нормативных документах.

Очевидно, что необходимо различать уровни мышления, которые адекватно можно соотнести, во-первых, с *субъектом-разработчиком* самой идеи или стратегии (концепции), во-вторых, с *субъектом-реализатором* «перевода» этой идеи в потенциально действенный механизм, который призван регулировать функционирование организационно-управленческого механизма системы реального противодействия коррупции, т. е. реализации конкретных мер конкретными исполнителями в конкретные сроки.

Результаты исследования

Субъект-разработчик – это никто иной, как субъект *надсистемного управления* или системно мыслящий специалист, который отличается способностью быть выше предметного (прагматического или приземленного) мышления, как бы выходящий за пределы системы, «парить» над ней, рассмотреть ее со стороны «независимым», *стратегическим* взглядом, оценить ситуацию, спрогнозировать перспективы воздействия на нее. В этом взгляде особенную роль играет методологический инструментарий, в частности надсистемные, фундаментальные принципы (взаимосвязи, историзма и др.). Эти принципы можно назвать их методологическими, которые «в соответствии со всеобщими законами развития являются универсальными для любых видов деятельности» [4].

Надсистемному управленцу чужд, противопоставлен «замыленный» взгляд на происходящее, он не должен быть вовлечен «в текучку» и иметь сформированное привычное, упрощенное убеждение, выраженное фразой «как это все традиционно должно быть». Это свойственно предметно-

му мышлению, которое по обыкновению не видит, а потому и не ищет новых, альтернативных путей развития управленческой системы [5].

Надсистемные управленцы – это высокопрофессиональные специалисты, «мозг управления», они берут на себя ответственность за эффективное управление системой противодействия преступности и поэтому должны владеть искусством, прежде всего, правоохранительного управления, т. е. механизмом антикриминальной политики.

Что касается *субъекта-реализатора*, в особенности законодателя, то его профессионализм, через который концептуальные идеи трансформируются в идеи нормативные, не позволяет сегодня обеспечить адекватное законодательство. Последствия же «неконцептуального» законодательства проявляются в негативных факторах, понятие и классификацию которых в частности предлагает В. М. Баранов [6].

В одном из своих исследований он пишет: «Умный законодатель, прежде чем выступить с личной законодательной инициативой, многократно взвесит возможные юридические и иные последствия своего шага» [7, с. 21]. Однако, по его мнению, уровень юридической подготовки наших законодателей таков, что лишь немногие способны самостоятельно разработать полноценную концепцию или же реально оценить уже подготовленную. А это, естественно, отрицательно влияет на качество принимаемых законов.

Асистемность противодействия коррупции. Антикоррупционное законодательство представляет собой такой пример-аргумент для наших утверждений. Как известно, начало активной антикоррупционной кампании можно отнести ко второй половине 2008 г. Учитывая, что в период 2005–2008 гг. предпринимаемые государством меры противодействия коррупции успехов не имели, президентом РФ Д. А. Медведевым был утвержден «Национальный план противодействия коррупции»² как «настоятельная необходимость». Указ об утверждении данного документа был подписан 31 июля 2008 г.

² Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

Примером стратегического мышления надсистемного субъекта управления может служить подготовка и внесение в Государственную Думу Российской Федерации Закона «О противодействии коррупции»³. В проекте предусматривалось (п. «а») определение, в частности, таких понятий, как «коррупция» (как социально-юридическое явление) и «коррупционное правонарушение» (как отдельное проявление коррупции), влекущих за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность⁴, в числе законодательных мер по обеспечению противодействия коррупции.

Рассмотрим уровень депутатского (предметного) мышления. 19 декабря 2008 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции». И в этом законе названные выше идеи надсистемного управленца, т. е. предусмотренные президентом РФ важные положения, оказались проигнорированными. В частности, не было дано определения понятия коррупции как социально-юридического явления. Вместо него использовался перечень деяний, выражавших незаконное использование должностного положения в корыстных целях.

Недооценка коррупции как явления. Данное «неконцептуальное» обстоятельство, по нашему мнению, породило расхождение в подходах к осмыслению понятий коррупции и коррупционного правонарушения (преступления), что в определенной мере затрудняет реализацию политики противодействия коррупции. Примечательно, что в недавнем интервью Информационно-правовому порталу «ГАРАНТ» руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И. Д. Соловьев отметил, что определение единого понятия коррупции, которое бы учитывало все многообразие отечественных и международных правовых актов, невозможно, ибо: «такое определение займет

не один лист бумаги и будет сложным для восприятия и понимания» [8]. Депутат пояснил, что в Федеральном законе «О противодействии коррупции», по его словам, являющегося «нашей своеобразной антикоррупционной конституцией, дано определение, которое в том числе основано на перечислении способов неправомерных действий должностного лица» [8].

Таким образом, коррупция рассматривается как «социально-правовое явление, сущность которого выражена в общественных отношениях, возникших на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц по незаконному использованию одним из них своего должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды» [9, с. 13]. Но сумма преступлений, даже именуемая «суммативной системой», таковой не является. Характер и степень безусловной общественной опасности множества не может представлять собой угрозу национальной безопасности, поскольку оно представляет собой некий хаос.

Однако именно из хаоса «вызревает», систематизируется определенный порядок, в котором проявляется системность. Важно знать и учитывать те закономерности, по которым происходит перерастание хаоса (коррупционных проявлений) в системное образование (коррупцию). Одно дело, когда противодействие осуществляется в отношении конкретных, например, коррупциогенных объектов; другое – когда объектом противодействия является коррупция как социально-юридическое явление.

Можно сказать, в явлении коррупции интегрируются или сливаются энергии элементов хаоса – отдельно взятых (в статистике) правонарушений. В результате такого слияния возникает (по методологическому закону перехода количества в качество) новое, интегрированное свойство, которое выводит объект-коррупцию «на новый уровень развития, на котором она как системный объект характеризуется относительно динамическим постоянством основных свойств и функций [10, с. 76].

В данном случае мы видим пример подмены системного мышления, в духе которого был написан президентский «концептуальный» документ, мышлением предметным, отличающимся упрощенным определением коррупции всего

³ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273 от 25 декабря 2008 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 10.08.2014)

⁴ Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

лишь как способов неправомерных действиях должностного лица. То есть такому предметному мышлению не свойственно «многократное взвешивание юридических и иных последствий» законодателя, на что справедливо сетовал профессор В. М. Баранов.

Представление о коррупции как о ряде (сумме) отдельных деяний обуславливает и соответствующее, упрощенное представление о причинах этих деяний, а именно, объясняет ее, как это следует из преамбулы «Национального плана противодействия коррупции», «неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства»⁵.

Проблема забюрократизированности. Следовательно, и сама деятельность по противодействию коррупционной преступности должна сводиться, в основном, к искоренению ее причин, имманентно содержащихся в избыточности государственного администрирования.

В итоге реализации этого курса противодействия коррупции, как констатирует директор Национального антикоррупционного совета РФ М. М. Лашков, «все антикоррупционные планы и стратегии государства остаются «национальными» только на бумаге» [11]. Это была безуспешная кампания против коррупции и порождающей ее, прежде всего, *бюрократии*, которая, как ни парадоксально, и проявила себя как фактор этой безуспешности. Данный эффект можно назвать эффектом бумеранга. Особенно это явление характерно для ведущего субъекта противодействия коррупции в стране – Министерства внутренних дел, где забюрократизированность, по свидетельству М. М. Лашкова, «выходит за пределы разумного и лишь ужесточает пресловутую «палочную систему», которая в приоритетном порядке самым негативным образом отражается на гражданах... Тем не менее, отмечает М. М. Лашков, отменять порочную практику, когда жалоба на должностное лицо в результате брожения по бюрократическим кабинетам спускается на исполнение к должностному лицу, на которое изначально была подана жалоба, никто не отменял. И, судя по обсуждаемым

«новым антикоррупционным инициативам», этот порочный круг никто менять не собирается» [11]. Это весьма характерно для системы управления, которая на 80 % коррумпирована [12].

Не менее актуально заявляет о себе «неконцептуальная» практика противодействия коррупции в сфере экономической. Как справедливо пишет корреспондент «Ведомостей» О. Кувшинова, «коррупционная модель ведения бизнеса сегодня по-прежнему остается экономически выгодной и позволяет в короткий срок получить значительные преимущества перед конкурентами, пытающимися действовать в рамках правового поля»⁶.

Например, как ни убеждали теоретики (субъекты «концептуального» предвидения противодействия коррупции) практиков (субъектов управленческого воздействия (противодействия)), что без улучшения качества государственного управления (в том числе, надо полагать, и устранения бюрократических препонов – *примечание авт.*), еще больше снизит и без того его низкую результативность, их прогноз-предупреждение не был услышан.

В результате, как оценивает сложившуюся ситуацию директор Института анализа предприятий и рынков ВШЭ, профессор А. А. Яковлев, реформирование государственного регулирования, попытки принудить чиновников следовать часто противоречащим друг другу инструкциям привели к остановке экономики [13]. Более того, профессор выразил убеждение в том, что «то, как с коррупцией борются, бьет не только по ней, но убивает и любую активность» [13].

Дисфункциональный эффект. Дисфункция (от лат. *dis* – приставка, придающая отрицательный или противоположный смысл + *functio* – действие, осуществление) есть нарушение деятельности. В данном случае имеет место ярко выраженный пример подобного нарушения деятельности, или некорректного выполнения функции координации и регулирования, что привело к ее противоположности, или обратному эффекту («эффекту бумеранга», т. е. «хотели, как лучше, а получилось – наоборот»). Эффект бумеранга с позиции энер-

⁵ Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

⁶ Концепция по борьбе с коррупцией в России на период 2014 г.: URL: <http://op-yanao.ru/index.php/novosti/koncepciya-po-borbe-s-korrupcieie-v-rossii-na-period-do-2014-goda.html> (дата обращения: 03.09.2014).

гетического подхода профессор Г. Н. Горшенков именуется «инициирующим эффектом» [14, с. 31], сущность которого заключается в том, что неупорядоченность системы антикоррупционного управления повышает уровень упорядоченности, или самоорганизации коррупции.

Например, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 6) в качестве, подчеркнем, *первоочередной* меры предписано «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»⁷. Естественно, данная мера была включена и в «Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 гг.», п. 3 которого прямо предусматривал работу «по формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции»⁸.

Получается, что антикоррупционное законодательство, определяя относительно частную и, следует подчеркнуть, ситуативную задачу, мобилизует усилия субъектов противодействия коррупции на формирование негатива в общественном сознании и общественной психологии, которые и без того полны нетерпимости. Обращение к негативным чувствам людей, возбуждение в них чувства сильной вражды, неприязни или даже, ненависти [15, с. 355] может легко спровоцировать тот самый эффект – бумеранга. Как говорят в народе, с чем боролись, на то – и напоролись. Как видим, в данном случае даже народная мудрость – на стороне научности.

Законотворческие риски. Снисходительное отношение законодательной и административно-исполнительной практики к научным рекомендациям, экспертным заключениям, неизбежно усиливает подобные риски, т. е. возможные, заранее неизвестные или недооцененные негативные последствия определенных решений и последующих действий. В нашем случае как раз имеют место 2 вида такого риска: *риск несистемности*, или *асистемности* (умаление явления коррупции до элементарной совокупности коррупционных правонарушений)

⁷ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273 от 25 декабря 2008 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 10.08.2014)

⁸ Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 гг. // Российская газета. 2010. 15 апреля.

и *риск асоциальности* (возбуждение негативного общественного мнения и правонастроения).

Предвидение (прогнозирование) такого рода рисков, минимизация возможных последствий негативного характера в противодействии преступности или ее «фоновых явлений» приобретает сегодня особое «стратегически судьбоносное» значение, ибо в современном мире возможность предвидения будущих явлений, в том числе и в правовой сфере, приобретает особую актуальность. Между тем в антикриминальной политике правящего класса целесообразность и в немалой степени эмоциональность, но не научность. Основная политическая (стратегическая) цель противодействия коррупции искоренения ее причин и условий задает тон всей управленческой системе, призывая, образно говоря, к кавалерийским атакам на данную угрозу национальной безопасности. В одном из интервью Радио России сенатор А. Г. Лысков, рассуждая о перспективах борьбы с коррупцией и давая оценку антикоррупционному законодательству, определил в нем «твердое намерение начать *войну с коррупцией не на жизнь, а на смерть* (выделено нами – прим. авт.)» [16]. И далее: «После принятия выверенных законов, как после утверждения плана генерального наступления, предстоит сделать главное: получить поддержку общества, мобилизовать сограждан на активную *войну с коррупцией* (выделено нами – прим. авт.)» [16].

На политика (как, впрочем, должно быть и на каждого из нас) в значительной мере влияет общественное мнение и правонастроение. Но политик – особый субъект правоотношений (которые он сам и в немалой степени определяет). Он подвержен воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, на которые незамедлительно реагирует. Эти реакции заметно усиливаются, особенно за счет придания им публичности через СМИ. Отсюда вытекает закономерная потребность в особом, эмоциональном языке (положительно окрашенной экспрессивной или образной лексике, «языке плаката» – агитации и пропаганды), который позволяет политику находить понимание у широких масс населения, толпы, а иногда и у неопределенного круга лиц.

Возникает вопрос: а нужна политика научность? Его предметное мышление предпочитает иной ориентир – популизм. Разумеется, не к

каждому «уголовно-правовому» политику наше утверждение может быть отнесено, однако, такое явление имеет место быть.

Принцип научности же диктует непреложное правило: при разработке стратегии и тактики противодействия коррупции руководствоваться не столько обстоятельствами, сколько объективными закономерностями, которым и подчинены эти самые обстоятельства. В силу объективных закономерностей и видоизменяется данное социально-юридическое явление – коррупция и, в целом, преступность.

Выводы

Карательная мощь уголовного наказания является мерой вынужденной и традиционно находится в сильной зависимости от «карательной» мотивации «властного» политика, т. е. права подчинять другого. Изначально наказание за преступление выражало в себе чувство мести, которое вкладывали в него не только законодатель (и правоприменитель), но и потерпевший, которому государство предоставляло такое же право. Например, по Русской Правде предусматривалось право физической расправы над обидчиком. Известный социолог П. А. Сорокин писал: «Реальная мотивирующая сила – это не цель, а биологическое побуждение, условный рефлекс...» [17, с. 53].

Мера вынужденного (или, наоборот, политически расчетливого) реагирования на частные случаи проявления коррупции в лучшем случае направлена соответственно на причинную связь между деянием и результатом, что действительно немаловажно для обеспечения торжества буквы закона (в частном или исключительном случае). Мышление правоприменителя «направлено на оценку чужой деятельности с позиции права в целях привлечения к ответственности» [18, с. 74], а в этих, даже добросовестных стараниях легко скатиться под обвинительный уклон.

В связи с этим мы наблюдаем еще один «рисковый эффект», а именно – непроработанную потенциальную возможность получить результат негативного характера, который следовало предвидеть, принимая законодательное решение о смягчении уголовного преследования за взятки, или введения альтернативного лишения свободы в виде кратного штрафа и лишения права занимать определенные должности. Сумма штрафа впечат-

ляет: от двадцатипятикратной суммы взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ) – до стократной (ч. 6 ст. 290 УК РФ); т. е. минимальный штраф составит не менее 25 тысяч рублей, а максимальный – 500 млн рублей.

Очевидно, что эта сумма не была взята с по-толка, а просчитана с учетом сложившейся криминальной ситуации, в частности, исходя из финансовых возможностей коррупционеров. Однако, какие реальные возможности имеются для исполнения наказания, очевидно, не интересовало законодателя. И вот – результат не заставил себя ждать. Так, по данным председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, из 20 млрд рублей, которые должны были выплатить взяточники в качестве кратных штрафов (что позволило бы почти возместить нанесенный ущерб), реально было получено всего лишь 1 % – 20 млн рублей⁹.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в отличие от политиков, коррупционеры оказались более дальновидными, они регулярно увеличивали плату за возрастающие риски быть схваченными за руку. Например, за 6 лет антикоррупционной кампании средняя сумма взятки увеличилась более чем в 16 раз, и соответственно «совокупный доход» коррупционеров в 2013 г. был равен 21 млрд рублей (сумма причиненного ущерба стране).

Научно необоснованный (политический) расчет законодателя на эффективность вводимых санкций не позволил просчитать последствия таких нововведений, т. е. предвидеть тот самый риск – *гуманизация* наказания, которое теперь, по сути, оставляет взяточника, в том числе крупного и особо крупного, безнаказанным. А это, конечно же, стимулирует коррупционное поведение.

Известный афоризм «Теория без практики – мертва, а практика без теории – слепа» очень уместен в наших умозаключениях о концепции и практике противодействия коррупции. Однако представляется, что данная аксиома давно известна каждому. Но дело в том, что далеко не каждый руководствуется этой мудростью: одни – исходя из своего уровня мышления; другие – из политических или карьерных соображений.

⁹ В ходе антикоррупционной кампании средняя сумма взятки в России выросла в 16 раз. URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (дата обращения: 30.10.2014)

По нашему мнению, необходимо *не доказывать* законодателю, правоприменителю (управленцу в целом) роль и значение научности в своей деятельности, необходимость теоретически обдуманных умозаключений, а *побуждать* руководствоваться этими истинными идеями. А это не так просто, учитывая моральные устои тех многих личностей, которые реализуют антикоррупционную кампанию в стране.

Список литературы

1. Апт Л.Ф., Баранов В.М. Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 8–14.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. 352 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Малеева Т.В. Системный подход к формированию принципов управления земельными ресурсами крупного города // Проблемы современной экономики. 2005. № 3/4 (15/16). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (дата обращения: 10.08.2014)
5. URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (дата обращения: 24.08.2014)
6. Баранов В.М. Концепция законопроекта и ее роль в повышении эффективности принятия закона. URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (дата обращения: 11.09.2014)
7. Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 8–14.
8. О современном состоянии антикоррупционного законодательства. Интервью с руководителем аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Соловьевым И. Н. URL: http://www.garant.ru/ia/agggregator/?tag_id=1441 (дата обращения: 17.09.2014)
9. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Н. Коррупция как социально-юридическое явление и уголовно-правовой признак // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительная практика: сб. науч. трудов / отв. ред. П.А. Колмаков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2010. Вып. 6. С. 5–13.
10. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. 214 с.
11. Борьба с коррупцией как презумпция привилегированности. URL: <http://www.korupcii.net/> (дата обращения: 07.10.2014)
12. Генпрокуратура считает, что в России коррумпировано более 80 % чиновников. URL: <http://www.votkinsk.net/node/3294> (дата обращения: 03.09.2014)
13. Кувшинова О. Борьба с коррупцией стала причиной остановки роста экономики // Ведомости. 2014. 7 октября.
14. Горшенков Г.Н. Синергетический подход в криминологии. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2009. 72 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
16. Анатолий Лысков: атака «пятой колонны». URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата обращения: 20.04.2014)
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
18. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989. 192 с.

В редакцию материал поступил 20.10.14

© Иванова А. А., 2014

Информация об авторе

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент факультета права, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
 Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, тел.: (8312) 278-09-25
 E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

Как цитировать статью: Иванова А. А. Стратегия противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 34–41.

A. A. IVANOVA,
PhD (Law)

Nizhniy Novgorod branch of National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia

STRATEGY OF CORRUPTION COUNTERACTION

Objective: to show the significance of scientific approach in legislative provision of corruption counteraction.

Methods: dialectic method of cognition with systemic approach (analysis).

Results: Basing on the results of critical analysis of the Russian anti-corruption legislation and practice, the provisions on legislative risks are formulated. The obtained knowledge is useful for law-making and practical activity in the sphere of corruption counteraction. The author

argumentatively proves the necessity to implement the scientific principle in law-making technique, which allows to predict and minimize law-making risks and thus optimize the regulative management system of corruption counteraction.

Scientific novelty: realizing the strategy of corruption counteraction as an important idea for law-making and practical activity of state management system, as well as the necessity for the corruption counteraction subjects to use the scientific principle, to predict and minimize the law-making risks.

Practical value: The author proposes ideas of corruption counteraction optimization on the basis of scientifically elaborated programs and plans, taking into account the actual possibilities and professional prudence, excluding political ambitions.

Key words: strategy; concept; policy; corruption counteraction; supra-systemic management; systemic thinking; bureaucracy; boomerang effect; law-making risks; scientific principle.

References

1. Apt L.F., Baranov V.M. Sistematizatsiya v pravotvorchestve: sushchnost', tsnennost', perspektivy sovershenstvovaniya (Systematization in law-making activity: essence, value, prospects of improving). *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 17, pp. 8–14.
2. Kudryavtsev, V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* (Strategies of struggle against crime). Moscow: Yurist", 2003, 352 p.
3. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Thesaurus of the Russian language). Moscow: Azbukovnik, 1997, 944 p.
4. Maleeva, T.V. Sistemnyi podkhod k formirovaniyu printsipov upravleniya zemelnymi resursami krupnogo goroda (Systemic approach to forming the principles of managing land resources of a large city). *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2005, no. 3/4 (15/16), available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (accessed: 10.08.2014)
5. <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (accessed: 24.08.2014)
6. Baranov, V.M. *Kontseptsiya zakonoproekta i ee rol' v povyshenii effektivnosti prinyatiya zakona* (The concept of a draft law and its role in increasing the efficiency of law adoption), available at: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (accessed: 11.09.2014)
7. Baranov, V.M. Ideya i kontseptsiya zakonoproekta: ponyatie, znachenie, dialektika funktsionirovaniya (Idea and concept of a draft law: notion, significance, dialectics of functioning). *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 17, pp. 8–14.
8. *O sovremennom sostoyanii antikorrupcionnogo zakonodatel'stva. Interv'yu s rukovoditelem apparata Komiteta Gosudarstvennoi Dumy po bezopasnosti i protivodeistviyu korrupsii Solov'evym I. N.* (On the modern condition of anticorruption legislation. Interview with I.N. Solov'yev, the Head of the State Duma Committee apparatus on security and corruption counteraction), available at: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (accessed: 17.09.2014)
9. Gorshenkov, A.G., Gorshenkov, G.N. *Korrupsiya kak sotsial'no-yuridicheskoe yavlenie i ugovovno-pravovoi priznak. Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimeritel'naya praktika: sb. nauch. trudov* (Corruption as social-juridical phenomenon and criminal-legal feature. Topical problems of juridical science and law-enforcement practice: collection of works). Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkar'skogo un-ta, 2010, issue 6, pp. 5–13.
10. Gorshenkov, G.N. *Kriminologiya: nauchnye innovatsii. Monografiya* (Criminology: scientific innovations. Monograph). Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2009, 214 p.
11. *Bor'ba s korrupsiyey kak prezumptsiya privilegirovannosti* (Struggle against corruption as presumption of the privileged position), available at: <http://www.korupcii.net/> (accessed: 07.10.2014)
12. Genprokuratura schitayet, chto v Rossii korrumpirovano bolee 80 % chinovnikov (Prosecutor General's Office believe that more than 80% of officials in Russia are corrupted), available at: <http://www.votkinsk.net/node/3294> (accessed: 03.09.2014)
13. Kuvshinova, O. Bor'ba s korrupsiyey stala prichinoi ostanovki rosta ekonomiki (Struggle against corruption became the reason for economic growth suspension). *Vedomosti*, 2014, 7 oktyabrya.
14. Gorshenkov, G. N. *Sinergeticheskii podkhod v kriminologii* (Synergetic approach in criminology). Nizhniy Novgorod: Izd-vo VVAGS, 2009, 72 p.
15. Ushakov, D.N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (Thesaurus of the modern Russian language). Moscow: «Adelant», 2013, 800 p.
16. *Anatolii Lyskov: ataka «pyatoi kolonny»* (Anatoliy Lyskov: "fifth column" attack), available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (accessed: 20.04.2014)
17. Sorokin, P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* (Human being. Civilization. Society). Moscow: Politizdat, 1992, 543 p.
18. Zhalinskii, A.E. *Sotsial'no-pravovoe myshlenie: problemy bor'by s prestupnost'yu* (Social-legal thinking: problems of struggle against crime). Moscow: Nauka, 1989, 192 p.

Received 20.10.14

Information about the author

Ivanova Anna Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Law Faculty, Nizhniy Novgorod branch of National Research University "Higher School of Economics"

Address: 25/12 B.Pecherskay Str., 603155, Nizhniy Novgorod, tel.: (8312) 278-09-25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

How to cite the article: Ivanova A.A. Strategy of corruption counteraction. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32). pp. 34–41.

© Ivanova A. A., 2014

УДК 343.9:328.185:340.1

П. А. КАБАНОВ,

доктор юридических наук, доцент

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Цель: разработать и предложить теоретически обоснованное определение антикоррупционного просвещения как правовой категории.

Методы: диалектический метод познания.

Результаты: в статье проведен структурный анализ правовых и научных дефиниций антикоррупционного просвещения, сформулированных в региональном законодательстве Российской Федерации, а также в научной и справочной литературе; определены объекты и субъекты антикоррупционного просвещения, средства информационного антикоррупционного воздействия.

Научная новизна: на основе исследования предложена новая редакция научной и правовой категории «правовое просвещение». Оно существенно отличается от ранее имевшихся определений и раскрывает его содержание.

Практическая значимость: разработанная научная категория антикоррупционного просвещения позволяет раскрыть содержание этого вида деятельности и может способствовать дальнейшим исследованиям.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционная деятельность; антикоррупционное законодательство; антикоррупционное просвещение; объект антикоррупционного просвещения; субъект антикоррупционного просвещения; средство информационного антикоррупционного воздействия.

Введение

Вопросы повышения качества противодействия коррупции в современном российском обществе находятся в центре внимания специалистов различных отраслей знания и представителей органов государственной власти. Им посвящено значительное количество научных, учебных, методических и публицистических работ различного объема, содержания и качества. Однако до настоящего времени не подготовлено и не опубликовано ни одного крупного исследования, посвященного антикоррупционному просвещению. В арсенале российских исследователей имеются лишь две небольшие по объему публикации [1, с. 322–323; 2], которые не в полной мере раскрывают содержание этого вида деятельности. В начале 2014 г. Правительством Российской Федерации принята специальная Программа по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.,¹ которая требует научного сопровождения ее реализации. Хотя в региональном антикоррупционном законодатель-

стве это средство противодействия коррупции было закреплено еще раньше и использовалось органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при реализации региональной антикоррупционной политики². О важности и значимости правового просвещения по вопросам противодействия коррупции в России еще в конце прошлого века говорили высшие должностные лица³. В связи с этим не случайно в региональном антикоррупционном законодательстве и подзаконных нормативных правовых актах антикоррупционное просвещение закреплено в качестве средства противодействия коррупции. Однако содержание понятия не всегда раскрывается, а предлагаемые дефиниции этому средству противоречивы и требуют совершенствования. Все это

¹ Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.: распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14 мая 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 21. Ст. 2721.

² О скорректированном плане по антикоррупционному просвещению на 2010–2011 гг.: приказ Управления по делам печати, издательства и полиграфии при Правительстве Республики Башкортостан № 172/1-ОД от 31 мая 2010 г. // Документ официально опубликован не был и находится в личном архиве автора.

³ Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 17 февраля 1998 г. // Российская газета. 1998. 24 февраля.

свидетельствует не только о теоретической, но и практической значимости исследования феномена антикоррупционного просвещения.

Цель нашего исследования на данном этапе сводится лишь к тому, что бы определиться с правовым определением антикоррупционного просвещения и раскрыть его содержание. Для достижения этой цели мы проанализировали федеральные, региональные и муниципальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации и осуществления антикоррупционного просвещения (246 единиц), а с помощью сравнительно-правового метода, методов структурного и системного анализа документов достигли, как нам представляется, основной цели исследования.

Результаты исследования

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции показал, что правотворческие органы вкладывают разную смысловую нагрузку в предлагаемые ими термины и словосочетания, связанные с организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения. В некоторых субъектах Российской Федерации антикоррупционное просвещение рассматривается как специфическое направление информирования населения – антикоррупционное информирование⁴. В антикоррупционном законодательстве других российских регионов антикоррупционное просвещение неоправданно отождествляется с антикоррупционной пропагандой⁵ или антикор-

рупционным образованием⁶. Неоднозначность восприятия антикоррупционного просвещения обусловлена еще и тем, что региональное антикоррупционное законодательство в некоторых случаях указывает в качестве средства профилактики коррупции другое средство – правовое просвещение⁷. Об антикоррупционном профилактическом эффекте правового просвещения упоминается в научных публикациях современных российских исследователей [3; 4, с. 13–16; 5]. В результате правотворческой деятельности органов публичной власти различного уровня на смену этому понятию стали появляться различные «комбинированные» термины и словосочетания. Среди используемых ныне в нормативных правовых актах словосочетаний можно выделить такие, как: «правовое просвещение в сфере противодействия коррупции»⁸, «правовое просвещение по вопросам противодействия коррупции»⁹, «просветительская работа по вопросам противодействия коррупции»¹⁰, «просвещение в целях формирования навыков антикорруп-

⁶ О противодействии коррупции в Республике Дагестан: Закон Республики Дагестан № 21 от 7 апреля 2009 г. (в ред. от 12 марта 2013 г. № 12) // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2009. № 7. Ст. 275.

⁷ Об отдельных мерах по противодействию коррупции в Тульской области: Закон Тульской области № 1108-ЗТО от 12 ноября 2008 г. (ред. от 7 октября 2009 г.) // Тульские известия. 2008. 20 ноября; О противодействии коррупции в Калужской области: Закон Калужской области № 305-ОЗ от 27 апреля 2007 г. (ред. от 10 ноября 2009 г.) // Весть. 2009. 3 июня; О противодействии коррупции в Ивановской области: Закон Ивановской области № 61-ОЗ от 18 июня 2009 г. (ред. от 16 декабря 2009 г.) // Ивановская газета. 2009. 19 июня; О противодействии коррупции в Курской области: Закон Курской области № 85-ЗКО от 11 ноября 2008 г. (ред. от 20 ноября 2009 г.) // Курская правда. 2008. 19 ноября.

⁸ О противодействии коррупции в Калининградской области: Закон Калининградской области № 332 от 10 марта 2009 г. (ред. от 13 декабря 2010 г.) // Комсомольская правда в Калининграде (приложение «Официальный вестник»). 2009. 13 марта.

⁹ Об утверждении ведомственной программы противодействия коррупции в Министерстве финансов Ульяновской области на 2013–2015 гг.: Приказ Минфина Ульяновской области № 68-пр от 25 декабря 2012 г. (в ред. от 8 августа 2014 г. № 47-пр) // Ульяновская правда. 2013. 11 января.

¹⁰ Об уполномоченном по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 43-ОЗ от 2 августа 1999 г. (в ред. от 31 марта 2012 г. № 35-ОЗ) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 1999. № 7. Ст. 470.

⁴ О противодействии коррупции в Белгородской области: закон Белгородской области № 338 от 7 мая 2010 г. // Белгородские известия. 2010. 28 мая; О противодействии коррупции в Костромской области: Закон Костромской области № 450-4-ЗКО от 10 марта 2009 г. (ред. от 30 мая 2013 г. № 366-5-ЗКО) // СП – нормативные документы. 2009. 13 марта; О противодействии коррупции: закон Республики Карелия № 1227-ЗРК от 23 июля 2008 г. (ред. от 3 марта 2010 г. № 1372-ЗРК) // Карелия. 2008. 5 августа.

⁵ О противодействии и профилактике коррупции в Рязанской области: Закон Рязанской области № 70-ОЗ от 15 июля 2010 г. // Рязанские ведомости. 2010. 20 июля; О профилактике коррупции в Еврейской автономной области: Закон Еврейской автономной области № 526-ОЗ от 25 февраля 2009 г. (ред. от 30 сентября 2009 г. № 611-ОЗ) // Биробиджанер штерн. 2009. 5 марта.

ционного поведения»¹¹, «правовое просвещение по антикоррупционной тематике»¹², «просвещение по антикоррупционной тематике»¹³, «правовое просвещение по вопросам соблюдения законодательства в сфере противодействия коррупции»¹⁴, «правовое просвещение по вопросам антикоррупционной деятельности»¹⁵, «правовое просвещение в области противодействия коррупции»¹⁶ и другие, о которых мы ранее уже писали [6]. Как правило, органы публичной власти, используя эти словосочетания, не утруждали себя пояснениями

¹¹ О Совете при Губернаторе Свердловской области по противодействию коррупции: Указ Губернатора Свердловской области № 982-УГ от 9 сентября 2008 г. (в ред. от 7 октября 2014 г. № 458-УГ) // Собрание законодательства Свердловской области. 2008. № 9. Ст.1358; О Совете при Правительстве Пензенской области по противодействию коррупции: Постановление Правительства Пензенской области № 521-пП от 19 августа 2008 г. (в ред. от 14 октября 2014 г.) // Пензенские губернские ведомости. 2008. 2 сентября.

¹² Об утверждении Плана противодействия коррупции в исполнительных органах государственной власти Томской области на 2014–2015 гг.: Распоряжение Губернатора Томской области № 178-р от 29 июля 2014 г. (в ред. от 25 сентября 2014 г. № 245-р); Комплекс мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих к противодействию коррупции: Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 18-2/10/2-1490 от 19 марта 2013 г. URL: <http://www.gosmintrud.ru/> (дата обращения: 12.11. 2014)

¹³ Об утверждении муниципальной программы «О противодействии коррупции в муниципальном образовании «город Киров» на 2014–2016 гг.»: Постановление главы города Киров № 15-02-05 от 13 февраля 2014 г. // Наш город. 2014. 21 февраля.

¹⁴ Об утверждении государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Пензенской области в 2014–2020 гг.»: Постановление Правительства Пензенской области № 782-пП от 22 октября 2013 г. (в ред. от 15 мая 2014 г. № 318-пП) // Пензенские губернские ведомости. 2013. 6 ноября.

¹⁵ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Противодействие коррупции в Республике Мордовия» на 2014–2018 гг.: Постановление Правительства Республики Мордовия № 578 от 23 декабря 2013 г. (в ред. от 20 октября 2014 г. № 504) // Известия Мордовии. 2014. 17 января.

¹⁶ Об утверждении Государственной программы «Реализация антикоррупционной политики в Республике Татарстан на 2015–2020 гг.»: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 512 от 19 июля 2014 г. // Собрание постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2014. № 58–59. Ст.1789.

их содержания. Исключением из этого правила было антикоррупционное законодательство нескольких субъектов Российской Федерации, где предлагались различные дефиниции антикоррупционного просвещения. Обратимся только к тем правовым категориям антикоррупционного просвещения, которые близки к его содержанию. Так, в Законе Белгородской области о противодействии коррупции указано, что антикоррупционное просвещение представляет собой целенаправленный процесс информирования населения о мерах по реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции через средства массовой информации, официальные представительства органов государственной власти в сети Интернет в целях формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры¹⁷. Очевидным достоинством этого определения является указание на цели антикоррупционного просвещения: а) формирование антикоррупционного мировоззрения; б) повышение уровня правосознания; в) повышение уровня правовой культуры, а также указание на средство его осуществления – информирование.

Близкое по содержанию определение антикоррупционного просвещения предложено в Законе Чувашской Республики «О противодействии коррупции». В соответствии с ч. 2 ст. 10 этого регионального закона, антикоррупционное просвещение является деятельностью, направленной на формирование антикоррупционного мировоззрения, повышение уровня правосознания и правовой культуры посредством организации системы информирования граждан об их правах и о необходимых действиях по защите этих прав, а также подготовки и дополнительного профессионального образования специалистов в сфере проведения антикоррупционной экспертизы, ведения антикоррупционного мониторинга¹⁸. Здесь мы отмечаем аналогичный подход к целеполаганию антикоррупционного просвещения, а

¹⁷ О противодействии коррупции в Белгородской области: закон Белгородской области № 338 от 7 мая 2010 г. // Белгородские известия. 2010. 28 мая.

¹⁸ О противодействии коррупции: Закон Чувашской Республики № 14 от 4 июня 2007 г. (ред. от 22 ноября 2013 г. № 83) // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2007. № 5. Ст. 253.

также дополнительное указание на инструменты его осуществления: а) информирование, а точнее, антикоррупционное информирование; б) антикоррупционное дополнительное профессиональное образование; в) антикоррупционный мониторинг.

Правовое определение антикоррупционного просвещения заложено и в Законе Костромской области «О противодействии коррупции в Костромской области». В соответствии со ст. 7 данного закона, антикоррупционное просвещение осуществляется посредством распространения информации о мерах по реализации государственной политики в области противодействия коррупции, предоставления доступа к материалам антикоррупционной направленности через средства массовой информации, официальные сайты органов государственной власти Костромской области, государственных органов Костромской области, органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, взаимодействия с гражданами и организациями по проблемам противодействия коррупции¹⁹. Данное определение носит описательный характер, в нем указываются способы антикоррупционного просвещения: а) распространение информации о мерах по реализации государственной политики в области противодействия коррупции (антикоррупционное информирование); б) путем взаимодействия с гражданами и организациями. Кроме того, в определении антикоррупционного просвещения имеется указание на субъекты его осуществления – органы государственной власти и органы местного самоуправления.

На фоне представленных дефиниций антикоррупционного просвещения, используемых региональным антикоррупционным законодательством, несколько по-иному выглядит определение, предложенное законодателями Архангельской области. В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона Архангельской области «О противодействии коррупции в Архангельской области», антикоррупционное просвещение – это распространение знаний о законодательстве по противодействию коррупции, практике его применения и разъяснение положений нормативных правовых актов в сфере противодей-

ствия коррупции в целях формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры посредством информирования граждан об их правах и о необходимых действиях по защите этих прав, а также посредством антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного образования²⁰. Здесь мы видим, что содержание антикоррупционного просвещения отражает цели его осуществления: а) формирование антикоррупционного мировоззрения; б) повышение уровня правосознания; в) повышение уровня правовой культуры, а в качестве средств его осуществления, наравне с антикоррупционным информированием, предусмотрено использование не только антикоррупционного образования, но и антикоррупционной пропаганды.

Несомненно, представляет интерес правовая дефиниция «антикоррупционное просвещение», предложенная законодателями Новосибирской области. В соответствии с положениями ст. 2 Закона «О профилактике коррупции в Новосибирской области», антикоррупционное просвещение представляет собой просветительскую деятельность органов государственной власти Новосибирской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Новосибирской области, государственных учреждений Новосибирской области, муниципальных учреждений, организаций, общественных объединений и граждан по распространению идей, знаний, культурных ценностей в области противодействия коррупции²¹. Очевидным достоинством этого определения является указание на широкий круг субъектов осуществления антикоррупционного просвещения: а) областные органы государственной власти; б) органы местного самоуправления муниципальных образований области; в) государственные учреждения области; г) муниципальные учреждения; д) организации; е) общественные объединения; ж) граждане. Основной целью осуществления антикоррупционного просвещения яв-

²⁰ О противодействии коррупции в Архангельской области: Закон Архангельской области от 26 ноября 2008 г. № 626-31-ОЗ (ред. от 22 апреля 2013 г. № 659-39-ОЗ) // Волна. 2008. 9 декабря.

²¹ О мерах по профилактике коррупции в Новосибирской области: Закон Новосибирской области № 486-ОЗ от 27 апреля 2010 г. (в ред. от 2 июля 2014 г. № 461-ОЗ) // Советская Сибирь. 2010. 30 апреля.

ляется распространение идей, знаний, культурных ценностей в области противодействия коррупции. Безусловно, что все представленные и проанализированные нами правовые дефиниции антикоррупционного просвещения, помимо очевидных достоинств, имеют и ряд существенных недостатков – отсутствие в каждом из них в полном объеме основных структурных элементов, отражающих сущность антикоррупционного просвещения как средства противодействия коррупции.

Отсутствие приемлемой правовой дефиниции антикоррупционного просвещения требует обращения к научной и учебной литературе, связанной с описанием и объяснением содержания антикоррупционного просвещения. В современных российских антикоррупционных словарях предлагается два подхода к определению антикоррупционного просвещения. Первый подход дает достаточно широкое определение этому средству противодействия коррупции – распространение достоверных и объективных знаний о коррупции, ее причинах и антикоррупционной деятельности государства и общества [7, 8]. Второй подход имеет больше практическую направленность и рассматривает антикоррупционное просвещение как целостную систему воспитательно-образовательных мер, направленных на усвоение знаний о коррупции, сущности ее угрозы национальной безопасности и необходимости противодействовать коррупционным правонарушениям [9]. Очевидно, что обе научные дефиниции антикоррупционного просвещения, так же не раскрывают в полном объеме сущность этого средства противодействия коррупции через его основные структурные элементы.

К большому сожалению, вне содержания правовой и научной дефиниций оказались все основные элементы антикоррупционного просвещения. На наш взгляд, таковыми являются: а) цели и задачи антикоррупционного просвещения; б) субъекты антикоррупционного просвещения; в) объекты антикоррупционного просвещения; г) средства антикоррупционного просвещения.

Как показывает проведенный нами анализ регионального антикоррупционного законодательства и литературных источников, в качестве основных целей антикоррупционного просвещения должны выступать: а) формирование антикоррупционного мировоззрения; б) формирование антикоррупционного поведения. В качестве до-

полнительных целей антикоррупционного просвещения следует выделить: а) повышения уровня правосознания, б) повышение уровня правовой культуры. Однако современные исследования в сфере противодействия коррупции свидетельствуют, что дополнительными целями должны быть иные объекты, не правосознание и правовая культура, а антикоррупционное сознание [10, 11, 12, 13] или антикоррупционное правосознание [14] и антикоррупционная культура [15, 16, 17, 18]. Российское законодательство и общество сейчас нуждаются в формировании антикоррупционного сознания и культуры.

Разумеется, что основным элементом системы антикоррупционного просвещения выступают его субъекты. В качестве субъектов антикоррупционного просвещения следует выделять: организаторов, исполнителей и лиц, содействующих этому процессу. В качестве организаторов антикоррупционного просвещения обычно выступают органы публичной власти. Так, в Костромской области в качестве организатора антикоррупционного просвещения выступает Департамент региональной безопасности Костромской области²², в Архангельской области эта функция возложена на региональное министерство образования и науки²³, в Новосибирской области полномочия по организации и координации антикоррупционного просвещения переданы региональному министерству юстиции²⁴, в Карачаево-Черкесской Республике антикоррупционное просвещение является одной из основных задач республиканского Управления по реализации антикоррупционной политики²⁵.

²² О департаменте региональной безопасности Костромской области: Постановление Губернатора Костромской области № 104 от 14 мая 2009 г. (в ред. от 8 февраля 2012 г. № 41) // Северная правда. 2009. 21 мая.

²³ Об утверждении положения о министерстве образования и науки Архангельской области: Постановление Правительства Архангельской области № 120-пп от 27 марта 2014 г. (в ред. от 3 июня 2014 г. № 229-пп) // Волна. 2014. 10 апреля.

²⁴ О министерстве юстиции Новосибирской области: Постановление Губернатора Новосибирской области № 120 от 13 июля 2012 г. (в ред. от 28 августа 2014 г. № 131) // Советская Сибирь. 2012. 31 июля.

²⁵ Об утверждении Положения об Управлении по вопросам реализации антикоррупционной политики Карачаево-Черкесской Республики: Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики № 237 от 19 ноября 2010 г. // День Республики. 2010. 30 ноября.

Вместе с тем встречаются случаи, когда региональными нормативными правовыми актами одновременно в качестве организаторов и исполнителей антикоррупционного просвещения выступают одни и те же органы. Так, в Калининградской области организация и проведение мероприятий по антикоррупционному просвещению возложена на Комиссию Правительства Калининградской области по соблюдению требований к служебному поведению государственными гражданскими служащими Калининградской области и урегулированию конфликта интересов²⁶. Хотя обычно совещательные, координационные и иные общественные советы и комиссии при органах публичной власти являются учреждениями, содействующими в организации или осуществлению антикоррупционного просвещения²⁷.

В качестве исполнителей антикоррупционного просвещения обычно указываются органы исполнительной власти²⁸ либо их структурные

подразделения²⁹ или должностные лица³⁰. При этом в органах государственной власти и органах местного самоуправления полномочиями по осуществлению антикоррупционного просвещения обладают подразделения и сотрудники кадровых служб по профилактике коррупционных или иных правонарушений³¹. Однако в отдельных случаях эта функция возлагается на иные органы³². Как показывает анализ региональных ведомственных антикоррупционных программных документов (планов противодействия коррупции), в большинстве случаев в них в качестве исполнителей антикоррупционного просвещения закреплены подразделения и/или сотрудники кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Если же эта функция возлагается специальным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы организации и осуществления антикоррупционного просвещения, то только именно за этими подразделениями или должностными лицами она закрепляется. Такое правовое регулирование не исключает участия в качестве субъектов антикоррупционного просвещения иных

²⁶ О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Калининградской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Калининградской области: Постановление Правительства Калининградской области № 608 от 19 сентября 2014 г. // Калининградская правда. 2014. 2 октября.

²⁷ О Совете при Правительстве Пензенской области по противодействию коррупции: Постановление Правительства Пензенской области № 512 от 19 августа 2008 г. // Пензенские губернские ведомости. 2008. 2 сентября; О Совете по противодействию коррупции: постановление главы городского поселения Каширского городского поселения Московской области № 668 от 10 июля 2012 г. // Городское поселение Кашира. 2012. 5 октября; Об организации деятельности Совета по противодействию коррупции в городе Павлов Посад: постановление главы городского поселения Павловский посад Павлово-Посадского муниципального района Московской области № 265 от 17 апреля 2013 г. // Колоколья. 2013. 2 мая.

²⁸ Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.: Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14 мая 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 21. Ст. 2721; Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению в Республике Дагестан на 2014–2016 гг.: Распоряжение Правительства РД № 263-р от 21 августа 2014 г.; О скорректированном плане по антикоррупционному просвещению на 2010–2011 гг.: Приказ Управления по делам печати, издательства и полиграфии при Правительстве Республики Башкортостан № 172/1-ОД от 31 мая 2010 г.; Об утверждении Плана работы по антикоррупционному просвещению государственных гражданских служащих Министерства промышленности и торговли Кабардино-Балкарской Республики на 2014–2016 годы: Приказ

Минпромторга Кабардино-Балкарской Республики № 81 от 14 июля 2014 г.

²⁹ Об утверждении плана мероприятий по антикоррупционному просвещению в Южноуральском городском округе в 2014–2015 гг.: Постановление администрации Южноуральского городского округа Челябинской области № 516 от 10 июня 2014 г.

³⁰ Об утверждении Плана работы по антикоррупционному просвещению государственных гражданских служащих Министерства промышленности и торговли Кабардино-Балкарской Республики на 2014–2016 гг.: приказ Минпромторга Кабардино-Балкарской Республики № 81 от 14 июля 2014 г.; Об утверждении графика проведения «прямых линий» с гражданами по вопросам антикоррупционного просвещения, отнесенным к сфере деятельности министерства строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края: Приказ министерства строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края № 75 от 21 октября 2014 г.

³¹ Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы по противодействию коррупции: приказ Госкомимущества Кабардино-Балкарской Республики № 89 от 4 августа 2014 г. // Официальная Кабардино-Балкария. 2014. 15 августа.

³² Об уполномоченном по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 43-ОЗ от 2 августа 1999 г. (в ред. от 31 марта 2012 г. № 35-ОЗ) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 1999. № 7. Ст. 470.

органов, учреждений, организаций и частных лиц. Безусловно, в качестве лиц, осуществляющих антикоррупционное просвещение, могут выступать представители средств массовой коммуникации (журналисты), педагогические работники, члены общественных антикоррупционных органов и организаций, т. е. широкий круг лиц, обладающих достоверными данными о состоянии коррупции, причинах ее существования, мерах противодействия этому негативному социальному явлению. Здесь важнейшее требование к исполнителям – наличие профессиональной антикоррупционной компетентности, поскольку не подготовленные лица могут принести больше вреда, чем пользы.

Федеральные, региональные и муниципальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации и осуществления антикоррупционного просвещения, в качестве объектов антикоррупционного просвещения выделяют: а) граждан Российской Федерации³³; б) населения региона³⁴,

³³ Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.: Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14 мая 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 21. Ст. 2721; Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению в Республике Дагестан на 2014–2016 гг.: Распоряжение Правительства Республики Дагестан № 263-р от 21 августа 2014 г.; О противодействии коррупции: закон Чувашской Республики № 14 от 4 июня 2007 г. (ред. от 22 ноября 2013 г. № 83) // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2007. № 5. Ст. 253; О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.: Указ Президента Российской Федерации № 226 от 11 апреля 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

³⁴ О противодействии коррупции в Белгородской области: закон Белгородской области № 338 от 7 мая 2010 г. // Белгородские известия. 2010. 28 мая; Об утверждении Порядка расходов средств бюджета Пермского края на мероприятия по противодействию коррупции и совершенствования системы государственного и муниципального контроля в Пермском крае на период 2014–2016 гг.: Указ Губернатора Пермского края № 149 от 23 декабря 2013 г. // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2013. № 51 (ч. 1); Об утверждении Программы противодействия коррупции в Приморском крае на 2014–2015 гг.: постановление Администрации Приморского края № 261-па от 8 июля 2014 г. // Приморская правда. 2014. 15 июля; Об утверждении Плана работы органов государственной власти Свердловской области по противодействию коррупции на 2014–2015 гг.: распоряжение Губернатора Свердловской области № 88-РГ от 2 апреля 2014 г. // Областная газета. 2014. 12 августа.

в) государственных³⁵ или муниципальных³⁶ служащих либо обе категории вместе³⁷; г) учащихся образовательных учреждений³⁸. В связи с этим можно предположить, что объектом антикоррупционного просвещения выступает все современное российское общество, хотя это не препятствует осуществлению антикоррупционного просвещения отдельных целевых групп (государственных и муниципальных служащих, учащихся и т. д.).

Важнейшей составляющей процесса осуществления антикоррупционного просвещения являются его средства. В качестве таковых федеральные, региональные и муниципальные нормативные правовые акты выделяют опосредованные средства информационного воздействия: средства массовой информации, массово-коммуникационную сеть Интернет, научную и учебную литературу, плакаты, проведение конкурсов и выставок, а также непосредственное информационное воздействие: лекции, беседы, консультации, брифинги и т. д. Необходимо отметить, что вопросам применения средств информационного антикоррупционного воздействия посвящено достаточное количество научных работ [19], в том числе и диссертационных [20]. Однако наиболее распространенным непосредственным средством

³⁵ Об утверждении областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2013–2015 гг.: Постановление Правительства Ульяновской области № 12/106-п от 1 апреля 2013 г. (в ред. от 28 июля 2014 г. № 19/324-п) // Ульяновская правда. 2013. 10 апреля.

³⁶ Об отчетности по реализации федеральной законодательства и законодательства Ямало-Ненецкого автономного округа по вопросам муниципальной службы, формирования и использования резерва управленческих кадров: Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа № 77-ПГ от 20 мая 2011 г. (в ред. от 23 сентября 2014 г. № 134-ПГ) // Красный Север. 2011. 26 мая.

³⁷ О противодействии коррупции в Калининградской области: закон Калининградской области № 332 от 10 марта 2009 г. (ред. от 13 декабря 2010 г.) // Комсомольская правда в Калининграде (приложение «Официальный вестник»). 2009. 13 марта; Комплекс мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих к противодействию коррупции: Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 18-2/10/2-1490 от 19 марта 2013 г. URL: <http://www.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 12.11.2014)

³⁸ Об утверждении государственной программы Воронежской области «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности»: Постановление Правительства Воронежской области № 1205 от 31 декабря 2013 г.

антикоррупционного просвещения, закрепленным нормативными правовыми актами, является антикоррупционное консультирование населения³⁹ и отдельных целевых групп (государственных и муниципальных служащих). В качестве наиболее распространенных форм опосредованного информационного воздействия выступают разработка и доведение до субъектов антикоррупционного просвещения методических рекомендаций по вопросам противодействия коррупции. Как показывает личный исследовательский опыт, количество таких рекомендаций постоянно возрастает.

Выводы

Структурный анализ антикоррупционного просвещения показал, что этот сложный многоцелевой антикоррупционный инструмент, используемый в антикоррупционной деятельности органов публичной власти, нуждается в добротной правовой дефиниции. С учетом проведенного нами анализа содержания антикоррупционного просвещения можно предложить следующее его определение.

Антикоррупционное просвещение – это система распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленная на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры. Разумеется, что предложенное нами определение антикоррупционного просвещения не является идеальным, возможны и другие, альтернативные, подходы к его формированию. Но, как нам представляется, предложенная дефиниция имеет ряд очевидных преимуществ по сравнению с имеющимися региональными право-

выми и теоретическими категориями. Во-первых, она достаточно широко и полно устанавливает круг субъектов, наделенных полномочиями по осуществлению антикоррупционного просвещения. Во-вторых, определяет и фиксирует основные цели антикоррупционного просвещения – формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры. В-третьих, указывает на субъекты антикоррупционного просвещения – неопределенный круг лиц, что не исключает информационного воздействия на отдельные целевые группы. В-четвертых, для достижения основных целей антикоррупционного просвещения допускается использование любых информационных способов, сил и средств. В-пятых, использование предложенной нами научной правовой дефиниции «антикоррупционное просвещение» позволяет устранить противоречия между различными по юридической силе нормативными правовыми актами и привести к гармонизации современного российского антикоррупционного правотворчества.

Список литературы

1. Ураев Р.Р. Актуальные аспекты антикоррупционного просвещения населения (на примере Республики Башкортостан). Научное обеспечение инновационного развития АПК: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2010.
2. Земелин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI в. COUNTER-TERRORISM. 2014. № 2. С. 47–53.
3. Фалилеев В.А. Правовое просвещение как средство предупреждения коррупции в регионе // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 10. С. 3–5.
4. Гармаев Ю.П. Правовое просвещение как средство предупреждения коррупции // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. мат-ов междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2014 г. Хабаровск, 2014. С. 13–16.
5. Третьякова Е.-Д. С. Правовое просвещение в сфере борьбы с коррупцией для государственных гражданских и муниципальных служащих // Научные труды РАЮН. Вып. 14: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 2014. С. 708–712.
6. Кабанов П.А. О формировании Программы мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания граждан и популяризацию антикоррупционных стандартов поведения, основанных на знании общих прав и обязанностей // Следователь. 2014. № 1. С. 27–29.
7. Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / А.Э. Бикмухаметов, П.А. Кабанов, Д.К. Чирков и др.; под общ. ред. П.А. Кабанова. М.: МедиаПресс, 2008. 144 с.
8. Коррупция и антикоррупционная политика: терминологический словарь / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов, Д.К. Чирков

³⁹ Об утверждении графика проведения «прямых линий» с гражданами по вопросам антикоррупционного просвещения, отнесенным к сфере деятельности министерства строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края: Приказ министерства строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Краснодарского края № 75 от 21 октября 2014 г.; Об утверждении графика проведения «прямых линий» на 2014–2016 гг. в Департаменте олимпийского наследия Краснодарского края: Приказ Департамента олимпийского наследия Краснодарского края № 152 от 13 октября 2014 г.

и др.; под общ. ред. Г.И. Райкова, П.А. Кабанова, Д.К. Чиркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: МедиаПресс, 2010.

9. Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / В.Н. Агеев, И.И. Бикеев, П.А. Кабанов и др.; под общ. ред. И.И. Бикеева, П.А. Кабанова: серия в 3 т. Т. 2. Казань: Изд-во «Познание» Института, экономики, управления и права, 2014. 228 с.

10. Салматин В.П. Проблемы формирования антикоррупционного сознания и правовой культуры населения // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 124–126.

11. Рукина И.М., Петросян Д.С. Формирование антикоррупционного сознания // Проблемный анализ и государственное управление. 2011. Т. 4. № 2. С. 94–98.

12. Сюзева Н.В. Провокационные приемы при формировании антикоррупционного сознания // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 46–57.

13. Устинов А.А. Формирование антикоррупционного сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы как мера профилактики коррупции // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 3 (10). С. 23–25.

14. Шедий М.В. Формирование антикоррупционного правосознания как основного элемента антикоррупционного образования гражданского общества // Вестник Универ-

ситета (Государственный университет управления). 2014. № 3. С. 286–290.

15. Хамдеев А.Р. Анализ основных принципов формирования антикоррупционной культуры студентов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 4. С. 100–107.

16. Хамдеев А.Р. Педагогические условия формирования антикоррупционной культуры студентов // Казанский педагогический журнал. 2013. № 6 (101). С. 112–116.

17. Солмин В.П. Формирование антикоррупционной культуры как фактор воспитания нетерпимости к коррупции в гражданском обществе // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 4. С. 110–116.

18. Замалетдинов Р.Р., Ибрагимова Е.М., Амирова К.А. Формирование антикоррупционной культуры у школьников. Казань, 2010.

19. Идрисов Э.З. Средства массовой информации в системе антикоррупционной политики современной России: дис. ... канд. политич. наук. Пятигорск, 2014.

20. Талапина Э.В., Антопольский А.А. Информационное обеспечение противодействия коррупции. Обзор законодательства Российской Федерации. М., 2009.

В редакцию материал поступил 11.11.14

© Кабанов П. А., 2014

Информация об авторе

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: (831) 465-59-76

E-mail: kabanovp@mail.ru

Как цитировать статью: Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 42–51.

P. A. KABANOV,

Doctor of Law, Associate Professor

Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhny Novgorod, Russia

ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS A MEANS OF CORRUPTION COUNTERACTION: NOTION AND CONTENT

Objective: to elaborate and propose the theoretically grounded definition of anti-corruption education as a legal category.

Methods: dialectic method of cognition.

Results: The article presents structural analysis of legal and scientific definitions of anti-corruption education, formulated in the regional legislation of the Russian Federation, as well as in the scientific and reference literature; the objects and subjects of anti-corruption education are defined, as well as means of information anti-corruption impact.

Scientific novelty: Basing on the research, the new variant of the scientific and legal category “legal education” is proposed. It significantly differs from the previous definitions and discloses its content.

Practical value: The elaborated scientific category of anti-corruption education allows to disclose the content of this activity and may promote further research.

Key words: corruption; anti-corruption activity; anti-corruption legislation; anti-corruption education; object of anti-corruption education; subject of anti-corruption education; means of information anti-corruption impact.

References

1. Uraev, R.R. *Aktual'nye aspekty antikorrupcionnogo prosveshcheniya naseleniya (na primere Respubliki Bashkortostan). Nauchnoe obeshchenie innovatsionnogo razvitiya APK: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf.* (Topical aspects of anti-corruption education (on the example of Bashkortostan Republic). Scientific provision of agricultural complex innovative development: materials of the All-Russian scientific-practical conference). Moscow, 2010.

2. Zemelin, A.I. O novatsiyakh i deformatsiyakh antikorrupcionnogo prosveshcheniya i vospitaniya v sovremennoi Rossii (On novations and deformations of anti-corruption education and up-bringing in modern Russia). *Protivodeistvie terrorizmu. Problemy XXI v. COUNTER-TERRORISM*, 2014, no. 2, pp. 47–53.
3. Falileev, V.A. Pravovoe prosveshchenie kak sredstvo preduprezhdeniya korruptsii v regione (Legal education as a means of corruption prevention in the region). *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2012, no. 10, pp. 3–5.
4. Garmaev, Yu.P. *Pravovoe prosveshchenie kak sredstvo preduprezhdeniya korruptsii. Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov po obespecheniyu zakonnosti i pravoporyadka v Dal'nevostochnom regione: sb. mat-ov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 29-30 maya 2014 g.* (Legal education as a means of corruption prevention. Activity of law-enforcement bodies for providing legality and law order in Far East region: collection of materials of the international scientific-practical conference, May 29-30, 2014). Khabarovsk, 2014, pp. 13–16.
5. Tret'yakova, E.-D. S. Pravovoe prosveshchenie v sfere bor'by s korruptsiei dlya gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh (Legal education in the sphere of struggle against corruption for state civil and municipal servants). *Nauchnye trudy RAYuN*, issue 14: v 2 t. T. 2. Moscow: Yurist, 2014, pp. 708–712.
6. Kabanov, P.A. O formirovani Programmy meropriyatii, napravlennoy na povyshenie urovnya pravosoznaniya grazhdan i populyarizatsiyu antikorrupcionnykh standartov povedeniya, osnovannykh na znaniy obshchikh prav i obyazannosti (On the formation of a Program of measures aimed at increasing the level of citizens' legal conscience and popularization of anti-corruption standards of behavior, based on the knowledge of general rights and liabilities). *Sledovatel'*, 2014, no. 1, pp. 27–29.
7. Bikmukhametov, A.E., Kabanov, P.A., Chirkov, D.K. i dr. *Korrupciya i antikorrupcionnaya politika: slovar'-spravochnik* (Corruption and anti-corruption policy: dictionary-reference book). Moscow: MediaPress, 2008, 144 p.
8. Bikeev, I.I., Kabanov, P.A., Chirkov, D.K. i dr. *Korrupciya i antikorrupcionnaya politika: terminologicheskii slovar'* (Corruption and anti-corruption policy: terminology dictionary). Moscow: MediaPress, 2010.
9. Ageev, V.N., Bikeev, I.I., Kabanov, P.A. idr. *Vse o korruptsii i protivodeistvii ei: terminologicheskii slovar': seriya v 3 t. T. 2* (Everything on corruption and its counteraction: terminology thesaurus: series in 3 vol. Vol. 2). Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2014, 228 p.
10. Salmatin, V.P. Problemy formirovaniya antikorrupcionnogo soznaniya i pravovoi kul'tury naseleniya (Problems of forming of the anti-corruption conscience and legal culture of the population). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2010, no. 4, pp. 124–126.
11. Rukina, I.M., Petrosyan, D.S. Formirovanie antikorrupcionnogo soznaniya (Forming of the anti-corruption conscience). *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe prognozirovaniye*, 2011, vol. 4, no. 2, pp. 94–98.
12. Syuzeva, N.V. Provokatsionnye priemy pri formirovani antikorrupcionnogo soznaniya (Provocative techniques when forming of the anti-corruption conscience). *Obrazovanie i nauka*, 2013, no. 3 (102), pp. 46–57.
13. Ustinov, A.A. Formirovanie antikorrupcionnogo soznaniya sotrudnikov ugolovno-issledovatel'skoi sistemy kak mera profilaktiki korruptsii (Forming of the anti-corruption conscience of the personnel of criminal-executive system as a means of corruption prevention). *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*, 2013, no. 3 (10), pp. 23–25.
14. Shedi, M.V. Formirovanie antikorrupcionnogo pravosoznaniya kak osnovnogo elementa antikorrupcionnogo obrazovaniya grazhdanskogo obshchestva (Forming of the anti-corruption conscience as the main element of anti-corruption education of civil society). *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*, 2014, no. 3, pp. 286–290.
15. Khamdeev, A.R. Analiz osnovnykh printsipov formirovaniya antikorrupcionnoi kul'tury studentov (Analysis of the main principles of forming of the anti-corruption culture of students). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2013, no. 4, pp. 100–107.
16. Khamdeev, A.R. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya antikorrupcionnoi kul'tury studentov (Pedagogical conditions of forming of the anti-corruption culture of students). *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2013, no. 6 (101), pp. 112–116.
17. Solmin, V.P. Formirovanie antikorrupcionnoi kul'tury kak faktor vospitaniya neterpimosti k korruptsii v grazhdanskom obshchestve (Forming of the anti-corruption culture as a factor of forming intolerance to corruption in a civil society). *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 110–116.
18. Zamaletdinov, R.R., Ibragimova, E.M., Amirova, K.A. *Formirovanie antikorrupcionnoi kul'tury u shkol'nikov* (Forming of the anti-corruption culture in schoolchildren). Kazan', 2010.
19. Idrisov, E.Z. *Sredstva massovoi informatsii v sisteme antikorrupcionnoi politiki sovremennoi Rossii: dis. ... kand. politich. nauk* (Mass media in the system of anti-corruption policy in modern Russia: PhD (Political Studies) thesis). Pyatigorsk, 2014.
20. Talapina, E.V., Antopol'skii, A.A. Informatsionnoe obespechenie protivodeistviya korruptsii. *Obzor zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* (Informative provision of corruption counteraction. Review of the Russian legislation). Moscow, 2009.

Received 11.11.14

Information about the author

Kabanov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology of Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye Shosse, 603950, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 465-59-76
E-mail: kabanovp@mail.ru

How to cite the article: Kabanov P.A. Anti-corruption education as a means of corruption counteraction: notion and content. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 42–51.

© Kabanov P. A., 2014

УДК 338(470):328.185

Д. В. МАНУШИН,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СУЩЕСТВОВАНИЮ КОРРУПЦИИ, И МЕРЫ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

Цель: выявление основных административных барьеров российской экономики, возникающих при осуществлении хозяйственной деятельности, оценка взаимосвязи их с коррупцией и разработка мер по борьбе с ними.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: доказано, что применяющиеся в нашей стране меры по борьбе с административными барьерами существенно не улучшают состояние отечественных организаций. Дано понятие «административный барьер». Обозначены области с наибольшим количеством этих барьеров. Сообщено текущее состояние в сфере регулирования административных барьеров и показана их взаимосвязь с коррупцией. Обобщены основные меры предлагаемые другими авторами для устранения этих барьеров. Автор предложил свои меры в этой области.

Научная новизна: предложены уточненные и новые меры по преодолению административных барьеров в российской экономике. Для этих мер разработан механизм борьбы с чиновниками, которые им противодействуют.

Практическая значимость: В результате внедрения мер ожидается очищение российской экономики от большей части административных барьеров, появление на рынке новых фирм, снижение стоимости их услуг и активизация конкуренции.

Ключевые слова: административный барьер; коррупция; экономика России; меры по борьбе с административными барьерами; развитие предпринимательства; малый и средний бизнес; государственное регулирование.

Введение

В течение последних двух десятилетий руководство нашей страны неоднократно высказывалось о важности борьбы с административными барьерами. Разработана концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 гг. Во многих городах созданы межведомственные комиссии по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства. Правительство РФ предпринимает меры по улучшению законодательства, стимулированию развития микро-кредитования, активизации деятельности центров поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторов. Тем не менее его деятельность в этой области к системным улучшениям так и не привела. Напротив работа организаций постоянно усложняется, что лучше всего прослеживается на примере малых фирм.

Так, Д. Неретин, гендиректор микрофинансовой компании «Финотдел», подводя итоги 2013 г., отметил, что, несмотря на подготовленный правительством пакет поддержки малого и среднего бизнеса (далее – МСБ), к концу года закрылись около 500 тысяч индивидуальных предпринимателей (ИП). Малый бизнес получил: обязательное страхование

от банкротства работодателя; повышение средней процентной ставки; огромное число внеплановых антимонопольных проверок. По результатам опроса, проведенного PricewaterhouseCoopers (далее – PwC – международная сеть компаний, предлагающих профессиональные услуги в области консалтинга и аудита), 57 % российских предпринимателей готовы закрыть бизнес. Кроме того, с 1 января 2013 г. до 32 тысяч рублей увеличились обязательные отчисления в Пенсионный фонд РФ; ужесточены штрафы за незначительные нарушения правил ведения бизнеса до 500 тысяч рублей, что для многих станет потерей, от которой они уже не оправятся. Все это вынуждает бизнесменов ликвидировать бизнес. В 2013 г. число малых фирм сократилось на 4 % [1].

Все это подтверждает важность изучения сути административных барьеров, их взаимосвязи с коррупцией и выработки мер по борьбе с ними.

Результаты исследования

Под административным барьером следует понимать преграды поставленные государством перед организациями, затрудняющие их деятельность и не приводящие к улучшениям функционирования государства.

Основные административные барьеры имеются в области:

1. Регистрации, лицензирования и прекращения деятельности компаний.

2. Взаимодействия с органами госконтроля над текущей деятельностью организаций (в основном, при подготовке к всевозможным проверкам и активном реагировании на них, в сфере решения земельных вопросов, регистрации собственности, строительстве, устранении инфраструктурных проблем).

3. Получения доступа к кредитам, лизингу, льготам и субсидиям.

4. Заключения контрактов с государством.

5. Ведения внешнеэкономической деятельности.

6. Сертификации, маркирования и паспортизации товаров или услуг.

Перед потребителями государственных услуг стоят следующие сложности:

– *недостаток информации*. Во-первых, многие не знают о существовании той или иной услуги. Во-вторых, не располагают сведениями о том, как будет выглядеть результат получения этой услуги и специфику ее реализации и в итоге не понимают, как она впишется в деятельность компании. В-третьих, не представляют, сколько времени на ее получение будет потрачено. В-четвертых, не знают, куда и в какой период времени нужно обращаться. Часто неизвестен оптимальный порядок сбора документов, специфика их заполнения, условия предоставления, расположение учреждений и схема проезда к ним;

– *нехватка времени*. Она может быть вызвана либо слишком долгим периодом оформления документов, либо излишне частой необходимостью подачи сведений и исполнения требований, либо неудобством графика работы сервиса;

– *неспособность разобраться в излишне сложных и запутанных процедурах*. Ситуация может осложняться отсутствием стандартных механизмов получения услуги, слишком частым ее изменением, наличием огромного количества служб, с которыми нужно согласовать документы, или ошибками госслужащих;

– *беспомощность перед саботажем и волокитой чиновников или их иные злоупотребления своей властью*. Следует выделять единоличное злоупотребление властью (устраняемое при обращении к начальникам этого чиновника); реги-

ональное, когда проблему могут решить только представители федеральной власти; системное, когда практически все чиновники страны заинтересованы в саботаже нововведения, и проблема может быть решена (не коррупционным путем) только при личном участии главы государства или лиц, к нему приближенных. Ситуация осложняется, во-первых, при наличии ограничений по числу организаций, которые могут получить эту государственную услугу. Во-вторых, при высокой стоимости услуги или при необходимости ее оплаты задолго до момента получения блага. В-третьих, при наличии возможности у исполнителей скрыть информацию, самостоятельно установить процедуру получения этой услуги, самим определять ее получателей и формы ее оказания.

Выявленные проблемы подтверждают прямую взаимосвязь административных барьеров с коррупцией. Особенно она свойственна системным административным барьерам, так как обычной организации их преодолеть нереально.

При этом случаи системного противодействия попыткам преодолеть административные барьеры встречаются достаточно часто. Так, Ю. Васильева [2] отмечает, что по состоянию на март 2012 г. более 100 законодательных инициатив, призванных снизить эти барьеры, не выполнены из-за нерасторопности ведомств, отвечающих за исполнение этих мер. Из сводного отчета видно, что общие планы выполнены в среднем на 50 %. Более-менее удачно удается снижать административные барьеры в сферах образования, таможенного администрирования экспорта высокотехнологичной продукции, промышленной безопасности – результат выполнения планов около 70 %. Хуже исполняются планы по приему квалификационных экзаменов на получение водительских прав, в сфере связи, транспорта – менее 30 %. При этом все запланированные меры из 23 ведомств выполнили только 5. Среди лидеров Банк России, Минобороны, ФАС, ФТС и Роскомнадзор. В отстающих – МЧС, Минюст, Минфин, Минкомсвязь, Минтранс, МВД и Росрыболовство [2].

Оценку взаимосвязи административных барьеров с коррупцией в октябре 2014 г. успешно провела О. Кувшинова, изучив мнения ряда экспертов [3]. Так, А. Яковлев, директор Института анализа предприятий и рынков ВШЭ, отмечает, что бурный рост госрегулирования, а затем попытка заставить

чиновников соблюдать все, часто противоречащие друг другу, инструкции привели к остановке экономики. По оценкам Минэкономразвития, в 2003–2013 гг. принято свыше 180 тысяч нормативно-правовых актов. В итоге возникла система избыточного и часто противоречивого регулирования, и экономические агенты, предпринимая что-либо, почти гарантированно что-то нарушают.

В таких условиях, дополняет А. Яковлев, коррупция служила способом смягчить издержки избыточного регулирования и способствовала поддержанию экономической активности. Так, проведенное в 2011–2012 гг. Европейский банк реконструкции и развития (далее – ЕБРР), Всемирным банком и Центр экономических и финансовых исследований и разработок (далее – ЦЭФИР) исследование деловой среды (далее – ВЕЕПС) в 37 российских регионах показало, что в большинстве из них предприниматели рассматривают коррупцию не как проблему, а как способ решить проблему. Однако кризис 2008 г. показал, что денег гораздо меньше, чем думали, а воруют много. Борьбу решили, как обычно, административными методами: расширить полномочия контрольных органов (Счетной палаты, прокуратуры, ФСБ), снизить административные барьеры для бизнеса через дорожные карты. Выросло число уголовных дел против чиновников, а президент В. Путин на коллегии ФСБ в апреле 2014 г. назвал борьбу с коррупцией в числе трех приоритетов. Но сама система избыточного и противоречивого регулирования осталась неизменной, и усиление борьбы с коррупцией привело еще к одной проблеме.

Экономический рост зависит от действий экономических агентов, их поведение – от экономической политики и практики регулирования, которые зависят от стимулов в системе госуправления. В результате активные коррумпированные либо повышают размер взятки, либо пополняют ряды безынициативных. Согласно ВЕЕПС, если в 2008 г. каждое пятое действие с госорганами завершалось взяткой, то в 2011 г. – каждое 12-е, но доля взяток в годовом обороте платящих их компаний выросла в 1,6 раза; доля плативших откаты за госзаказ сократилась почти вдвое, но сумма откатов выросла в 1,4 раза. Компенсация же для активных добросовестных – карьерный рост – зависит не от них и не от борьбы с коррупцией. Как показало исследование ВШЭ, в основном на распределение средств

из центра в регионы влияет процент голосов, отданных в регионе за «Единую Россию». «Если у китайских функционеров экономический рост – один из критериев оценки их деятельности, то у нас система ориентирует чиновников на обеспечение стабильности», – рассуждает А. Яковлев [3].

В то же время деятельность ФНС оценивается по объему не штрафов и проверок, а собранных налогов: у налоговиков есть стимул оптимизировать свои контрольные функции и учитывать интересы налогоплательщиков. Результат – опросы предприятий показали улучшение налогового администрирования даже в кризис. Но это редкий пример. Борьба же с коррупцией в итоге ведет к тому, что инициативные добросовестные чиновники пополняют когорту молчаливых исполнителей регламентов и инструкций. Возник эффект итальянской забастовки. Это и стало причиной резкого падения темпов роста ВВП в 2013 г. При отсутствии макроэкономических шоков рост замедлился с 3,4 до 1,3 %, хотя еще в начале 2013 г. по всем прогнозам рост ожидался в 3,4–3,6 %. «В итоге то, как с коррупцией борются, бьет не только по ней, но убивает и любую активность. Это и привело к торможению экономики», – резюмирует А. Яковлев [3].

С. Беляков, бывший замминистра экономразвития РФ, сообщает, что чиновники давно поняли, что лучше ничего не делать и на любое обращение отвечать отказом. Пока не изменена система госуправления нет смысла проводить реформы. Н. Волчкова из ЦЭФИР, считает, что инструменты достижения цели часто не соответствуют целям, а порой даже противоречат. Такое расхождение – следствие отсутствия политической конкуренции, отмечает она: плохой результат никак не влияет на дальнейшее движение по тому же пути, поскольку у политической системы нет обратной связи [3].

Весь материал предоставленный О. Кувшинниковой, подтверждается и другими фактами. Во-первых, Г. Н. Белицкая и Г. Т. Гафурова обнаружили, что фактический процесс бюджетирования в Республике Татарстан длительное время противоречит Бюджетному кодексу РФ [4]. Во-вторых, Э. М. Гильманов отмечает, что, несмотря на то, что нарушение бюджетной дисциплины является наказуемым деянием, незаконное использование бюджетных средств носит массовый характер на всей территории нашей страны [5]. В-третьих, В. В. Хоменко и Л. Н. Салимов сообщают, что в

России наблюдаются существенные нарушения прав интеллектуальной собственности даже при наличии законодательства, запрещающего подобные преступления [6].

А. Никитин, генеральный директор агентства стратегических инициатив (далее – АСИ) РФ, считает, что основные административные барьеры связаны с переходом от малого бизнеса к крупному. Так, для малого бизнеса, есть простой и понятный налоговый режим, субсидии и т. п. Но как только ты хочешь стать средним бизнесом, вся поддержка заканчивается [7].

Все изученные выше аспекты позволяют заключить, что нужно совершенствовать механизмы борьбы с коррупцией, перед ее активизацией добиться снижения основных административных барьеров, повысить качество работы госаппарата и улучшить конкуренцию политических институтов. При этом все меры по борьбе с административными барьерами должны учитывать активное противодействие им чиновничьего аппарата.

Д. Г. Галицкий на сайте пермского регионального правозащитного центра обозначил основные методы ликвидации административных барьеров [8]:

1. Проведение независимой экспертизы.
2. Изменение нормативной базы.
3. Принуждение к исполнению инструкций.

Лучше всего создать канал сбора жалоб потребителей (приемная по консультированию пострадавших, постоянная рубрика в средствах массовой информации (далее – СМИ)), наладить сотрудничество с депутатами и т. п. В итоге следует обратиться в вышестоящую организацию, в прокуратуру и иной контролирующей орган или в суд. Ход дела и его результаты обязательно должны освещаться в СМИ.

4. Изменение условий оказания сервиса, не регламентированных законом.

5. Разъяснительная работа с работниками обслуживающих организаций.

6. Информирование потребителей. Один из наиболее простых и эффективных способов – информация в месте обслуживания. Часто в коридорах организации висят стенды с информацией десятилетней давности, а работники сквозь зубы выдают скудные сведения на бесконечные вопросы потребителей. Это очень странно, но никто не обновляет вывешенную информацию. Некоммер-

ческие организации, совместно с учреждением или без его ведома, могут составить и вывесить полную и актуальную информацию, что снимет много проблем у большинства потребителей. Причем, эта акция не дорогая и легко реализуемая.

7. Дистанционное обслуживание.

При регистрации фирм в ЕС многие процедуры организованы посредством принципа «одного окна» и могут быть завершены за пару дней при относительно низких организационных затратах [9].

В России же принцип «одного окна» внедрен только в некоторых регионах обычно в одной сфере деятельности. Так, в Уральске успешно реализован пилотный проект предоставления бизнесу земельных участков, работающий по принципу «одного окна». С февраля по август 2014 г. в этот центр обслуживания предпринимателей обратилось почти 6 тысяч человек. В нем один день в неделю вели прием заявлений от представителей МСБ сотрудники коммунальных служб и госучреждений, без согласования с которыми земля не может быть предоставлена. И если раньше для сбора всех подписей и печатей у предпринимателя мог уйти целый месяц, то теперь все можно успеть за один день. Однако были выявлены и недоработки. Например, представители ряда служб часто пропускали дни приема граждан в этом центре, поэтому число принятых заявлений у них гораздо меньше, чем у других. Глава Уральска отметил, что, несмотря на недостатки, проект себя оправдал и все больше горожан пользуется возможностью собрать все согласования в одном месте в один день. Причем из общего числа обращений больше половины не касаются выбора земельных участков как таковых, а связаны с подведением воды, газа и т. п. В связи с этим поступило предложение список уже имеющихся учреждений и служб дополнить списком организаций, связанных и с этими направлениями деятельности [10].

А. Никитин [7], гендиректор АСИ РФ, отметил, что для выявления административных барьеров они проводят множество опросов. В первый год предприниматели просто не хотели на вопросы отвечать. А сейчас понимают, что оценка качества менеджмента в регионе все больше зависит от них самих.

«Мы часто проводим акции «Тайный инвестор», где «инвесторами» выступают предприниматели из соседних регионов. Причем они сами в ней заинтере-

ресованы, мы им не платим за такую работу денег (хотя, иногда и награждаем грамотами), они понимают, что в их регионе другой предприниматель пройдет этот путь, сообщит нам о результатах, мы дадим сигнал руководству нашей страны, и общая атмосфера в регионе для инвесторов улучшится.

Мы вообще много занимаемся проектами, связанными с нормативными ограничениями. Например, проект газовых мини-заправок. Такая заправка размером с холодильник не имеет гражданского применения, но может использоваться крупными агрохолдингами. Оказалось, чтобы поставить такую заправку для внутреннего потребления, нужно собрать столько же документов, сколько и на публичную АЗС. Перевод сельхозтехники на газ дешевле и экологичнее. Вот для таких проектов мы и снимаем административные барьеры» [7].

Есть и другие подвижки в ликвидации административных барьеров. Так, Б. Ляув [11] отметила, что недавно созданное Министерство строительства РФ исключило более 100 согласований в строительстве, снизив их число до 134. Проект постановления разрабатывался в течение двух лет. Административные требования исключались по принципу их дублирования и избыточности. Из 100 около 60 процедур установлены на местном и региональном уровнях и в большинстве случаев противоречат федеральному законодательству. Дополнительно рассматривается возможность сокращения еще примерно 40 пунктов, говорит М. Мень. «Сразу это было нельзя сделать, потому что этот процесс более длительный, так как требует изменений ряда федеральных законов. Систематизация и анализ всех административных процедур для жилищных застройщиков проведена впервые», – уточняет он [11].

Все изученные меры по борьбе с административными барьерами весьма актуальны и важны. Тем не менее некоторые из них можно улучшить, а также предложить и иные меры для устранения этих барьеров.

Выводы

Для уменьшения числа административных барьеров предлагается:

1. Обязать каждую государственную службу подготовить методические рекомендации по прохождению всех этапов согласования во всех направлениях, необходимых потребителю, с указанием

взаимосвязей между собой всех согласований и наилучшего порядка действий, адресов учреждений, схемы проезда к ним, контактных должностей, часов приема и номеров телефонов. Эти рекомендации должны находиться в свободном доступе в Интернете и быть представлены в месте начала сбора документов на стендах. В каждой из них должен присутствовать рассказ одного из постоянных потребителей этой услуги, делящегося своим опытом решения этой проблемы. Еще потребителям должна быть дана возможность комментировать процесс всех согласований (как в Интернете, так и в журналах жалоб и предложений, предоставляемых им после окончания взаимодействия с госаппаратом по решаемому вопросу) с указанием самых сложных или ненужных этапов согласования.

2. Организовать работу по принципу «одного окна» путем сбора всех необходимых чиновников в одном месте (как это было сделано в г. Уральске). Однако каждый рабочий день недели должен собираться состав госслужащих для решения разных вопросов. В результате получится серьезно упростить, как минимум 5 процедур, занимающих наибольшее время на их согласование с органами власти (возможно и больше, так как некоторая часть взаимодействий с чиновниками по другим вопросам уже будет входить в состав этих пяти процедур). При этом любой вопрос должен решаться сразу на месте. В некоторых учреждениях, присутствие представителей которых требуется практически каждый день, возникает необходимость создания новой должности, специально для участия в работе этого комитета. Сэкономить на этом можно путем размещения этого комитета в здании, где находится главный офис чиновников, участие которых постоянно требуется для эффективной работы комитета. Тем не менее главной проблемой здесь является переход с работы в установленные нормативами периоды времени (обычно от одной до шести недель с момента подачи заявки) на мгновенное решение проблем по запросу.

3. Создать разноскоростные и разнооплачиваемые периоды движения любых документов. Это изменение формальных правил будет успешным, так как оно всего лишь закрепит имеющиеся неформальные правила. Например, есть множество фирм, предлагающих очень быстро зарегистрировать или ликвидировать бизнес. Если немного дешевле этой цены будут работать органы власти,

то это принесет государству дополнительные доходы, сократит стоимость этого административного барьера, ускорит официальный документооборот. На уровне государства в ряде областей это уже делается. Так, есть практика выдачи виз разной стоимости в зависимости от скорости их оформления.

В то же время при оформлении сделок с недвижимостью есть только вариант написания заявления с просьбой бесплатно ускорить процесс рассмотрения дела. Очевидно, что подобная ситуация создает коррупционные возможности для принятия решения об его ускорении, вне зависимости от указанной причины, на основе личной неформальной рекомендации и вознаграждения от лица, пользующегося доверием сотрудников этой организации.

В связи с этим рекомендуется внедрить разностороннее и разнооплачиваемое движение любых документов во всех областях государственной деятельности. При этом имеющаяся скорость практически бесплатного документооборота снижаться не должна. Для ускорения процесса оказания платных услуг госорганам предлагается нанять дополнительных госслужащих. При этом это нововведение должно охватывать весь процесс согласования, т. е. при получении «зеленого коридора» должна оказываться помощь в составлении отсутствующей документации (на основе имеющихся образцов), начало решения вопросов заявителя сразу после запроса, оказание подробных консультаций или помощи в дальнейшем пути согласовательного процесса. Если какие-либо аспекты можно выяснить самостоятельно, сделав нужный ускоренный запрос (не отправляя заявителя к другим госслужащим), то это нужно сделать.

Оценим прибыль от внедрения этой меры на примере процесса согласования с исполкомом проведения земельных работ со вскрытием асфальта. По оценке экспертов для тех, кто первый раз проходит этот путь, он займет около 2,5 месяцев. Для более опытных потребителей этот период составит примерно один месяц. При осуществлении этих согласований нужно заплатить около 2 тысяч рублей (с учетом транспортных и офисных затрат). Очевидно, что все новички и большинство опытных потребителей, для экономии времени и нервов готовы заплатить не менее 22 тысяч рублей для решения этого вопроса в срок от одного до семи дней. Для этого нужно: 1) наладить взаимодействие между чиновниками (например, в виде пред-

ложенного выше комитета); 2) принять на работу от двух до пяти чиновников (с зарплатой в 18 тысяч рублей) в учреждениях, сотрудники которых не могут выделить время для быстрых ответов на дополнительные платные запросы и нанять координатора их работ (с зарплатой в 24 тысячи рублей). В итоге при наличии минимум трех, а максимум шести заявителей в месяц данная мера себя окупит. А так как заявителей будет гораздо больше, то можно утверждать, что эта рекомендация будет выгодной. Учитывая, что эти чиновники (например, из исполкома) будут отвечать на платные запросы не только в рамках проведения земельных работ, прибыль будет гораздо больше плановой.

4. Дать четкие характеристики организациям, относящимся к среднему бизнесу и упростить порядок их взаимодействия с государством по сравнению с крупными компаниями. Акцент предлагается делать на сокращении суммы налогов, снижении количества требуемой с них отчетности, уменьшении числа проверок, предоставлении прав, в первые три года перехода в новое состояние, претендовать на более крупные льготы, гранты, субсидии и иные поощрения, чем малые фирмы. При их перерегистрации это право должно быть утеряно, так как оно дается с целью вытаскивания малого бизнеса из его ниши, которая не дает ему раскрыть все свои возможности в качестве средней компании.

5. Распространить опыт работы строительного министерства в области сокращения административных барьеров на все госучреждения и службы.

6. В качестве одного из критериев оценки деятельности любого министра ввести фактические сроки согласования документов в его ведомстве, число снятых им административных барьеров и компаний, обслуженных им за текущий период. Перед этим следует оценить общее число этих барьеров в его ведомстве, чтобы не получилось так, что одни снятые барьеры заменяются другими.

7. Создать центр консультации и поддержки организаций, взаимодействующих с госорганами. Его сотрудники в рамках консультаций должны сообщать обо всех доступных организациям госуслугах (как на своих стендах, так и в Интернете); пояснять результат получения той или иной услуги и специфику ее реализации в компании заявителя; пояснять, сколько времени на получение любой услуги будет потрачено, сообщать, куда и в какой

период времени нужно обращаться, объяснить оптимальный порядок сбора документов, специфику их заполнения и условия предоставления; рассказать о расположении учреждений, схемах проезда к ним, контактных лицах и дать номера их телефонов. В рамках поддержки организаций его специалисты должны принимать жалобы на саботаж или волокиту чиновников, принимать информацию обо всех проблемах, с которыми столкнулись потребители, отмечать сложные или ненужные этапы согласования, ошибки госслужащих и их злоупотребления своей властью. В итоге они должны ежеквартально готовить рекомендации по упрощению процесса взаимодействия организаций и госаппарата.

8. Дать возможность малым фирмам выплачивать неподъемные для них штрафы в рассрочку (после устранения нарушения). В зависимости от размера их имущества, дохода и прибыли в период от одного года до трех лет. Иначе они просто закроются. При этом после банкротства они все равно не выплатят эти штрафы, перестанут платить налоги и обеспечивать работой граждан.

9. Передача все большей части элементов контроля над процессом и результатами деятельности компаний от госорганов в профессиональные ассоциации, саморегулируемые организации и объединения предпринимателей.

Кроме того, руководству России рекомендуется сначала повысить качество работы госаппарата и уменьшить административные барьеры и только потом активизировать борьбу с коррупцией. Причем борьба с коррупцией должна вестись не только административными методами, но и включать целый комплекс мер, улучшающих институциональную среду, конкуренцию политических институтов, снижающих вероятность возникновения коррупции и возможность применения ее результатов. Для этого полиция должна проверять каждого гражданина, у которого расходы существенно превышают его официальные доходы. Тем не менее чистые антикоррупционные аспекты здесь не будут обсуждаться, так как они уже подробно исследованы в других работах [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. Основной антикоррупционной мерой данного исследования является необходимость учета при разработке мер по борьбе с административными барьерами активного противодействия им чиновничьего аппарата.

Для решения этой проблемы предлагается повысить уровень контроля над деятельностью чиновников. При оценке его эффективности учитывать результаты, полученные госслужащими, а не процент населения, проголосовавший за партию «Единая Россия». Стимулировать проведение акций «Тайный потребитель госуслуг». В ее рамках должны оцениваться степень полноты предоставленной информации для успешного и быстрого решения проблемы, период времени, потраченный на ее решение, уровень понятности той или иной процедуры, качество решения имеющейся проблемы, суммы выплаченные госорганам при сборе полного комплекта документов (без коррупции), случаи злоупотребления чиновниками своей властью. Создать систему тайного приема информации от госслужащих и тайного их поощрения в случаях, когда предложены новые и перспективные варианты снижения административных барьеров или обнаружены ситуации, когда кто-либо мешает борьбе с этими барьерами. Важность соблюдения тайны связана с тем, что иначе сотрудник, предложивший действия, которые серьезно усложнят работу его коллегам, станет в среде чиновников изгоем и уже не сможет принести пользу государству.

В результате предложенные рекомендации позволят снизить многие административные барьеры в нашей стране. После этого снизятся расходы организаций на их преодоление, ускорится процесс их функционирования. Это приведет к выходу ряда фирм из «тени», улучшению условий для создания новых предпринимательских структур, оживлению конкуренции, увеличению общих объемов производства и снижению стоимости товаров, работ и услуг. Кроме того, для чиновников уменьшатся коррупционные возможности и, соответственно, улучшится российская институциональная среда.

Список литературы

1. Неретин Д. Как помочь предпринимателю выйти в «белую» зону? URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/32405081/kak-pomoch-predprinimatelju-vyjti-v-beluyu-zonu?full#cut> (дата обращения: 05.11.2014)
2. Васильева Ю. Не взяли препятствия: административные барьеры для бизнеса по-прежнему высоки // Российская бизнес-газета. 2012. 3 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2012/04/03/biznes.html> (дата обращения: 05.11.2014)
3. Кувшинова О. Борьба с коррупцией стала причиной остановки роста экономики // Ведомости. 2014. 7 октября.

URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/34346401/bez-korruptcii-ne-rastet?full#cut> (дата обращения: 05.11.2014)

4. Нотфуллина Г.Н., Гафурова Г.Т. Проблемы исполнения бюджета Республики Татарстан по доходам и пути их решения // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 214–220.

5. Гильманов Э.М. Вопросы уголовной ответственности за нарушение бюджетной дисциплины // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2011. № 1. С. 46–48.

6. Хоменко В.В., Салимов Л.Н. Актуальные направления международного регулирования инновационной активности // Интеграл. 2010. № 2. С. 72–74.

7. Проскурнина О. Интервью – Андрей Никитин, генеральный директор АСИ // Ведомости. 2014. 26 августа. URL: <http://www.vedomosti.ru/library/news/32562051/esli-zdes-vsebudet-horosho-sankcii-ne-budut-dolgimi-andrej?full#cut> (дата обращения: 05.11.2014)

8. Галицкий Д.Г. Гид по преодолению административных барьеров в социальном обслуживании // Пермский региональный правозащитный центр. 2005. 17 мая. URL: http://www.prrc.ru/expert/guide_08.shtml (дата обращения: 05.11.2014)

9. Боргер Й. Борьба с административными барьерами на пути развития предпринимательства. Практика стран ЕС. Программный документ // Поддержка развития малого предпринимательства СМЕРУС. URL: http://nisse.ru/business/article/article_888.html?effort (дата обращения: 05.11.2014)

10. В Уральске предпринимателям снижают административные барьеры. URL: <http://www.zakon.kz/4645491-v-uralske-predprinimateljam-snizhajut.html> (дата обращения: 05.11.2014)

11. Ляув Б. Чиновники исключили более 100 согласовательных процедур, снизив их количество до 134. URL: <http://www.vedomosti.ru/realty/news/28452441/majskie-tezisy?full#cut> (дата обращения: 05.11.2014)

12. Кабанов П.А. Антикоррупционная политика в субъектах Российской Федерации: от имитации к институционализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 3. С. 28–47.

13. Кабанов П.А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 347–354.

14. Кабанов П.А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации на муниципальном уровне // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 38–43.

15. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография. М.: Дружба народов. 2008. 224 с.

16. Манушин Д.В. Антикризисное государственное управление российской экономикой: институциональный подход // Финансы и кредит. 2014. № 3. С. 23–34.

17. Манушин Д.В. Современная классификация макроэкономических кризисов // Финансы и кредит. 2013. № 2. С. 35–46.

18. Манушин Д.В. Современные виды государственного антикризисного управления макроэкономикой // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 40. С. 15–27.

В редакцию материал поступил 11.11.14

© Манушин Д. В., 2014

Информация об авторе

Манушин Дмитрий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права

Адрес: 420108, г. Казань, ул. Зайцева, 15, тел.: (843) 293-11-25

E-mail: predmet22@mail.ru

Как цитировать статью: Манушин Д.В. Административные барьеры в российской экономике как условия, способствующие существованию коррупции, и меры по их устранению // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 52–60.

D. V. MANUSHIN,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ADMINISTRATIVE BARRIERS IN THE RUSSIAN ECONOMY AS THE CONDITIONS PROMOTING CORRUPTION, AND MEASURES FOR THEIR ELIMINATION

Objective: to reveal the main administrative barriers of the Russian economy, occurring in economic activity, to evaluate their interdependence with corruption and elaboration of counter measures.

Method: abstract-logic.

Results: It is proved that the methods of struggle against administrative barriers, existing in our country, do not significantly improve the condition of Russian organizations. The notion of “administrative barrier” is given. The sectors having the most of these barriers are listed. The current condition in the sphere of administrative barriers regulation is disposed, their interaction with corruption is shown. The author proposes measures in this field.

Scientific novelty: the new detailed measures are proposed for overcoming the administrative barriers in the Russian economy. The mechanism of struggle against corruptive officials is elaborated.

Practical value: The result should be to clear the Russian economy from majority of administrative barriers, to see new firms in the market, reduce the cost of their services and to activate competition.

Key words: administrative barrier; corruption; Russian economy; measures against administrative barriers; development of entrepreneurship; small and middle business; state regulation.

References

1. Neretin, D. *Kak pomoch' predprinimatelyu vyiti v «beluyu» zonu?* (How to help an entrepreneur to enter the “white zone”?), available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/32405081/kak-pomoch-predprinimatelyu-vyiti-v-beluyu-zonu?full#cut> (accessed: 05.11.2014)
2. Vasil'eva, Yu. Ne vzyali prepyatstviya: administrativnye bar'ery dlya biznesa po-prezhnemu vysoki (Not taking a leap: administrative barriers for business are still high). *Rossiiskaya biznes-gazeta*, 2012, 3 aprelya, available at: <http://www.rg.ru/2012/04/03/biznes.html> (accessed: 05.11.2014)
3. Kuvshinova, O. Bor'ba s korruptsiei stala prichinoi ostanovki rosta ekonomiki (Struggle against corruption became the reason for economic growth suspension). *Vedomosti*, 2014, 7 oktyabrya, available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/34346401/bez-korruptcii-ne-rastet?full#cut> (accessed: 05.11.2014)
4. Notfullina, G.N., Gafurova, G.T. Problemy ispolneniya byudzhetna Respubliki Tatarstan po dokhodam i puti ikh resheniya (Problems of execution the Republic of Tatarstan budget by income and ways of solving them). *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2013, no. 2, pp. 214–220.
5. Gil'manov, E.M. Voprosy ugovnoyi otvetstvennosti za narushenie byudzhethoi distsipliny (Issues of criminal liabilities for budget discipline violating). *Vektor nauki tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: yuridicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 46–48.
6. Khomenko, V.V., Salimov, L.N. Aktual'nye napravleniya mezhdunarodnogo regulirovaniya innovatsionnoi aktivnosti (Topical directions of international regulation of innovative activity). *Integral*, 2010, no. 2, pp. 72–74.
7. Proskurnina, O. Interv'yu – Andrei Nikitin, general'nyi direktor ASI (Interview – Andrey Nikitin, Director General of ASI). *Vedomosti*, 2014, 26 avgusta, available at: <http://www.vedomosti.ru/library/news/32562051/esli-zdes-vse-budet-horoshho-sankcii-ne-budut-dolgimi-andrej?full#cut> (accessed: 05.11.2014)
8. Galitskii, D.G. *Gid po preodoleniyu administrativnykh bar'erov v sotsial'nom obsluzhivanii* (Guide on overcoming administrative barriers in social servicing). *Permskii regional'nyi pravozashchitnyi tsentr*, 2005, 17 maya, available at: http://www.prcp.ru/expert/guide_08.shtml (accessed: 05.11.2014)
9. Borger, I. Bor'ba s administrativnymi bar'erami na puti razvitiya predprinimatel'stva. Praktika stran ES. Programmnyi dokument (Struggle against administrative barriers on the way of entrepreneurship development. Practice of EU countries. Program document). *Podderzhka razvitiya malogo predprinimatel'stva SMERUS*, available at: http://nisse.ru/business/article/article_888.html?effort (accessed: 05.11.2014)
10. *V Ural'ske predprinimatelyam snizhayut administrativnye bar'ery* (In Uralsk administrative barriers are lowered for entrepreneurs), available at: <http://www.zakon.kz/4645491-v-uralske-predprinimateljam-snizhajut.html> (accessed: 05.11.2014)
11. Lyauv, B. *Chinovniki isklyuchili bolee 100 soglasovatel'nykh protsedur, sniziv ikh kolichestvo do 134* (Officials excluded more than 100 endorsement procedures, reducing their number to 134), available at: <http://www.vedomosti.ru/realty/news/28452441/majskie-tezisy?full#cut> (accessed: 05.11.2014)
12. Kabanov, P.A. Antikorruptsionnaya politika v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: ot imitatsii k institucionalizatsii (Anticorruption policy in the Russian Federation subjects: from imitation to institutionalization). *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2011, no. 3, pp. 28–47.
13. Kabanov, P.A. Pravovoe regulirovanie antikorrupcionnogo monitoringa v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy (Legal regulation of anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects: problems and prospects). *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, no. 4, pp. 347–354.
14. Kabanov, P.A. Pravovoe regulirovanie antikorrupcionnogo monitoringa v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii na munitsipal'nom urovne (Legal regulation of anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects at municipal level). *Monitoring pravoprimeneniya*, 2013, no. 2, pp. 38–43.
15. Kabanov, P.A., Raikov, G.I., Chirkov, D.K. *Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti na rubezhe vekov: monografiya* (Political corruption under reforming of the Russian statehood at the verge of centuries: monograph). Moscow: Druzhba narodov, 2008, 224 p.
16. Manushin, D.V. Antikrizisnoe gosudarstvennoe upravlenie rossiiskoi ekonomiki: institucional'nyi podkhod (Anticrisis state management of the Russian economy: institutional approach). *Finansy i kredit*, 2014, no. 3, pp. 23–34.
17. Manushin, D.V. Sovremennaya klassifikatsiya makroekonomicheskikh krizisov (Modern classification of macroeconomic crisis). *Finansy i kredit*, 2013, no. 2, pp. 35–46.
18. Manushin, D.V. Sovremennye vidy gosudarstvennogo antikrizisnogo upravleniya makroekonomiki (Modern types of state anti-crisis macroeconomic management). *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2012, no. 40, pp. 15–27.

Received 11.11.14

Information about the author

Manushin Dmitriy Viktorovich, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Financial Management, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 15 Zaitsev Str., 420108, Kazan, tel.: (843) 293-11-25

E-mail: predmet22@mail.ru

How to cite the article: Manushin D.V. Administrative barriers in the Russian economy as the conditions promoting corruption, and measures for their elimination. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 52–60.

© Manushin D. V., 2014

УДК 343.91

А. Б. МАРДАНОВ,

кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт

ОАО «Сбербанк России», г. Нефтеюганск, Россия

СРАВНИТЕЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО И КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП

Цель: проанализировать и сравнить социально-демографические и уголовно-правовые признаки личности преступника, совершившего коммерческий подкуп, и личности преступника, совершившего преступления, предусмотренные ст. 290, 291 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Метод: диалектический метод познания социальных явлений и процессов, методы системного анализа и синтеза.

Результаты: При сравнении личности осужденного за коммерческий подкуп с личностью осужденного за получение и дачу взятки, были выявлены такие общие черты, как социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые. Изучение личностных особенностей коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп, создает предпосылки для предметного целенаправленного изучения данных лиц с целью выявления таких свойств человека, которые при их обнаружении в конкретной ситуации смогут быть достоверным индикатором риска совершения данным человеком преступления.

Научная новизна: Автором впервые проведен сравнительный анализ социально-демографических признаков личности преступника, совершившего коммерческий подкуп, с личностью преступника, совершившего преступления, предусмотренные ст. 290, 291 УК РФ, и тем самым выявлены общие характерные криминологически значимые черты лиц данной категории по социально-демографическим, нравственно-психологическим и уголовно-правовым признакам.

Практическая значимость: На основе полученных выводов формулируются теоретические положения, расширяющие имеющиеся научные знания о личности исследуемых категорий преступников. Эти положения в определенной мере могут способствовать дальнейшим научным исследованиям личности преступника, совершившего коммерческий подкуп, и личности преступника, осужденного за получение и дачу взятки.

Ключевые слова: преступность; личность преступника; коммерческий подкуп; получение взятки; дача взятки; взяточничество; коррупция; социально-демографические признаки личности; гражданское общество; криминальная активность.

Введение

В криминологической науке в последние 20 лет активно происходит изучение особенностей криминального поведения отдельных категорий лиц в рамках исследования личности преступника (криминальной антропологии) как юристами, так и психологами. Широко известны общетеоретические работы по изучению личности преступника или отдельных их видов таких специалистов, как: Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, Р. Х. Ахмедшин, Ю. А. Воронин, В. П. Голубев, А. И. Долгова, П. А. Кабанов, В. Н. Кудрявцев, Е. Б. Кургузкина, А. Н. Пастушеня, Т. Н. Чахов, В. Е. Эминов и др.

На сегодняшний день количество исследований, посвященных сравнительному анализу личности коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп, незначительно. Это не позволяет в полной мере изучить особенности коррупционных преступ-

ников, что крайне необходимо для эффективного противодействия коррупции.

Изучение личностных особенностей коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп, требует их обособления в отдельную классификационную группу и определения места данной группы в учении о личности преступника. Это создает предпосылки для предметного целенаправленного изучения данных лиц с целью выявления таких свойств человека, которые в конкретной ситуации смогут быть достоверным индикатором риска совершения данным человеком преступления.

Результаты исследования

Традиционно криминологи выделяют следующие мониторинговые показатели, без которых невозможно изучение личности преступника: социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые [1, с. 84–89; 2, с. 65].

Результаты исследований, проведенных различными, в частности, вышеуказанными авторами показали, что преступники отличаются по ряду параметров от законопослушных граждан, а различные категории преступников имеют достоверные сходства и отличия друг от друга. Криминологическая характеристика личности преступника предполагает выявление и изучение трех основных подсистем: 1) социальный статус личности, который определяется принадлежностью лица к тому или иному классу/группе с социально-демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное и должностное положение и т. д.); 2) социальные функции (роли) личности, включающие совокупность видов деятельности лица как гражданина в системе общественных отношений (уровень умственного развития, культурно-образовательный уровень, знания, навыки, умения) [3, с. 117]. Преступность характеризуется не только видами, способами, социальными последствиями преступных посягательств, но и личностными характеристиками субъектов, совершающих преступления [4, с. 128]. Для изучения личности преступников, совершивших преступления, предусмотренные ст. 204, 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), нами была разработана таблица, включающая социально-демографические и уголовно-правовые признаки (см. табл.). За основу при проведении сравнительного анализа личности преступника, совершившего коммерческий подкуп, с личностью преступника, обвиняемого во взяточничестве, были положены статистические данные о составе осужденных за период 2009–2013 гг.² (см. табл.).

К социально-демографическим признакам относятся следующие характеристики личности: пол, возраст, образование, социальное положение, род занятий, социальные роли и статусы, профессия, семейное положение, уровень материальной обеспеченности и т. п. Однако для сопоставления

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. 3 февраля 2014 г., с изм., вступившими в силу 15 февраля 2014 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 06.11.2014)

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 06.11.2014)

были использованы не все составляющие социально-демографических признаков, а только из наиболее значимые из них. Например, возрастная характеристика различных категорий преступников позволяет судить о направленности криминальной активности различных возрастных групп, о специфике возрастного состава преступников, так как с возрастом изменяются социальные функции, характер и привычки людей [5, с. 86]. Важно отметить и половую принадлежность, так как в общей доле преступности подавляющее большинство преступлений совершаются мужчинами. Согласно данным официальной статистики, среди всех осужденных 15,3 % – женщин³. Однако темпы роста женской преступности весьма велики и сами по себе вызывают огромный научный интерес.

Мониторинг статистических данных о составе осужденных показал, что в среднем доля женщин среди преступников, получивших коммерческий подкуп и получение взятки, составляет 22,5 %, а совершивших коммерческий подкуп и дачу взятки – 17,4 %. Таким образом, женщины чаще выступают в роли берущих взятки и совершающих коммерческий подкуп. Поэтому можно сделать вывод о схожести возрастных особенностей женщин, совершивших коммерческий подкуп и получивших взятку (21,7 % и 23,3 % соответственно). Это дает основание полагать, что криминальная активность женщин возрастает.

Взяточничество и коммерческий подкуп совершаются лицами социально зрелыми, имеющими социальный статус и опыт работы. По данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, подробно рассмотрим возрастные характеристики преступников.

Среди лиц, совершивших передачу или получение коммерческого подкупа и получивших взятку, наибольшей криминальной активностью обладают лица в возрасте 30–49 лет (51,5 % и 53,4 % соответственно). Среди преступников, осужденных за дачу коммерческого подкупа и взятки, на возрастную категорию 30–49 лет приходится 60,5 % и 55,7 % соответственно. На втором месте возрастная группа от 50 лет и старше: среди осужденных за получение коммерческого

³ Исходя из анализа данных за период с 2003 по 2013 гг.

Сравнительный анализ некоторых социально-демографических признаков личности преступников, совершивших преступления, предусмотренные ст. 204 и 290, 291 УК РФ 2009–2013 гг.*

(Comparative analysis of the social-demographic features of personality of criminals, who committed crimes specified in Art. 290, 291 of the Russian Criminal Code in 2009–2013)

№	Показатель		Ст. 204 ч. 3, 4	Ст. 290	Ст. 204 ч. 1, 2	Ст. 291
1	Всего осуждено		1 090	7 801	334	13 255
			100 %	100 %	100 %	100 %
2	В том числе женщин		237	1 816	78	1 513
			21,7 %	23,3 %	23,4 %	11,4 %
3	Род занятий	рабочие	73	35	68	3 512
			6,7 %	0,5 %	20,4 %	26,5 %
		работники сельского хозяйства	5	2	3	86
			0,45 %	0,02%	0,9%	0,7%
		учащиеся, студенты	0	4	6	187
			0 %	0,05 %	1,8 %	1,4 %
		лица прочих занятий, в том числе военнослужащие	32	680	24	496
			3 %	8,7 %	7,2 %	3,7 %
		нетрудоспособные	11	3	8	346
			1 %	0,03 %	2,4 %	2,6 %
		государственные и муниципальные служащие	74	4 508	3	185
			6,8%	57,8%	0,9%	1,4%
трудоспособные без определенных занятий	95	32	127	5 567		
	8,7 %	0,4 %	38 %	42 %		
безработные	4	0	1	97		
	0,4 %	0 %	0,3 %	0,7 %		
служащие коммерческой или иной организации	749	1 027	74	1 542		
	68,7 %	13,2 %	22,1 %	11,6 %		
предприниматели	25	55	20	1 050		
	2,3 %	0,7 %	6 %	8 %		
4	Возраст	14–17	0	1	0	9
			0 %	0,01 %	0 %	0,06 %
		18–24	40	514	29	1 624
			3,7 %	6,6 %	8,7 %	12,25 %
		25–29	92	1 286	49	1 943
			8,4 %	16,5 %	14,7 %	14,7 %
30–49	582	4 016	202	7 384		
	53,4 %	51,5 %	60,5 %	55,7 %		
50 лет и старше	376	1 984	54	2 295		
	34,5 %	25,4 %	16,2 %	17,3 %		
5	Образование	высшее, неполное высшее	756	6 359	69	2 702
			69,4 %	81,5 %	20,7 %	20,4 %
		средне-специальное	212	1 163	114	3 652
			19,4 %	15 %	34,1 %	27,6 %
		среднее общее	110	272	122	5 591
			10 %	3,5 %	36,5 %	42,2 %
неполное среднее	12	7	29	1 310		
	1,1 %	0,09 %	8,7 %	9,8 %		

* Источник: составлено автором.

подкупа и взятки (34,5 % и 25,4 % соответственно) и среди осужденных за дачу коммерческого подкупа и взятки (16,2 % и 17,3 % соответственно).

Вопрос об образовании, в числе социально-профессиональных характеристик личности, имеет особое значение. Если обратиться к статистическим данным, можно сделать вывод, что среди лиц, осужденных за получение взятки, высшее образование имеют 81,5 %, среди осужденных за получение коммерческого подкупа таких 69,4 %. Среди осужденных за дачу взятки высшее образование – 20,4 %, а среди давших коммерческий подкуп – у 20,7 %, что также свидетельствует о схожести данных категорий преступников между собой. Среднее специальное образование среди лиц, осужденных за получение взятки, имеют 15 %, а среди осужденных за получение коммерческого подкупа – 19,4 %. Напротив, среди осужденных за дачу взятки подавляющее большинство лиц имеют среднее общее образование (42,2 %), среди лиц, осужденных за дачу коммерческого подкупа, также высок процент лиц со средним общим образованием (36,5 %). Низкому уровню образования и, в конечном счете, культуры лиц, осужденных за дачу коммерческого подкупа и взятки, обычно сопутствуют примитивные интересы и запросы. Доказательством этого может стать то, что среди осужденных за дачу коммерческого подкупа и взятки по роду занятий преобладает трудоспособное население без определенных занятий (38 % и 42 % соответственно).

Следует отметить, что лицам, осужденным за получение коммерческого подкупа и получение взятки, не свойственны примитивизм в интересах и потребностях, а даже наоборот – они стремятся достичь высоких материальных позиций (на долгосрочной перспективе) высоких социальных позиций в обществе.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что получение образования неразрывно связано с культурно-нравственными установками и принципами личности, на базе которых формируются основные интересы и стремления, корректируются желания и потребности. Это также связано с возникновением чувства уважительного отношения к закону, к людям. Но в то же время далеко не всегда высокий уровень образованности соответствует высокой нравственности, уважению к закону и людям, это, в частности, видно, если проанализировать и сопоставить уровень обра-

зования лиц, совершивших коммерческий подкуп и получение и дачу взятки, с общественной опасностью совершаемых ими деяний.

Итак, данные официальной статистики (см. вышеприведенную табл.) свидетельствуют о том, что среди лиц, осужденных за получение коммерческого подкупа и получение взятки, доминируют лица с высшим образованием; среди лиц, осужденных за дачу взятки и коммерческого подкупа, доминируют лица со средним общим и средним специальным образованием.

В социально-демографической подструктуре личности преступника важное криминологическое значение имеют данные о социальном положении, роде занятий и профессиональной принадлежности.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что среди осужденных за получение взятки в последнее время преобладают государственные и муниципальные служащие (57,8 %), среди осужденных за получение коммерческого подкупа – служащие коммерческих или иных организаций (68,7 %), что само по себе не удивительно, ввиду специфики состава. Среди осужденных за дачу коммерческого подкупа и дачу взятки подавляющее большинство трудоспособные без определенных занятий (38 % и 42 % соответственно). Следует отметить, что среди лиц, осужденных за дачу коммерческого подкупа и дачу взятки, высока доля рабочих (20,4 % и 26,5 % соответственно). Здесь необходимо учитывать то, что рабочие самая многочисленная общественная группа среди населения страны.

Лиц, осужденных за получение взятки и коммерческого подкупа, объединяет то, что они совершают преступления не вследствие стечения тяжелых жизненных условий, а для достижения еще больших материальных благ, достижения более высокого в обществе статуса или сохранения уже существующего.

Поведение людей взаимосвязано с тем социальным положением, которое они занимают в обществе. Речь идет о субъективном восприятии личностью своей конкретной социальной роли и предъявляемых к ней ожиданий. Изучение социального положения личности позволяет выявить структурный состав преступников по роду занятий, определить, в каких социальных слоях наиболее высока концентрация криминогенных лиц.

В структуре личности важное место принадлежит нравственно-психологическим признакам, включающим в себя широкий спектр внутренних позиций личности в различных сферах социального бытия. Характеристику личности дополняют его интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства, в которых проявляется тесная связь биологического и социального.

К интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, объем знаний, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и стремлений и т. д. Эмоциональные свойства состоят из таких признаков, как сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов, степень эмоциональной возбудимости и т. д. Говоря о потребностно-мотивационной сфере личности осужденного за получение коммерческого подкупа и осужденного за получение взятки можно отметить то, что ведущим побуждением у данных лиц является стремление самоутвердиться на социальном уровне (достижение и сохранение высоких социальных позиций в обществе), а также корысть, т. е. мотив является корыстно-статусным, выражающимся в стремлении улучшить свое имущественное положение и достичь определенных социальных позиций в обществе, либо закрепить уже достигнутые позиции среди определенной категории.

Важной в понимании специфики личности преступника является уголовно-правовая характеристика. Среди уголовно-правовых признаков, на наш взгляд, наибольший криминологический интерес представляют такие, как наличие судимости и мотив преступного поведения, о котором мы уже говорили выше.

Согласно статистическим данным, доля лиц, осужденных за получение коммерческого подкупа и ранее имевших судимость (3 %); среди лиц, осужденных за получение взятки, ранее имевших судимость составляет около 1,2 %; среди лиц, осужденных за дачу коммерческого подкупа доля ранее имевших судимость составляет в среднем 11,8 %; среди осужденных за дачу взятки доля ранее судимых составляет 4,2 %.

Выводы

Изучение особенностей личности преступника, совершившего получение и дачу коммерческого подкупа, а также личности преступника, совершившего получение и дачу взятки, является на наш взгляд, актуальными и требует дальнейшей

разработки. На наш взгляд, данные лица имеют определенную схожесть между собой по многим социально-демографическим, нравственно-психологическим и уголовно-правовым признакам.

Уровень коррупции зависит от многих факторов, но в числе основных, на наш взгляд, – уровень развития гражданского общества в стране (т. е. общественного контроля над действиями чиновников), который способствует снижению уровня коррупции, и, соответственно, повышению уровня доверия населения к власти. Следует отметить, что в настоящее время наблюдается рост числа людей с гипертрофированной жизненной установкой на обогащение, даже если при этом приходится идти на значительный риск, в том числе и на нарушение закона. В соответствии с трансформацией общественных ценностей растет и общее количество противоправных деяний коррупционного содержания [6, с. 55–56].

Итак, мы выявили, что криминологические черты личности коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп, значительно отличаются от аналогичных черт лиц, совершающих общеуголовные преступления.

Многочисленные криминологические исследования подтверждают очевидную истину: личность коррупционного преступника существенно отличается от личности не только правопослушного гражданина, но и от личности других видов преступников [7].

Список литературы

1. Глухова А.А. Основные черты криминологической характеристики личности преступника. Криминология: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 301 с.
2. Калашников О.Д., Меркулов М.А. Криминология в схемах и определениях. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. 136 с.
3. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. 566 с.
4. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: Юрист, 2002. 734 с.
5. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. М., 2008. 524 с.
6. Марданов А.Б. Личность современного экономического преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2010. 240 с.
7. Кабанов П.А. Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника (по материалам Республики Беларусь) // Мониторинг правоприменения. 2014. № 3. С.19–24.

В редакцию материал поступил 07.11.14

© Марданов А. Б., 2014

Информация об авторе

Марданов Азер Балай оглы, кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт, ОАО «Сбербанк России»
Адрес: 628300, г. Нефтеюганск, ул. Микрорайон 16А, 50
E-mail: azi.06@mail.ru

Как цитировать статью: Марданов А.Б. Сравнительно-криминологическое исследование личности коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 61–66.

A. B. MARDANOV,

PhD (Law), Leading Law Consultant

“Sberbank of Russia” Public Corporation, Nefteyugansk, Russia

COMPARATIVE-CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF PERSONALITY OF CORRUPTION CRIMINALS, CONVICTED FOR BRIBERY AND COMMERCIAL SUBORNATION

Objective: to analyze and compare the social-demographic and criminal-legal features of personality of a criminal, who committed commercial subornation and personality of a criminal, who committed crimes specified in Art. 290, 291 of the Russian Criminal Code.

Method: dialectic methods of cognition of social phenomena and processes, methods of systemic analysis and synthesis.

Results: When comparing the personalities of those convicted for commercial subornation and for giving and taking bribes, such common features were revealed as social-demographic, moral-psychological and criminal-legal ones. The study of personality features of corruption criminals convicted for commercial subornation and for bribery gives prerequisites for purposeful study of such persons, in order to reveal such features which would serve as a reliable indicator of the risk of committing this crime by the person.

Scientific novelty: The author for the first time compared the social-demographic features of personality of a criminal who committed commercial subornation and personality of a criminal, who committed crimes specified in Art. 290, 291 of the Russian Criminal Code, thus revealing the common characteristic criminologically significant features of the persons of this category.

Practical value: Basing on the obtained conclusions, theoretical provisions are formulated, which broaden the existing scientific knowledge about the personality of these categories of criminals. These provisions can promote further scientific research of the personalities of criminals who committed commercial subornation and of those convicted for giving and taking bribes.

Key words: criminality; personality of a criminal; commercial subornation; bribe giving; bribe taking; bribery; corruption; social-demographic features of a personality; civil society; criminal activity.

References

1. Glukhova, A.A. *Osnovnye cherty kriminologicheskoi kharakteristiki lichnosti prestupnika. Kriminologiya: kurs lektsii* (The main features of criminological characteristics of a criminal. Criminology: a lecture course). N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013, 301 p.
2. Kalashnikov, O.D., Merkulov, M.A. *Kriminologiya v skhemakh i opredeleniyakh* (Criminology in schemes and tables). N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2010, 136 p.
3. Kuznetsova, N.F., Min'kovskii, G.M. *Kriminologiya: uchebnik* (Criminology: textbook). Moscow, 1998, 566 p.
4. Kudryavtsev, V.N., Eminov, V. E. *Kriminologiya* (Criminology). Moscow: Yurist, 2002, 734 p.
5. Malkov, V.D. *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov* (Criminology: textbook for universities). Moscow, 2008, 524 p.
6. Mardanov, A.B. *Lichnost' sovremennogo ekonomicheskogo prestupnika: dis. ... kand. yurid. nauk* (Personality of modern economics criminal: PhD (Law) thesis). Surgut, 2010, 240 p.
7. Kabanov, P.A. *Kriminologicheskii monitoring lichnosti korruptsionnogo prestupnika (po materialam Respubliki Belarus')* (Criminological monitoring of a personality of corruption criminal (on the materials of Belarus Republic)). *Monitoring pravoprimeneniya*, 2014, no. 3, pp.19–24.

Received 07.11.14

Information about the author

Mardanov Azer Balay ogly, PhD (Law), Leading Law Consultant, “Sberbank of Russia” Public Corporation
Address: 16A Mikrorayon Str, 50, 628300, Nefteyugansk
E-mail: azi.06@mail.ru

How to cite the article: Mardanov A.B. Comparative-criminological research of personality of corruption criminals, convicted for bribery and commercial subornation. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 61–66.

© Mardanov A. B., 2014

УДК 343.9:328.185

В. В. СВЕРЧКОВ,

доктор юридических наук, доцент, профессор

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Цель: найти ответы на актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям.

Методы: Методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: на основе анализа и обобщения результатов следственно-судебной практики, положений законодательства и доктрины уголовного права показаны особенности: а) определения предмета и выявления субъективных признаков взяточничества; б) установления факта вымогательства взятки, обещания/предложения посредничества во взяточничестве.

Научная новизна: найдены ответы на актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования возможно использовать в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, в учебном процессе юридических вузов и факультетов.

Ключевые слова: коррупция; преступления против государственной власти; преступления против интересов государственной службы; преступления против интересов службы в органах местного самоуправления; взяточничество; противодействие коррупционным преступлениям; предмет взяточничества; субъективные признаки взяточничества; вымогательство взятки.

Введение

Трудно, если вообще возможно, представить в современном мире уголовное законодательство государства с развитой правовой системой, которое не предусмотрело ответственности за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей лицами, занимающими должности в органах государственной власти (местного самоуправления) публичные должности. Существует такая ответственность в Австралии (см. ст. 139.2, 141.1, 142.1, 142.2; разд. 148 Уголовного кодекса), Австрии (см. разд. 6, 19, 22, 23 Особенной части Уголовного кодекса), Аргентины (см. гл. III–IX, IX/2 разд. XI ч. II Уголовного кодекса), Германии (см. § 331–357 Уголовного кодекса), Голландии (см. ст. 84; разд. VIII, XXVIII кн. 2; разд. VIII кн. 3 Уголовного кодекса), Израиле (см. гл. хей разд. тет части бет Закона об уголовном праве), Иране (см. разд. 10–13 части V Закона об исламских уголовных наказаниях), Испании (см. ст. 404–444 Уголовного кодекса), КНР (см. гл. 8, 9 разд. II Особенной части Уголовного кодекса), Норвегии (см. гл. 11, 33 Общегражданского Уголовного кодекса), США (см. гл. 36, 39 Уголовного кодекса штата Техас), Турции (см. гл. 1–4, 6, 7, 10, 11 разд. III, гл. 3 разд. VI кн. II Уголовного кодекса), Швейцарии (см. разд. XV, XIX кн. II Уголовного кодекса), Швеции (см. гл. 17, 20 Уголовного кодекса), Японии (см. гл. 25 ч. II Уголовного кодекса), во

Франции (см. ст. 432.1–432.16, 433.1–433.2 Уголовного кодекса) и в иных странах.

Ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления предусмотрена и российским уголовным законодательством.

Исторически наиболее распространенным преступлением против государственной власти являлось, по-видимому, взяточничество – *посул*. Первоначальное значение термина *посул* – не столько взятка, сколько плата за проявление судьей прилежания в разборе дела. *Посул* (*тайный посул*) приобрел значение взятки, *посульником* назван взяточник в Новгородской Судной грамоте, Псковской Судной грамоте, Двинской уставной грамоте. Судебником 1497 г. также предусмотрен запрет *недельщикам* – лицам, задерживающим злодеев и помещающим их в тюрьму, – брать посулы в свою пользу или в пользу судей [1, с. 306, 317, 332, 336, 347, 348, 367; 2, с. 54, 58, 64, 80].

Наказуемость за вынесение незаконного решения в результате получения взятки, как оформляющегося должностного преступления, впервые предусмотрена Судебником 1550 г.; введена ответственность должностных лиц за превышение установленных пошлин (*лихоимство* – *лишек* таксы); закреплена ответственность недельщика за вымогательство взятки как в свою пользу, так и

в пользу судьи, боярина, дворецкого, окольного, казначея, дьяка; предусмотрена санкция за такое новое должностное преступление, как *подписка* [2, с. 97, 98, 102, 103, 108, 131, 133, 141, 148].

Позже ответственность за взяточничество получила закрепление в ст. 5–8, 12 гл. 10; ст. 53 гл. 17 Уложения царя Алексея Михайловича [Соборного] 1649 г. О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной, в том числе неисполнении нормативных предписаний, превышении власти и противозаконном бездействии, нарушении при хранении и управлении вверенного по службе имущества, служебном подлоге, неправосудии, мздоимстве, лихоимстве и прочих злоупотреблениях говорилось в статьях разд. V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. О преступных деяниях по службе государственной и общественной шла речь в статьях гл. XXXVII Уголовного уложения 1903 г.

В советское время ответственность за должностные (служебные) преступления – злоупотребление властью, превышение и бездействие власти, халатное отношение к службе, дискредитирование власти, постановление неправосудного приговора, незаконные задержание, привод, заключение под стражу, принуждение к даче показаний, присвоение (в дальнейшем, и за растрату) должностным лицом материальных ценностей, взяточничество, провокацию взятки, служебный подлог, разглашение должностным лицом не подлежащих оглашению сведений, непредставление должностным лицом соответствующих сведений/документов – была закреплена в ст. 105–118 УК РСФСР 1922 г. (заменившего революционное законодательство), позже – в ст. 109–121 УК РСФСР 1960 г.

В УК РСФСР 1960 г. количество норм, вошедших в систему норм об ответственности за должностные преступления, уменьшилось. Уголовное наказание за злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, получение или дачу взятки, посредничество во взяточничестве, должностной подлог было предусмотрено ст. 170–175.

В современном отечественном уголовном законодательстве нормы об ответственности за названные преступления в значительной мере нашли место в статьях гл. 30 УК РФ «Преступле-

ния против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления». *Общественная опасность* указанных преступлений заключается в подрыве авторитета органов власти и управления (любого уровня), а также доверия к ним со стороны граждан России и иных государств, в уничтожении интересов государственной службы, а равно службы в органах местного самоуправления. Многие из этих преступных деяний имеют высокую латентность, коррупционную направленность.

Результаты исследования

Коррупция означает злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного (читай: служебного – прим. авт.) положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, в том числе совершение названных деяний от имени или в интересах юридического лица¹. Коррупция тесно связана с организованной и экономической преступностью.

Говорить о коррупции, о борьбе с ней ныне модно. Однако не любая мода имеет утилитарный характер. Впрочем, и коррупция, и противодействие преступлениям, названным преступлениями коррупционной направленности, возникли не в новейшей истории нашего отечества, не в связи с инициативами Президента России, Генеральной Прокуратуры РФ и прочих властей. Эти власти сделали модной тему противодействия указанным преступлениям. По сути речь идет о раскрытии и расследовании тех преступлений, которые в советское время назывались должностными, а в настоящее время – преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления (преимущественно). Тем не менее, видимо,

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. Ст. 1. URL: http://base.garant.ru/12164203/#block_1 (дата обращения: 22.10.2014)

отдавая дань моде, в соответствии с Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 52-11, МВД России № 2 от 15 февраля 2012 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (на смену этому документу пришло Указание Генпрокуратуры России № 387-11, МВД России № 2 от 11 сентября 2013 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»), Судебным департаментом при Верховном Суде РФ разработана форма статистической отчетности № 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям»², в которой отражен *коррупционный мотив* преступления. Вместе с тем российское уголовное законодательство коррупционную направленность не предусматривает ни в качестве мотива, ни в качестве цели совершения преступления.

Отмеченными указаниями Генеральной прокуратуры РФ и МВД России в числе критериев преступлений коррупционной направленности названо наличие у субъекта *корыстного мотива*.

Если отталкиваться от определения коррупции, данного законодателем в Федеральном законе № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г., то, кроме перечисленных *преступлений коррупционной направленности* (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп), к таковым могут быть отнесены иные преступные деяния, связанные с незаконным использованием лицом своего должностного положения в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, в том числе совершение отмеченных деяний от имени или в интересах юридического лица. Как видно, речь идет о выгодах *имущественного* характера.

Преступление, совершенное в целях получения выгоды неимущественного характера, относится к числу преступлений коррупционной направленности, по-видимому, не следует. К таким выгодам можно отнести достижение карьерного роста, устройство на работу или продвижение по службе родственников и других близких лиц, получение взаимной услуги, сокрытие собственной некомпетентности и т. д.

Количество лиц, уличенных в совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления (в 1997–2005 гг. по наиболее тяжкому составу преступления), а также осужденных за их совершение (гл. 30 УК РФ) в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации, отражено на рис. 1³.

Наиболее часто лица осуждались за взяточничество, реже – за служебный подлог, превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями.

В период действия УК РФ вплоть до 2010 г. наблюдалось стабильное увеличение количества лиц, уличенных в совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления. Количественный уровень осужденных за данные преступления лиц не имел ярко выраженной тенденции ни к росту, ни к снижению до 2004 г. Далее, до 2010 г., наблюдалось стабильное и существенное повышение данного количественного уровня.

Непосредственное влияние на изменение количества осужденных оказали объявленная первыми лицами государства и набравшая обороты кампания борьбы с коррупционной преступностью, реализация Национального плана противодействия коррупции. 30 декабря 2008 г. официально опубликован (в Российской газете) принятый после продолжительной предварительной подготовки Федеральный закон (№ 273-ФЗ) «О противодействии коррупции». В связи с этим в ряд нормативных правовых актов, в том числе в УК РФ, внесены изменения и дополнения, кото-

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149951/?frame=130 (дата обращения: 22.10.2014)

³ Здесь и далее использованы статистические данные, предоставленные ГИАЦ МВД России, ДПИ Минюста России и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

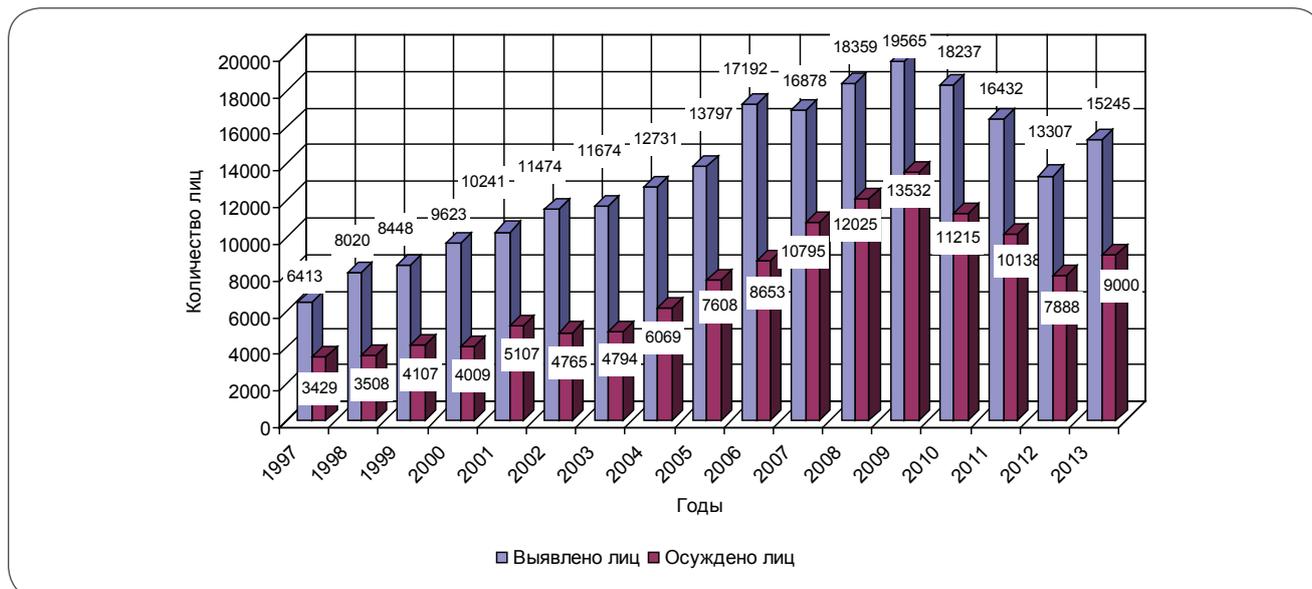

Рис. 1. Динамика количества лиц, уличенных в совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, а также осужденных за их совершение*

(Fig. 1. Dynamics of numbers of persons caught in crimes against state power, interests of state and local service and sentences for them)

* *Источник:* составлено автором.

рые способны повлиять на дальнейшее состояние преступности против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления.

По словам Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки, уровень коррупции в стране оставался высоким, однако принятые в последнее время меры позволили значительно активизировать деятельность всех правоохранительных органов в борьбе с коррупционными проявлениями. По его мнению, Национальный план противодействия коррупции предполагает не только кардинальное изменение законодательства и правоприменительной практики, но и перемены в сознании людей. Необходимо создать в каждом ведомстве внутреннюю систему профилактики коррупции, своего рода механизм самоочищения от недобросовестных чиновников, поскольку любую болезнь, а коррупция – это болезнь нашего общества, всегда легче и экономически выгоднее предупредить, чем лечить [3, с. 12]⁴.

Однако изложенные суждения вызвали вопрос: не страдают ли этой болезнью руководители и сотрудники такой внутренней системы профилактики? А может быть, данные руководители и сотрудники придут в наше общество с другой планеты?

Чего более всего боялись коррупционеры, в том числе взяточники – конечно, конфискации (а в соответствии с УК РСФСР 1922 г., несомненно, и смертной казни). Предупредительный потенциал этих мер уголовно-правового характера известен давно. Данные меры работали постоянно и тогда, когда статистические наблюдения показывали ноль случаев их применения.

Вместе с тем идея о предупреждении преступлений коррупционной направленности не нова, она многократно доказала свою действенность. Правда, против этой идеи выступали и выступают незримые для обывателя, но вполне различимые для специалистов в области уголовного права коррупционные силы, которые не появились внезапно. Они существовали ранее, разрушая советскую систему управления. Они приспособились к современным условиям. Это те ловкачи, которым дозволено принятие решений, имеющих правовые последствия. Они предусмотрительно

⁴ О мерах по профилактике и борьбе с коррупцией см. также в Федеральном законе № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г.

обставили себя нужными людьми, договорились об удобных должностях, приобрели (в большей мере прикупили) статусные звания и чины. Эти люди принимают участие в формировании и реализации государственной политики на всех ветвях власти.

Таким образом, коррупция – проблема в большей мере политическая, нежели юридическая. Очевидно, что коррупция носит системный характер. А можно ли бороться с системой? Наверное, можно либо путем выискивания крайних, так сказать, *козлов отпущения* (чем всегда успешно занимались и о чем с гордостью отчитывались правоохранительные органы), либо путем изменения сознания людей, в первую очередь, молодых людей. Привитие им убеждения в том, что товарно-денежные отношения не являются решающими в компетентном выполнении должностных обязанностей, оценке профессионализма сотрудника. Однако при этом мы вновь натываемся на препятствие. Кто же будет им прививать данное убеждение? Те лицемеры, которые говорят одно, а делают другое, настаивают на бескомпромиссном правомерном поведении, а сами поступают иначе. Думается, что такая прививка принесет только вред: непонимание, возмущение, озлобленность прививаемых. Не возложить ли функцию привития этого убеждения на закон?

О рычагах, которые придадут такому закону бóльшую действенность уже сказано: на уголовно-правовом уровне – это полное закрепление конфискации имущества и как наказания, и как иной меры уголовно-правового воздействия; это равновесное и разумное отражение в законе исключительной меры наказания с возможностью ее условного применения. Остается надеяться на то, что найдутся или профессионально созреют смельчаки и их единомышленники для бескомпромиссного применения такого закона.

В настоящее время в России наиболее часто мы сталкиваемся с коррупционными проявлениями в форме взяточничества. В соответствии с действующим отечественным уголовным законодательством **взяточничество** – это предусмотренное ст. 290–291.1 УК РФ умышленное общественно опасное активное поведение, подрывающее авторитет органов власти (управления), интересы государственной службы или службы в органах местного самоуправления. Указанные действия одновременно отражают как минимум два пре-

ступления: получение взятки и дачу взятки. Возможно и посредничество во взяточничестве.

Количество лиц, уличенных во взяточничестве (в 1997–2005 гг. по наиболее тяжкому составу преступления), а также осужденных за эти преступления (по ст. 290, 291, а с 2011 г. и по ст. 291.1 УК РФ) в период действия УК РФ, показано на рис. 2.

В период действия УК РФ до 2010 г. наблюдалось стабильное увеличение количества лиц, уличенных в получении/даче взятки, а в 2004–2009 гг. – и количества осужденных за данные преступления. Однако модификация норм об ответственности за взяточничество (см. Федеральный закон № 97-ФЗ от 4 мая 2011 г.), а также изменение практики привлечения к уголовной ответственности лиц за эти преступления внесли коррективы в указанные количественные показатели. В 2013 г. после трехлетнего ежегодного уменьшения количества лиц, уличенных во взяточничестве и осужденных за таковое, наблюдалось значительное увеличение указанного количества лиц. Между тем деятельность правоприменителей, направленная на привлечение этих лиц к уголовной ответственности, по-прежнему встречает препятствия. Вопросы в квалификации содеянного по ст. 290–291.1 УК РФ связаны с определением предмета преступного посягательства, выявлением субъективных признаков взяточничества, установлением факта вымогательства взятки, а также обещания/предложения посредничества во взяточничестве.

Предметы посягательства – деньги, ценные бумаги, иное имущество. По утверждению Пленума Верховного Суда РФ, отраженному в п. 9 постановления № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁵, *предметом взяточничества* также могут быть «незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав». Данное утверждение заслуживает критической оценки, поскольку, во-первых, оказание услуг и предоставление прав показывают виды противоправного активного поведения, но не предмет посягательства, а во-вторых, научно-педагогическим сообществом юристов, практикующими правове-

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155458/ (дата обращения: 22.10.2014)

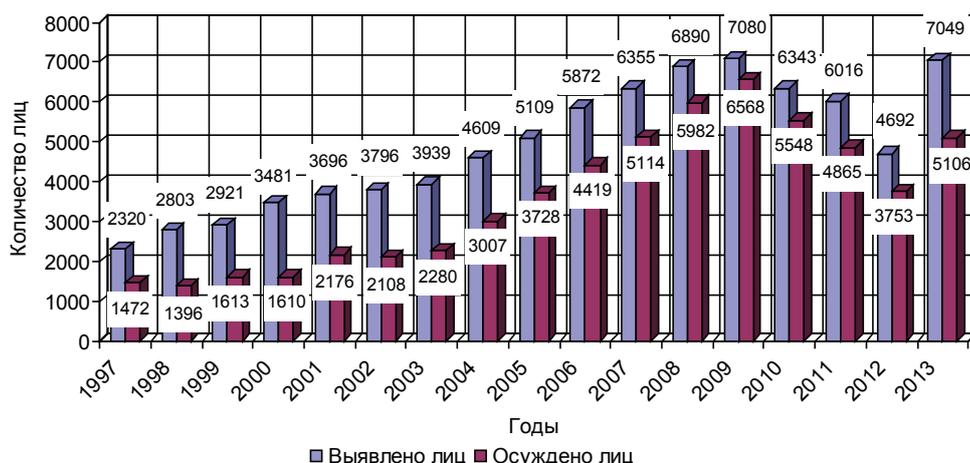

Рис. 2. Динамика количества лиц, уличенных во взяточничестве, а также осужденных за него*
(Fig. 2. Dynamics of numbers of persons caught in bribery and sentences for it)

* Источник: составлено автором.

дами не поставлено под сомнение представление о предмете преступного посягательства как об имеющей стоимостную оценку вещи материального мира, воздействие на которую влечет причинение вреда объекту посягательства. Вряд ли услуги или права можно признать вещами материального мира, поскольку последние имеют объем, массу и прочие качественно-количественные характеристики. Данные услуги/права должны получить оценку в денежном эквиваленте. Следовательно, предметом взяточничества будет материальное вознаграждение, полученное через оказание услуг, предоставление прав. Правда, в доктрине уголовного права по сию пору нет единого ответа на вопрос: можно ли признать такими услугами, например, услуги по составлению лестной характеристики сотрудника и направлению ее руководству, по написанию хвалебной статьи о человеке и опубликованию ее в газете, по вступлению в интимную связь? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то возникает другой вопрос: по какому прецеденту давать им оценку в денежном эквиваленте?

В литературе получило освещение мнение некоторых авторов о том, что вознаграждение (при отсутствии предварительной договоренности, должностному лицу в знак благодарности за уже осуществленное деяние), стоимость которого *не превышает пяти установленных федеральным законодательством минимальных размеров опла-*

ты труда (с 10 января 2009 г. – 3 000 рублей), не может признаваться взяткой. Насколько состоятельна позиция авторов, высказавших такое мнение? Попробуем в этом разобраться.

Занявшие указанную позицию авторы ссылались на ст. 572 «Договор дарения» и ст. 575 «Запрещение дарения» ГК РФ. Вместе с тем в ст. 575 ГК РФ речь идет о подарке (о запрещении дарения), а в ст. 290 УК РФ говорится не о подарке, а о взятке. Думается, что инспектор ГАИ–ГИБДД, «стреляющий» у водителей тысячерублевые денежные купюры вместо составления протокола о нарушении правил дорожного движения, эксплуатации транспортных средств, – взяточник. Разграничение между подарком и взяткой следует проводить по *мотивации дарения*. Подарок вручается человеку, в том числе должностному лицу, за его морально-нравственные, профессионально-этические качества и не связан с выполнением или невыполнением им какого-либо действия по службе. Взятка же вручается ему за занимаемое служебное положение (оказывается почтение не столько человеку, сколько его служебному месту), за желательное поведение в пользу дарителя или представляемого им лица.

Непосредственное влияние на квалификацию деяний по ст. 290–291.1 УК РФ могут оказать ответы на вопросы об установлении *субъективных признаков* взяточничества.

Можно ли вести речь о взяточничестве, если должностное лицо получило вознаграждение *без*

намерения осуществить в пользу дающего или иного представляемого им лица определенное поведение?

При квалификации деяния по ст. 290 УК РФ необходимо установить, за осуществление *каких именно действий (какого бездействия)* должностное лицо получило вознаграждение. Если, например, судебный пристав получил деньги за выполнение действий, которые он не мог осуществить из-за отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, то содеянное им нужно квалифицировать как *мошенничество*, а не получение взятки⁶. Аналогичным образом следует оценить поведение сотрудника ОВД, который в силу своих служебных полномочий не мог совершить в пользу потерпевшей (за материальное вознаграждение) обещанные по возбужденному уголовному делу конкретные процессуальные действия. В последнем случае высшая судебная инстанция квалифицировала содеянное по п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ (в настоящее время – ч. 3 ст. 159 УК РФ)⁷.

В представленных и подобных им ситуациях нужно обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым, если должностное лицо получает предмет взятки без намерения осуществить в пользу взяткодателя или иного представляемого им лица определенное поведение (а с целью присвоения материальных благ), поскольку такое поведение не входит в его компетенцию, и при этом должностное лицо не может с использованием своих служебных полномочий осуществить данное поведение, то содеянное дающим взятку необходимо квалифицировать как *покушение на дачу взятки*, а получателем взятки – как *мошенничество*. Аналогичным образом решается вопрос о квалификации деяния, когда лицо получает от взяткодателя предметы взятки якобы для передачи должностному лицу и, не намереваясь это сделать, присваивает их (см. абз. 2, 3 п. 24 постановления № 24 от 9 июля 2013 г.).

Вызвало некоторые вопросы указание Пленума Верховного Суда РФ на то, что должностное лицо, *предложившее* подчиненному ему по

службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации дать взятку должностному лицу, подлежит уголовной ответственности по соответствующей части ст. 291 УК РФ как *исполнитель* преступления, а работник, выполнивший его поручение, – по ст. 291.1 УК РФ как *посредник во взяточничестве* (см. абз. 1 п. 28 постановления № 24 от 9 июля 2013 г.). Не идет ли здесь речь об ответственности должностного лица за высказанное намерение? Действительно ли данное лицо выполнило объективную сторону дачи взятки, чтобы можно было признать его исполнителем?

Раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 290–291.1 УК РФ, затруднено неочевидностью их совершения, поэтому и расследование по делам данной категории преступлений требует *особой тщательности*. Выявление признаков субъективной стороны взяточничества, как правило, осложняется действиями виновных, направленными на сокрытие своих преступных намерений. Нередко получение взятки *маскируется под оказание спонсорской или иной помощи* организации, учреждению. Все чаще сторона защиты обвиняемого ставит перед судом вопрос: не имела ли место *провокация взятки*? Так, адвокат Сахарова, осужденного за получение взятки в крупном размере, в кассационной жалобе просил об отмене приговора и о прекращении уголовного дела. Защитник обратил внимание на то, что в материалах дела не было заявления от граждан, рапорта оперативного работника, отсутствовали материалы проверки к моменту возбуждения дела. По мнению адвоката, была осуществлена провокация взятки, поскольку передавший деньги Макаров пришел к получателю денег Сахарову, имея при себе записывающую аппаратуру, и действовал по специально смоделированным сотрудниками ОВД условиям, не с целью реально добиться совершения Сахаровым поведения в пользу передающего ему деньги, а для передачи Сахарову денег. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ опровергла представленные доводы⁸.

⁶ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 10. С. 15.

⁷ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 10. С. 18–19.

⁸ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3. С. 28–29.

При квалификации содеянного по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ у правоприменителей возникли сложности в установлении факта **вымогательства** взятки.

Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая материалы уголовных дел на предмет вымогательства взятки, по одному из таких дел указал, что вымогательство взятки за действия в пользу взяткодателя, которые входят в служебные полномочия должностного лица, имеет место, например, в следующем случае. Начальник таможенного поста при выполнении возложенных на него организационно-распорядительных функций, угрожая созданием препятствий при таможенном оформлении автомашин, потребовал у Д. деньги. Тем самым Д. был поставлен в такие условия, при которых, чтобы избежать убытков, он должен был согласиться на дачу взятки⁹.

По другому уголовному делу Президиум Верховного Суда РФ, напротив, отметил, что требование следователем Зайковым взятки с привлеченного к уголовной ответственности С. (а также с его родственника) не образует признака вымогательства. С. был привлечен к ответственности за совершение противоправных действий, а Зайков, пытаясь получить материальное вознаграждение за благоприятные следственные решения в пользу С., при этом не нарушил законных прав последнего¹⁰.

Анализ и обобщение следственно-судебной практики¹¹ с учетом определения понятия «вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа», представленного в абз. 1 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г., позволили прийти к выводу о том, что **вымогательство взятки** означает требование должностным лицом незаконного вознаграждения под угрозой осуществления действия (бездействия), которое может причинить ущерб законным интересам взяткодателя или представляемого им лица, либо умышленное создание для него таких условий, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения наступления

вредных последствий для его правоохраняемых интересов. Указанный пункт постановления Пленума Верховного Суда РФ следовало бы дополнить положением о невозможности расценивать как вымогательство угрозу со стороны получателя взятки (или предмета коммерческого подкупа) совершить в отношении передающего вознаграждение или представляемого им лица законные действия, хотя при этом и затрагивающие его интересы.

И последнее. Вызвало вопросы у правоприменителей и научных сотрудников законодательное закрепление в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ основного альтернативного состава преступления, которым предусмотрена ответственность за **обещание или предложение посредничества** во взяточничестве. Криминализация обещания и предложения посредничества во взяточничестве представляется не вполне обоснованной, поскольку указанные действия в большей мере свидетельствуют об **обнаружении умысла** – нулевой стадии совершения преступления, нежели о приговаривании к нему, покушении на него или об оконченном (составом) преступлении. Убедительным подтверждением этому явились разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, закрепленные в п. 26 постановления № 24 от 9 июля 2013 г., об **окончании** (составом) данного преступления в момент осуществления деяния, направленного на доведение до сведения взяткодателя/взятополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве.

Выводы

Изложенные суждения показали, что коррупция носит системный характер и представляет собой проблему в большей мере политическую, нежели юридическую. Преступлениями коррупционной направленности являются так называемые служебные общественно опасные деяния, совершаемые лицом в целях получения выгоды имущественного характера для себя или для третьих лиц. Наибольшее распространение среди коррупционных преступлений получило взяточничество. Думается, что противодействие этому преступному поведению окажется более обоснованным, если: а) строго определить предметы преступного посягательства, коими следует признать вещи материального мира, имеющие

⁹ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 16.

¹⁰ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 17.

¹¹ См., в частности, Бюллетени Верховного Суда РФ: 2011. № 6. С. 23–24; 2010. № 5. С. 16–17; 2004. № 3. С. 16; 2003. № 12. С. 17; 2002. № 8. С. 15; 1999. № 7. С. 9.

стоимостную оценку; б) особое внимание уделить установлению субъективных признаков взяточности, отягощенному маскировкой передачи вознаграждения под оказание спонсорской или иной помощи организации/учреждению, признаками провокации преступления и т. д.; в) уточнить определение понятия «вымогательство взятки»; г) отказаться от положений, закрепленных в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Список литературы

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
2. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
3. Шаров А. Прокурорское предупреждение // Российская газета. 2009. № 1. С. 12.

В редакцию материал поступил 05.11.14

© Сверчков В. В., 2014

Информация об авторе

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия МВД России

Адрес: 603600, г. Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: sverchkov14@mail.ru

Как цитировать статью: Сверчков В. В. Актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 67–75.

V. V. SVERCHKOV,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor

Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhny Novgorod, Russia

TOPICAL ISSUES OF CORRUPTION COUNTERACTION

Objective: to give answers to the topical issues of corruption counteraction.

Methods: The methodological basis of research is the overall dialectic method of cognition, as well as general scientific, special and private methods of research.

Results: Basing on the analysis and summarizing of results of investigative-court practice, legislation provisions and criminal law doctrine, the features of the following are shown: а) defining the object and revealing the subjective signs of bribery; б) stating the fact of bribe extortion, promising/offering mediation in bribery.

Scientific novelty: The answers have been found for the topical questions of corruption counteraction.

Practical value: The results of the carried out research can be used in scientific, law-making and law-enforcement activity, in the educational process of juridical universities and faculties.

Key words: corruption; crimes against state power; crimes against interests of state service; crimes against interests of local service; bribery; corruption counteraction; subjective signs of bribery; extortion; bribes.

References

1. Chistyakov, O.I. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi* (Russian legislation of the Xth–XXthcc. in 9 vol. Vol. 1: Legislation of the Ancient Rus'). Moscow: Yurid. lit., 1984, 432 p.
2. Chistyakov, O.I. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* (Russian legislation of the Xth–XXthcc.: in 9 vol. Vol. 2: Legislation of the period of forming and strengthening of the Russian centralized state). Moscow: Yurid. lit., 1985, 520 p.
3. Sharov, A. Prokurorskoe preduprezhdenie (Prosecutor's warning). *Rossiiskaya gazeta*, 2009, no. 1, pp. 12.

Received 05.11.14

Information about the author

Sverchkov Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal-Executive Law, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Address: 3 Ankundinovskoye Shosse, 603600, Nizhny Novgorod

E-mail: sverchkov14@mail.ru

How to cite the article: Sverchkov V.V. Topical issues of corruption counteraction. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 67–75.

© Sverchkov V. V., 2014

УДК 340.1:342.9:658.7

А. И. СИДОРЕНКО,
аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Цель: показать основанные на недочетах законодательства способы создания правовой неопределенности для участников государственных и муниципальных закупок на стадии подачи заявок на участие в торгах и предложить способы решения поставленной проблемы путем изменения действующего правового регулирования.

Методы: всеобщий диалектико-материалистический метод, позволяющий выявить взаимообусловленность дискреции полномочий лиц, осуществляющих распоряжение бюджетными средствами, и коррупции, а также основанные на нем методы анализа, индукции, сравнения и статистики.

Результаты: показаны положения законодательства, на которых основаны методы обеспечения закрытости рынка государственного заказа для предпринимателей, отстраненных от незаконного раздела бюджетных средств, а также сформулированы предложения по изменению законодательства.

Научная новизна: определены способы создания неравных условий для участников государственных и муниципальных закупок (как проявление коррупциогенных факторов законодательства о публичных торгах) и меры по их устранению.

Практическая значимость: сформулированы предложения по совершенствованию действующего правового регулирования.

Ключевые слова: конкуренция; контрактная система; коррупция; подача заявок; описание объекта закупки; требования к товарам; расходование бюджетных средств; торги.

Введение

Проблема эффективного расходования бюджетных средств актуальна в рамках любого государства [1, с. 3–4]. Традиционно сфера закупок для государственных и муниципальных нужд является самой коррупционной [2, с. 178], поскольку в ней объективно существуют условия антиконкурентного сговора в процессе борьбы за бюджетные средства [3, с. 116]. Представляется, что главным инструментом ограничения конкуренции на сегодняшний день является существующая процедура проведения отборочной стадии закупок, на которой решается, заявки каких участников должны быть допущены к участию в торгах. Особенно актуальна данная проблема в строительной отрасли, где используется большое количество различных товаров¹.

В специальной литературе пристальное внимание уделяется проблеме описания характеристик товаров, изготовить которые может лишь конкретный производитель, при отсутствии действительной потребности заказчика в установлении таких характеристик объекта закупки [4, 5]. Кроме того, исследователи отмечают, что «заказчик намеренно формулирует положения технического задания таким образом, чтобы его требованиям удовлетворяли продукция, работы и услуги, которые может поставить (выполнить) только один из участников конкурентных процедур» [5, с. 68–69]. Такой «сговор» достигается при помощи основанных на действующем законодательстве методов, приведенных ниже. Таким образом никто, кроме избранных поставщиков, не сможет верно интерпретировать его положения и правильно оформить заявку на участие в торгах.

¹ По информации, размещенной на портале закупок, в период с 1 января 2013 г. по 31 декабря 2013 г. в общем объеме закупок строительные работы имеют наибольший объем, составляющий 19,54 % от всей массы (1 151 143,5 млн рублей). URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/analytics/public-control.html> (дата обращения: 21.07.2014).

<http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/analytics/public-control.html> (дата обращения: 21.07.2014).

Результаты исследования

Установление противоречивых (взаимоисключающих) требований к объекту закупки.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 33 Федеральному закону № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г.² (далее – Закон о контрактной системе) в описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики объекта закупки (при необходимости). В соответствии с ч. 2 ст. 33 Закона о контрактной системе заказчик должен указать минимальные и максимальные значения показателей потребительских свойств товаров, а также значения, которые не могут изменяться.

В силу ч. 3.1 ст. 53 и ч. 4 ст. 67 Закона о контрактной системе по результатам рассмотрения поданных заявок участники закупки отстраняются от участия в торгах, если будет установлено непредоставление или предоставление недостоверной информации в составе заявок на участие в торгах.

Приведенные положения закона предполагают, что при осуществлении отборочной стадии закупки (принятия решения о допуске к участию в торгах лиц, подавших заявки) заказчики проверяют, соответствуют ли представленные в заявках сведения о предлагаемых товарах установленным документацией значениям, а также требованиям действующих нормативных документов (ГОСТ, ТУ, СНИП и т. д.). Аналогичные правила содержались в утратившем силу 1 января 2014 г. Федеральном законе № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г.³ (далее – Закон о размещении заказов).

При выборе способов описания объекта закупки заказчик в соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе обладает автоно-

мией, которая ограничена лишь требованиями возможности поставки товаров, эквивалентных требуемым, и соответствия нормативным стандартам установленных показателей их технических характеристик. Следовательно, у заказчика есть право описать требования к товарам детально, включив любое возможное количество их эксплуатационных свойств, предусмотренное законодательством о техническом регулировании. Используя данное правомочие, заказчики устанавливают максимально сложные для восприятия характеристики товаров, преследуя цель запутать участников закупки, не участвующих в антиконкурентном сговоре, и отказать им в допуске к торгам по формальным основаниям несоответствия поданной заявки требованиям документации.

Так, заказчики включают в описание товаров требование о соответствии их характеристик определенным ГОСТ, ТУ и другим нормативным документам. Указанными актами утверждены характеристики различных видов, марок, классов товаров и т. д. Установив возможность предоставления товаров, обладающих различными показателями требуемых характеристик в соответствии с определенным государственным стандартом, можно описать товар в документации так, что без тщательного изучения данного стандарта и всех нормативных актов, на которые имеются ссылки в применимом стандарте, невозможно достоверно описать сведения о товаре.

В то же время следует учесть, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе обязанностью заказчика является объективное описание объекта закупки. Следовательно, заказчик может предоставить в составе документации наиболее полное описание характеристик требуемых им товаров. Однако грань между действительными потребностями заказчика и созданием головолмки – очень тонкая. Описывая, например, требования к песку, заказчик может указать в совокупности с прочими следующие требуемые характеристики: «Модуль крупности песка $\leq 3,1$. Частные остатки на сите № 2,5, № 1,25, № 0,63, № 0,315, № 0,16 должны быть $\leq 30\%$ »⁴. Для того, чтобы верно заполнить

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14.

³ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1).

⁴ См. п. 30 Приложения № 4 к документации о закупке № 0373100009914000583. Начальная цена торгов составила 2 923 592 179,21 рублей. Было допущено 2 участника

данные показатели необходимо ознакомиться с ГОСТ 8736-93, устанавливающим показатели требований к песку природному, найти в нем ссылку на ГОСТ 8735-88, устанавливающий методы испытаний данного песка, и выяснить, что является частным остатком и по какой формуле можно рассчитать подходящее количество данных частных остатков, чтобы не включить в заявку недостоверные сведения. Любой участник закупки, который укажет такие показатели частных остатков, которые будут удовлетворять требованиям документации, но которые, например, в сумме с другими показателями частных остатков будут составлять более 100 %, получит отказ в допуске к участию в определении поставщика за предоставление недостоверных сведений о песке⁵. В то же время выявить практическое значение таких требований затруднительно, поскольку они носят не определяющий или конкретизирующий характер, а нацелены на создание неопределенности относительно допустимых требуемых характеристик товаров. В литературе отмечается, что подобные действия являются ничем иным, как созданием «квестов» для подрядчиков, являющихся мерой их «естественного» отбора [6, с. 45–46].

Таким образом, в рамках рассматриваемого способа у заказчика имеется полная свобода выбора степени сложности описания объекта закупки, независимо от наличия обоснованной потребности в таком описании. Единственное ограничение свободы заказчика в данной об-

из 7, остальные указали недостоверные характеристики товаров, предлагаемых к использованию при выполнении работ. Четверо из участников подали жалобы на незаконный отказ в допуске, но комиссия ФАС России не выявила нарушений, влияющих на конкуренцию. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/common-info.html?regNumber=0373100009914000583> (дата обращения: 18.07.2014).

⁵ В качестве примера законности отказа в допуске именно по этому основанию можно привести решение Пермского УФАС от 11 декабря 2013 г. по жалобе ООО «Пермальянстрой» (вх. № 16162-13 от 4 декабря 2013 г.), которым установлено, что отказ в допуске за ошибку в данных показателях является законным, а жалоба ООО «Пермальянстрой» на незаконный отказ в допуске к участию в торгах является необоснованной. URL: <http://zakupki.gov.ru/pgz/documentComplaintDownload?documentId=3278271> (дата обращения: 18.07.2014).

ласти установлено п. 2 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе, где содержится требование о соответствии такого описания законодательству о техническом регулировании и применимым государственным стандартам.

Усложнение инструкции по заполнению первой части заявки.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 50, п. 2 ч. 1 ст. 64, п. 3 ч. 4 ст. 83, п. 2 ч. 1 ст. 87 Закона о контрактной системе закупочная документация должна содержать инструкцию по заполнению заявки на участие в закупке. В данной инструкции указывается, каким образом должна быть заполнена заявка и как верно толковать содержащиеся в документации условные обозначения.

Используя приведенное правомочие на установление такой инструкции, заказчики дополнительно усложняют интерпретирование требований к товарам, вводя знаки препинания или словесные обороты в качестве обязательных для заявки⁶, что также часто противоречит целям объективного описания товаров и затрудняет понимание требований заказчика участниками закупки.

Размещение информации о товарах в открытом доступе в виде, затрудняющем ознакомление, поиск и копирование текста.

Проблема использования форматов, затрудняющих копирование и распознавание текста требований к товарам, является в последнее время одной из наиболее актуальных. Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС РФ) делала попытку признать наличие обязанности организатора торгов размещать документацию в формате, обеспечивающем возможность поиска и копирования фрагментов текста средствами веб-обозревателя, путем применения в ее правоприменительной практике норм Требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти, утвержденных Приказом Минэкономразвития России № 470

⁶ См. напр. п. 3.2 ст. 3 документации о закупке № 0373100009914000583/ URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/common-info.html?regNumber=0373100009914000583> (дата обращения: 18.07.2014).

от 16 ноября 2009 г.⁷ Данная позиция была поддержана решением Арбитражного суда города Москвы от 29 января 2013 г. и Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2013 г. по делу № А40-141127/2012. Однако Федеральный арбитражный суд Московского округа отменил решения нижестоящих судов в этой части, указав: «Положения ч. 7 ст. 16 Закона о размещении заказов в отношении технической составляющей информационного обеспечения размещения заказов содержат бланкетные нормы, отсылающие на принятое в соответствии с Законом о размещении заказов Положение, утвержденное приказом Минэкономразвития России и Федерального казначейства № 646/21н от 14 декабря 2010 г.⁸ Названное Положение не содержит требования об обязательном наличии на официальном сайте для размещения информации о размещении заказов возможности копирования фрагментов текста средствами веб-обозревателя. Из совокупного толкования норм Положения, утвержденного приказом № 646/21н от 14 декабря 2010 г., следует, что основной целью функционирования официального сайта www.zakupki.gov.ru является размещение соответствующей информации и обеспечение беспрепятственного доступа к ознакомлению с ней всех заинтересованных лиц»⁹.

Таким образом, единственным условием при размещении информации о закупках на сегодняшний день является лишь обеспечение возможности ознакомления с документами бесплатными средствами веб-обозревателя. Однако на практике недобросовестные заказчики специально ухудшают качество визуального представления требований к товарам. Если изучить закупки, предметом которых является выполнение работ с использованием товаров, можно заметить, что в большинстве случаев требования

к товарам являются единственным документом, размещенном в формате, затрудняющем поиск и копирование текста. Можно с уверенностью заключить, что практикуемое преднамеренное изменение формата или последующая его печать блеклыми чернилами на некачественной бумаге, затем сканирование с шифрованием паролем для защиты от копирования или технического распознавания текста¹⁰, осуществляется с единственной целью – ограничить число допущенных заявок на участие в закупке. В то же время антимонопольные органы обычно игнорируют доводы о том, что имеющаяся в открытом доступе информация об объекте закупки практически нечитаема и не позволяет с уверенностью судить о том или ином содержании требований к товарам¹¹.

Другим ограничением ознакомления с текстом требований к товарам является размещение их сплошным текстом. Также зачастую для усложнения восприятия текста данных требований используются математические символы, замаскированные под буквы; искажение математических символов; печать без пробелов; сложные речевые обороты. Так, популярным является использование знаков «<», «>» в качестве «меньше», т. е. «<<» и «больше», т. е. «>>», либо знаков «Ø», «ø» в качестве знаков, обозначающих «диаметр», хотя такие обозначения не предусмотрены действующими нормативными документами¹². Поскольку

¹⁰ Приложение № 1 к техническому заданию закупки № 0856300003114000063. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/documents.html?regNumber=0856300003114000063> (дата обращения: 11.07.2014). Подобная ситуация наблюдается в закупках, размещаемых Администрацией ЗАТО «Звездный» Пермского края (например, номера закупок: 0156300000314000061, 0156300000314000064, 0156300000314000068).

¹¹ Решение Пермского УФАС по жалобе ООО «СО «Тендер Консалт» (вх. № 11698-14 от 24 июля 2014 г.) о нарушении законодательства о закупках от 1 августа 2014 г. URL: <http://zakupki.gov.ru/pgz/documentComplaintDownload?documentId=3387939> (дата обращения: 13.08.2014); Решение Ханты-Мансийского УФАС по жалобе Сидоренко А.И. от 26 декабря 2013 г. // URL: <http://zakupki.gov.ru/pgz/documentComplaintDownload?documentId=3288885> (дата обращения: 13.08.2014).

¹² Таким образом, например, составляется документация МУ «УКС Пермского муниципального района», которое осуществило экономию бюджетных средств за рассмотренный автором период с 1 января 2013 г. по 8 ноября

⁷ Решение ФАС России от 11 декабря 2012 г. по делу № К-2399/12, от 11 декабря 2012 г. по делу № К-2400/12, от 6 декабря 2012 г. по делу № К-2361/12, от 17 июля 2012 г. по делу № К-1383/12 // СПС Консультант Плюс.

⁸ На сегодняшний день изменений в этой части в связи с принятием Закона о контрактной системе нет.

⁹ Постановление ФАС Московского округа от 24 сентября 2013 г. по делу № А40-141127/2012 // СПС КонсультантПлюс.

требования к товарам размещены в плохом качестве, надлежащее восприятие приведенных символов сильно затруднено.

ФАС России признавала в своей практике, что размещение информации сплошным текстом является способом ограничения конкуренции¹³. Однако правоприменительная практика, как и действующее законодательство, в связи с этим изменений не претерпели. В качестве положительного примера следует отметить Постановление Правительства города Москвы от 24 февраля 2012 г. № 67-ПП «О системе закупок города Москвы»¹⁴, которым ограничена дискреция заказчика в описании объекта закупки, в том числе его графического отображения. В п. 13 Приложения № 3 к данному постановлению установлено, что недопустима излишняя детализация параметров, не влияющих на реализацию потребности заказчика в целом, приводящая к ограничению количества потенциальных участников закупок. Кроме того, в Приложении № 5 к постановлению описана форма сведений о характеристиках товара, которая является единственным надлежащим способом описания товаров, и представлена следующим образом:

№ п/п	Наименование товара	Указание на товарный знак (модель, производитель)	Технические характеристики			Единицы измерения	Сведения о сертификации
			Требуемый параметр	Требуемое значение	Значение, предлагаемое участником		

Тем не менее данная форма сведений зачастую усложняет работу по составлению заявки. В качестве примера можно привести закупку № 0373200068614000063¹⁵, где характеристики 43 товаров описаны путем использования данной формы на 325 листах в формате pdf. Поэтому приведенное постановление не решает описанной проблемы ограничения конкуренции, но в некоторой степени сужает полномочия заказчика в излишней детализации объекта закупки.

Выводы

Имеющиеся на сегодняшний день проблемы неэффективности расходования бюджетных средств при осуществлении закупок для нужд государства кроются в излишней широте полномочий должностных лиц заказчиков в описании объекта закупки, порождающей у потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) чувство неопределенности при оценке возможности участия в закупке, а также подрывающей веру в действенное воплощение гарантированной ст. 8 Конституции РФ поддержки конкуренции. Широта дискреционных полномочий наряду с определением компетенции с формулировкой «вправе» являются основными коррупциогенными факторами, указанными в п. «а» и «б» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96¹⁶. Оба указанных фактора предопределены

2013 г. в размере: 2137400,73 рублей, что составляет 0,7 % от общего объема выделенных денежных средств на изученные 24 закупки, составившего 178324814,02 рублей. Номера извещений о закупках: 0156300051313000018, 0156300051313000017, 0156300051313000003, 0156300051313000005, 0156300051313000049, 0156300051313000048, 0156300051313000043, 0156300051313000002, 0156300051313000040, 0156300051313000037, 0156300051313000004, 0156300051313000024, 0156300051313000036, 0156300051313000016, 0156300051313000030, 0156300051313000029, 0156300051313000012, 0156300051313000013, 0156300051313000015, 0156300051313000014, 0156300051313000022, 0156300051313000009, 0156300051313000011.

¹³ См. Решение ФАС России от 22 мая 2013 г. по делу № К-694/13 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ О системе закупок города Москвы: Постановление Правительства Москвы № 67-ПП от 24 февраля 2012 г. // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/common-info.html?regNumber=0373200068614000063> (дата обращения: 28.04.2014).

¹⁶ Собрание законодательства РФ. 2010. № 10.

положениями ч. 1 и 2 ст. 33 Закона о контрактной системе. Включение в указанную статью оценочной категории «объективности» описания объекта закупки оказалось недостаточно для пресечения злоупотреблений должностными лицами имеющимися полномочиями¹⁷. Право участников закупки на осуществление запроса о даче разъяснений положений документации также не решает поставленных проблем, поскольку ч. 8 ст. 50, ч. 5 ст. 65, ч. 6 ст. 87 Закона о контрактной системе не предусмотрено требований к содержанию ответов на такие запросы (помимо недопустимости изменения данными ответами сути документации).

Варианты решения указанной проблемы:

1. Включить в ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе пункт со следующим содержанием: «Недопустима излишняя детализация объекта закупки, наличие которой не влияет на потребность заказчика. При описании характеристик объекта закупки, основанных на нормах законодательства о техническом регулировании, государственных, иных общедоступных стандартах и нормативах, запрещается устанавливать дополнительные признаки объекта закупки без обоснования объективной потребности заказчика в индивидуализации его технических характеристик (потребительских свойств)».

2. Дополнить п. 2 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе предложением со следующим содержанием: «Запрещается использование при описании объекта закупки терминов, символов и единиц измерения способом, отличным от предусмотренного действующим законодательством о техническом регулировании, государственными стандартами или иными документами, которыми

установлены параметры описываемых характеристик объекта закупки, если требование о соответствии данным документам установлено документацией».

3. Дополнить ч. 3 ст. 50 Закона о контрактной системе следующим предложением: «Часть документации, содержащая описание объекта закупки, и положения которой подлежат отражению в тексте заявки на участие в конкурсе, должна быть размещена в формате, обеспечивающем возможность поиска и копирования текста бесплатными средствами веб-обозревателя».

4. Дополнить ч. 6 ст. 60 и ч. 2 ст. 65 Закона о контрактной системе следующей фразой: «Часть документации, содержащая описание объекта закупки, и положения которой подлежат отражению в тексте заявки на участие в электронном аукционе, должна быть размещена в формате, обеспечивающем возможность поиска и копирования текста бесплатными средствами веб-обозревателя».

5. Дополнить п. 4 ч. 1 ст. 50 и п. 2 ч. 1 ст. 60 Закона о контрактной системе предложением: «Инструкция по заполнению заявки на участие в закупке должна быть направлена на разъяснение положений документации о закупке и быть основана на принципе объективности описания объекта закупки».

Список литературы

1. Белов В.Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.
2. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография. М.: Юстицинформ, 2012. 260 с.
3. Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. 296 с.
4. Канунцева М. Госзакупки: грань между потребностями заказчика и ограничением конкуренции // Конкуренция и право. 2012. № 5. С. 56–60.
5. Воскресенская Е., Клименко С. Свобода заказчика при определении предмета торгов: реалии и перспективы. Анализ на примере закупок медицинских изделий // Конкуренция и право. 2013. № 4. С. 10–16.
6. Белоцерковский Е.Я., Белоцерковская В.Е. Можно ли выбрать строительного подрядчика? // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 5. С. 35–46.

В редакцию материал поступил 15.10.14

© Сидоренко А. И., 2014

¹⁷ Например, Вторым арбитражным апелляционным судом сделан вывод о том, что при описании товара заказчик вправе указывать качественные параметры к объекту закупок, которые являются определяющими для него, но при этом не ограничивающими количество потенциальных участников закупок; он не лишен возможности более точно и четко указывать требования к закупаемому товару, в том числе в данной ситуации и к его составу. См. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 21 июля 2014 г. по делу № А28-3247/2014 // СПС КонсультантПлюс.

Информация об авторе

Сидоренко Андрей Игоревич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: (342) 293-38-61

E-mail: andrew.i.sidorenko@gmail.com

Как цитировать статью: Сидоренко А. И. Правовая неопределенность как средство ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 76–82.

A. I. SIDORENKO,

Post-graduate student

Perm State National Research University, Perm, Russia

LEGAL UNCERTAINTY AS A MEANS OF COMPETITION LIMITATION IN THE SPHERE OF STATE AND MUNICIPAL PURCHASES

Objective: to show the means of legal uncertainty creating based on the drawbacks of legislation at the stage of applying for auctions for state and municipal purchases, and to propose ways to solve the stated problem by changing the existing legal regulation.

Methods: common dialectical-materialistic method, allow in to reveal the interdependence of the discretion of authorities when distributing the budget; the methods of analysis, induction, comparison and statistics.

Results: legislation provisions are shown, which ensure the methods of making the state order market close for entrepreneurs deprived from illegal distribution of the budget; proposals for the legislation changing are formulated.

Scientific novelty: The means of creating unequal conditions for the state and municipal purchases are defined (as revelation of corruptive factors of the legislation on public auctions), as well as the measures for their elimination.

Practical value: Proposals are formulated for improving the existing legal regulation.

Key words: competition; contract system; corruption; applying; description of a purchased object; requirements for goods; budget spending; auction.

References

1. Belov, V.E. *Postavka tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug dlya gosudarstvennykh nuzhd: pravovoe regulirovanie* (Goods delivery, works execution, services rendering for state needs: legal regulation). Moscow: Norma, Infra-M, 2011, 304 p.
2. Kichik, K.V. *Gosudarstvennyi (munitsipal'nyi) zakaz Rossii. Pravovye problemy formirovaniya, razmeshcheniya i ispolneniya: monografiya* (State (municipal) orders in Russia. Legal problems of forming, allocation and execution: monograph). Moscow: Yustitsinform, 2012, 260 p.
3. Andreeva, L.V. *Zakupki tovarov dlya federal'nykh gosudarstvennykh nuzhd: pravovoe regulirovanie* (Purchasing goods for federal state services: legal regulation). Moscow: VoltersKluver, 2009, 296 p.
4. Kanuntseva, M. Goszakupki: gran' mezhdru potrebnostyami zakazchika i ogranicheniem konkurentsii (State purchases: the verge between the customer's needs and competition limitation). *Konkurentsia i pravo*, 2012, no. 5, pp. 56–60.
5. Voskresenskaya, E., Klimenko S. Svoboda zakazchika pri opredelenii predmeta trgov: realii i perspektivy. Analiz na primere zakupok meditsinskikh izdelii (Freedom of the customer when choosing the auction object: realia and prospects. Analysis on the example of medical goods purchasing). *Konkurentsia i pravo*, 2013, no. 4, pp. 10–16.
6. Belotserkovskii, E.Ya., Belotserkovskaya, V.E. Mozhno li vybrat' stroitel'nogo podryadchika? (Can one choose a building contractor?). *Rukovoditel' byudzhetoj organizatsii*, 2013, no. 5, pp. 35–46.

Received 15.10.14

Information about the author

Sidorenko Andrey Igorevich, Post-graduate student of the Chair of History of State and Law, Perm State National Research University

Address: 15 Bukireva Str., 614990, Perm, tel.: (342) 293-38-61

E-mail: andrew.i.sidorenko@gmail.com

How to cite the article: Sidorenko A.I. Legal uncertainty as a means of competition limitation in the sphere of state and municipal purchases. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 76–82.

© Sidorenko A. I., 2014

УДК 101.1:328.185

Е. Л. ЯКОВЛЕВА,

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ОСМЫСЛЯЯ КОРРУПЦИЮ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Цель: исследовать коррупцию как социальное явление с точки зрения существования человека в модусе быть и модусе иметь, опираясь на философский концепт Э. Фромма.

Методы исследования: Диалектический метод к познанию социальных явлений позволил проанализировать коррупцию в современном социокультурном ландшафте, феноменологический метод способствовал установлению различий существования человека в модусе иметь и модусе быть в их конкретных проявлениях, а также сравнительный анализ, посредством которого сравнивались противоположные формы бытия человека.

Результаты исследования: Анализ ситуации коррумпированного общества показал трансформации социального, связанные с существованием человека. Взяв за основу концепт Э. Фромма, были введены понятия «человек имеющий» и «человек бытийствующий». Оба типа были исследованы с позиций ментального уровня, восприятия знаний, отношения к власти, понимания статуса, форм и качества досуга, сакральной сферы. Анализ перечисленных параметров показал, что человек имеющий предрасположен к коррупционным действиям.

Научная новизна: В статье впервые на основе концепции Э. Фромма исследован с точки зрения коррупции человек в *модусе иметь* и *модусе быть*. Доказано, что человек имеющий культивирует коррупционный образ действий.

Практическая значимость: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении и анализе трансформаций социального, происходящих в современности, в том числе с точки зрения коррупционного образа действий.

Ключевые слова: коррупция; коррупционный образ действий; идеология гламура; модус иметь; модус быть; человек имеющий; человек бытийствующий.

Введение

Постановка проблемы. Жизнь современного человека в России тарифицирована. Помимо официальных платных услуг существует известный всем преискурант цен «по договоренности», что говорит об открытом характере коррупционных проявлений. Например, передается информация о таксе на получение определенной должности или места в детском саду, поступление в школу/вуз, написание статьи/дипломной работы/диссертации, открытие собственного бизнеса, оплату услуг чиновника/врача/тренера и т. д.

Именно коррупция как феномен наиболее полно соответствует современной монетизации всех аспектов бытия, в результате чего выстраивается *экономика понимания*, нивелирующая ценность человека и нарушающая его права и свободы. Как правило, в различных спорных/конфликтных ситуациях правым оказывается тот, кто заплатил и чьи коррупционные связи оказались значительными и сильными, то есть власть денег, *рождая Нечто из Ничто*, выступает мощным средством принятия решений и формирования общественного/личного мнения.

Огромное количество коррупционных проявлений завуалированно растиражированных СМИ в качестве образцовой жизни и/или достижений

субъекта, ставшего известной/медийной личностью, представляют собой «прозрачность Зла» (Ж. Бодрийяр). Противоправные коррупционные действия, имеющие своей целью корыстный интерес, приводят к успешности человека, а его тиражируемая жизнь являет собой «возвышающий обман» о «низких истинах» (терминология А. Кончаловского). Подобные действия, преподносимые СМИ в эстетизированной форме, есть ничто иное, как паразитирующий негатив современности, расплзающийся и множющийся в пространстве социального. Представленная таким образом «закодированная информация» о продажности должностных лиц и/или покупаемости услуг/статусов/успешности, манипулируя сознанием и поведением массового человека, искажают его мировидение. Разобранность современного человека, приводящая к состоянию дивида¹ с мозаичным сознанием, делают его не способным к рефлексированию: он не может осознать всю глубину проблемы, которая, в принципе, и не воспринимается как проблема,

¹ Дивид – фрагментированный, разорванный, смятенный, лишенный условности человек Новейшего времени (URL: <http://terme.ru/dictionary/179/word/divid-individ> (дата обращения: 15.11.2014))

а, наоборот, принимается к сведению в качестве образца для подражания. Усугубляет ситуацию очарованности коррупционным лицом/ситуацией пассивность/интерпассивность современного человека: он становится *безумно дающим* ради решения проблем за счет другого и/или *безумно берущим* ради гламурного образа жизни. Подчеркнем, проблема добра и зла, правды и лжи, профессионализма и грамотности внутри коррупционных взаимоотношений полностью игнорируются.

Необходимость проведения исследования. Все перечисленное, связанное с *коррупционной моделью социального* и становящееся *традиционной нормой*, приводит к *изменению человеческого кода и трансформациям души*, усугубляя кризисность бытия общества. Дух общества потребления, ориентированный на жадность и накопительство, навязывает определенную модель *современной/со-временной* жизни, рождая иллюзию достатка Нечто (например, денег как тела без органов, недвижимости, предметов старины, статуса и др.). Подчеркнем, подобное Нечто оказывается симулятивным, не рождая чувства удовлетворения и вуалируя фундаментально-глубинную основу бытия, связанную со смысложизненными поисками.

Методы исследования. Для рассмотрения коррупционных проявлений изнутри, с позиций человека наблюдающего, нами использован диалектический метод, позволяющий проанализировать коррупцию в современном социокультурном ландшафте, феноменологический метод, способствующий установлению различий человека в *модусе иметь* и *модусе быть* в конкретных проявлениях, а также сравнительный анализ, посредством которого сравнивались противоположные формы бытия человека.

Результаты исследования

Коррупция – феномен сложный и неоднозначный. Он рождает в человеке, столкнувшемся с ним, противоречивые эмоции и мысли. Понимая, что коррупция – это негативное явление, определенное зло, тем не менее в жизненных ситуациях человек идет/вынужден идти на сделку с самим собой, своей совестью, метафизическими/телеологическими ценностями и принципами. Сегодня коррупция становится актуальным социальным брендом: о ней, демонстрируя наглядные примеры, говорят и пишут, обсуждают на симпозиумах и страницах СМИ, выпускают специальную продукцию (брошюры, антикоррупционные плакаты, ролики и пр.).

Тем не менее, несмотря на официальную борьбу с коррупцией, ангажированную на уровне государственной политики, она продолжает набирать обороты в различных областях социального, не сдавая своих позиций. Возможно, устойчивость подобного явления объясняется его многовековой историей в обществе, что оказало влияние на ментальные установки людей, в том числе россиян. В истории Государства Российского мздоимство (казнокрадство и взяточничество) упоминаются в летописях XIII в., что позволяет говорить об устойчивом характере явления и даже его вечности. Неслучайно в жизни россиянина коррупционный образ действий является либо *чертой характера*, что указывает на постоянность, либо *аспектом поведенческой матрицы*, что говорит об эпизодичности.

Коррупция в эпоху гламура, пропагандирующего безумно-бездумный роскошный стиль жизни, не соответствующий уровню жизни большей части населения России, рождает иллюзию бытия, подстраивая человека к обществу потребления, где «*обладание* представляется функцией нашей жизни», а «кто ничего *не имеет*, тот ничего собой не представляет (тот и не *существует*)» [1, с. 29].

Чтобы разобраться в коррупционном поведении человека, обратимся к выделенным в концепции Э. Фромма модусам человеческого существования *иметь* и *быть*. Это «два основных типа ценностных ориентаций личности, два способа существования человека в мире, две различные личностные составляющие, преобладание которых в индивиде определяет его как целостность со всеми мыслями, чувствами и поступками» [1, с. 44]. Данное деление позволяет нам выделить две разновидности человека – «человек имеющий» и «человек бытийствующий» (в концепции Э. Фромма – «человек экзистенциального типа»). Проанализируем проявления этих двух типов по отношению к коррупционному образу действий.

Во-первых, различен *ментальный уровень*, связанный со способом видения мира и образом мысли, человека имеющего и человека бытийствующего, что сказывается на поведении и функционировании памяти. Так, выстраивая стратегию своего поведения, человек бытийствующий «надеется на то, что он есть, что он живет и мыслит и может создать что-то новое» [1, с. 58]. Он креативен во всех жизнедеятельных ситуациях. Его творческая энергия, сочетающаяся в себе хаос и гармонию, «не скована заботой о том, чем он обладает» [1, с. 58], а духовная составляющая направлена на самопроявления.

Иная ситуация складывается в жизни человека имеющего, который «заранее мысленно прикидывает свою цену» и «надеется на то, что он *имеет*» [1, с. 57–58]. Для достижения цели, имеющей коррупционную подоплеку, он подключает театральные арсенал – артистизм своей натуры, который по своей природе наигран и лжив, что рождает иллюзию о человеке – больше искусственном, чем естественном.

Человек, живущий в модусе быть, постоянно тренирует свою память, запоминая мельчайшие подробности событий/фактов/лиц. К ретроспективному процессу воспоминания, органичному его природе, он вовлекает одновременно разум и чувства, создавая объемную, всеохватывающую панораму прошедшего. Неслучайно его жизненные воспоминания представляют собой «*активную деятельность*, при которой человек оживляет в своем сознании слова, идеи, образы, картины, музыку и т. д.» [1, с. 53]. Ко всем жизненным проявлениям человек бытийствующий проявляет неподдельный интерес в его первоначальном значении: «быть в середине», в центре событий, выказывая склонность к познанию и запоминанию каждого эпизода.

Человек имеющий вспоминает пассивно, отчужденно, бледно. Его жизненный интерес однообразен – он связан только с получением прибыли/благ, равнодушно воспринимая все иное, не связанное с обогащением. Возможно, объясняется подобное желанием «стереть» из памяти некоторые эпизоды, имеющие негативный/противоправный оттенок (в том числе, связанные с коррупционными актами – дачей/получением взятки).

Во-вторых, металлические установки приводят к различному *восприятию знаний*. В модусе быть человек, познавая и критически осмысливая происходящее, пытается «дойти до сути», проникая «в глубь явлений, постепенно приближаясь к истине» [1, с. 67]. Для него знание связано с активностью мысли, а мышление человека бытийствующего находится всегда в пути. Человек в модусе быть рационально подходит к знанию: оно для него выступает в качестве действенного средства мыслительного процесса и способа решения множества проблем. В понимании знания и его использования бытийствующего человека лежат целевые установки, связанные с «процессом движения человеческого разума к торжеству», причем «отрицательный результат познания так же важен, как и положительный», потому что «главное – *углубление знаний*» [1, с. 69].

Для человека имеющего знание носит поверхностный и иллюзорный характер, что не в последнюю очередь обусловлено социальным воздействием и воздействием СМИ, транслирующих противоречивую информацию и манипулирующих сознанием массового потребителя. Информация воспринимается некритически, потому что «большинство людей живут в полудреме» [1, с. 66].

В-третьих, ориентация на модус иметь рождает *качественно иное отношение к власти*. Человек имеющий эгоцентричен: он исключает всех из центра мироздания, кроме себя. Согласно З. Фрейду, человек, занятый только собой и обустройством своей жизни по принципу «приобретать и обладать», – душевнобольной, прожигающий свою жизнь в безумно-безудержном потреблении. Это ведет к трансформациям внутри взаимоотношений: любой индивид, превращаясь в неодушевленный объект, рассматривается как средство достижения целей человека имеющего. Создается нездоровая, патологическая ситуация социального, где человек имеющий как деструктивная личность в результате своих манипулятивных действий, основанных на вымогательстве, способствует появлению других деструктивных личностей, множась в пространстве. Ситуация патологичности, создаваемая посредством коррупционных действий, показывает очередную трансформацию, связанную с пониманием власти: «у кого есть собственность, тому ее вечно мало, и он всегда готов пустить в ход насилие, чтобы явно или тайно обобрать другого», завоеывая и грабя его [1, с. 127]. Подобные действия человека имеющего демонстрируют его превосходство над другими людьми, рождая иллюзию божественности и даже бессмертия.

В-четвертых, различно *понимание статуса в социальном*. У человека бытийствующего статус и авторитетность рационализированы, подразумеваемая знания, компетентность, профессионализм, умение отвечать за принятые решения и действия, нестандартно мыслить и подходить к решению ситуаций, демократический стиль управления. Как правило, человек в модусе быть опирается на жизненный опыт, мудрость, смелость и великодушные. Он «излучает свой авторитет», что говорит «о высоко развитой индивидуальности, которая уже своим существованием демонстрирует превосходство и показывает, каким может быть человек» [1, с. 63]. Подчеркнем, рациональность действий и моральная ответственность за совер-

шаемое исключает противозаконные действия, в том числе коррупционные.

Человек имеющий подходит к пониманию статуса иррационально, считая, что здесь включаются механизмы авторитарной власти, основанной на диктате, подавлении, эксплуатации с целью личного обогащения. Как правило, «в начале своей карьеры» такой человек «был честным и мужественным, но не выдержал испытания властью и утратил эти качества» [1, с. 64]. Подвергшись соблазнам роскоши гламурно-коррупцированного общества, рождается трансформация, связанная с отчужденным состоянием статуса и авторитета. Это приводит к очередной иллюзии жизни человека имеющего, создавая условия для *общественного молчаливого восклицания* – «король-то голый». В этой ситуации человек, «совершенно непригодный для того, чтобы *быть* авторитетом, однако его имеет; и пока он носит этот титул, молчаливо предполагается, что он обладает и теми качествами, которые обеспечивают его компетентность» [1, с. 65]. Как правило, человек имеющий статус получает не посредством приобретения компетентности и профессионализма, труда и знаний, а с помощью экономической сделки и связей. Реализуя свою жизненную программу, человек имеющий не считается с другими: из любой ситуации он извлекает личную пользу, убаюкивая сознание масс и способность к критическому восприятию действительности с помощью оппортунистических методов и принципов. Это ведет к примитивизации и оглушению общества, формированию одномерного человека, каковым является исходный «образец» – человек имеющий. Фиктивность, являющаяся объектом веры масс, «заслоняет настоящую реальность, которую они уже не способны понять и оценить» [1, с. 66]. Таким образом, в обществе рождается очередная иллюзия, имеющая характер массового психоза и трансформирующая сознание каждого, подвергнувшегося ее очарованию, на модус иметь.

В-пятых, различны *формы и качество досуга*. Человек, живущий в модусе быть, ищет продуктивные и смысловые формы проведения свободного времени, становящиеся его жизненным багажом. Он акцентирует внимание на внутреннем сопереживании всего происходящего с ним, не боясь интеллектуального, элитарного, ценностного, морального.

В модусе иметь расставляются иные акценты. Здесь человек нацелен на потребление и обладание для поддержания имиджа «комильфо». Живя по принципу «хлеба и зрелищ» и занимая свой досуг раз-

влекательным, человек имеющий испытывает иллюзорную радость обладания. Но его жизненный опыт и знания от подобного рода развлечений, предлагаемых сегодня в большом количестве, не расширяются – он не способен «глубже проникнуть в суть человеческой природы или лучше узнать себя» [1, с. 59].

В-шестых, противоположно понимание *сакральной сферы*, в том числе, *связанное с верой и любовью*. В эту «святая святых» каждого человека проникли экономические отношения. Так, поиск идеи просветления способствует развитию *индустрии духовности*: за любой содеянный грех можно покаяться и откупиться. Хотя в священных книгах содержится призыв к избавлению от различных форм обладания, жадности и алчности. Например, в Торе читаем: **«Не извращай закона... и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых»**. В Библии написано: **«Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную!»**. В Коране сказано, что «богатство порождает неумеренные желания». Принимая бесконечные подношения, человек находится в *состоянии недостаточности*: общество стимулирует нехватку *Нечто* соблазном, не рождая при потреблении удовлетворенности и радости бытия.

Вера у человека бытийствующего представляет собой сложное явление, связанное с верой в себя/людей, убежденностью и внутренней позицией, позволяющим активно самосовершенствоваться. В основе веры лежат собственные знания личности, а не «слепое» подчинение авторитету/общественному мнению/общепринятой установке, диктующим *как и во что* необходимо верить. Вера является показателем духовной целостности человека, понимающим позицию Другого, но остающимся самим собой.

Вера в жизни человека имеющего, где ставки делаются на культ денег/имущества/вещей, приобретает характер надежного оправдания как «наличие готового решения, для которого нет рационального доказательства» [1, с. 69]. Как правило, этот человек верит в формулы общества потребления, навязанные в том числе СМИ, что делает его свободным (подчеркнем, относительно свободным) в принятии решения по отношению к коррупцированному действию. В результате рождается очередная иллюзия человека имеющего, трансформирующего Бога в идола денег: «он чувствует теперь, что причислен к обществу *beati possidentes* – счастливых обладателей истинной веры» [1, с. 69]. Необходимо акцентировать внимание на том, что оправдательная вера

в благой акт коррупции выступает только в роли иллюзии для человека, не обладающего мужеством быть и проявлять свою самостоятельность.

К сфере любви человек бытийствующий и человек имеющий также относятся совершенно по-разному. Если для человека в модусе быть любовь представляет собой активный процесс, связанный с познанием Другого и со-бытие с ним, то для человека в модусе иметь любовь основывается на материальном интересе. Неслучайно все большее количество современных браков заключаются по расчету, когда одна из сторон, прагматично «вкладываясь», имеет своей целью заполучить определенную прибыль от сделки (статус/фамилию/недвижимость/деньги/тело и пр.). Здесь любовь «превратилась в нечто сравнимое с имуществом, с собственностью» [1, с. 75], поэтому отношения строятся несимметрично и диссонантно как отношение человека к собственности. Это разрушает институт семьи, способствуя либо жизни без любви, либо веренице разводов по принципу общества потребления «приобрести – попользоваться – выбросить».

Проблемы, связанные с коррупцией, погружают нас в *поле этического и ситуацию морального выбора*, где при достойном воспитании, образовании и позитивном примере образа жизни срабатывает моральный инстинкт человека – *совесть*. Безусловно, ситуация морального выбора внутри коррупционного поведения является глубоко личной и сокрытой темой, не выходящей на поверхность: даже анонимный опрос до конца не «приоткроет» истинного лица человека, сознавшего в даче/получении взятки. Тем не менее ценностно-этический аспект коррупционного образа действий нельзя исключать из поля внимания.

Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» утверждал, что «нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов» [2, с. 296]. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что коррупция в обществе оценивается неоднозначно: одни считают, что это зло (*модус быть*), другие – находят ее привлекательным способом обогащения (*модус иметь*). Интерпретация феномена влияет на действия людей: одни ринулись на борьбу с ней (человек бытийствующего типа), другие (человек имеющего типа) – вуалируя свои оппортунистические жизненные принципы, создают иллюзию борьбы с коррупцией, а большая часть населения России (человек имеющего типа) равнодушно взирает на очередное шоу, понимая, что в стране, где

все ступени иерархической системы коррумпируются, невозможно противостоять этому процессу, а иногда – лучше отдать заработанные деньги, чтобы решить возникающие корпоративные/трудовые/бытовые/юридические и другие проблемы.

Современный человек в модусе иметь, утративший моральный инстинкт и не прислушивающийся к голосу совести, не считает коррупционный акт чем-то противозаконным и аморальным. В его гламуризированной жизни, где он трактует себя как Богочеловека возможно все, а эпизод, связанный с коррупционным действием, способствует дальнейшему благополучию и успешному процветанию. Таким образом, дихотомия «моральность – аморальность» в идеологии гламура полностью снимается. Более того, тотальная гламуризация современной жизни эстетизирует и коррупционный акт, превращая его в искусство и делая привлекательным, о чем говорят более ухищренные технологии получения взятки. В этом театральном жесте коррупционного акта люди находят оправдание своим действиям и поступкам. Как справедливо заметил Ф. Ницше, «всякая ложь есть ложь благочестивая», а «радость от лжи – радость эстетическая». В итоге, получаемое от коррупционной сделки удовольствие – «эстетическое удовольствие – самое большое, потому что в форме лжи оно говорит истину совершенно обобщенным образом» [2, с. 211]. Сами медийные «герои» современности, возвысившиеся, в том числе благодаря коррупционным действиям, рассуждают подобно Йоханнесу, герою С. Керкегора: «этика, по-моему, одинаково скучна и в науке, и в жизни. Ну как же сравнить в самом деле, этику с эстетикой? Под ясным небом *эстетики* все легко, грациозно и мимолетно, а стоит только вмешаться этике, как все мгновенно становится тяжеловестным, угловатым, бесконечно скучным» [3, с. 292]. Таким образом, эстетизированный вариант коррупционных действий со своей безжалостной стратегией гламурного образа жизни рождает не только ложь, но и цинизм/цинический разум (П. Слотердаjk) у большинства людей. Постоянно внедряемая лживая информация приводит к парадоксальной ситуации, характерной для Зазеркальной пост-современности, где происходит инверсивная перестановка правого и левого. Сегодня «власти и величия добились невежественные, низкие люди», а почтенных и понастоящему добродетельных перестали ценить [3].

Существуют нравственные издержки от подобных противоправных действий, что осложняет непростую

жизнь в современном социуме. Так, коррупционные проявления влияют на общественное мнение, разрушают государственные/демократические/социальные/личные ценности, угрожают национальной безопасности, деструктируют систему разного рода отношений/взаимоотношений, мешая стабилизации в обществе и деформируя государственную политику. Можно утверждать, что беспредельные коррупционные отношения приводят к разложению общества/власти/личности, затрудняя и мешая развитию.

Выводы

Подводя итоги, выделим следующие значимые аспекты нашего исследования.

Общество, подверженное коррупционным проявлениям, живет и играет по недозволенным правилам, приводя к правовому нигилизму, снижению чувства долга перед Родиной, демонстрируя общественные и личные пороки, говоря о несовершенном характере человеческой природы, сопровождаемом низким порогом нравственной ответственности. Распадается система моральной регуляции, а общепринятые и широко распространенные представления о добре и зле, нравственном и безнравственном нивелируются либо покупаются.

В результате проведенного сравнительного анализа человека бытийствующего и человека имеющего выявляется качественное различие их метафизики. Человек имеющий живет в полосе отчужденности, рождающей иллюзию бытия: он не естественно, а искусственно действует/мыслит/чувствует. Иная ситуация складывается у человека бытийствующего, достигающего всего активностью, направленной на позитивное преобразования. Все это дает нам право утверждать, что человек имеющий предрасположен к коррупционным действиям, в то время как человек бытийствующий оказывает сопротивление и начинает активную борьбу с коррупцией как социальным явлением.

Встает закономерный вопрос: каким образом можно преодолеть имморализм современного и коррумпированного социального?

Как нам кажется, окончательное искоренение коррупции – дело далекого будущего. Тем не менее и в современной ситуации **можно предпринять ряд мероприятий, направленных на ее ликвидацию**. Так, помимо административной и уголовной ответственности, проведения антикоррупционных акций посредством привлечения СМИ, необходимо **подключить к этому процессу систему воспитания и образования**, особенно образования в инклюзивной

среде, которое сегодня актуализируется и все больше распространяется. Дело в том, что инклюзивное образование базируется на **культуре соучастия/со-участия, гуманизме и толерантности**, где нет места коррупционным проявлениям. Здесь ведущее место занимает сам человек и его проявления посредством интеллектуальной, творческой, нравственной составляющих. Благодаря фокусированию внимания на нравственном компоненте происходит возрождение морального инстинкта и его деятельного инструмента, поддерживаемого в «рабочем состоянии» – совести. Акцентирование нравственной составляющей в процессе воспитания и образования производит перестройку в психологии и мышлении человека, который из модуса иметь безболезненно переходит в модус быть, освобождаясь от потребительского и алчного отношения к жизни, жадности обладания. Подчеркнем, «это вовсе не значит, что мы не можем ничего иметь и должны ничего не делать; это значит, что мы не должны сильно дорожить тем, что имеем, не должны поклоняться никому и ничему, даже самому Богу» [1, с. 102].

Распространение инклюзивной среды помогает преодолевать различные барьеры человеческой жизни – эгоцентризм, жадность, накопительство, безмерное потребление и обладание. Инклюзия учит активному со-бытию, где проявляет себя живой опыт и царствует человек естественный, а значит – человек бытийствующий, способный радоваться окружающему миру, выбирать значимые цели и двигаться к ним. Инклюзия ориентирует каждого человека на модус быть, где «главным признаком такого состояния духа является активность не в смысле деятельности, а в смысле внутренней готовности к продуктивному использованию человеческих потенциалов», давая возможность проявиться «всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми (в большей или меньшей степени) наделен каждый из нас» [1, с. 138]. Именно активность в модусе быть влияет на положительную динамику развития социального и приносит полезные изменения. Подобный образ жизни требует определенного мужества и смелости, благодаря которым человек справляется с заложенной в нем направленностью на обладание и тем самым бросает вызов обществу потребления.

Еще один аспект исправления ситуации в коррумпированном обществе связан с манипуляцией. Дело в том, что внедряемые с древности определенные идеи говорят о вечности манипулирования, где человек, выступая в роли марионетки, принимает

клишированные формы мышления и поведения, навязанные ему, но создающие иллюзию собственного образа жизни. В связи с этим, необходимо проводить в образовательных учреждениях работу *по просвещению в области манипуляционных практик*, учить молодежь *критически воспринимать информацию и анализировать ее*. В самих манипуляционных практиках необходимо расставлять иные акценты: не на гламурно-мифизированной жизни, а на реальных фактах и людях, живущих в модусе быть.

Подчеркнем, затянувшийся антропологический кризис, требует определенной встряски для

того, чтобы сдвинувшись с мертвой точки, общество продолжило свой Путь в бытии. Именно это мощное обстоятельство заставляет сегодня начать действия преодоления коррупции в социальном.

Список литературы

1. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ: Астрель, 2011. 314 с.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2013. 640 с.
3. Кьеркегор С. Дневник обольстителя. СПб.: Азбука, 2011. 240 с.

В редакцию материал поступил 17.11.14 г.

© Яковлева Е. Л., 2014

Информация об авторе

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор, заведующий кафедрой философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань).

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: mifoigra@mail.ru

Как цитировать статью: Яковлева Е.Л. Осмысляя коррупцию как социальное явление: философский аспект проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 83–89.

E. L. YAKOVLEVA,

Doctor of Philosophy, PhD (Culture Studies), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

INTERPRETING CORRUPTION AS A SOCIAL PHENOMENON: PHILOSOPHIC ASPECT OF THE PROBLEM

Objective: to investigate corruption as a social phenomenon from the point of view of human existence in the mode “to be” and in the mode “to have”, basing on the philosophical concept of E. Fromm.

Methods: Dialectical method of social phenomena cognition made it possible to analyze corruption in contemporary social and cultural landscape; the phenomenological method has contributed to stating the differences between the human existence in the mode “to be” and in the mode “to have”, in their specific revelations; comparative analysis was used to compare the opposite forms of the human existence.

Results: The analysis of the situation in a corrupt society showed the transformations of the social, associated with human existence. Basing on the E. Fromm concept, we introduced the concept of “homo having” and “homo being”. Both types were investigated from the positions of the mental level of perception, knowledge, relations with power, understanding of the status, forms and quality of leisure, the sacral sphere. The analysis of the mentioned parameters showed that “homo having” is more apt to corruption.

Scientific novelty: for the first time in the article, basing on the concept of E. Fromm, a person in the mode “to be” and in the mode “to have” was studied from the point of view of corruption. It is proved that “homo having” cultivates the corrupt practices.

Practical value: The main points and conclusions of the article can be used in scientific, educational and practical activities in the review and analysis of the social transformations taking place in modern times, including from the point of view of corrupt practices.

Key words: corruption; corruptive activities; glamour ideology; the mode “to have”; the mode “to be”; “homo having”; “homo being”.

References

1. Fromm, E. *Imet' ili byt'* (To have or to be). Moscow: AST: Astrel', 2011, 314 p.
2. Nietzsche, F. *Po tu storonu dobra i zla* (Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future). Moscow: Eksmo, 2013, 640 p.
3. *Kierkegaard, S. Dnevnik obol'stitelya* (Seducer's diary). Saint-Petersburg: Azbuka, 2011, 240 p.

Received 17.11.14

Information about the author

Yakovleva Elena Lyudvigovna, Doctor of Philosophy, PhD (Culture Studies), Associate Professor, Professor, Head of Philosophy Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan).

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: mifoigra@mail.ru

How to cite the article: Yakovleva E.L. Interpreting corruption as a social phenomenon: philosophic aspect of the problem. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 83–89.

© Yakovleva E. L., 2014

УДК 336.22:328.185

З. С. ЯКУПОВ,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Цель: рассмотрение действующих и новых механизмов противодействия коррупции в сфере налогового контроля.

Методы: В работе применялись логический и статистический метод, дедукции и индукции, научного абстрагирования.

Результаты: На основе анализа институтов коррупции и налогового контроля, представленных в работах отечественных и зарубежных специалистов, автор обосновал положение о том, что успешное противодействие коррупции может быть достигнуто только совместными усилиями государственных и негосударственных контролирующих органов в рамках государственно-частного партнерства. На этой основе сформулированы предложения по совершенствованию налогового контроля, в том числе касающиеся противодействия коррупции.

Научная новизна: исходя из положения, что реальное противодействие коррупции возможно только при участии институтов и организаций гражданского общества, предлагаются пути совершенствования налогового контроля на основе соединения преимуществ государственного налогового контроля с возможностями и потенциалом негосударственных контролирующих органов. Впервые предложена модель участия института налогового контроля в противодействии коррупции.

Практическая значимость: заключается в возможности повысить эффективность налогового механизма противодействия коррупции путем привлечения к налоговому контролю аудиторские и консалтинговые организации.

Ключевые слова: коррупция; уклонение от уплаты налогов; налоговый контроль; налоговые проверки; государственно-частное партнерство при противодействии коррупции; государственная бюрократия; экономическая теория преступности; дача взятки; получение взятки; уголовная ответственность; административная ответственность.

Введение

Коррупция и уклонение от уплаты налогов стали в России значимыми неформальными и во многом взаимосвязанными явлениями. При этом коррупция в общем виде представляется более масштабным институтом, включающим в качестве сегмента и коррупцию при уклонении от уплаты налогов. По мнению исследователей, к сферам деятельности, подверженным коррупции, относятся налоговые и таможенные органы, которые за вознаграждение могут не заметить правонарушения со стороны налогоплательщика или принять к вычету налог на добавленную стоимость при «ложном экспорте» и т. д. В последние годы в России коррупция приобрела глобальный характер, что тормозит развитие института налогового контроля. Институт коррупции угрожает демократизации процедур налогового контроля, блокирует внедрение новаций в механизм налогового администрирования и снижает их эффективность.

Под воздействием, в том числе коррупционного фактора, уклонение от уплаты налогов в России стало неформальным институтом, нормой поведения немалого числа налогоплательщиков. Средства, сэкономленные от неуплаты налогов, идут не только на личное потребление, но и для

незаконного коррупционного решения экономических и финансовых вопросов.

Справедливости ради следует отметить, что проблемы противодействия коррупции и уклонения от уплаты налогов продолжают оставаться актуальными не только в России, но и во многих зарубежных странах. Достаточно отметить, что Еврокомиссар по вопросам налогообложения, таможенного союза, аудита и противодействия мошенничеству Альгидрас Шемета заявил, что страны ЕС ежегодно недополучают около 1 трлн евро из-за уклонения от налогообложения. По его словам «борьба с финансовым мошенничеством и уклонением от налогообложения должна быть приоритетом самого высокого уровня» [1].

Результаты исследования

Институт коррупции в современной России развился в результате ускоренного роста государственной бюрократии и усиления ее сплоченности, слабости институтов гражданского общества и в какой-то степени беспомощности государственных контролирующих структур. Коррупция стала нормой поведения в бюрократических структурах, что собственно и определяет ее как неформальный институт. Измерить финансовую составляющую данного явля-

ния весьма сложно, однако известно, что еще в 2006 г. первый заместитель генпрокурора РФ Александр Буксман заявил, что по некоторым экспертным оценкам объем рынка коррупции в России оценивается в 240 с лишним млрд долларов США [2].

Одним из родоначальников учения о коррупции признан Г. Мюрдаль, которому в 1974 г., совместно с Ф. фон Хайеком, была присуждена премия памяти А. Нобеля по экономике «за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений» [3]. В работах приверженцев неоклассической экономической теории коррупция представляется как оптимальный способ для субъектов экономических отношений реализовать свои интересы в условиях ограниченности ресурсов. Подход институционалистов заключается в том, что они не ограничиваются при рассмотрении коррупции моделями рационального распределения ограниченных ресурсов и учитывают исторические, моральные и культурные факторы формирования указанного негативного явления.

Американский экономист Г. Беккер разработал экономическую теорию преступности, на основе которой сформулированы подходы к экономическому моделированию и борьбе с коррупцией путем сопоставления ожидаемой выгоды и возможных издержек от нарушения закона. В рамках данной теории выгоды коррупционера не ограничиваются суммой взятки, а включают также плюсы для коррупционера от участия в сплоченной группе единомышленников, придерживающихся соответствующих этических норм. Важно также, что в этой группе соблюдается субординация и часть полученной взятки передается вышестоящему начальству, что снижает риски для коррупционеров. Замечено, что коррупция усиливается в периоды крутых перемен в обществе и при состоянии его нестабильности [4, 5].

Начиная с 90-х гг. прошлого века проблемы, связанные с коррупцией и противодействия ей, рассматривались в трудах таких отечественных ученых, как: В. М. Полтерович (1998) [6]; В. В. Радаев (1998) [7]; Г. А. Сатаров, М. И. Левин, М. Л. Цирик (1998) [8]; Г. А. Сатаров (2004) [9]; Г. Сатаров, К. Головшинский (2004) [10]; В. А. Петченко, Г. А. Сатаров (2008 г.) [11]; Я. А. Кузьминов (1999) [12]; Ю. В. Латов (2001) [13]; Ю. В. Латов (2008) [14]; Ю. В. Латов (2013) [15]; Ю. В. Латов

(2014) [16]; В. В. Белинский, А. А. Магомедов, Д. К. Чирков (2010) [17]; Многоликая коррупция (под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана) (2010) [18]; П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков (2008) [19]; В. Л. Тамбовцев (2004) [20]; Н. В. Акимов (2008) [21]; И. В. Бочарников (2008) [22]; В. Д. Андрианов (2011) [23] и др. Указанные ученые исследовали исторические корни и современные факторы развития коррупции, ее разновидности, методы противодействия, возможности использования зарубежного опыта борьбы и другие аспекты.

Исследованию роли института налогового контроля в регулировании уровня коррупции уделяется недостаточно внимания в отечественной экономической литературе. Однако ряд работ назвать можно: коллективный труд российских ученых под редакцией В. К. Сенчагова (2004) [24], в котором исследованы угрозы национальным интересам в сфере криминализации налоговой системы. Из более поздних можно привести работы С. В. Степашина (2012) [25]; Е. Р. Михалко, А. В. Терзиди (2010) [26]; П. В. Викулова, П. И. Иванова, М. А. Лобанова, А. А. Реброва (2011) [27].

По нашему убеждению, институты в сфере налогового контроля могут влиять на эффективность противодействия коррупции. При исследовании данного явления следует различать коррупцию в налоговых органах и уклонение от уплаты налогов без коррупционной составляющей. Во всех случаях имеются свои риски; в первом случае рискуют и налоговые органы, и налогоплательщики, во втором случае, главным образом – только налогоплательщики. По нашему мнению, к коррупции следует относить только такое уклонение от налогов, которое связано со сговором налогоплательщика с должностными лицами налоговых органов. Согласно пп. 2 п. 10 ст. 89 Налогового кодекса России¹ (далее – НК РФ), «если при проведении повторной выездной налоговой проверки выявлен факт совершения налогоплательщиком налогового правонарушения, которое не было выявлено при проведении первоначальной выездной налоговой проверки, к налогоплательщику не применяются налоговые санкции, за исключением случаев, когда невыявление факта налогового правонарушения при проведении перво-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 117-ФЗ от 5 августа 2000 г. (действующая редакция от 4 октября 2014 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/nalog2/> (дата обращения: 05.11.2014)

начальной налоговой проверки явилось результатом сговора между налогоплательщиком и должностным лицом налогового органа». Такая норма нам представляется не вполне обоснованной; факт коррупции в виде сговора следует отделить от факта возникновения недоимки. Сговор предполагает получение взятки должностным лицом налогового органа за не выявление налогового правонарушения при проведении проверки. За коррупцию в форме дачи и получения взятки предусмотрены нормы административной и уголовной ответственности. По нашему мнению, за совершение налогового правонарушения ответственность должна наступать независимо от вида контрольных действий, в ходе которых они выявлены (первоначальная выездная проверка, повторная выездная проверка и др.).

В современных условиях стало очевидно, что государство, привлекая только свои уполномоченные структуры, не способно организовать эффективную систему налогового контроля. Коррупцию можно уменьшить только совместными усилиями государства и институтов гражданского общества. Поэтому в перспективе, по нашему мнению, необходимо будет сочетать ведущую государственную роль в сфере налогового контроля с участием негосударственных контролирующих организаций. Одним из путей решения указанной проблемы видится применение института государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в сфере налогового контроля. Формы и виды партнерства могут быть самыми разнообразными, некоторые из них уже проявились на практике (горизонтальный мониторинг финансово-хозяйственных операций, соглашения о ценообразовании с крупнейшими корпорациями), некоторые еще только предстоит развивать. Одним из наиболее востребованных проявлений ГЧП в налоговой сфере может стать, по нашему мнению, частичное делегирование государством функций налогового контроля негосударственным организациям, работающим в сфере финансового контроля и обладающим определенными кадровыми и другими ресурсами для этого. Такими организациями в России и других странах на сегодняшний день могут выступать аудиторские, консалтинговые компании и налоговые консультанты, обладающие профессиональными знаниями в сфере налогообложения и численность которых в ряде стран сопоставима с численностью налоговых инспекторов.

В теоретическом плане вопрос о том, какие организации, государственные или частные, яв-

ляются более эффективными, остается открытым. По мнению многих экономистов государство не всегда является эффективным производителем товаров, то же самое можно сказать и про услуги. По словам Дж. Ю. Стиглица, исследования Мичиганского университета показали, что 77 % опрошенных считают, что государственные чиновники впустую тратят много денег налогоплательщиков и государственная бюрократия менее эффективна, чем частный сектор [28, с. 173]. Модель участия института налогового контроля в противодействии коррупции представлена на рис. 1.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 32 НК РФ налоговые органы обязаны соблюдать законодательство о налогах и сборах, а в соответствии с п. 1 ст. 33 должностные лица налоговых органов обязаны действовать в строгом соответствии с НК РФ. Указанные нормы предполагают недопущение коррупции в рядах налоговых органов и, по всей видимости, нет необходимости вводить в НК РФ специальную норму, предписывающую должностным лицам налоговых органов бороться с коррупцией.

ГЧП должно стать полноправным институтом в системе налогового контроля, что означает постоянное и широкое его применение в будущем на практике и диктует необходимость разработки механизмов его функционирования. Необходимо активизировать методы воздействия налогового механизма на негативные явления в экономике и обществе. Следует также учитывать, что при одновременном выполнении управленческих функций государственными и негосударственными организациями можно достигнуть системного эффекта от их взаимодействия. Привлекаемые в перспективе к налоговым проверкам аудиторско-консалтинговые компании обладают значительным интеллектуальным потенциалом и прогрессивными методами работы и многими другими компонентами, необходимыми для повышения эффективности института налогового контроля в противодействии коррупции.

При освоении новых методов налогового администрирования, по нашему мнению, следует по новому подойти к формированию транзакционных расходов государства на осуществление налогового контроля и к принципу бесплатности проведения налоговых проверок. Предложение касается внедрения принципа частичной платности в отношении как крупнейших, так и малых предприятий налогоплательщиков. Платить, по нашему мнению, должны только те организации-налогоплательщики,

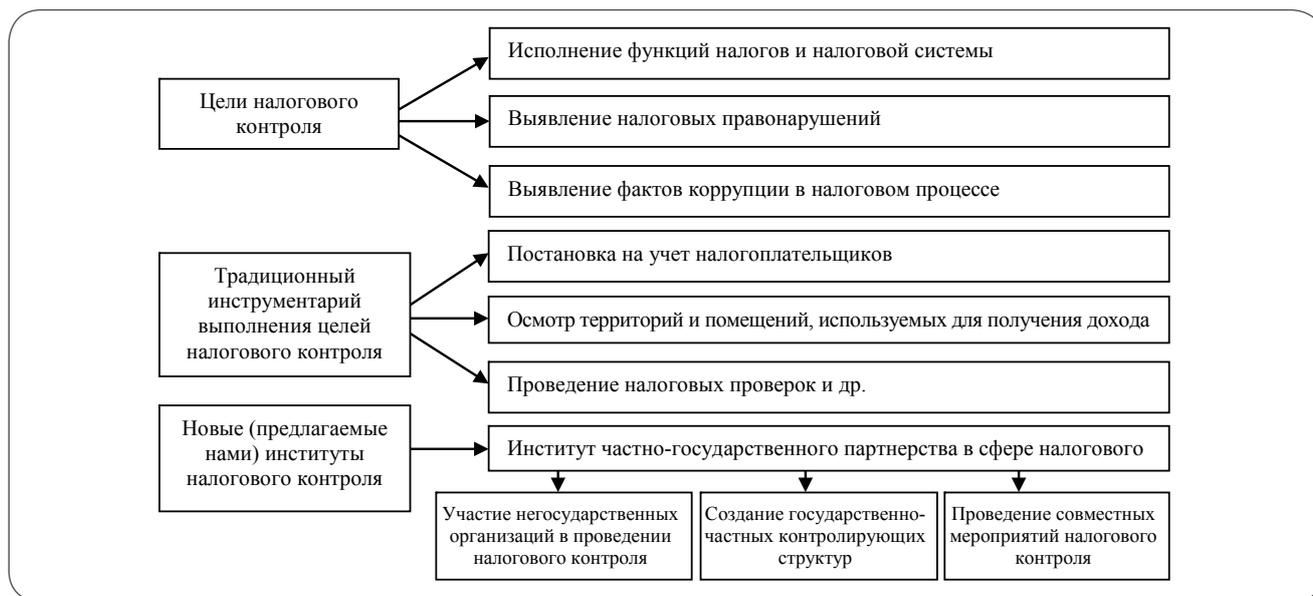

Рис. 1. Модель участия института налогового контроля в противодействии коррупции*
(Fig. 1. The model of tax control institution participation in corruption counteraction)

* *Источник:* составлено автором.

у которых будут обнаружены налоговые правонарушения, подпадающие под установленный критерий существенности. В целях стимулирования размеры платы можно поставить в зависимость от суммы выявленных недоимок или от соотношения недоимок и причитающихся к уплате сумм налогов. Как нам представляется, такое предложение соответствует принципам налогообложения, поскольку налогоплательщики обязаны самостоятельно и правильно исчислять и уплачивать налоги.

Что касается малых предприятий, проверку которых мы предлагаем передать аудиторским организациям, принцип платности проверок для них будет означать, что они сами станут оплачивать аудиторские налоговые проверки (что к тому же будет способствовать экономии бюджетных средств). При этом взамен проверяемые организации без дополнительной оплаты получают консультации по вопросам налогообложения, бухгалтерского и налогового учета, снижения налоговых рисков и т. п. Таким образом, принцип «бесплатности» налоговых проверок для проверяемых лиц фактически существенно не будет нарушен. Немаловажно, что указанным малым налогоплательщикам представится возможность выбирать, какая организация, налоговая инспекция или аудиторы проведут проверку. Как нам представляется, указанные предприятия не станут предлагать проверяющим аудиторам взятки, так

как они и так будут официально оплачивать оказываемые услуги. В создавшихся условиях крупным компаниям, возможно тоже не придет в голову предлагать взятки, поскольку они официально оплатят услуги по налоговой проверке (при обнаружении налоговых правонарушений). Важно подчеркнуть, что платность проверок рассматривается нами как крайняя мера при наличии умышленной формы вины в совершении налогового правонарушения со стороны налогоплательщика, и наличия коррупционной составляющей в его действиях.

Усиление глобализации и развитие транснациональных корпораций (далее – ТНК) приводит к тому, что во всем мире, в том числе и в России, происходит разделение налогоплательщиков-организаций на две группы. Первая группа – это крупные и крупнейшие налогоплательщики; это малочисленная группа, но она формирует основную массу уплачиваемых в бюджетную систему налогов и неналоговых платежей. Другая группа – это средние и мелкие налогоплательщики; это многочисленная группа, однако она не имеет стратегического определяющего значения с точки зрения формирования доходов бюджета. К указанным группам налогоплательщиков нужны свои подходы при организации налогового контроля и при противодействии коррупции. Они определяются многими факторами, включая масштабы деятельности компании; наличие деятельности в России и в зарубежных странах;

филиальная и представительская сеть; состояние внутреннего контроля и т. д. Во всем мире главный вектор налогового администрирования направлен на крупнейшие компании, которые в экономиках развитых стран занимают стратегическое положение. Современные экономики определяются промышленными гигантами, они же формируют и финансовые ресурсы государств. Как отмечает И. В. Горский, «в конце 80-х годов прошлого века в США менее 9 % плательщиков давали более 90 % налогов, а 0,2 % плательщиков – более 70 % всех платежей. Эта закономерность касается всех индустриально развитых стран, она относится и к России, где «50 % доходов федерального бюджета обеспечивают 259 юридических лиц... Более трети налоговых поступлений приходится на две крупнейшие компании страны» [29, с. 268–269].

О способности аудиторских организаций выполнять функции налогового контроля свидетельствует следующая информация. По данным статистики², в 2012 г. в стране функционировало 2003,0 тысячи малых предприятий, 1760,0 из которых (87,9 %) относятся к микропредприятиям (исходя из критериев, установленных постановлением Правительства РФ № 556 от 22 июля 2008 г.). Попробуем приблизительно оценить, достаточно ли в стране аудиторов, чтобы охватить выездными проверками указанные малые предприятия. Данные по аудиторским компаниям таковы, что в 2012 г. в стране работало 23 тысячи аудиторов [30]. Из 2003,0 тысяч малых предприятий выездными проверками можно охватить, по нашему мнению, около 10 %, т. е. около 200 тысяч предприятий. При таком уровне охвата соотношение аудиторов и проверяемых предприятий окажется вполне приемлемым (на каждого аудитора приходится около 10 предприятий). Распределение аудиторских организаций по федеральным округам в принципе соответствует уровням их экономического развития, что также работает в пользу нашего предложения. Аудиторские организации имеют значительный опыт работы с малыми и средними компаниями, в 2013 г. 65,1 % клиентов аудиторских организаций, бухгалтерская отчетность которых проаудирована, имели годовую выручку менее 400 млн рублей, т. е. относились к малым предприятиям, а 18,7 % имели

выручку от 400 млн до 1 млрд рублей, и соответственно относились к средним предприятиям. Распределение клиентов аудиторских организаций по видам экономической деятельности свидетельствует о том, что в 2013 г. 19,6 % занималось оптовой и розничной торговлей, 10,3 % – строительством и 4,8 % приходилось на транспорт и связь [30].

Выводы

В современных условиях государство, используя только свои уполномоченные структуры не способно эффективно противостоять коррупции и выстроить соответствующую систему налогового контроля. Коррупцию можно снизить только совместными усилиями государства и институтов гражданского общества. Одним из путей решения указанной проблемы видится применение института государственно-частного партнерства в сфере налогового контроля, ведущую роль в котором должны сохранить государственные контролирующие структуры. Чтобы быть эффективными, антикоррупционные механизмы должны быть встроены в институт налогового контроля. По мнению автора этого можно добиться путем развития согласительных процедур в отношениях с крупными налогоплательщиками, а в отношении малых форм предпринимательства – путем частичной передачи функций налоговых проверок на аудиторские и консалтинговые компании, в определенной мере представляющих интересы гражданского общества.

Список литературы

1. ЕС ежегодно теряет около 1 трлн евро из-за неуплаты налогов. URL: <http://media.ua.com.ua/detail/90667> (дата обращения: 05.11.2014)
2. Шаров А. Ни дать, ни взять. Генпрокуратура начала новое наступление на коррумпированных чиновников // Российская газета. 2006. № 4215.
3. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=422> (дата обращения: 05.11.2014)
4. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. 2000. Вып. 4.
5. Becker G.S. A theory of the allocation of time // The Economic journal. 1965. Vol. 80. P. 493–517.
6. Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 30–39.
7. Радаев В.В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. 1998. Т. 8. № 3. С. 57–90.
8. Сатаров Г.А., Левин М.И., Цирик М.Л. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. 1998. № 32–33. С. 4.
9. Сатаров Г.А. Коррупция в России // Юридический мир. 2004. № 4. С. 5–12.
10. Сатаров Г., Головшинский К. Административная реформа и противодействие коррупции // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 295–312.

² Российский статистический ежегодник 2013: стат. сб. / Росстат. 2013. 717 с.

11. Петченко В.А., Сатаров Г.А. Коррупция на выборах как биржа ресурсов // Следователь. 2008. № 1. С. 27–31.
12. Кузьминов Я. Говорим – власть, подразумеваем – коррупция // Московские новости. 1999. № 45. С. 10.
13. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. 284 с.
14. Латов Ю.В. Глас народа о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // TERRA ECONOMICUS. 2008. № 2. Т. 6. С. 123–138.
15. Латов Ю.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции в полиции // TERRA ECONOMICUS. 2013. № 2. Т. 11. С. 16–24.
16. Латов Ю.В. Коррупция: причины, экономические последствия и влияния на развитие общества // Следователь. 2014. № 2. С. 38–41.
17. Белинский В.В., Магомедов А.А., Чирков Д.К. Антикоррупционная экспертиза федеральных законов и нормативных правовых актов как правовой механизм противодействия коррупции // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 12. С. 54–58.
18. Многоликая коррупция. Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана. М.: Альпина Паблицер, 2010. 552 с.
19. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. М.: Дружба народов, 2008. 224 с.
20. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория контрольно-надзорной деятельности государства // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 4–34.
21. Акимов Н.В. Коррупция в России: история и современность // Юридический мир. 2008. № 12. С. 78–80.
22. Бочарников И.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 9. С. 16–23.
23. Андрианов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления. История и современность. М.: Волтерс Клувер, 2011. 278 с.
24. Формирование национальной финансовой стратегии России: путь к подъему и благосостоянию / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2004. 416 с.
25. Степашин С.В. Государственный финансовый контроль в противодействии коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 15–17.
26. Михалко Е.Р., Терзиди А.В. Противодействие угрозам экономической безопасности России: коррупция и налоговые преступления // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 135–139.
27. Викулов П.В., Иванов П.И., Лобанов М.А., Ребров А.А., и др. Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики / под ред. П.И. Иванов. М.: Юнити-Дана, 2011. 383 с.
28. Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. М.: ИНФРА-М, 1997. 720 с.
29. Налоговая политика России: проблемы и перспективы / под ред. И.В. Горского. – М.: Финансы и статистика, 2003. 288 с.
30. Основные показатели рынка аудиторских услуг в российской федерации в 2013 г. URL: http://www.minfin.ru/common/gen_html/index.php?id=21569&fld=HTML_MAIN (дата обращения: 05.11.2014)

В редакцию материал поступил 30.10.14

© Якупов З. С., 2014

Информация об авторе

Якупов Замир Сагирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры налоги и налогообложение, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
 Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
 E-mail: yakupov.zc@mail.ru

Как цитировать статью: Якупов З.С. Теоретические вопросы и практические аспекты налогового механизма противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 90–96.

Z. S. YAKUPOV,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

THE ORETICAL ISSUES AND PRACTICAL ASPECTS OF TAX MECHANISMS OF CORRUPTION COUNTERACTION

Objective: to view the existing and new mechanisms of corruption counteraction in the sphere of tax control.

Methods: logical and statistical method, deduction and induction, scientific abstraction.

Results: basing on the analysis of institutions of corruption and tax control, represented in the works of the Russian and foreign specialists, the author grounds the provision that successful corruption counteraction can be achieved only by mutual efforts of state and non-state controlling bodies within the frameworks of state-private partnership.

Scientific novelty: Basing on the provision that the actual corruption counteraction is possible only with the participation of institutions and organizations of civil society, the author proposes ways of improving tax control connecting the advantages of state tax control and possibilities of non-state controlling bodies. For the first time the model of tax control institution participation in corruption counteraction is proposed.

Practical value: possibility to increase the efficiency of tax mechanism of corruption counteraction by attracting auditor and consulting organizations to tax control.

Key words: corruption; tax avoidance; tax control; tax audit; state-private partnership in corruption counteraction; state bureaucracy; economic theory of crime; bribe giving; bribe taking; criminal liability; administrative liability.

References

1. *ES ezhegodno teryaet okolo 1 trln evro iz-za neuplaty nalogov* (EU annually loses about 1 bln euros because of tax avoidance), available at: <http://media.ua.com.ua/detail/90667> (accessed: 05.11.2014)
2. Sharov, A. Ni dat', ni vzyat'. Genprokuratura nachala novoe nastuplenie na korrumpirovannykh chinovnikov (Not giving, not taking, Prosecutor General's Office starts a new attack on corrupted officials). *Rossiiskaya gazeta*, 2006, no. 4215.
3. <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=422> (accessed: 05.11.2014)
4. Bekker, G. Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskii podkhod (Crime and punishment: economic approach). *Istoki*, 2000, issue 4.
5. Becker, G.S. A theory of the allocation of time. *The Economic journal*, 1965, vol. 80, pp. 493–517.
6. Polterovich, V.M. Faktory korruptsii (Factors of corruption). *Ekonomika i matematicheskie metody*, 1998, vol. 34, issue 3, pp. 30–39.
7. Radaev, V.V. Korruptsiya i formirovanie rossiiskikh rynkov: otnosheniya chinovnikov i predprinimatelei (Corruption and formation of the Russian markets: relations of officials and entrepreneurs). *Mir Rossii*, 1998, vol. 8, no. 3, pp. 57–90.
8. Satarov, G.A., Levin, M.I., Tsirik, M.L. Rossiya i korruptsiya: kto kogo? (Russia and corruption: which is going to win?). *Rossiiskaya gazeta*, 1998, no. 32–33, pp. 4.
9. Satarov, G.A. Korruptsiya v Rossii (Corruption in Russia). *Yuridicheskii mir*, 2004, no. 4, pp. 5–12.
10. Satarov, G., Golovshchinskii, K. Administrativnaya reforma i protivodeistvie korruptsii (Administrative reform and corruption counteraction). *Otechestvennye zapiski*, 2004, no. 2, pp. 295–312.
11. Petchenko, V.A., Satarov, G.A. Korruptsiya na vyborah kak birzha resursov (Corruption at elections as a stock of resources). *Sledovatel'*, 2008, no. 1, pp. 27–31.
12. Kuz'minov, Ya. Govorim – vlast', podrazumevaem – korruptsiya (We say – power, we mean – corruption). *Moskovskie novosti*, 1999, no. 45, pp. 10.
13. Latov, Yu.V. *Ekonomika vne zakona. Ocherki po teorii i istorii tenevoi ekonomiki* (Economics out of law. Sketches on the theory and history of shadow economy). Moscow: MONF, 2001, 284 p.
14. Latov, Yu.V. Glas naroda o problemakh korruptsii: zakonomernoie i paradoksal'noe (Voice of the people about the problems of corruption: laws and paradoxical). *TERRA ECONOMICUS*, 2008, no. 2, vol. 6, pp. 123–138.
15. Latov, Yu.V. Zarubezhnyi opyt protivodeistviya korruptsii v politzii (Foreign experience of corruption counteraction in police). *TERRA ECONOMICUS*, 2013, no. 2, vol. 11, pp. 16–24.
16. Latov, Yu.V. Korruptsiya: prichiny, ekonomicheskie posledstviya i vliyaniya na razvitie obshchestva (Corruption: causes, economic consequences and impacts on society development). *Sledovatel'*, 2014, no. 2, pp. 38–41.
17. Belinskii, V.V., Magomedov, A.A., Chirkov, D.K. Antikorruptsiionnaya ekspertiza federal'nykh zakonov i normativnykh pravovykh aktov kak pravovoi mekhanizm protivodeistviya korruptsii (Anticorruption expertise of federal laws and normative legal acts as a legal mechanism of corruption counteraction). *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2010, no. 12, pp. 54–58.
18. Kampos, E., Pradkhan, S. *Mnogolikaya korruptsiya. Vyavlenie uязvimykh mest na urovne sektorov ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya* (Multi-faced corruption. Revealing the vulnerable positions at the sectoral level of economics and state administration). Moscow: Al'pina Publisher, 2010, 552 p.
19. Kabanov, P.A., Raikov, G.I., Chirkov, D.K. Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti na rubezhe vekov (Political corruption under the Russian statehood reforming at the verge of centuries). Moscow: Druzhba narodov, 2008, 224 p.
20. Tambovtsev, V.L. Ekonomicheskaya teoriya kontrol'no-nadzornoii deyatel'nosti gosudarstva (Economic theory of the controlling-monitoring activity of the state). *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 4, pp. 4–34.
21. Akimov, N.V. Korruptsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' (Corruption in Russia: history and modern condition). *Yuridicheskii mir*, 2008, no. 12, pp. 78–80.
22. Bocharnikov, I.V. Zarubezhnyi opyt protivodeistviya korruptsii (Foreign experience of corruption counteraction). *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2008, no. 9, pp. 16–23.
23. Andrianov, V.D. *Byurokratiya, korruptsiya i effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya. Istoriya i sovremennost'* (Bureaucracy, corruption and efficiency of state administration. History and modern condition). Moscow: Volters Kluver, 2011, 278 p.
24. Senchagov, V.K. Formirovanie natsional'noi finansovoi strategii Rossii: put' k pod'emiu i blagosostoyaniyu (Forming the national financial strategy of Russia: way to growth and welfare). Moscow: Delo, 2004, 416 p.
25. Stepashin, S.V. Gosudarstvennyi finansovyi kontrol' v protivodeistvii korruptsii (State financial control in corruption counteraction). *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, no. 7, pp. 15–17.
26. Mikhalko, E.R., Terzidi, A.V. Protivodeistvie ugrozam ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: korruptsiya i nalogovye prestupleniya (Counteraction to the threats of economic safety of Russia: corruption and tax crimes). «Chernye dyry» v Rossiiskom zakonodatel'stve, 2010, no. 5, pp. 135–139.
27. Vikulov, P.V., Ivanov, P.I., Lobanov, M.A., Rebrov, A.A., i dr. *Bor'ba s nalogovoi i korruptsiionnoi prestupnost'yu. Voprosy teorii i praktiki* (Struggle against tax and corruption crimes. Issues of theory and practice). Moscow: Yuniti-Dana, 2011, 383 p.
28. Stiglits, Dzh. Yu. *Ekonomika gosudarstvennogo sektora* (Economics of state sector). Moscow: INFRA-M, 1997, 720 p.
29. Gorskii, I.V. *Nalogovaya politika Rossii: problemy i perspektivy* (Tax policy of Russia: problems and prospects). Moscow: Finansy i statistika, 2003, 288 p.
30. Osnovnye pokazateli rynka auditorskikh uslug v rossiiskoi federatsii v 2013 g. (Main indicators of audit services market in the Russian Federation in 2013), available at: http://www.minfin.ru/common/gen_html/index.php?id=21569&fld=HTML_MAIN (accessed: 05.11.2014)

Received 30.10.14

Information about the author

Yakupov Zamir Sagirovich, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Taxes and Taxation, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
 Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
 E-mail: yakupov.zc@mail.ru

How to cite the article: Yakupov Z.S. Theoretical issues and practical aspects of tax mechanisms of corruption counteraction. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 90–96.

© Yakupov Z. S., 2014

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.342

Т. Г. АНТРОПОВА,

доктор экономических наук, профессор

*Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева,
г. Казань, Россия*

ИНСТИТУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Цель: обосновать необходимость широкого использования инновационных институтов, особенно интеллектуальной собственности, для активизации развития инновационной системы.

Методы: системный метод анализа и синтеза, диалектический и историко-логический методы, методы ситуационного анализа и эмпирического обобщения, а также метод сценарного прогнозирования инновационного предпринимательства в Республике Татарстан.

Результаты: доказано, что инновационная трансформация экономики требует увеличения государственной поддержки инновационных институтов и соответствующей инфраструктуры институциональной среды инновационной экономики. Проанализированы приоритетные направления инновационного развития экономики Республики Татарстан. Определены направления усиления инновационных возможностей России за счет использования потенциала новых институтов развития: интеллектуальной собственности и венчурного капитала.

Научная новизна: обоснована необходимость разработки стратегии (в качестве приоритетной задачи), институтов и механизмов использования интеллектуальной собственности на основе государственно-частного партнерства для ускоренного освоения шестого технологического уклада в России. Утверждается, что в условиях переплетения сложных трансформационных процессов жизненно необходимой становится разработка и осуществление долгосрочной государственной стратегии, направленной на крупномасштабное использование отечественной интеллектуальной собственности. На основе проведенных исследований и обработки эмпирического материала сделан вывод о реализации инновационного сценария экономического развития Татарстана, сделан прогноз о повышении доли инновационной продукции в валовом региональном продукте в 2013–2017 гг.

Практическая значимость: проявляется в возможности использования рекомендаций автора по укреплению инновационных институтов и соответствующей инфраструктуры российской экономики, реструктуризации ее институциональной среды, применения специальных институтов развития, особенно института интеллектуальной собственности для активизации всех возможностей обеспечения национальной инновационной системы.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; модернизация экономики; инновационный тип экономического развития; стеклянный колпак Броделя; национальная инновационная система; Республика Татарстан.

Введение

В нашей стране экономическим проблемам использования интеллектуальной собственности обычно не уделяется особого внимания, хотя именно это является основой повышения конкурентоспособности экономики, поддержания и укрепления ее безопасности, тем более сегодня, в период применения к России экономических

санкций. Современная экономическая ситуация выдвигает в число первоочередных задачу экономического обоснования стратегии, институтов и механизмов использования интеллектуальной собственности для ускоренного освоения шестого технологического уклада в условиях развертывания в мире научно-технологической революции. По уровню производительности труда Россия

отстает от США в 5–6 раз, от стран Европейского сообщества – в 3–4 раза, ресурсоемкость продукции в основных отраслях промышленности в России в среднем в 3–5 раз (энергоемкости – в 3–4 раза) выше, чем в других развитых странах. Это является следствием того, что за прошедшие годы не было существенных сдвигов в формировании национальной инновационной системы [1] и переориентации всех хозяйствующих субъектов экономики страны на инновационный путь развития и взаимодействия.

Результаты исследования

На сегодняшний день в России в среднем используется лишь 8–10 % инновационных идей и высокотехнологичных продуктов, тогда как, например, в США – 62 %, в Японии – 95 %. Отечественная заводская наука выполняет лишь 6 % научных исследований, а в компаниях стран ЕС этот показатель достигает 65 %, в Японии – 71 %, в США – 75 %.

Провал в исследовании и разработке проблемы интеллектуальной собственности в отечественной экономической системе произошел из-за того, что эта проблема, фактически являющаяся фундаментальной для любой национальной современной экономики, руководством страны воспринималась и воспринимается до сих пор как частная юридическая проблема охраны и защиты патентов и товарных знаков. О том, что все наиболее эффективные механизмы роста стоимости практически всех экономических субъектов наиболее развитых стран мира сегодня базируются на интеллектуальной собственности, отечественные лидеры экономики попросту не знают, возможно, ввиду специфики их образования (ранее этот фактор с экономических позиций никогда не рассматривался) [2].

В итоге, все ведущие российские экономисты, чрезмерно увлеченные проблемами макроэкономики, традиционно не рассматривают содержательную составляющую микроэкономики относительно технологий производства и товарной продукции, созданных на основе интеллектуальных активов. А ведь именно на этом уровне микроэкономики решаются главные вопросы качества и стоимости товарной продукции предприятий и всех их производных: рентабельности, конкурентоспособности, эффективности и инвестиционной привлекательности.

В СССР действовала система охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности – государственная регистрация научных открытий и изобретений, поддержка зарубежного патентования изобретений, стимулирование авторов научных открытий и изобретений. Однако интеллектуальная собственность признавалась государственной. В результате реформ 1990-х гг. была осуществлена приватизация интеллектуальной собственности, произошел переход на международно признанные нормы ее охраны, защиты, что отражено в ч. 4 ГК РФ¹. Однако при этом была прекращена практика регистрации научных открытий (она осуществляется на общественных началах Российской академии естественных наук (РАЕН) и Международной академией авторов научных открытий и изобретений), сведена к минимуму государственная поддержка использования интеллектуальной собственности – эти вопросы не нашли отражения в законодательстве [3].

Из-за недостатка внимания к формированию и использованию институтов развития экономики, одним из которых является интеллектуальная собственность, мы в настоящее время попали в так называемую «институциональную ловушку» [4], которая представляет собой неэффективные устойчивые нормы или институты вне связи с трансформацией правил по другим институтам. Они создают тупиковую ситуацию для решения стоящих перед обществом задач. Усиливается угроза закрепления институциональной ловушки, получившей название «стеклянного колпака Ф. Броделя» [5]. Такую ситуацию предельно четко сформулировал известный экономист Э. де Сото [6].

Применительно к нашей проблеме, можно сказать, что *колпак Броделя – это совокупность формальных институтов, окруженных неэффективными ограничениями*. Причем формальные институты могут выполнять функцию институционального новаторства или, наоборот, – институциональной консервации.

Именно институты развития, активизация которых является функцией государства, при-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrfl/> (дата обращения: 16.11.2014)

водят к активизации инновационной системы, обеспечивают модернизацию отечественной экономики и перевод ее на инновационную траекторию развития. К их числу нужно отнести как традиционные: финансовые, налоговые, инвестиционные, так и новые институты, обеспечивающие инновационное развитие системы: наукограды, бизнес-инкубаторы, госкорпорации в высокотехнологичных отраслях, особые зоны технико-внедренческого характера и т. д. Большую роль играют технопарки, которые обеспечивают поддержку венчурному бизнесу и инновационным предприятиям. Они находятся в научных и образовательных учреждениях, имеют высококвалифицированный персонал и широкие кооперационные связи, оказывают консалтинговые услуги и проводят исследования, взаимосвязанные с хозяйственной практикой. Наиболее явно они проявляются с развитием таких организационно-управленческих структур, как государственно-частные партнерства; концессионные соглашения; приоритетные национальные проекты и целевые программы.

Основными факторами, по-прежнему сдерживающими инновационную деятельность в России, являются нехватка финансовых ресурсов и недостаточный уровень государственной поддержки. В течение последних десятилетий на финансирование фундаментальных и прикладных научных исследований направлялось средств в пределах 1 % внутреннего валового продукта (ВВП). По этому показателю Россия, определившая для себя амбициозную задачу – создание конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях экономики (такой экономики, где основным двигателем являются не темпы освоения природных ресурсов, а именно идеи, изобретения и умение быстрее других внедрять их в повседневную жизнь) отстает от развитых стран мира более чем в 2 раза (Япония – 3,39 % ВВП, США – 2,68 % ВВП, Германия – 2,53 % ВВП, Франция – 2,08 % ВВП, Канада – 1,89 % ВВП, Великобритания – 1,78 % ВВП). Характерно то, что половина расходов на науку в развитых странах оплачивается из государственного бюджета.

В результате резко (более чем в 5 раз) возросло отрицательное сальдо торговли технологиями. Курс, взятый в результате реформ 1990-х гг., привел к тому, что доля России в доходах от интеллектуальной собственности составила в

2012 г. всего 0,27 %, в высокотехнологичном экспорте – 0,37 % (при том, что доля РФ в числе исследователей мира 5 %, а в патентных заявках на изобретения – 2 %). Это свидетельствует о возрастании финансовой нагрузки, связанной с выплатой патентных платежей, роялти, платежей за лицензии и других платежей иностранным государствам. Отрицательный баланс во внешней торговле от интеллектуальной собственности достиг 7 млрд долларов, а машинами, оборудованием и транспортными средствами – 131 млрд долларов, доходы от интеллектуальной собственности на душу населения в России в 85 раз меньше, чем в США. В итоге, бюджет Российской Федерации недополучил огромные суммы из зарубежных стран. Наша страна оказалась в технологической зависимости от Запада и стала уязвима при применении экономических санкций, поскольку более 90 % импорта технологий приходится на Евросоюз и США. Высокие технологии (вооружение, космическая техника, ядерное оборудование) составляют в нынешнем российском экспорте 0,13 %, столько же, сколько у одной из самых отсталых стран Евросоюза – Португалии. Кроме того, Россия прочно сидит на «игле» продовольственного импорта [7].

Таким образом, продолжающийся курс на рост числа импортируемых извне технологий ведет не к инновационному, а скорее, к имитационному сценарию развития экономики страны.

Исходя из соображений экономической безопасности, можно утверждать, что жизненно необходимой становится разработка и осуществление долгосрочной государственной стратегии, направленной:

- на импортозамещение наукоемких товаров и технологий развития отечественной промышленности на основе отечественной интеллектуальной собственности;

- на крупномасштабное использование интеллектуальной собственности для повышения конкурентоспособности, эффективности и технологической безопасности экономики России [8].

В условиях переплетения сложных трансформационных процессов: рыночных преобразований, динамичной интеграции экономических отношений, дифференциации и локализации отдельных территорий хозяйственного пространства, становления экономики знаний и т. д. существенно

возрастает значение высокоэффективных зон социально-экономического роста, опирающихся на широкие возможности развития, заложенные, например, в региональном хозяйстве. Интересен в этом плане опыт Татарстана, где инновационная составляющая республиканской экономики всегда находится в центре внимания, что позволяет эффективно развивать именно промышленные отрасли. В РТ прямые инвестиции оказывают положительное воздействие на рост доли инновационной продукции только в некоторых отраслях экономики (промышленность, связь, здравоохранение). Эта доля пока еще низка и не достигла мировых значений (доля креативных отраслей в глобальном ВВП составила в 2012 г. 7 %) [9].

Приоритетными направлениями инновационного развития экономики Республики Татарстан являются отказ от сырьевой модели воспроизводства и формирование высокотехнологичной экономической системы с высоким интеллектуальным потенциалом, обеспечивающей производство новейших технологий и инновационных продуктов; концентрация активов на «прорывных» направлениях развития экономики; привлечение финансовых ресурсов в производственные инвестиции; интенсификация предпринимательской активности в инновационной сфере; развитие системы рыночных институтов, способствующих формированию инновационно-восприимчивой и инновационно-ориентированной экономической среды.

Высокие технологии в нашей республике успешно осваиваются в таком новом институте, как особая экономическая зона, которая серьезно отличается от свободных экономических зон 1980-х гг. научно-исследовательским, а не просто экспортноориентированным потенциалом. В них должна производиться наукоемкая, технологически сложная продукция высокой степени обработки. Здесь научно-техническая продукция создается и доводится до промышленного применения, оказываются услуги по внедрению и обслуживанию современных продуктов и систем. На территории особых экономических зон действует особый режим предпринимательства: визовые, налоговые и таможенные льготы, преференции для инвесторов. Предусмотрены государственные гарантии и стимулы: упрощенный порядок регистрации фирм, экспертиза инвестиционных проектов, – все, что способствует

привлечению инвестиций, а не просто получение льгот от федерального центра и перераспределение финансовых ресурсов.

Особенно привлекательной для инвесторов всего мира в республике является особая экономическая зона (далее – ОЭЗ) «Алабуга», стабильно приносящая прибыль, и новая ОЭЗ технико-внедренческого типа «Иннополис», где разрабатываются и коммерциализируются лучшие инновационные и инвестиционно привлекательные решения, для реализации цели – создания ИТ-столицы России – нового города на карте мира. Здесь осуществляется доступ к развитой бизнес-инфраструктуре международного класса, к высококвалифицированным кадровым ресурсам, обеспечиваются прямые налоговые преференции – вот лишь некоторые конкурентные преимущества резидентов ОЭЗ «Иннополис».

Однако республике еще нужны развитые институты инновационной сферы: институты, обеспечивающие перераспределение финансовых ресурсов в пользу инновационно-ориентированных субъектов хозяйствования, институты перераспределения инновационных рисков, оценочные организации, венчурные фонды и инвестиционные компании. Конечно, формирование новых институтов развития сопряжено с дополнительными транзакционными издержками.

Наши исследования [10] позволяют сделать вывод, что в РТ реализуется инновационный сценарий экономического развития. Результаты проведенного прогнозирования на 2013–2017 гг. представлены ниже (см. рис.).

Выводы

Реализация инновационного сценария позволит уже в среднесрочной перспективе повысить долю инновационной продукции в ВРП Республики Татарстан на 31,5 %.

В Татарстане сформирована нормативно-правовая база, включающая в себя региональные законы, подзаконные акты; утверждены программы развития предпринимательства; осуществляется ресурсная поддержка, заключающаяся в предоставлении информационных ресурсов; регулируется рынок образовательных услуг, обеспечивающий воспроизводство трудовых ресурсов; проводится стимулирование инвесторов для предоставления ими финансовых ресурсов;

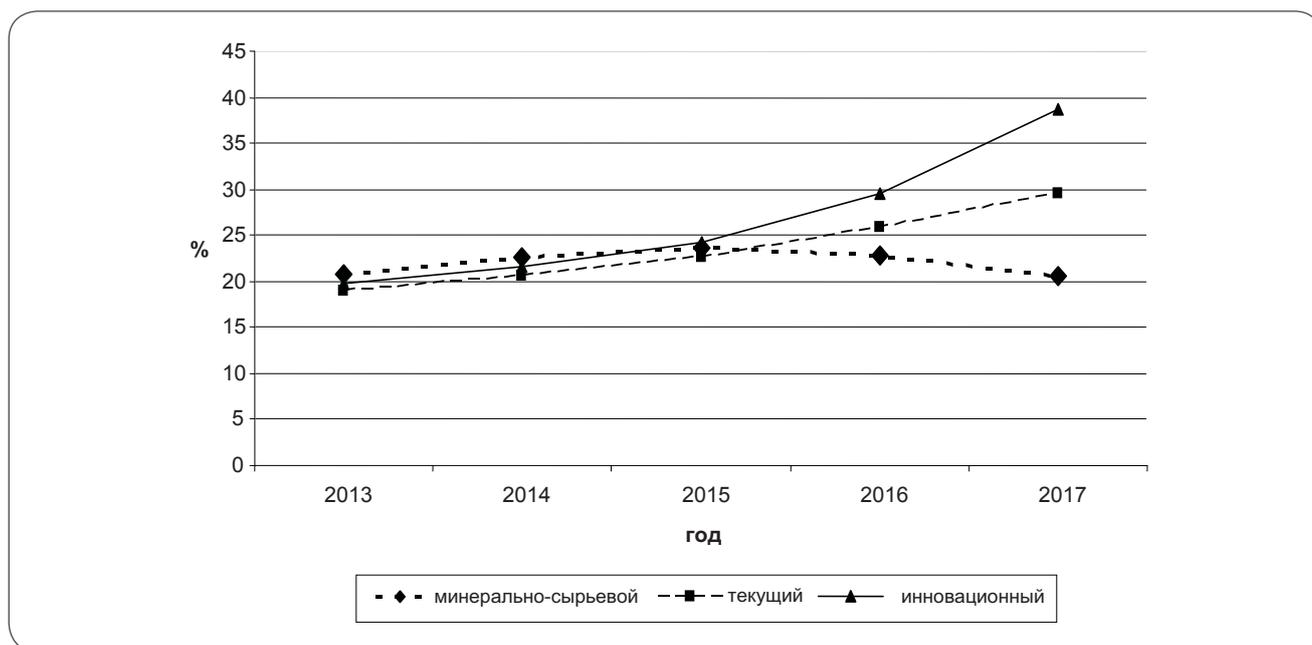

Рис. Доля инновационной продукции в ВРП РТ на 2013–2017 гг. (прогноз)*
(Fig. The share of innovative products in GRP RT for 2013–2017 (prediction))

* *Источник:* составлено автором.

осуществляется координация деятельности органов государственной власти, уполномоченных поддерживать систему менеджмента качества; проводится защита интересов субъектов инновационного предпринимательства, а также содействие трансферу инноваций, что обуславливает формирование региональной инновационной системы с участием субъектов инновационных процессов в форме бизнес-инкубаторов, технопарков, наукоградов и других институтов, и ее интеграцию в национальную инновационную систему [11].

Широкое использование институтов развития экономики, интеллектуальной собственности способствует повышению уровня инноватизации и обеспечит реализацию инновационного прорыва России в условиях глобализации экономических процессов.

Список литературы

1. Peters S. National systems of innovation: creating high-technology industries. New York, 2006. 267 p.
2. Абрамов В.Л. Анализ и прогноз возрастания роли науки и техники в развитии и повышении конкурентоспособности

экономики России. Партнерство цивилизаций. Международный научно-практический журнал. 2013. № 4. С. 94–101.

3. Яковец Ю.В. Научно-технологическая революция XXI в.. Философия хозяйства. 2012. № 5. С. 99–106.

4. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции. Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

5. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 545 с.

6. Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Пресс, 2004. 272 с.

7. Воронин Ю.М. Россия и мировые экономические кризисы. Свободная мысль. 2009. № 11. С. 18.

8. Леонтьев Б.Б. Идентификация научных открытий. Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2013. № 12. С. 119–127.

9. URL: <http://www.wipo.int/portal/index.html.en> (дата обращения: 16.11.2014)

10. Гизатуллин Р.М. Формирование благоприятной внешней среды развития инновационных предпринимательства в российских регионах: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2013.

11. Антропова Т.Г. Институциональное проектирование экономической безопасности. Казань: Изд-во АН РТ «ФЭН», 2010. 224 с.

В редакцию материал поступил 31.10.14

© Антропова Т. Г., 2014

Информация об авторе

Антропова Татьяна Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева

Адрес: 420111, г. Казань, ул. К.Маркса, 10, тел.: (843) 238-42-60

E-mail: antropova_tg@mail.ru

Как цитировать статью: Антропова Т.Г. Институт интеллектуальной собственности как фактор развития национальной инновационной системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 97–102.

T. G. ANTROPOVA,

Doctor of Economics, Professor

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, Kazan, Russia

INTELLECTUAL PROPERTY INSTITUTION AS A FACTOR OF NATIONAL INNOVATIVE SYSTEM DEVELOPMENT

Objective: to justify the need for extensive use of innovative institutions, particularly intellectual property, to enhance the development of the innovation system.

Methods: a systematic method of analysis and synthesis, dialectical, historical and logical methods, situational analysis and empirical generalizations, as well as the method of scenario planning of innovative entrepreneurship in Tatarstan Republic.

Results: It has been proved that the innovative transformation of the economy requires an increase in the state support of innovative institutions and related institutional environment infrastructure of innovative economy. The priority directions of the Republic of Tatarstan economy innovative development are analyzed. The directions of innovative opportunities in Russia are identified, namely, the use of the potential of the new development institutions: the intellectual property and the venture capital.

Scientific novelty: The necessity is stated of the development of the strategy (as a priority), institutions and mechanisms for the use of intellectual property on the basis of public-private partnership to accelerate the development of the sixth technological setup in Russia. It is argued that under the complex transformational processes it is vitally important to elaborate and implement a long-term state strategy aimed at the large-scale use of the domestic intellectual property. On the basis of the conducted research and processing of empirical data, the conclusion is made about the implementation of innovative scenario of Tatarstan economic development; the forecast has been made on increasing of the innovative products share in gross regional product in 2013-2017.

Practical value: The possibility to use the author's recommendations for strengthening the innovative institutions and infrastructure of the Russian economy, the restructuring of its institutional environment, the use of special development institutions, especially the institution of intellectual property to activate all possibilities of the national innovative system.

Key words: intellectual property; economy modernization; innovative type of economic development; the Braudel glass globe; national innovation system; the Republic of Tatarstan.

References

1. Peters, S. *National systems of innovation: creating high-technology industries*. N.Y., 2006, 267 p.
2. Abramov, V.L. Analiz i prognoz vozzrastaniya roli nauki i tehniki v razviti i povyshenii konkurentosposobnosti ekonomiki Rossii. Partnerstvo civilizatsii (Analysis and prediction of the increasing role of science and technology in developing and competitiveness of the Russian economy. Partnership of civilizations). *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 94–101.
3. Jakovec, Yu.V. Nauchno-tehnologicheskaja revolyuciya XXI v. (Scientific-technological revolution of the 21st cent.). *Filosofiya hozjajstva*, 2012, no. 5, pp. 99–106.
4. Polterovich, V. Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii (Strategies of modernization, institutions and coalitions). *Voprosy ekonomiki*, 2008, no. 4, pp. 4–24.
5. Brodel', F. *Grammatika civilizatsii* (Grammar of civilizations). Moscow: Ves' mir, 2008, 545 p.
6. Soto, E. *Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire* (The mystery of capital. Why capitalism triumphs in the West and is defeated in the rest of the world). Moscow: Olimp- Press, 2004, 272 p.
7. Voronin, Yu.M. Rossija i mirovye ekonomicheskie krizisy (Russia and world economic crises). *Svobodnaya mysl'*, 2009, no. 11, pp. 18.
8. Leont'ev, B.B. Identifikaciya nauchnyh otkrytii (Identification of scientific discoveries). *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*, 2013, no. 12, pp. 119–127.
9. <http://www.wipo.int/portal/index.html.en> (accessed: 16.11.2014)
10. Gizatullin, R.M. *Formirovanie blagopriyatnoi vneshnei sredy razvitiya innovatsionnykh predprinimatel'stva v rossiiskih regionah: dis. ... kand. ekon. nauk* (Forming the beneficial external environment for innovative enterprises development in the Russian regions: PhD (Economics thesis)). Kazan', 2013.
11. Antropova, T.G. *Institucional'noe proektirovanie ekonomicheskoi bezopasnosti* (Institutional projecting of economic safety). Kazan': Izd-vo AN RT «FJeN», 2010, 224 p.

Received 31.10.2014

Information about the author

Antropova Tatyana Gennadyevna, Doctor of Economics, Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev
Address: 10 Karl Marx Str, 420111, Kazan, tel.: (843) 238-42-60
E-mail: antropova_tg@mail.ru

How to cite the article: Antropova T.G. Intellectual property institution as a factor of national innovative system development. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 97–102.

© Antropova T. G., 2014

УДК 338.43:339.137.2

М. Г. АХМАДЕЕВ,

доктор экономических наук, профессор

*Казанский институт (филиал) Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, г. Казань, Россия*

О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К ВТО

Цель: разработка системы мер по повышению конкурентоспособности агропромышленного комплекса России в условиях присоединения Российской Федерации к Всемирной торговой организации.

Методы: анализа и синтеза, программно-целевой метод.

Результаты: разработана система мер, направленных на повышение конкурентоспособности отечественного агропромышленного комплекса в условиях ВТО; даны рекомендации по адаптации агропромышленного комплекса к новым условиям.

Научная новизна: систематизированы преимущества, недостатки, угрозы и риски в системе отечественного агропромышленного комплекса в условиях функционирования в ВТО. Проведен анализ влияния новых экономических условий на обострение внутренних проблем в агропромышленном комплексе России.

Практическая значимость: сформированы рекомендации по внесению изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственного сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

Ключевые слова: конкурентоспособность; агропромышленный комплекс; Всемирная торговая организация; Государственная программа; сельское хозяйство; инвестиционные ресурсы; тарифное квотирование; таможенные тарифы; регионы РФ; экономика.

Введение

В условиях присоединения России к Всемирной торговой организации (далее – ВТО) наиболее существенными аспектами в оценке конкурентоспособности агропромышленного комплекса (далее – АПК) стали:

– оценка угроз и рисков, возникающих в новых условиях;

– определение места и роли государственной программы в адаптации сельского хозяйства в условиях ВТО;

– оценка региональных аспектов повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции;

– меры по повышению конкурентоспособности продукции АПК на внутреннем и внешних рынках.

В июле 2012 г. Правительством РФ была принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.¹ Наряду с обеспече-

нием продовольственной независимости страны, одной из основных целей стало повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутренних и внешних рынках. Этой актуальной проблеме и посвящена статья. Целью статьи является разработка системы мер по повышению конкурентоспособности агропромышленного комплекса России в условиях РФ в ВТО. Значение этой цели усиливается в связи с уже произошедшим вступлением России во Всемирную торговую организацию и развитием процессов региональной интеграции в рамках преобразования Таможенного союза трех государств в единое экономическое пространство.

Результаты исследования

Проблемы, связанные с адаптацией сельского хозяйства к новым условиям и повышением его конкурентоспособности, приобретают особую новизну, которая обусловлена целым рядом факторов.

Несмотря на то, что Россия обладает высоким сельскохозяйственным потенциалом (9 % мировой продуктивной пашни, более 50 % мировых черноземов, 20 % мировой пресной воды, в РФ производят почти 9 % мирового объема удобрений), край-

¹ URL: <http://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения: 04.11.2014)

не низким остается уровень доходности большей части сельскохозяйственных товаропроизводителей. Реализация производимой ими продукции не обеспечивает расширенное воспроизводство и достижение целей, определенных Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации². Это привело к образованию кредитной задолженности в размере 1,6 трлн рублей, что превышает годовую выручку от реализации продукции сельскохозяйственных организаций.

Из-за недостатка собственных и привлеченных инвестиционных ресурсов не обеспечиваются необходимые темпы модернизации агропромышленного производства. Это, в свою очередь, негативно сказывается на его конкурентоспособности, о чем свидетельствует динамика коэффициентов обновления основных видов техники сельскохозяйственных организаций.

В социальной сфере сохраняется неоправданное отставание уровня оплаты труда занятых в сельском хозяйстве от ее уровня в среднем по экономике страны (52 %), медленно развивается социальная инфраструктура сельских территорий, в большинстве регионов сохраняются демографические проблемы. Так, желание уехать из села, согласно данным социологических обследований Центра социальной политики и мониторинга сельского развития Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (далее – ГНУ ВНИИЭСХ)³, есть более чем у 25 % селян, а среди молодежи – около 50 %.

Мы не можем не отметить те положительные изменения, которые происходят в отдельных отраслях и сферах деятельности агропромышленного комплекса. Среди них – развитие крупных агропромышленных формирований, позволивших увеличить объемы производства продукции птицеводства и свинины, сахарной свеклы, семян подсолнечника и другой продукции.

Совершенствование системы государственной поддержки сельхозтоваропроизводителя позволило в определенной мере повысить рентабельность

производства. В 2011 г. она составляла около 14 %, в то время как без субсидий она была бы не многим более 2 %. Складывается более четкая система государственного регулирования аграрного рынка, в том числе его таможенно-тарифного регулирования.

Кроме того, в отрасль приходят новые технологии, увеличивается количество адаптируемых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, пород и кроссов животных и птицы.

Однако эти положительные изменения не снижают риски и угрозы в области обеспечения конкурентоспособности продукции АПК в новых условиях. Среди них следует выделить следующие:

- непрерывный рост цен на, минеральные удобрения и другие материально-технические и энергоресурсы, а также растущие издержки на строительство и реконструкцию производственных и инфраструктурных объектов ограничивают инвестиционную привлекательность;
- размещение большей части сельскохозяйственного производства в зонах рискованного земледелия;
- сокращение рабочих мест, снижение уровня жизни на селе, увеличение «разрыва» в уровне жизни сельского и городского населения;
- изменение конъюнктуры мирового рынка продовольствия и возникающие в связи с этим ценовые колебания, так и с ограничениями на применение средств поддержки и других форм регулирования импорта и экспорта, принятыми Россией при согласовании протокола вступления в ВТО.

Сельскому хозяйству приходится работать в новых и весьма жестких экономических условиях, что существенно обостряет наши внутренние проблемы, в том числе растущую ссудную задолженность перед банками и не позволяет товаропроизводителям без принятия необходимых компенсационных мер конкурировать на мировом рынке.

Макс Бокус – глава финансового комитета Сената США в своем выступлении в Сенате подчеркнул, что вступление России в ВТО выгодно, прежде всего, американским рабочим и фермерам⁴. Оказывается, и Германии как крупнейшему

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 120 от 30 января 2010 г. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 04.11.2014)

³ URL: <http://innovation.gov.ru/node/8389> (дата обращения: 04.11.2014)

⁴ URL: <http://sambros.ru/index.php/novosti/associaciya-rosagromash-poteri-ot-vstupleniya-rossii-v-vto-ponesut->

европейскому торговому партнеру вступление России в ВТО несет не угрозы, а только – выгоду, что подчеркнул заместитель министра экономики земли Мекленбург Рудольф Штефан⁵.

В ходе переговоров о присоединении к ВТО Российская Федерация взяла на себя ряд обязательств по государственной поддержке сельхоз товаропроизводителей, доступу импортной продукции на внутренний рынок и экспортным субсидиям.

В соответствии с Протоколом российской стороной был согласован агрегированный уровень государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей по лимитируемым позициям в размере 9 млрд долларов США с последующим сокращением равными долями до 4,4 млрд долларов США к 2018 г. В то же время надо учитывать, что разрешенный уровень поддержки для ряда ранее вступивших стран с учетом сходного или даже меньшего масштаба сельскохозяйственного производства многократно превышает разрешенный для России. Например, в ЕС совокупная разрешенная поддержка из общего и национальных бюджетов Союза составляет около 100 млрд долларов США, а в Японии она выше почти в 9 раз по сравнению с Россией.

Как известно, внутренняя поддержка в рамках ВТО разделяется на 3 типа «корзин», в зависимости от степени искажающего воздействия на торговлю: зеленую, желтую (янтарную) и голубую. Согласно проекту Госпрограммы, потребность в финансировании мер лимитируемой («желтой») корзины в 2017 г. составит 6,6 млрд долларов США, а разрешенный ее размер – лишь 5,4 млрд долларов США. Аналогичная ситуация сложится и в последующие годы.

Изменилось и таможенно-тарифное регулирование. В целом, по тарифу на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие средневзвешенная ставка будет снижена на треть от ее текущего уровня (с 15,6 до 11,3 % на конец переходного периода), а по отдельным позициям произойдет более сильное сокращение.

По оценкам ученых Россельхозакадемии, наиболее серьезные отрицательные последствия ожидаются на рынке свинины, на который будут оказывать влияние сразу три негативных фактора, включая снижение таможенного тарифа на живых свиней с нынешних 40 до 5 %; снижение таможенного тарифа на свежемороженые туши свиней (внутри квоты пошлина снижается с 15 до 0 %, а сверх квоты – с 75 до 65 %) и изменение режима тарифного квотирования⁶.

В результате подписанного Соглашения из инструментов регулирования исключается тарифное квотирование, хотя оно и доказало свою эффективность в течение последних 5 лет как мера защиты нашего внутреннего мясного рынка. Вследствие этого Россия впредь лишается возможности сокращать квоты на все виды мяса (они фиксируются на уровне 2013 г.). Более того, квота на свинину с 2020 г. полностью отменяется и заменяется на плоский тариф в размере 25 %. Это еще больше усложнит обеспечение конкурентоспособности животноводческой отрасли.

Лишив Россию возможности использования указанных инструментов, другие члены ВТО активно используют инструменты тарифного квотирования. В частности, в ЕС установлены запретительные внеквотные пошлины на основные виды продовольствия, они на порядок превышают российские.

Россия вступила в ВТО на специфических условиях, так называемых «ВТО-плюс», которые предусматривают дополнительные ограничения, особенно жесткие по отношению к развитым странам, к перечню которых отнесена и Россия. Среди этих дополнительных требований действует полный запрет на использование экспортных субсидий, которыми, несмотря на постоянные требования развивающихся стран, в настоящее время продолжают широко пользоваться США и ЕС.

Вступая в ВТО на согласованных Протоколом условиях, Россия открывает свой рынок конкурентам, полностью обеспечивающим к настоящему времени свою национальную продовольственную независимость и имеющим избыток продоволь-

dazhe-takie-tradicionno-silnye-agrarnye-regiony-kak-stavropolskij-kraj-belgorodskaya-oblast-i-respublika-mordoviya.html (дата обращения: 04.11.2014)

⁵ URL: <http://www.taxru.com/blog/2012-07-10-7060> (дата обращения: 04.11.2014)

⁶ Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2011. № 11/12. URL: <http://mars.arbicon.ru/?id=96020&mdl=content> (дата обращения: 04.11.2014)

ствия, нуждающегося в реализации. Потенциальным продовольственным агрессором во многих случаях выступают США, ЕС и др. Так, если в Китае свинина производится в объеме, обеспечивающем продовольственную независимость, а в США и ЕС производство превышает потребление, то в России мы пока не обеспечиваем пороговое значение. Аналогичная ситуация складывается и на других рынках мясной и молочной продукции.

С учетом текущих, не сопоставимых с США и ЕС объемов поддержки и согласованных Россией изменений импортных пошлин, это неизбежно привело к замедлению роста отечественного производства.

Для оценки последствий присоединения России к ВТО учеными Россельхозакадемии были выполнены расчеты с использованием двух экономико-математических моделей⁷.

Расчеты по модели ФАО-ОЭСР показывают, что валовая продукция сельского хозяйства в целом за 8 лет реализации Государственной программы уменьшилась с предусмотренных в ней 21 до 14 % к 2010 г., что эквивалентно недополученной в совокупности 1 трлн рублей валовой продукции в сопоставимых ценах (в среднем по 125 млрд рублей ежегодно). Все это, безусловно, скажется на занятости сельского населения. По расчетам, к 2020 г. может быть потеряно как минимум 200 тысяч рабочих мест.

Что касается расчетов по модели, разработанной экономическими институтами Россельхозакадемии, то с принятием условий вступления России в ВТО объемы производства, запланированные в Государственной программе, в совокупности за 8 лет ее реализации стали меньше по:

- мясу всех видов – свыше 1 млн тонн;
- молоку – около 1,5 млн тонн;
- сахару белому – 1,3 млн тонн.

По оценкам эксперта Всемирного банка Давида Г. Тарра, в среднесрочной перспективе ожидается спад производства сельскохозяйственной продукции на 3 % (по причине сокращения тарифов) с возможным приростом в долгосрочной перспективе на 9 % (против примерно 21 %, пред-

усматривающихся Государственной программой), что примерно в 2 раза ниже.

Последствия присоединения к ВТО на жестких условиях иллюстрируют негативный опыт двух стран СНГ – Киргизии и Украины.

В настоящее время Киргизия обратилась с просьбой вступления в Таможенный союз Белоруссии, России и Казахстана. Существует большая вероятность вхождения Киргизии в единое экономическое пространство.

После трех лет членства в ВТО Украина, структура экономики которой во многом близка российской, подсчитывает убытки. Десятки тысяч человек потеряли работу, десятки украинских предприятий понесли значительные убытки, снизили объемы производства или просто закрылись. Особенно проиграла технологичные отрасли и агропромышленный комплекс.

Все, что относится к изменениям в макроэкономической и отраслевой политике государства при функционировании в рамках ВТО, будет оказывать существенное влияние на состояние агропромышленного комплекса России, его адаптацию к условиям ВТО.

Важным фактором в деле повышения конкурентоспособности отрасли является региональная аграрная политика, технико-технологическая самодостаточность и инновационный уровень сельскохозяйственных товаропроизводителей и связанных с ними сфер деятельности, включая пищевую промышленность.

В регионах одним из значимых резервов повышения конкурентоспособности является формирование системы кластеров на уровне сельхозтоваропроизводителей, широкое развитие кооперации во всех ее формах (кредитная, потребительская (закупочная и снабженческая), производственная), что позволит существенно улучшить доступность сельскохозяйственных производителей, обеспечит получение ими справедливой доли доходов на осуществление расширенного воспроизводства и, в конечном счете, повышение конкурентоспособности.

Рекламируемыми преимуществами от вступления России в ВТО декларируются следующие:

- возможность улучшения доступа российских товаров на мировой рынок, хотя реальность этой перспективы достаточно условна;
- доступ к арбитражной системе разрешения споров в ВТО, хотя регламент срока рассмотрения

⁷ Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2011. № 11/12. URL: <http://mars.arbicon.ru/?id=96020&mdl=content> (дата обращения: 04.11.2014)

споров для прохождения всех этапов арбитражного рассмотрения может достигать 420 дней, что вряд ли представляет практический интерес для сельскохозяйственной продукции;

– возможность притока иностранного капитала на российский рынок.

Выводы

Государственная программа является основным инструментом по адаптации отечественного агропромышленного комплекса к функционированию в условиях ВТО.

Для минимизации рисков и угроз, возникающих в связи с присоединением России к ВТО, агропромышленному комплексу необходимы следующие наиболее существенные меры:

– доведение уровня государственной поддержки отечественных сельхозтоваропроизводителей до согласованного с ВТО уровня в 9 млрд долларов или 270 млрд рублей (так как по утвержденному варианту Госпрограммы этот уровень снижен на 60 %);

– финансирование мероприятий по компенсации части стоимости минеральных удобрений и горюче-смазочных материалов (ГСМ), а возможно, и субсидирование процентных ставок по краткосрочным кредитам на текущие нужды в растениеводстве в расчете на 1 гектар посевов, так как в настоящее время вносится лишь 37 килограммов при потребности, как минимум, 80 килограммов на 1 гектар посевов;

– стимулирование роста не только маточного стада, но и всего поголовья крупного рогатого скота путем выделения субсидий на его содержание в расчете на 1 голову скота (включая молодняк);

– выделение субсидий из федерального бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям на компенсацию части стоимости приобретаемой современной сельскохозяйственной техники;

– принятие Федеральной целевой программы одновременно с Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. «Развитие отечественного сельскохозяйственного машиностроения для сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности»;

– установление критериев отнесения региона к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции;

– рассмотрение возможности внесения изменений в обязательства России в ВТО по корректировке ставок таможенно-тарифного регулирования на чувствительные товарные позиции;

– разработка мероприятий, направленных на подготовку, профессиональную переподготовку и повышение квалификации кадров, способных обеспечить адаптацию АПК к новым условиям.

Указом Президента России В. В. Путина № 650 от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»⁸ введен запрет на импорт сельскохозяйственной продукции. С момента введения Россией ответных продуктовых санкций против ряда стран, которые в западной прессе называют мерами «зуб за зуб», российское эмбарго вызвало на западном рынке эффект «домино»: фермеры терпят убытки из-за переизбытка продукции, а пытаются продать товар за бесценок, еще больше обрушивают рынок. Для предотвращения кризиса Еврокомиссии придется выделять все новые транши финпомощи.

Для достижения главных целей – реализации Доктрины продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности отечественного агропромышленного комплекса – необходимо дальнейшее создание условий для скорейшего перевода отрасли на новую технологическую основу, что возможно только при обеспечении финансирования реализации Государственной программы 2013–2020 гг. и реализации региональных программ, которые в соответствии с постановлением Правительства РФ, рекомендовано разработать всем субъектам РФ.

Список литературы

1. Ильина З.М., Батова Н.Н. Конкурентоспособность продукции и продовольственная безопасность. Теоретические и практические аспекты. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси. 2010. 120 с.
2. URL: <http://www.analitika.ru> (дата обращения: 04.11.2014)
3. URL: <http://www.stat.tj/ru/> (дата обращения: 04.11.2014)

В редакцию материал поступил 11.08.14

© Ахмадеев М. Г., 2014

⁸ URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/558039/> (дата обращения: 04.11.2014)

Информация об авторе

Ахмадеев Марсил Гумерович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Казанский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
Адрес: 420011, г. Казань, ул. Кремлевская, 25, тел.: (843) 292- 66 -07
E-mail: filkazan@rsute.ru

Как цитировать статью: Ахмадеев М. Г. О мерах по обеспечению конкурентоспособности сельского хозяйства в условиях присоединения России к ВТО // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 103–108.

M. G. AKHMADEYEV,

Doctor of Economics, Professor

Kazan Institute (branch) of the Russian Economics University named after G.V. Plekhanov, Kazan, Russia

ON THE MEASURE STOP ROVIDE COMPETITIVENESS OF AGRICULTURE UNDER RUSSIA'S JOINING THE WTO

Objective: to elaborate the system of measures to increase competitiveness of the Russian agricultural complex under Russia's joining the WTO.

Methods: analysis and synthesis, program-objective method.

Results: The system of measures to increase competitiveness of the Russian agricultural complex under Russia's joining the WTO is elaborated; recommendations are given to adapt the agricultural complex to new conditions.

Scientific novelty: Advantages, disadvantages, threats and risks in the Russian agricultural complex under WTO are systematized. Analysis is carried out of the influence of new economic conditions on the aggravation of internal problems in the Russian agricultural complex.

Practical value: Recommendations are given to make changes in the State program of agricultural development and agricultural raw materials and food market regulation in 2013–2020.

Key words: competitiveness; agricultural complex; World Trade Organization; State program; agriculture; investment resources; tariff quoting; customs tariffs; Russian regions; economy.

References

1. Il'ina, Z.M., Batova, N.N. *Konkurentosposobnost' produktsii i prodovol'stvennaya bezopasnost'. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty* (Competitiveness of production and food security. The oretical and practical aspects). Minsk: Institut sistemnykh issledovaniy v APK NAN Belarusi, 2010, 120 p.
2. <http://www.analitika.ru> (accessed: 04.11.2014)
3. <http://www.stat.tj/ru/> (accessed: 04.11.2014)

Received 11.08.14

Information about the author

Akhmadeyev Marsil Gumerovich, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Management, Kazan Institute (branch) of the Russian Economics University named after G.V. Plekhanov
Address: 25 Kremlyovskaya Str., 420011, Kazan, tel.: (843) 292- 66 -07
E-mail: filkazan@rsute.ru

How to cite the article: Akhmadeyev M.G. On the measures to provide competitiveness of agriculture under Russia's joining the WTO. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 103–108.

© Akhmadeyev M. G., 2014

УДК 658.15:502/504

О. А. БАЛАНДИНА,

аспирант

Бакирский государственный университет, г. Уфа, Россия

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ С УЧЕТОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА

Цель: оценить эффективность инновационного развития предприятия с учетом экологического аспекта.

Методы: исторический и абстрактно-логический.

Результаты: На основе анализа существующих методик оценки эффективности инновационного развития выявлены критерии, необходимые для отбора индикаторов результатов инновационной деятельности предприятия. Для оценки эффективности инновационного развития с учетом экологического аспекта автором статьи разработан инновационный индикатор и предложен его поэтапный расчет.

Научная новизна: В статье предложена методика расчета эффективности инновационного развития предприятия при помощи инновационного индикатора с учетом экологического аспекта.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и практической деятельности при принятии решения об эффективности инновационного развития предприятия.

Ключевые слова: эффективность инновационного развития предприятия; инновационный индикатор; экологический аспект; экологические инновации; инновационное развитие; экологически эффективная система; конкурентоспособность.

Введение

В современных условиях, выражающихся в постоянно меняющейся внешней среде, усиливающейся конкуренции, динамичном распространении достижений научно-технического прогресса, одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед предприятием является повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции. В связи с этим возрастает актуальность исследования возможностей предприятий в части принятия обновляющегося потока инноваций, применения его достижений и постоянного технического совершенствования.

В то же время следует подчеркнуть, что качественным критерием инновационного развития промышленности в целом и отдельно взятого предприятия в частности логично считать не столько инновационную активность, сколько эффективность, внедряемых инноваций. Помимо экономической эффективности принято выделять научно-технический, управленческий, социальный и экологический эффекты. Однако большинство исследований в данной области направлено на разработку различных подходов к расчету сугубо экономического эффекта.

В соответствии с рекомендациями Организации Объединенных Наций по промышленному

развитию оценку эффективности инновационной деятельности проводят путем расчета чистого дисконтированного дохода; срока окупаемости инвестиций; простой нормы прибыли; коэффициента финансовой автономности проекта; коэффициента текущей ликвидности.

В качестве интегрального показателя, характеризующего эффективность инновационной деятельности предприятия, обычно используется коэффициент результативности работы, учитывающий суммарные затраты по окончанным работам, рекомендованным для освоения в серийном производстве и фактические затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) [1, с. 382].

Российские ученые к представленным выше показателям добавляют ряд специфических показателей, оценивающих различные направления деятельности предприятия. Например, И. А. Солодовников [2, с. 190] предлагает оценивать результаты инновационной деятельности с использованием показателей квалификации научных кадров, исполнения маркетинговых прогнозов, расхода инвестиционных средств, производственного ресурсосбережения, реализации проекта в заданные сроки, результативности инновационного развития.

Показатель результативности инновационного развития представляет собой отношение чистой прибыли, полученной предприятием за счет реализации инновационной продукции, к общему размеру чистой прибыли, полученной предприятием при реализации всей продукции.

На наш взгляд, результативность инновационного развития определяется не только прибылью, полученной в данный период времени, но и перспективами развития предприятия. Кроме того, согласно эмпирическим данным, представленным А. А. Чулок, отсутствует однозначная зависимость между инновационной деятельностью и прибыльностью предприятия [3, с. 29].

Согласно тем же эмпирическим данным выявлена положительная взаимосвязь между производительностью, увеличением рыночной доли, увеличением ценности и конкурентоспособности фирмы и ведением инновационной деятельности. Таким образом, инновационная деятельность позволяет достичь предприятию различного вида положительных эффектов. Перечисленные аспекты имеют важное значение и для макроэкономического уровня [4, 5, 6].

Для оценки эффективности инновационной деятельности А. А. Чулок предлагает использовать обобщенный инновационный показатель, учитывающий затраты на НИОКР, количество патентов, общие затраты и продажи фирмы; продажи инновационных продуктов, новых для фирмы и для рынка. На наш взгляд, методика, предложенная А. А. Чулок, позволяет оценить скорее склонность предприятия к инновационному развитию, нежели эффективность последнего.

Оценка эффективности инновационной деятельности предприятия, предложенная В. Н. Самочкиным, О. А. Тимофеевой, А. А. Калюкиным сводится к определению возможности осуществления инновационной деятельности и степени модернизации изделий [7, с. 40].

Наиболее комплексный подход к определению эффективности инновационной деятельности предприятия, на наш взгляд, представлен в работе Н. А. Дубровиной, Е. С. Храмовой. Авторами разработана комплексная система оценки инновационной деятельности организации, включающая ресурсную, результатную и статистические составляющие, при этом ресурсная составляющая включает количественную и качественную компоненты [8, с. 139].

Л. С. Валинурова и Н. А. Кузьминых аналогично А. Р. Фатхутдинову, Н. А. Дубровиной, Е. С. Храмовой проводят комплексный анализ инновационного развития. Разработанная ими модель направлена на оценку и управление инновационным развитием отраслей промышленности. В основе модели лежит сводный показатель инновационного развития отрасли промышленности, учитывающий инновационный потенциал, инновационный риск и инновационную активность отрасли промышленности [9, с. 43].

Согласно методике оценки экологической и энергетической эффективности экономики России, разработанной ЗАО «Интерфакс», эффективность инновационного развития предприятия определяется посредством соотношения трех критериев:

- полные затраты веществ (энергии) на производство продукции (Э);
- количество веществ (энергии), полезно использованных на произведенную продукцию (П);
- количество веществ (энергии), выброшенных в окружающую среду (В) [10, с. 8].

Соотношение количества полезно использованного вещества (энергии) и полных его затрат (П/Э) отражает энергетическую эффективность.

Соотношение полных затрат вещества к количеству веществ, выброшенных в окружающую среду, (Э/В) отражает технологическую эффективность.

Соотношение полезно использованных веществ (энергии) и веществ (энергии), выброшенных в окружающую среду (П/В) отражает экологическую эффективность.

Для полноты оценки эффективности, а также для оценки инновационности данная методика предусмотрела 3 дополнительных показателя.

Отношение произведения полных затрат веществ и количества веществ, полезно использованных, на произведенную продукцию к количеству веществ выброшенных в окружающую среду ((Э•П)/В) отражает степень энергопотребления системы. Высокое значение данного показателя характеризует экологически эффективную систему с высоким энергопотреблением.

Отношение произведения веществ, выброшенных в окружающую среду, и полезно использованных на произведенную продукцию к полным затратам веществ ((В•П)/Э) отражает степень воздействия системы на окружающую среду. Вы-

сокое значение данного показателя характеризует энергоэффективную систему, отличающуюся повышенным воздействием на среду.

Отношение количества веществ, полезно использованных, на произведенную продукцию к производству количества веществ, выброшенных в окружающую среду, и полных затрат веществ ($\Pi/(B \cdot \Xi)$) означает превышение производства продукции над потребленной энергией и воздействиями, произведенными на окружающую среду, т. е. образование остатка продукции, произведенного не за счет вещественно-энергетических характеристик, а за счет использования интеллектуальных технологий, технологий замкнутого цикла, эффективного управления и прочих интенсивных факторов развития. Данный показатель назван разработчиками индикатором инновационности.

К достоинствам представленного метода расчета эффективности следует отнести его простоту, прозрачность и взаимосвязь трех составляющих: экологической, энергетической и экономической. Перечисленные выше критерии разработчики рекомендуют применять для оценки эффективности деятельности страны, региона и предприятия, однако наибольший интерес данная методика представляет для анализа деятельности предприятий со стороны государственных органов и рейтинговых агентств. Анализ эффективности инновационной деятельности со стороны руководства предприятия, на наш взгляд, должен иметь комплексный характер.

Результаты исследования

В рамках перечисленных выше методик остаются неохваченными многие результатные показатели, полученные в результате внедрения новшеств. Однако проведенный анализ существующих методов оценки эффективности инновационной деятельности позволил выявить критерии, необходимые для отбора индикаторов результатов инновационной деятельности предприятия.

Р. А. Фатхутдинов выделяет 4 вида эффекта инновационной деятельности: экономический, научно-технический, социальный и экологический [1, с. 379]. Н. А. Дубровина, Е. С. Храмова добавляют управленческий эффект [8, с. 139].

Экономический эффект заключается в получении прибыли от лицензионной деятельности, прибыли от внедрения изобретений, в улучшении

использования производственной мощности, в уменьшении сроков окупаемости инвестиций и т. д. Научно-технический эффект заключается в количестве зарегистрированных авторских свидетельств, увеличении удельного веса информационных технологий и прогрессивных технологических процессов. Социальный эффект заключается в увеличении доходов работников, повышении степени удовлетворения физиологических, социальных и духовных потребностей работников, улучшении охраны труда и отдыха. Экологический эффект заключается в снижении выбросов в атмосферу, сбросов в водные объекты, уменьшении количества отходов, снижении уровня шума, вибрации и т. д.

По мнению Р. А. Фатхутдинова [1, с. 380], экологический эффект невозможно сразу перевести в прибыль. Однако, на наш взгляд, помимо полезного воздействия на окружающую среду, выражающегося в сохранении экосистемы, внедрение экологических инноваций способно принести определенный доход внедряющему их предприятию, который будет складываться:

- 1) из уменьшения платы за вредное воздействие на окружающую среду;
- 2) из экономии на издержках за счет более полного использования ресурсов;
- 3) из уменьшения количества штрафов.

Экономический эффект от внедрения экологической инновации (Ξ_3 , р) целесообразно вычислять по формуле

$$\Xi_3 = \sum_{t=1}^T \frac{(\Xi_{\text{пр}} + \Pi_{\text{в}} + \Pi_{\text{шт}} - Z_t)1}{(1+E)^t}, \quad (1)$$

где $\Xi_{\text{пр}}$ – прирост прибыли от реализации дополнительного количества товарной продукции в t -м году, рублей; $\Pi_{\text{в}}$ – уменьшение платы за вредное воздействие на окружающую среду в t -м году, рублей; $\Pi_{\text{шт}}$ – уменьшение затрат, связанных с оплатой штрафов и сверхнормативных выбросов, сбросов и т. д. в t -м году, рублей; Z_t – затраты на внедрение экологической инновации в t -м году; E – норма дисконта; T – период расчета, год; t – номер года.

Эффективность инновационного развития предприятия с учетом экологического аспекта определяется результативностью его инновационной деятельности, выражающейся в получении нового вида продукта, использовании более экологичной технологии производства, применении нового организационного или маркетингового

метода, направленного на достижение конкурентных преимуществ и полезного для общества и окружающей среды в целом.

Для оценки динамики конкурентоспособности предприятия в зависимости от результатов инновационного развития, авторами данной статьи предлагается использовать инновационный индикатор.

Инновационный индикатор (S_i) с учетом экологического эффекта рассчитывается по формуле

$$S_i = K_{\mathcal{E}}\alpha_1 + K_{\text{ИП}}\alpha_2 + K_{\text{ИТ}}\alpha_3 + K_{\text{ИМ}}\alpha_4 + K_{\text{М}}\alpha_5 + K_{\text{ПЛ}}\alpha_6 + K_{\text{Ш}}\alpha_7 + K_{\text{Б}}\alpha_8 + K_{\text{ВР}}\alpha_9 + K_{\text{С}}\alpha_{10}, \quad (2)$$

где $K_{\mathcal{E}}$ – коэффициент эффективности использования ресурсов; $K_{\text{ИТ}}$ – коэффициент, характеризующий долю технологических инноваций; $K_{\text{ИП}}$ – коэффициент, характеризующий долю продуктовых инноваций; $K_{\text{ИМ}}$ – коэффициент,

характеризующий долю маркетинговых инноваций; $K_{\text{М}}$ – коэффициент уменьшения массы выбросов, сбросов и отходов; $K_{\text{ПЛ}}$ – коэффициент уменьшения платы за вредное воздействие; $K_{\text{Ш}}$ – коэффициент уменьшения штрафов по причине вредного воздействия на окружающую среду; $K_{\text{ВР}}$ – коэффициент уменьшения времени простоев по причине ремонта и поломки оборудования; $K_{\text{Б}}$ – коэффициент уменьшения брака; $K_{\text{С}}$ – коэффициент социальной полезности; $\alpha_1 - \alpha_{10}$ – удельный вес

каждого коэффициента, при этом $\sum_{i=1}^{10} \alpha_i = 1$.

Значение удельного веса каждого коэффициента устанавливается экспертным путем. Расчет коэффициентов представлен в таблице «Формулы расчета коэффициентов».

Формулы расчета коэффициентов* (Formulas of coefficients's calculation)

Коэффициент	Формула расчета коэффициента
$K_{\mathcal{E}}$	$K_{\mathcal{E}} = \frac{\mathcal{E}_i}{\mathcal{E}_i + \mathcal{E}_{2i}}$, где \mathcal{E}_i и \mathcal{E}_{2i} – количество эффективно используемого i -го ресурса до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно, \mathcal{O}_{1i} , \mathcal{O}_{2i} – общее количество эффективно используемого i -го ресурса до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{ИТ}}$	$K_{\text{ИТ}} = \frac{\text{ИТ}}{\text{ИТ} + \text{Т}}$, где ИТ – стоимость инновационных технологий, внедренных за расчетный период времени ИТ – затраты на ремонт и модернизацию, не относящуюся к инновационной, действующих производств за тот же период времени
$K_{\text{ИП}}$	$K_{\text{ИП}} = \frac{\text{ИП}}{\text{П}}$, где ИП – стоимость инновационной продукции, произведенной за расчетный период времени, П – суммарная стоимость продукции произведенной за тот же период времени
$K_{\text{ИМ}}$	$K_{\text{ИМ}} = \frac{\text{ИМ}}{\text{М}}$, где ИМ – затраты на инновационные маркетинговые программы за расчетный период времени; М – суммарные затраты на маркетинговые программы, в том числе, инновационные за тот же период времени
$K_{\text{М}}$	$K_{\text{М}} = \frac{M_1}{M_2}$, где M_1 и M_2 – масса веществ, выбрасываемых в окружающую среду до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{ПЛ}}$	$K_{\text{ПЛ}} = \frac{\text{ПЛ}_1 - \text{ПЛ}_2}{\text{ПЛ}_1}$, где ПЛ_1 и ПЛ_2 – размер платы за вредное воздействие на окружающую природную среду до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{Ш}}$	$K_{\text{Ш}} = \frac{\text{Ш}_1}{\text{Ш}_2}$, где Ш_1 и Ш_2 – суммарный размер штрафов за вредное воздействие на окружающую природную среду до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{ВР}}$	$K_{\text{ВР}} = \frac{\text{ВР}_1 - \text{ВР}_2}{\text{ВР}_1}$, где ВР_1 и ВР_2 – суммарное время простоя до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{Б}}$	$K_{\text{Б}} = \frac{B_1}{B_2}$, где B_1 и B_2 – количество бракованной продукции i -го вида, полученного до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно
$K_{\text{С}}$	$K_{\text{С}} = \frac{C_1}{C_2}$, где C_1 и C_2 – значение i -го социального показателя до и после реализации инновационной экологической стратегии соответственно

* Источник: составлено автором.

Приведенный расчет инновационного индикатора проводится с использованием совокупности критериев, рассчитываемых при помощи представленных в таблице коэффициентов.

На производство полезной продукции всегда затрачивается определенное количество ресурсов, вспомогательных веществ и энергии, часть которых в процессе производства теряется путем рассеивания в окружающую среду. Экологические инновации в первую очередь направлены на увеличение количества эффективно используемых ресурсов, энергии и вспомогательных веществ. Следствием этого является значительная экономия на издержках производства. Коэффициент эффективности использования ресурсов (K_3) показывает динамику полноты их использования.

Значение коэффициента эффективности определяется динамикой внедрения на предприятии инновационных технологий. Коэффициент, характеризующий долю технологических инноваций ($K_{ит}$), показывает, какую часть затрат на поддержание и обновление технологии производства составляют затраты на внедрение инновационных технологий.

Для крупного промышленного предприятия со стабильной организационной структурой и отработанными сетями сбыта выпуск инновационной продукции не является первоочередной задачей. Исключением может явиться получение нового вида продукта в рамках реализации инновационной экологической стратегии. В этом случае новый вид продукции получается путем переработки отходов производства. Коэффициент, характеризующий долю продуктовых инноваций ($K_{ип}$), рассчитывается как отношение стоимости инновационной продукции, произведенной за расчетный период к суммарной стоимости продукции, произведенной за тот же период.

Для того чтобы экологические инновации стали частью единой инновационной стратегии фирмы, ее построение должно проходить совместно с остальными ее составляющими, в частности маркетинговой. Маркетинговая политика организации, реализующей экологические инновации, должна быть направлена на повышение ее значимости и надежности в глазах потребителей и партнеров. Коэффициент, характеризующий долю маркетинговых инноваций ($K_{им}$), позволяет определить, какая часть маркетинговых затрат

направлена на инновационные мероприятия по продвижению и сбыту товара.

Значимым результатом реализации экологических инноваций является увеличение количества эффективно используемых ресурсов, энергии и вспомогательных веществ, при этом снижается рассеивание в окружающую природную среду. Динамику воздействия на окружающую природную среду отражает коэффициент уменьшения массы выбросов, сбросов и отходов (K_M).

Уменьшение рассеивания в окружающую среду, как было сказано выше, кроме экономии на издержках влечет за собой такие экономические эффекты? как уменьшение платы и штрафов за вредное воздействие. Динамика уменьшения платы характеризуется соответствующим коэффициентом ($K_{пл}$). Нежелательным последствием деятельности промышленного предприятия является наложение штрафов за несоблюдение природоохранного законодательства. Коэффициент уменьшения штрафов ($K_{ш}$) отражает уменьшение последних по причине внедрения инновационных технологий производства.

Одним из результатов инновационного развития может быть уменьшение времени простоев по причине ремонта и поломки оборудования. Достигнуть данного эффекта можно путем проведения соответствующих организационно-плановых мероприятий, направленных на четкое распределение кадровых и информационных ресурсов в периоды плановых проверок и ремонта оборудования. Другим способом уменьшения времени простоев является внедрение инновационной технологии непрерывного производства. С коэффициентом уменьшения времени простоев ($K_{вп}$) тесно связан коэффициент уменьшения брака ($K_б$), так как незапланированные остановки оборудования приводят к необходимости выхода на нормальный режим работы при пуске, в течение которого предприятие, как правило, получает продукцию с заниженными качественными характеристиками. Бракованная продукция наносит серьезный вред финансовым показателям вследствие реализации по пониженным ценам при фиксированных издержках производства. Еще более негативным эффектом реализации бракованной продукции являются рекламации и потеря доверия со стороны потребителей.

Не менее важным является имидж предприятия в глазах его работников. Следствием инновационного развития предприятия с учетом экологического аспекта является увеличение социальной полезности предприятия, отражаемое при подсчете инновационного индикатора при помощи коэффициента социальной полезности (K_c). Его значение определяется путем отслеживания динамики таких социальных показателей, как текучесть кадров, количество прогулов, больших, профессиональных заболеваний и т. д.

Поэтапный расчет каждого приведенного выше коэффициента с учетом удельного веса и их суммирование приводит к получению итогового значения инновационного индикатора.

Периодический расчет предложенного индикатора позволит руководству предприятия проследить динамику инновационного развития с учетом экологического аспекта, а также выявлять влияние на нее отдельных мероприятий, результаты которых отражаются в соответствующих коэффициентах. Сравнение результатов расчетов с аналогичными данными предприятий конкурентов позволит определять степень лидерства предприятия на анализируемом сегменте рынка.

Выводы

Проведенный анализ существующих методик оценки эффективности приводит к выводу: инновационная деятельность позволяет предприятию достичь различного вида положительных эффектов, таких как увеличение производительности, рыночной доли, увеличение ценности и конкурентоспособности фирмы. Кроме того, ряд авторов выделяют экономический, научно-технический, социальный, управленческий и экологический эффекты. Для количественной оценки перечисленных выше эффектов предлагается применять совокупность различных показателей либо обобщенный инновационный показатель. Детальный анализ ряда методик позволил выявить отсутствие возможности оценить с их помощью эффективность инновационных мероприятий. Автор статьи не согласилась с выводом о том, что экологический эффект инно-

вационной деятельности невозможно перевести в экономические показатели, и предложила формулу для его расчета. Для оценки эффективности реализации стратегии инновационного развития с учетом экологического эффекта автором статьи разработан инновационный индикатор и предложен его поэтапный расчет.

Представленный инновационный индикатор может быть использован как на микроуровне для оценки динамики инновационного развития отдельного предприятия с учетом экологического аспекта, так и на макроуровне для анализа динамики инновационной деятельности предприятий в определенном сегменте рынка.

Список литературы

1. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. СПб.: Питер, 2003. 400 с.
2. Солодовников И.А. Основные методы оценки эффективности инновационной деятельности // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 6. С. 190–195.
3. Чулок А.А. Анализ показателей эффективности инноваций на микро и макроуровне // Инновационная экономика. 2004. № 5. С. 27–35.
4. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Воспроизводственный потенциал региона – региональный продукт – региональный риск в макроэкономическом анализе // Управление риском. 2008. № 1. С. 12–17.
5. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Концепция анализа воспроизводственного потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 16. С. 6–15.
6. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Стратегия модернизации и повышение потенциала регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2010. № 5. С. 17–24.
7. Самочкин В.Н., Тимофеева О.А., Калюкин А.А. Оценка инновационных возможностей предприятия и их использование при формировании долгосрочных планов развития // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 6. С. 30–45.
8. Дубровина Н.А., Храмова Е.С. Метод оценки эффективности инновационной деятельности промышленного предприятия // Вестник СамГУ. 2013. № 4. С. 137–146.
9. Валинурова Л.С., Кузьминых Н.А. Оценка уровня инновационного развития отраслей промышленности // Инновационная экономика. 2007. № 6. С. 42–47.
10. Артюхов В.В., Мартынов А.С. Методика оценки экологической и энергетической эффективности экономики России. М.: ЗАО «Интерфакс», 2010. 101 с.

В редакцию материал поступил 30.10.14

© Баландина О.А., 2014

Информация об авторе

Баландина Ольга Анатольевна, аспирант, Башкирский государственный университет
Адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
E-mail: obalandina2@mail.ru

Как цитировать статью: Баландина О.А. Новый взгляд на методы оценки эффективности инновационного развития предприятия с учетом экологического аспекта // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 109–115.

O. A. BALANDINA,

Post-graduate student

Bashkir State University, Ufa, Russia

A NEW APPROACH TO EVALUATION TECHNIQUES OF AN ENTERPRISE INNOVATIVE ACTIVITY TAKING INTO ACCOUNT THE ECOLOGY ASPECT

Objective: to evaluate the effectiveness of innovative development of the enterprise, taking into account ecology aspect.

Methods: historical and abstract logic methods.

Results: Basing on the analysis of existing methodologies for assessing the effectiveness of innovative development, the criteria are defined, necessary for the selection of outcome indicators of innovative activity of the enterprise. To assess the efficiency of innovative development with ecology aspect, the author has elaborated an innovative indicator and proposed its staged calculation method.

Scientific novelty: The paper proposes a calculation methodology for innovative development efficiency of an enterprise through innovation indicator, taking into account ecology aspect.

Practical value: The main points and conclusions of the article can be used in scientific and practical activities when making decisions about the effectiveness of the innovation development of an enterprise.

Key words: innovative development efficiency of an enterprise; innovation indicator; ecology aspect; ecology innovations; innovative development; ecologically effective system; competitiveness.

References

1. Fathutdinov, R.A. *Innovacionnii menedzhment* (Innovative management). Saint-Petersburg: Piter, 2003, 400 p.
2. Solodovnikov, I.A. Osnovnye metody ocenki effektivnosti innovacionnoi deyatel'nosti (Basic methods of evaluating the efficiency of innovative activity). *Audit i finansovyi analiz*, 2011, no. 6, pp. 190–195.
3. Chulok, A.A. Analiz pokazatelei effektivnosti innovatsii na mikro i makrourovne (Analysis of indicators of innovations efficiency at micro- and macrolevels). *Innovacionnaya ekonomika*, 2004, no. 5, pp. 27–35.
4. Yusupov, K.N., Yangirov, A.V. Vosproizvodstvennyi potencial regiona – regional'nyi produkt – regional'nyi risk v makroekonomicheskom analize (Reproduction potential of a region – regional product – regional risk in macroeconomic analysis). *Upravlenie riskom*, 2008, no. 1, pp. 12–17.
5. Yusupov, K.N., Yangirov, A.V. Konceptiya analiza vosproizvodstvennogo potenciala regiona (Concept of the analysis of the reproduction potential of a region). *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2007, no. 16, pp. 6–15.
6. Yusupov, K.N., Yangirov, A.V. Strategiya modernizatsii i povyshenie potenciala regionov (Strategy of modernization and increasing the potential of the regions). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2010, no. 5, pp. 17–24.
7. Samochkin, V.N., Timofeeva, O.A., Kalyukin, A.A. Ocenka innovatsionnykh vozmozhnostei predpriyatija i ih ispol'zovanie pri formirovanii dolgosrochnykh planov razvitiya (Evaluating the innovative possibilities of an enterprise and their use when forming the long-term development plans). *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2002, no. 6, pp. 30–45.
8. Dubrovina, N.A., Hramova, E.S. Metod ocenki effektivnosti innovacionnoi dejatel'nosti promyshlennogo predpriyatija (Technique of evaluating the efficiency of innovative activity of an industrial enterprise). *Vestnik SamGU*, 2013, no. 4, pp. 137–146.
9. Valinurova, L.S., Kuz'minyh, N.A. Ocenka urovnja innovatsionnogo razvitiya otraslei promyshlennosti (Evaluation of the level of innovative development of industrial sectors). *Innovacionnaya ekonomika*, 2007, no. 6, pp. 42–47.
10. Artjuhov, V.V., Martynov, A.S. *Metodika ocenki ekologicheskoi i energeticheskoy effektivnosti ekonomiki Rossii* (Technique of ecological and energy efficiency of the Russian economy). Moscow: ZAO «Interfaks», 2010, 101 p.

Received 30.10.14

Information about the author

Balandina Olga Anatolyevna, Post-graduate student, Bashkir State University
Address: 32 Zaki Validi Str., 450076, Ufa
E-mail: obalandina2@mail.ru

How to cite the article: Balandina O.A. A new approach to evaluation techniques of an enterprise innovative activity taking into account the ecology aspect. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 109–115.

© Balandina O. A., 2014

УДК 338(437)

И. И. БОЛОТОВ,

*кандидат экономических наук (PhD), MBA-MAE, старший преподаватель
Пражский экономический университет, г. Прага, Чешская Республика*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2004–2013 ГОДАХ С АКЦЕНТОМ НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА И КАЧЕСТВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ¹

Цель: оценка долгосрочного экономического развития Чешской Республики после ее вступления в Европейский Союз (в 2004–2013 гг.), с акцентом на эффективность привлечения иностранного капитала и качество предпринимательской среды в наиболее развитом регионе – г. Праге.

Методы: макроэкономическое развитие рассматривается с помощью модели «магического» четырехугольника К. Шиллера – Н. Калдора. Для оценки качества предпринимательской среды применен регрессивный анализ временных рядов. В статье используются данные Чешского статистического управления ČSÚ, Статистической службы Европейского Союза Eurostat и доклада Всемирного банка Doing Business 2004–2014 гг. Региональные данные представлены по методике ЕС NUTS2.

Результаты: Чешская Республика как одна из наиболее развитых экономик Центральной и Восточной Европы опережает по экономическим показателям среднее значение по ЕС и по его новым странам-членам. Долгосрочные проблемы страны – дефицит бюджетной сферы и последствия рецессии 2012–2013 гг. По сравнению с другими столицами новых стран – членов ЕС г. Прага является успешным городом с точки зрения инвестиционного климата, без учета ряда дефицитных бюджетов за последние годы.

Научная новизна: В статье проанализированы развитие чешской экономики с помощью главных макроэкономических показателей, а также инвестиционная привлекательность и конкурентоспособность Праги. Данная статья, согласно данным автора, является первым опубликованным на русском языке исследованием на рассматриваемую тему.

Практическая значимость: проявляется в возможности лучше понять экономики Центральной и Восточной Европы на примере экономики Чешской Республики.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа; Чехия; Чешская Республика; Прага; Европейский Союз; инвестиционная привлекательность; качество предпринимательской среды; новые страны – члены ЕС.

Введение

Чешская Республика (далее – РЧ), Чехия (чеш. Česká republika) – государство региона Центральной и Восточной Европы, с 1 мая 2004 г. новая страна – член Европейского Союза (далее – НСЧ ЕС, англ. EU new member state)². В 2013 г. РЧ была 15 – по размеру территории (77,865 тысяч квадратных километров, чуть более 2 % территории Европы), 11 – по численности населения (10,52 млн человек), 16 – по объему валового внутреннего продукта, ВВП (149,5 млрд евро) и 17 – по уровню ВВП на душу населения в паритете покупательной способности (20 600 евро, 80 %

от среднего по ЕС) НСЧ ЕС-28. Экономику РЧ, таким образом, можно охарактеризовать как одну из наиболее развитых НСЧ ЕС, что обеспечивает ее инвестиционную привлекательность в рамках ЕС-28 [1, 2].

Целью данного исследования является оценка экономического развития РЧ в 2004–2013 гг. после ее вступления в ЕС с акцентом на привлечение иностранного капитала и конкурентоспособность экономики, причем внимание заострено на столице государства – Праге (в классификации регионов ЕС NUTS уровня 2³ – CZ01, Hlavní město Praha), в которой сосредотачивается до 50 % иностранных инвестиций, поступающих в РЧ [3, 4].

Исследования, посвященные чешской экономике и Праге, в научных работах, публикуемых в

¹ Статья была подготовлена при институциональной поддержке Факультета международных отношений Пражского экономического университета (проект № IP200040).

² Новыми странами-членами ЕС 2014 г. были Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, РЧ и Эстония.

³ Номенклатура территориальных единиц для целей статистики ЕС.

Российской Федерации (далее – РФ), относительно редко, однако экономическое сотрудничество между РЧ и РФ с 2000 г. Значительно укрепилось: с 2012 г. РФ является 5-м торговым партнером РЧ при более интенсивной динамике экспорта, а также самым перспективным рынком среди Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (стран БРИКС)⁴ [1].

Статья разделена на 3 части: экономическое развитие РЧ в сравнении с ЕС и НСЧ ЕС в 2004–2014 гг., г. Прага и оценка предпринимательской среды РЧ и г. Праги. Исследование основано на работах чешских, российских и других авторов РЧ, РЧ в рамках НСЧ ЕС, экономическом сотрудничестве РЧ и РФ и о смежных с ними темах: Bolotov, Petříček et al. [1], Bolotov, Čajka, Gajdušková [2], Štěrbová et al. [3], Kalínská et al. [4], Filipová [5], Taušer, Žamborský [6], Němečková [7], Хамзина и Тиха⁵ [8], Кайер [9], Коритарова и Девятка [10], Таушер, Болотов, Чайка [11], Болотов [12] и ряда других [13–18]⁶, а также на данных Чешского статистического управления (ČSÚ), Международного валютного фонда (IMF), Чешского национального банка (ČNB), Статистической службы Европейского Союза (Eurostat) и докладов Всемирного банка (WB) «Doing Business» и Всемирного экономического форума (WEF) «Global Competitiveness Report» 2004–2014 гг.⁷ Макроэкономическое развитие

Чешской Республики рассматривается с помощью расширенной модели «магических квадратов» (4+N главных показателей). Для оценки качества предпринимательской среды г. Праги и РЧ применен сравнительный анализ и регрессивный анализ временных рядов.

Результаты исследования

1. Экономическое развитие РЧ и структура экономики в 2004–2013 гг.

Динамика основных показателей «магического» четырехугольника К. Шиллера – Н. Калдора для экономики РЧ (роста ВВП – g , ставки инфляции – π , ставки безработицы – u и текущего счета платежного баланса к ВВП – CA)⁸, дополненным показателем государственных финансов (государственным долгом в сравнении с ВВП – GD), в 2004–2013 гг., а также в 2014–2019 гг. согласно прогнозам МВФ на апрель 2014 г.⁹ График показывает, что позитивная динамика 2004–2007 гг. была прервана рецессиями 2009 и 2012–2013 гг., которые привели к замедлению роста ВВП (в среднем с 5,5 до 0,6 % с 2009 г.), повышению уровня безработицы (с 4,4 до 7,2 % в 2010 г.) и к неоднозначным инфляционным колебаниям 2008 и 2012 гг. (6,4 и 3,3 %) – их причиной, однако, также служили изменения в налоговом законодательстве (в том числе повышения основной и сниженной ставок налога на добавленную стоимость, НДС, с 19 и 5 % до 21 и 15 %). Преодоление последствий рецессий, таким образом, является одним из приоритетов экономической политики РЧ в 2014 г. В настоящее время фактором риска являются и санкции между ЕС и РФ в связи с высокой зависимостью экономики РЧ от автомобилестроения (до 1/4 ВВП) и от экспорта транспортных средств (МСТК 78¹⁰ – до 1/5 экспорта с 2005 г.)¹¹.

⁴ РФ была вновь внесена Министерством промышленности и торговли ЧЕХИИ в список 12 наиболее приоритетных стран для чешского экспорта в рамках стратегии «Exportní strategie ČR 2012–2020». Доля РФ в портфолио чешских агентств по кредитованию экспорта (англ. – export credit agencies, ECAs), ČEB a.s. и EGAP a.s., составляла в 2012–2013 гг. 30–40 % (при максимуме 50 % для одной страны). В 2013 г. доля России в портфолио страховой компании EGAP a.s., однако несколько снизилась в пользу Азербайджана (по данным годовых отчетов ČEB a.s. и EGAP a.s.).

⁵ В зависимости от языка работы ФИО части авторов были транслитерированы.

⁶ Одним из наиболее новых исследований о экономике Чешской Республики должна стать книга коллектива авторов Пражского экономического университета Brunet-Thornton, R. et al. 2015 г.

⁷ ČSÚ. База данных. 2014; IMF. База данных. 2014; ČNB. База данных. 2014; Eurostat. База данных. 2014; WB. База данных Doing Business. 2014; WEF. База данных. 2014.

⁸ «Магический» четырехугольник – графическое отображение экономических показателей страны в виде многоугольника, где размер и пропорциональность отражают конъюнктуру в экономике в указанный период.

⁹ ČSÚ. База данных. 2014; IMF. База данных. 2014.

¹⁰ Автомобили (включая транспортные средства на воздушной подушке). Международная стандартная торговая классификация, уровень 2.

¹¹ ČSÚ. База данных. 2014.

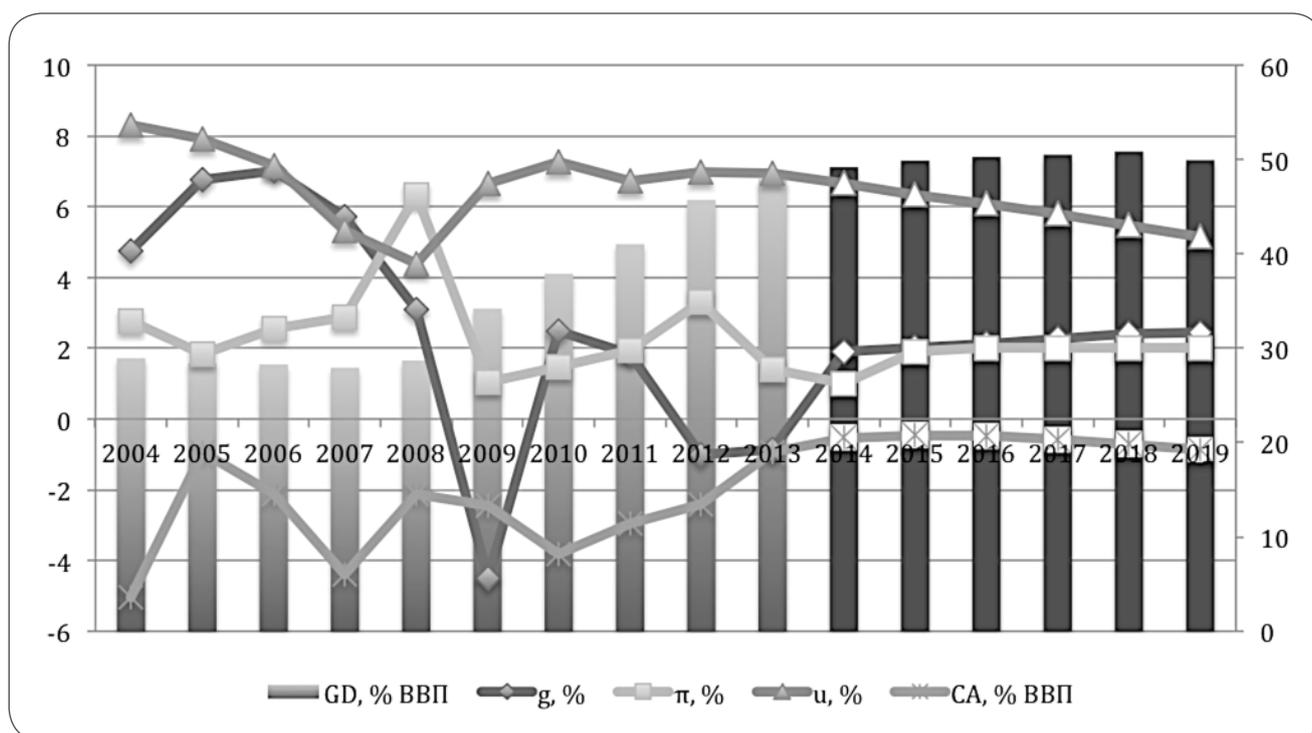

Рис. 1. Динамика основных макроэкономических показателей РЧ¹²
(Fig. 1. Dynamics of the main macroeconomic indicators of CR)

Сравнение средних показателей «магических квадратов» для чешской экономики со значениями ЕС-28 и НСЧ ЕС-28 (средние значения за последние 10 лет) приведено в табл. 1. Заметно, что, по данным Eurostat и ČSÚ, экономика РЧ является долгосрочно успешной за исключением текущего счета платежного баланса (CA), что обусловлено дефицитом инвестиционных доходов платежного баланса РЧ (согласно методологии IMF) в следствие прилива иностранных, особенно прямых зарубежных, инвестиций¹³.

С точки зрения структуры, движущей силой чешской экономики, начиная с 90-х годов XX в., являются 3 сектора: обрабатывающая промышленность (около 38–39 % ВВП), торговля (9 %) и строительство (8–9 %) (табл. 2).

Долгосрочными проблемами экономики Чешской Республики в 2004–2013 гг. являются хронические (нециклические) дефициты обще-

ственных финансов и растущий государственный долг, особенно после 2009 г., что привело к несоблюдению Маастрихтских критериев ЕС (–3 % и 60 % ВВП) до 2013 г. (табл. 3) [14].

2. Прага в сравнении с другими столицами стран НСЧ ЕС-28

Столица Чешской Республики – Прага (чеш. Praha) – самый крупный город страны, второй по числу жителей регион (1 242 млн в 2011 г., 11,8 % населения РЧ)¹⁴, производящий чуть более 1/4 чешского ВВП (25,8 % в 2012 г.) и имеющий наименьшую ставку безработицы в РЧ (3,95 % в 2012 г., средняя по РЧ – 6,7 %) [19]. Регион Праги (чеш. Hlavní město Praha, NUTS – CZ01) является наиболее экономически развитым и единственным почти полностью ориентированным на про-

¹² Построено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014; IMF. База данных. 2014; Bolotov I., Petříček V., etc. Ruský trh v 21. století: Perspektivy pro české exportéry a investory. Grada Publishing, a.s., 2015, 300 p.

¹³ ČNB. База данных. 2014.

¹⁴ С 1 января 2000 г. РЧ состоит из 14 административно-территориальных единиц: из столицы Прага (чеш. hlavní město Praha, PRG) и 13 краев: Центральночешского края (STČ), Южночешского края (JHČ), Пльзеньского края (PLK), Карловарского края (KVК), Устецкого края (ULK), Либерецкого края (LKK), Краловеградского края (HKK), Пардубицкого края (PAK), Высочины (VYS), Южноморавского края (JHM), Оломоуцкого края (OLK), Моравскосилезского края (MSK) и Злинского края (ZLK).

Таблица 1

«Магические квадраты» РЧ и ЕС-28, средние за 2004–2013 гг.¹⁵
(K. Schiller – N. Kaldor “magic” quadrangles of Czech Republic and the EU-28, average for 2004–2013)

Показатель	ЕС-28	НСЧ ЕС-28	РЧ
<i>g</i> – рост реального ВВП (в ценах предыдущего года), %	1,1	2,6	2,5
<i>π</i> – потребительская инфляция (гармонизированный индекс НІСР), %	2,3	3,7	2,4
<i>u</i> – уровень безработицы, % трудоспособного населения	9,0	9,5	6,8
<i>GD</i> – государственный долг (правительство + гос. сектор), % ВВП	71,6	40,0	34,9
<i>CA</i> – сальдо текущего счета платежного баланса (методика МВФ, ВРМ5), % ВВП	-0,6	-5,1	-2,6

Таблица 2

Отраслевая структура экономики РЧ, 1995–2012, % ВВП*¹⁶
(Sectoral structure of the CR economy, 1995–2012, % of GDP)

Классификация ЕС CZ-NACE, ред. 2	Год			
	1995	2001	2007	2012
<i>A</i> Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство	4,0	3,0	2,1	2,3
<i>B</i> Добыча полезных ископаемых	1,8	1,1	1,0	0,9
<i>C</i> Обрабатывающая промышленность	35,0	39,2	39,0	37,8
<i>D</i> Производство и распределение электрической энергии, газа, тепла и климатизированного воздуха	4,7	4,0	3,8	4,8
<i>E</i> Обеспечение водой; деятельность, связанная со сточными водами, уборкой мусора и санитарией	0,9	0,9	1,1	1,2
<i>F</i> Строительство	10,1	8,5	9,6	7,6
<i>G</i> Оптовая и розничная торговля: ремонт и обслуживание транспортных средств	9,0	8,7	8,3	9,0
<i>H</i> Транспорт и складирование	5,8	5,8	6,0	5,8
<i>I</i> Гостиничный и ресторанный бизнес	2,5	2,1	1,9	1,6
<i>J</i> Информация и коммуникации	2,2	3,5	3,7	3,6
<i>K</i> Финансовая деятельность и страхование	2,6	2,7	2,8	3,2
<i>L</i> Деятельность, связанная с недвижимостью	4,3	4,4	4,7	5,7
<i>M</i> Ремесленная, научная и техническая деятельность	4,1	4,2	4,6	4,8
<i>N</i> Административная и дополнительная деятельность	2,2	1,7	1,9	1,8
<i>O</i> Деятельность государственных учреждений и оборона; обязательное социальное страхование	4,4	4,1	3,7	3,6
<i>P</i> Образование	2,2	1,9	1,9	2,0
<i>Q</i> Здравоохранение и социальная защита	2,5	2,2	2,2	2,6
<i>R</i> Деятельность, связанная с культурой, организацией досуга и отдыхом	0,8	1,0	1,0	0,9
<i>S</i> Остальная деятельность	1,0	0,9	0,8	0,8
<i>T</i> Деятельность домашних хозяйств как работодателей и их производство для личного потребления	0,0	0,0	0,0	0,0

* *Примечание:* данные за 2013 г. не были опубликованы.

(* Data for 2013 have not been published.)

Таблица 3

Государственные финансы РЧ, в % ВВП¹⁷
(State finance in CR, % of GDP)

Показатели	Год									
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Сальдо бюджета гос. сектора (методология ЕС)	-2,8	-3,2	-2,4	-0,7	-2,2	-5,8	-4,7	-3,2	-4,2	-1,5
Долг гос. сектора (методология ЕС)	28,9	28,4	28,3	27,9	28,7	34,6	38,4	41,4	46,2	46,0

¹⁵ Рассчитано и составлено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014; Bolotov I., Petříček V., etc. Ruský trh v 21. století: Perspektivy pro české exportéry a investory. Grada Publishing, a.s., 2015, 300 p.

¹⁶ Рассчитано и составлено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014.

¹⁷ Рассчитано и составлено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014.

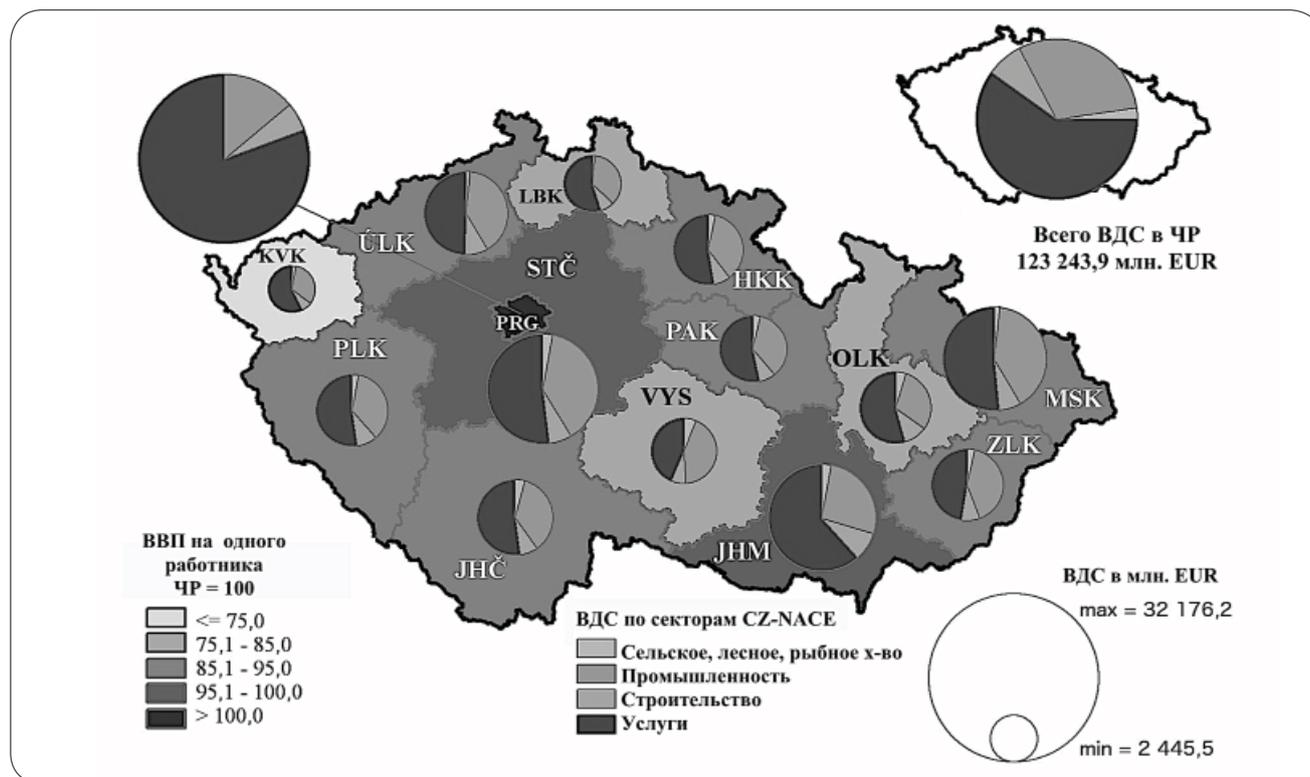

Рис. 2. Распределение ВВП по регионам*¹⁸
(Fig. 2. GDP distribution by the regions)

* *Примечание:* ВДС – валовая добавленная стоимость.

(*Note: NAV – net added value.)

изводство услуг в РЧ, который в 2012 г. произвел ВВП на душу населения в 2,2 раз превышающий среднее значение по РЧ и в 1,7 раз – среднее значение по ЕС-27 в паритете покупательской способности ЕС⁹. Географическое расположение региона Праги и его сравнение с краями РЧ показано на рис. 2, более подробное сравнение представлено, например, в «ČSÚ. База данных. 2014» и в [12].

Прага имеет следующие конкурентные преимущества по сравнению с другими столицами стран Центральной и восточной Европы – НСЧ ЕС [12]: 1) более высокий экономический уровень и развитую инфраструктуру, что характерно для многих столиц ЕС; 2) удобное географическое расположение как географического центра Европы (Прагу и РЧ можно рассматривать как

«связующее звено» между Германией, Польшей, Австрией и Словакией, а также Восточной Европой); 3) наличие сравнительно недорогой квалифицированной рабочей силы со знанием иностранных языков (в основном английского и немецкого, также французского и русского)²⁰ [5, 6, 7]; 4) поддержку предпринимателей, в том числе экспорта и инвестиций, чешским государством, а также структуральными фондами ЕС (агентства ČEB a.s., EGAP, CzechTrade, CzechInvest, программа OPPI и т. д.); 5) высокий потенциал культуры и туризма (Прага имеет высокую посещаемость туристами, в том числе из РФ – по некоторым оценкам 2-е место, около 1/10²¹). Из табл. 4 следует, что по объему инве-

¹⁸ Рассчитано, составлено и переведено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014; Bolotov I., Čajka R., Gajdušková K. Economic development of the EU new member states: the impact of the crisis and the role of the single European currency. Nakladatelství Oeconomica, 2013, 267 p.

²⁰ В Праге расположены наиболее престижные университеты РЧ и Центральной и восточной Европы, в том числе Карлов Университет (Univerzita Karlova), Чешский технический университет (ČVUT) и Пражский экономический университет (VŠE v Praze).

²¹ ČSÚ. База данных. 2014.

стиций в основной капитал (валовых вложений, ВВОК), Прага в настоящее время сопоставима с Осло (Норвегия), Уэльсом (Соединенное Королевство), а также со шведскими и австрийскими регионами NUTS 2, находясь на 80-х местах в ЕС NUTS-2 в 2010–2012 гг., т. е. перед медианой, подробнее см. [12]²².

Таблица 4
Инвестиции в основной капитал в ЕС 27 в 2010 г., млн EUR*²³
(Investment into the capital assets in EU 27 in 2010г., mln EUR)

Регион	ВВОК, млн EUR	Место
Oslo og Akershus (Норвегия)	11 234,1	78-е
Norra Sverige (Швеция)	10 761,1	79-е
Hlavní město Praha (г. Прага, PRG)	10 475,0	80-е
Wales (Соединенное Королевство)	10 401,7	81-е
Niederösterreich (Австрия)	10 354,0	82-е

* *Примечание:* данные за 2011–2013 гг. не были доступны.

Прага, однако, имеет некоторые слабые стороны в бюджетной политике. Бюджет города растет во времени (в 2012 г. доходы были на 50 % больше чем в 2003 г.) и не имеет четко выраженного сальдо, но во время кризиса 2008–2011 гг. он был дефицитным. Важной частью его доходов являются дотации, размеры которых соответствуют половине доходов от налогов, что в долгосрочной перспективе является проблемой в связи с общей ситуацией финансов государственного сектора в РЧ (табл. 5), а также ряда проблем, рассмотренных в работах [11, 13]²⁴.

²² ČNB. База данных. 2014.

²³ Рассчитано и составлено автором на основе: Bolo-tov I., Čajka R., Gajdušková K. Economic development of the EU new member states: the impact of the crisis and the role of the single European currency. *Nakladatelství Oeconomica*, 2013, 267 p.

²⁴ Нередки и коррупционные скандалы, например, в связи с пражским проектом мультифункциональных карт Opencard и туннелем Blanka.

Таблица 5
Показатели бюджета г. Праги, млн EUR, 2004–2012 гг.²⁵

(Prague budget indicators, mln EUR, 2004–2012)

Наименование	Год								
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доходы	1548	1840	2020	2196	2663	2429	2704	2593	2505
– от налогов	1046	1275	1360	1531	1828	1493	1641	1687	1667
– от дотации	419	489	571	600	733	831	964	808	680
Расходы	1711	1769	1971	2122	2376	2580	2784	2673	2436
Сальдо	-162	71	49	73	287	-152	-80	-80	69

3. Оценка качества предпринимательской среды в РЧ и в Праге

Долгосрочное улучшение качества предпринимательской среды в РЧ в 2000-х годах можно проследить на основе данных доклада Doing Business WB²⁶ (табл. 6). В связи с тем, что полная оценка для РЧ доступна только за 2013 и 2014 гг., в таблице показана динамика показателей простоты открытия юридического лица. РЧ находилась на 68-м и 75-м месте в рейтинге 2013–2014 гг. (в то время как 1-е место принадлежало Сингапuru), а в рейтинге общей конкурентоспособности WEF – на 37-м месте из 144 в 2014 г.²⁷

Таблица 6
Показатели предпринимательской среды в РЧ, 2004–2014 гг.²⁸
(Entrepreneurial environment indicators in CR, 2004–2014)

Показатель	Год											
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Затраты, % дохода на душу населения	10,0	10,8	9,5	8,9	10,6	9,6	9,2	9,3	8,4	8,2	8,2	
Минимальный капитал, % дохода на душу населения	47,4	44,5	39,0	36,8	34,9	31,8	30,5	30,9	30,7	29,7	29,5	

Для определения факторов предпринимательской среды, которые оказывали наибольшее воздействие на инвестиции в РЧ, т. е. создание и расширение предприятий, был произведен регрессивный анализ временных рядов (без коинтеграции), основанных на данных²⁹ в 2004–2014 гг. на следующей модели:

$$ВВК_{\text{на трудящегося}_t} = \beta_0 + \beta X_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

²⁵ Рассчитано и составлено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014.

²⁶ Eurostat. База данных. 2014.

²⁷ WEF. База данных. 2014.

²⁸ Рассчитано и составлено автором на основе: WB. База данных Doing Business. 2014.

²⁹ WB. База данных Doing Business. 2014.

где ВВК на трудящегося – валовые вложения в капитал в относительном представлении, V и X_t – вектора коэффициентов и доступных факторов (независимых переменных). Результаты представлены в табл. 7, из которой следует что все факторы, за исключением разрешения на строительство, решения банкротства и экспортных формальностей, имели приблизительно равное значение при исправленном R -квадрат 0,91 и статистике Дарбина-Вотсона 2,25, что свидетельствует об их важности и высоком качестве оценки модели.

Качество предпринимательской среды в Праге оценить сложнее из-за недостатка компаративных исследований и, в основном, возможно только косвенно [15]. Из табл. 8 следует, что за последние 4 года в Праге отмечались рост средней заработной платы (с 1172 EUR в 1-м квартале 2010 г. до

1292 EUR в 4-м квартале 2013 г.), рост доступности трудоустройства (снижение конкурса с 5 человек на место до 3 в 2012 г.) [5, 7], а также рост числа юридических лиц (до 180 тысяч) и иностранных туристов (до 1,5 млн в 2012 г.).

В целом, на основе приведенных данных можно сделать вывод, что Прага в настоящее время активно развивается и успешно конкурирует с более экономически сильными членами ЕС, что указывает на благоприятную предпринимательскую среду в городе. В 2007–2014 гг. Прага поддерживалась в рамках двух проектов ЕС, OP Praha Konkurenceschopnost а OP Praha Adaptabilita в общем размере 343,3 млн EUR, что, в свою очередь, поддерживало конкурентоспособность в городе и в РЧ³⁰ [9, 10, 16].

Как было показано в [12], в г. Праге как столице РЧ в настоящее время размещены офисы

Таблица 7

Результаты МНК для ВВК, 2004–2014 гг.*
(Results of MNK for ВВК, 2004–2014)

<p>Последовательное исключение с использованием двухстороннего р-значения = 0,10</p> <p>Исключена переменная время_разр_на_строит (р-значение 0,664) Исключена переменная время_решения_банкр (р-значение 0,738) Исключена переменная время_экспорт_формал (р-значение 0,355)</p> <p>Тестирование модели 1:</p> <p>Нулевая гипотеза: параметры регрессии нулевые время_разр_на_строит, время_решения_банкр, время_экспорт_формал Тестовая статистика: $F(3, 2) = 0,332688$, Р-значение 0,807923 Исключение переменных улучшило 3 из 3 используемых критериев.</p> <p>Модель 2: МНК, использованы наблюдения 2004-2014 (Т = 11) Зависимая переменная: ВВК_на_сотрудника</p> <p>Коэффициент Ст. ошибка t-статистика Р-значение</p> <hr/> <p>константа -596089 296432 -2,011 0,1005 время_откр_юр_лица -5003,73 558,614 -8,957 0,0003 *** время_регистра_собс 1264,05 399,461 3,164 0,0250 ** получение_кредитов 42595,4 11277,6 3,777 0,0129 ** налоговое_бремя 40722,4 13054,5 3,119 0,0263 ** время_вып_суд_реш -2193,93 782,190 -2,805 0,0378 **</p> <p>Среднее зав. перемен 221331,7 Ст. откл. зав. перемен 29780,61 Сумма кв. остатков 3,79e+08 Ст. ошибка модели 8711,305 R-квадрат 0,957217 Испр. R-квадрат 0,914434 F(5, 5) 22,37388 Р-значение (F) 0,001963 Лог. правдоподобие -111,0680 Крит. Акаике 234,1359 Крит. Шварца 236,5233 Крит. Хеннана-Куинна 232,6310 Параметр rho -0,166281 Стат. Дарбина-Вотсона 2,253857</p>
--

* Источник: рассчитано автором.

³⁰ WEF. База данных. 2014.

Таблица 8

Предпринимательская среда г. Праги, 2010–2013 гг.³¹
(Entrepreneurial environment of Prague, 2010–2013)

Год	Квартал	Средняя заработная плата, брутто, EUR	Конкурс на 1 свободное раб. место, ч/место	Число предпринимателей	Число АО	Число ООО	Число гос. предприятий	Число разрешений на строительство	Число иностранных туристов, тыс.
2010	1 кв.	1171,8	4,0	149 070	10 708	116 483	113	1 829	670,6
	2 кв.	1191,2	5,1	145 756	10 838	119 071	108	2 222	1 133,0
	3 кв.	1223,1	5,1	141 102	10 910	121 363	104	2 223	1 300,1
	4 кв.	1329,7	5,8	148 309	11 070	123 701	102	1 914	1 013,1
2011	1 кв.	1241,5	5,7	148 500	11 253	126 963	101	1 635	690,6
	2 кв.	1250,3	5,2	144 287	10 838	119 071	100	1 863	1 280,2
	3 кв.	1256,4	4,8	150 601	11 589	131 687	92	1 877	1 393,6
	4 кв.	1312,0	4,4	163 083	11 710	133 717	90	2 283	1 068,7
2012	1 кв.	1269,5	3,6	166 622	11 830	136 187	93	1 741	794,4
	2 кв.	1255,1	3,3	169 771	11 818	136 188	89	1 898	1 293,9
	3 кв.	1255,6	3,5	166 852	12 073	141 164	87,0	1 754	1 490,7
	4 кв.	1411,4	3,7	165 358	12 148	144 198	87	1 754	1 102,2
2013	1 кв.	1250,0	5,4	143 899	12 254	147 095	87	1 303	814,6
	2 кв.	1262,1	4,5	134 694	12 308	149 351	84	1 265	1 289,3
	3 кв.	1248,5	5,3	131 234	12 416	153 126	82	1 478	1 464,9
	4 кв.	1291,8	6,2	129 791	12 483	155 200	81	1 484	1 158,5

крупнейших чешских банков и страховых компаний (Česká spořitelna, a.s., Komerční banka, a.s., ČSOB, a.s., Raiffeisenbank, a.s., Česká pojišťovna, a.s. и др.), аудиторско-консалтинговых компаний (KPMG, EY, PwC и Deloitte), а также многих крупных фирм Чехии (например, ČEZ, a.s. и AGROFERT, a.s.), что вместе с высоким ВВП на душу населения и развитой инфраструктурой мотивирует иностранные компании также размещать свои региональные офисы для РЧ и региона ЦВЕ также в г. Прага³². В настоящее время в Праге имеют офисы множество иностранных компаний, таких как Siemens AG, Véolia, Toyota, Hyundai, Tesco stores, Ahold, Vodafone, T-Mobile, Telefónica, Nestlé и др., в том числе и ряд российских, например, Сбербанк (аквизиция австрийской сети Volksbank в 2011 г.) и ЛУКОЙЛ из области энергетики [17, 18]³³. В 2011 г. 52,1 % всех инвестиций

в РЧ были сосредоточены в г. Прага [3, 8]³⁴. Также укрепляется сотрудничество с регионами России, особенно с Республикой Татарстан. Например, в 2014 г. РЧ и Прагу посетила делегация Республики Татарстан во главе с президентом.

Выводы

Исследование показало, что РЧ является одной из наиболее развитых и динамичных экономик новых стран-членов (НСЧ) ЕС-28, привлекательной для инвестиций, в особенности Прага. В 2014–2013 гг. долгосрочными проблемами РЧ были дефициты бюджетной сферы и последствия рецессии 2012–2013 гг. Качество предпринимательской среды в РЧ и г. Праге можно оценить как выше среднего, причем практически все факторы влияют на инвестиционную активность предприятий. В настоящее время, однако существует дальнейшая возможность улучшения, так как РЧ занимала 37-е место в рейтинге конкурентоспособности WEF в 2014 г. и 68–75-м месте в рейтинге WB в 2013–2014 гг.

³¹ Рассчитано и составлено автором на основе: ČSÚ. База данных. 2014.

³² Прага и Будапешт (столица Венгрии) долгое время являлись региональными центрами для многих дивизий «Центральной и восточной Европы» мультинациональных компаний, например, Nestlé.

³³ Суммарная Доля российских инвестиций в РЧ составляла около 5 % в 2013 г.

³⁴ ČSÚ. База данных. 2014.

Список литературы

1. Bolotov I., Petříček V., etc. Ruský trh v 21. století: Perspektivy pro české exportéry a investory. Grada Publishing, a.s., 2015. 300 p.
2. Bolotov I., Čajka R., Gajdušková K. Economic development of the EU new member states: the impact of the crisis and the role of the single European currency. Nakladatelství Oeconomica, 2013. 267 p.
3. Štěrbová L., etc. Mezinárodní obchod ve světové krizi 21. století. Grada Publishing, a.s., 2013. 369 p.
4. Kalínská E., etc. Mezinárodní obchod v 21. století. Grada Publishing, a.s., 2013. 223 p.
5. Filipová A. Demographic Developments in the Czech Republic and their Potential Impact on the Labour Market // Working Papers Fakulty. 2007. No. 11. Pp. 1–18.
6. Taušer J., Žamborský P. Kvalitativní kritéria ve financování veřejných vysokých škol a jejich dopad na Vysokou školu ekonomickou v Praze // Acta Oeconomica Pragensia. 2012. No. 4. Pp. 74–88.
7. Němečková I. Education as an Employee Motivation and Retention Factor of banks and Financial Companies Operating in the Czech Republic // Central European Business Review. 2012. No. 1 (1). Pp. 33–37.
8. Хамзина А., Тиха А. Анализ инвестиционной привлекательности Чешской Республики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 4 (52). С. 43.
9. Кайер В.В. Развитие инноваций в Чешской Республике // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 7. С. 82–95.
10. Коритарова Я., Девятка В.В. Роль государства в создании и функционировании предприятий малого бизнеса и бизнес-ассоциаций в Чешской Республике // Экономика строительства и городского хозяйства. 2009. № 2 (5). С. 97–106.
11. Таушер Й., Чайка Р., Болотов И. И. Детерминанты коррупции в странах центральной и восточной Европы // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4 (28). С. 5–13.
12. Болотов И. Обеспечение конкурентоспособности и благоприятной предпринимательской среды на примере г. Прага // Стратегическое планирование развития городов и регионов: материалы междунар. конф., 30 июня 2014 г. / отв. редактор Ю. А. Анисимова. Тольятти: ТГГУ, 2014.
13. Кучера Л. Развитие теневой экономики в Чешской Республике // Экономика и политика. 2014. № 1 (2). С. 159–163.
14. Шурыгина О.Н. Воздействие государственного долга на макроэкономическое развитие // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3 (7). С. 23–27.
15. Салимов Л.Н. Инвестиционная активность: сущность, оценка и анализ влияния на социально-экономическое развитие региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1 (5). С. 59–62.
16. Крамин Т.В., Леонов В.А. Определение приоритетов управления инвестиционной привлекательностью региона и их учет в рамках реализации крупных спортивных мероприятий // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1 (21). С. 39–45.
17. Anisimova Iu. Modern approaches to the construction of financial instruments at markets of electric energy // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. 2014. Vol. 3. No. 1 (2014). Pp. 64–73.
18. Anisimova Iu. A., Mönkkönen A. Methods Of Control Of Receivables In The Industrial Enterprises // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2013. № 1 (12). С. 92–96.

В редакцию материал поступил 30.09. 14

© Болотов И. И., 2014

Информация об авторе

Болотов Илья Игоревич, кандидат экономических наук (PhD), MBA-MAE, старший преподаватель кафедры международной торговли, Пражский экономический университет
 Адрес: 130 67, Praha 3, nám. W. Churchilla, 4, тел.: (+420) 224-09-52-83
 E-mail: ilya.bolotov@vse.cz

Как цитировать статью: Болотов И.И. Экономическое развитие Чешской Республики в 2004–2013 гг. с акцентом на привлечение иностранного капитала и качество предпринимательской среды // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 116–125.

I. I. BOLOTOV,

PhD (Economics) (Ph.D.), MBA-MAE, Senior Lecturer

The University of Economics, Prague, Czech Republic

ECONOMIC DEVELOPMENT OF CZECH REPUBLIC IN 2004–2013 IN THE ASPECT OF FOREIGN CAPITAL AND QUALITY OF ENTREPRENEURSHIP ENVIRONMENT¹

Objective: to estimate the long-term development of Czech Republic after its joining the European Union (in 2004–2013), in the aspect of foreign capital and quality of entrepreneurship environment in the best developed region – Prague.

Methods: macroeconomic development is viewed with the model of K. Schiller – N. Kaldor “magic” quadrangle. To evaluate the quality of entrepreneurial environment, the regression analysis of time series was used. The article uses the data of the Czech Statistical Agency ČSÚ, the Euro-

¹ The article was prepared with institutional support of Faculty of International Relations of the The University of Economics, Prague (project no. IP200040).

pean Union Statistics Agency Eurostat and the World Bank report Doing Business 2004–2014. TheregionaldataarepresentedwithECNUTS2technique.

Results: The Czech Republic as one of the most developed economies of Central and Eastern Europe is ahead in terms of economic indicators of the average value for the EU and its new member states. The long-term problems of the country include the budget deficit and the consequences of the 2012-2013 recession. Compared with other capitals of the new EU member states, Prague is a successful city from the point of view of the investment climate, without considering a number of deficit budgets in recent years.

Scientific novelty: The article analyzes the development of the Czech economy with the main macroeconomic indicators, as well as the investment attractiveness and competitiveness of Prague. This article, according to the author, is the first research on this topic published in Russian.

Practical value: The possibility to better understand the Central and Eastern European economy on the example of the Czech Republic economy.

Key words: Central and Eastern Europe; Czech Republic; Prague; European Union; investment attraction; the quality of the business environment; the new EU member states.

References

1. Bolotov, I., Petříček, V., etc. *Ruský trh v 21. století: Perspektivy pro české exportéry a investory*. Grada Publishing, a.s., 2015, 300 p.
2. Bolotov, I., Čajka, R., Gajdušková, K. *Economic development of the EU new member states: the impact of the crisis and the role of the single European currency*. Nakladatelství Oeconomica, 2013, 267 p.
3. Štěrbová, L., etc. *Mezinárodní obchod ve světové krizi 21. století*. Grada Publishing, a.s., 2013, 369 p.
4. Kalínská, E., etc. *Mezinárodní obchod v 21. století*. Grada Publishing, a.s., 2013, 223 p.
5. Filipová, A. Demographic Developments in the Czech Republic and their Potential Impact on the Labour Market. *Working Papers Fakulty*, 2007, no. 11, pp. 1–18.
6. Taušer, J., Žamborský, P. Kvalitativní kritéria ve financování veřejných vysokých škol a jejich dopad na Vysokou školu ekonomickou v Praze. *Acta Oeconomica Pragensia*, 2012, no. 4, pp. 74–88.
7. Němečková, I. Education as an Employee Motivation and Retention Factor of banks and Financial Companies Operating in the Czech Republic. *Central European Business Review*, 2012, no. 1 (1), pp. 33–37.
8. Khamzina, A., Tikha, A. Analiz investitsionnoi privlekatel'nosti Cheshskoi Respubliki (Analysis of investment attraction of Czech Republic). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2013, no. 4 (52), pp. 43.
9. Kaier, V.V. Razvitie innovatsii v Cheshskoi Respublike (Development of innovations in Czech Republic). *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2012, no. 7, pp. 82–95.
10. Koritarova, Ya., Devyatka, V.V. Rol' gosudarstva v sozdanii i funkcionirovanii predpriyatii malogo biznesa i biznes-assotsiatsii v Cheshskoi Respublike (Role of state in creating and functioning of small business enterprises and business associations in Czech Republic). *Ekonomika stroitel'stva i gorodskogo khozyaistva*, 2009, no. 2 (5), pp. 97–106.
11. Tauscher, I., Chaika, R., Bolotov, I.I. Determinanty korruptsiii v stranakh tsentral'noi i vostochnoi Evropy (Determinants of corruption in Central and Eastern European countries). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, no. 4 (28), pp. 5–13.
12. Bolotov, I. *Obespechenie konkurentosposobnosti i blagopriyatnoi predprinimatel'skoi sredy na primere g. Praga. Strategicheskoe planirovanie razvitiya gorodov i regionov: materialy mezhdunar. konf., 30 iyunya 2014 g.* (Providing competitiveness and favorable entrepreneurial environment on the example of Prague. Strategic planning of cities and regions development: works of International conference, 30 June 2014). Tol'yatti: TTGU, 2014.
13. Kuchera, L. Razvitie tenevoi ekonomiki v Cheshskoi Respublike (Shadow economy development in Czech Republic). *Ekonomikaipolitika*, 2014, no. 1 (2), pp. 159–163.
14. Shurygina, O.N. Vozdeistvie gosudarstvennogo dolga na makroekonomicheskoe razvitie (Impact of state debt on macroeconomic development). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2008, no. 3 (7), pp. 23–27.
15. Salimov, L.N. Investitsionnaya aktivnost': sushchnost', otsenka i analiz vliyaniya na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regiona (Investment activity: essence, estimation and analysis of the impact on social-economic development of a region). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2008, no. 1 (5), pp. 59–62.
16. Kramin, T.V., Leonov, V.A. Opredelenie prioritetov upravleniya investitsionnoi privlekatel'nost'yu regiona i ikh ucheta v ramkakh realizatsii krupnykh sportivnykh meropriyatii (Determining the priorities of investment attraction management of a region and their role in carrying out of large sports events). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, no. 1 (21), pp. 39–45.
17. Anisimova, Iu. A. Modern approaches to the construction of financial instruments at markets of electric energy. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*, 2014, vol. 3, no. 1 (2014), pp. 64–73.
18. Anisimova, Iu. A., Mönkkönen, A. Methods Of Control Of Receivables In The Industrial Enterprises. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravlenie*, 2013, no. 1 (12), pp. 92–96.

Received 30.09.14

Information about the author

Bolotov Iliya Igorevich, PhD (Economics) (Ph.D.), MBA-MAE, Senior Lecturer of the Chair of International Trade, The University of Economics, Prague

Address: 130 67, Praha 3, nám. W. Churchilla, 4, tel.: (+420) 224-09-52-83

E-mail: ilya.bolotov@vse.cz

How to cite the article: Bolotov I.I. Economic development of Czech Republic in 2004–2013 in the aspect of foreign capital and quality of entrepreneurship environment. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 116–125.

© Bolotov I. I., 2014

УДК 332.12:330.12

И. А. БОНДАРЕНКО,

кандидат экономических наук, доцент

Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир, Россия

УСЛОВИЯ И ИСТОЧНИКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель: рассмотреть факторы региональных различий в благополучии национальных российских домохозяйств и проанализировать последствия этих различий в контексте их экономического неравенства.

Метод: метод компаративистского анализа, функциональный и историко-логический методы.

Результаты: проанализированы содержательные различия понятий «благосостояние» и «благополучие». С точки зрения сущности благополучия рассмотрены региональные различия в уровне благополучия домохозяйств нескольких регионов России (на основании статистических данных Росстата за 2012–2014 гг.). Анализ различий позволил сделать выводы об их причинах, условиях возникновения и их устойчивом воспроизводстве как факторах экономического неравенства национальных домашних хозяйств.

Недостатки показателя «благосостояние» требуют использования в экономическом анализе еще одного качественного показателя – «благополучия». Благополучие домохозяйств определяется его условиями и источниками, которые глубоко дифференцированы по регионам страны. Поэтому российские домохозяйства испытывают объективные и субъективные ограничения в достижении того уровня благополучия, к которому они стремятся.

Научная новизна: В статье впервые использован анализ условий и источников благополучия российских домохозяйств как факторов экономического неравенства в динамике совокупности факторов экономической и региональной дифференциации.

Практическая значимость: Выводы теоретического анализа могут быть использованы региональными и федеральными органами исполнительной власти для планирования социально-экономического развития территории как пространства реализации потенциала домохозяйств, функционирующих в данных экономических и социальных координатах.

Ключевые слова: домохозяйство; благосостояние; благополучие; условия и источники благополучия; региональные различия в благополучии; социально-экономическое развитие; регионы России; экономическое неравенство; Индекс благосостояния; секторы экономики.

Введение

Измерение экономического благосостояния по-прежнему представляет собой значимую теоретическую и практическую проблему. В научной литературе существует неоднозначное понимание категории «благосостояние». Британские ученые (А. Маршалл [1], А. Пигу [2]) трактуют благосостояние в экономическом аспекте как материальные основы жизнедеятельности, которые могут быть измерены с помощью денежного эталона.

Другие исследователи (Д. Гэлбрейт [3], Н. Римашевская [4], П. Самуэльсон [5], Д. Кейнс [6], Г. Саркисян [7], А. Сен [8]) связывают благосостояние с положением индивида в социально-экономической среде, гарантиями занятости, здоровьем, культурным и профессиональным совершенствованием человека, отдыхом и общением, состоянием окружающей среды.

В отечественной экономической науке проблемам благосостояния посвящены работы широкого

круга авторов, в том числе Л. Овчаровой [9], Л. Ржаницыной [10], В. Жеребина [11], В. Бобкова [12], С. Тарасовой [13], А. Баранова [14], В. Майера [15].

В последнее время в работах отечественных и зарубежных исследователей наметилась тенденция определять благосостояние как объемную категорию, которая включает не только материальные условия жизнедеятельности человека и доступные ему духовные блага, но и субъективное осознание человеком степени удовлетворения собственной жизнью. По нашему мнению, более узкое и более расширенное толкование категории «благосостояние» определено методологическим подходом исследователя: если речь идет об удовлетворении потребностей существования, то правомерна трактовка благосостояния как величины доходов и накопленного богатства, если подразумевается удовлетворение потребностей развития членов домохозяйства, то, несомненно, более научной представляется вторая, расширенная трактовка.

Экономическое благополучие часто рассматривают как характеристику общего благополучия человека, непосредственно связанную с деньгами и материальными средствами [16, 17], и как одну из основных подструктур качества жизни [18, 19]. В число его составляющих включают: удовлетворенность доходом и стандартом жизни, справедливость распределения дохода и ожидания его изменений, оценку (материальных) аспектов жизни – финансовой безопасности и независимости, удовлетворенность трудом и доходом, потреблением, системой экономико-политической организации общества, социальное сравнение с типичными представителями страны.

Наибольшие трудности в измерении вызывает показатель удовлетворенности, так как он включает в себя культурологический компонент, т. е. отражает оптимистическое или пессимистическое отношение к жизни.

Отождествление экономического и финансового положения индивида, а также сравнение индивидуального или семейного доходов с доходами представителей своего социального круга заметно сказываются на субъективном восприятии собственного благополучия и удовлетворенностью жизнью как таковой [20, с.108].

Мы полагаем, что благосостояние отражает степень удовлетворения потребностей в сравнении с другими домохозяйствами. Благополучие – в сравнении с условиями собственного развития, имеющимися у каждого конкретного домохозяйства. Качественная же сторона, отражающая восприятие домохозяйствами не только достигнутого уровня жизни, но и оценку возможностей всестороннего удовлетворения потребностей членов домохозяйства, более точно может быть отражена иной категорией, которую мы обосновываем как «благополучие».

В последние годы разные организации предпринимали попытки представить некий агрегированный индикатор благополучия¹. Так, Институт

Легатум (Великобритания, г. Лондон) представил свой индикатор – Индекс благосостояния (prosperity index), состоящий из восьми параметров. Другую позицию занимают эксперты ООН. По их предложению все показатели благополучия разбиваются на 3 большие группы: условия материальной жизни, качество жизни и устойчивость экономического положения [21]. Индекс должен оценивать благополучие сегодня и завтра, делать акцент на домашних хозяйствах и людях, а не на агрегированных условиях экономики в целом, концентрировать внимание на результатах достижения благополучия, а не на стимуляторах его, а также указывать на распределение дохода, а не на его объем.

Выдвигаемый на роль индикатора положения домохозяйства в экономической системе Индекс благополучия должен гармонично сочетать в себе объективные показатели и субъективные оценки. К объективным показателям, мы полагаем, относятся доход, занятость, жилищные условия. К субъективным – состояние здоровья, баланс между работой и отдыхом, образование и социальные связи, гражданская активность и качество госуправления, качество окружающей среды и оценка людьми собственного благополучия.

Индекс потребительской уверенности, по нашему мнению, характеризует не изменение благосостояния домохозяйств, а изменение их благополучия, поскольку показывает влияние ожиданий домохозяйств на их расходы. Эти расходы домохозяйство планирует, оценивая происходящие изменения с точки зрения возможности удовлетворять не только текущие, но и перспективные потребности. Экономический рост в стране более чувствителен к изменению благополучия домохозяйств, чем к изменению их благосостояния, поэтому снижение благополучия домохозяйств отрицательно влияет на экономический рост в стране. Например, до кризиса 2008–2009 гг. в России фактор потре-

¹ На основании доклада нобелевских лауреатов-экономистов Стиглица-Сена-Фитуси (комиссия по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса – комиссия Стиглица-Сена-Фитусси) об экономическом развитии и социальном прогрессе, эксперты ОЭСР представили инновационный Индекс благополучия ИБ-2011. Они признают, что многие факторы, которые они хотят учесть в новом Индексе благополучия, не имеют

цифрового выражения. Тем не менее, они ставят задачу вывести некий единый цифровой показатель, по которому можно было бы ранжировать все страны мира. Стремление эконометристов и математиков представить человека с его ценностями, целями и сугубо субъективным информационным полем в виде цифрового значения от «0» до «1» воплощается на новом концептуальном уровне. URL: <http://obozrevatel.com/author-column/kak-zhizn-novaya-metodika-otsenki-blagopoluchiya.htm> (дата обращения: 16.10.2014)

бительского спроса обуславливал до 7 % прироста ВВП, а в 2011 г. – всего 3,3 процентных пункта. Основная причина падения потребительского спроса – замедление динамики роста доходов населения. Динамика роста доходов населения выступает основным условием роста благополучия российских домохозяйств.

Вторым условием роста благополучия российских домохозяйств выступают потребительские расходы. Существенное влияние на них оказывает место нахождения домохозяйств. Третьим условием благополучия домохозяйств служит обеспеченность жильем. Хозяйственно-бытовая инфраструктура является четвертым условием роста благополучия российских домохозяйств. Пятым условием выступают уровень и структура потребления жизненных благ.

Источниками благополучия российских домохозяйств с учетом перераспределительных отношений в обществе являются: оплата труда, заемные средства, пенсии и пособия, рентные доходы, проценты по депозитам, доходы от предпринимательской деятельности.

Проанализируем уровень достигнутого благополучия современных российских домохозяйств в региональном разрезе, так как дифференциация домохозяйств по месту проживания настолько существенна, что стало одной из причин углубления неравенства домохозяйств в России. Значимость региональных различий для объяснения общего неравенства российских домохозяйств была высокой уже в 1992 г. (9 %), но особенно заметный скачок веса данного фактора пришелся на вторую половину 1990-х гг., когда его значение выросло до 15 %. В начале 2000-х гг. межрегиональные различия стали падать и значение фактора закрепилось на уровне 12–13 %. В 2010 г. ресурсы снижения этого фактора оказались исчерпанными. В целом, вес регионального фактора как минимум в 2 раза выше веса любого другого фактора неравенства [9, с. 46].

Воспользуемся результатами рейтинга, составленного по итогам исследования качества жизни домохозяйств в регионах России (центральная Россия, юг России, Европейский север России, Урал, Сибирь, Кавказ) агентством «РИА Рейтинг» в 2014 г.²

² Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. URL: <http://www.giarating.ru/> (дата обращения: 16.10.2014)

и данными Ежегодного статистического сборника Росстата 2013 г.³.

Выборка данных регионов для проведения анализа благополучия домашних хозяйств, функционирующих в границах этих территорий, обусловлена следующими причинами: они представляют все федеральные округа Российской Федерации, достаточно динамично развиваются в экономическом и социальном плане, имеют типичные культурологические традиции организации домохозяйственной деятельности, сложившиеся в местах их исторического проживания.

1. Анализ домохозяйств анализируемых регионов по уровню реальных доходов в 2012 г. показал следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Уровень реальных доходов домохозяйств регионов РФ*
(Level of actual income of households in the Russian regions)

Регион	Реальные денежные доходы	Средний размер назначенных пенсий
Московская область	29699	9825,0
Республика Коми	26787	11643,4
Ярославская область	18513	9229,0
Новосибирская область	20637	8997,8
Республика Дагестан	20648	7050,0
Краснодарский край	21077	8451,4
Челябинская область	19763	9024,2

*Источник: Российский статистический ежегодник, 2013 г.⁴

Кроме домохозяйств Московской области и Республики Коми, в которых средние реальные денежные доходы существенно превосходят доходы в других домохозяйствах представленных регионов: Ярославской, Новосибирской областей, Республики Дагестан, Краснодарского края, Челябинской области, имеющих один диапазон значений.

По нашему мнению, это объясняется тем, что в Московской области сосредоточено много производств, и поэтому спрос на труд превышает предложение труда, а в Республике Коми действуют полярные надбавки к зарплате и другие региональные

³ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 16.10.2014)

⁴ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 16.10.2014)

дотации. В других пяти регионах ниже инвестиционный потенциал, Дагестан и Краснодарский край имеют существенный аграрный сектор экономики, который традиционно создает меньшую добавочную стоимость, а следовательно, и меньшие зарплаты, значительная часть домашних хозяйств формирует свои доходы за счет личного подсобного хозяйства. Новосибирская и Челябинская области неэффективно используют имеющиеся научно-индустриальные и трудовые ресурсы.

Анализ жилищных условий показал, что безусловным лидером в исследуемой группе является Московская область (табл. 2). На втором месте – Челябинская область, которая не выделяется среди других регионов по размеру жилья (23 кв. м), но зато превосходит их по уровню бытовой инфраструктуры. Показатели удельного веса общей площади, оборудованной водопроводом, канализацией и прочим, в Новосибирской области и Краснодарском крае почти совпадают по представленным позициям, а Ярославской области и Республике Коми эти показатели самые низкие (табл. 2).

Отдельного анализа требует данный показатель по Республике Дагестан. По рейтинговому баллу среди всех российских регионов он занимает 79 место из 81. Тяжелая ситуация с жилищными и бытовыми условиями в республике сложилась давно и никогда радикально не решалась. Так как домохозяйства Республики Дагестан расположены в основном в труднодоступной местности, и оборудование жилищ может быть только автономным, то в сельской местности улучшением жилищных условий за-

нимаются местные власти и сельские сходы, в городах – муниципальные и республиканские власти. Государственные и муниципальные органы управления в республике не занимаются этими проблемами, так как решения этих ситуаций требуют кропотливой и долгой работы, а домохозяйства свыклись с положением дел, не возмущаются, выживая самостоятельно.

Однако хозяйственная инфраструктура и жилищное строительство являются чрезвычайно капиталоемкими отраслями хозяйства и не могут создаваться и функционировать только за счет домашних хозяйств. Здесь требуется тонкая подстройка государственного вмешательства к частному капиталу, который и должен играть «первую скрипку» по правилам и схемам, предложенным федеральными и региональными органами хозяйственного управления.

Вторым условием роста благополучия российских домохозяйств выступают потребительские расходы (табл. 3).

Анализируя условия благополучия домохозяйств по структуре их потребления в региональном разрезе можно сделать следующие выводы.

Во-первых, все регионы показали большой удельный вес потребительских расходов по продуктам питания, что подтверждает общероссийские тенденции и идет вразрез с традициями потребления в развитых странах. Больше всего тратят на продукты питания домохозяйства Дагестана (49,6 %), меньше всего – Челябинской области (25,7 %). В Европе средний размер расходов на питание – 12 %, в США – 8 % [8].

Таблица 2

Жилищные условия в регионах РФ в 2013 г.*
(Dwelling conditions in the Russian regions in 2013)

Регион	Жилая площадь в расчете на 1 чел. (кв. м)	Удельный вес общей площади		
		оборудованной водопроводом, в %	оборудованной водоотведением (канализацией), в %	оборудованной горячим водоснабжением, в %
Московская область	29	82	79	74
Республика Коми	23	75	73	66
Ярославская область	24	79	75	68
Новосибирская область	22	80	75	62
Республика Дагестан	14	56	45	34
Краснодарский край	23	79	75	63
Челябинская область	23	83	80	70

* Источники: Рейтинг регионов РФ по качеству жизни⁵.

⁵ URL: <http://www.riarating.ru> (дата обращения: 16.10.2014)

Структура потребительских расходов в 2012 г.*
(Structure of consumer expenses in 2012)

Регион	Продукты питания	Алкоголь и табачные изделия	ЖКХ	Предметы домашнего обихода, бытовая техника	Расходы на здравоохранение	Расходы на транспорт	Расходы на связь	Расходы на образование	Расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия	Расходы на гостиницы и рестораны
Московская область	26,3	1,9	14,6	6,6	2,8	16,5	3,4	0,9	8,2	4,5
Ярославская область	30,0	2,5	11,5	8,0	3,3	16,9	3,3	1,2	6,4	1,8
Республика Дагестан	49,6	1,2	9,9	4,7	1,1	9,7	3,4	0,1	2,2	0
Краснодарский край	33,9	2,7	12,3	7,2	3,7	11,5	3,5	1,7	4,1	2,5
Республика Коми	31,5	2,3	13,4	6,5	3,2	14,0	3,9	1,3	7,8	1,7
Новосибирская область	30,5	3,3	12,4	5,8	3,0	16,1	3,5	0,9	5,6	5,3
Челябинская область	25,7	2,0	10,2	6,1	2,9	24,4	3,3	1,3	6,7	3,1

* Источник: Ежегодный статистический сборник 2013 г.⁶

Во-вторых, расходы на транспорт превзошли расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг в Московской, Ярославской, Новосибирской, Челябинской областях, Республике Коми, а в Краснодарском крае и Республике Дагестан – наоборот, расходы на ЖКХ превосходят затраты на транспортные услуги. Полагаем, это связано со стоимостью топлива в вышеперечисленных регионах и объемом перемещений: в первых пяти регионах население в основном работает не там, где проживает, а в Краснодарском крае и в Дагестане члены домохозяйств предпочитают работать и жить в одном месте.

В-третьих, расходы на здравоохранение и образование даже суммарно уступают расходам на организацию отдыха и культурные мероприятия. С одной стороны, это свидетельствует о наметившейся тенденции отдыхать более активно и разнообразно, чем старшее поколение домохозяйств, предпочитающее дачи и огороды спорту и развлечениям, но, с другой стороны, сопоставление расходов на связь и расходов на здоровье и образование приводит к неутешительным выводам: российские домохозяйства по-прежнему не обращают внимание на рост и поддержание своего человеческого капитала. Сравнительный анализ расходов

на образование среди семи исследуемых регионов позволяет сделать вывод, что больше всех тратят на эти услуги домохозяйства Краснодарского края, меньше всех – Республика Дагестан.

В-четвертых, все изучаемые регионы, кроме Дагестана, много тратят на алкогольные и табачные изделия. Рекордсменом в этой области выступает Новосибирская область (3,3 %), расходы на алкоголь и табачные изделия в которой сопоставимы с расходами на здравоохранение и образование (3,9 %).

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать некоторые выводы. Обслуживание хозяйственно-бытовой инфраструктуры «обходится» российским домохозяйствам слишком дорого, даже при низком уровне обеспеченности жилой площадью (в среднем 23 кв. м на одного человека), водой, канализацией и теплоснабжением. Расходуя на них большую часть своих реальных денежных доходов (32% от суммы расходов среднего домохозяйства в группе), домохозяйства не имеют возможности в полном объеме и в динамике роста оплачивать свои социальные потребности – в сохранении здоровья, образовании, отдыхе и безопасности. Блага, производимые отраслями, отвечающими за данные потребности, являются в России недооцененными, но даже по текущим ценам они недоступны для многих категорий домохозяйств

⁶ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 16.10.2014)

с низкими доходами. Отсюда, низкое качество и неконкурентоспособность медицинских и образовательных услуг, продуктов гостиничного, туристического и ресторанного бизнеса.

Список литературы

1. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Мысль, 2008. 832 с.
2. Пигу А. Экономическая теория благосостояния: в 2-х т. М.: Прогресс, 1985.
3. Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. 406 с.
4. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе / под ред. Н.М. Римашевской, С.Д. Карапетяна. М.: Мысль, 1985. 237 с.
5. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: МПО «Алгон», 1992.
6. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
7. Саркисян Г.С. Народное благосостояние в СССР. М.: Экономика, 1983. 280 с.
8. Сен А. Коллективный выбор и общественное благосостояние. Нью-Йорк, 1971.
9. Овчарова Л.Н. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 108 с.
10. Ржаницына Л.С. Новый этап социальной политики – от бедности к экономической устойчивости, материальному достатку и формированию среднего класса в России // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 11/12. С. 94–98.
11. Жеребин В.М. Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 592 с.
12. Бобков В.Н., Мстиславский П. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. 1996. № 6. С. 76–79.
13. Тарасова С.В. Экономическая теория благосостояния: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 239 с.
14. Баранов А. Социально-экономические проблемы депопуляции и старения населения // Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 111–120.
15. Майер В.Ф. Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа. М.: Изд-во МГУ, 1988. 272 с.
16. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? // Social Indicators Research. 2002. No. 2. Pp.119–169.
17. Van Praag B.M.S., Frijters P. Структура немецкого благополучия. Амстердам: Амстердамский университет, 1999. 413 с.
18. Poiesz T., Von Grumbkow J. Economic Well-Being, Job Satisfaction, Income Evaluation and Consumer Satisfaction; an Integrative Attempt. In: Waerneryd K.E. et al. (eds.) Handbook of Economic Psychology. Dordrecht: Kluwer, 1988. 600 p.
19. Углова Е.А. Влияние феномена субъективного экономического благополучия на оценку качества жизни: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 175 с.
20. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127.
21. Капица Л. Индикаторы мирового развития. URL: http://www.academia.edu/Indikatory_mirovogo_razvitiya_Vtoroe_izdanie (дата обращения: 15.05.2014)
22. Расходы семейного бюджета: статистика разных стран. URL: http://largo.ru/blog/economic/post/raskhody_semeynogo_byudzhetata_statistika_raznykh_stran-489/ (дата обращения: 15.05.2014)

В редакцию материал поступил 18.09.14

© Бондаренко И. А., 2014

Информация об авторе

Бондаренко Ирина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, Армавирская государственная педагогическая академия

Адрес: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, тел.: (86137) 3-35-60

E-mail: Bonir55@mail.ru

Как цитировать статью: Бондаренко И.А. Условия и источники благополучия домашних хозяйств в России: региональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 126–132.

I. A. BONDARENKO,

PhD (Economics), Associate Professor

ArmaVir State Pedagogical Academy, ArmaVir, Russia

CONDITIONS AND SOURCES OF HOUSEHOLDS' WELL-BEING IN RUSSIA: REGIONAL ASPECT

Objective: to view the factors of regional differences in national Russian households' well-being and analyze the consequences of these differences in the context of their economic inequality

Methods: method of comparative analysis, functional and historical-logical methods.

Results: The notions “well-being” and “prosperity” are analyzed from the point of view of their content. From the point of view of the essence of well-being, the regional differences in the level of households' well-being in several Russian regions are viewed (basing on statistics of the Russian Statistics Agency for 2012-2014). The analysis of differences allowed to make conclusions about their causes, conditions of occurrence and sustainable reproduction as factors of economic inequality of national households.

The drawbacks of “prosperity” indicator make it necessary to use one more qualitative indicator in economic analysis, i.e. “well-being”. Households' well-being is determined by their conditions and sources, which are deeply differentiated by the country regions. That is why the Russian households are objectively and subjectively limited in achieving the level of well-being which they strive to achieve.

Scientific novelty: The conclusions of theoretical analysis can be used by the regional and federal executive bodies to plan social-economic development of the territory as a space for implementing the economic potential of households functioning in these economic and social coordinates.

Practical value: The theoretical conclusions can be used to increase the level of households' potential realization, by regional and federal authorities managing the social-economic development in the middle and long term..

Key words: household; prosperity; well-being; conditions and sources of well-being; regional differences in well-being; social-economic development; Russian regions; economic inequality; index of well-being; economy sectors.

References

1. Marshall, A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki* (Principles of Economics). Moscow: Mysl', 2008, 832 p.
2. Pigou, A. *Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya: v 2-kh t* (The Economics of welfare: in 2 vol.). Moscow: Progress, 1985.
3. Galbraith, J. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* (Economics and the public purpose). Moscow: Progress, 1979, 406 p.
4. Rimashevskaya, N.M., Karapetyan, S.D. *Sem'ya i narodnoe blagosostoyanie v razvitoem sotsialisticheskom obshchestve* (Family and people's welfare in a developed socialist society). Moscow: Mysl', 1985, 237 p.
5. Samuelson, P. *Ekonomika. V 2-kh t* (Economics. In 2 vol.). Moscow: MPO «Algon», 1992.
6. Keynes, D. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* (The general theory of employment, interest and money). Moscow: Gelios ARV, 1999, 352 p.
7. Sarkisyan, G.S. *Narodnoe blagosostoyanie v SSSR* (People's prosperity in the USSR). Moscow: Ekonomika, 1983, 280 p.
8. Sen, A. *Kollektivnyi vybor i obshchestvennoe blagosostoyanie* (Social choice and public welfare). N.-Y., 1971.
9. Ovcharova, L.N. *Dinamika monetarnykh i nemonetarnykh kharakteristik urovnya zhizni rossiiskikh domokhozyaistv za gody postsovet-skogo razvitiya: analiticheskii doklad* (Dynamics of monetary and non-monetary characteristics of the Russian households' standard of living in the years of post-Soviet development: analytical report). Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya», 2014, 108 p.
10. Rzhantsyna, L.S. *Novyi etap sotsial'noi politiki – ot bednosti k ekonomicheskoi ustoychivosti, material'nomu dostatku i formirovaniyu srednego klassa v Rossii* (New stage of social policy: from poverty to economic stability, material prosperity and forming the middle class in Russia). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2008, no. 11/12, pp. 94–98.
11. Zherebin, V.M. *Uroven' zhizni naseleniya* (Standard of living of the population). Moscow: YuNITI-DANA, 2002, 592 p.
12. Bobkov, V.N., Mstislavskii, P. *Kachestvo zhizni: sushchnost' i pokazateli* (Quality of life: essence and indicators). *Chelovek i trud*, 1996, no. 6, pp. 76–79.
13. Tarasova, S.V. *Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya: ucheb. posobie dlya vuzov* (Economic theory of well-being: manual for universities). Moscow: YuNITI-DIANA, 2001, 239 p.
14. Baranov, A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy depopulyatsii i stareniya naseleniya* (Social-economic problems of depopulation and ageing of the population). *Voprosy ekonomiki*, 2000, no. 7, pp. 111–120.
15. Maier, V.F. *Planirovanie sotsial'nogo razvitiya i povysheniya urovnya zhizni naroda* (Planning the social development and increasing the living standard of people). Moscow: Izd-vo MGU, 1988, 272 p.
16. Diener, E., Biswas-Diener, R. Will money increase subjective well-being? *Social Indicators Research*, 2002, no. 2, pp. 119–169.
17. Van Praag, B.M.S., Frijters, P. *Struktura nemetskogo blagopoluchiya* (The structure of German well-being). Amsterdam: Amsterdamskii universitet, 1999, 413 p.
18. Poiesz, T., Von Grumbkow, J. *Economic Well-Being, Job Satisfaction, Income Evaluation and Consumer Satisfaction; an Integrative Attempt*. In: Waerneryd K.E. et al. (eds.) *Handbook of Economic Psychology*. Dordrecht: Kluwer, 1988, 600 p.
19. Uglanova, E.A. *Vliyaniye fenomena sub'ektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchiya na otsenku kachestva zhizni: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* (Influence of the phenomenon of subjective well-being on the assessment of the quality of life: abstract of PhD (Psychology) thesis). Yaroslavl', 2003, 175 p.
20. Khashchenko, V.A. *Sub'ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validatsiya* (Subjective economic well-being and its measuring: making a questionnaire and its validation). *Ekspertim'naya psikhologiya*. 2011, vol. 4, no. 1, pp. 106–127.
21. Kapitsa, L. *Indikator mirovogo razvitiya* (Indicators of world development), available at: http://www.academia.edu/Indikator_mirovogo_razvitiya_Vtoroe_izdanie (accessed: 15.05.2014)
22. *Raskhody semeinogo byudzhet: statistika raznykh stran* (Expenditures of family budget: statistics from different countries), available at: http://largo.ru/blog/economic/post/raskhody_semeynogo_byudzhet_statistika_raznykh_stran-489/ (accessed: 15.05.2014)

Received 18.09.14

Information about the author

Bondarenko Irina Alekseyevna, PhD (Economics), Associate Professor, Armavir State Pedagogical Academy
Address: 159 R. Luksemburg Str., 352901, Armavir, tel.: (86137) 3-35-60
E-mail: Bonir55@mail.ru

How to cite the article: Bondarenko I.A. Conditions and sources of households' well-being in Russia: regional aspect. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 126–132.

© Bondarenko I. A., 2014

УДК 502/504

Н. Е. БУЛЕТОВА,

*кандидат экономических наук, доцент**Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия***ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ**

Цель: обосновать необходимость и направления реализации государственной программы экологической грамотности населения регионов России как приоритетного шага эколого-экономического развития регионов РФ и важного условия роста качества жизни населения и обеспечения безопасности страны.

Методы исследования: исторический подход, синтез теорий неоинституционализма и онтопсихологии для получения синергетических эффектов экономики (для чего были определены содержание и условия обеспечения эколого-экономического развития российских регионов); философский метод познания региона как объекта управления, методы факторного анализа.

Результаты исследования: на основе теорий институциональных матриц и институциональных изменений были обоснованы приоритеты и направления обеспечения перехода российской модели экономики к модели устойчивой национальной институциональной матрицы (в виде программы экологической грамотности населения) для обеспечения перехода российской экономики от модели традиционной рыночной экономики к модели устойчивой экономики. Основной результат – разработка государственной программы экологической грамотности населения как первичного этапа государственного стратегического управления регионом, связанной с трансформацией идеологической составляющей национальной институциональной матрицы страны с равномерной трансформацией политических и экономических формальных и неформальных «правил игры», соответствующих потребностям эколого-экономического развития.

Научная новизна: определено содержание, направления и приоритеты трансформации национальной институциональной матрицы для перехода на модель устойчивой экономики и обеспечения эколого-экономической безопасности; разработано и обосновано содержание государственной программы экологической грамотности населения регионов, способствующей достижению целей эколого-экономического развития в триаде «рост–изменение–улучшение» для получения социальных, экономических и экологических эффектов, составления «Дорожной карты» реализации мероприятий программы экологической грамотности.

Практическая значимость: Использование теории институциональных изменений для приведения идеологической, экономической и политической составляющих национальной институциональной матрицы в соответствие с парадигмой устойчивой экономики позволило обосновать приоритет программы экологической грамотности при реализации приемов и методов государственного стратегического управления регионом. Это видно на примере функционирования системы обращения твердых бытовых отходов, реализации стратегии социально-экономического развития российских регионов, имеющих и экологическую составляющую целей развития, выражаемую в улучшении качества жизни и обеспечении безопасности, в том числе эколого-экономической.

Ключевые слова: парадигма устойчивой экономики; триада стратегического управления; институциональная матрица; онтопсихология; триада развития; государственная программа экологической грамотности; эколого-экономическое развитие; регионы России.

Введение

В соответствии с парадигмой устойчивой экономики, одним из главных постулатов которой выступает коэволюция экологии и экономики, общего и частного, живого и неживого в соответствии с двойственной природой человека как такового и необходимостью достижения гармоничного состояния, гармоничной структуры, возникает необходимость в глубоком исследовании природы поведения участников таких усложненных новыми обязательствами экономических отношений и проблем, которые могут возникать или уже

существуют в процессе экологизации мировой и российской экономики.

В результате сравнения традиционной рыночной модели и модели устойчивой экономики на основе источника [1], следует признать несостоятельность всеобъемлющего саморегулирования, и растущую роль сильной, эффективной, с действенными механизмами реализации государственной политики, дающей ориентир регионам по различным направлениям развития.

Главным аргументом в пользу необратимости принятия принципов и основ модели устойчивой

экономики, несмотря на провальность или сложность их реализации в ряде стран, является международный исторический опыт развития научной мысли, посвященный поиску путей выхода из системного кризиса. Причина сложности перехода на новую парадигму – утопичность (или экономическая нецелесообразность, неэффективность носит временный характер, когда потребности экономики не успевают за доступностью и предложением инновационных технологий, когда мышление потребителя не успевает за потребностями экологии [2, с. 7–8]) ряда постулатов устойчивой экономики, из-за чего даже в экономически развитых странах, сумевших обеспечить высокий уровень качества жизни и инновационно-ориентированную структуру экономики, не удалось массово внедрить в экономические и политические институты приоритеты экологических законов над экономическими законами. Однако в идеологических институтах были сформированы соответствующие экологическое сознание и этика поведения в разных видах отношений, что в средне- и долгосрочной перспективе дает необходимые результаты и в экономических, и политических нормах и институтах в ходе их трансформации [3]. Объясняется это первичностью человеческого сознания и необходимостью управлять теми интересами-мотивами-поведением, которые определяют и влияют на национальную безопасность и результаты социально-экономического развития территории.

Главными преобразованиями экономики в структуре должны стать:

– планомерное, всеобщее снижение природоемкости производства (здесь приоритетная роль в реализации должна отводиться государству и бизнесу в форме поддержки и активного спроса на НИОКР в реальном секторе экономики, а без систематизации норм международного и национального регулирования спекулятивного финансового рынка это очень затруднительно и малоэффективно);

– перенос акцента в реализуемых экономикой функциях с приоритета удовлетворения массового потребителя любой ценой на оптимизацию потребностей с возможностями природной среды, с возможностями наукоемкости производства.

Здесь и возникает главная преграда, из-за которой многие специалисты уже признали несостоятельность парадигмы устойчивой экономики для большинства стран мира – это проблема на уровне, проблема взаимоотношения человека и

природы [4, с. 49; 5], когда для общества – в разных возрастных, социальных, профессиональных группах населения – характерно массовое проявление антропоцентризма (восприятие человека как центра и высшей цели мироздания), т. е. рассмотрение человеческого общества и живой природы не просто как двух отдельных систем, а как противостоящих по интересам, по потребностям компонентов экономической системы. На уровне государственной триады стратегического планирования и управления «концепция-стратегия-программа» необходимо обеспечить трансформацию к экоцентризму, позволяющему воспринимать природу как самостоятельную ценность. Как это необходимо осуществлять, чтобы результаты были всеобъемлющими и долгосрочными?

Результаты исследования

Обратимся к нескольким теориям, позволяющим обосновать направления средне- и долгосрочного эколого-экономического развития России с учетом общемировых и национальных тенденций:

1) теория институциональных матриц и теория институциональных изменений, в рамках которых не только раскрывается содержание и исторические особенности формирования экономических, политических и идеологических устоев, норм, основ человеческой жизнедеятельности, но и исследуются способы, причины, последствия трансформации этих институтов (в соответствии с изложенными взглядами лауреата Нобелевской премии Д. Норта [6, 7], исследующего не только изменения институтов как таковых, но и их соотношения между собой, импорт институтов, создание новых институтов, их влияние на экономический рост);

2) онтопсихология А. Менегетти [8], обращаясь к интуитивным основам, мотивам поведения человека; согласно которой ценность психологического знания для экономики и системы государственного управления экономическими и другими отношениям состоит в том, что оно ориентировано на решение основного вопроса: «Как заставить или побудить другого человека или людей сделать то, что мне (нам, вам) нужно?». Для цели эколого-экономического развития данный вопрос будет звучать следующим образом: «Как побудить людей и отдельного человека проявлять экологическое сознание во всех видах (в том числе экономических) отношений?».

Более правильно именно побуждать – варианты мотивации, стимулов актуальны и в бизнесе, и в

государственном управлении, так как при правильном применении они обеспечивают существенный рост производительности труда и успешность природоохранных, защитных мероприятий.

И неoinституционализм, и онтопсихология ориентиром имеют цель – обеспечение роста экономики, производительности труда, однако если синтезировать исходные возможности теоретического и практического задела этих теорий в рамках синергетического подхода, то можно рассчитывать на соответствующий «синергетический эффект» – нацеленность не на рост, а на развитие, для которого рост – одна из форм проявления наравне с изменениями и улучшениями, которые можно назвать триадой развития в соответствии с источником [9].

Обосновав закономерности и варианты трансформации национальных институтов и связав их с архетипами экономического, политического, общественного поведения человека, можно получить научно аргументированные предложения по корректировке и развитию государственной триады управления для достижения цели развития – обеспечения высокого уровня качества жизни населения при достижении эколого-экономической и других видов безопасности и социально-экономического развития территории.

На примере одного из последних документов, принятых в 2012 г. в рамках экологического развития России, а именно – «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (утвержден распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. № 2423-р), представим

главный результат, на который ориентирована реализация документа – должно произойти «тесное вплетение экологии в экономическую политику РФ на ближайшие 18 лет – к 2030 г. в стране должен быть организован круговорот отходов без свалок и полигонов со 100 % переработкой мусора и его повторным использованием». Вопрос реализуемости этого постулата упирается, в том числе, в характеристику эколого-экономического состояния региона, рассматривая которое необходимо:

– во-первых, в его составе выделять ряд составляющих элементов и показателей оценки (индикаторов) (рис. 1);

– во-вторых, обеспечить со стороны государства ряд процедур, направленных как на мониторинг, диагностику данного состояния системы, так и на управление экологическим развитием территории через мероприятия конкретных программ, подпрограмм, оформленных в виде «Дорожных карт».

Самым актуальным и серьезно прорабатываемым на уровне государственной политики направлением решения экологических проблем является проблема сбора, переработки и обезвреживания отходов производства и потребления, при этом самый насущный вопрос – переработка бытовых отходов. На рис. 2 (а) заметен резкий рост образующихся отходов производства и потребления, что свидетельствует о существенности проблемы их переработки и необходимости усиления государственного участия в этом процессе;

Важным условием реализации принимаемых концепций-стратегий-программ является трансформация национальной институциональной матрицы, изменение которой возможно и акту-

ЭКОЛОГО-		ЭКОНОМИЧЕСКОЕ		СОСТОЯНИЕ	
Состояние окружающей среды	Состояние здоровья граждан	Социальные аспекты	Бизнес	Структура	Результат развития
– выбросы в атмосферу в динамике; – загрязнение вод в динамике; – состояние лесов и земель	– продолжительность жизни; – структура и динамика заболеваний; – причины и динамика смертности	– государственные социальные стандарты в динамике; – уровень доступности благ по видам	– налоговое бремя и административные барьеры; – рентабельность по видам деятельности; – состояние фондов	– структура ВРП в динамике; – структура трудовых, природных и материально-технических ресурсов в динамике	– целевые индикаторы государственных и муниципальных стратегий и программ

Рис. 1. Составные элементы и индикаторы оценки эколого-экономического состояния региона*

(Fig 1. Components and indicators of ecological-economic condition of a region)

* Источник: составлено автором.

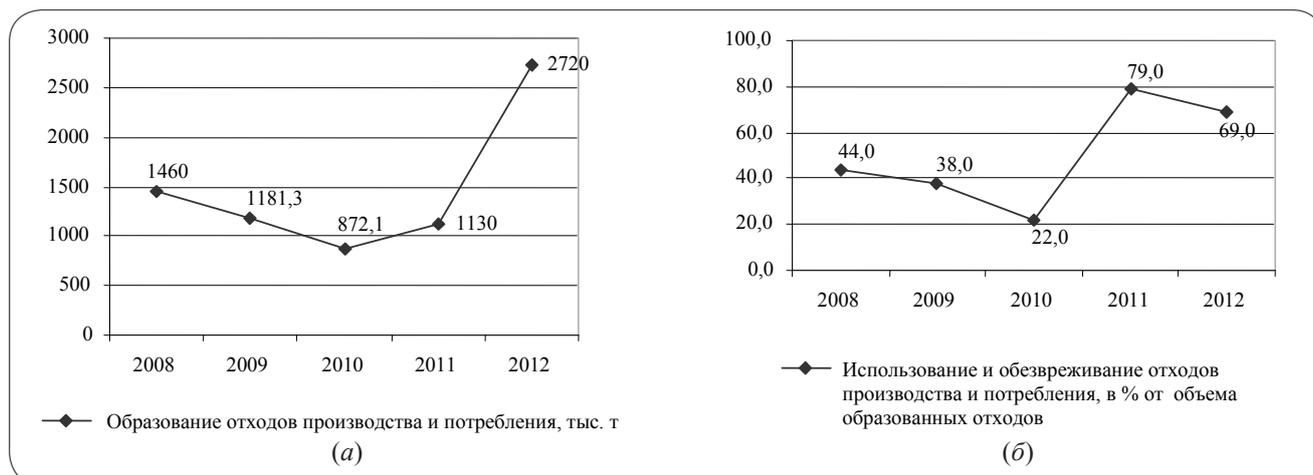

Рис. 2. Изменение основных показателей образования и использования отходов производства и потребления в Волгоградской области, тыс. т¹

(Fig 2. Changes in the main indicators of production and consumption wastes forming and utilization in Volgograd region, thousand tons)

ально (в соответствии с работами Нобелевского лауреата Д. Норта). Это заставляет обратиться к исторически сложившимся правилам и особенностям жизнедеятельности общества, сделать это можно через 2 обратных процесса познания истины бытия – онтологизацию и деонтологизацию.

Чтобы установить непротиворечивое сосуществование общества и природы, необходима трансформация мировоззрения и поиск новых ценностей. Это позволяет утверждать, что онтологизация как процесс познания истины бытия является не раз и навсегда проторенным путем определения, утверждения истины, а вечным поиском истины (через образование, накопление человеческих знаний), содержание которой будет меняться вместе с содержанием бытия. Такую же трансформацию переживают (или должны переживать) и составляющие элементы национальной институциональной матрицы в соответствии с неинституционализмом у зарубежных и российских ученых [6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15], когда под поиском истины можно подразумевать выстраивание такой структуры институтов и норм, которая отвечает потребностям современного общества.

Представим примеры изменения институциональной матрицы в двух вариантах. Первый вариант – равномерные изменения, которые гармонично, взаимосвязанно корректируют со-

держание триады институтов (экономических, политических, идеологических), достигая желаемого результата, матрица позволяет системно влиять на текущую жизнедеятельность общества. Второй вариант изменения – неравномерные изменения, определяемые как патологии, можно связать с обратным процессом познания истины бытия – деонтологизацией, когда происходит потеря связи с фундаментальными основами бытия, что проявляется в появлении «метапатологий» – кризисных, ненормальных форм поведения как отдельной личности, так и объединений людей любого уровня и сферы деятельности, которые являются первопричинами всех остальных патологических, кризисных проявлений нашей жизнедеятельности. Причины этого могут быть разными и проявляться они могут в разных сферах. Например, духовные, политические, экономические и экологические кризисы являются следствием противопоставления собственных интересов человека общественному бытию и планетарной экосистеме, приводящего к искажению матрицы и появлению патологий в экономических и других отношениях, что снижает эффективность тех институтов, норм, правил, которые матрицу и составляют.

Если разрабатываемые государственные программы рассматривать как набор конкретных мероприятий и инструментов соответствующей государственной политики, то считаем, что для успешной реализации «Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г.» необходимо разработать про-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. // Росстат. М., 2013. 990 с.

грамму экологической грамотности, которая может достичь положительных экологических, социально-экономических, политических эффектов.

Детализируем содержание конкретных условий формирования и способов реализации программы экологической грамотности в соответствии с триадой «концепция–стратегия–программа»:

– концепция государственной политики по экологическому развитию определяет приоритетные направления экологического развития, ориентирует государство и всех субъектов существующих отношений к определению и использованию в стратегическом управлении и в процессе реализации программ принципов концепции – комплекса «взглядов» государства на пути решения заданной проблемы для определения стратегии действий;

– стратегии экологического (и эколого-социально-экономического) развития территории, разрабатываемые на всех трех уровнях государственного стратегического планирования и управления, которые в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» должны содержать систему долгосрочных приоритетов, целей и задач стратегического управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного развития страны;

– программы и включаемые в них подпрограммы являются наиболее приближенным к решению заявленных задач способом планирования развития территории, в соответствии с тем же законом о стратегическом планировании в РФ программы классифицированы на государственные, субъектов РФ и муниципальные, все они относятся к документам стратегического планирования, в которых должны быть обозначены набор мероприятий, привязанных к задачам, срокам, исполнителям, ресурсам, и набор инструментов, с помощью которых возможно достижение заявленных приоритетов и целей государственной политики в области экологического развития соответствующей территории.

В соответствии с ФЗ РФ № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», стратегия и программа относятся к документам стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, тогда как концепция носит всеобъемлющий и фундаментальный характер, это документ, в котором важно заявить приоритеты и способы раз-

вития территории, соответствующие заявленной государственной политике, которая не может быть адресной или региональной, или муниципальной.

Учитывая, что за последние десятилетия в российской практике государственного управления с учетом международных тенденций перехода на парадигму устойчивой экономики были приняты концепции, стратегии, доктрины и программы, посвященные экологическому развитию государства, представим результат критического анализа основных из них и предложений по корректировке подобных документов государственного и муниципального стратегического планирования и управления территорией, где большое значение должно быть уделено стратегическому мышлению, завершающему триаду стратегической деятельности.

Критически анализируя Концепцию перехода РФ к устойчивому развитию (утвержденного приказом Президента РФ от 1 апреля 1996 г.), можем констатировать, что к недостаткам следует отнести, во-первых, декларативный характер большинства задач и направлений, что подтверждается историей реализации данной концепции в России (хотя существующие проблемы, негативные условия и факторы внешней и внутренней среды не позволили реализовать большинство положений концепции); во-вторых, отсутствие системного подхода к постановке цели и задач экологического развития российской экономики и общества, что проявляется в отсутствии взаимосвязи между эколого-экономической безопасностью, ростом качества жизни и не пропагандой, а культивированием экологического мышления, сознания, этики поведения, когда интуитивное желание сохранения окружающей среды (без противопоставления себя природе) будет гармонично сочетаться с осознанным, интеллектуальным поведением человека – представителя искусственного, неестественного мира. Главная ошибка анализируемой государственной концепции – неправильная расстановка этапов реализации концепции – начинать нужно именно с третьего этапа – пока не будет достигнуто понимание и доминирование интересов экологоориентированных участников отношений (экономических, политических и всех остальных) на международной арене – в условиях глобализации и возможности влиять, диктовать, навязывать те или иные ценности извне любая национальная модель устойчивой экономики может быть изолирована, обрушена, экономически невыгодна во внешнеэкономических

связях. Еще один важный момент – однозначно говорить о временном разграничении этих этапов нельзя, важно понимать, что они должны возникать в представленной последовательности, но это не значит, что начальный этап перестает быть актуальным, каждый новый этап просто накладывается на предыдущий, который подготавливает основу для его успешной реализации.

Результат критического анализа основных положений государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития (утвержденного указом Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236) – она носила очень обобщающий характер, основная нагрузка в детализации разделов стратегии на региональном уровне, что можно видеть на примере ряда стратегий субъектов РФ по сохранению окружающей среды и природных ресурсов. Представим основные элементы государственной программы экологической грамотности, разработанные в соответствии с традиционной структурой государственных программ и связанные с целями эколого-экономического развития регионов:

1) цель программы – формирование в долгосрочной перспективе устойчивого экологоориентированного поведения населения всех возрастных, социальных, профессиональных групп. К задачам программы экологической грамотности следует отнести реализацию мероприятий по обеспечению приоритета экологических ценностей в общественном, бытовом поведении населения с индивидуальным подходом к каждой возрастной, социальной, профессиональной группе населения; реализацию мероприятий по разработке и апробированию экологоориентированных дошкольных и школьных программ, которые должны пройти согласование и утверждение на уровне Министерств образования субъектов РФ, региональных и муниципальных органов исполнительной власти; при согласовании со СМИ разработку информационного материала по системному культивированию и информированию населения и приоритетах и правилах экологоориентированного поведения, которое должно прийти на смену поведению массового потребления любой ценой;

2) ожидаемые конечные результаты реализации программы:

– базовые результаты (фундаментальные): трансформация идеологических, экономических и политических институтов в соответствии с

парадигмой устойчивой экономики; идентификация доминирования экологического мышления в поведении разных возрастных, социальных и профессиональных групп населения; получение положительных результатов в культуре сбора, сортировки бытовых отходов со стороны населения; улучшение состояния окружающей среды за счет бережного отношения граждан, активного внедрения сберегающих, защитных технологий в бизнесе; переориентация производства и потребления на экологическую продукцию за счет сформированного экологического сознания и стиля поведения всех групп населения; формирование условий для долгосрочной эколого-экономической безопасности территории; внедрение и поддержка механизмов государственно-частного партнерства, обеспечивающих эффективное финансирование системы экологического образования и внедрения экологоориентированных технологий в экономику;

– прикладные результаты, являющиеся результатом реализации мероприятий программы по отношению к разным группам населения: внедрение экологоориентированных досуговых программ, способных повысить результативность программы экологической грамотности на индивидуальном уровне; создание ресурсов и программ для детей (телевизионные передачи, досуговые игры, интернет-игры, книжные издания, игрушки), культивирующие экологический стиль поведения, экологическое мышление и образ жизни; внедрение и эффективное использование новых информационных сервисов, электронных образовательных ресурсов нового поколения, внедрение которых возможно в системе образования и на уровне отдельного пользователя; подготовка кадров по приоритетным направлениям экологически ориентированного поведения на уровне ДОУ, начальной школы, специалистов по повышению квалификации различных профессиональных групп населения; рост государственной поддержки инновационных проектов, ориентированных на экологоориентированные технологии и их внедрение в российскую экономику.

Выводы

В завершение рассмотрения вопроса эколого-экономического развития России как главного условия перехода от традиционной рыночной модели к модели устойчивой экономики, признаем, что ряд положений и требований программы экологической грамотности и всей триады «кон-

цепция–стратегия–программа» могут восприниматься как утопичные и трудно реализуемые идеи, однако важно понять, что основываясь на синергетическом подходе к государственному стратегическому «мышлению–планированию–управлению» и ставя во главу угла принцип управления «приоритеты через паритеты» на любом уровне принятия решений – от наноуровня отдельной личности до макро- (и даже мега-) уровня всего государства, в среднесрочной и долгосрочной перспективах данный принцип «приоритеты через паритеты» должен служить связующим звеном и гарантом баланса между тремя главными ориентирами – условиями устойчивого развития экономики и всего общества – социальной справедливостью (обеспечение роста качества жизни), сохранностью окружающей среды (обеспечение качественной среды обитания для настоящих и будущих поколений) и экономическим процветанием (обеспечение высокого уровня рентабельности бизнеса на фоне высоких экологических требований и ограничений за счет востребованности, доступности «зеленых» технологий). Триаду государственного управления «концепции–стратегии–программы» можно связать с триадой стратегического мышления–планирования–управления, когда за стратегическое мышление, значение которого универсально для любого способа стратегирования, мы принимаем экологическое мышление как главное условие осуществления всех планов и методов государственного управления.

Список литературы

1. Акимова Т.А. Основы экономики устойчивого развития. М.: Экономика, 2013. 332 с.
2. Варшавский А.Е. Этика, экономика и инновации // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 1. С. 3–18.

3. Хрусталева Е.Ю., Хрусталева О.Е. Модельное обоснование инновационного развития наукоемкого сектора российской экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 9. С. 2–13.

4. Булетова Н.Е. Формирование экологической этики как условие построения инновационной «зеленой» экономики // Безопасность жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 45–52.

5. Акимова Т.А. О методических подходах к организации управления устойчивым развитием региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 26. С. 2–9.6.

6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

7. North D. Structure and Change in Economic history. N.-Y.: W. W. Norton & Company Incorporated, 1981. 228 p.

8. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии: пер. с итал. ННБФ «Онтопсихология». М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. 265 с.

9. Харитонов А.С. Минимальное число параметров, характеризующих социально-экономическое развитие регионов // Аудит и финансовый анализ. 2002. № 1. С. 193–208.

10. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика в России: образ будущего через институциональные механизмы типовых исторических сюжетов // Экономика. Вопросы школьного экономического образования. 2008. № 4. С. 5–16.

11. Бессонова О.Э. Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 122–144.

12. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример Российского институционализма) / Постсоветский институционализм: под ред. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С.75–101.

13. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.

14. Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени: пер. с англ. А. Васильева, С. Федорова, А. Шурбелева / под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

15. Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. 2nd ed. Foreword by J.E. Stiglitz; introduction by F. Block. Boston: Beacon Press, 2001. 317 p.

В редакцию материал поступил 01.10.14

© Булетова Н. Е., 2014

Информация об авторе

Булетова Наталья Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Адрес: 400074, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, тел.: (8442) 24-17-36
E-mail: bdv1968@mail.ru

Как цитировать статью: Булетова Н.Е. Эколого-экономическое развитие регионов России через призму экологической грамотности населения // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 133–140.

N. E. BULETOVA,

*PhD (Economics), Associate Professor**Volgograd branch of Russian Academy of Economics and State Service of the RF President, Volgograd, Russia***ECOLOGICAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS
THROUGH ECOLOGICAL LITERACY OF THE POPULATION**

Objective: to prove the necessity and directions of the state program of ecological literacy of the Russian regions' population as a priority step of ecological-economic development of the RF regions and an essential condition of the living standard growth and the state security provision.

Methods: historic approach, synthesis of neoinstitutionalism and ontopsychology theories to obtain synergetic effects in economy (the content and conditions of ecological-economic development of the RF regions were defined); philosophic method of cognition of a region as an object of management; factor analysis methods.

Results: Basing on the theories of institutional matrices and institutional changes, the priorities and directions were grounded of the Russian economy model transition to the model of sustainable national institutional matrix (as a program of ecological literacy of the population) in order to ensure the Russian economy model transition from the traditional market economy to the sustainable economy model. The main result is the state program of ecological literacy of the population as the first stage of the state strategic management of the region connected with the transformation of the ideological component of the country's national institutional matrix with the even transformation of political and economic formal and informal "rules of the game", corresponding to the needs of ecological-economic development.

Scientific novelty: The content, directions and priorities of the national institutional matrix transformation are defined for the sustainable economy model and ensuring the ecological-economic safety; the content of the state program of ecological literacy of the population is elaborated and grounded, which would ensure ecological-economic development in the triad "growth-change-improvement", in order to obtain social, economic and ecological results, to make up a "road map" for the program of ecological literacy.

Practical value: Using the institutional changes theory to relate the ideological, economic and political components of the national institutional matrix to the paradigm of sustainable economy allowed to ground the priority of the ecological literacy program when implementing the techniques and methods of state strategic management of a region. This is shown on the example of solid domestic waste circulation system, the strategy of the Russian regions' social-economic development, including the ecological component, which is expressed in living standards and safety improvement, including ecological-economic.

Key words: sustainable economy paradigm; triad of strategic management; institutional matrix; ontopsychology; development triad; state program of ecological literacy; ecological-economic development; Russian regions; economic development triad.

References

1. Akimova, T.A. *Osnovy ekonomiki ustoichivogo razvitiya* (Bases of the economy of sustainable development). Moscow: Ekonomika, 2013, 332 p.
2. Varshavskii, A.E. Etika, ekonomika i innovatsii (Ethics, economics and innovations). *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2012, vol. 48, no. 1, pp. 3–18.
3. Khrustalev, E.Yu., Khrustalev, O.E. Model'noe obosnovanie innovatsionnogo razvitiya naukoemkogo sektora rossiiskoi ekonomiki (Grounding the model of innovative development of science-consuming sector of the Russian economy). *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2013, no. 9, pp. 2–13.
4. Buletova, N.E. Formirovanie ekologicheskoi etiki kak uslovie postroeniya innovatsionnoi «zelenoi» ekonomiki (Formation of the ecological ethics as a condition of innovative "green" economy construction). *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti*, 2013, no. 3, pp. 45–52.
5. Akimova, T.A. O metodicheskikh podkhodakh k organizatsii upravleniya ustoichivym razvitiem regiona (About the methodical approaches to the management of sustainable development of the region). *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2012, no. 26, pp. 2–9.
6. Nort, D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* (Institutions, institutional changes and functioning of economy). Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997, 180 p.
7. North, D. Structure and Change in Economic history. N.-Y.: W. W. Norton & Company Incorporated, 1981, 228 p.
8. Menegetti, A. *Uchebnik po ontopsikologii* (Textbook on Ontopsychology). Moscow: NNBF «Ontopsikologiya», 2007, 265 p.
9. Kharitonov, A.S. Minimal'noe chislo parametrov, kharakterizuyushchikh sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regionov (Minimal number of parameters characterizing the social-economic development of the regions). *Audit i finansovyi analiz*, 2002, no. 1, pp. 193–208.
10. Bessonova, O.E. Razdatochnaya ekonomika v Rossii: obraz budushchego cherez institutsional'nye mekhanizmy tipovykh istoricheskikh syuzhetov (Distributing economy in Russia: the image of the future through institutional mechanism of typical historic scenarios). *Ekonomika. Voprosy shkol'nogo ekonomicheskogo obrazovaniya*, 2008, no. 4, pp. 5–16.
11. Bessonova, O.E. Institutsional'naya matritsa dlya modernizatsii Rossii (Institutional matrix for modernization of Russia). *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 8, pp. 122–144.
12. Kirdina, S.G. *Teoriya institutsional'nykh matrits (primer Rossiiskogo institutsionalizma) / Postsovetskii institutsionalizm* (Theory of institutional matrices (practice of the Russian institutionalism) / Post-Soviet institutionalism): pod red. R.M. Nureeva i V.V. Dement'eva. Donetsk: Kashtan, 2005, pp.75–101.
13. Kirdina, S.G. *X- i Y-ekonomiki: institutsional'nyi analiz* (X- and Y-economies: institutional analysis). Moscow: Nauka, 2004, 256 p.
14. Polan'i, K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* (The great transformation: the political and economic origins of our time). Saint-Petersburg: Aleteiya, 2002, 320 p.
15. Polanyi, K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. Foreword by J.E. Stiglitz; introduction by F. Block. Boston: Beacon Press, 2001, 317 p.

Received 01.10.14

Information about the author

Buletova Natalya Evgenyevna, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Accounting, Analysis and Audit, Volgograd branch of Russian Academy of Economics and State Service of the RF President
Address: 8 Gagarin Str., 400074, Volgograd, tel.: (8442) 24-17-36
E-mail: bdv1968@mail.ru

How to cite the article: Buletova N.E. Ecological-economic development of the Russian regions through ecological literacy of the population. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 133–140.

© Buletova N. E., 2014

УДК 338.46:378:339.137.2

Л. В. ВОРОНЦОВА,

кандидат экономических наук, доцент,

А. Т. ПОПОВА,

ассистент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Цель: разработать инструментарий повышения конкурентоспособности образовательных учреждений.

Методы: В работе применялись диалектический метод, абстрактно-логический и метод наблюдения.

Результаты: На основе статистических данных и наблюдений в сфере образования установлено, что в качестве механизма выстраивания и эффективного развития межрегиональных и международных коммуникаций между бизнесом, образовательными учреждениями и потребителями может выступить образовательный консорциум, позволяющий оптимизировать этот процесс и достичь максимального социально-экономического эффекта от деятельности его участников.

Научная новизна: Обозначены основополагающие векторы развития международной деятельности образовательных учреждений, предложен к внедрению инструментарий повышения конкурентоспособности образовательных учреждений.

Практическая значимость: заключается в возможности внедрения разработанных инновационных механизмов сокращения транзакционных издержек в образовательной отрасли и в получении дополнительного социально-экономического эффекта.

Ключевые слова: рынок труда; конкурентоспособность образовательных учреждений; социальный лифт; транзакционные издержки; образовательная интеграция; консорциум; образовательный кластер; экономика; Российская Федерация.

Введение

Общемировые тенденции глобализации и интернационализации, широко охватившие все сферы жизнедеятельности человека, особенно затронули систему высшего образования, тем самым стали движущей силой ее изменения и возникновения качественно новых подходов к системе организации международной деятельности высших учебных заведений. Интеграция отечественной высшей школы в мировое образовательное пространство и выход на международный рынок образовательных услуг актуализировали проблему целевой ориентации и универсализации национальной системы высшего образования. Основной целью международной деятельности в области высшего и послевузовского профессионального образования, а также научно-технических связей является всесторонняя интеграция России в качестве равноправного партнера в мировое образовательное пространство, совершенствование и повышение авторитета национальной системы образования с учетом международного опыта.

Развитие современной социально-экономической модели требует от регионов и стран тесного и комплексного сотрудничества друг с другом. Тесные межрегиональные и международные связи создают благоприятные условия для развития бизнеса, предоставляя возможности для кооперации и построения более эффективных схем организации технологического процесса, сбыта и логистики, формируются крупные региональные интеграционные структуры, развивающиеся в направлении создания относительно самостоятельных центров мирового хозяйства, что, в свою очередь, оказывает позитивное влияние на формирование единого экономического пространства, стимулирование роста экономики и повышение благосостояния населения.

Результаты исследования

Современный рынок труда диктует свои требования к образовательным учреждениям, поскольку система подготовки кадров для предприятий и организаций различных отраслей на сегодня имеет структурные проблемы, характеризующиеся сла-

бой интеграцией в производственные процессы предприятий, кадровым голодом и низким процентом выпускников, работающих по полученной специальности. Работодатели готовы оплачивать поиск квалифицированных сотрудников или их дополнительную подготовку в своих стенах.

Исследования, проведенные Российским союзом промышленников и предпринимателей совместно с Национальным агентством развития квалификаций, опыта организации профессионального обучения (подготовки, переподготовки и повышения квалификации) кадров в компаниях, позволили выявить современные тенденции процесса корпоративной подготовки профессиональных кадров [1]. Участниками исследования стали около 200 предприятий, производственные мощности которых расположены в различных субъектах Российской Федерации. В результате исследования выявлено, что около 80 % участников опроса удовлетворены профессиональным уровнем сотрудников и положительно оценивают степень их соответствия занимаемому рабочему месту. Но, несмотря на положительную оценку уровня профессиональной подготовки кадров компании, лишь 12,3 % от общего числа опрошенных оценили потребность в обучении сотрудников как «низкую». Согласно опросу, высокую необходимость в обучении персонала испытывают 20,5 % работодателей, 67,2 % определяют потребность в обучении как «среднюю», что в совокупности дает 87,7 % от общего числа опрошенных компаний.

Основная часть компаний (94,5 %) в настоящее время обучает своих сотрудников, треть из них (30,9 %) располагают собственным учебным центром. При этом все компании изъявили потребность в обучении своих сотрудников.

По данным опроса, 41,5 % компаний направляют сотрудников на обучение во внешние образовательные центры; 39,6 % – осуществляют обучение внутри организации; 18,9 % – привлекают внешних преподавателей при наличии собственного штата и ресурсов.

Средний же уровень затрат на обучение персонала в процентах от фонда оплаты труда (ФОТ) расположен в диапазоне от 0 до 4 %; 15,3 % предприятий тратит на обучение сотрудников от 5 до 9 % от фонда оплаты труда, 2,4 % – от 10 % и выше.

При этом компании часто оплачивают лишь некоторые виды обучения сотрудников. Самыми

популярными видами обучения являются курсы повышения квалификации, работа под руководством наставника и тренинги (табл. 1).

Таблица 1

Виды обучения, предпочтительные для работодателей в качестве обучения и переподготовки кадров, (%)*
(Types of training, which are preferable to employers as training and retraining)

Вид обучения	Процент от количества опрошенных
Образовательные учреждения	18,6
Наставничество	47,5
Повышение квалификации	66,1
Тренинги	52,5
Другое	5,3

*Источник: рассчитано и составлено по данным Российского союза промышленников и предпринимателей совместно с Национальным агентством развития квалификаций.

В целом, проведенный анализ свидетельствует, что компании положительно оценивают опыт организации профессионального обучения и рассматривают возможности повышения финансирования подготовки и переподготовки собственных кадров.

Отдельно можно выделить результаты опроса взаимодействия компаний с государственной системой профессионального образования и оценки ее деятельности.

Согласно модели конкурентоспособности М. Портера [2], успех страны на мировом рынке базируется на 4 детерминантах, одна из которых – условия внутреннего спроса. При условии обеспечения цельной взаимосвязи отечественного бизнеса и отечественной системы высшего образования будут формироваться явные предпосылки для развития конкурентоспособной среды. Важнейшим критерием конкурентоспособности вуза является спрос на его выпускников со стороны крупных работодателей, как со стороны бизнеса, так и со стороны других институциональных структур.

Результат проведенного опроса о качестве подготовки выпускников в образовательных учреждениях показал, что российские компании не дали однозначного ответа для определения уровня их профессиональных знаний и компетенций. Почти половина респондентов с трудом смогли ответить на поставленный вопрос, что свидетельствует о необходимости разработки и введения механизмов эффективного взаимодействия работодателей и

их объединений на содержание и результаты профессиональной подготовки и обучения студентов (табл. 2). К таким механизмам можно отнести разработку профессиональных стандартов, квалификационные требования которых планируется учитывать при формировании федеральных государственных образовательных стандартов, профессионально-общественная аккредитация профессиональных образовательных программ, реализуемых учреждениями сферы образования (табл. 3).

Таблица 2

Оценка профессиональных навыков выпускников (%)*

(Assessment of professional skills of graduates (%))

Варианты ответов	Процент от количества опрошенных работодателей
Полностью не соответствует	12,8
Затрудняюсь ответить	46,2
Скорее не соответствует, чем соответствует	19,6
Скорее соответствует, чем не соответствует	15,4
Полностью соответствует	6

* *Источник:* рассчитано и составлено авторами по данным совместного исследования Российского союза промышленников и предпринимателей и Национального агентства развития квалификаций¹.

Таблица 3

Наличие взаимодействия организаций с образовательными учреждениями (%)*

(Interaction between organizations and educational institutions (%))

Варианты ответов	Процент от количества опрошенных работодателей
Имеет «подшефные» учебные заведения, целенаправленно готовящие выпускников для нашей организации	19,4
Имеем базовые учебные заведения, где принимаем участие в разработке и утверждении учебного плана	15,3
Имеем контакты с образовательными учреждениями, студенты которых проходят производственную практику	37,5
Не имеем контактов с образовательными учреждениями и не планируем дальнейшее сотрудничество	9,7

* *Источник:* рассчитано и составлено авторами по данным совместного исследования Российского союза промышленников и предпринимателей и Национального агентства развития квалификаций².

По результатам опроса, лишь 15,3 % компаний осуществляют мониторинг и разработку учебных планов образовательных учреждений.

Механизмы влияния работодателей и их объединений на содержание и результаты профессионального образования, прописанные в Федеральном законе № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации»³, являются лишь формальными и полностью не решают вопросов по организации и качественной оценке результатов образовательного процесса.

Современные конкурентные условия диктуют нам: либо Россия выходит на мировой отраслевой рынок полноправным участником, либо становится только посредственным потребителем, ничего не предоставляя взамен, отдавая свои лучшие умы в процессе естественного отбора высокоинтеллектуальных кадров [3]. Подобная косвенная вербовка уже повсеместно ведется странами, являющимися лидерами международного образовательного рынка высшего образования.

В настоящее время происходит процесс перехода от товарного капитализма к интеллектуальному. Реализуемые инновационные стратегии давно уже являются решающими факторами экономического роста государств. Достигнув системной генерации образования, науки и производства, образовательная система сможет смело претендовать на достойную нишу глобального образовательного рынка.

Учитывая процессы глобализации и ситуацию на рынке труда, можно предположить, что весь процесс подготовки специалистов, включая его результаты, необходимо рассматривать не только с точки зрения оценки знаний и компетенций, полученных в процессе обучения, но и с точки зрения организации образования, с его инфраструктурой и информационным пространством.

Задача развитого общества сделать образовательную среду в области гармонизации экономических вопросов не только коммерческого предпринимательства, но и социального бизнеса и бизнеса в сфере образования максимально открытой.

¹ URL: <http://www.nark-rspp.ru/> (дата обращения: 10.11.2014)

² Там же.

³ URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 10.11.2014)

⁴ URL: <http://www.nark-rspp.ru/> (дата обращения: 10.11.2014)

На передний план выходит потребность в доступной молодежной образовательной среде нового формата, позволяющей не только приобретать многофункциональные знания и навыки, но и самореализовываться как личности и использовать существующие возможности как на межрегиональном, так и на международном уровне (сейчас понятие «человек мира» тривиальное, но формирование личности, готовой социально и профессионально реализовать себя в любой части земного шара, с наиболее комфортными условиями проживания и осуществления трудовой деятельности, актуально и сейчас). При этом нельзя забывать об экономической составляющей, поскольку доступность качественного образования как понятие, весьма, относительно.

С целью формирования эффективной институциональной площадки для реализации механизмов студенческого социального лифта в настоящее время начали формироваться коммуникационные связи разнообразного формата. В качестве примеров организации экономически эффективных прикладных инновационных площадок молодежной самореализации можно привести набирающие в последние годы популярность студенческие бизнес-инкубаторы, так называемые молодежные лаборатории бизнес-идей, которые на региональном уровне берут часть задач по становлению инновационной экономики на себя.

В качестве одного из инструментов решения поставленной задачи предлагается формирование модели межрегионального и международного образовательного консорциума определенной отраслевой направленности, объединяющей в себе как принципы образовательных кластеров⁵, так и модели сетевого взаимодействия образовательных учреждений на региональном и международном уровне (совместные прикладные научно-исследовательские проекты, непосредственное участие крупнейших игроков рынка в целом комплексе взаимовыгодных услуг).

⁵ Образовательный кластер – совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли.

Поставщики и конечные потребители знаний, расположенные недалеко друг от друга, имеют возможность более просто налаживать контакты, быстро и постоянно обмениваться информацией о потребностях экономики региона, распространять информацию, навыки, технологии, маркетинг, осознавать требования потребителей, непрерывно обмениваться идеями и инновациями [4]. Благодаря реализации кластерного подхода увеличивается скорость формирования и внедрения инноваций, что в результате повышает конкурентоспособность участников кластера.

Организованный образовательный консорциум в сфере различных отраслевых направленностей благодаря объединению усилий ряда профильных вузов разных стран, а также при активной поддержке крупнейших игроков рынка, позволит сделать процесс адаптации индивида, его знаний и его общественной позиции менее ощутимым и существенно снизить расходы на международные образовательные программы.

Предложенная институциональная форма будет способствовать стимулированию снижения трансакционных издержек не только высшего учебного заведения, но и образовательной системы в целом. Достижение такого эффекта обусловлено эффектом масштаба, четкости взаимодействия и разграничения ролей всех групп участников образовательного консорциума, поэтому деятельность в рамках данного консорциума для них экономически эффективна и взаимовыгодна. Благодаря сниженным ценам на проездные билеты и возможности сокращения расходов на доступ к внешним источникам информации и налаживанию коммуникационных связей, и будет достигаться сокращение издержек для участников образовательного консорциума.

Выводы

Посредством образовательного консорциума достигаются следующие цели и задачи:

- новый формат коммуникаций между бизнесом, образовательной средой и потребителями;
- рост взаимовыгодной экономической эффективности;
- комплексная подготовка экспертов отрасли, отвечающих требованиям современного рынка;
- двусторонний образовательный туризм;
- развитие внутреннего рынка.

Для общественно-экономической формации приобретает дополнительный эффект:

1. Содействие укреплению единства многонационального народа РФ (российской нации).
2. Содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений.
3. Содействие этнокультурному многообразию народов России и органичному плавному вовлечению многонациональных традиций и укладов россиян в международное пространство.
4. Содействие формированию толерантных межэтнических и межконфессиональных коммуникаций.
5. Содействие формированию этнотерриториального единства.

В целом, консорциум позволит интегрировать максимальное количество регионов России в образовательную деятельность, сделать доступным массовый образовательный туризм, обеспечив в том числе приток иностранных студентов в Россию за счет удешевления проезда и проживания. Что в свою очередь позволит сформировать

массово-доступную образовательную среду и популяризировать имидж сферы образования РФ для представителей различных конфессий и национальностей.

Список литературы

1. Российский союз промышленников и предпринимателей, Национальное агентство развития квалификаций // Организация профессионального обучения (подготовки, переподготовки и повышения квалификации) кадров в бизнесе. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/8/f/8f06ed8285caf5fc5b2d2e1614b35629.pdf>. (дата обращения: 10.11.2014).
2. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
3. Тимирясова А.В., Воронцова Л.В. Предпосылки выхода российского высшего образования на международный рынок образовательных услуг // Сборник трудов научно-практического семинара «Российское образование в общеевропейском образовательном пространстве». М.: Книжный дом «Университет», 2008. 104 с.
4. Тимирясова А.В., Воронцова Л.В., Хикматов Р.И., Байгильдеев А.В. Формирование стратегии развития кластерных систем региона. Казань: Познание, 2009. 132 с.

В редакцию материал поступил 12.11.14

© Воронцова Л. В., Попова А. Т., 2014

Информация об авторах

Воронцова Лилия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по инновационно-стратегическому развитию, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: vorontsova@ieml.ru

Попова Алина Тимуровна, ассистент, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: apopova@ieml.ru

Как цитировать статью: Воронцова Л.В., Попова А.Т. Эффективный инструментарий для оптимизации процессов развития и укрепления межрегиональных и международных коммуникаций // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 141–146.

L. V. VORONTSOVA,

PhD (Economics), Associate Professor,

A. T. POPOVA,

Assistant Lecturer

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

**EFFICIENT TOOLS FOR OPTIMIZATION OF THE PROCESSES OF DEVELOPING
AND STRENGTHENING INTER-REGIONAL AND INTERNATIONAL COMMUNICATIONS**

Objective: to develop tools to improve the competitiveness of educational institutions.

Methods: dialectical method, abstract logic method and method of observation.

Results: On the basis of statistical data and observations in the sphere of education it was stated that an educational consortium can serve as a mechanism for building and effective development of inter-regional and international communication between business, educational institutions and consumers, which will help to optimize the process of interaction and achieve the maximal socio-economic benefits from the activities of its participants.

Scientific novelty: the fundamental vectors of the international activities development of educational institutions are indicated; the tools for increasing the educational institutions competitiveness are proposed.

Practical value: possibility to implement the developed innovative mechanisms to reduce transaction costs in the education sector and to obtain additional socio-economic effect.

Key words: labor market; competitiveness of educational institutions; social mobility; transaction costs; educational integration; consortium; educational cluster; economy; Russian Federation.

References

1. *Rossiiskii soyuz promyshlennikov i predprinimatelei, Natsional'noe agentstvo razvitiya kvalifikatsii. Organizatsiya professional'nogo obucheniya (podgotovki, perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii) kadrov v biznese* (Russian Union of Industrialists and entrepreneurs, National Agency for Qualifications Development, Organization for professional educational (training, retraining and qualification refreshing) in business), available at: <http://media.rspp.ru/document/1/8/f/8f06ed8285caf5fc5b2d2e1614b35629.pdf>. (accessed: 10.11.2014).

2. Porter, M. *Mezhdunarodnaya konkurentsya. Konkurentnye preimushchestva stran* (International competition. Competitive advantages of countries). Moscow: Mezhdunarodnyeotnosheniya, 1993, 896 p.

3. Timiryasova, A.V., Vorontsova, L.V. *Predposylki vykhoda rossiiskogo vysshego obrazovaniya na mezhdunarodnyi rynek obrazovatel'nykh uslug. Sbornik trudov nauchno-prakticheskogo seminara «Rossiiskoe obrazovanie v obshcheevropeiskom obrazovatel'nom prostranstve»* (Prerequisites of the Russian education joining the international market of educational services). Moscow: Knizhnyidom «Universitet», 2008, 104 p.

4. Timiryasova, A.V., Vorontsova, L.V., Khikmatov, R.I., Baigil'deev, A.V. *Formirovanie strategii razvitiya klasternykh sistem regiona* (Forming the strategy of regional cluster systems development). Kazan': Poznanie, 2009, 132 p.

Received 12.11.14

Information about the authors

Vorontsova Liliya Vladimirovna, PhD (Economics), Associate Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

Popova Alina Timurovna, Assistant Lecturer, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: apopova@ieml.ru

How to cite the article: Vorontsova L.V., Popova A.T. Efficient tools for optimization of the processes of developing and strengthening inter-regional and international communications. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 141–146.

© Vorontsova L. V., Popova A. T., 2014

УДК 338.45:664(470.41)

Р. Е. МАНСУРОВ,*кандидат экономических наук**Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия***О СОСТОЯНИИ САХАРНЫХ ЗАВОДОВ ТАТАРСТАНА
И ПЕРСПЕКТИВАХ ИХ РАЗВИТИЯ**

Цель: показать общее состояние свеклосахарного подкомплекса Республики Татарстан и разработать подходы к повышению эффективности деятельности сахарных заводов республики.

Методы: математического и сопоставительного анализа, экономико-статистические, а также метод локационного треугольника В. Лаунхардта.

Результаты: В статье дана общая оценка состояния свеклосахарного подкомплекса Республики Татарстан, приведены практические рекомендации по повышению эффективности деятельности сахарных заводов республики.

Научная новизна: заключается в применении метода локационного треугольника В. Лаунхардта для определения сырьевых зон сахарных заводов.

Практическая значимость: Практическое применение изложенных в работе рекомендации позволит существенно (на 30–70 %) увеличить прибыльность деятельности сахарных заводов, а также обеспечит создание условий для их дальнейшего развития.

Ключевые слова: состояние сахарных заводов РТ; оценка эффективности сахарных заводов; повышение конкурентоспособности; эффективность свеклосахарного подкомплекса; сельское хозяйство; сырье; государственные дотации; кагатное поле; «Буинский сахарный завод»; «Нурлатский сахар»; «Заинский сахар».

Введение

В настоящее время сахарные заводы Татарстана находятся в непрестом состоянии, обусловленном рядом как внешних, так и внутренних причин. К числу внешних причин стоит отнести сравнительно низкий уровень цен на сахар, общую сложную ситуацию в сельском хозяйстве и связанные с этим проблемы с выращиванием и доставкой сырья, проблемы с кредитным финансированием и государственными дотациями, сравнительно высокий уровень мировых цен на сахар-сырец и высокие ввозные пошлины. В то же время существует и ряд внутренних причин, таких как нехватка производственных мощностей для своевременной переработки сырья, высокая степень износа оборудования, недостаток квалифицированных кадров и др. [1, 2].

В данной ситуации необходим поиск действенных путей повышения экономической эффективности сахарных комбинатов и в настоящей статье предпринята такая попытка. В работе приводится оценка общего состояния сахарных заводов Татарстана в их увязке с сырьевой базой, а также даются рекомендации по повышению эффективности деятельности всего свеклосахарного подкомплекса республики.

Результаты исследования

В настоящее время сахарную свеклу выращивают на полях следующих районов республики (табл. 1).

Таблица 1

Площадь посевов и урожайность сахарной свеклы в районах РТ в 2014 г.¹**(Size of the areas under sugar beet and crop yield in Tatarstan Republic in 2014)**

Район РТ	Площадь посевов сахарной свеклы, га	Урожайность, ц/га
Черемшанский	810	325
Апастовский	2 525	350
Кайбицкий	2 350	350
Буинский	6 778	350
Лениногорский	2 212	328
Сармановский	7 754	280
Нурлатский	6 111	305
Заинский	8 582	354
Тетюшский	2 990	350
Бугульминский	290	350

¹ Оперативная информация о ходе уборки сахарной свеклы в районах Республики Татарстан по состоянию на 22 сентября 2014 г. // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия РТ. URL: agro.tatarstan.ru (дата обращения: 10.10.2014)

Продолжение табл. 1

Район РТ	Площадь посевов сахарной свеклы, га	Урожайность, ц/га
Аксубаевский	3 100	301
Тукаевский	2 462	345
Дрожжановский	1 624	366
Нижнекамский	200	328,8
Чистопольский	500	328,8
Всего по РТ	48 288	

В настоящее время на территории РТ действует 3 сахарных завода^{2, 3}:

ОАО «Буинский сахарный завод» (далее – БСЗ) в Буинске. Его мощность по переработке сахарной свеклы составляет 4 500 тонн в сутки.

ЗАО «Нурлатский сахар» (далее – НС), расположенный в Нурлате. Мощность по переработке сахарной свеклы составляет 1 700 тонн в сутки.

ОАО «Заинский сахар» (далее – ЗС) находится в Заинске. Мощность по переработке сахарной свеклы составляет 7 000 тонн в сутки.

Технологическая схема хранения и доставки на переработку выглядит следующим образом: выкопанную сахарную свеклу сначала хранят в буртах на краю полей, а потом по мере необходимости перевозят на заводские кагатные поля. Очевидно, что тут необходимо минимизировать транспортные затраты и перевозить корнеплоды к близлежащим перерабатывающим мощностям.

Основные районы свеклосеяния должны располагаться в Буинском, Нурлатском и Заинском, а также соседних с ними районах (рис. 1). Таким образом, предлагается закрепить в качестве районов – поставщиков сырья для сахарных комбинатов РТ следующие районы (табл. 2).

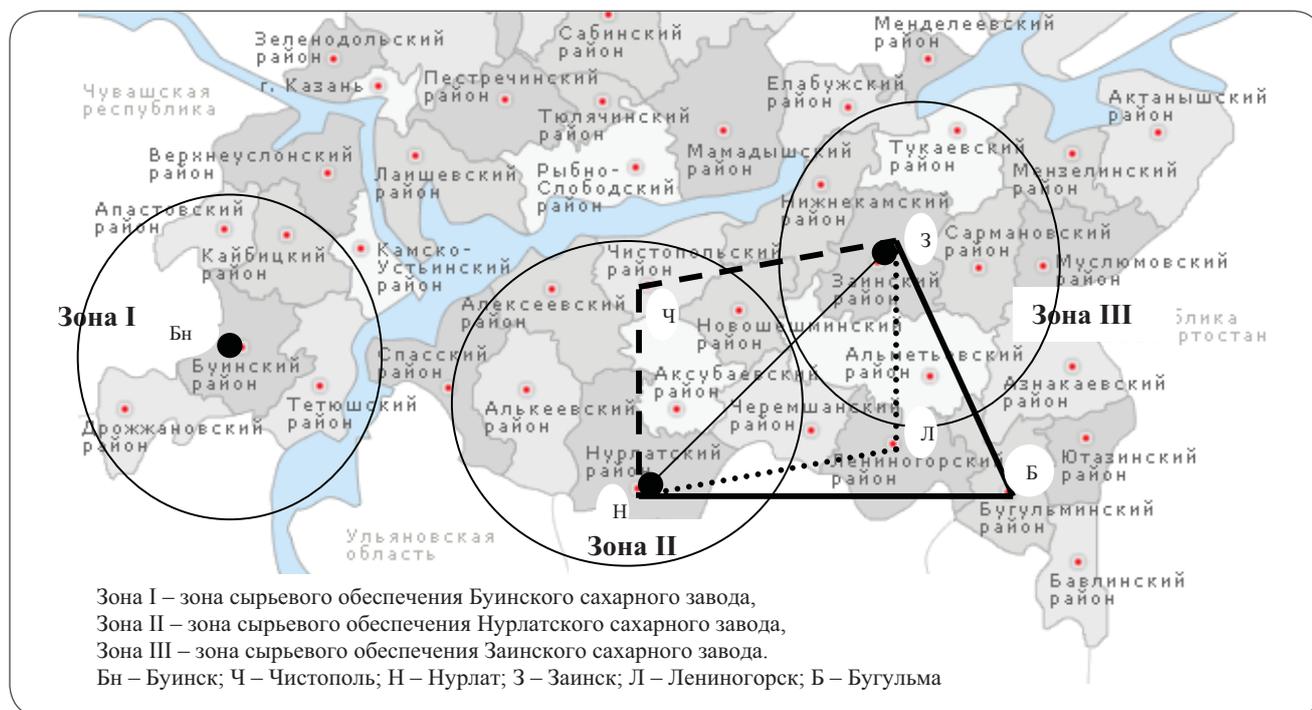

Рис. 1. Районирование площадей возделывания сахарной свеклы в РТ*

(Fig. 1. Zoning of the areas under sugar beet in Tatarstan Republic)

* Источник: составлено автором.

² Сахарные заводы России и стран СНГ // Сайт Союза сахаропроизводителей России. URL: <http://rossahar.ru/Sugar-factories-in-Russia-and-CIS/Russia> (дата обращения: 10.10.2014)

³ Сахарные заводы России по регионам // Информационно-аналитический сайт Saharonline. URL: <http://saharonline.ru/factory.php?id=79> (дата обращения: 10.10.2014)

Таблица 2
Зонирование площади посевов сахарной свеклы
в РТ*

(Zoning of the areas under sugar beet
in Tatarstan Republic)

Район РТ	Площадь посевов сахарной свеклы, га	Урожайность, ц/га
<i>Зона I. Сырьевое обеспечение ОАО «Буинский сахарный завод»</i>		
Буинский	6 778	350
Апастовский	2 525	350
Кайбицкий	2 350	350
Тетюшский	2 990	350
Дрожжановский	1 624	366
<i>Итого по Зоне I</i>	<i>16 267</i>	
<i>Зона II. Сырьевое обеспечение ЗАО «Нурлатский сахар»</i>		
Нурлатский	6 111	305
Алькеевский	–	
Алексеевский	–	
Аксубаевский	3 100	301
Черемшанский	810	325
<i>Итого по Зоне II</i>	<i>1 021</i>	
<i>Зона III. Сырьевое обеспечение ОАО «Заинский сахар»</i>		
Заинский	8 582	354
Нижекамский	200	328,8
Тукаевский	2 462	345
Сармановский	7 754	280
Альметьевский	–	
<i>Итого по Зоне III</i>	<i>18 998</i>	
<i>Районы РТ, выращивающие сахарную свеклу, но не вошедшие в предлагаемые зоны</i>		
Ленингорский	2 212	328
Бугульминский	290	350
Чистопольский	500	328,8
Всего по РТ	48 288	

* Источник: составлено автором.

Анализ представленных данных показывает, что целесообразнее начать возделывать сахарную свеклу в Алькеевском, Алексеевском и Альметьевском районах и отказаться от выращивания или снизить площадь посевов в Ленингорском, Бугульминском и Чистопольском районах из-за чрезмерной удаленности данных территорий от сахарных заводов.

Убранную в текущем году сахарную свеклу необходимо вывозить с полей и отправлять на переработку. Для определения завода, на который наиболее оптимально было бы доставить сырье, используем «Метод локационного треугольника В. Лаунхардта» (рис. 1). Данный метод был разработан для нахождения пункта оптимального размещения отдельного промышленного предприятия относительно источников сырья и рынков сбыта продукции [3]. Применение этого метода обусловлено тем, что нам необходимо определить

оптимальное (с точки зрения транспортных затрат) место доставки сырья на переработку.

На рис. 1 выделены 3 треугольника, вершинами которых являются административные центры Лениногорского, Бугульминского и Чистопольского районов, т. е. центры мест, откуда необходимо вывозить сырье, а две другие вершины – места размещения сахарных заводов. Подробно рассмотрим анализ по данной методике на основе Чистопольского района. Для этого строим треугольник, одной из вершин которого является Чистополь, а две другие вершины – альтернативные точки доставки сырья (г. Заинск и г. Нурлат). Возможность доставки сырья из Чистопольского района на Буинский сахарный завод мы не рассматриваем из-за очевидной удаленности.

Далее составляются 2 уравнения:

$$S_{\text{ч-н}} = L_{\text{ч-н}} \times t, \quad (1)$$

$$S_{\text{ч-з}} = L_{\text{ч-з}} \times t, \quad (2)$$

где $S_{\text{ч-н}}$, $S_{\text{ч-з}}$ – затраты на доставку сырья соответственно из г. Чистополь в г. Нурлат и из г. Чистополь в г. Заинск; $L_{\text{ч-н}}$, $L_{\text{ч-з}}$ – соответственно расстояние от г. Чистополь до г. Нурлат и от г. Чистополь до г. Заинск; t – транспортный тариф (руб./км). Транспортный тариф при перевозке сахарной свеклы автомобилем «КАМАЗ»-самосвал грузоподъемностью 25 тонн составляет 200 руб. км. Расстояние от Чистополя до Нурлата ($L_{\text{ч-н}}$) составляет 124 километра, а расстояние от Чистополя до Заинска ($L_{\text{ч-з}}$) составляет 109 километров. Получается, что транспортные затраты на доставку сырья будут составлять: $S_{\text{ч-н}} = 24,8$ тысяч рублей, $S_{\text{ч-з}} = 21,8$ тысяч рублей. Соответственно $S_{\text{ч-н}} > S_{\text{ч-з}}$. Следовательно, целесообразнее осуществлять доставку сахарной свеклы из Чистопольского района на Заинский сахарный завод.

Аналогично произведем расчеты по Бугульминскому и Ленингорскому районам.

$L_{\text{б-н}} = 180$ километров, $L_{\text{б-з}} = 106$ километров, следовательно $L_{\text{б-н}} = 36$ тысяч рублей, $L_{\text{б-з}} = 21,2$ тысяч рублей $\Rightarrow L_{\text{б-н}} > L_{\text{б-з}}$.

$L_{\text{л-н}} = 152$ километров, $L_{\text{л-з}} = 95$ километров, $L_{\text{л-н}} = 30,4$ тысяч рублей, $L_{\text{л-з}} = 19$ тысяч рублей $\Rightarrow L_{\text{л-н}} > L_{\text{л-з}}$.

Таким образом, целесообразнее осуществлять доставку сахарной свеклы из Бугульминского и Лениногорского районов на Заинский сахарный завод.

Определенным допущением в применении данной методики является то, что в расчет принимается положение районного центра, а не конкретное поле, с которого осуществляется вывоз. Однако в целом это не снижает общей достоверности полученных результатов и сильно сокращает трудоемкость расчетов, что очень важно для принятия управленческих решений.

Предложения по районированию площадей посевов сахарной свеклы в 2014 г. в РТ будут выглядеть следующим образом (табл. 3).

Таблица 3
Зонирование площади посевов сахарной свеклы РТ в 2014 г.*

(Zoning of the areas under sugar beet in Tatarstan Republic in 2014)

Район РТ	Площадь посевов сахарной свеклы, га	Урожайность, ц/га	Прогнозный объем производства товарной сахарной свеклы, тонн
<i>Зона I. Сырьевое обеспечение ОАО «Буинский сахарный завод»</i>			
Буинский	6 778	350	23 7230
Апастовский	2 525	350	88 375
Кайбицкий	2 350	350	82 250
Тетюшский	2 990	350	104 650
Дрожжановский	1 624	366	59 438,4
<i>Итого по Зоне I</i>	<i>16 267</i>		<i>571 943,4</i>
<i>Зона II. Сырьевое обеспечение ЗАО «Нурлатский сахар»</i>			
Нурлатский	6 111	305	186 385,5
Акубаевский	3 100	301	93 310
Черемшанский	810	325	26 325
<i>Итого по Зоне II</i>	<i>10 021</i>		<i>306 020,5</i>
<i>Зона III. Сырьевое обеспечение ОАО «Заинский сахар»</i>			
Заинский	8 582	354	303 802,8
Нижнекамский	200	328,8	6576
Тукаевский	2 462	345	84 939
Сармановский	7 754	280	217 112
Лениногорский	2 212	328	72 553,6
Бугульминский	290	350	10 150
Чистопольский	500	328,8	16 440
<i>Итого по Зоне III</i>	<i>22 000</i>		<i>711 573,4</i>
Всего по РТ	48 288		1 589 537

* Источник: составлено автором.

Сформированные предложения по зонированию площадей посевов сахарной свеклы РТ учитывают только фактор близости к сахарным заводам и направлены на снижение транспортных затрат. Прочие организационно-производственные факторы в данной работе не рассматриваются, так как основной целью работы является прогноз деятельности сахарных заводов РТ на сезон сахароварения 2014–2015 гг., а также поиск путей повышения их эффективности.

Далее рассчитаем прогнозный объем производства товарной сахарной свеклы, перемножив площадь посевов на урожайность. Результаты представлены в табл. 3.

Получается, что в сезон сахароварения 2014–2015 гг. на Буинский сахарный завод будет поставлено 572 тысяч тонн сахарной свеклы, на Нурлатский сахарный завод – 306 тысяч тонн и на Заинский сахарный завод – 712 тысяч тонн. За вычетом потерь свеклы при хранении и транспортировке (около 3,2 %, что соответствует среднеотраслевому уровню) получается, что на переработку поступит в:

- Буинский сахарный завод – 554 тысяч тонн,
- Нурлатский сахарный завод – 296 тысяч тонн,
- Заинский сахарный завод – 689 тысяч тонн.

Из такого количества сырья в среднем можно произвести следующий объем сахара-песка при среднем выходе сахара-песка, равном 14 % (среднеотраслевой уровень):

- Буинский сахарный завод – 78 тысяч тонн,
- Нурлатский сахарный завод – 41 тысяч тонн,
- Заинский сахарный завод – 96 тысяч тонн.

В целом по республике получается 215 тысяч тонн. Это полностью покрывает годовую потребность в сахаре-песке, которая составляет порядка 150 тысяч тонн в год.

Далее сформируем и проведем анализ основных прогнозных технико-экономических показателей деятельности сахарных заводов республики в 2014 г. (табл. 4).

В 2014 г. нами прогнозируются хорошие результаты деятельности сахарных заводов республики, а также получение прибыли от деятельности ожидается всех сахаропроизводителей Татарстана. Рентабельность продукции в среднем должна составить 11 %.

Однако следует обратить внимание на сравнительно небольшую прогнозную продолжительность сахароварения на Буинском сахарном заводе (123 суток) и Заинском сахаре (98 суток). Так, для сравнения в 2005–2007 гг. на БСЗ продолжительность сахароварения составляла около 166 суток. Такая продолжительность сахароварения могла бы существенно улучшить экономические показатели деятельности заводов и создать условия для их дальнейшего технического перевооружения. Расчеты показывают, что если бы БСЗ работал в сезоне сахароварения 2014–2015 гг. 166 суток вместо прогнозируемых 123, то:

Таблица 4

Основные прогнозные технико-экономические показатели деятельности сахарных заводов РТ в 2014 г.**

(Basic prognostic technical-economic indicators of sugar plants' activity in Tatarstan in 2014)

Показатели**	Заводы			Всего по РТ
	БСЗ	НС	ЗС	
<i>Показатели состояния зоны свеклосеяния</i>				
Площадь посева, тыс. га	16,3	10	22	48,3
Урожайность, ц/га	351	306	324	328,8
Объем производства товарной сахарной свеклы, тыс. т	572	306	712	1 590
Оптовая реализационная цена сахарной свеклы, руб./т	1 415	1 415	1 415	1 415
<i>Показатели деятельности завода</i>				
Потери свеклы при хранении и транспортировке, %	3,2	3,2	3,2	3,2
Потери свеклы при хранении и транспортировке, тыс. т	18	10	23	51
Свекла к переработке за вычетом потерь, тыс. т	554	296	689	1539
Выход сахара-песка, %	14	14	14	14
Объем производства сахара-песка, тыс. т	78	41	96	215
Среднесуточная мощность по переработке сахарной свеклы, тыс. т	4,5	1,7	7	
Среднесуточная производительность, тыс. т	0,63	0,238	0,98	
Продолжительность сахароварения, суток	123	174	98	
Объем производства товарной продукции, млн руб.	1 705,4	912,3	2 122,8	4 740,5
Затраты на производство, млн руб.	1 550,3	870,9	1 833,3	4 254,5
Себестоимость производства сахара-песка, руб./т	20 000	21 000	19 000	
Оптовая реализационная цена сахара-песка, руб/т	22 000	22 000	22 000	22 000
Рентабельность продукции, %	10	5	16	11
Чистая прибыль (+), убыток (-), млн руб.	155,0	41,5	289,5	486,0

* Источник: составлено автором.

** – ряд показателей, выделенных курсивом, был получен расчетным путем, что связано с закрытостью информации для общего пользования.

– объем производства сахара-песка вырос бы на 27,1 тысяч тонн;

– объем производства товарной продукции вырос бы на 595 млн рублей;

– рост прибыли составил бы 54 млн рублей или 35 %.

Если бы ЗС работал в сезоне сахароварения 2014–2015 гг. 166 суток вместо прогнозируемых 98 суток, то:

– объем производства сахара-песка вырос бы на 66 тысяч тонн;

– объем производства товарной продукции вырос бы на 1456 млн рублей;

– рост прибыли составил бы 199 млн рублей или 69 %.

Таким образом, столь внушительного повышения прибыльности изучаемых сахарных заводов возможно достичь за счет повышения загрузки оборудования, однако для этого необходимо увеличение площади посевов в Зоне I (Сырьевое обеспечение ОАО «Буинский сахарный завод») и Зоне III (Сырьевое обеспечение ОАО «Заинский сахар»). Также для увеличения сырьевой базы Заинского сахарного завода необходимо возобновить посадки сахарной свеклы в Альметьевском районе.

Выводы

Можно сделать вывод о позитивных перспективах развития сахарных заводов Республики Татарстан. По итогам работы в 2014 г. прогнозируются достижение прибыльности у всех производителей, уровень рентабельности – на уровне 11 %, что находится в пределах среднеотраслевого уровня, но все же является достаточно низким.

Иными словами, республика должна полностью обеспечить себя сахаром-песком. Прогнозируемый объем производства составляет 214 тысяч тонн, при годовой потребности порядка 150 тысяч тонн.

В качестве рекомендаций по повышению эффективности деятельности трех действующих сахарных заводов следует выделить:

1. Необходимость увеличения площади посевов и урожайность в выделенных трех зонах сырьевого обеспечения заводов.

2. Целесообразность возделывание сахарной свеклы в Алькеевском и Алексеевском районах для увеличения сырьевого обеспечения в Зоне II завода ЗАО «Нурлатский сахар».

3. Целесообразность возделывание сахарной свеклы в Альметьевском районе с целью увели-

чения сырьевого обеспечения в Зоне III завода ОАО «Заинский сахар».

4. Возможность отказа от выращивания сахарной свеклы или снизить площадь посевов в Лениногорском, Бугульминском и Чистопольском районах вследствие их чрезмерной удаленности от сахарных заводов.

При реализации рекомендуемых мероприятий, направленных на увеличение сырьевой базы заводов, вырастет прибыльность Буинского сахарного завода и Заинского сахарного завода за счет увеличения загрузки оборудования.

Список литературы

1. Тупикова О.А. Перспективы развития свеклосахарного подкомплекса России в условиях модернизации производства и международной интеграции // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 93 (09). С. 10–25.
2. Зимняков В.Н., Сергеев А.Ю. Модернизация агропромышленного производства // Нива Поволжья. 2012. № 4 (25). С. 12–16.
3. Югова Д.И. Экономические основы логистики. Екатеринбург: УрГУПС, 2012. 240 с.

В редакцию материал поступил: 24.09.14

© Мансуров Р. Е., 2014

Информация об авторе

Мансуров Руслан Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и экономики, директор Зеленодольского филиала, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 422544, г. Зеленодольск, ул. Рогачева, 4, тел.: (84371) 5-11-83
E-mail: Russell_1@mail.ru

Как цитировать статью: Мансуров Р.Е. О состоянии сахарных заводов Татарстана и перспективах их развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 147–152.

R. E. MANSUROV,

PhD (Economics)

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ON THE CONDITION OF SUGAR PLANTS IN TATARSTAN AND PROSPECTS OF THEIR DEVELOPMENT

Objective: to show the overall state of sugar-producing sector in Tatarstan Republic and elaborate approaches to increase efficiency of the sugar plants in the Republic.

Methods: mathematical and comparative analysis, economical-statistical methods, as well the method of Launhardt location triangle.

Results: The article gives the general evaluation of sugar-producing sector of Tatarstan Republic, and gives practical recommendations for increasing the sugar plants efficiency.

Scientific novelty: using the Launhardt location triangle to determine the raw material zones of sugar plants.

Practical value: The practical implementation of the recommendations listed in the article will allow to significantly (by 30–70 %) increase the profitability of sugar plants, and provide conditions for their further development.

Key words: condition of sugar plants in Tatarstan; evaluation of sugar plants efficiency; increasing the competitiveness of sugar plants; sugar plants efficiency; agriculture; raw materials; state donations; beet pile field; “Buinsk sugar plant”; “Nurlat sugar”; “Zainsk sugar”.

References

1. Tupikova, O.A. Perspektivy razvitiya sveklosakharnogo podkompleksa Rossii v usloviyakh modernizatsii proizvodstva i mezhdunarodnoi integratsii (Prospects of the Russian sugar-producing sector development under production modernization and international integration). *Nauchnyi zhurnal KubGAU*, 2013, no. 93 (09), pp. 10–25.
2. Zimnyakov, V.N., Sergeev, A. Yu. Modernizatsiya agropromyshlennogo proizvodstva (Modernization of agricultural-industrial production). *Niva Povolzh'ya*, 2012, no. 4 (25), pp. 12–16.
3. Yugova, D.I. *Ekonomicheskie osnovy logistiki* (Economic bases of logistics). Ekaterinburg: UrGUPS, 2012, 240 p.

Received 24.09.14

Information about the author

Manсуров Руслан Евгеньевич, PhD (Economics), Director of Zelenodolsk branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Associate Professor of the Chair of Marketing and Economics, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 4 Rogachev Str., 4225446 Zelenodolsk, tel.: (84371) 5-11-83
E-mail: Russell_1@mail.ru

How to cite the article: Mansurov R.E. On the condition of sugar plants in Tatarstan and prospects of their development. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32). pp. 147–152.

© Mansurov R. E., 2014

УДК 332.12

В. Ю. МАСЛИХИНА,

кандидат экономических наук, доцент

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНОВ РОССИИ

Цель: оценка воздействия региональных институтов развития на региональное экономическое пространство России.

Методы: корреляционный анализ.

Результаты: исследована динамика формирования и особенности пространственного размещения региональных институтов развития в России. Выявлены субъекты Российской Федерации, являющиеся лидерами по качеству институтов развития и по объему привлеченных через них средств в экономику. Определена эффективность региональных институтов развития на основе оценки их влияния на экономический рост в федеральных округах и по России в целом.

Научная новизна: Определено совокупное влияние всех региональных, а также отдельных региональных институтов развития (региональных фондов содействия развитию малого и среднего бизнеса, региональных венчурных фондов, корпораций развития, ипотеки, особых экономических зон) на региональные экономики России в разрезе федеральных округов.

Практическая значимость: Результаты исследования по оценке эффективности региональных институтов развития могут быть востребованы исполнительными органами власти для принятия эффективных управленческих решений в области инвестиционной деятельности на региональном уровне.

Ключевые слова: региональное развитие; институт; федеральные институты развития; региональные институты развития; экономика регионов; публично-частное партнерство; венчурный фонд; особая экономическая зона; технопарк.

Введение

Развитие регионов России характеризуется разными темпами экономического роста, что является одним из факторов межрегиональной дифференциации. Почему отдельные регионы демонстрируют быстрый экономический рост, а другие регионы пребывают в стагнации? Какие факторы могут ускорить экономическое развитие, а какие факторы вызывают замедление экономического роста? Все эти вопросы являются актуальными для России. В данном контексте институты развития рассматриваются как инструменты государственной региональной политики, нацеленной на обеспечение устойчивого роста и снижение межрегиональной дифференциации [1].

Институты развития – это организационно-экономические структуры, занимающиеся распределением ресурсов в проекты, формирующие высокий экономический потенциал путем инвестирования в социальную и производственно-технологическую инфраструктуру, в создание инновационных продуктов и технологий, в развитие высокотехнологичных секторов экономики

с привлечением частного капитала на принципах публично-частного партнерства. В России институты развития активно используются как инструменты государственной региональной политики, которая сфокусирована: 1) на использовании конкурентных преимуществ регионов и концепции «точек роста» посредством точечного инвестирования региональных проектов; 2) на снижении межрегионального неравенства за счет реализации региональных инфраструктурных проектов и поддержки малого и среднего предпринимательства во всех регионах России. Таким образом, институты развития должны положительно влиять на динамику социально-экономического развития регионов и межрегиональное неравенство, как это происходит во всем мире [2, 3, 4, 5]. Тем не менее в России, вероятно, институты развития, особенно на региональном уровне, проявляют себя слабо, интенсивно развиваясь только в последнее десятилетие.

Институты развития относятся к особым инструментам государственного регулирования экономики и обладают некоторыми отличитель-

ными особенностями. Ю. А. Ковальчук отмечает, что институт развития «... представляет собой независимый институт, действующий на основе самокупаемости (как частный) и имеющий государственную финансовую и нефинансовую поддержку» [6]; призван оказывать помощь в развитии частного бизнеса, не являясь коммерческой организацией; конкурирует с частными банками за предоставление кредитов, используя государственный ресурсы; является катализатором для привлечения частных инвестиций за счет снижения транзакционных издержек.

Формирование институтов развития в России началось еще в 90-е годы XX в. Начиная с 2005 г., этот процесс активизировался: было инициировано создание нескольких крупнейших институтов развития на федеральном уровне. На сегодняшний день по оценкам экспертов в России имеется более 200 институтов развития всех известных видов. К крупнейшим федеральным институтам развития относятся госкорпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», Инвестиционный фонд Российской Федерации, ОАО «Российская венчурная компания», Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере, Некоммерческая организация Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»), ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», ОАО «Особые экономические зоны».

Обобщая целевые задачи, стоящие перед федеральными институтами развития, можно выделить несколько основных направлений их деятельности: поддержка инфраструктурных и инновационных проектов, малого и среднего бизнеса, локальных проектов по развитию инфраструктуры для обеспечения региональных конкурентных преимуществ, а также продвижение продукции на внешние рынки.

Институты развития влияют на уровень инвестиций в физический и человеческий капитал, в развитие новых технологий, создают стимулы для развития и роста субъектов экономической деятельности. В связи с этим представляется целесообразным совершенствовать региональные институты развития и филиалы федеральных

институтов развития, локализованные в субъектах Российской Федерации и федеральных округах: региональные инвестиционные и венчурные фонды, особые экономические зоны, технопарки, бизнес-инкубаторы, транспортно-логистические центры, региональные фонды поддержки малого и среднего бизнеса, региональные корпорации и агентства развития и т. п. Региональные институты развития обеспечивают прямое участие регионов и транспарентность при принятии решения о выборе проектов для инвестирования с учетом региональных интересов, снижение транзакционных издержек инвесторов посредством эффективного сопровождения проектов со стороны региональных властей. В начале 2011 г. совокупный капитал российских институтов развития составил колоссальную сумму – около 1,2 трлн рублей¹, из них только 7 % средств приходилось на такие институты развития регионального уровня, как региональные венчурные фонды, региональные фонды поддержки малого и среднего бизнеса, региональные корпорации развития, региональные ипотечные фонды и особые экономические зоны. Обращает на себя внимание неравномерность распределения средств институтов развития регионального уровня по субъектам Российской Федерации (по данным 2011 г.). В 17 регионах средства региональных институтов развития превысили сумму в 1 млрд рублей. Лидерами по объемам привлеченных средств институтами развития в размере более 5 млрд рублей являются Республика Татарстан, Московская, Липецкая, Калужская области и город Москва. Средства региональных фондов развития в основном сосредоточены в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах (соответственно их доля составляет 32,2 %, 27 % и 17 % от совокупных средств институтов развития на уровне региона) (табл. 1). Данные табл. 1 показывают, что только в Приволжском и Сибирском округах доля аккумулированных средств институтами развития превышает доли регионов в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП), в остальных округах этот показатель ниже. Внутри округов

¹ Российские институты развития: региональный аспект. URL: http://www.raexpert.ru/editions/bulletin/inst_razvitiya.pdf (дата обращения: 15.05.2014)

распределение средств институтов развития также неравномерно, например: в Приволжском федеральном округе только на Татарстан приходится 14 % средств от всего объема привлеченных средств институтами развития на уровне региона, в Сибирском округе Красноярский край сконцентрировал 5,4 % средств от совокупного объема средств региональных институтов развития.

Таблица 1
Распределение средств региональных институтов развития по федеральным округам России в 2011 г.*

(Distribution of the funds of regional development institutions by federal districts in 2011)

Федеральный округ	Удельный вес округа в совокупных средствах региональных институтов развития, %	Удельный вес округа в ВВП в 2010 г., %
Центральный	32,2	35,7
Приволжский	27	15,1
Сибирский	17	11
Северо-Западный	8,3	10,4
Дальневосточный	5,5	5,6
Уральский	4,8	13,6
Южный	3,9	6,2
Северо-Кавказский	1,3	2,4

* *Источник:* составлено и рассчитано автором по официальным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и рейтингового агентства «Эксперт РА»².

Результаты исследования

Наибольший удельный вес средств, привлеченных через институты развития, приходится на особые экономические зоны. Особая экономическая зона (далее – ОЭЗ) – это часть территории субъекта или субъектов РФ со специальным юридическим статусом, обладающая налоговыми льготами и таможенными преференциями, что снижает издержки инвесторов по сравнению со среднероссийскими на треть. В России имеются особые экономические зоны четырех типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и логистические (табл. 2). Объем частных инвестиций в ОЭЗ составил 0,8 рубля на 1 рубль вложенных государственных средств, что свидетельствует о неэффективности ОЭЗ.

² URL: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 26.09.2014)

Наиболее успешными можно назвать промышленно-производственные особые экономические зоны в Липецкой области и Республике Татарстан, решение о создании которых было принято в 2005. В ОЭЗ «Алабуга» с 2006 г. инвестировано 58 млрд рублей, произведено продукции в 2013 г. на 30 млрд рублей; в ОЭЗ «Липецк» с 2006 г. инвестировано более 23 млрд рублей, произведено продукции на 20 млрд рублей. В ОЭЗ «Алабуга» и «Липецк» частные вложения превышают более чем в 2 раза государственные инвестиции.

Таблица 2
Особые экономические зоны на территории Российской Федерации*
(Special economic zones in the Russian Federation)

Типы особых экономических зон	Особая экономическая зона	Субъект Российской Федерации
Промышленно-производственные	«Алабуга» «Липецк» «Тольятти» «Титановая долина» «Моглино» «Людиново»	Республика Татарстан Липецкая область Самарская область Свердловская область Псковская область Калужская область
Технико-внедренческие	«Зеленоград» «Дубна» «Санкт-Петербург» «Томск» «Иннополис»	Московская область Московская область Санкт-Петербург Томская область Республика Татарстан
Туристско-рекреационные	«Долина Алтая» «Байкальская гавань» «Бирюзовая Катунь» «Ворота Байкала»	Республика Алтай Республика Бурятия Алтайский край Иркутская область
Логистические (портовые)	«Ульяновск» «Советская Гавань»	Ульяновская область Хабаровский край

* *Источник:* составлено автором на основе официальных данных ОАО «Особые экономические зоны»³.

В бюджет от ОЭЗ поступило 8,3 млрд рублей в виде налогов, в том числе 6 млрд. рублей от промышленно-производственных ОЭЗ (преимущественно из Республики Татарстан и Липецкой области) и 2,2 млрд рублей – от технико-внедренческих ОЭЗ. Туристические и портовые ОЭЗ практически не работали, кроме ОЭЗ «Бирюзовая Катунь» и «Ульяновск». Объем предоставленных резидентам ОЭЗ налоговых льгот и таможенных преференций составил 6,5 млрд рублей (78 % от объема налоговых поступлений от ОЭЗ в бюджет). Объем выручки от продажи продукции по

³ URL: <http://www.russez.ru> (дата обращения: 26.09.2014)

Таблица 3

Распределение объемов ипотечного кредитования по федеральным округам в 2013 г.***(Distribution of the volumes of mortgage crediting by federal districts in 2013)**

Федеральный округ	Доля региона в общем объеме выданных кредитов, накопленным итогом с начала года, %	Удельный вес округа в ВВП в 2012 г., %
Центральный	29,8	34,9
Приволжский	19,5	15,8
Сибирский	13,8	10,3
Северо-Западный	11,1	10,5
Уральский	12,3	14,2
Южный	6,7	6,3
Дальневосточный	4,8	5,4
Северо-Кавказский	2	2,4

* *Источник:* составлено и рассчитано автором по официальным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и ОАО «Агентства по ипотечному жилищному кредитованию»⁵.

За период 2006–2013 гг. в России было основано 22 региональных венчурных фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере объемом 8,94 млрд рублей, которые предоставляют инвестиции в виде вклада в акционерный или уставный капитал компаний, производящих высокотехнологичную продукцию. К самым крупным относятся региональные венчурные фонды города Москвы, Краснодарского края, республик Татарстан и Мордовия с размером фондов 800 млн рублей и выше, причем в Республике Татарстан имеется 2 фонда общим объемом 1,1 млрд рублей.

Корпорации развития – важнейшие региональные институты развития, целью которых является привлечение инвестиций в регион и повышение его инвестиционной привлекательности за счет эффективного взаимодействия органов исполнительной власти и бизнес-структур. Обычно корпорации развития создаются в форме открытых акционерных обществ, учрежденных органами власти региона. В России созданы корпорации развития макрорегионов, например: корпорации развития Среднего Урала, Северного Кавказа. Большую известность в России получила корпорация развития Калужской области

⁵ URL: <http://www.ahml.ru> (дата обращения: 26.09.2014)

состоянию на 1 января 2013 г. составил 56,8 млрд рублей, в том числе: на промышленно-производственные ОЭЗ приходится 80 % общего объема выручки; на технико-внедренческие ОЭЗ – 19,6 % общего объема выручки; на туристско-рекреационные ОЭЗ – 0,4 % общего объема выручки. В Татарстане, Липецкой, Московской областях и городах Москва и Санкт-Петербург доля рабочих мест в ОЭЗ по отношению к численности экономически активного населения региона увеличивается. Счетная палата, проведя аудит эффективности использования государственных средств, направленных на создание и развитие особых экономических зон, за 2006–2012 гг. оценивает деятельность ОЭЗ промышленно-производственного и технико-внедренческого типа как условно-эффективную, а остальных ОЭЗ – как неэффективную⁴.

Особый интерес для решения социальных проблем населения региона вызывает ипотека. Региональные фонды ипотечного кредитования являются региональными операторами по реализации федеральной ипотечной программы по стандартам Агентства по ипотечному жилищному кредитованию. Региональные операторы реализуют специальные ипотечные программы для владельцев материнского капитала, бюджетников, молодых семей с пониженной ставкой (до 7–8,5 % годовых), а также предоставляют субсидии льготным категориям граждан. Объем выданных ипотечных кредитов в год за период с 2010 по 2013 гг. вырос с 376 до 1354 млрд рублей. Рефинансируется 3,5 % ипотечных кредитов. Наблюдается сильная корреляция между объемом ипотечного кредитования и вводом жилья по регионам России на основе данных 2013 г. (коэффициент корреляции равен 0,78). Распределение объемов ипотечного кредитования по округам достаточно равномерно, практически повторяет структуру ВВП по округам (табл. 3).

⁴ Бюллетень Счетной палаты № 3 (март) 2014 г. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных средств, направленных на создание и развитие особых экономических зон». URL: http://audit.gov.ru/activities/bulleten/755/16710/?sphrase_id=190357 (дата обращения: 26.09.2014)

с уставным капиталом в 2,8 млрд рублей, созданная в 2007 г. Корпорации удалось привлечь автомобильные концерны – «Volkswagen AG», «Volvo Truck Corporation», «PSA Peugeot Citroen» и «Mitsubishi Motors Corporation» на территорию региона. Для этого корпорация занималась формированием и развитием инфраструктуры: подготовкой земельных участков к строительству, подведением к ним инженерной и транспортной инфраструктуры, передачей энергетических мощностей инвесторам, развитием технопарков. Неслучайно Калужская область занимает первое место в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в регионах. Кроме корпораций развития, на региональном пространстве действуют агентства регионального развития (или агентства инвестиционного развития), задачей которых является координация деятельности всех институтов развития для активизации инвестиционной деятельности в регионе и создания благоприятной бизнес-среды [7]. В 2013 г. во всех регионах внедрялся Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе, предусматривающий в каждом регионе создание институтов развития по привлечению инвестиций [8]. На 1 марта 2014 г. в 56 регионах работают специализированные организации в виде корпораций развития и (или) агентств инвестиционного развития, в 15 регионах инициированы процессы по их созданию. Важный этап развития и становления региональных институтов развития – создание в России Ассоциации региональных инвестиционных агентств, партнером которой выступает Всемирная Ассоциация инвестиционных агентств (далее – WAIPA). Ассоциация обеспечит эффективное взаимодействие и обмен опытом между региональными агентствами, формирование привлекательного имиджа региона на международном уровне, а также привлечение прямых иностранных инвестиций в регионы посредством WAIPA.

Такие институты развития, как фонды поддержки малого и среднего бизнеса, созданы во всех регионах. Они оказывают финансово-кредитное обеспечение инициатив субъектов малого и среднего предпринимательства, участвуют в формировании инфраструктуры, защищают интересы субъектов малого и среднего бизнеса в

государственных органах власти. Существенная деятельность таких фондов заключается в финансовой поддержке малого бизнеса.

Качество региональных институтов развития во многом определяется эффективным взаимодействием и поддержкой со стороны органов исполнительной власти регионов. В 62 регионах функционирует канал прямой связи инвесторов с руководителями субъектов РФ, в 9 регионах ведется работа по его формированию. Для снижения трансакционных издержек инвесторов в 41 регионе осуществляется сопровождение инвестиционных проектов в режиме «одного окна» с привлечением кураторов из органов власти, в 30 субъектах такой режим планируется ввести в ближайшие месяцы.

Статистическая информация по институтам развития на региональном уровне весьма фрагментарна по различным регионам и отсутствует в полном объеме по всем субъектам РФ, поэтому не может дать целостной картины о влиянии конкретного института развития на региональную экономику. В связи с этим для исследования на основе корреляционного анализа был выбран ряд региональных институтов развития, базы данных за 2010 г., по которым имеются в полном объеме по всем субъектам РФ. При анализе были использованы базы данных рейтингового агентства «Эксперт РА»⁶ по 5 региональным институтам развития, к которым относятся региональные фонды содействия развитию малого и среднего бизнеса, региональные венчурные фонды, корпорации развития, ипотечные фонды, особые экономические зоны.

Оценим влияние выбранных региональных институтов развития на региональные экономики в целом, а не на отдельные экономические показатели. Обобщающей характеристикой экономического регионального развития, безусловно, является валовой региональный продукт (далее – ВРП). Наиболее развитые регионы всегда показывают наиболее динамичное развитие в силу имеющегося потенциала и демонстрируют самые высокие показатели по ВРП и душевому ВРП. В силу этого обстоятельства целесообразно вместо абсолютных показателей регионального развития рассматривать прирост ВРП, который отражает изменение ВРП в зависимости от достигнутого уровня в прошлом периоде.

⁶ URL: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 26.09.2014)

Таблица 4

Влияние региональных институтов развития на экономическое развитие регионов России*
(Influence of the regional development institutions on the economic development of the Russian regions)

Показатели 2010 г.	Коэффициент корреляции между индексом физического объема ВРП в 2011 г. в постоянных ценах в процентах к предыдущему году и показателем								
	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФФО
Совокупный капитал региональных институтов развития в 2010 г.	0,013	0,033	0,395	0,357	0,033	-0,236	0,712	0,011	0,421
Средства региональных фондов содействия развитию малого и среднего бизнеса	0,004	-0,283	0,396	0,517	0,224	-0,089	0,649	0,456	0,593
Средства региональных венчурных фондов	0,165	0,380	0,398	0,268	-	0,018	0,765	0,542	-
Средства корпораций развития	0,015	0,120	-	-	-	-	-	0,162	0,315
Ипотечное кредитование	-0,002	-0,301	0,433	0,412	-0,213	-0,297	0,680	-0,127	0,407
Инвестиции в особые экономические зоны	-0,013	-0,248	0,320	-	0,106	-0,220	-	-0,201	-

* Источник: коэффициенты корреляции рассчитаны автором по официальным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и рейтингового агентства «Эксперт РА»⁹.

В некоторых федеральных округах роль региональных институтов развития заметна. В Северо-Западном, Южном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах совокупное воздействие всех региональных институтов развития ощутимо (коэффициенты корреляции, соответственно, 0,395, 0,357, 0,712, 0,421). Кроме того, все функционирующие институты развития в этих округах оказывают заметное влияние на региональное развитие. Особенно выделяется Уральский федеральный округ с наиболее эффективно работающими институтами развития (самые высокие коэффициенты корреляции по всем параметрам).

В число рассматриваемых факторов были включены: прирост ВРП, совокупный капитал региональных институтов развития, средства региональных фондов содействия развитию малого и среднего бизнеса, средства региональных венчурных фондов, средства корпораций развития, средства ипотечных фондов, инвестиции в особые экономические зоны. Необходимо учитывать некоторое временное запаздывание в воздействии региональных институтов развития на прирост ВРП, в связи с этим показатели институтов развития взяты за 2010 г., а прирост ВРП в процентах к предыдущему году берется за 2011 г.

Информационную основу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ⁷ и рейтингового агентства «Эксперт РА»⁸. В анализ включены 83 субъекта Российской Федерации в разрезе 8 федеральных округов.

Результаты корреляционного анализа по исследованию влияния рассматриваемых факторов на экономическое развитие регионов представлены в табл. 4. Принимая во внимание масштабы России и многообразие региональных условий развития, влияние институтов развития анализировалось в целом по всем регионам России и в разрезе ее федеральных округов, имеющих сходные географические и социально-экономические условия.

В целом, в России влияние региональных институтов развития на экономическое пространство пока не ощущается (коэффициент корреляции между совокупным капиталом региональных институтов развития и приростом ВРП равен 0,013). Несколько более ощутимые результаты дает анализ влияния отдельных институтов развития на региональные экономики России, в частности, выявлено воздействие региональных венчурных фондов (коэффициент корреляции 0,165). Воздействие регионального фонда содействия малому и среднему бизнесу и корпораций развития малозначимо, влияние ипотеки и особых экономических зон неясно, так как коэффициенты корреляции – отрицательные.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.05.2014)

⁸ Российские институты развития: региональный аспект. URL: http://www.raexpert.ru/editions/bulletin/inst_razvitiya.pdf (дата обращения: 15.05.2014)

⁹ URL: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 26.09.2014)

В Центральном федеральном округе хорошо проявили себя региональные венчурные фонды и корпорации развития, однако не проявляются ипотека, особые экономические зоны и фонды поддержки малого и среднего бизнеса. В Северо-Кавказском федеральном округе не проявила себя ипотека, заметно слабое влияние фондов поддержки малого и среднего бизнеса и особых экономических зон. В Сибирском федеральном округе имеется влияние фондов поддержки малого и среднего бизнеса, венчурных фондов, корпораций развития и нет эффекта от ипотеки и особых экономических зон. В Приволжском федеральном округе, кроме Республики Татарстан, институты развития неэффективны.

Выводы

Анализ деятельности региональных институтов развития и их влияния на региональное развитие приводит к следующим выводам:

1. В целом по России влияние институтов развития на региональные экономики практически не чувствуется. Из всех институтов развития только влияние региональных венчурных фондов ощущается на российском региональном пространстве. Ожидаемый синергетический эффект от совокупного воздействия на региональные экономики имеющих в них институтов развития, по-видимому, будет получен только через несколько лет.

2. Эффективность деятельности региональных институтов развития неодинакова по регионам России. Наибольшее влияние институты развития имеют в четырех федеральных округах – Северо-Западном, Южном, Уральском и Дальневосточном. В меньшей мере роль институтов развития

проявилась в Центральном, Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах. В Приволжском федеральном округе институты развития себя почти не проявили, за исключением Республики Татарстан.

3. Дальнейшее развитие региональных институтов развития предполагает всестороннюю поддержку со стороны органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации.

Список литературы

1. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 9–18.
2. North D.C. Institutions and the process of economic change // Management International. 2005. No. 9 (3). Pp. 1–7.
3. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. No. 9 (2). Pp. 131–165.
4. Williamson O.E. The institutions and governance of economic development and reform. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/1995/03/697591/institutions-governance-economic-development-reform> (дата обращения: 20.09.2014).
5. Keune M. Regions, regional institutions and regional development // SEED Working Paper. 2001. No. 16. 41 p.
6. Ковальчук Ю.А. О роли институтов развития в управлении инвестиционным потенциалом модернизации промышленности // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 38–42.
7. Полтерович В. М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 4 (55). С. 17–29.
8. Государственная поддержка инвестиционной деятельности на субфедеральном уровне: монография / В.Ю. Маслихина, Н.И. Ларионова, С.В. Краснова и др.; под общ. ред. Н.И. Ларионовой и В.Ю. Маслихиной. М.: Перо, 2014. 194 с.

В редакцию материал поступил 13.08.14

© Маслихина В. Ю., 2014

Информация об авторе

Маслихина Вероника Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и права, Поволжский государственный технологический университет
 Адрес: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, тел.: (8362) 68-68-11
 E-mail: maslihina_nika@mail.ru

Как цитировать статью: Маслихина В.Ю. Роль и влияние региональных институтов развития на экономику регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 153–160.

V. YU. MASLIKHINA,

PhD (Economics), Associate Professor

Volga State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia

**THE ROLE AND INFLUENCE OF REGIONAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS
ON THE ECONOMY OF THE RUSSIAN REGIONS**

Objective: to assess the influence of regional development institutions on the economy of the Russian regions.

Methods: correlation analysis.

Results: the dynamics of forming and features of territorial distribution of the regional development institutions in Russia are studied. The Russian subjects are revealed which are leading in quality of development institutions and the volume of funds attracted by them into the economy. The efficiency of the regional development institutions is defined by their influence on economic growth on federal districts and in Russia as a whole.

Scientific novelty: The integral influence of all regional, as well as particular regional development institutions is defined (regional funds for SME extension, regional venture funds, development corporations, mortgage, special economic zones in the regional economies in Russia by federal districts).

Practical value: The research results on evaluating the efficiency of the regional development institutions can be used by executive authorities for making efficient managerial decisions in the sphere of investment activity at regional level.

Key words: regional development; institution; federal development institutions; regional development institutions; regional economy; public-private partnership; venture fund; special economic zone; technopark.

References

1. Tatarin, A.I., Kotlyarova, S.N. Regional'nye instituty razvitiya kak faktory ekonomicheskogo rosta (Regional development institutions as factors of economic growth). *Ekonomika regiona*, 2013, no. 3 (35), pp. 9–18.
2. North, D.C. Institutions and the process of economic change. *Management International*, 2005, no. 9 (3), pp. 1–7.
3. Rodrik, D., Subramanian, A., Trebbi, F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth*, 2004, no. 9 (2), pp. 131–165.
4. Williamson, O.E. The institutions and governance of economic development and reform, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/1995/03/697591/institutions-governance-economic-development-reform> (accessed: 20.09.2014)
5. Keune, M. Regions, regional institutions and regional development. SEED Working Paper, 2001, no. 16, 41 p.
6. Koval'chuk, Yu.A. O roli institutov razvitiya v upravlenii investitsionnym potentsialom modernizatsii promyshlennosti (On the role of development institutions in the management of investment potential of industrial modernization). *Ekonomika, Nalogi. Pravo*, 2013, no. 3, pp. 38–42.
7. Polterovich, V. M. Regional'nye instituty modernizatsii (Regional modernization institutions). *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2011, no. 4 (55), pp. 17–29.
8. Gosudarstvennaya podderzhka investitsionnoi deyatel'nosti na subfederal'nom urovne: monografiya (State support in investment activity at sub-federal level: monograph) / V.Yu. Maslikhina, N.I. Larionova, S.V. Krasnova i dr.; pod obshch.red. N.I. Larionovoi i V.Yu.Maslikhinoi. Moscow: Pero, 2014, 194 p.

Received 13.08.14

Information about the author

Maslikhina Veronika Yuryevna, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Management and Law, Volga State University of Technology

Address: 3 Lenin Str., 424000, Yoshkar-Ola, tel.: (8362) 68-68-11

E-mail: maslihina_nika@mail.ru

How to cite the article: Maslikhina V.Yu. The role and influence of regional development institutions on the economy of the Russian regions. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 153–160.

© Maslikhina V. Yu., 2014

УДК 332.12:330.322:330.14

Т. Н. МАСЛОВА,

кандидат экономических наук

Г. Г. СУСПИЦЫНА,

кандидат экономических наук, доцент

*Георгиевский филиал Российского государственного гуманитарного университета,
г. Георгиевск, Россия,*

Е. В. ХОЛОПЕНКОВА,

кандидат экономических наук, старший преподаватель

*Пятигорский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
г. Пятигорск, Россия*

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Цель: провести всесторонний анализ состояния и структуры основных фондов в Северо-Кавказском федеральном округе, сформулировать основные проблемы стимулирования их воспроизводства с целью улучшения бизнес-климата региона, роста эффективности производственной и инвестиционной деятельности российских предприятий, а также их большей привлекательности для инвесторов.

Методы: *горизонтальный (временной) анализ* – сравнение каждой позиции отчетности с предыдущим периодом; *вертикальный (структурный) анализ* – определение структуры итоговых показателей для выявления влияния каждой позиции отчетности на результат в целом; *трендовый анализ* – сравнение каждой позиции отчетности с рядом предшествующих периодов и определение тренда, т. е. основной тенденции динамики показателя, «очищенной» от случайных влияний и индивидуальных особенностей отдельных периодов.

Результаты: в рамках исследования процесса воспроизводства основного капитала на рыночных принципах в регионах Северо-Кавказского федерального округа установлено, что современное состояние производственного потенциала российской экономики характеризуется существенным моральным и физическим износом. При этом наблюдается разнонаправленная динамика по таким показателям, как инвестиции в основной капитал по районам рассматриваемого округа, инвестиции в основной капитал на душу населения, структура инвестиций в основной капитал, степень износа основных фондов и пр. Это приводит к утяжелению структуры региональных хозяйств из-за значительной доли производств, а также к выпуску продукции низкого качества, не способной конкурировать с импортными аналогами.

Научная новизна: в работе предложены различные меры инновационно-инвестиционного инструментария для воспроизводства основного капитала в Северо-Кавказском регионе. Помимо стандартного набора мероприятий (налоговые льготы, субсидии, государственные гарантии, предоставление помещений в аренду, кредиты субъектам малого предпринимательства, выделение грантов и т. д.), к ним можно отнести создание региональных и межрегиональных институтов развития, таких как инвестиционные фонды, региональные гарантийные фонды, корпорации развития, венчурные фонды и т. д. В рамках диверсификации инвестиционной деятельности в Северо-Кавказском федеральном округе, помимо использования ресурсов Инвестиционного фонда, мы предлагаем привлечь инвестиционных консультантов и реализовать инвестиционного краудфандинга, которые в полной мере отражают специфику и особенности инвестирования при выборе и реализации инвестиционных проектов в Северо-Кавказском регионе. В качестве механизма, способствующего ускорению воспроизводства основного капитала в Северо-Кавказском регионе на основе имеющихся ресурсов и заложенного потенциала, мы обосновываем создание институционального поля, подразумевающее собой основу для сети взаимодействия науки, образования, бизнеса и потребителей. Создание институциональных полей прописано в принятой в 2010 г. Стратегии развития СКФО до 2025 г.¹, основанной на взаимодействии бизнеса и власти, ключевыми проектами которой являются успешно функционирующие ОАО «Корпорация развития Северного Кавказа», ОАО «Курорты Северного Кавказа», ОАО «Холдинг МРСК» и пр.

¹ О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ № 1485-р от 6 сентября 2010 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/> (дата обращения: 22.10.2014)

Практическая значимость: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы при обосновании и реализации регионального инвестиционного стандарта по каждому субъекту Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова: основные фонды; Северо-Кавказский федеральный округ; инвестиции; обновление и развитие; воспроизводство капитала; бизнес-климат региона; экономический рост.

Введение

Воспроизводство основного капитала является определяющим условием инновационного пути развития региональной экономики, обеспечивающим экономию затрат, создание и организацию производства с принципиально новыми потребительскими свойствами техники и технологий. Актуальность выбранной темы исследования состоит в проведении всестороннего анализа состояния и структуры основных фондов в СКФО, формулировании основных проблем стимулирования их воспроизводства с целью улучшения бизнес-климата региона, роста эффективности производственной и инвестиционной деятельности российских предприятий, а также их большей привлекательности для инвесторов.

Необходимость проведения исследования обусловлена потребностью в усилении мер как инновационного, так и инвестиционного характера в деятельности регионов СКФО, что определяет стремление к замене изношенной части производительного капитала на сооружения, оборудование, компьютерные сети, объекты инфраструктуры с качественно новыми техническими, технологическими и информационными возможностями, повышающих инновационные параметры вводимых в действие основных фондов.

Результаты исследования

Анализ текущей экономической ситуации показывает, что нынешнее падение темпов экономического роста – это, прежде всего, не результат внешних шоков, а следствие внутренней инвестиционной паузы: ряд крупных инвестиционных программ завершены, а новые масштабные проекты своевременно не были начаты. Ситуация усугубляется отрицательной динамикой инвестиций крупных государственных корпораций, которые так и не стали эффективным инструментом ускорения экономического роста. Все это позволяет утверждать, что при своевременном реагировании замедления экономической активности в 2013 г. в таких масштабах можно было бы избежать.

Сгладить воздействие на экономику наиболее острых ограничений развития возможно только в условиях высоких темпов экономического роста, обеспечивающих необходимый уровень доходов у всех экономических субъектов, что позволяет устранять ключевые структурные диспропорции. При этом важнейший элемент экономической динамики ближайших лет – инвестиции. Именно положительная динамика инвестиций, в том числе в производственные фонды, способна привести к реализации имеющегося у России потенциала экономического роста [1, с. 61].

Обновление производственных фондов – одна из самых актуальных проблем становления рыночных отношений и поддержания достигнутых темпов экономического роста. В течение последних лет произошла коммерческая и производственная реструктуризация промышленных отраслей и, соответственно, переориентация основного капитала на производство конкурентоспособных товаров, активизировалась техническая модернизация предприятий в тех отраслях, продукция которых находит спрос на рынке, повысились темпы развития базисной инженерной инфраструктуры.

Вышеназванные процессы в целом привели к изменениям структурных характеристик роста инвестиций в основной капитал. Так, по итогам 2011 г. объем инвестиций в основной капитал российских предприятий составил 11 трлн рублей (12,5 трлн рублей в 2012 г.). В 2011–2012 гг. в структуре таких инвестиций доминировал нефтегазовый сектор (более 24 %), значительные объемы инвестиций приходились на строительный сектор и транспорт (соответственно 17 и 15 %). Доли инвестиций в инновационный сектор, сектор потребительского спроса, а также производство и распределение электроэнергии, газа и горячей воды находились в пределах 9,0–9,5 %. Инвестиции в основной капитал предприятий сырьевого сектора составляли примерно 7 %, сельскохозяйственного – 4 %.

Основными тенденциями перераспределения потоков инвестиций по секторам экономики

России (начиная с 1999 г.) стали поступательный рост доли нефтегазового сектора и транспорта и сокращение доли строительного сектора и сектора потребительского спроса. В настоящее время увеличивается доля инвестиций в основной капитал предприятий производства и распределения электроэнергии, газа и горячей воды на фоне снижения доли инвестиций в инновационном и сырьевом секторах.

Высокую зависимость российской экономики от уровня инвестиционной активности подтверждает и ретроспективная статистика. В годы, когда российская экономика трансформировала доходы в рост инвестиций, происходило ее динамичное развитие, и наоборот. При прочих равных условиях можно говорить о том, что для достижения темпов экономического роста, превышающих 4 %, в современных условиях требуются темпы роста инвестиций в основной капитал не менее 10 % [1, с. 63].

Таким образом, в России поддерживается модель экономики с сильным топливно-энергетическим комплексом (ТЭК) и относительно развитыми транспортной инфраструктурой и сельским хозяйством. При этом замедление инвестиционного процесса в инновационном, сырьевом, строительном секторах и секторе потребительского спроса обуславливает низкие темпы модернизации российской экономики и затрудняет ее выход на траекторию устойчивого роста [2, с. 4–5].

В настоящее время среди регионов, активно привлекающих инвестиции, выделяется Северо-Кавказский федеральный округ, обладающий благоприятными условиями для развития агропромышленного комплекса, туризма, санаторно-курортной сферы и т. д. Однако реализация естественных преимуществ осуществляется не в полной объеме, низок уровень социально-экономического развития в силу нестабильности экономической и политической обстановки.

За 12 месяцев 2012 г. объем инвестиций по СКФО составил 397 179,7 млн рублей (или 3,16 % общего объема инвестиций по Российской Федерации, равного 12 568,8 млрд рублей), из них собственных средств – 27,8 %, привлеченных – 72,2 % (в том числе 48,6 % за счет бюджетов различных уровней). Общий объем инвестиций и их структура по источникам финансирования представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1
Общий объем инвестиций в СКФО в 2012 г.*
(Total volume of investment
in the North-Caucasus federal district in 2012)

Регион	Объем инвестиций	
	в млн рублей	в % к аналогичному периоду 2011 г.
Российская Федерация	12 568 800,00	106,8
СКФО	397 179,7	109,8
Республика Дагестан	152 403,5	108,3
Республика Ингушетия	10 497,7	230,0
Кабардино-Балкарская Республика	25 572,1	113,5
Карачаево-Черкесская Республика	17 951,9	124,9
Республика Северная Осетия-Алания	21 824,9	102,4
Чеченская Республика	53 506,3	96,0
Ставропольский край	115 423,2	110,5

* Источники: данные за 2012 г. рассчитаны автором по официальным данным Росстата².

Таблица 2
Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в 2012 г.
(в % к общему объему инвестиций)*
(Assets investment structure by funding sources
in 2012 (% to the total volume of investment))

Регион	Собственные средства	Привлеченные средства	В том числе			
			бюджетные средства	из них средства федерального бюджета	из них средства бюджетов субъектов РФ	кредиты банков
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	45,4	54,6	17,9	9,6	7,1	7,9
СКФО	27,8	72,2	48,6	34,2	12,2	5,0
Республика Дагестан	12,4	87,6	69,4	44,7	23,4	0,4
Республика Ингушетия	2,8	97,2	94,7	69,2	25,5	-
Кабардино-Балкарская Республика	17,4	82,6	38,2	30,1	8,1	25,9

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Стат. сб. // Росстат. М., 2012.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Карачаево-Черкесская Республика	15,7	84,3	57,5	41,1	16,3	89
Республика Северная Осетия-Алания	17,4	82,6	57,8	52,2	4,8	1,6
Чеченская Республика	9,6	90,4	76,7	56,3	12,1	-
Ставропольский край	52,2	47,8	19,4	10,6	7,7	6,0

* *Источник:* данные за 2012 г. рассчитаны автором по официальным данным Росстата³.

Согласно данным табл. 2, в Чеченской Республике объем инвестиций составил 96,0 % от объема инвестиций в 2011 г., при этом доля собственных инвестиций остается низкой (9,6 %). В Республиках Северная Осетия-Алания и Ингушетия, для которых также характерна низкая доля собственных инвестиций (17,4 % и 2,8 % соответственно), наблюдались тенденции их ро-

ста: в Осетии – рост на 2,4 %, в Ингушетии – рост в 2,3 раза. В Карачаево-Черкесской Республике, где доля собственных инвестиций составляет 15,7 %, наблюдается значительный рост объема инвестиций (24,9 %). В Республике Дагестан привлечено на 8,3 % больше инвестиций, чем за аналогичный период 2011 г. при доле собственных инвестиций 12,4 %. В Ставропольском крае доля собственных инвестиций стабильно превышает среднероссийский показатель (52,2 % – в крае и 45,4 % – в среднем по России); объем инвестиций продолжает расти и составил в январе–декабре 2012 г. – 110,5 % от аналогичного показателя 2011 г.

В целом, проведенный анализ свидетельствует о том, что большинство субъектов Российской Федерации, входящих в состав СКФО, уже на протяжении многих лет продолжают оставаться реципиентами. Однако средства федерального бюджета направляются в основном на поддержание социальной сферы и в значительно меньшей степени на стимулирование развития реального сектора экономики [3, с. 80–81].

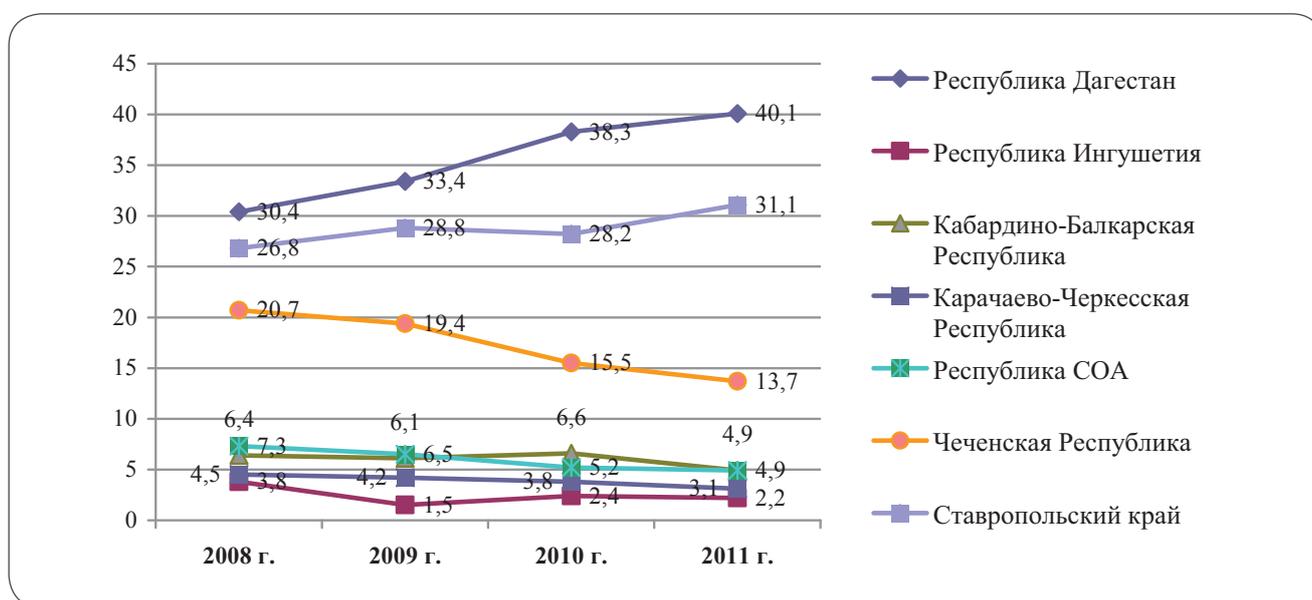

Рис. 1. Территориальная структура инвестиций в основной капитал в экономику Северо-Кавказского федерального округа за 2008–2011 гг., %*

(Fig. 1. Territorial assets investment structure in the North-Caucasus federal district in 2008–2011, %)

* *Источник:* составлено автором.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Стат. сб. // Росстат. М., 2012.

Территориальная структура инвестиций в основной капитал в экономику Северо-Кавказского федерального округа характеризуется разнонаправленной динамикой (рис. 1).

Проанализировав данные рис. 1, приходим к выводу, что в 2011 г. в структуре инвестиций в основной капитал (в региональном разрезе) сократилась доля Чеченской Республики, инвестиции в которую сократились на 1,8 % и Кабардино-Балкарской Республики, инвестиции в которой сократились на 1,7 % соответственно (по отношению к уровню 2010 г.). Положительная динамика инвестиций в основной капитал наблюдается в Республике Дагестан и Ставропольском крае (прирост составил 4,7 % и 10,3 % соответственно к предыдущему году).

Резкий спад инвестиций по сравнению с 2008 г. наблюдается в Республике Северная Осетия-Алания (-33,8 %). В 2013 г. регион оказался в аутсайдерах и расположился на третьей (с конца списка) строчке рейтинга по уровню развития экономики и по оценке населением эффективности органов власти⁴. Положительно деятельность регионального руководства воспринимает только 28,9 % жителей [4]. Это опосредует ухудшение инвестиционного климата и как следствие сокращение притока инвестиций в Республику.

Согласно данным, представленным в Докладе об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по итогам 2013 г.⁵, в 51 субъекте РФ доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте (далее – ВРП) превысила среднероссийский уровень. Помимо Краснодарского края и Еврейской автономной области, наибольшее значение данного показателя (более половины ВРП) наблюдается среди субъектов СКФО в Чеченской Республике. При этом во всех этих регионах реализуются крупные инфраструктурные проекты за счет бюджетных средств⁶. Распределение структуры инвестиций в основной капитал в 2012 г. представлено на рис. 2.

Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в СКФО за 2012 г., %*

(Fig. 2. Assets investment structure in the North-Caucasus federal district by funding sources in 2012, %)

* Источник: Инвестиции в России. 2013/ Стат. сб. // Росстат. М., 2013.

Выводы

Применение различных мер инновационно-инвестиционного инструментария в рамках воспроизводства основного капитала находится в прямой зависимости от характера поддерживаемого бизнеса в Северо-Кавказском регионе, его направленности, организационной формы и административного (региональный, муниципальный, местный) уровня его реализации. Стандартный набор основных мер поддержки, предусмотренный государством, сводится к следующему: налоговые льготы, субсидии, государственные гарантии, предоставление помещений в аренду, кредиты субъектам малого предпринимательства, выделение грантов и т. д. Если деятельность предприятий имеет инновационный характер, то для них существует возможность получения господдержки на покупку технологического оборудования, программных продуктов и разработку опытных образцов.

Так незаслуженно, на наш взгляд, оказалось забыто использование одной из традиционных форм налогового стимулирования – инвестиционной льготы по налогу на прибыль, действовавшей до 2002 г. Она позволяла направлять на цели развития компании до 50 % прибыли благодаря существенному снижению налога на прибыль за счет вычета из налогооблагаемой прибыли инвестиционных расходов. Возможность использования инвестиционной льготы ориентировала процесс расходования прибыли предприятий на воспроизводство основного капитала и модернизацию производства в целом [5, с. 114].

⁴ URL: <http://www.minregion.ru/856?locale=en> (дата обращения: 22.10.2014)

⁵ Там же.

⁶ Там же.

К числу механизмов, стимулирующих воспроизводство основного капитала в Северо-Кавказском регионе, следует в первую очередь отнести создание региональных и межрегиональных институтов развития. На сегодняшний день наибольшее распространение в мировой практике получили такие институты развития, как инвестиционные фонды, региональные гарантийные фонды, корпорации развития, венчурные фонды и т. д. [6, с. 130].

Кроме того, к вышеназванным институтам можно также отнести агентства инвестиционного и социально-экономического развития. К примеру, Инвестиционный фонд Российской Федерации⁶ активно софинансирует инвестиционные проекты, реализуемые на территории СКФО. В связи с тем, что одним из обязательных условий поддержки региональных инвестиционных проектов Инвестиционным фондом России является наличие и функционирование на территории субъекта РФ регионального инвестиционного фонда, необходимость создания таких фондов во всех субъектах РФ, входящих в состав СКФО, не вызывает сомнения [7, с. 20].

В рамках диверсификации инвестиционной деятельности в Северо-Кавказском федеральном округе, помимо использования ресурсов Инвестиционного фонда, мы предлагаем привлечение инвестиционных консультантов (компаний, предлагающих различные возможности инвестирования и инвестиционные стратегии, адаптированные к профилю инвестора, участвующие в процессе привлечения ресурсов в фонды) [8, с. 3]. Именно инвестиционные консультанты определяют для своих инвесторов направления вложения средств, выбор инструментов инвестиций. Поэтому они являются наиболее ценной целевой аудиторией инвестиционных фондов, так как посредством убеждения одного инвестиционного консультанта фонд получает доступ к деньгам нескольких клиентов, а не одного, как было бы в случае прямых переговоров [9, с. 162].

Одной из актуальных мер воспроизводства основного капитала, на наш взгляд, является

реализация инвестиционного краудфандинга, который способствует атомизации инвестиционного процесса в регионе. Так, отдельный человек становится инвестором с диверсифицированным портфелем активов, превращаясь при этом в квазиинвестиционный фонд и самостоятельно выполняя роль управляющего. У такого инвестора нет потребности в инвестиционном фонде или специализированном финансовом посреднике. Эта форма финансирования инвестиций обладает рядом достоинств по сравнению с существующими, как то снижение расходов на корпоративное управление, отсутствие сомнений в компетентности и добросовестности управляющих в отношении управления чужой собственностью, появляется возможность более широкого охвата рынка для индивидуального инвестора, разрешается вопрос о персональной ответственности [10, с. 235]. Отметим, что применение инвестиционного краудфандинга подобно специфике инвестирования при выборе и реализации инвестиционных проектов в Северо-Кавказском регионе, поскольку нередко финансовые ресурсы в регионе сосредоточены «в одних руках» или контролируются несколькими кланами-семьями.

В качестве механизма, способствующего ускорению воспроизводства основного капитала в Северо-Кавказском регионе на основе имеющихся ресурсов и заложенного потенциала, мы предлагаем создание институционального поля. Оно может быть представлено как институционализированная территориально локализованная площадка взаимодействия, на которой хозяйствующие субъекты с различными организационными возможностями согласованно выстраивают свое поведение по отношению друг к другу и к потребителю с наибольшим экономическим эффектом. Формирование структурно-институционального поля поможет создать основы для сети взаимодействия науки, образования, бизнеса и потребителей. Особые экономические зоны и проекты государственно-частного партнерства, очевидно, являются сетевыми формами организации бизнеса при участии государства и общества [11, с. 121].

Примером программы формирования таких институциональных полей может послужить принятая Правительством РФ в 2010 г. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Условием

⁶ Инвестиционный фонд Российской Федерации сформирован 1 января 2006 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2005 г. «Об Инвестиционном фонде Российской Федерации» № 694 (ред. от 31.10.2007).

успешной реализации указанной Стратегии названо «комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов, в первую очередь на территории опережающего экономического роста»⁷. Стратегия-2025 учитывает современное состояние экономики субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, экономики России, глобальной экономики и перспективы их развития, а также результаты реализации проектов, имеющих региональное и межрегиональное значение. Северо-Кавказский федеральный округ имеет благоприятные условия для развития агропромышленного комплекса, туризма, санаторно-курортной сферы, электроэнергетики, добывающих и обрабатывающих секторов промышленности, а также развитые транзитные функции [12, с. 69]. В качестве базовых в Стратегии-2025 предлагаются сетевые формы организации государственно-частного партнерства. К ним относятся уже созданные и успешно функционирующие ОАО «Корпорация развития Северного Кавказа», ОАО «Курорты Северного Кавказа», ОАО «Холдинг МРСК», ОАО НПК «ЭСКОМ», ООО «Алания-Ойл», ООО «Дагагрокомплекс» и пр.

В заключение отметим, что исследование процесса обновления основного капитала на рыночных принципах в регионах СКФО показывает, что современное состояние производственного потенциала российской экономики характеризуется существенным моральным и физическим износом. При этом наблюдается разнонаправленная динамика по таким показателям, как инвестиции в основной капитал по регионам СКФО, инвестиции в основной капитал на душу населения, структура инвестиций в основной капитал, степень износа основных фондов и пр. Не стоит забывать, что в отличие от большинства соседних государств, наша страна обладает огромным внутренним рынком, который способен потребить большую часть производимой отечественной продукции. Сти-

мулирование внутреннего спроса на продукцию таких производств может стать важным элементом улучшения общего инвестиционного климата в России, так как даст бизнесу явный сигнал о том, что вложение средств во внутреннюю экономику «премируется». В связи с этим последовательная реализация важнейших инфраструктурных проектов, опосредующих воспроизводство и обновление основного капитала, является естественным направлением такого премирования.

Список литературы

1. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н. Экономический рост и экономическая политика в России // ЭКО. 2014. № 2 (476). С. 55–69.
2. Березинская О., Ведев А. Инвестиционный процесс в российской экономике: потенциал и направления активизации // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 4–16.
3. Омарова З.К. Северо-Кавказский федеральный округ: задачи интеграционного взаимодействия предприятий // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 4. С. 78–82.
4. Громько Ф. Кавказ глазами Минрегиона: быстрый бег на месте. URL: <http://www.kavpolit.com> (дата обращения: 22.10.2014)
5. Ширяева Р.И. Институциональные предпосылки повышения инвестиционной активности экономических агентов // Вестник института экономики РАН. 2014. № 3. С. 110–117.
6. Lee Y.S. The Sustainability of University-Industry Research Collaboration: the Key Factors Affecting Knowledge Transfer // International Journal of Business and Social Science. 2000. Vol. 3. No. 23. Pp. 111–133.
7. Перспективные направления развития Северо-Кавказского федерального округа: монография / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. Д.Е. Сорокина. М.: Финансовый университет, 2011. 136 с.
8. Edquist C. System of Innovation Approaches – Their Emergence and Characteristic // System. 1997. Pp. 11–35.
9. Торкановский Е.П. Инвестиционные фонды в инновационной экономике: эволюция и эффективность // ЭКО. 2014. № 2 (476). С. 26–33.
10. Teubal M. What is the Systems Perspective to Innovation and Technology Policy (ITP) and How Can We Apply It to Developing and Newly Industrialized Economies? // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 12. No 1. Pp. 233–257.
11. Осипов В.С. Базовые предпосылки притока частных инвестиций // Вестник института экономики РАН. 2014. № 3. С. 118–126.
12. Данилова-Волковская Г.М., Холопенкова Е.В. Стратегическая доктрина Северо-Кавказского региона: инновационно-инвестиционная составляющая. URL: http://academprava.ru/aboutacademy/bulletin/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0/vypusk_32.php (дата обращения: 22.10.2014)

В редакцию материал поступил 06.09.14

© Маслова Т. Н., Суспицына Г. Г., Холопенкова Е. В., 2014

⁷ О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ № 1485-р от 6 сентября 2010 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/> (дата обращения: 22.10.2014)

Информация об авторах

Маслова Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономико-управленческих и правовых дисциплин, Георгиевский филиал Российского государственного гуманитарного университета
Адрес: 357820, г. Георгиевск, ул. Шоссейная, 14, тел.: (87951) 2-99-41
E-mail: mtana79@mail.ru

Суспицына Галина Григорьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, Георгиевский филиал Российского государственного гуманитарного университета
Адрес: 357820, г. Георгиевск, ул. Шоссейная, 14, тел.: (87951) 2-99-41
E-mail: suspicyna_galina@mail.ru

Холопенкова Екатерина Викторовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и управления, Пятигорский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Адрес: 357500, г. Пятигорск, ул. Кучуры, 8, тел.: (8793) 38-12-58
E-mail: eholopenkova@mail.ru

Как цитировать статью: Маслова Т.Н., Суспицына Г.Г., Холопенкова Е.В. Основной капитал и проблемы его воспроизводства в Северо-Кавказском регионе // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 161–169.

T. N. MASLOVA,
PhD (Economics)

G. G. SUSPITSINA,
PhD (Economics), Associate Professor

Georgiyevsk branch of Russian State University for Humanities, Georgiyevsk, Russia,

E. V. KHOLOPENKOVA,
PhD (Economics), Senior Lecturer

Pyatigorsk branch of Russian Economics University named after G.V. Plekhanov, Pyatigorsk, Russia

CAPITAL ASSETS AND PROBLEMS OF THEIR REPRODUCTION IN NORTH-CAUCASUS REGION

Objective: to carry out a comprehensive analysis of the condition and structure of assets in the North-Caucasus federal district, to formulate the main problems of their reproduction to improve the business climate in the region and ensure the growth of the production and investment efficiency of the Russian enterprises, as well as their attraction for the investors.

Methods: *horizontal (temporal) analysis* – comparing of each reporting item with that of the previous period; *vertical (structural) analysis* – determining the structure of the final results to reveal the influence of each reporting item on the final result; *trend analysis* – comparing of each reporting item with a number of preceding periods and determining the trend, i.e. the main direction of the indicator's dynamics, freed from incidental influences and individual features of particular periods.

Results: The study of the assets reproduction process, based on market principles in the North-Caucasus federal district, stated that the modern condition of the Russian economy's production potential is characterized by a significant obsolescence and physical deterioration. At the same time we can not the multidirectional dynamics of such indicators as assets investments in various regions of the district, assets investment per capital, assets investment structure, level of assets deterioration, etc. This leads to the increase of the share of enterprises and products unable to compete with import analogs.

Scientific novelty: The article proposes various innovative-investment measures for assets reproduction in the North-Caucasus federal district. Besides the traditional measures (tax remissions, subsidies, state guarantees, premises rent, credits to small business, grants, etc.), we propose to create regional and international development institution, such as investment funds, regional guarantee funds, development corporations, venture funds, etc. For investment diversification we propose, alongside with Investment Fund resources utilization, to attract investment consultants and implement the investment crowdfunding, reflecting the features of investment in the North-Caucasus federal district. The mechanism, which is able to increase the assets reproduction in the North-Caucasus federal district basing on the existing resources and potential, is the institutional space for science, education, business and consumers interaction. The creation of such institutional spaces is stated in the Strategy of Development of the North-Caucasus federal district up to 2025, adopted in 2012¹, which is based on business and authorities interaction. Its key projects are the successfully functioning "Corporation for the North-Caucasus development" Public Corporation, "Resorts of the North-Caucasus" Public Corporation, "MRSK Holding" Public Corporation, etc.

¹ On the Strategy of Development of the North-Caucasus federal district up to 2025: Decree of the Russian Federation government #1485-p of 6 September 2010. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/> (access date: 22.10.2014)

Practical value: The main provisions and conclusions of the article can be used for grounding and implementing the regional investment standard of each subject of the North-Caucasus federal district.

Key words: assets; the North-Caucasus federal district; investment; renovation and development; assets reproduction; business climate in the region; economic growth.

References

1. Ivantsev, V.V., Porfir'ev B.N. Ekonomicheskii rost i ekonomicheskaya politika v Rossii (Economic growth and economic policy in Russia). *EKO*, 2014, no. 2 (476), pp. 55–69.
2. Berezinskaya, O., Vedev, A. Investitsionnyi protsess v rossiiskoi ekonomike: potentsial i napravleniya aktivizatsii (Investment process in the Russian economy: potential and directions of activation). *Voprosy ekonomiki*, 2014, no. 4, pp. 4–16.
3. Omarova, Z.K. Severo-Kavkazskii federal'nyi okrug: zadachi integratsionnogo vzaimodeistviya predpriyatii (The North-Caucasus federal district: tasks for integrative interaction of enterprises). *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2014, no. 4, pp. 78–82.
4. Gromyko, F. *Kavkaz glazami Minregiona: bystryi beg na meste* (Caucasus from the viewpoint of the Ministry of Regional Development: fast running on the spot), available at: <http://www.kavpolit.com> (accessed: 22.10.2014)
5. Shiryayeva, R.I. Institucional'nye predposylki povysheniya investitsionnoi aktivnosti ekonomicheskikh agentov (Institutional prerequisites of investment activity increase of economic agents). *Vestnik instituta ekonomiki RAN*, 2014, no. 3, pp. 110–117.
6. Lee, Y.S. The Sustainability of University-Industry Research Collaboration: the Key Factors Affecting Knowledge Transfer. *International Journal of Business and Social Science*. 2000. vol. 3, no. 23, pp. 111–133.
7. Sorokin, D.E. *Perspektivnye napravleniya razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: monografiya* (Prospective directions of the North-Caucasus federal district development: monograph). Moscow: Finansovyi universitet, 2011, 136 p.
8. Edquist, C. System of Innovation Approaches – Their Emergence and Characteristic. *System*, 1997, pp. 11–35.
9. Torkanovskii, E.P. Investitsionnye fondy v innovatsionnoi ekonomike: evolyutsiya i effektivnost' (Investment funds in innovative economy: evolution and efficiency). *EKO*, 2014, no. 2 (476), pp. 26–33.
10. Teubal, M. What is the Systems Perspective to Innovation and Technology Policy (ITP) and How Can We Apply It to Developing and Newly Industrialized Economies? *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 12, no 1, pp. 233–257.
11. Osipov, V.S. Bazovye predposylki pritoka chastnykh investitsii (Basic prerequisites of private investment inflow). *Vestnik instituta ekonomiki RAN*, 2014, no. 3, pp. 118–126.
12. Danilova-Volkovskaya, G.M., Kholopenkova, E.V. *Strategicheskaya doktrina Severo-Kavkazskogo regiona: innovatsionno-investitsionnaya sostavlyayushchaya* (Strategic doctrine of the North-Caucasus federal district: innovative-investment component), available at: http://academprava.ru/aboutacademy/bulletin/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0/vypusk_32.php (accessed: 22.10.2014)

Received 06.09.14

Information about the authors

Maslova Tatyana Nikolaevna, PhD (Economics), Head of the Chair of Economical-managerial and Legal Disciplines, Georgiyevsk branch of Russian State University for Humanities

Address: 14 Shosseynaya Str., 357820, Georgiyevsk, tel.: (87951) 2-99-41

E-mail: mtana79@mail.ru

Suspitsina Galina Grigoryevna, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Economical-managerial and Legal Disciplines, Georgiyevsk branch of Russian State University for Humanities

Address: 14 Shosseynaya Str., 357820, Georgiyevsk, tel.: (87951) 2-99-41

E-mail: suspicyna_galina@mail.ru

Kholopenkova Ekaterina Viktorovna, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Chair of Accounting and Management, Pyatigorsk branch of Russian Economics University named after G.V. Plekhanov

Address: 8 Kuchury Str., 357500, Pyatigorsk, tel.: (8793) 38-12-58

E-mail: ehopenkova@mail.ru

How to cite the article: Maslova T.N., Suspitsina G.G., Kholopenkova E.V. Capital assets and problems of their reproduction in North-Caucasus Region. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 161–169.

© Maslova T. N., Suspitsina G. G., Kholopenkova E. V., 2014

УДК 338.47

Е. С. ПУЧКИНА,
кандидат экономических наук, доцент,

А. С. СУССКАЯ,
студент

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

СПОСОБЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Цель: анализ принципов финансирования транспортной инфраструктуры посредством выпуска инфраструктурных облигаций.

Методы: анализа, синтеза, дедукции, индукции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, графический и логический методы, моделирования, формализации, визуализации.

Результаты: на основе проекта Федерального закона «Об особенностях инвестирования в инфраструктуру с использованием инфраструктурных облигаций» разработана схема финансирования транспортной инфраструктуры. Предложены различные варианты последовательной реализации инфраструктурного проекта. Представлены потенциально возможные, а также разрешенные законопроектом виды гарантий, повышающие доверие инвесторов и снижающие риски. Проанализирована возможность применения предложенной схемы финансового обеспечения значимых для государства проектов на конкретном регионе с учетом предпосылок, перспектив и условий развития программ государственно-частного партнерства.

Научная новизна: в статье впервые обосновано новое решение задачи финансирования транспорта; предложена конкретная форма государственно-частного партнерства, учитывающая ранее не рассмотренные в совокупности условия и факторы.

Практическая значимость: проявляется в разработке конкретной модели финансового обеспечения транспортной инфраструктуры, реализуемой на региональном уровне. Предложены изменения в проект Федерального закона об особенностях инвестирования в инфраструктуру с использованием инфраструктурных облигаций. Составленная схема финансирования при доработке нормативно-правовой базы позволит расширить список инструментов для вложения финансовых ресурсов квалифицированными инвесторами, такими как негосударственные пенсионные фонды, страховые компании и др. При этом одновременно будет происходить укрепление взаимосвязи между государственным и частным капиталом, что будет способствовать качественному развитию экономики, росту валового регионального продукта, валового внутреннего продукта, устранению износа оборудования, реализации социально-значимых проектов. Основные положения статьи могут быть использованы в научной деятельности при рассмотрении вопросов финансового обеспечения как самокупаемых проектов, так и не генерирующих положительные денежные потоки, но приносящие социальную и экономическую пользу.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации; инфраструктурное финансирование; инфраструктурные облигации; инвестирование; государственно-частное партнерство; моделирование финансирования социально-значимых проектов; нормативно-правовая база; Краснодарский край; государственные гарантии.

Введение

Развитие качественной транспортной системы является одним из основных условий для обеспечения экономического роста региона, повышения конкурентоспособности, эффективности и оптимизации затрат реального сектора экономики и роста качества жизни населения.

Исторически сложилось, что развитие транспорта ложится на плечи государства. На данный момент правительство РФ все еще активно инвестирует финансовые ресурсы в развитие транспортной инфраструктуры. Тем не менее с каждым

годом увеличивается отклонение между планируемыми и фактическими вложениями. Это свидетельствует о необходимости привлечения частного капитала к финансированию и управлению инфраструктурных проектов. Соответственно, цель работы заключается в разработке конкретного способа финансирования транспорта с использованием государственно-частного партнерства.

Теоретические аспекты финансирования транспортной инфраструктуры были наиболее подробно рассмотрены в работах С. В. Кожина [1] и Ю. П. Голицына [2].

Методологической основой послужили: анализ, синтез, дедукция, индукция, логический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному, графический метод, моделирование, формализации, визуализация.

Результаты исследования

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях представляет собой сотрудничество между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и (или) органами местного самоуправления, с одной стороны, и частными партнерами – с другой. Оно направлено на создание дополнительных условий привлечения в экономику субъектов Российской Федерации и муниципальных образований частных инвестиций, осуществляется на договорной основе по принципу распределения рисков, ответственности, а также имущественного и финансового участия сторон¹.

Одной из форм государственно-частного партнерства выступает инфраструктурное финансирование, реализуемое посредством выпуска инфраструктурных облигаций. Данный инструмент является абсолютно новым для России, и его внедрению препятствуют отсутствие соответствующего опыта и изъяны в порядке и механизме предоставления государственных гарантий по нему. Потенциальными инвесторами в данном случае выступают коммерческие банки, пенсионные и прочие фонды, ориентированные на консервативную стратегию инвестирования [1, с. 149–154]. Возможность привлечения средств большого количества инвесторов по сравнительно невысокой стоимости делает инфраструктурные облигации одной из наиболее перспективных форм и для частного финансирования транспортной инфраструктуры.

Проанализировав данные о выпуске государственных ценных бумаг субъектов РФ и муниципальных образований (2000–2014 гг.), мы выяснили, что основными целями применения соответствующих облигаций является финансирование дефицита бюджета, погашение

долговых обязательств, финансирование расходов бюджета в пределах расходов на погашение долга, реструктуризация имеющегося долга. Это затрудняет возможность прямого использования облигаций для финансирования инфраструктуры. Стоит проработать данную проблему на законодательном уровне, в частности, доработать и принять законопроекты: «Об особенностях инвестирования в инфраструктуру с использованием инфраструктурных облигаций»² и «Об основах государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

Учитывая различные виды инфраструктурных облигаций, возможна реализация следующих вариантов:

1. При наличии ограниченных финансовых возможностей местных, региональных и государственных бюджетов возможны выпуски облигаций для реализации проектов с высоким потенциалом доходности (аэропорты, морские порты).

2. При низкой потенциальной доходности проектов, а также при их социальной направленности следует использовать облигации частных компаний с гарантийным покрытием.

Во второй половине XIX – начале XX вв. система гарантий в России служила средством привлечения в железнодорожное строительство капитала, в том числе иностранного. Благодаря схеме выпуска частных компаний собственных ценных бумаг, гарантированных правительством, была построена крупнейшая сеть железных дорог в России [2, с. 92–94].

Итак, проанализируем необходимость и возможности применения ГЧП-проектов на конкретном регионе. В качестве примера нами выбран Краснодарский край. В соответствии с рейтингом регионов ГЧП-2014 Краснодарский край находится на 11 месте⁴, что говорит об относительно небольшом опыте реализации ГЧП-проектов

² URL: <http://ppp-lawrus.ru/exunmats.php?m=3> (дата обращения: 15.09.2014)

³ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=99694> (дата обращения: 15.09.2014)

⁴ URL: <http://www.pppcenter.ru/index.php?id=22> (дата обращения: 15.09.2014)

¹ URL: <http://ppp-lawrus.ru/exunmats.php?m=3> (дата обращения: 15.09.2014)

(1–2 проекта), максимально возможном уровне инвестиционной привлекательности и наличием нормативно-правовой базы в сфере ГЧП, находящейся в стадии становления.

В связи с прогнозируемой загруженностью транспортной инфраструктуры Краснодарского края за счет увеличения объема грузоперевозок в Крым, созданием регионального инвестиционного фонда, предполагающего финансирование проектов государственного-частного партнерства (ГЧП), создаются необходимые предпосылки для развития отношений между государственным капиталом и частным. В Краснодарском крае существует достаточное количество потенциальных инфраструктурных проектов (улучшение услуг железнодорожных перевозок, общественного транспорта, строительство транспортных развязок, мостов, эстакад и др.). Реализация этих проектов затронет большинство секторов экономики (от строительства до машиностроения), и окажет значительный эффект на экономику края. По этой причине нами была составлена примерная схема финансирования региональных инфраструктурных проектов с помощью инфраструктурных облигаций (см. ниже).

Субъект Российской Федерации (в нашем случае – Краснодарский край) заключает проектное соглашение со специализированной проектной

организацией (далее – СПО) (победителем конкурса) либо при доработке проекта Федерального закона «Об особенностях инвестирования в инфраструктуру с использованием инфраструктурных облигаций», учреждает СПО, которая в свою очередь, выпускает инфраструктурные облигации.

С целью снижения рисков для потенциальных инвесторов по эмитируемым ценным бумагам выдаются гарантии. В случае если инфраструктурные облигации выпущены в рублях и ориентированы на национальный рынок, то гарантами могут стать Внешэкономбанк, Инвестиционный фонд РФ и Инвестиционный фонд Краснодарского края либо сам субъект РФ. При эмиссии инфраструктурных облигаций в иностранной валюте и выходе на зарубежные рынки таковыми могут являться Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и др. Более развитый рынок капитала позволит привлечь большие объемы финансовых ресурсов по меньшей стоимости. Но в настоящее время согласно законопроекту номинал инфраструктурных облигаций не может быть указан в иной валюте, кроме рубля. При доработке указанного проекта Федерального закона также возможно применение смешанного гарантийного обеспечения в случае использования

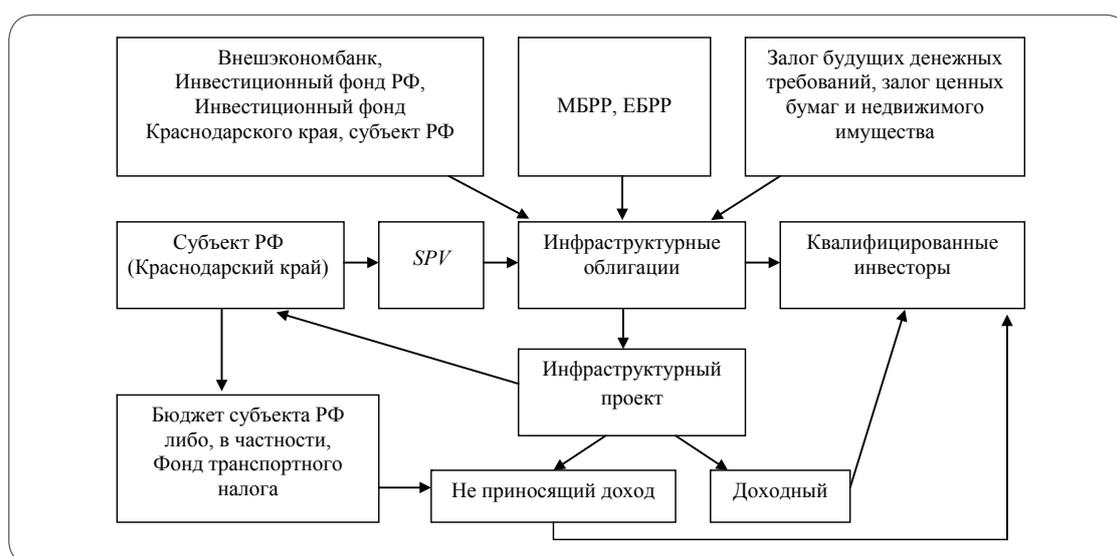

Схема финансирования инфраструктурных проектов Краснодарского края с помощью инфраструктурных облигаций*

(Pattern of infrastructure projects financing by infrastructural on securities in Krasnodar region)

* Источник: составлено авторами на основе проекта Федерального закона об инфраструктурных облигациях.

мультивалютных инфраструктурных облигаций, что позволит диверсифицировать займы по валюте и снизить валютные риски.

Помимо гарантий, исполнение обязательств, удостоверенных инфраструктурными облигациями, может быть обеспечено залогом будущих денежных требований. Данные требования состоят из предполагаемых доходов либо денежных поступлений от эксплуатации объекта инфраструктуры. В отношении оставшейся части (40 % от номинала и менее) обязательств по выплате номинальной стоимости и обязательств по выплате дохода в качестве залога могут в соответствии с законопроектом выступать ценные бумаги или недвижимое имущество, или может предоставляться банковская гарантия⁵.

На денежные средства, полученные в ходе размещения инфраструктурных облигаций, приобретенных квалифицированными инвесторами, специализированная проектная организация разрабатывает инженерную документацию, покупает строительные материалы, оплачивает услуги по проектированию и строительству в процессе создания (реконструкции) объекта инфраструктуры, управляет полученным доходом (если таковой имеется) и расчетами по обязательствам.

Источник погашения инфраструктурных облигаций и момент передачи объекта в собственность субъекта РФ в соответствии с предложенной схемой будет различаться в зависимости от инфраструктурного проекта:

1. Если проект не приносит дохода, то погашение обеспечивается всеми статьями доходов бюджета Краснодарского края либо конкретным видом доходов, в частности, транспортным налогом.

Согласно Бюджетному кодексу в бюджет субъектов Российской Федерации подлежат зачислению налоговые доходы от транспортного налога – по нормативу 100 %⁶. Следовательно, возможно выделение всех поступлений от данного налога на территории Краснодарского края на покрытие

номинальной стоимости и купонных платежей по инфраструктурным облигациям.

В данном случае СПО передает готовый инфраструктурный проект в собственность субъекта Российской Федерации (Краснодарского края) сразу после завершения строительства.

2. Если объект инфраструктуры генерирует денежный поток, то номинальная стоимость и купонный доход (возможно применение облигаций с отложенным купонным платежом) будут погашаться за счет платы за проезд, транспортных пошлин и пр. Следовательно, передача в собственность субъекта РФ осуществляется по истечении срока окупаемости.

3. Проект, предусматривающий погашение номинальной стоимости инфраструктурных облигаций и купонного дохода за счет смешанного финансирования, передается в собственность субъекта РФ в соответствии с проектным соглашением.

Выводы

Привлечение финансирования путем выпуска инфраструктурных облигаций, погашаемых за счет доходов от проекта и/или налоговых и неналоговых поступлений субъекта Российской Федерации, позволит устранить износ оборудования аэропортов, морских портов, возвести мосты, модернизировать автомобильные дороги, железнодорожные полотна и т. д. Улучшение инфраструктуры на мезо-уровне будет способствовать не только увеличению валового регионального продукта (ВРП), но и приведет к качественным изменениям воспроизводственного процесса.

Для инвесторов инфраструктурные облигации – это востребованный инструмент вложения финансовых ресурсов с относительно невысоким уровнем риска и высоким уровнем ликвидности, который будет стимулировать их консервативный сегмент к более активной деятельности.

Список литературы

1. Кожин С.В. Старые и новые источники финансирования транспортной инфраструктуры России // Российское предпринимательство. 2012. № 24 (222). С. 149–154.
2. Голицын Ю.П. Какой нынче век на дворе? (К вопросу об использовании опыта XIX в.) // Рынок ценных бумаг. 2012. № 9. С. 92–94.

В редакцию материал поступил 17.09.14

© Пучкина Е. С., Сусская А. С., 2014

⁵ URL: <http://ppp-lawrus.ru/exunmats.php?m=3> (дата обращения: 15.09.2014)

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №145-ФЗ от 31 июля 1998 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/budget/> (дата обращения: 15.09.2014)

Информация об авторах

Пучкина Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Кубанский государственный университет
Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, тел.: (861) 219-95-01
E-mail: patikekaterina@rambler.ru

Сусская Анита Станиславовна, студент экономического факультета, Кубанский государственный университет
Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, тел.: (861) 219-95-01
E-mail: delfinka7@inbox.ru

Как цитировать статью: Пучкина Е. С. , Сусская А. С. Способы финансирования развития транспортной инфраструктуры на региональном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 170–174.

E. S. PUCHKINA,

PhD (Economics), Associate Professor,

A. S. SUSSKAYA,

Student

Kuban' State University, Krasnodar, Russia

MEANS OF FINANCING THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT AT REGIONAL LEVEL

Objective: to analyze the principles of transport infrastructure financing by infrastructure loan securities issue.

Methods: analysis, synthesis, deduction, induction, ascent from the abstract to the specific, graphic and logical methods, modelling, formalization, visualization.

Results: Basing on the draft Federal Law “On the features of infrastructure investment with infrastructure loan securities”, the pattern of transport infrastructure financing was designed. Various means of the infrastructure project implementation were proposed. The potential and lawful types of guarantees are presented, which increase the investors’ trust and reduce risks. The possibility is analyzed to implement the proposed pattern of financial provision of the state-significant projects in a particular region, taking into account the prerequisites, prospects and conditions of state-private partnership development programs.

Scientific novelty: For the first time the article grounds the new solution of the problem of transport financing; a specific form of state-private partnership is proposed, taking into account the complex conditions and factors, never viewed before.

Practical value: elaboration of the specific model of financial provision of transport infrastructure at the regional level. The authors propose amendments in the draft Federal Law “On the features of infrastructure investment with infrastructure loan securities”. The financing pattern and the amended normative-legal base will allow to broaden the list of financing tools by the qualified investors, such as non-state pension funds, insurance companies, etc. This will also strengthen the links between state and private capital and promote the qualitative economic development, gross regional product growth, gross national product growth, elimination of equipment deterioration, and socially-significant projects implementation. The main provisions of the article can be used in scientific research of the issues of financial provision of both repaying projects and the non-profit ones which do not generate positive monetary flow but have positive social and economic effect.

Key words: Russian Federation subject; infrastructure financing; infrastructure loan securities; investment; state-private partnership; modeling of socially-significant projects; normative-legal base; Krasnodar region; state guarantees.

References

1. Kozhin, S.V. Starye i novye istochniki finansirovaniya transportnoi infrastruktury Rossii (Old and new sources of transport infrastructure financing in Russia). *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2012, no. 24 (222), pp. 149–154.
2. Golitsyn, Yu.P. Kakoi nynche vek na dvore? (K voprosu ob ispol'zovanii opyta XIX v.) (Which century is it now? (On using the experience of the 19th cent.)). *Rynok tsennykh bumag*, 2012, no. 9, pp. 92–94.

Received 17.09.14

Information about the authors

Puchkina Ekaterina Sergeyevna, PhD (Economics), Associate Professor, Kuban' State University
Address: 149 Stavropol'skaya Str., 350040, Krasnodar, tel.: (861) 219-95-01
E-mail: patikekaterina@rambler.ru

Suskaya Anita Stanislavovna, Student of Economics Faculty, Kuban' State University
Address: 149 Stavropol'skaya Str., 350040, Krasnodar, tel.: (861) 219-95-01
E-mail: delfinka7@inbox.ru

How to cite the article: Puchkina E.S., Susskaya A.S. Means of financing the transport infrastructure development at regional level. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 170–174.

УДК 330.322:338.24

Л. М. РАБИНОВИЧ,

*заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан,
доктор экономических наук, профессор*

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

Е. П. ФАДЕЕВА,

*доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, доцент
Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань),
г. Набережные Челны, Россия*

ИНВЕСТИЦИОННОМУ ПРОЦЕССУ – НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Цель: На основе результатов многолетних исследований авторов осветить принципы решения наиболее сложных, важных и дискуссионных аспектов, позволяющих по-новому взглянуть на часто упоминаемую, но пока малоизученную проблему инвестирования.

Методы: В процессе исследования была использована совокупность разных методов с преобладанием экономико-математических методов моделирования и эмпирического анализа с помощью статистических пакетов прикладных программ STADIA, STATGRAPHICS, STATISTICA и SPSS. Кроме того были использованы методы оценки риска инвестиционных проектов Монте-Карло и распределения вероятностей Шарлье.

Результаты: установлено, теоретически доказано и методически обосновано, что, вопреки общепринятому мнению, главные параметры всех двухсот исследованных инвестиционных проектов распределены по нормальному закону (закону Гаусса), а чистый дисконтированный доход NPV этому закону не подчиняется, поэтому при его анализе нельзя использовать распространенные на практике методы. Нужны другие, показанные в статье. Достоверность результатов исследования повышается благодаря использованию авторами информационной базы двухсот реальных объектов инвестирования.

Научная новизна: заключается в обосновании нестандартного, креативного подхода к оценке инвестиционных проектов и выбору на этой основе наиболее эффективного их варианта.

Практическая значимость: собственники, менеджеры и работники предприятий, фирм, сфер экономики при подаче заявок на инвестиции смогут применять, в противовес общепринятым, изложенные в статье методы анализа и прогнозирования инвестиционных процессов, что будет способствовать рациональному использованию инвестиций и повышению за счет этого фактора эффективности производства. Выводы и предложения авторов носят оригинальный характер, обладают значительной новизной и в случае реализации могут принести практическую пользу за счет обоснованного привлечения, рационального использования инвестиций и повышения за счет этого фактора эффективности производства.

Ключевые слова: инвестиции; эффективность; методические подходы к анализу; экономико-математические методы анализа и прогнозирования; метод Монте-Карло; распределение Шарлье; моделирование инвестиционного процесса; закон Гаусса; эффективность производства; инвестиционный процесс.

*Смелость – начало дела, но Случай – хозяин конца
Демокрит*

Введение

Сегодня трудно найти средство массовой информации, в котором отсутствуют термины *инвестор, инвестирование*, не обсуждаются различные аспекты инвестиционного процесса. Однако детерминантой большинства высказываний служит поиск инвестора, размер инвестиций, содержание инвестиционного портфеля, направления использования инвестиций. При этом упускается важнейший аспект проблемы – обоснование методов управления этим важным процессом.

Напомним, что известны несколько определений сущности управления (менеджмента) инвестициями. Одно из них – сбор, обработка и использование информации в целях принятия оптимального решения. Наука доказывает, а практика подтверждает, что искомый результат может быть достигнут только в случае использования трех условий: качественной информации, глубокого анализа, использования методов экономико-математического моделирования. Этому и посвящена статья.

Результаты исследования

Общепринятым критерием оценки эффективности инвестиционного проекта, решения о принятии его к внедрению является положительное значение чистого дисконтированного дохода (далее – NPV), размер которого определяется как разность текущей оценки будущих денежных поступлений и инвестиционных затрат. Понятно, что особенность инвестиционных проектов состоит в том, что значения их NPV носят вероятностный (случайный) характер.

Большинство описанных в литературе подходов к принятию решений о внедрении рискованных инвестиционных проектов носят описательный характер, т. е. предпринимаются попытки описать степень рискованности инвестиционного проекта неформализованно, на основе анализа факторов риска и их возможного влияния на эффект от проекта. В результате использования таких подходов можно определить значение NPV и степень риска получения этого значения, т. е. построить вероятностное распределение такой оценки – либо в виде таблицы (метод сценариев), либо непрерывное, как предусматривает метод стохастического (вероятностного, случайного) имитационного моделирования (например, метод Монте-Карло).

Как известно, основным критерием эффективности инвестиционных проектов является чистый дисконтированный доход NPV . Если $NPV > 0$, то это означает, что реализация инвестиционного проекта возместит первоначальные инвестиции (J_0), обеспечит получение прибыли и ее некоторый резерв, равный NPV . При $NPV < 0$ проект считается убыточным, его, следовательно, следует отклонить.

Таким образом, NPV – это максимальная сумма, которую может заплатить предприятие за возможность инвестировать средства в инвестиционный проект без ухудшения своего финансового положения. NPV – это показатель, на который может увеличиться стоимость фирмы, предприятия в результате реализации проекта.

Экономический смысл NPV заключается в следующем:

– во-первых, NPV можно трактовать как максимальную величину, на которую фирма должна увеличить свои инвестиции, чтобы не потерпеть убытков при сложившемся доходе и ставке дисконтирования;

– во-вторых, NPV может быть рассмотрена как сложившаяся величина чистого дохода (превышение совокупного долга);

– в-третьих, если инвестиции осуществляются за счет собственных средств, то NPV означает экономию инвестиций от вложения внутрифирменных средств;

– в-четвертых, NPV – это нереализованный прирост капитала;

– в-пятых, NPV характеризует массу прибыли от инвестированного капитала;

– в-шестых, – это цена, по которой можно выгодно продать идею проекта до его реализации [1, 2, 3].

Исследование чистого дисконтированного дохода почти двухсот инвестиционных проектов (большое число объектов – гарантия достоверности результатов) привело авторов статьи к заключению о том, что если главные параметры проектов распределены по нормальному закону (закону Гаусса), то чистый дисконтированный доход NPV всех исследованных инвестиционных проектов этому закону не подчиняется. Об этом свидетельствует, во-первых, вид гистограммы (эмпирического распределения) NPV , имеющей явно выраженную правостороннюю скошенность; во-вторых, значения коэффициентов асимметрии (скоса) s и эксцесса e , значительно отличающиеся от нуля. Это говорит о правосторонней асимметрии (так как $s > 0$) и об остроконечности (так как $e > 0$) кривой распределения NPV по сравнению с нормальной кривой (распределением Гаусса), у которой $s = e = 0$ [4].

Более того, проверка статистической гипотезы о нормальном распределении NPV была проведена также с помощью специальных статистических критериев: Колмогорова-Смирнова, ω^2 (омега-квадрат критерий), χ^2 (критерий хи-квадрат) и с помощью статистических пакетов прикладных программ STADIA, STATGRAPHICS, STATISTICA и SPSS [3]. Все эти критерии свидетельствуют об однозначности выводов об отсутствии у результативного показателя инвестиционных проектов (NPV) распределения вероятностей Гаусса.

Среди 35 непрерывных вероятностных распределений, наиболее часто используемых на практике, авторы статьи выбрали распределение Шарлье [5] как наиболее адекватное распределение вероятностей для чистого дисконтированного дохода NPV . Этот выбор был обусловлен следующими причинами:

Во-первых, распределение Шарлье используется на практике для сглаживания эмпирических распределений с умеренными асимметрией и эксцессом (а именно такие асимметрия и эксцесс оказались у всех исследуемых NPV).

Во-вторых, распределение Шарлье является четырехпараметрическим распределением вероятностей, где в качестве параметров выступают математическое ожидание (среднее значение) μ ; стандартное (среднеквадратическое) отклонение σ ; коэффициент асимметрии γ_1 и коэффициент эксцесса γ_2 . Статистические (выборочные) оценки этих четырех параметров довольно просто могут быть рассчитаны по эмпирическому распределению NPV (методом моментов или методом максимального правдоподобия). По этой причине распределение Шарлье может быть выбрано в качестве закона распределения *любого* инвестиционного проекта.

В-третьих, функция распределения Шарлье включает в себя функцию Лапласа $\Phi_0(x)$ и функцию плотности вероятности стандартного нормального распределения $\varphi(x)$, значения которых протабулированы и содержатся во всех учебниках, задачниках и справочниках по теории вероятностей, например, в работе Е. В. Гмурана [4], и Microsoft Excel.

Затем на информационной основе инвестиционного проекта, реализуемого ООО «Водолей» в 2014–2016 гг., была изучена обоснованность выбора распределения Шарлье как распределения вероятностей чистого дисконтированного дохода исследуемого проекта и возможностей, которые предоставляет такой выбор для прогнозирования, ибо, как говорил английский ученый Г. Спенсер: «цель всякой науки есть предвидение».

Целью инвестиционного проекта ООО «Водолей» послужило оказание услуг населению г. Набережные Челны по продаже и монтажу систем очистки воды. Системы водоочистки предназначены для очистки природной воды до показателей качества, отвечающих российским и зарубежным санитарно-гигиеническим требованиям. Основными составными элементами водоподготовки являются фильтры, пройдя через которые вода становится пригодной не только для хозяйственно-бытовых целей, но и для приготовления пищи.

Фирма ООО «Водолей» работает с фильтрами и комплексами по предварительной обработке воды различных компаний-производителей

(«Pentek», «Atoll», «Honeywel», «AirPump», «Seko»), а также магнитными преобразователями воды («MWS») и ультрафиолетовыми обеззараживателями («R-CAN»).

Компания «Pentek» поставляет оборудование, на основе которого собираются надежные и экономичные системы любого назначения – от водоснабжения домов до предприятий по бутылкованию питьевой воды и специального оборудования для производственных целей.

Наибольшей популярностью пользуются так называемые патронные системы «Pentek», состоящие из стандартных высокопрочных пластиковых колб и широкого ассортимента подходящих к ним картриджей.

На основе этих элементов можно создавать любые легко модернизируемые конструкции самого разного назначения путем параллельно-последовательного наращивания количества колб и наполнения их различными картриджами:

- фильтрами серии «Slim Line» для холодной воды;
- фильтрами серии «Big Blue» для холодной воды;
- аксессуарами.

«Atoll» включает 2 различные группы товара: питьевые фильтры бытового назначения и мощные системы коммерческого, и производственного назначения. Это оборудование характеризуется тем, что собирается в США из комплектующих нескольких производителей, специализирующихся в узких высокотехнологичных областях, поэтому в результате достигается высочайшее качество очистки воды, что подтверждается сертификатами NSF и WQA: системы очистки воды обратноосмотические; магистральные фильтры малой производительности «Slim Line» (с картриджами); магистральные фильтры высокой производительности «Big Blue» (с картриджами и без); проточные питьевые системы.

Системы очистки воды компании «Honeywel» обеспечивают грубую и тонкую очистку жидкости от механических примесей и защищают от скачков давления магистрали и любые устройства потребления воды. Продукция фирмы является образцом надежности, унифицированности и эргономичности: фильтры F 76S; FF 06; FK 06; HS 10S; редукционные клапаны; аксессуары для фильтров.

Магнитные преобразователи «MWS» предназначены для обработки воды полем постоянных магнитов большой мощности. Такая обработка позволяет избежать выпадения накипи на стенках труб и нагревательных элементов. При этом существующая накипь разрыхляется и выносятся потоком воды.

Магнитные преобразователи «MWS» могут быть включены в состав любых установок, подверженных накипеобразованию в процессе эксплуатации. В результате магнитной обработки воды вместо прикипевших твердых отложений кальция образуется оксидная пленка, защищающая оборудование от точечной коррозии.

Устройства МПВ «MWS» не требуют для работы каких-либо химических реагентов и затрат электроэнергии и являются абсолютно экологически чистыми: бытовая серия магнитных преобразователей воды; промышленная серия магнитных преобразователей воды. Фильтрационные системы очистки воды для квартиры отличаются от «коттеджных» простотой установки. Как правило, монтаж бытовых фильтров в многоквартирном доме не требует врезки в водопроводную линию.

ООО «Водолей» в рамках рекомендуемого инвестиционного проекта предлагает следующие цены на оборудование и стоимость монтажа систем очистки воды: «Аквафор Трио норма» (1 600 рублей), «Аквафор Кристалл М» (2 600 рублей), «Аквафор Кристалл Н» (2 300 рублей), «Барьер ПРОФИ Standart» (2 300 рублей), «Барьер ПРОФИ Ferrum» (2 800 рублей), «Домашняя станция очистки воды Overntrop Du 32R1» (18 500 рублей), «Фильтры механической очистки с ручной обратной промывкой BWT MULTIPUR 65M» (50 000 рублей). Стоимость монтажа первых пяти систем составляет 500 рублей, последних двух – 2 500 рублей. Необходимые для реализации инвестиционного проекта средства в сумме $J_0 = 2,5$ млн рублей вложены учредителями в долях (20 % для каждого из них). Эта сумма не является обременительной для инвесторов, в связи с чем ООО «Водолей» не планирует привлекать внешние инвестиционные ресурсы.

В основу проведенного авторами исследования был положен метод Монте-Карло – метод стохастического имитационного моделирования [6], который объединяет идею анализа чувствительности и теорию игр. Изменения главных факторов

инвестиционного проекта были заданы не интервально, а в виде вероятностного распределения.

Согласно методу Монте-Карло на персональном компьютере (далее – ПК) в среде Microsoft Excel были сгенерированы 30 000 значений главных параметров проекта, изменяющихся в интервалах: цена (в рублях) $P = 3000 \div 3400$; условно-переменные затраты за единицу продукции (в рублях) $V = 2000 \div 2400$; и численность единиц продукции $Q = 5600 \div 5800$ (в год).

По 30 000 значений каждого из отобранных параметров проекта генерировались с помощью инструмента ПК «Анализ данных», «Генерация случайных чисел» в предположении, что каждый из них подчиняется нормальному вероятностному распределению со средними значениями: $\bar{V} = 2200$ рублей; $\bar{P} = 3200$ единиц $\bar{P} = 3200$ рублей. Любое из 30 000 сгенерированных значений параметра P , например, согласно методу Монте-Карло, комбинировалось с любым из 30 000 значений других параметров V и Q . Остальные параметры инвестиционного проекта считались неизменными. В результате по известной из инвестиционного анализа формуле для чистых поступлений от проекта [6] были рассчитаны на ПК 30 000 значений чистых поступлений NCF в виде аннуитета:

$$NCF_t = NCF = [Q(P - V) - F - A](1 - T) + A, \quad (1)$$

а затем столько же значений чистого дисконтированного дохода NPV по формуле:

$$NPV = \sum_{t=1}^n \frac{NCF}{(1+r)^t} - J_0, \quad (2)$$

где $r = 0,24$ (или 24%) – ставка дисконтирования, $J_0 = 2,5$ млн рублей – первоначальные инвестиции, $F = 300 000$ рублей – постоянные расходы, $n = 3$ (лет) – срок инвестиционного проекта, $T = 0,2$ (или 20 %) – ставка налога на прибыль, $A = 12 000$ рублей – амортизация [6].

Исследование эмпирического распределения NPV (т. е. его гистограммы) указало на очевидную правостороннюю скошенность чистого дисконтированного дохода. Это является положительным моментом, так как означает, что большие значения NPV являются более вероятными (известно, что чем больше NPV , тем эффективнее инвестиционный проект). Для подтверждения правосторонней скошенности чистого дисконтированного дохода

был использован также другой инструмент «Анализа данных» ПК – «Описательная статистика». Результатом использования этого инструмента явилась нижеследующая электронная таблица, содержащая наиболее широко используемые в практическом анализе характеристики распределений для главных параметров проекта V , Q , P и его результативных показателей NCF и NPV .

Анализ статистических данных приведенной таблицы позволил сформулировать нижеследующие выводы.

Прежде всего, это касается исследования медиан главных параметров P , Q , V и результативных показателей NCF и NPV .

Как известно, медиана – это середина численного ряда или интервала. Как и математическое ожидание (т. е. среднее), медиана является одной из важнейших характеристик центра распределения случайной величины. В симметричных распределениях (например, в нормальном распределении – распределении Гаусса) значение медианы должно быть равным или очень близким к среднему значению. Из таблицы видно, что данное условие соблюдается для параметров проекта P , Q , V (так как значения их медиан лежат в интервале $(M(E) - \varepsilon; M(E) + \varepsilon)$, где ε – стандартная ошибка соответствующего параметра), чего нельзя сказать о результативных показателях NCF и NPV , поскольку значения их медиан существенно меньше их средних значений. Это также приводит к выводу о возможной правосторонней асимметричности их распределений.

Асимметричность или коэффициент асимметрии (скоса) s характеризует смещение распределения исследуемого параметра проекта относительно его среднего. Если $s > 0$, то длинная часть лежит правее среднего значения, и наоборот. Для нормального распределения $s = 0$. Как следует из таблицы, асимметрия главных параметров проекта P , Q , V практически несущественна ($s \approx 0$), однако, о NCF и NPV этого сказать нельзя, поскольку s для них равен 0,590111. Для оценки значимости коэффициента асимметрии s для NPV рассчитали стандартную ошибку асимметрии по известной формуле математической статистики [4]:

$$\sigma_{\text{асимм}} = \sqrt{\frac{6 \cdot (m-1)}{[(m+1)(m+3)]}}, \quad (3)$$

где m – число значений исследуемого параметра проекта (у нас $m = 30\,000$). Как известно из

теории математической статистики, если отношение коэффициента асимметрии s к величине его ошибки $\sigma_{\text{асимм}}$ меньше трех ($s : \sigma_{\text{асимм}} < 3$), то асимметрия считается несущественной, т. е. ее наличие объясняется воздействием случайных факторов. Поскольку для исследуемого проекта отношение $s : \sigma_{\text{асимм}} = 41,73063 > 3$ для NCF и NPV , то асимметрию следует считать существенной и высказанное выше предположение о правосторонней скошенности NCF и NPV подтверждается.

Аналогичным образом была осуществлена проверка значимости величины эксцесса e . Из теории математической статистики [6] известна формула для расчета стандартной ошибки эксцесса

$$\sigma_e = \sigma_{\text{эксцесс}} = \sqrt{\frac{24 \cdot m(m-2)(m-3)}{(m-1)^2(m+3)(m+5)}}, \quad (4)$$

где m – число значений случайной величины (у нас это NPV и $m = 30\,000$). Известно, что если отношение ($e : \sigma_e$) меньше трех, то эксцесс следует считать незначительным и его величиной можно пренебречь. В нашем случае $\sigma_e = 0,028279$ и $e : \sigma_e = 16,3671$, что значительно больше трех и, следовательно, наличие эксцесса объясняется воздействием на случайную величину NPV неслучайных факторов и потому им (эксцессом) нельзя пренебречь [6].

Как известно, эксцесс характеризует остроконечность (в случае его положительности) или пологость (при его отрицательности) вероятностного распределения изучаемой случайной величины (NPV) по сравнению с нормальным распределением [6]. Теоретически эксцесс нормального распределения должен быть равен нулю, однако на практике для генеральных совокупностей больших объемов его малыми значениями можно пренебречь.

Как следует из приведенной таблицы, параметры P , Q , V распределены по нормальному закону, так как их коэффициенты асимметрии (скоса) и эксцесса близки к нулю. Однако результативный показатель проекта – его чистый дисконтированный доход NPV – не распределен по нормальному закону, о чем свидетельствуют его коэффициенты асимметрии и эксцесса (и их значимость), а также вид гистограммы NPV , указывающий на остроконечность (так как $e > 0$) и несимметричность (так как $s > 0$) кривой распределения NPV по сравнению с нормальной кривой.

Выше было доказано, что в качестве закона распределения для чистого дисконтированного дохода NPV исследуемого инвестиционного проекта следует выбрать распределение Шарлье. Поэтому в качестве статистических оценок μ^* , σ^* , γ_1^* и γ_2^* четырех параметров распределения Шарлье были выбраны значения соответствующих параметров из электронной таблицы «Описательная статистика»: $\mu^* = 6912509$ (среднее значение); $\sigma^* = 4115382$ (стандартное отклонение); $\gamma_1^* = 0,590111$ (асимметричность); $\gamma_2^* = 0,462875$ (эксцесс). Сам закон распределения вероятностей чистого дисконтированного дохода NPV распределения Шарлье тогда будет задан следующей функцией распределения:

$$F(x) = \frac{1}{2} + \Phi_0\left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right) - \varphi\left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right) \cdot \left\{ \frac{\gamma_1}{6} \left[\left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right)^2 - 1 \right] + \frac{\gamma_2}{24} \cdot \left[\left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right)^3 - 3 \cdot \left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right) \right] \right\} = \frac{1}{2} + \Phi_0\left(\frac{x-6912509}{4115382}\right) - \varphi\left(\frac{x-6912509}{4115382}\right) \cdot \left\{ \frac{0,590111}{6} \cdot \left[\left(\frac{x-6912509}{4115382}\right)^2 - 1 \right] + \frac{0,462875}{24} \cdot \left[\left(\frac{x-6912509}{4115382}\right)^3 - 3 \cdot \left(\frac{x-6912509}{4115382}\right) \right] \right\}, \quad (5)$$

где μ – параметр положения, математическое ожидание (среднее значение) случайной величины NPV ; σ – параметр масштаба, стандартное отклонение; γ_1 – параметр формы, асимметрия; γ_2 – параметр формы, эксцесс;

$$\varphi(x) = \frac{1}{\sqrt{2 \cdot \pi}} \cdot e^{-\frac{x^2}{2}} - \quad (6)$$

плотность вероятности (функция плотности) стандартного нормального распределения;

$$\Phi_0(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \cdot \int_0^x e^{-\frac{z^2}{2}} \cdot dz - \quad (7)$$

функция Лапласа [5].

Функция распределения случайной величины является, как известно, ее исчерпывающей характеристикой, т. е. знание функции распределения обеспечивает исследователя (инвестора) полнейшей информацией о возможном поведении чистого дисконтированного дохода NPV в будущем, так как позволяет вычислить любую из вероятностей вида $P\{NPV > U\}$, где U – любая сумма (доллар, евро или рубль), т. е. вероятность того, что чистый

дисконтированный доход превзойдет денежную сумму U (доллар, евро или рубль).

Если инвесторам (менеджерам) инвестиционного проекта важно знать, какова будет вероятность того, что чистый дисконтированный доход (резерв прибыли проекта NPV) превзойдет сумму 6 млн рублей, т. е. $P\{NPV > 6\,000\,000\}$, то, как известно из теории вероятностей [4], эту вероятность удобнее находить по формуле:

$$P\{NPV > 6\,000\,000\} = 1 - P\{NPV < 6\,000\,000\}, \quad (8)$$

поскольку вероятность $P\{NPV < 6\,000\,000\}$ – это есть значение функции распределения случайной величины NPV в точке $x=6\,000\,000$, т. е. $P\{NPV < 6\,000\,000\} = F(6\,000\,000)$. Используя таблицы функций $\Phi_0(z)$ и $\varphi(z)$ из работы Гмурмана [2] и рассчитали $F(6\,000\,000)$ по формуле (5).

$$\text{Итак, } \frac{6000000 - 6912509}{4115382} = -0,2217 \text{ и } \varphi(-0,2217) =$$

$= 0,3894$; $\Phi_0(-0,2217) = -\Phi_0(0,2217) = -0,0871$ в силу четности функции $\varphi(x)$: $\varphi(-x) = \varphi(x)$ и нечетности функции Лапласа $\Phi_0(x)$: $\Phi_0(-x) = -\Phi_0(x)$ [4]. Тогда $P\{NPV < 6\,000\,000\} = F(6\,000\,000) = 0,4444$ по формуле (5) и искомая вероятность составит $P\{NPV > 6\,000\,000\} = 1 - 0,4444 = 0,5556$ или 55,6 %.

Важно отметить, что рассчитанная по формуле (5) вероятность того, что NPV будет больше нуля и, следовательно, проект следует внедрять, равна: $P\{NPV > 0\} = 1 - P\{NPV < 0\} = 1 - F(0) = 1 - 0,5 - \Phi_0(-1,68) + \varphi(-1,68)$.

$$\left\{ \frac{0,590111}{6} \cdot [1,68^2 - 1] + \frac{0,462875}{24} \cdot [(-1,68)^3 + 3 \cdot 1,68] \right\} =$$

$= 0,97088$ или 97,1 %, где значения функций $\Phi_0(-1,68) = -0,0973$ и $\varphi(-1,68) = 0,4535$ взяты из таблиц [4].

Подчеркнем, что вероятность риска данного инвестиционного проекта, т. е. $P\{NPV < 0\}$, рассчитанная методом Монте-Карло, равна 2,87 %, поскольку 861 значение NPV из 30 000 оказалось меньше нуля: $\left(\frac{861}{30000}\right) \cdot 100\% = 2,87\%$.

Отсюда видно, что результаты расчетов риска по методу Монте-Карло (2,87%) и по распределению вероятностей Шарлье (5) 2,912 (100 % - 97,088 % = 2,912 %) практически совпадают, т. е. теоретическое распределение Шарлье адекватно

сгладило эмпирическое распределение вероятностей чистого дисконтированного дохода NPV исследуемого проекта.

Аналогично по функции распределения (5) были рассчитаны другие интересующие инвестора вероятности, например, такие как:

$$P \{NPV > 4 \text{ млн рублей}\} = 0,7565 \text{ или } 75,65 \%;$$

$$P \{NPV > 8 \text{ млн рублей}\} = 0,356 \text{ или } 35,6 \%$$

и т. д.

Выводы

Знание таких вероятностей обеспечит инвестора информацией о целесообразности инвестирования в данный проект и прогнозом будущих денежных поступлений от реализации проекта.

Внеаудиторные встречи авторов статьи с выпускниками университетов, институтов, с молодыми предпринимателями, с обучающимися на факультетах повышения квалификации выявляют преобладающее у них мнение о том, что надежды на положительные результаты деятельности предприятий, фирм, сфер экономики связываются ими в основном с размерами инвестиций, их структурой и сроками использования. Трудно возразить против важности всех этих сторон данной проблемы. Однако думается, что такой под-

ход не имеет научной основы, а следовательно, контрпродуктивен. Заявке на инвестиции должен предшествовать глубокий анализ и прогнозирование эффективности инвестиционного процесса с использованием инновационных методических подходов. Определенную помощь в креативном решении этой актуальной проблемы может оказать содержание приводимой статьи.

Список литературы

1. Теплова Т. В. Финансовый менеджмент: управление капиталом и инвестициями: учебник. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 504 с.
2. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2004. 888 с.
3. Чугунов В.И., Прокаева И.Г. К вопросу качества технико-экономического обоснования инвестиционного проекта // Финансы и кредит. 2013. № 27 (555). С.64–69.
4. Гмурман Е.В. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике: учеб. пособие. 11-е изд., перераб. М.: Высшее образование, 2006. 404 с.
5. Вадзинский Р.Н. Справочник по вероятностным распределениям. СПб.: Наука, 2001. 295 с.
6. Лукасевич И.А. Анализ финансовых операций. Методы, модели, техника вычислений: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 1998. 400 р.

В редакцию материал поступил 16.09.14

© Рабинович Л. М., Фадеева Е. П., 2014

Информация об авторах

Рабинович Леонид Михайлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: info@ieml.ru

Фадеева Елизавета Петровна, доктор экономики, кандидат физико-математических наук, доцент, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 423322, г. Набережные Челны, Набережночелнинский проспект, 31, тел.: (3552) 34-04-96
E-mail: office@chl.ieml.ru

Как цитировать статью: Рабинович Л.М., Фадеева Е.П. Инвестиционному процессу научное управление // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 170–182.

L. M. RABINOVICH,

Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Doctor of Economics, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

E. P. FADEYEVA,

Doctor of Economics, PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor

Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

SCIENTIFIC MANAGEMENT FOR INVESTMENT PROCESS

Brevity is the beginning of business, but Incident is the master of its ending.
Democritus

Objective: Basing on the results of long-term researches of the authors, to reveal the principles of solving the most complex, important and disputable aspects, allowing to take a new view of the investment issue, which is often referred to, but is still poorly investigated.

Methods: During research a complex of various methods was used, such as economic-mathematical methods of modelling and empirical analysis with statistical software STADIA, STATGRAPHICS, STATISTICA and SPSS. Besides, the Monte-Carlo method of investment risk estimation and Charlier probability distribution were used.

Results: It was stated, theoretically proved and methodologically grounded that, despite the current opinion, the main parameters of the two hundred investment projects under research are normally distributed (Gauss Law), while the *NPV* does not follow this law. That is why the traditional methods cannot be used and should be substituted for the ones presented in the article. The reliability of the results is high due to the use of the actual database of two hundred investment objects.

Scientific novelty: grounding the non-standard, creative approach to investment projects evaluation and choosing the most effective option.

Practical value: the owners, managers and employees of enterprises of various economic sectors may implement the new methods of analysis, and prediction of investment processes, which will promote the rational using of investment and increasing the production efficiency. The authors' conclusions and proposals are unique and new, and their implementation can be practically useful due to the grounded attraction and rational use of investment, thus increasing the production efficiency.

Key words: investment; efficiency; methodological approaches to analysis; economic-mathematical methods of analysis and prediction; Monte-Carlo method; Charlier probability distribution; modelling of investment process; Gauss Law; production efficiency; investment process.

References

1. Teplova, T.V. *Finansovyi menedzhment: upravlenie kapitalom i investitsiyami: uchebnik* (Financial Management: capital and investment management: textbook). Moscow: GU VShE, 2000, 504 p.
2. Vilenskii, P.L., Livshits, V.N., Smolyak, S.A. *Otsenka effektivnosti investitsionnykh projektov. Teoriya i praktika: ucheb. posobie* (Estimation of investment projects' efficiency. Theory and practice: manual). Moscow: Delo, 2004. 888 p. ISBN 5-7749-0286-2
3. Chugunov, V.I., Prokaeva, I.G. *Kvoprosukachestvatekhniko-ekonomicheskogoobosnovaniainvestitsionnogoproekta* (On the issue of the quality of technical-economic grounding of an investment project). *Finansy i kredit*, 2013, no. 27 (555), pp.64–69.
4. Gmurman, E.V. *Rukovodstvo k resheniyu zadach po teorii veroyatnostei i matematicheskoi statistike: ucheb. posobie* (Manual on solving problems in probability theory and mathematical statistics: manual). Moscow: Vysshee obrazovanie, 2006, 404 p. ISBN 5-9692-0032-8.
5. Vadzinskii, R.N. *Spravochnik po veroyatnostnym raspredeleniyam* (Reference book on probability distributions). Saint-Petersburg: Nauka, 2001, 295 p.
6. Lukasevich, I.A. *Analiz finansovykh operatsii. Metody, modeli, tekhnika vychislenii: ucheb. posobie* (Analysis of financial operations. Methods, models, calculation technique: manual). Moscow: YuNITI, 1998, 400 p. ISBN 5-85173-115-X

Received 16.09.14

Information about the authors

Rabinovich Leonid Mikhailovich, Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Financial Management, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: info@ieml.ru

Fadeyeva Elizaveta Petrovna, Doctor of Economics, PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 31 Naberezhnochelnskiy Prospekt, 423322, Naberezhniye Chelny, tel.: (3552) 34-04-96

E-mail: office@chl.ieml.ru

How to cite the article: Rabinovich L.M., Fadeyeva E.P. Scientific management for investment process. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 170–182.

© Rabinovich L. M., Fadeyeva E. P., 2014

УДК 33212:91

Н. Х. САДЕКОВА,

аспирант

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Нижний Новгород, Россия*

МЕСТО КЛАСТЕРА В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Цель: определить роль и место кластера в структуре региональной экономики на примере двух ведущих субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации: Нижегородской области и Республики Татарстан.

Методы: диалектического познания и системного мышления, методы анализа и синтеза статистической информации, классификации, дедукции, синергетического подхода.

Результаты: на основе анализа современных теоретических подходов к созданию различных территориальных форм организации производства и на базе проанализированной статистической информации доказана необходимость развития кластерного механизма в субъектах Российской Федерации. Обоснована ведущая роль регионов как фактора устойчивого экономического роста страны в целом. Проведена сравнительная характеристика уровней инновационности производства, в том числе организаций, функционирующих в составе кластеров, по Нижегородской области и Республике Татарстан. На основе синтезированных данных по двум субъектам Приволжского федерального округа осуществлен SWOT-анализ конкурентоспособности кластеров в исследуемых регионах.

Научная новизна: в статье сформулировано новое понятие региона в рамках системного подхода и конкретизировано понятие кластера в соответствии с рыночными тенденциями. Проведен анализ сильных и слабых сторон развития кластеров на территории Нижегородской области и Республики Татарстан, определены возможности и угрозы для функционирования региональных кластерных структур в условиях вступления России в ВТО.

Практическая значимость: Обобщенные теоретические положения и аргументированные выводы статьи могут быть учтены в процессе обоснования приоритетных направлений развития кластерной политики двух исследованных субъектов Приволжского федерального округа для повышения общего уровня конкурентоспособности региональной экономической структуры как части экономики страны.

Ключевые слова: кластер; регион; социально-экономическая система; рыночная экономика; инновации; конкурентоспособность; ВТО; реальный сектор экономики.

Введение

В нынешних условиях сохраняющихся антироссийских санкций ведущая роль в развитии экономики страны отводится регионам. В очередной раз значимость данного тезиса подтвердил на недавнем заседании Государственного совета Президент Российской Федерации Владимир Путин: «Речь идет о формировании такой экономической политики, такой стратегии, при которой все усилия федеральных и региональных органов власти должны быть переориентированы на развитие реального сектора» [1]. Реальный сектор являет собой базис экономики государства, определяющий характер размещения основных видов хозяйственной деятельности на территории страны и степень их концентрации. От рациональности организации производства, отвечающей требо-

ваниям соблюдения местных экономических, геополитических, социальных, исторических особенностей развития, во многом будет зависеть возможность извлечения максимальной выгоды из имеющихся в регионе ресурсов.

Модель кластера, приведенная в статье, рассматривается автором в качестве одной из наиболее перспективных форм оптимального размещения производственных мощностей на территории РФ.

Внедрение понятия «кластер» в экономическую мысль – явление относительно недавнее (начало 1990-х гг.), и связывается оно с именем всемирно признанного американского эксперта в области изучения конкурентных преимуществ наций М. Портера [2]. Вместе с тем для нашего государства последнее десятилетие прошлого века ознаменовано сменой не только политиче-

ской и социальной парадигмы, но и переводом экономики страны с командно-планового на рыночный вектор. В свою очередь современный этап развития российского общества характеризуется усилением процесса регионализации хозяйственной жизни.

В результате, соотнося параллельно происходящие на Западе и в России события, закономерным образом формулируется необходимость определения роли и места кластера в структуре современной рыночно ориентированной экономики региона.

Результаты исследования

В рамках исследуемой проблемы регион предлагается рассматривать как пространственную социально-экономическую систему, обладающую целостностью в территориальном и временном континуумах, являющую собой целесообразное сочетание структурных элементов и отношений связи и проявляющую свойство открытости для внешней среды. Последнее характеризует регион как систему, концентрирующую ресурсы, поступающие в нее как извне, так и аккумулируемые непосредственно в пределах административно-территориальных границ [3, с. 8]. Результатом деятельности системы являются материальные и социокультурные блага, необходимые для удовлетворения потребностей людей [4]. Если рассматривать проблему развития субъекта федерации с точки зрения того, что исходной целью ее решения является обеспечение достойного уровня жизни местного населения, то она представляет собой изучение функциональной зависимости равновесных переменных (совокупности количественных и качественных показателей), которые для четкости восприятия целесообразно оформить в две большие группы:

- группа, характеризующая эффективность функционирования региональной экономики;
- группа, характеризующая эффективность функционирования социальной сферы региона.

Регионализация экономики на современном этапе обуславливает активизацию процесса структурной модернизации территориального хозяйства, направленного по своей сути на обеспечение интеграции и согласованности вновь формирующихся организационных единиц в единую социально-экономическую систему. Од-

ним из таких динамично развивающихся институциональных образований, которое уже успело найти активное практическое применение в ряде европейских стран [5], является кластер.

Под кластером (происходит от английского «cluster» – гроздь, скопление) в широком смысле понимают некое объединение однородных элементов, выступающее впоследствии самостоятельной единицей, обладающей определенными характеристиками. Однако столь обобщенное определение может перемежаться с трактовкой других, достаточно схожих с понятием кластера экономических дефиниций. Среди них могут быть указаны: территориально-производственный комплекс (далее – ТПК), промышленный узел, технопарк и технополис. Для того чтобы разграничить и упорядочить применяемые в современном деловом и бизнес-сообществе термины, определимся с основаниями их классификации.

В качестве отправной точки рационально прибегнуть к подходу, сформулированному И. В. Пилипенко [6], который обосновал два главных критерия разделения основных форм организации производства на классы.

Во-первых, определяется, что явилось первопричиной создания организационной единицы. С одной стороны, может проявляться действие рыночного механизма на сложившийся уклад ведения территориального хозяйства, и тогда как закономерная реакция на объективно сформировавшиеся предпосылки самостоятельно образуется конкретная структура организации производства. С другой стороны, необходимость создания той или иной формы может быть продиктована в административном порядке, следовательно искусственным образом возникает необходимый инструмент реализации решений органов власти федерации, регионов или органов местного самоуправления.

Во-вторых, необходимо установить, каков преобладающий размер компаний в складывающейся производственной связи. Другими словами, на практике осуществляется слияние либо малых и средних предприятий, либо средних и крупных, либо только крупных предприятий, либо предприятий всех трех размеров. Как результат, совмещение двух главных групп критериев (по И. В. Пилипенко) в единой системе координат являет собой следующую логически выстроенную классификацию форм организации производства (табл. 1).

Таблица 1

Классификация форм территориальной организации производства*
(Classification of the forms of production territorial organization)

Условия создания	Преобладающий размер предприятий			
	Малые и средние	Средние и крупные	Крупные	Малые, средние и крупные
Самостоятельно образованные	«промышленный район» А. Маршалла (Великобритания); «промышленный округ» Дж. Бекаттини (Италия); локальный и региональный кластер	промышленная платформа для сборочных заводов транснациональных корпораций	кластер «центр – градообразующие предприятия»	промышленный район «центр – крупное предприятие»; промышленный район «центр – государственное предприятие»
Искусственно созданные	техно-, наукопарк; бизнес-инкубатор; инновационно-технологический центр (ИТЦ)	ТПК	ТПК	технополис

* *Источник:* составлено автором на основе Приложения 6 к Ежегодному экономическому докладу 2008 г. / Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» «Стратегия-2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов».

Таким образом, территориальный кластер – это автономно сформировавшаяся структура, каркас которой составляют мелкие и средние (локализованные) или крупные (определяющие региональную специализацию) предприятия, а функционирование предопределено тенденциями развития рынка.

Рассматривая кластер как продукт и в тоже время инструмент рыночно ориентированной экономики страны и ее регионов, следует отметить, что его функциональная активность во многом определяет качественный и численный уровень развития ключевых параметров социально-экономической системы. В рамках данного исследования проводится сравнительная характеристика кластерной политики, осуществляемой на территории Нижегородской области и Республики Татарстан.

Как свидетельствуют проводимые в России и за рубежом исследования, кластеры стимулируют значительный рост производительности и внедрение инноваций [7]. Руководствуясь этим основанием, для начала предлагается оценить динамику инновационной деятельности выбранных для рассмотрения регионов. По оперативным данным Федерального института промышленной собственности (далее – ФИПС) о подаче заявок на объекты промышленной собственности (далее – ОПС), в период с 2009 по 2013 гг. [8] Нижегородская область и Республика Татарстан вошли в четверку наиболее передовых инновационных регионов в Приволжском федеральном округе. Тем не менее, исследуя уровень изобретательской

активности за последнее пятилетие, который рассчитывается как количество поданных заявок на выдачу патентов на полезную модель и изобретение на 10 000 жителей территории, примечательно отметить, что по всем субъектам округа соответствующий коэффициент существенно колеблется. Данная тенденция может свидетельствовать о несбалансированности финансовых поступлений в сферу научных исследований и инноваций по таким ключевым направлениям, как подготовка научных кадров, внедрение нововведений на производство, осуществление предприятиями различных форм собственности научных разработок. В численном выражении результативность инновационной деятельности территорий в сопоставлении индексов физических объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по итогам 2013 г. в соответствии с официальными данными территориального органа Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) представлена в табл. 2.

На основании сводных данных табл. 2 можно подтвердить сделанный ранее вывод о нестабильности и разнородности финансовых потоков, функционирующих на территории организаций. Касательно Республики Татарстан следует отметить, что на протяжении последних лет основной ориентир в структуре экономики, в частности развития кластеров, делался на сферу промышленного производства. Однако с 2012 г., когда по всей территории России в полной мере стали реализовываться нормативно-правовые и экономические

Таблица 2

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами*

(Volume of shipped goods of own production, works and services)

Регион	Организациями промышленного производства				Организациями сферы услуг			
	всего		в том числе: инновационные товары, работы, услуги		всего		в том числе: инновационные товары, работы, услуги	
	2013 г., млн руб.	в % к 2012 г.	2013 г., млн руб.	в % к 2012 г.	2013 г., млн руб.	в % к 2012 г.	2013 г., млн руб.	в % к 2012 г.
Приволжский федеральный округ	7 428 502,9	107,0	1 054 607,1	118,2	545 322,5	105,2	74 035,6	127,6
Республика Татарстан	1 429 456,8	103,5	313 872,3	116,6	100 075,7	97,9	8 447,6	258,5
Нижегородская область	852 296,2	107,3	149 516,0	112,9	100 118,0	100,5	23 154,5	118,3

* *Источник:* [9]. Темпы роста в 2013 г. в % к соответствующему периоду 2012 г. рассчитаны автором по оперативным данным Росстата.

решения по вступлению нашей страны во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО), возникла необходимость пересмотра вектора развития регионального хозяйства для повышения конкурентоспособности собственной продукции. Так, за предыдущий год республика произвела значительные работы по повышению научного потенциала, увеличив объемы инновационной продукции в том числе в сфере услуг. Анализируя приведенную информацию по Нижегородской области, можно заметить, что в абсолютном выражении регион представляет себя как более стабильно и планомерно развивающийся. Причем в последнее время наибольшую актуальность приобретает первостепенность деятельности сервисного кластера на территории [10, с. 314], которому отводится роль обеспечения каждой фазы воспроизводственного цикла комплексом услуг по внедрению энергосберегающих технологий – от аудита энергопотребления, разработки проектов, их внедрения до совершенствования учета и контроля энергопотребления.

Помимо инновационного обогащения хозяйственного механизма региональной экономики, функционирование предприятий кластера образует синергетический эффект за счет взаимодействия бизнеса, органов власти, науки, инфраструктуры, а также кредитных, профессиональных и общественных организаций. Участие многочисленных и разноплановых субъектов в рамках данной формы организации производства реализуется на базе принципа государственно-

частного партнерства (далее – ГЧП), передачи и обмена знаний и технологий, повышения уровня образования и квалификации трудовых ресурсов [11]. Постоянное взаимовлияние способствует налаживанию формальных и неформальных связей, что позволяет достигать оптимального сочетания между двумя равновесными по своей силе тенденциями, имеющими место быть внутри кластера: к совместному ведению бизнеса для получения дополнительного эффекта и в тоже время к конкурентной борьбе между предприятиями-участниками по отдельным сферам. О том насколько гармонично осуществляется деятельность кластеров и каковы перспективы роста их позиций в структуре экономики двух исследуемых регионов Приволжского федерального округа, позволяет судить такой маркетинговый инструмент как SWOT-анализ. По итогам его реализации автор обоснованно формирует целостное представление о сильных и слабых сторонах функционирования внутренней среды предприятий в составе кластеров, а также о существующих возможностях и угрозах из развития, действие которых провоцируется факторами внешней среды (табл. 3).

Выводы

Исходя из синтезированной информации, рассматриваемой автором, представляется возможным заключить, что по большинству вопросов Республика Татарстан и Нижегородская область имеют схожие проблемы в развитии кластерного

Таблица 3

SWOT-анализ конкурентоспособности региональных кластеров*
(SWOT-analysis of the regional clusters competitiveness)

Показатель		Нижегородская область	Республика Татарстан
Внутренняя среда кластеров	Сильные стороны	– доступный сервис и послепродажное обслуживание; – расширение сети международных партнеров; – большой спектр научно-технических компетенций; – действенность механизмов ГЧП	– известность торговых марок на внешнем и внутреннем рынках; – вариативность модельного ряда выпускаемой продукции; – высокая степень инновационности производства; – стабильность дилерской сети
	Слабые стороны	– моноспециализированность; – нехватка высококлассных специалистов; – высокая энерго- и ресурсоемкость по некоторым направлениям производства; – слабо развитая транспортная инфраструктура; – относительно высокий уровень кредитной задолженности	– рост себестоимости продукции; – недостаточная приверженность потребителя; – высокая степень износа оборудования по отдельным группам производства; – инфраструктурные ограничения (транспортная, инженерная, энергетическая); – нехватка финансовых ресурсов
Внешняя среда кластеров	Возможности	– кооперация оборонной промышленности с гражданскими производствами; – модернизация системы профессиональной подготовки с требованиями современного производства; – локализация и интеграция в кластер иностранных предприятий; – усиление интернационализации научной деятельности	– диверсификация предприятий и запуск производств новых видов продукции; – развитие системы профессионального обучения и повышения квалификации; – модернизация технологий производства в части улучшения эксплуатационных характеристик; – наращивание исследовательской базы
	Угрозы	– ужесточение ценовой конкуренции в связи с вступлением в ВТО; – ухудшение условий финансирования на фоне глобальных процессов; – снижение конкурентоспособности организаций, товаров и услуг на внешнем рынке вследствие антироссийских санкций	– ужесточение ценовой конкуренции в связи с вступлением в ВТО; – снижение спроса на продукцию в связи со снижением экономического роста; – снижение конкурентоспособности организаций, товаров и услуг на внешнем рынке вследствие антироссийских санкций

* *Источник:* составлено автором.

механизма на своей территории. Главным образом, вызовы и угрозы исходят из внешнего окружения и продиктованы объективными законами развития мировой экономики, локомотив которой движется по рыночным рельсам. Однако, как было определено в ходе исследования, в существующих обстоятельствах именно кластер является тем действенным инструментом, применение которого призвано обеспечить взаимовыгодное сплочение активов ключевых участников местного (регионального, национального) рынка для противодействия негативному влиянию извне.

Таким образом, следует резюмировать, что для повышения конкурентоспособности национальной экономики, составной частью которой является устойчиво развивающаяся хозяйственная структура региона, необходимо акцентировать внимание на потенциальные возможности от развития территориальных кластеров.

Список литературы

1. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46636> (дата обращения: 15.10.2014)
2. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. Harvard Business Review, 1990. No. 2. Pp. 73–93. URL: <http://hbr.org/1990/03/the-competitive-advantage-of-nations/ar/1> (дата обращения: 15.10.2014)
3. Морозова Г.А., Мальцев В.А., Мальцев К.В., Лапаев Д.Н. Инновационное развитие промышленных комплексов в регионе: монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. 160 с.
4. Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник ОГУ. 2012. № 8 (144). С. 133–143. URL: http://vestnik.osu.ru/2012_8/21.pdf (дата обращения: 15.10.2014)
5. Swords J. Michael Porter's Cluster Theory as a local and regional development tool – the rise and fall of cluster policy in the UK. Local Economy, 2013. No. 28 (4). Pp. 367–381. URL: http://nrl.northumbria.ac.uk/11207/3/local_econ_submission.pdf (дата обращения: 18.10.2014)
6. Пилипенко И.В. Проведение кластерной политики в России // Приложение 6 к Ежегодному экономическому докладу 2008 г. Общероссийской общественной организации

«Деловая Россия» «Стратегия-2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов». URL: http://www.biblio-globus.ru/docs/Annex_6.pdf (дата обращения: 15.10.2014)

7. Хасаев Г.Р., Михеев Ю.В. Кластеры – современные инструменты повышения конкурентоспособности региона (через Партнерство к будущему) // КОМПАС промышленной реструктуризации. URL: <http://compass-г.ru/st-5-03-1.htm> (дата обращения: 15.10.2014)

8. URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/regions/stat (дата обращения: 15.10.2014)

9. URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/statistics/enterprises/science/ (дата обращения: 15.10.2014)

10. Морозова Г.А. Конкурентоспособность региона // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. Н. Новгород, 2013. 480 с.

11. Трофимова Т.В., Ломовцева А.В. Кластерное взаимодействие предприятий как механизм повышения конкурентоспособности региона (на примере Нижегородской области) // Российское предпринимательство. 2013. № 14 (236). С. 35–43. URL: http://www.creativeconomy.ru/mag_gp/archive/29174/ (дата обращения: 15.10.2014)

В редакцию материал поступил 22.10.14

© Садекова Н. Х., 2014

Информация об авторе

Садекова Найля Халиловна, аспирант кафедры управления и маркетинга, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 46, тел.: (831) 412-41-64

E-mail: nl.sdkv@bk.ru

Как цитировать статью: Садекова Н.Х. Место кластера в структуре региональной экономики: сравнительная характеристика Нижегородской области и Республики Татарстан // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 183–189.

N. KH. SADEKOVA,

Post-graduate student

Nizhny Novgorod Institute for Management – branch of Russian Academy of Economy and State Service of the Russian President, Nizhny Novgorod, Russia

THE PLACE OF A CLUSTER IN THE STRUCTURE OF REGIONAL ECONOMY:

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF NIZHNIY NOVGOROD REGION AND TATARSTAN REPUBLIC

Objective: to determine the place and role of the cluster in the structure of the regional economy on the example of two leading regions of the Volga Federal district of the Russian Federation: the Nizhny Novgorod region and the Republic of Tatarstan.

Methods: the dialectic cognition and systemic thinking, methods of analysis and synthesis of statistical information, classification, deduction, synergistic approach.

Results: basing on the analysis of contemporary theoretical approaches to the creation of various territorial forms of production organization and the analyzed statistical information, the necessity to develop the cluster mechanism in the Russian Federation subjects is shown. The leading role of the regions as a factor of sustainable economic growth is justified. Comparative characteristics is given to the levels of production competitiveness, including for organizations functioning within clusters the Nizhny Novgorod region and the Republic of Tatarstan. Basing on the synthesized data from two Volga Federal district subjects, a SWOT analysis of the clusters competitiveness in the studied regions is carried out.

Scientific novelty: The article formulates a new concept of a region in the framework of systemic approach and elaborates the concept of a cluster in accordance with market trends. The analysis of the strengths and weaknesses of cluster development on the territory of Nizhny Novgorod region and the Republic of Tatarstan is carried out, the opportunities and threats to the functioning of the regional cluster structures under the Russia's joining the WTO are identified.

Practical value: the summarized the oretical provisions and conclusions can be taken into account in the process of justification of the priority directions of cluster policy development in two Volga Federal district subjects to improve the overall level of competitiveness of the regional economic structure as part of the country's economy.

Key words: cluster; region; socio-economic system; market economy; innovations; competitiveness; the WTO; the real sector of the economy.

References

1. <http://www.kremlin.ru/news/46636> (accessed: 15.10.2014)
2. Porter, M. E. The Competitive Advantage of Nations. Harvard Business Review, 1990, no. 2, pp. 73–93, available at: <http://hbr.org/1990/03/the-competitive-advantage-of-nations/ar/1> (accessed: 15.10.2014)
3. Morozova, G.A., Mal'tsev, V.A., Mal'tsev, K.V., Lapaev, D.N. *Innovatsionnoe razvitie promyshlennykh kompleksov v regione: monografiya* (Innovative development of industrial complexes in the region: monograph). Nizhny Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoi akademii gos. sluzhby, 2010, 160 p.

4. Lapaeva, M.G., Lapaev, S.P. Region kak prostranstvennaya sotsial'no-ekonomicheskaya sistema gosudarstva (Region as a territorial social-economic system of a state). *Vestnik OGU*, 2012, no. 8 (144), pp. 133–143, available at: http://vestnik.osu.ru/2012_8/21.pdf (accessed: 15.10.2014)
5. Swords, J. Michael Porter's Cluster Theory as a local and regional development tool – the rise and fall of cluster policy in the UK. *Local Economy*, 2013, no. 28 (4), pp. 367–381, available at: http://nrl.northumbria.ac.uk/11207/3/local_econ_submission.pdf (accessed: 18.10.2014)
6. Pilipenko, I.V. *Provedenie klasternoi politiki v Rossii. Prilozhenie 6 k Ezhegodnomu ekonomicheskomu dokladu 2008 g. Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii «Delovaya Rossiya» «Strategiya-2020»: ot ekonomiki «direktiv» k ekonomike «stimulov»* (Cluster policy in Russia. Appendix 6 to the 2008 Annual report on Economy of the All-Russia public organization “Business Russia” “Strategy-2020”: from the economy of “directives” to the economy of “stimuli”), available at: http://www.biblio-globus.ru/docs/Annex_6.pdf (accessed: 15.10.2014)
7. Khasaev, G.R., Mikheev, Yu.V. Klasteriy – sovremennyye instrumenty povysheniya konkurentosposobnosti regiona (cherez Partnerstvo k budushchemu) (Clusters – the modern tools of increasing the region competitiveness (via partnership to the future)). *KOMPAS promyshlennoi restrukturizatsii*, available at: <http://compass-r.ru/st-5-03-1.htm> (accessed: 15.10.2014)
8. http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/regions/stat (accessed: 15.10.2014)
9. http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/statistics/enterprises/science/ (accessed: 15.10.2014)
10. Morozova, G.A. *Konkurentosposobnost' regiona. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Competitiveness of a region. Economic safety of Russia: problems and prospects: materials of International Scientific-practical conference). Nizhegorodskii gosudarstvennyy tekhnicheskii universitetim. R.E. Alekseeva. Nizhny Novgorod, 2013, 480 p.
11. Trofimova, T.V., Lomovtseva, A.V. Klasternoe vzaimodeistvie predpriyatii kak mekhanizm povysheniya konkurentosposobnosti regiona (na primere Nizhegorodskoi oblasti) (Cluster interaction of enterprises as a mechanism of increasing the region competitiveness (on the example of Nizhny Novgorod region)). *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2013, no. 14 (236), pp. 35–43, available at: http://www.creativeconomy.ru/mag_rp/archive/29174/ (accessed: 15.10.2014)

Received 22.10.14

Information about the author

Sadekova Naylya Khalilovna, Post-graduate student of the Chair of Management and Marketing, Nizhny Novgorod Institute for Management – branch of Russian Academy of Economy and State Service of the Russian President
Address: 46 Gagarin Prospekt, 603950, Nizhny Novgorod, tel.: (831) 412-41-64
E-mail: nl.sdkv@bk.ru

How to cite the article: Sadekova N.Kh. The place of a cluster in the structure of regional economy: comparative characteristics of Nizhny Novgorod region and Tatarstan Republic. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 183–189.

© Sadekova N. Kh., 2014

Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / под общ. ред. И. И. Бикеева, П. А. Кабанова ; Институт экономики, управления и права (г. Казань) : серия в 3 т. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с. (Серия: Противодействие коррупции).

Словарь содержит широкий круг расположенных в алфавитном порядке терминов и их определений с пояснениями, посвященных различным аспектам коррупции и противодействия ей. Включены термины как научные, официальные, используемые в нормативных актах, так и неофициальные, в том числе жаргонные, распространенные в различных сферах практической жизни и относящиеся к рассматриваемым явлениям.

Будет полезен всем интересующимся состоянием коррупции, формированием и реализацией национальной (федеральной, региональной, ведомственной или муниципальной) антикоррупционной политики, в том числе студентам, аспирантам, научным и педагогическим работникам, сотрудникам судебных и правоохранительных органов, служащим органов публичной власти, общественным и политическим деятелям.

УДК 338.5

В. В. ШНАЙДЕР,

кандидат экономических наук,

*Тольяттинский филиал Российского государственного гуманитарного университета,
г. Тольятти, Россия,*

Л. А. КОРОСТЕЛЕВА,

аспирант

Финансово-технологическая академия, г. Королев, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА¹

Цель: теоретически обосновать процесс ценообразования в сложных условиях конкуренции; выявить основные ошибки процесса ценообразования; определить, как ценовая политика торгового предприятия на продукцию должна соотноситься с качеством, востребованностью и средним значением товаров-аналогов.

Методы: логический и сравнительный методы анализа.

Результаты: Исследования основаны на том, что цена, установленная для продукции предприятия, в равной степени имеет как внешнее, так и внутреннее по отношению к предприятию значение. Сложность экономических процессов, механизма ценообразования определена тем, что при изменении во времени уровня затрат, обусловленного совершенствованием технологий, ведущим к снижению издержек, и инфляцией издержек, приводящей к их росту, существенное влияние на величину издержек оказывает фактор времени. В статье выявлены наиболее часто используемые принципы формирования цен – это использование ценовой конкурентной стратегии, стратегия ценового демпинга, ценообразование по методу и ценообразование по методу «Себестоимость плюс прибыль».

Научная новизна: сгруппированы основные ошибки процесса ценообразования, к которым относятся установление: цены согласно рыночным ценам этого сегмента без учета истинной ценности продукта или услуги; одинаковой наценки на все продукты или услуги; необоснованное снижение цены на продукцию; определение единых цен для всех клиентов; трата времени на неэффективных клиентов; а также то, что при распродаже товаров торговое предприятие выбирает целью доходы, а не прибыль. На наш взгляд, в связи с волатильностью характера экономических процессов, т. е. спадом и ростом потребительского спроса в различных видах продукции торговым предприятиям необходимо уделить внимание поддержанию прибыльности отдельных клиентов и операций, учитывающих меняющиеся запросы потребителей и их чувствительность к ценам, а также лучше понимать микроэкономические факторы, воздействующие на их отрасль и на бизнес контрагентов. Как фактор второго порядка нами определен характер справедливой стоимости товара, т. е. ценовая политика торгового предприятия на продукцию должна быть ориентирована на качество, востребованность и среднее значение товаров-аналогов.

Практическая значимость: Предложенные механизмы ценообразования, пройдя основные этапы, направлены на оптимизацию ценовой политики и, как следствие, увеличение прибыли предприятий. Хотя соблюдение предложенных этапов ценообразования не спасет производителя от неудач, но может помочь избежать определенных ошибок в нестабильных рыночных условиях ведения бизнеса.

Ключевые слова: ценообразование; рыночная экономика; оптимизация; формирование; бизнес; принципы ценообразования; механизм; риск; себестоимость товара; ценовой демпинг.

Введение

Проблемы ценообразования на каждом этапе развития общества актуальны и значимы. Так, К. Маркс, рассматривая исторический процесс возникновения денег, выделял 4 его этапа или 4 формы стоимости: простая, единичная

(случайная), полная (развернутая), всеобщая и денежная форма стоимости. Вопросами ценообразования занимались: В. Е. Есипов [1], И. В. Липсиц [2], В. В. Савчук и И. Е. Троян [3] и др.

Базируясь на общих методах, правилах и принципах, ценообразование выделяет для себя

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ «Целевой конкурс по поддержке молодых ученых» (проект № 231-95-1539)

основные правила – формирование системы ценообразования, определение и обоснование цен, эффективное управление ценообразованием. Следовательно, теоретические аспекты механизма ценообразования в современных условиях ведения бизнеса, требуют глубокого познания.

Результаты исследования

В. В. Липсиц утверждает, что из четырех главных инструментов маркетинга (цена, продукт, маркетинговые коммуникации, организация продаж) отечественный бизнес использовал и развивал преимущественно три последних, а ценообразование рассматривалось как техническая задача – «цены строим по "рынку"» [2].

Основным отличием современного экономического рынка от классического ценообразования, при наличии маркетингового подхода к определению цены, является изменение самого подхода к формированию цены. Цена это не продукт простого рационального вычисления, это своего рода искусство поиска оптимальной и равновесной рыночной характеристики, учитывающей к тому же и факторы риска.

В современном бизнесе, в котором доля плохо формализуемых составляющих достаточно высока, процесс ценообразования является самым сложным явлением. Цена, установленная для продукции предприятия, в равной степени имеет как внешнее, так и внутреннее по отношению к предприятию значение. Во внешней среде цена определяет численность и состав покупателей, которые обеспечивают поступление денежных средств на предприятие. Внутри предприятия этих денежных средств должно хватить на покрытие издержек, связанных с проданными товарами, а также для дальнейшего развития бизнеса и выплат собственникам и инвесторам.

Сложность экономических процессов, механизма ценообразования определена тем, что при изменении во времени уровня затрат, обусловленного совершенствованием технологий, ведущим к снижению издержек, и инфляцией издержек, приводящей к их росту, существенное влияние на величину издержек оказывает фактор времени. Следует заметить, что при рассмотрении и использовании процесса ценообразования приходится принимать во внимание динамику издержек, связанных не только с производством, но и с последующим использованием товара (продукции).

Цены в условиях рынка являются инструментом конкуренции, перераспределения ресурсов и капитала; очевидно, что они формируются не только под влиянием спроса и предложения, но испытывают на себе множество самых разнообразных факторов, начиная от платежеспособного спроса населения и кончая ценами мирового рынка [1].

Проблемы формирования ценообразования не исчерпаны. Так В. В. Савчук и И. Е. Троян пишут: «На сегодняшний день многие компании, как им кажется, вообще не сталкиваются с проблемой установления цен на свои товары. Часто их товары конкурируют с другими аналогичными товарами, а для подобных товаров цена на рынке уже сложилась. Покупатели не желают платить выше привычной цены, а продавцы не желают продавать дешевле. Казалось бы, проблемы ценообразования и нет. Однако, при подведении итогов опять приходится возвращаться к проблеме цены с точки зрения полученной выручки, которую она обеспечивает для прибыльной (или хотя бы безубыточной) работы компании» [3].

Современная жизнь изменилась еще в одном пункте – если раньше покупатель пытался снизить цену, торговец ее поднять, то сегодня торговые предприятия пытаются переложить ответственность за корректировку цен на производителя. Так появляется рынок, особенностями которого являются значительные скидки, реклама и маркетинг [4].

Особенности установления цен на товары, присущие современным российским предприятиям представлены на рис. 1.

1. Использование ценовой конкурентной стратегии	2. Стратегия ценового демпинга	3. Ценообразование по методу «Себестоимость плюс прибыль»
Цены устанавливаются либо на уровне ведущего на рынке конкурента, либо на уровне средних среди конкурентов цен, либо на уровне, который ниже всех конкурентов	Подобное «ценообразование» за короткий срок способно привести предприятие не только к коренным изменениям в ценовой политике, но и к фатальным последствиям	Их цены мало взаимодействуют с существующим на рынке ценовым уровнем. Учитывается себестоимость и маржа, которую предприниматель хотел бы получить

Рис. 1. Особенности установления цен на товары*
(Fig. 1. Peculiar features of goods price-setting)

* Источник: [5].

Большинство предприятий стараются любым способом повысить продажи. Они используют различные технологии, в том числе SEO, маркетинг, снижение цен и пр. Однако наиболее эффективный

способ увеличения дохода – оптимизация цен. Главной задачей торгового предприятия при этом является установление такой цены, которая отражала бы ценность предлагаемого к реализации продукта и которую будут готовы принять покупатели. Однако, большинство торговых предприятий формируют свои цены путем добавления наценки или маржи, никак не связывая их с ценностью продукта. В кризис многие торговые предприятия снижают цены, адаптируя их под кризисный рынок, чего делать категорически нельзя, так как все это способствует ухудшению сложившейся ситуации.

Ведущие ученые экономисты (В. Е. Есипов, И. В. Липсиц, В. В. Савчук, И. Е. Троян) в своих работах определяют основные ошибки процесса ценообразования. Мы предлагаем дополненную трактовку данной проблемы (рис. 2).

1. Установление цены согласно рыночным ценам этого сегмента, не принимая во внимание истинной ценности продукта или услуги
2. Установление одинаковой наценки на все продукты или услуги
3. Необоснованное снижение цен на продукцию
4. Установление единых цен для всех клиентов
5. Стремление предприятия при распродаже товаров получить доходы, а не прибыль
6. Трата времени на неэффективных клиентов

Рис. 2. Основные ошибки процесса ценообразования*

(Fig. 2. Main mistakes of price-forming)

* *Источник:* составлено авторами.

Рассмотрим приведенные выше ошибки:

1. Если цены выше той ценности, которую готовы принять покупатели, то продажи будут идти с трудом – в результате прибыль и доходы упадут. Если цены ниже той ценности, которую установили покупатели, то торговое предприятие теряет деньги. В результате продукт и бизнес обесценивается.

2. Нельзя устанавливать одинаковую наценку на все продукты или услуги, так как покупательская способность и желание платить относятся к конкретному продукту или услуге.

3. Нельзя опускать цены из-за страха потребительского сопротивления, поскольку меняется потребительское восприятие, конкурентная среда и, конечно, цены. В большинстве случаев менять цены по требованию клиентов неэффективно. Оптимальный способ – периодически менять цены и преподносить это как часть клиентского сервиса.

4. Нерациональным считается и установление единой цены для всех клиентов. Только сегментация клиентского контингента и условий продажи продукции будет способствовать увеличению прибыли, так как существует различное восприятие покупаемой продукции потенциальными клиентами.

5. Распродажи сокращают прибыль за счет цены, которая устанавливается ниже необходимого уровня. Ситуация еще больше ухудшается, если менеджеры по продажам самостоятельно устанавливают скидки в надежде продать максимальное количество товара.

6. Значительная часть времени отводится на работу с неэффективными клиентами. Прежде всего, следует определить самых выгодных клиентов вашей компании. Правило Парето: 80 % дохода несут 20 % наиболее лояльных клиентов – все еще действует. Уделите все свое время именно этим 20 % клиентов [5].

На наш взгляд, в связи с волатильностью характера экономических процессов, т. е. спадом и ростом потребительского спроса в различных видах продукции торговым предприятиям необходимо уделить особое внимание поддержанию прибыльности отдельных клиентов и операций, учитывающих меняющиеся запросы потребителей, их чувствительность к ценам, а также лучше понимать микроэкономические факторы, воздействующие на их отрасль и на бизнес контрагентов. Как фактор второго порядка нами определен характер справедливой стоимости товара, т. е. ценовая политика на продукцию предприятия должна быть ориентирована на качество, востребованность и среднее ценовое значение товаров аналогов.

Проблема ценообразования в компании не решается отдельными приемами или мнениями отдельных экспертов, а требует системного подхода. Се-

годня разработано достаточное количество методов формирования цены. Каждый из них может внести свой вклад в ценовую политику компании [3].

В связи с этим нами проведен анализ тактических приемов, помогающих найти баланс между объемом продаж и уровнем прибыльности в настоящих рыночных условиях (рис. 3).

Необходимо более подробно остановиться на значении каждого приема, составляющего механизм ценообразования:

1. Анализ сдвигов в структуре цен. Данный анализ проводится для выявления причин сокращения выручки (скидки при покупке большого количества товара или оплате наличными, бонусы и т. д.), а также затраты (на обслуживание, в том числе на послепродажную поддержку и транспортные расходы). Из-за роста издержек и падения спроса эти факторы оказывают более сильный и быстрый эффект, чем в условиях сокращения объемов продаж. Так, при удорожании топлива увеличиваются транспортные расходы и т. д. Вследствие падения спроса некоторые потребители получают чрезмерные скидки, если они приобретают сразу много товаров. Ведущие компании гораздо чаще, чем остальные, пересматривают фактический уровень своей прибыльности, чтобы понять, сколько реально они зарабатывают на каждой сделке и, соответственно, корректируют ценовую политику, например, вклю-

чают стоимость топлива в каждый заказ. В период экономической нестабильности важно учитывать все аспекты сделки, ведь потеря на каждом из них может быстро уничтожить прибыль.

2. Оценка и анализ изменений в прибыльности отдельных клиентов поможет определить их прибыльность и отследить момент, когда из-за увеличения затрат на обслуживание или сокращения объема покупок те или иные клиенты становятся нерентабельными.

3. Учет новых потребностей клиентов помогает гибко реагировать на изменение рыночных потребностей. При спаде потребности клиентов критерии выбора поставщиков резко меняются. Эффективность деятельности торгового предприятия будет зависеть от того, насколько часто оно оценивает ситуацию влияния экономических условий на клиентскую базу. Эти исследования помогают торговому предприятию быстро реагировать на перемены, корректировать цены и предложения. При низком спросе и дорогом сырье подобного рода корректировки предложения имеют огромное значение.

4. Анализ и оценка чувствительности потребителей к ценам. Так как рыночные цены меняются, а данные их анализа устаревают, то торговому предприятию в политике оптимального ценообразования поможет непрерывный анализ чувствительности потребителей к ценам.

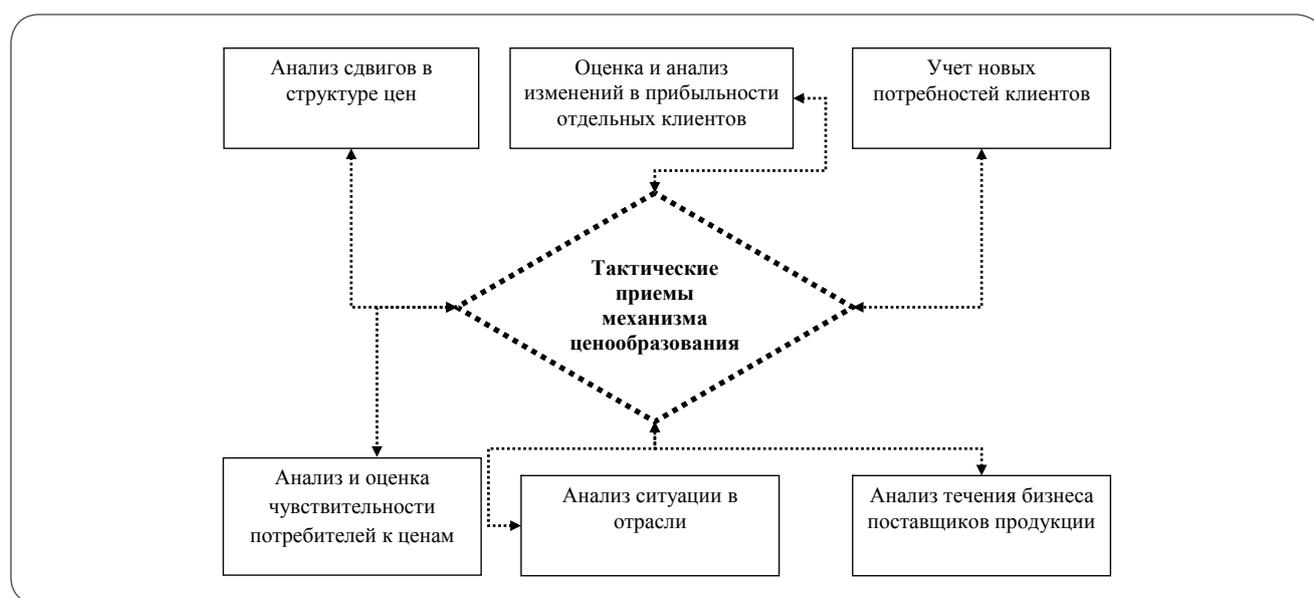

Рис. 3. Тактические приемы механизма ценообразования*

(Fig. 3. Tactic techniques of price-forming mechanism)

* Источник: составлено авторами.

5. Анализ ситуации в отрасли помогает избежать негативных последствий при резком изменении спроса и структуры затрат, так как ранее предсказуемые механизмы рыночного ценообразования дают сбой. В данной ситуации анализ доминирующих факторов влияния на изменения в системе ценообразования отрасли позволит торговому предприятию правильно реагировать на эти колебания.

6. Анализ бизнес-процессов поставщиков продукции. Из-за крайней нестабильности цен в условиях нынешнего экономического спада нужно анализировать основные экономические факторы не только в своих отраслях, но и в отраслях своих поставщиков.

Рассмотрим пример из зарубежного опыта формирования ценовой политики в США. Химическая компания разработала модель для анализа текущей динамики предложения, спроса и затрат в отношении одного из видов сырья. Пользуясь ею, аналитики компании предсказали, что цена на этот вид сырья вырастет на 15 %, причем это удалось сделать заранее – за 3 месяца до фактического повышения. Такое «попадание» еще более впечатляет, если учесть, что предыдущие 6 лет годовой рост цен на это сырье не превышал 5 %. Предвидя резкий взлет цен, компания стала оговаривать в контрактах с клиентами, если произойдет подорожание сырья, то ее отпускные цены тоже вырастут. Тем самым она предупредила протесты клиентов, неизбежные при скачке цен. Более того, переложив увеличивающиеся издержки на потребителей, компания создала в отрасли прецедент [6]. Следовательно, используя опыт зарубежных партнеров, российским предприятиям следует разработать аналогичные механизмы и инструменты формирования цен по каждой отрасли хозяйствования, которые могут служить ориентиром, как в настоящем, так и в будущем процессе ценообразования.

Исследуя вопросы механизма формирования цены на продукцию, товары или услуги, можно выделить его основные этапы (рис. 4) [4].

Выводы

В заключение необходимо отметить, что механизм ценообразования, пройдя основные этапы, направлен на оптимизацию ценовой политики и,

как следствие, увеличению прибыли предприятий. Хотя соблюдение предложенных этапов ценообразования не спасет производителя от неудач, но может помочь избежать определенных ошибок в нестабильных рыночных условиях ведения бизнеса.

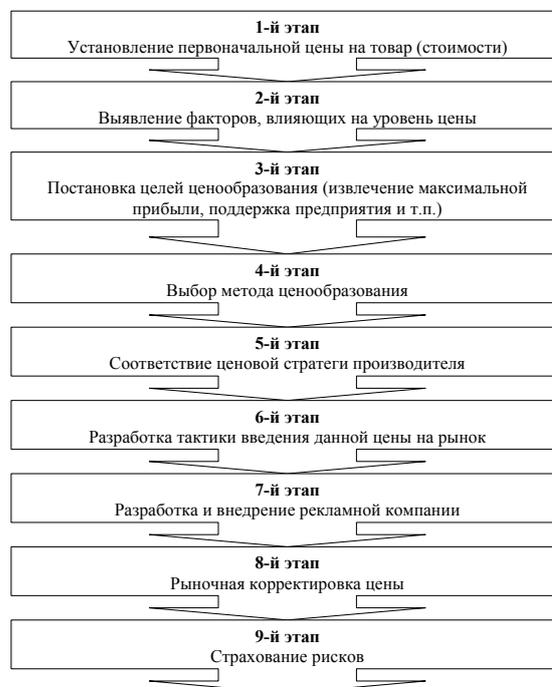

Рис. 4. Этапы механизма ценообразования
(Fig. 4. Stages of price-forming mechanism)

Список литературы

1. Липсиц И.В. Ценообразование: учеб.-практ. пособие. М.: Юрайт, 2011. 399 с.
2. Есипов В.Е. Цены и ценообразование: учебник для вузов. 3-е изд. СПб: Питер, 1999. 464 с.
3. Савчук В.В., Троян И.Е. Ценообразование в компании // Финансовый директор. 2008. № 10. С. 16–25.
4. Ценообразование в современных условиях. URL: <http://www.adhard.ru/page-al-cenoobrazovaniesovrysllov.html> (дата обращения: 21.08.2014)
5. Kehrer D. The 6 Biggest Pricing Mistakes to Avoid. URL: <http://www.business.com/business-planning/6-biggest-pricing-mistakes-avoid> (дата обращения: 21.08.2014)
6. Marn M.V., Moss S.C., Eyink Ch. N. Ценообразование во время кризиса // The McKinsey quarterly. URL: http://www.cfin.ru/anticrisis/methodical_material/consultantsl (дата обращения: 21.08.2014)

В редакцию материал поступил 22.09.14

© Шнайдер В. В., Коростелева Л. А., 2014

Информация об авторах

Шнайдер Виктор Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Российский государственный гуманитарный университет

Адрес: 445026, г. Тольятти, ул. Баумана, 3, тел.: (8482) 50-68-44

E-mail: gerutti1881@mail.ru

Коростелева Людмила Александровна, аспирант кафедры бухгалтерский учет и аудит, Финансово-технологическая академия

Адрес: 141070, г. Королев, ул. Гагарина, 42, тел.: (8482) 76-89-66

E-mail: v11e11g12a12@yandex.ru

Как цитировать статью: Шнайдер В.В., Коростелева Л.А. Теоретические аспекты механизма ценообразования в современных условиях ведения бизнеса // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 190–195.

V. V. SHNAIDER,

PhD (Economics),

Togliatti branch of the Russian State University for Humanities, Togliatti, Russia,

L. A. KOROSTELEVA,

Post-graduate student

Academy of Finance and Technology, Korolev, Russia

THE ORETICAL ASPECTS OF THE PRICE-FORMING MECHANISM UNDER MODERN BUSINESS CONDITIONS¹

Objective: to the oretically ground the price-forming process under competition; to reveal the main faults of the price-forming process; to define the balance between the price policy of a trading enterprise and the quality, demand and average price for analogs.

Methods: logical and comparative research methods.

Results: the research is based on the fact that the price set for the product has both the internal and external value. The complexity of economic processes and the price-forming mechanism determines the fact that the time influences costs greatly, due to the changes in the level of costs determined by technologies improving, which leads to the cost reduction, and inflation of costs, leading to their growth. The article reveals the widely used principles of price forming – the price competitive strategy, the price damping strategy, and the price forming by “Prime cost plus profit” method.

Scientific novelty: The main faults of the price-forming process are grouped, including: setting the price according to the market price, without calculating the true value of the product or service; the same profit margin for all products and services; ungrounded reduction of price; setting the same prices for all clients; wasting time for inefficient clients; setting the income, not profit as the objective of sales. In our opinion, due to the economic processes volatility, i.e. reductions and growths of consumer demand, the trading enterprises should pay more attention to maintaining the profitability of particular clients and operation, taking into account the changing demand of consumers and their sensibility to prices, as well as to develop better understanding of micro-economic factors influencing the sector and the counteragents’ business. We define the character of the fair price as the second order factor, i.e. the pricing policy of a trading enterprise should be oriented towards quality, demand and average price for analogs.

Practical value: The proposed pricing mechanisms are aimed at price policy optimization and, consequently, profit increase. Though the observation of the proposed price-forming stages does not guarantee against losses, it can help avoid certain mistakes under the unstable market conditions.

Key words: price-forming; market economy; optimization; formation; business; price-forming principles; mechanism; risk; goods prime cost; price damping.

References

1. Lipsits, I.V. *Tsenoobrazovanie: ucheb.-prakt. posobie* (Price-forming: teaching-practical manual). Moscow: Yurait, 2011, 399 p.
2. Esipov, V.E. *Tsemytsenoobrazovanie: uchebnik dlya vuzov* (Prices and price-forming: text book for universities). Saint-Petersburg: Piter, 1999, 464 p.
3. Savchuk, V.V., Troyan, I.E. *Tsenoobrazovanie v kompanii* (Price-forming in a company). *Finansovyi director*, 2008, no. 10, pp. 16–25.
4. *Tsenoobrazovanie v sovremennykh usloviyakh* (Price-forming under modern conditions), available at: <http://www.adhard.ru/page-al-cenoobrazovaniesovryslov.html> (accessed: 21.08.2014)
5. Kehler, D. *The 6 Biggest Pricing Mistakes to Avoid*, available at: <http://www.business.com/business-planning/6-biggest-pricing-mistakes-avoid> (accessed: 21.08.2014)
6. Marn, M.V., Moss, S.C., Eyink, Ch. N. *Ценообразование во время кризиса* (Price-forming during crisis). *The McKinsey quarterly*, available at: http://www.cfn.ru/anticrisis/methodical_material/consultantsl(accessed: 21.08.2014)

Received 22.09.14

Information about the authors

Shnaider Viktor Viktorovich, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Economics and Management, Togliatti branch of the Russian State University for Humanities

Address: 3 Bauman Str., 445026, Togliatti, tel.: (8482) 50-68-44

E-mail: gerutti1881@mail.ru

Korosteleva Lyudmila Aleksandrovna, Post-graduate student of the Chair of Accounting and Audit, Academy for Finance and Technology

Address: 42 Gagarin Str., 141070, Korolev, tel.: (8482) 76-89-66

E-mail: v11e11g12a12@yandex.ru

How to cite the article: Shnaider V.V., Korosteleva L.A. The oretical aspects of the price-forming mechanism under modern business conditions. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 190–195.

© Shnaider V. V., Korosteleva L. A., 2014

¹ The article is prepared with the support of RSSF “Contest for young scientists support” (project no. 231-95-1539).

УДК 338.24

О. Н. ЯРЫГИН,

кандидат педагогических наук, доцент,

А. А. КОРОСТЕЛЕВ,

доктор педагогических наук

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

СИСТЕМНАЯ ДИНАМИКА

КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Цель: обосновать необходимость изучения и применения принципов системной динамики и кибернетики в управленческой деятельности и при подготовке современного компетентного менеджера; показать, с одной стороны, сильные стороны системной динамики как метода исследования поведения управляемого объекта, а с другой – выявить ограничения на применимость системной динамики, указать «ложные эвристики» в принятии решений.

Методы: системного моделирования управленческой компетентности.

Результаты: В качестве одного из основных инструментов составляющих процедурные знания нами представлена системная динамика как метод исследования и управления сложными системами, характеризующимися нелинейностью и наличием обратных связей. На основании исследования литературных источников проведен анализ сильных и слабых сторон применения системной динамики как инструмента моделирования сложных систем для принятия управленческих решений. Представлены компьютерные системы моделирования, с помощью которых может проводиться исследование поведения, например, производственно-экономических систем в условиях рыночного взаимодействия и изменяющейся конъюнктуры.

Научная новизна: в работе впервые применяется метод системного моделирования для изучения самой управленческой компетентности методами системной динамики, выявлены особенности применения системной динамики как при формировании управленческой компетентности менеджера, так и при принятии решений в профессиональной деятельности. Формируемая таким образом управленческая компетентность как система обеспечивает не только эффективную деятельность, но и саморазвитие компетентности менеджера.

Практическая значимость: Метод системной динамики оказывается эффективным инструментом менеджера при управлении и исследовании поведения нелинейных динамических систем с обратными связями в экономике и производстве, например, управлении цепями поставок, управлении производственными потоками.

Ключевые слова: системный подход; теоретико-системная модель компетентности; управленческая компетентность; системная динамика; обратные связи; нелинейность; моделирование; имитация; социокibernетика; терминальные состояния.

Введение

Управленческая компетентность и ее компоненты. Для выявления основных компонентов современной управленческой компетентности необходимо, прежде всего, представлять область деятельности управленца (компетенцию менеджера) и критерии, по которым определяется эффективность работы по принятию решений в процессе управления динамическими недетерминированными системами в экономике и обществе. Понимание того, что включается в понятие управленческой компетентности, предполагает знание общей структуры этого психологического конструкта. В отличие от многочисленных описательных определений, рекомендованных специалистами по управлению персоналом и

психологами, мы предлагаем рассматривать компетентность как систему взаимодействующих знаний (декларативных и процедурных), способностей (врожденных и приобретенных в результате обучения), личностных качеств и ценностей человека, осуществляющего определенную деятельность в рамках заданной компетенции. Для описания такой системы используется теоретико-системная модель компетентности, представленная в работах О. Н. Ярыгина [1, 2].

Результаты исследования

Кратко опишем основные компоненты компетентности как системы. Всякая компетентность K как система определяется кортежем множеств $K = \langle \Omega, Q, T, F, R \rangle$, в котором каждое множество

отражает определенные стороны рассматриваемого явления.

Множество возможных состояний Ω описывает область профессиональной деятельности как множество проблемных ситуаций, т. е. множество задач и ситуаций, в которых применима данная компетентность и для решения которых она необходима. Для управленческой компетентности Ω представляет множество проблемных ситуаций, в которых требуется не только выбор одного из возможных вариантов действия, но и генерация возможных альтернатив, оценка их последствий, реакции окружающей среды. Множество входных состояний Q – это множество ситуаций и задач, входящих в Ω , в которых должно быть принято управленческое решение, в чем и проявляется компетентность в целом.

Множество правил или операций перехода F – это множество других компетентностей, способностей, умений, методов, алгоритмов решения задач, переводящих (возможно поэтапно), ситуацию в одну из ситуаций множества целевых терминальных состояний T .

Множество терминальных состояний T – это множество ситуаций, которые при данной компетентности признаются решениями проблемы в рамках заданной компетенции. При имеющемся уровне компетентности управленца терминальная ситуация не может быть изменена ни одной операцией из F . Например, если принято решение о заказе выбранного материала или дан ответ на вопрос об оптимальной стоимости плана перевозок, то на этом работа менеджера по логистике выполнена, так как решение о выполнении финансовых операций не входит в его компетенцию, и оно принимается и реализуется другими лицами. Множество T в задачах управления задается комплексом критериев достижения цели. В приведенном примере критерием является соответствие выбранной логистической операции и поставленной цели, состоящей в обеспечении бесперебойности производства.

Множества Q и F образуют множество того, что принято называть знаниями (известными или выводимыми из них заданными методами). Знания, необходимые для принятия решений, разделяются на декларативные («знаю, что»), т. е. знание понятий, фактов, связей между понятиями, критериев оценки альтернатив (множество Q), и

процедурные («знаю, как»), то есть знание преобразований, алгоритмов, операций над проблемными ситуациями и декларативными знаниями (множество F).

Таким образом, множество ситуаций Q вместе с критериями, позволяющими определить принадлежность ситуации к множеству T , и набором доступных операций множества F ограничивают компетенцию, как множество проблем, для которых, с одной стороны, требуются, а с другой – имеются методы решения. Множество F описывает приобретенные способности и умения управленца, а множество T задает цель деятельности.

В модели компетентности объектами преобразования могут оказаться и сами элементы множества $F = \{f_1, \dots, f_n\}$. Это означает, что в процессе реализации компетентности объектом деятельности могут стать сами проявляемые способности, процедурные знания, методы решения проблемных ситуаций. И такая способность к саморазвитию должна быть отражена в модели. Возможность такого самосовершенствования компетентности отражается множеством рефлексивных и креативных способностей обозначается R .

R – это множество других способностей, умений, методов, алгоритмов, неявных знаний, порождающих новые элементы и расширяющих множество F за счет включения в него новых элементов $r(f_1, \dots, f_n)$.

В случае применения таких преобразований изменяется и ситуация, и сама компетентность. При этом обновленная компетентность менеджера делает его способным решать проблемы и вне области, ограниченной компетенцией. Следовательно, компетенция, определенная для менеджера органом управления более высокого уровня, может быть расширена по мере развития его компетентности менеджера. Это соответствует повышению уровня квалификации и статуса управленца и, соответственно, расширению его компетенции.

Можно считать, что множество R характеризует креативность менеджера, проявляемую им при рефлексии собственной деятельности (самооценка, самоприменение, самокритика). Только такая составляющая компетентности объясняет ее самосовершенствование, без стремления к которому можно говорить лишь о профессиональной работе, но не о компетентной управленческой деятельности.

Как видим, управленческая компетентность представляет собой систему, сложность которой адекватна сложности систем, управление которыми составляет компетенцию современного менеджера.

Основными характерными чертами сложных систем в современной промышленности, экономике, обществе являются сетевая структура, динамичность и недетерминированность. В результате взаимодействия компонентов систем во времени и пространстве возникают обратные связи, нарушающие линейные причинно-следственные цепочки; временные задержки в реакциях системы и окружающей среды, которые приводят к неожиданным явлениям (например, *bullwhip*-эффект в управлении цепями поставок или кризисные явления в управлении предприятием); нелинейные зависимости, порождающие непропорциональные реакции на незначительные воздействия управленца на некоторый элемент системы (например, резкое падение спроса на продукцию в ответ на «малозначительное» изменение цены производителем).

Нелинейность сложных систем подразумевает не только и не столько то, что они описываются математическими моделями, содержащими нелинейные уравнения или неравенства, но, в основном, то, что изменение этих систем происходит не последовательным изменением состояний элементов от одного состояния к другому, а разнонаправленно и недетерминированно. Нелинейность поведения возникает из-за наличия обратных связей в рассматриваемой системе, в то время как эвристика линейности, усвоенная большинством менеджеров, предполагает, что «следствие наступает после причины». Для преодоления эвристики линейности необходимо проследить возникновение петель обратных связей в структуре сложной системы. По Д. Форрестеру «система с обратной связью существует там, где окружающая среда приводит к принятию решения, вызывающего действие, которое само влияет на окружающую среду и, значит, на дальнейшие решения» [3]. Говоря о таких системах, он подчеркивает, что «взаимодействие между компонентами системы может иметь большее значение, чем сами компоненты» [3]. Управление системами с обратной связью охватывает всю человеческую деятельность и все сложные природные явления, начиная от движения тектонических плит и эволюционных процессов и заканчивая управлением атомными

электростанциями и космическими системами. В книге «Мировая динамика» Д. Форрестер подчеркивает важность и всеобщность этого явления: «Самой важной концепцией в установлении структуры системы является идея, что все изменения обуславливаются «петлями обратных связей» [4]. Петля обратной связи – это замкнутая цепочка взаимодействия, которая связывает исходное действие с его результатом, изменяющим характеристики окружающих условий, которые, в свою очередь, являются «информацией», вызывающей дальнейшие изменения. Мы часто рассматриваем причину и следствие односторонне. Мы говорим, что действие *A* вызывает результат *B*. Но такое понимание не полно. Результат *B* представляет новое состояние системы, изменения которой в будущем повлияют на действие *A*. Петли обратных связей определяют действие и изменение в самых различных системах, от простейших до самых сложных. Все процессы роста и стабилизации генерируются петлями обратных связей» [4].

Именно так проявляется нелинейность взаимодействия с временной задержкой, присущая большинству производственных, экономических и социальных сложных систем. Но эвристика линейности не позволяет допустить нелинейные и непропорциональные изменения системы как реакцию на незначительные управляющие воздействия. Ярким примером проявления указанных ложных эвристик является работа менеджеров, участвующих в совместном управлении цепями поставок, которые являются сложными объектами с многочисленными динамическими элементами и разнообразными видами взаимодействий. Из-за того, что имеется много возможных переменных решения, координация работы ЦП в целом является сложной даже в тех случаях, когда единственная фирма управляет всеми звеньями. «Когда же звенья ЦП являются различными фирмами, задача становится совершенно обескураживающей» [3].

Современный компетентный менеджер должен преодолеть такие ложные установки, как эвристика линейности и многие другие, являющиеся составляющими опыта управленческой работы с «простыми системами».

Для решения проблем подобного рода современная наука управления выработала несколько основных дисциплин и методологий, для которых характерны системное мышление и системный под-

ход к решению проблем, а общим инструментом является компьютерное моделирование управляемых систем, основанное на математических моделях.

Системный анализ в управленческой деятельности применяется в основном на подготовительных этапах и служит, как правило, для стратегического уровня управления [5]. Проверка же его результатов и применение их в практическом управлении требуют новых средств. По справедливому замечанию Д. Форрестера: «Системный подход может быть ключом к системной динамике. Опасность исходит от людей, полагающих, что на системном подходе все и заканчивается. Системный подход только делает ум более «чувствительным», обращая наше внимание на жизнь систем. Некоторые люди убеждены, что они многое узнали именно на стадии системного подхода. Но они прошли, быть может, только 5 % пути к пониманию системы. Остальные 95 % – это структурирование системно-динамических моделей и проведение на этих моделях вычислительных экспериментов. Только вычислительный эксперимент может обнаружить существующую несогласованность в наших умственных моделях. Системный подход может быть первым шагом к пониманию динамики сложных проблем, но этого не достаточно» [6].

К дисциплинам, реализующим системный подход в управленческих науках, в первую очередь следует отнести системную динамику (промышленная, городская и мировая динамика Д. Форрестера, Д. Медоуза, бизнес-динамика Д. Стермана и др.), организационную кибернетику (модель жизнеспособных систем Ст. Бира), социокибернетику (Ст. Бир, Дж. Равен, автопоэзийные системы У. Матураны, Ф. Варелы).

Чтобы преодолеть причинно-следственную линейность как один из пороков управленческой деятельности в сложных системах, требуется установить основные причины и параметры нелинейностей, а именно:

- структуру системы и взаимовлияние элементов;
- запаздывания, происходящие при передаче информации, ее обработке и принятии решений;
- усиление, происходящее, когда действия оказываются более сильными (слабыми), чем это следует из принятой информации.

Эти задачи позволяет решить системная динамика, разработанная школой Форрестера

в Массачусетском институте технологии (MIT Sloan School of Management). Разработка системной динамики послужила мощным импульсом для развития системного подхода к управлению сложными системами [3, 4, 6].

Метод системной динамики позволяет с помощью компьютерного моделирования работать со сложными системами и учитывать большое количество факторов и их влияние на эти системы. С помощью специализированного программного обеспечения разрабатываются компьютерные модели, на которых, как на тренажере, имитируются возможные последствия предпринимаемых действий и способы повышения их эффективности. Таким образом, возможно не просто спрогнозировать результат, а знать, каковы будут последствия, и влиять на них. Системная динамика базируется на разработанных в физике, математике и инженерных науках методах нелинейной динамики и управляющих обратных связей.

На современном этапе развития общей теории управления речь ведется о синтезе этих дисциплин, позволяющем преодолеть ограничения, присущие каждой из них в отдельности. М. Шванингер и Х. Риос предлагают «строительство моста между двумя системными подходами, а именно системной динамикой (далее – СД) и моделью жизнеспособной системы (далее – МЖС), которая является главным представителем организационной кибернетики (далее – ОК). Такой синтез направлен на улучшение способности решения сложных проблем как в организациях, так и в обществе. Учитывая их соответствующие сильные стороны – моделирование и имитация содержания проблемы в случае СД, предоставление жизнеспособного организационного контекста в случае ОК – утверждается потенциальная плодотворность комбинации этих двух подходов» [7]. Именно на основе идей системной динамики и кибернетики развиваются социокибернетические подходы к исследованию сложнейших социально-экономических систем, в том числе и системы образования отдельного государства и человеческого общества в целом. История развития кибернетических теорий связана с именами великого физика М.-А. Ампера, который впервые ввел термин «кибернетика», Б. Трентовского, А. А. Богданова, распространивших кибернетический подход на организационное управление;

Л. фон Берталанфи, сформулировавшего основы общей теории систем; Н. Винера, открывшего единство управления системами в биологии, технике и обществе; Д. Форрестера, создавшего язык системной динамики и описавшего глобальные процессы; Ст. Бира, Г. Паска, Н. Н. Моисеева, реализовавших кибернетические принципы в управлении экономическими системами; Дж. Равена, развивающего социокибернетический подход в исследованиях образовательной системы и ее роли в развитии общества; наконец, У. Матураны и Ф. Варелы, которые ввели понятие «автопоэзисных¹ систем» для описания законов познания и развития человеческого общества.

Здесь уместно будет воспользоваться примечанием Дж. Равена: «полезно напомнить читателям, что кибернетика изучает управление процессами, которые регулируют поведение животных и машин ... и создание более совершенных машин. Из этого следует, что социокибернетика должна пониматься как дисциплина, имеющая в центре внимания изучение и отображение невидимых социальных сил, которые способствуют воспроизводству и, что более важно, непрерывному развитию, производству, расширению, и разработке этих автопоэзисных систем управления... и создания более совершенных» [8].

Из всех перечисленных выше дисциплин, основанных на системном подходе, рассмотрим более подробно системную динамику как методологию исследования сложности. Сильные стороны и ограничения методологии СД являются следствием ее специфических характеристик. В контексте многочисленных теорий и методологий движения систем отличительными чертами СД являются:

Обратная связь как концептуальная основа. СД-модельные системы – это многопетельные сети высокого порядка, состоящие из замкнутых контуров информации. Одновременно для них характерно, что интерес к нелинейности, долгосрочным паттернам и внутренней структуре, преобладает над внешними возмущениями [9].

¹ *Автопоэзис (аутопоэз)* (от др.-греч. αὐτός – сам, ποιήσις – сотворение, производство) – процесс самовоспроизводства системой своих компонентов с целью сохранения своей самоидентичности, отличающийся тем, что его в результате порождается в качестве продукта сам субъект процесса без разделения на производителя и продукт.

Тем не менее модели СД не являются «закрытыми системами», как иногда утверждается, в том смысле, что (а) потоки могут происходить из-за границ системы, (б) представления экзогенных факторов или систем могут быть включены в любую модель в качестве параметров или специальных модулей, и (с) новая информация может быть приспособлена с помощью изменений в модели. Другими словами, вид СД-модели зависит от вида системы, которая замкнута в причинном, но не в материальном смысле.

Сосредоточение внимания на внутренне генерируемых динамических процессах. Модели СД задуманы как закрытые системы. Модель отражает динамические процессы, порождаемые взаимодействием элементов системы, а также ее подсистем внутри самой системы. Ввиду замкнутого характера петель обратной связи и происходящих в них временных задержек, динамическое поведение этих систем становится нелинейным.

Акцент на понимании поведения системы. Для исследователей, применяющих СД, понимание динамики системы является первой целью, которая должна быть достигнута с помощью имитационного моделирования. Концептуально они пытаются понять события как элементы поведения, которые, в свою очередь, порождены рассматриваемыми структурами. Такое понимание проявляется в том, что СД, по словам Д. Форрестера, «показывает, как настоящая стратегия ведет к будущим последствиям». Таким образом, петли обратной связи являются одним из основных источников, казалось бы непредсказуемого поведения и трудностей управления. Как отмечает Дж. Стерман в книге «Бизнес-динамика и системное мышление», СД-модели позволяют проверять ментальные модели, оттачивать интуицию и улучшать обучение [10].

Высокая степень оперативности. В основе СД лежит формальное моделирование. Это способствует дисциплинированию мышления, так как все предположения, на которых основываются уравнения, а также количественные показатели должны быть строго описаны. Петли обратной связи и временные задержки визуализируются и формализуются с помощью специального языка системной динамики (язык уровней-потоков – петель обратных связей). Тем самым причинно-следственная логика, присущая модели делается

более прозрачной и более доступной для обсуждения разработчиками модели и менеджерами, которые будут принимать решения на ее основе. При этом достигается высокий уровень адекватности модели и реальной управляемой системы.

Возможность комбинации качественных и количественных аспектов структурного и имитационного моделирования. Эта возможность является следствием указанного выше фокусирования на понимании поведения системы. «Внимание фокусируется не на точно-точечных предсказаниях, но на генерации открытий паттернов поведения, генерируемых исследуемой системой» [9].

Возможность учета большого количества переменных и их взаимовлияния за счет мощного программного обеспечения. Изучение сложных систем требует наличия технических инструментов для их компьютерного моделирования. На сегодняшний день существует уже немало программных пакетов для создания имитационных моделей на основе системной динамики, таких как Vensim, PowerSim, IThink, STELLA, MyStrategy, AnyLogic, ExtendSim и др. Перечисленные пакеты достаточно просты в освоении и дают доступ к широкому спектру математических методов. Некоторые из них предлагают оптимизационные процедуры и инструменты визуализации и анимации процессов. Но для создания СД-моделей, кроме таких мощных инструментов, необходимо наличие определенной базы знаний, позволяющей успешно и эффективно применять компьютерные технологии. Основным объектом системно-динамического исследования становятся сложные системы, характеризующиеся динамическим поведением, неопределенностью, наличием обратных связей и временных задержек в реакции системы на воздействия окружающей среды и управляющие воздействия. Таким образом, знание и применение методов системной динамики становятся необходимыми компонентами управленческой компетентности современного менеджера.

Сравнивая в своей работе системную динамику и модели жизнеспособных систем Ст. Бира, М. Шванингер выделяет как сильные стороны, так и ограничения для применения сравниваемых дисциплин [7]. Следуя его методу, выделим сильные стороны СД.

1. «Его специфический подход к моделированию делает СД особенно полезной для

проникновения в суть паттернов поведения, демонстрируемых динамическими системами, а также понимания структур, лежащих в их основе. Моделирование замкнутой петли обратной связи оказалось наиболее полезным для достижения понимания динамики функционирования сложной системы» [7]. Такому пониманию особенно способствовал принцип моделирования систем в непрерывном режиме и на достаточно высоких уровнях агрегации [3, 4, 6, 12]. Пространства проблемных ситуаций и решений могут быть изучены с помощью сравнительно небольших, но глубоких моделей, а также с помощью анализа чувствительности и оптимизационных эвристик, включенных в программные пакеты. С помощью имитационных СД-моделей могут быть выявлены уязвимости различных конструкций системы и последствия вносимых структурных изменений.

2. «Общность методологии, и его мощь в кристаллизации оперативного мышления в реалистичных моделях, вызвали приложения в самых разных контекстах» [7]. Простое в использовании программное обеспечение и особенности визуального моделирования обеспечивают удобный механизм для совместного построения модели командой разработчиков. Например, в пакете программ STELLA общая модель может строиться из отдельно сконструированных модулей, в других системах модели могут взаимодействовать через общую базу данных и использовать другие общие ресурсы.

3. «Сильной стороной является импульс СД-движения» [7]. Вследствие сильных свойств отмеченных выше, сообщество СД-разработчиков и пользователей неуклонно растет, оно стало крупнейшим сообществом в системном движении. СД применяются в разных областях: от формальных и естественных наук до гуманитарных, на уровнях от построения теории до образования и преодоления проблем реального мира. Особенно большой рост демонстрируют приложения к организационным, социальным и экологическим вопросам [12, 13].

4. «Особенности СД делают ее исключительно эффективным инструментом для привития системного мышления для кого угодно» [7]. Это положение подтверждается широким внедрением СД в учебных классах, причем обучающиеся варьируются от школьников на уровне средних и начальных школ до менеджеров и ученых. К сожалению, следует отметить крайне малое

распространение системной динамики как изучаемой дисциплины даже в высшей школе России. В одной из своих статей В. И. Ленин писал: «Узок круг этих революционеров, слишком далеки они от народа...», т. е. от реального использования системной динамики не только в управлении реальными экономическими процессами, но и в обучении будущих управленцев.

Существенное, если не главное, ограничение состоит в том, что СД не обеспечивают формат для проектирования организационных структур, мыслимых как образцы отношений между организационными факторами, в том числе распределение действий и функций. То есть СД-модель не отражает возможного изменения структуры взаимодействия между ее подсистемами и элементами. Понятие структуры в кибернетике отличается от используемого в СД, которая строит причинно-следственную структуру проблемы, представляя ее с помощью уровней, потоков и петель обратной связи. Таким образом, СД исследует модели поведения, охватывающие события и структуры, которые порождают типы поведения как эмерджентные свойства. «Отсутствие формата для проектирования организационной структуры делает СД восприимчивой к влиянию извне» [7]. Другим ограничением применимости СД является представление непрерывных процессов, позволяющих описывать обратные связи с помощью дифференциальных уравнений, что предполагает описание реальной системы с помощью непрерывных функций. Это не позволяет СД моделировать дискретно-событийные процессы, а в случае применения СД-методологии к дискретным системам приводит к неадекватным выводам [14].

Несмотря на описанные ограничения, область применения СД становится все шире, особенно за счет его дополнения другими методологиями моделирования сложных систем, примерами чего могут служить сочетание СД и байесовских сетей доверия [15], социокибернетика [8, 16, 17, 18, 19, 20], политология [2] и др.

Роль СД в формировании управленческой компетентности не сводится только к воспитанию основ системного мышления у менеджеров различных уровней, что отмечено выше. СД может стать инструментом исследования самого психологического конструкта компетентности, обеспечить такое исследование СД-моделью компетентности.

При создании системно-динамической модели выделяются такие компоненты как уровни процедурных и декларативных знаний: [Знания, как], [Знания, что]. Эти уровни могут пополняться, за счет получения новых знаний, как результата той или иной деятельности (в том числе и учебной), но могут и уменьшаться за счет забывания или сознательного исключения знаний, опровергнутых практикой. Другие уровни отражают состояние таких компонентов компетентности как [Ментальный опыт], [Мотивация на избежание неудач], [Готовность], которые отражают мощности множеств Q и F в теоретико-системной модели компетентности, а также [Креативность], [Рефлексия], [Мотивация на достижения], отражающие мощность множества R .

Взаимодействие уровней и потоков опишем на примере уровня [Готовность], отражающего степень готовности индивида к преодолению трудностей и поиску новых путей при решении проблемы (см. рис.). На положительно влияет уровень [Мотивация на достижения] и отрицательно – уровень [Мотивация на избежание неудач]. Положительно влияет на [Готовность] и уровень [Ментальный опыт]. Уровни [Знания, как] и [Знания, что] влияют на готовность опосредованно, через уровень [Ментальный опыт]. Значения уровней через «вентили», регулирующие пополнение и снижение других уровней, влияют на их значения, в результате чего имитируется их взаимодействие в процессе обучения и практической деятельности носителя компетентности, за счет взаимодействия указанных психологических факторов, а петли обратной связи, образуемые их взаимовлияниями. Проследим одну из таких обратных связей: повышение уровня [Рефлексивность] положительно влияет на уровень [Мотивация избегания неудач], повышение которого отрицательно влияет на [Готовность], который отрицательно влияет на уровень [Мотивация на достижения], что снижает уровень [Креативность], а снижение этого уровня приводит к дальнейшему увеличению прироста уровня [Рефлексивность]. Выявленная петля задает положительную обратную связь, которая в случае отсутствия других обратных связей привела бы к постоянному росту рефлексивности и снижению готовности к принятию решений (очень «ответственный», но очень «нерешительный» индивид).

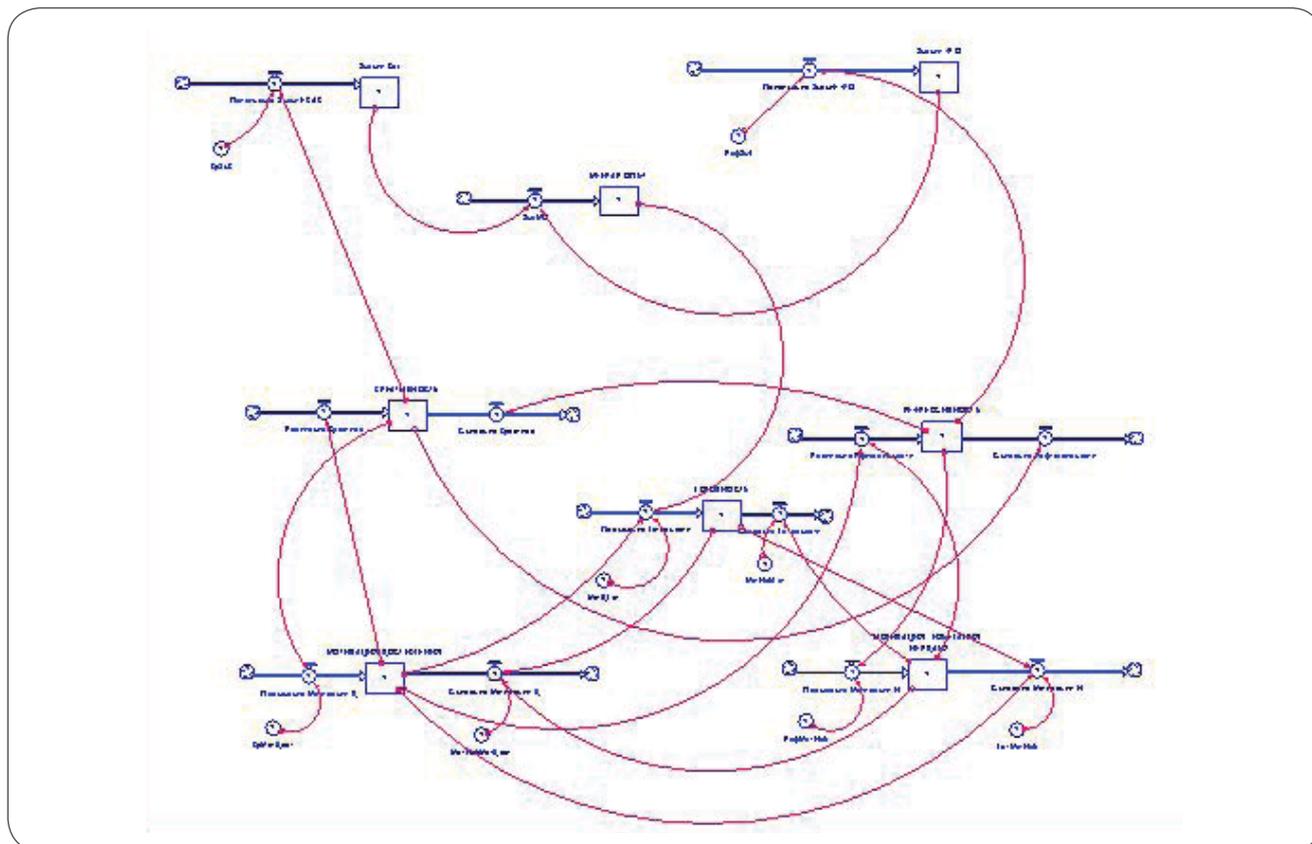

Рис. Системно-динамическая модель формирования компетентности (среда имитационного моделирования STELLA)*

(Fig. System-dinamyc model of competence (sphere of simulation STELLA))

* Источник: составлено авторами.

Выводы

Представленная концептуальная модель служит основой для создания целого класса СД-моделей, позволяющих наблюдать динамику изменения включенных в нее психологических факторов. Эти СД-модели будут отличаться начальными значениями уровней (характеристик индивида) и формулами, описывающими взаимодействие потоков (характеризующими сферу деятельности, управленческая компетентность в которой исследуется). Дальнейшие исследования предполагают моделирование изменения компетентностей различных «профилей», возможную классификацию степени сформированности компетентности по значениям достигаемых уровнями в устойчивых состояниях системно-динамической модели.

Список литературы

1. Ярыгин О.Н. Структура интеллектуальной компетентности и ее тестирование // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 2 (16). С. 410–413.

2. Ярыгин Г.О., Ярыгин О.Н. Системное мышление и компетентность в аналитической деятельности политолога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 129–139.

3. Форрестер Дж. Основы кибернетики предприятия: индустриальная динамика: пер. с англ. под ред. Д.М. Гвишиани. М.: ПРОГРЕСС, 1971. 340 с.

4. Форрестер Дж. Мировая динамика. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 379 с.

5. Казаков Ю.В. Системный подход к научно-исследовательской работе: учеб. пособие. Тольятти: ТГУ, 2010. 67 с.

6. Forrester J. System dynamics – a personal view of the first fifty years // System Dynamics Review. 2007. Vol. 23. Pp. 345–358.

7. Schwaninger M., Ríos J. System dynamics and cybernetics: a synergetic pair // System Dynamics Review. Vol. 24. No. 2. Pp. 145–174.

8. Равен Дж. Как мы должны понимать и отображать сеть социальных сил, стоящих за аутопоэзисными процессами, возникновение которых ведет наш вид к вымиранию, увлекая планету, какой мы ее знаем, вместе с нами, и как мы должны разрабатывать более эффективную социокибернетическую систему управления обществом: пер. с англ. О.Н. Ярыгина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 172–179.

9. Медоуз Д., Рандерс Й., Мкдоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. 342 с.
10. Sterman J., *Business Dynamics: System Thinking and Modeling for a Complex World*. URL: <http://web.boun.edu.tr/ali.saysel/Esc578/Sterman%2013.pdf> (дата обращения: 23.08.2014)
11. Путилов В.А., Горохов А.В. Системная динамика регионального развития. Мурманск: Пазори, 2002. 306 с.
12. Морган Г. Имиджи организации: восемь моделей организационного развития. М.: Вершина, 2006. 416 с.
13. Ford A. *Modeling the Environment* // Island Press, 2009. 400 p.
14. Ярыгин О.Н., Кондурар М.В. Преодоление ложной эвристики непрерывности с помощью дискретно-событийного имитационного моделирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 472–479.
15. Bosch O.J.H., Nguyen N. C., Maeno T., Yasui T. *Managing Complex Issues through Evolutionary Learning Laboratories* // *Systems Research and Behavioral Science*. 2013. Vol. 30. No. 2. Pp. 116–135.
16. Равен Дж. Компетентность, образование, профессиональное развитие, психология и социоканбернетика: пер. с англ. под ред. О.Н. Ярыгина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 2 (17). С. 170–204.
17. Ярыгин О.Н., Гайманова Т.Г. Формирование и развитие компетентности как эмерджентного свойства профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 77–82.
18. Ярыгин О.Н., Кондурар М.В. Индуктивное мышление как компонент интеллектуальной компетентности // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 40–42.
19. Ярыгин О.Н., Ярошинская Е.А. Преодоление ложных эвристик как неадекватных ментальных моделей // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 78–82.
20. Ярыгин О.Н., Рябова В.М. Искусственный интеллект и интеллектуальная компетентность // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1. С. 34–36.

В редакцию материал поступил 22.09.14

© Ярыгин О. Н., Коростелев А. А., 2014

Информация об авторах

Ярыгин Олег Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет
Адрес: 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, тел.: (8482) 53-92-47, 53-94-44
E-mail: Onyx2602@ Rambler.ru

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры экономической и управленческой подготовки, директор Центра научных журналов, Тольяттинский государственный университет
Адрес: 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, тел.: (8482) 53-92-47, 53-94-44

Как цитировать статью: Ярыгин О.Н., Коростелев А.А. Системная динамика как основа современной управленческой компетентности // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 296–105.

O. N. YARYGIN,

PhD (Pedagogy), Associate Professor,

A. A. KOROSTELEV,

Doctor of Pedagogy

Togliatti State University, Togliatti, Russia

SYSTEMIC DYNAMICS AS THE BASIS OF MODERN MANAGERIAL COMPETENCE

Objective: to ground the necessity to research and implement the principles of systemic dynamics and cybernetics in managerial activity and during a modern manager training; to, on the one hand, the strengths of systemic dynamics as a research method of the managed object behavior, and on the other hand – to reveal limitations for applicability of systemic dynamics; to list “false heuristics” in decision making.

Methods: systemic modeling of managerial competence.

Results: One of the main tools of procedural knowledge is systemic dynamics serving as a research method and method of complex systems management, characterized by non-linearity and feedback. Basing on the literature research, we have analyzed strengths and weaknesses of systemic dynamics application as a tool of complex systems modeling for managerial decisions making. Computer modeling systems are presented, which allow to research behavior of, for example, industrial-economic systems under market interaction and changing conjuncture.

Scientific novelty: For the first time the systemic modeling method is used to research managerial competence with systemic dynamics methods, the features of systemic dynamics implementation are revealed both in forming a manager's competence and when decision making in professional sphere. The formed managerial competence as a system ensures not only efficient activity but self-development of a manager's competence.

Practical value: The systemic dynamics method is an efficient managerial tool for management and research of non-linear dynamic systems' behavior with feedback in economy and industry, such as delivery chains management, and industrial flow management.

Key words: systemic approach; theoretical-systemic model of competence; managerial competence; systemic dynamics; feedback; non-linearity; modeling; imitation; socio-cybernetics; terminal states.

References

1. Yarygin, O.N. Struktura intellektual'noi kompetentnosti i ee testirovanie (Structure of intellectual competence and its testing). *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 2 (16), pp. 410–413.
2. Yarygin, G.O., Yarygin, O.N. Sistemnoe myshlenie i kompetentnost' v analiticheskoi deyatel'nosti politologa (Systemic thinking and competence in analytic activity of a politologist). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, no. 4, pp. 129–139.
3. Forrester, J. *Osnovy kibernetiki predpriyatiya: industrial'naya dinamika* (Bases of enterprise cybernetics: industrial dynamics). Moscow: PROGRESS, 1971, 340 p.
4. Forrester, J. Mirovaya dinamika (World dynamics). Saint-Petersburg: Terra Fantastica, 2003, 379 p.
5. Kazakov, Yu.V. *Sistemnyi podkhod k nauchno-issledovatel'skoi rabote: ucheb. posobie* (Systemic approach to scientific-research work: manual). Tol'yatti: TGU, 2010, 67 p.
6. Forrester, J. System dynamics – a personal view of the first fifty years. *System Dynamics Review*, 2007, vol. 23, pp. 345–358.
7. Schwaninger, M., Ríos, J. System dynamics and cybernetics: a synergetic pair. *System Dynamics Review*, vol. 24, no. 2, pp. 145–174.
8. Raven, J. Kak my dolzhny ponimat' i otobrazhat' se' sotsial'nykh sil, stoyashchikh za autopoiezisnymi protsessami, vznikovlenie kotorykh vedet nash vid k vymiraniyu, uvlekaya planetu, kakoi my ee znaem, vmeste s nami, i kak my dolzhny razrabatyvat' bolee effektivnyuyu sotsiokiberneticheskuyu sistemu upravleniya obshchestvom? (How we should understand and reflect the network of social forces behind auto-poesis processes leading our species to extinguishing together with the planet we know, and how we should elaborate a more efficient socio-cybernetic system of society management?) *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2014, no. 1 (16), pp. 172–179.
9. Meadows, D., Randers, I., Meadows, D. *Predely rosta. 30 let spustya* (Limits of growth. The 30-year update). Moscow: IKTs «Akademkniga», 2007, 342 p.
10. Sterman, J., *Business Dynamics: System Thinking and Modeling for a Complex World*, available at: <http://web.boun.edu.tr/ali.saysel/Esc578/Sterman%2013.pdf> (accessed: 23.08.2014)
11. Putilov, V.A., Gorokhov, A.V. *Sistemnaya dinamika regional'nogo razvitiya* (Systemic dynamics of regional development). Murmansk: Pazoni, 2002, 306 p.
12. Morgan, G. *Imidzhi organizatsii: vosem' modelei organizatsionnogo razvitiya* (Images of an organization: eight models of organizational development). Moscow: Vershina, 2006, 416 p.
13. Ford, A. *Modeling the Environment*. Island Press, 2009, 400 p.
14. Yarygin, O.N., Kondurar, M.V. Preodolenie lozhnoi evristiki nepreryvnosti s pomoshch'yu diskretno-sobytiinogo imitatsionnogo modelirovaniya (Overcoming the false heuristics of continuity with discrete-event imitation modeling). *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 3 (25), pp. 472–479.
15. Bosch, O.J.H., Nguyen, N. C., Maeno, T., Yasui, T. Managing Complex Issues through Evolutionary Learning Laboratories. *Systems Research and Behavioral Science*, 2013, vol. 30, no. 2, pp. 116–135.
16. Raven, J. Kompetentnost', obrazovanie, professional'noe razvitie, psikhologiya i sotsiokibernetika (Competence, education, professional development, psychology and socio-cybernetics). *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2014, no. 2 (17), pp. 170–204.
17. Yarygin, O.N., Gaimanova, T.G. Formirovanie i razvitie kompetentnosti kak emerdzhentnogo svoistva professional'nogo obrazovaniya (Formation and development of competence as an emergent property of professional education). *Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2012, no. 1, pp. 77–82.
18. Yarygin, O.N., Kondurar, M.V. Induktivnoe myshlenie kak komponent intellektual'noi kompetentnosti (Inductive thinking as a component of intellectual competence). *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2012, no. 1, pp. 40–42.
19. Yarygin, O.N., Yaroshinskaya, E.A. Preodolenie lozhnykh evristik kak neadekvatnykh mental'nykh modelei (Overcoming the false heuristics as inadequate mental models). *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2012, no. 1, pp. 78–82.
20. Yarygin, O.N., Ryabova, V.M. Iskusstvennyi intellekt i intellektual'naya kompetentnost' (Artificial intellect and intellectual competence). *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 34–36.

Received 22.09.14

Information about the authors

Yarygin Oleg Nikolayevich, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Togliatti State University
Address: 14 Belorusskaya Str., 445667, Togliatti, tel.: (8482) 53-92-47, 53-94-44
E-mail: onyx2602@rambler.ru

Korostelev Aleksandr Alekseyevich, Doctor of Pedagogy, Professor of the Chair of Economics and Management Training, Director of the Center of Scientific Journals, Togliatti State University
Address: 14 Belorusskaya Str., 445667, Togliatti, tel.: (8482) 53-92-47, 53-94-44

How to cite the article: Yarygin O.N., Korostelev A.A. Systemic dynamics as the basis of modern managerial competence. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 196–205.

© Yarygin O. N., Korostelev A. A., 2014

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.54

А. И. ЗАЙНАГУТДИНОВА,

аспирант

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОСТОРОННИХ ТОРГОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ДОХИЙСКОГО РАУНДА

Цель: на основе изучения многосторонних торговых переговоров Дохийского раунда в единстве их исторического развития выявить противоречия, проблемы, возможные итоги переговорного процесса.

Методы: анализа и синтеза, диалектический, исторический, логический, системного анализа.

Результаты: рассмотрены основные этапы, состояние и развитие Дохийского раунда переговоров. Определены основные проблемы и помехи экономически выгодного завершения Дохийского раунда переговоров, положительный опыт и негативные аспекты международных переговоров. Построена хронология и структура международных переговоров Дохийского раунда.

Научная новизна: выявлены экономические условия адаптации России к развитию в Международной торговой системе (далее – МТС) и проблемы переговорного процесса в разрезе структуры Дохийского раунда, которые создают теоретическую базу исследования по формированию программы адаптации российской экономики в условиях интеграции во Всемирной торговой организации.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть положены в основу документов при разработке и реализации органами государственной власти стратегии адаптации российской экономики во Всемирной торговой организации.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация; Дохийский раунд переговоров; разногласия; сельское хозяйство; обязательства; Соглашение о содействии торговле; хронология международных переговоров; «Балийский пакет» соглашений; Международное торговое сообщество; рынки товаров и услуг.

Введение

Процесс интеграции экономики России в мировую экономическую систему активно идет с начала 90-х годов прошлого столетия. Полноценное раскрытие масштабного потенциала современной российской экономики возможно при активном взаимодействии с мировой системой хозяйствования. Совокупность правил, условий, режимов функционирования на мировом рынке в условиях глобализационных изменений формируется совместно правительствами стран-участниц при решающей роли Всемирной торговой организации (далее – ВТО), объединяющей 160 стран, на которые приходится 97 % мировой торговли. С августа 2012 г. Россия также является членом ВТО. Наряду с Российской Федерацией к ВТО присоединились Черногория, Самоа и Вануату, Йемен [1].

Всемирная торговая организация создает для российских экономических субъектов равно

благоприятные условия для коммерческой деятельности в иностранных государствах в обмен на открытие отечественного рынка для иностранной конкуренции. Для этого Россия принимает «входные условия» в рамках торгового пространства ВТО в форме ставок импортных тарифов и условий поставки услуг, согласованные уровни государственной поддержки аграрного сектора, а также признает правила ВТО при урегулировании торговых споров. Нормы и правила ВТО подлежат перенесению в ее национальное законодательство и имеют над ним приоритет.

Каждый раунд переговоров представляет собой сложный переговорный процесс из переплетения различных экономических, торговых, геополитических целей, носящих различные векторы направленности по достижению целей сотрудничества, нормативной прозрачности, единых правил на конкурентных рынках единого торгового пространства.

Изучение положительного опыта, проблем и результатов международных торговых переговоров позволяют расширить и углубить теорию и практику формирования системы адаптации российской экономики в условиях полноценной интеграции в ВТО.

Результаты исследования

Деятельность Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) и ВТО осуществляется посредством многосторонних переговоров, каждый раунд которых представляет собой сложный переговорный процесс из переплетения различных экономических, торговых, геополитических целей, носящих различные векторы направленности по достижению целей сотрудничества, нормативной прозрачности, единых правил функционирования компаний на конкурентных рынках единого торгового пространства.

Состоявшаяся в ноябре 2001 г. 4-я Министерская конференция ВТО в Дохе (Катар) положила начало новому раунду многосторонних торговых переговоров (первый раунд в рамках ВТО – «Раунд развития»). Целью этого раунда многосторонних торговых переговоров как наиболее важного и сложного, являлось урегулирование торговых взаимоотношений стран-членов ВТО. Как предполагалось, развивающиеся страны должны были снизить таможенные барьеры в сельскохозяйственном секторе экономики. В обмен на это развитые обязались уменьшить объемы

субсидирования сельского хозяйства. Все эти условия в совокупности должны были предоставить равные конкурентные возможности для всех стран-членов ВТО.

Ключевой особенностью переговоров Доха раунда является их проведение в неопределенных временных рамках. Несмотря на этот факт, международные торговые переговоры в рамках Дохийского раунда длились уже 12 лет. По мнению генерального директора ВТО Р. Азеведо, участники переговоров единодушно стремились добиться прорыва на 9-й Конференции министров, которая прошла в декабре 2013 г. на острове Бали (Индонезия). Этому способствовал прагматичный подход заинтересованных стран и достижение консенсуса по отдельным вопросам. В то же время достижение частичных договоренностей не означало окончания переговоров, а служило лишь одним из этапов на пути к успешному завершению всего Дохийского раунда [1].

Последовательность и структура проведения Министерских конференций в рамках Дохийского раунда международных торговых переговоров приведена в табл. 1.

Несмотря на то, что Россия является членом ВТО только с августа 2012 г. (после 18 лет переговорного процесса), уже начиная с 90-х гг. XX в. в стране формируются предпосылки интеграции к условиям международной торговли в рамках ВТО с позиции институционального оформления активного участника многосторонней торговой системы (табл. 2).

Таблица 1

Последовательность и структура Дохийского раунда международных торговых переговоров* (The sequence and structure of Doha Round of international trade negotiations)

Этапы переговоров	Содержание переговоров	Результативность
Четвертая Министерская конференция (9–13 ноября 2001 г., г. Доха (Катар))	Вопросы развития, уточнения и дополнения действующих соглашений ВТО, снижение торговых барьеров. Вопросы «встроенной повестки», снижение поддержки сельского хозяйства в развитых странах	Принята Министерская декларация, открывающая раунд
Пятая Министерская конференция (10–14 сентября 2003 г., г. Канкун (Мексика))	Предполагалось подвести промежуточные итоги Международной торговой палаты (далее – МТП) и определить формат их дальнейшего продолжения. Наличие глубоких разногласий между различными группами государств по проблемам сельского хозяйства и «сингапурским вопросам» (правила конкуренции, инвестирование, транспарентность в правительственных закупках, упрощение торговли)	Конференция закончилась практически безрезультатно
Специальное заседание Генерального Совета ВТО (27–31 июля 2004 г., г. Женева (Швейцария))	Генеральный совет ВТО принял «рамочную договоренность» о повестке переговоров Доха раунда	Общее согласие относительно ликвидации экспортных субсидий в сельском хозяйстве

Продолжение табл. 1

Этапы переговоров	Содержание переговоров	Результативность
Шестая Министерская конференция (13–18 декабря 2005 г., г. Гонконг (КНР))	Промежуточный этап на пути выработки полномасштабных договоренностей Доха-раунда. Принятая в ходе нее Министерская декларация закрепляет достигнутый прогресс на переговорах и определяет ориентиры работы по обеспечению завершения раунда в 2006 г.	Экспортные субсидии в сельском хозяйстве подлежат отмене к 2013 г. Хлопковые субсидии подлежат отмене в 2006 г. К 2008 г. развитые страны (ОЭСР) обязаны обеспечить свободный доступ на свои рынки для 97 % товаров из 32 наименее развитых стран
Мини-конференция стран-членов ВТО (21–30 июля 2008 г., г. Женева (Швейцария))	Участникам удалось значительно сблизить позиции по наиболее сложным и чувствительным вопросам повестки Дохийского раунда (сельскохозяйственные субсидии и тарифы, промышленные тарифы)	Общая договоренность о путях завершения раунда в связи с начавшимся глобальным кризисом достигнута не была
Седьмая Министерская конференция (ноябрь 2009 г., г. Женева (Швейцария))	Не обсуждался ход переговоров по Дохийскому раунду	–
Восьмая Министерская конференция (15–17 декабря 2011 г., г. Женева (Швейцария))	Показала наличие между странами серьезных и растущих разногласий относительно круга ведения ВТО, расширения ее компетенции и включения в сферу деятельности ВТО новых вопросов, с развитием правовой структуры ВТО и будущего многосторонних торговых переговоров Дохийского раунда	Принятие «Основ политических руководящих принципов» деятельности ВТО
Девятая Министерская конференция (9 декабря 2013 г., Индонезия (о. Бали))	Принятие решения по регулярной повестке дня, «Балийскому пакету» договоренностей из 10 соглашений	Завершены переговоры по Соглашению о содействии торговле (упрощение процедур таможенного оформления товаров), блоку из пяти соглашений по сельскому хозяйству и четырем – по помощи наименее развитым странам
Десятая Министерская конференция (2015 г.)	Включение в повестку дня вопросов «нового поколения»: продовольственная безопасность, энергетика, изменение климата и международная торговля, торговля и обменные курсы валют, конкуренция и инвестиции	–
Одиннадцатая Министерская конференция (2017 г.)	Вопросы продовольственной безопасности (вопросы субсидирования сельского хозяйства)	–

* Источник: составлено автором на основе [2; 3, с. 3–4; 4].

Таблица 2

**Экономические условия адаптации России
к развитию в Многосторонней торговой системе с 1991 г. по настоящее время***
**(Economic conditions of the Russia's adaptation to development
within Multilateral World Trading System from 1991 till present)**

Периоды	Экономическая характеристика	Этап интеграции в ВТО
1991–1994 гг.	Наиболее тяжелая фаза трансформационного спада российской экономики, характеризующаяся сокращением промышленного производства, ростом реального эффективного обменного курса рубля, высокими экспортными ограничениями при относительно низких барьерах на пути импорта	Россия унаследовала от бывшего СССР статус наблюдателя в ГАТТ, предоставленный ему в мае 1990 г. (январь 1992 г.) Начался процесс присоединения России к ГАТТ в качестве полноправного члена на основании правительственного постановления от 18 мая № 328 «О развитии отношений между Российской Федерацией и Генеральным соглашением по тарифам и торговле» (май 1992 г.) Президент Б. Ельцин вручает руководству ГАТТ официальное заявление правительства о намерении присоединиться к ГАТТ в качестве полноправного участника. Тогда же Советом представителей ГАТТ образована рабочая группа для проведения переговоров по присоединению (июнь 1993 г.) Россия получила статус ассоциированного участника Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров под эгидой ГАТТ (октябрь 1993 г.) В секретариат ГАТТ Россией был передан меморандум о внешнеторговом режиме (февраль 1994 г.) России официально передали консолидированный вопросник договаривающихся сторон ГАТТ (август 1994 г.) Россия подтверждает свои намерения и официально заявляет о своем намерении вступить во Всемирную торговую организацию – наследницу ГАТТ (декабрь 1994 г.)

Периоды	Экономическая характеристика	Этап интеграции в ВТО
1995–1998 гг.	Замедление трансформационного спада на фоне продолжающегося роста реального эффективного обменного курса рубля. Почти полная отмена экспортных ограничений; усиление государственной политики ограничения импорта	В Государственной Думе были проведены слушания по вопросу присоединения РФ к ВТО, получено одобрение законодательного органа. В целях координации деятельности образована межведомственная комиссия по ГАТТ (апрель 1995 г.) РФ передала в ГАТТ/ВТО ответы на вопросник (май 1995 г.) Начало деятельности рабочей группы по присоединению РФ к ВТО (июль 1995 г.) Начало двусторонних переговоров-консультаций РФ и государств-членов ВТО (март 1998 г.). Российская делегация участвовала во второй Министерской конференции ВТО (г. Женева) (май 1998 г.)
1998–2008 гг.	Период экономического роста после кризиса 1998 г.: рост объема промышленного производства; рост реального эффективного обменного курса рубля после резкой девальвации национальной валюты в 1998 г.; улучшение условий торговли (более высокий темп роста мировых цен экспортных товаров по сравнению с ценами импорта)	К началу 1998 г. Россия завершила подготовку своих тарифных предложений и через Секретариат ВТО уведомила страны-члены ВТО о готовности приступить к переговорам о доступе на рынок. По соответствующим запросам стран-членов Рабочей группы тарифные предложения России были переданы примерно тридцати странам, включая ЕС, США, Канаду и Японию. Российская делегация участвовала на заседании ВТО в США (г. Ситл) (декабрь 1999 г.) Первый раунд обсуждения был завершен к 2000 г. Далее переговоры приняли полномасштабный характер, т. е. стали охватывать все аспекты процесса присоединения России к ВТО: тарифную политику, доступ на рынки товаров и услуг, сельское хозяйство. К 2004 г., после подписания Россией Киотского протокола, удалось согласовать почти все вопросы, вызывавшие озабоченность ЕС. Российские политики с оптимизмом смотрели на ситуацию: ожидалось, что не позднее 2007 г. все формальности будут завершены и Россия вступит в ВТО. Однако все последующие годы ушли на поиск компромиссов в двусторонних переговорах с США (по вопросам открытия рынков продовольствия, обеспечения в России защиты прав интеллектуальной собственности и открытия финансовых рынков) и Грузией (политические вопросы). В ноябре 2006 г. США согласились на вступление России в ВТО. Впрочем, сейчас, когда все необходимые условия российской стороной выполнены, Россия и США договорились «не применять положения ВТО в двусторонней торговле», так что ранее достигнутое соглашение было всего лишь формальностью
2008 г.	Мировой финансовый кризис, повлекший сокращение промышленного производства, девальвацию рубля, ухудшение условий торговли для России (значительное снижение мировых цен экспортных товаров по сравнению с ценами импорта)	Грузия после прихода к власти М. Саакашвили резко ужесточила свои позиции в переговорном процессе и привязала согласие на вступление к решению политических проблем, связанных с Южной Осетией и Абхазией. После конфликта августа 2008 г. и запретов России на импорт грузинской минеральной воды и вина Грузия объявила о прекращении любых переговоров и блокировании вступления России в ВТО
2009–2010 гг.	Восстановление экономики после кризиса 2008 г.: достижение предкризисного объема промышленного производства; рост реального эффективного обменного курса рубля; улучшение условий торговли	
2011–2013 гг.	Изменение конъюнктуры на мировых рынках оказывает на экономику России гораздо большее влияние, чем вступление в ВТО. Негативные последствия для АПК, в частности свиноводства, рисоводства. Выгоды – снижение цен, рост потребления граждан, возможности модернизации производств за счет снижения стоимости оборудования.	16 декабря 2011 г. – подписание протокола о присоединении России к ВТО. 22 августа 2012 г. – Россия официально вступила в ВТО. Пересмотр импортных и экспортных пошлин. Реализация мер правительства РФ по адаптации экономики к условиям членства в ВТО.

* *Источник:* составлено автором на основе [5, 6].

«Переговорный пакет» вопросов Дохийского раунда включает в себя следующие направления переговоров: услуги и развитие, сельское хозяйство, доступ на рынки промышленных товаров, правила ВТО в отношении субсидий и антидемпинга, реги-

ональные торговые соглашения, а также упрощение административных и таможенных процедур) [7].

С начала переговоров в 2001 г. обозначились существенные разногласия в позициях ключевых игроков, в первую очередь по сельскохозяйствен-

ному вопросу. Основные усилия стран-участниц на протяжении всего переговорного процесса направлены на поиски взаимоприемлемых решений по сельскому хозяйству и доступу на рынки несельскохозяйственных товаров. В рамках ВТО существует понимание, что от достижения конкретных договоренностей по этим ключевым направлениям переговоров зависит судьба раунда.

Развивающиеся страны видят одной из ключевых задач раунда снижение поддержки сельскому хозяйству развитыми странами. Кроме того, существуют острые противоречия по этому вопросу и между самими развитыми странами. Так, основной причиной приостановки переговоров в 2006 г. стало противостояние ЕС и США по вопросам снижения тарифов на сельскохозяйственные товары и уровня внутренней поддержки сельского хозяйства.

В свою очередь развитые страны стремятся улучшить доступ на рынки товаров и услуг развивающихся стран, в первую очередь наиболее развитых из них (Бразилия, Индия, Китай и др.). Прогресс на переговорах по сельскому хозяйству они увязывают с продвижением на переговорах по услугам и доступу на рынки промышленных товаров.

На переговорах по доступу на рынки несельскохозяйственных товаров один из острых вопросов – это разрешение проблемы пиковых тарифов в развитых странах, при этом развивающимся странам остается значительный уровень гибкости для применения тарифной политики, позволяющей им развивать свою промышленность, создавать новые рабочие места, бороться с бедностью и голодом. Подобный подход мог бы включать выравнивание пиковых тарифов развитых стран, которые распространяются на продукцию, представляющую экспортный интерес для развивающихся и наименее развитых стран. Режимы сокращения тарифов должны соответствовать принципу «меньше, чем на условиях полной взаимности» для доступа к рынкам развивающихся стран [8, с. 5].

Переговоры по правилам ВТО нацелены на совершенствование и уточнение действующих соглашений ВТО. Речь идет о Соглашении по применению статьи VI ГАТТ-94 (Соглашение по антидемпингу) и Соглашении о субсидиях и компенсационных мерах, а также о группе правовых норм ВТО, относящихся к региональным торговым соглашениям.

Переговоры по доступу на рынок услуг направлены на постепенное достижение более высокого уровня либерализации через сокращение или устранение мер, отрицательно влияющих на торговлю услугами, с целью обеспечения эффективного доступа на рынок. Большинство предложений связаны с ограничением протекционистских тенденций в применении 1-го способа поставки, что проявляется в привлечении внешних исполнителей рядом развитых стран (аутсорсинг). Развитым странам следует также согласиться на существенное расширение своих предложений в рамках 4-го способа поставки, независимо от межкорпоративного перемещения физических лиц и также сократить ограничения и другие барьеры для перемещения физических лиц для отдачи в повышении эффективности и благосостояния [8, с. 6].

Сложный характер восьмого раунда объясняется рядом причин.

Среди основных – несовпадение подходов западных и развивающихся стран в отношении концепции восьмого раунда переговоров. Для западников этот раунд оставался инструментом для осуществления новой волны либерализации мировых рынков, в особенности рынков ведущих развивающихся стран. Развивающиеся страны стремились использовать раунд для изменения в свою пользу баланса сил в системе международных торгово-экономических отношений, упразднения дискриминационных ограничений для своих товаров, защиты национальной промышленности.

По сравнению с Уругвайским раундом резко возросла активность развивающихся стран, консолидировались их позиции по основным вопросам. Эти страны стали более отчетливо сознавать свои интересы и отстаивать свое право проводить независимую политику, причем зачастую занимая достаточно жесткие позиции. Часто требования развивающихся стран о предоставлении им «особых условий» неприемлемы для развитых стран. Однако анализ переговоров говорит о том, что по ряду вопросов развитые страны вынуждены идти на серьезные уступки [9, с. 189].

Кроме того, среди самих развитых стран нет единства по многим ключевым вопросам переговоров. Самый яркий пример – вопросы сельского хозяйства, по которым кардинально расходятся позиции ЕС и Японии, США, Канады и Австралии. В результате члены ВТО оказались в

определенном смысле «заложниками» принципа консенсуса – основополагающего принципа ВТО. Хотя явно виден выход: развитые страны могли бы пойти на понижение степени аграрного протекционизма, а развивающиеся – на облегчение доступа на рынки несельскохозяйственных товаров. В настоящее время в странах, играющих ключевую роль в международной торговле, ставки тарифов на промышленные товары различаются в несколько раз, на аграрную продукцию – до 10 раз (табл. 3) [10, с. 7].

Таблица 3

Среднеарифметические тарифы по странам мирового сообщества (по ставкам режима наибольшего благоприятствования), %*
(Average tariffs in the countries of the world (by most favored nation rates), %)

Страны	Все товары	Сельскохозяйственные товары	Несельскохозяйственные товары
Бразилия	10,0	11,0	9,9
Китай	9,8	15,6	8,7
Индия	13,0	31,8	10,1
Россия	9,5	13,5	8,9
ЕС	5,1	12,8	4,0
США	3,5	4,9	3,3
Япония	4,4	17,3	2,5
Корея	12,1	48,5	6,6

Участие каждого государства в переговорном процессе ВТО несет в себе экономические, геополитические, национальные правовые особенности с учетом специфики развития, стратегических ориентиров и внутренних проблем функционирования стран.

Проблемы переговорного процесса применительно к России в разрезе структуры Дохийского раунда международных торговых переговоров представлены в табл. 4.

Таким образом, формирование единого рынка зависит от множества факторов – географической близости и размеров стран-членов интеграционных объединений, уровня экономического развития, барьеров интеграции и ряда других факторов и решения существующих проблем – барьеров интеграции.

Переговорный процесс сконцентрирован вокруг трех основных блоков вопросов регулирования аграрно-продовольственного сектора. Первый блок вопросов включает возможности

доступа на отечественный рынок импортных товаров (уровень таможенных пошлин, возможности использования тарифных квот и специальных защитных мер). Договоренности по таможенным пошлинам охватывают начальный и конечный уровни связывания таможенного тарифа, а также имплементационный период, в течение которого происходит снижение таможенных пошлин от начального до конечного уровня.

Второй блок вопросов, который получил широкое публичное обсуждение – это внутренняя поддержка сельского хозяйства, которая подразделяется, по устоявшейся международной терминологии, на меры «зеленого, янтарного и голубого ящиков».

Третий блок вопросов – это экспортное субсидирование, которое включает в себя обоснование размеров предоставления субсидий по физическому объему экспорта конкретных товаров и его стоимости.

В силу того, что многие темы переговоров восьмого раунда направлены на устранение неопределенностей в действующих соглашениях ВТО (к примеру, по вопросам защитных мер, по региональным соглашениям и пр.) – зачастую страны больше устраивает существующая неопределенность, позволяющая обходить правила ВТО в своих интересах¹.

Восьмая Министерская конференция ВТО (декабрь 2011 г.) признала, что членам организации в условиях отсутствия прогресса на переговорах необходимо более полно рассмотреть различные переговорные подходы с учетом принципа транспарентности и охвата всех направлений. Министры договорились продвигать переговоры в тех областях, где прогресс может быть достигнут, и, по возможности, добиваться достижения договоренностей путем консенсуса еще до согласования полного пакета Дохийского раунда. По мнению многих участников раунда, устранение разногласий на переговорах по сельскому хозяйству и промышленным товарам могло бы дать импульс

¹ Изучение договоренности по разрешению споров. Информационный бюллетень Раунда Доха. Международный Центр Торговли и Устойчивого Развития и Международный Институт Устойчивого Развития. URL: http://kms1.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/46481/ipublicationdocument_singledocument/80b76ee3-e741-4303-a064-3c1139e05a38/ru/V2_06_singapore_ru.pdf (дата обращения: 13.10.2014)

Структуризация проблем в разрезе международных торговых переговоров Дохийского раунда*
(Structure of the problems in Doha Round of international trade negotiations)

Уровни и типы проблем	Состав и характеристика проблем	Результативность
Мотивационные	За отнесение присоединения России к ВТО на отдаленную перспективу выступали представители деловых кругов, политических сил, ученых России и зарубежья	При переговорах были пролоббированы интересы энергетического, металлургического и банковского секторов. Автопром и гражданский авиапром как социально значимые отрасли получили 7-летний переходный период
Поведенческие	Реализация переговорщиками философии «Generation me»	Жесткая ориентация делегации на получение уступок, минимальный учет пожеланий партнеров при переговорах
Внешние политические	Российско-грузинский конфликт	Позиция Грузии являлась одним из главных барьеров на пути достижения соглашения
Стратегии интеграции	Создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана	Июнь 2009 г. – по заявлению В. В. Путина прекращение переговоров в индивидуальном формате, намерение вступить в ВТО совместно как таможенный союз
Слухи, домыслы	Определяются наличием определенных экономических, политических и идеологических угроз интересам представителям бизнеса, групп населения	
Кризисные явления	Экономический кризис 2008–2009 гг.	В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры страны прибегают к мерам протекционистской политики для поддержки отечественных производителей. Нормы и правила ВТО ограничивают применение таких мер
Образовательные, квалификационные	Отсутствие или острая нехватка кадров для работы в ВТО (юристы, экономисты международного уровня со знанием зарубежной специфики)	Решение данной проблемы позволит повысить компетентность, оперативность и эффективность решений на государственном уровне
Правовые	Приведение российского законодательства в соответствие с нормами и правилами ВТО (таможенное администрирование, стандартизация, сертификация и подтверждение соответствия, применение санитарных и фитосанитарных мер, валютное регулирование и контроль, а также защита прав интеллектуальной собственности)	
Региональные	Необходимо обеспечить государственную поддержку депрессивных регионов такими инструментами, которые «вписываются» в режим ВТО	Сегодня система федеральных трансфертов этому не соответствует. Необходимо переходить на систему целевой поддержки проблемных регионов и обеспечения социальных гарантий, равнодоступных для всех граждан страны независимо от места жительства

* *Источник*: составлено автором на основе [2, 11].

переговорам в других сегментах раунда, что позволило бы вывести переговорный процесс на финишную прямую. Сельское хозяйство – один из наиболее чувствительных секторов экономики для развитых и развивающихся стран – стало ключевым направлением переговоров, основным «перекрестком» для продвижения переговоров на других направлениях².

Во многом определила дальнейшую судьбу ВТО, ее авторитет в мире и интерес к ней основных стран-участниц, успешность 9-й Министерской конференции ВТО, прошедшей на о. Бали (Индонезия) в декабре 2013 г.

Завершение переговоров по Соглашению о действии торговле, предусматривающему упрощение процедур таможенного оформления товаров, по оценкам ВТО, приведет к росту мировой торговли на триллион долларов по пакету договоренностей в области сельского хозяйства. Пункты соглашения предусматривают, в частности, повышение транспарентности при применении тарифных квот на импорт продовольствия, определяют конкретные шаги по сокращению мер, нарушающих конкуренцию на продовольственных рынках, а также по пакету договоренностей, поддерживающих развивающиеся и наименее развитые страны.

Упрощение торговых процедур означает существенное улучшение условий экспорта для российских компаний, в том числе экспортеров товаров с высокой степенью добавленной стоимости (химия и нефтехимия, целлюлозно-

² О новом раунде многосторонних торговых переговоров ВТО. URL: <http://mdb.economy.gov.ru> (дата обращения: 13.10.2014)

бумажная промышленность, машиностроение, металлообработка).

Блок соглашений по сельскому хозяйству позволяет ориентироваться на дальнейшее улучшение параметров международной торговли сельхозпродукцией в рамках Дохийского раунда, в том числе связанного с отменой экспортных субсидий, которые применяются, прежде всего, в США и ЕС.

Анализ переговоров говорит о том, что по ряду вопросов страны вынуждены идти на серьезные уступки. Так, подписание соглашения на о. Бали находилось под угрозой срыва, так как при поддержке Индии Группа-33, представляющая развивающиеся страны, настаивала на смягчении правил, регулирующих предоставление субсидий на сельскохозяйственную продукцию. Индия рассматривает вопрос продовольственной безопасности как не подлежащий обсуждению, поскольку предписанный соглашением лимит субсидирования сельского хозяйства в 10 % слишком низкий.

После многочисленных неофициальных встреч страны-участники договорились установить временный механизм и продолжать переговоры по нахождению постоянного решения по вопросам продовольственной безопасности, которое будет приниматься на 11-й Министерской конференции в 2017 г. Текст соглашения обязывает страны, использующие программы создания запасов продовольствия, обеспечить, чтобы эти меры не оказывали «негативного влияния на продовольственную безопасность других стран-членов» [12].

Несмотря на перспективность и важность процессов интенсификации и углубления региональных интеграционных процессов, очевидно, что альтернативы механизму многосторонних правил ВТО на сегодняшний день нет. Этот механизм, несмотря на всю критику в его адрес, успешно уравнивает противоречивые интересы различных стран и интеграционных группировок.

Девятая Министерская конференция ВТО стала важным событием в плане реорганизации переговорного процесса и усиления многосторонней торговой системы. Для России наиболее важным

является принятие так называемого соглашения о торговых процедурах – Соглашения о либерализации торгового и таможенного регулирования.

ВТО становится все более универсальной организацией, привлекая к себе новые страны-участники, завоеывая новые сферы влияния, распространяя общие правила не только на группы товаров, на инвестиции, интеллектуальную собственность, но и на государственные закупки. В перспективе ВТО – это саморегулируемая организация со своими правилами, но с совершенно иными уровнями влияния, по сравнению с периодом 2000–2013 гг.

Список литературы

1. Сафронов С. Всемирная торговая организация докладывает. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-08-07/5_wto.html (дата обращения: 13.10.2014)
2. Россия и ВТО. URL: www.wto.ru (дата обращения: 13.10.2014).
3. Дюмулен И.И. Восьмая министерская конференция Всемирной торговой организации (15–17 декабря 2011 г.) и концептуальные проблемы дальнейшей деятельности ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 2. С. 3–4.
4. Проект декларации по итогам 9-й министерской конференции (о. Бали): центр документации ВТО. URL: <http://wto.hse.ru> (дата обращения: 13.10.2014).
5. История переговорного процесса СССР – России с ВТО. URL: <http://www.rgwto.com>. (дата обращения: 13.10.2014).
6. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / А. Абрамов, Е. Апевалова, Е. Астафьева и др.; науч. ред. Е.Т. Гайдар. М.: Проспект, 2010. 656 с.
7. Доха-раунд: настало время для действительно решающего момента? URL: http://trade.ecoaccord.org/bridges/1/RUSSIAN_1.pdf (дата обращения: 13.10.2014)
8. Кумар Н. Создание ориентированной на развитие мировой торговой системы. URL: <http://ictsd.org> (дата обращения: 13.10.2014)
9. Кошелева Т.Ю. О новом раунде торговых переговоров в рамках ВТО. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-16/III/Kosheleva.pdf> (дата обращения: 13.10.2014)
10. Оболенский В.П. Мировое развитие и проблемы ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 11. С. 7.
11. ВТО: угрозы и возможности в условиях выхода на международный рынок. Механизм взаимодействия национальных экономик / под ред. С.Ф. Сутырина. М.: Эксмо, 2008. 395 с.
12. Воловик Н.П. Успешно завершилась 9-я Министерская конференция ВТО. URL: www.iiep.ru (дата обращения: 13.10.2014)

В редакцию материал поступил 25.07.14

© Зайнагутдинова А. И., 2014

Информация об авторе

Зайнагутдинова Анелия Игоревна, аспирант кафедры внешнеэкономической деятельности, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Адрес: 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36, тел.: (495) 958-25-56

E-mail: aneliyamakarova@mail.ru

Как цитировать статью: Зайнагутдинова А. И. Современное состояние и перспективы многосторонних торговых переговоров дохийского раунда // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 206–214.

A. I. ZAINAGUTDINOVA,

Post-graduate student

Russian Economics University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

MODERN STATE AND PROSPECTS OF MULTILATERAL TRADE NEGOTIATIONS OF DOHA ROUND

Objective: basing on the study of multilateral trade negotiations of Doha Round in the integrity of their historical development, to reveal the contradictions, problems, and possible result of the negotiation process.

Methods: analysis and synthesis, dialectic method, historical method, logical method, systemic analysis.

Results: The main stages, condition and development of Doha Round of negotiations are viewed. The main problems are defined, as well as obstacles to economically beneficial outcome of the Doha Round, the positive and negative practice of international negotiations. The chronology and structure of Doha Round of international negotiations are presented.

Scientific novelty: Economic conditions are revealed for the Russia's adaptation to development within World Trading System (WTS), as well as the problems of negotiation process in the structure of Doha Round, which make up the theoretical basis for forming the program of the Russian economy adaptation for the integration into WTO.

Practical value: The research results can be used by the state authority bodies as a basis for elaborating and implementation of the strategy of the Russian economy adaptation for the integration into WTO.

Key words: World Trade Organization; Doha Round of negotiations; contradictions; agriculture; liabilities; Agreement on Trade Promotion; chronology of international negotiations; "Bali package" of agreement; International Trade Organization; goods and services markets.

References

1. Safronov, S. *Vsemirnaya trgovaya organizatsiya dokladyvaet* (World Trade Organization reports), available at: http://www.ng.ru/ideas/2013-08-07/5_wto.html (accessed: 13.10.2014)
2. *Rossiya i VTO*, available at: www.wto.ru (accessed: 13.10.2014).
3. Dyumulen, I.I. Vos'maya ministerskaya konferentsiya Vsemirnoi trgovoi organizatsii (15–17 dekabrya 2011 g.) i kontseptual'nye problemy dal'neishei deyatel'nosti VTO (8th Ministers' Conference of the World Trade Organization (15–17 December 2011) and conceptual problems of the further WTO activity). *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2012, no. 2, pp. 3–4.
4. *Proekt deklaratsii po itogam 9-i ministerskoi konferentsii (o. Bali): tsentr dokumentatsii VTO* (Draft Declaration on the results of the 9th Ministers' conference (Bali): WTO Documentation center), available at: <http://wto.hse.ru> (accessed: 13.10.2014).
5. *Istoriya peregovornogo protsessa SSSR – Rossii s VTO* (History of negotiation process of the USSR-Russia and WTO), available at: <http://www.rgwto.com>. (accessed: 13.10.2014).
6. *Krizisnaya ekonomika sovremennoi Rossii: tendentsii i perspektivy* (Crisis economy of modern Russia: trends and prospects) / A. Abramov, E. Apevalova, E. Astaf'eva i dr. M.: Prospekt, 2010, 656 p.
7. *Dokha-raund: nastalo vremya dlya deistvitel'no reshayushchego momenta?* (Doha round: time for actually decisive moment?), available at: http://trade.ecoaccord.org/bridges/1/RUSSIAN_1.pdf (accessed: 13.10.2014)
8. Kumar, N. *Sozdanie orientirovannoi na razvitie mirovoi trgovoi sistemy* (Creating of a development-oriented world trade system), available at: <http://ictsd.org> (accessed: 13.10.2014)
9. Kosheleva, T.Yu. *O novom raunde trgovykh peregovorov v ramkakh VTO* (On the new round of WTO trade negotiations), available at: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderzhanie/FS-16/III/Kosheleva.pdf> (accessed: 13.10.2014)
10. Obolenskii, V.P. *Mirovoe razvitie i problemy VTO* (World development and the problems of WTO). *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2012, no. 11, pp. 7.
11. Sutyryn, S.F. *VTO: ugrozivozmozhnostivusloviyakhvkhodanamezhhdunarodnyrynok. Mekhanizm vzaimodeistviya natsional'nykh ekonomik* (WTO: threats and opportunities under international market. Mechanism of national economies'92 interaction). Moscow: Eksmo, 2008, 395 p.
12. Volovik, N.P. *Uspeshno zavershilas' 9-ya Ministerskaya konferentsiya VTO* (The 9th Ministers' conference is successfully completed), available at: www.iep.ru (accessed: 13.10.2014)

Received 25.07.14

Information about the author

Zainagutdinova Aneliya Igorevna, Post-graduate student of the Chair of foreign economic activity, Russian Economics University named after G.V. Plekhanov

Address: 36 Stremyanni pereulok, 117997, Moscow, tel.: (495) 958-25-56

E-mail: aneliyamakarova@mail.ru

How to cite the article: Zainagutdinova A.I. Modern state and prospects of multilateral trade negotiations of Doha round. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 206–214.

© Zainagutdinova A. I., 2014

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336.144

Р. Р. ЯРУЛЛИН,

*доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естествознания
Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Уфа, Россия*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: определить место региональных программных бюджетов в управлении общественными (государственными и муниципальными) финансами, путем осмысления перехода на программный бюджет в субъектах Российской Федерации и их систематизации для использования в практике бюджетирования.

Методы: абстрактно-логический, диалектический, исторический, сравнительного и экономического анализа и синтеза.

Результаты: рассмотрены итоги реализации и оценки эффективности целевых программ Республики Башкортостан; проанализированы их состав, структура и источники финансирования, направления использования средств и исполнение показателей программ. Обобщен опыт формирования программных бюджетов в субъектах Российской Федерации, рассматриваются их недостатки. Предлагаются пути их устранения.

Научная новизна: исследована роль регионального бюджета в управлении общественными финансами.

Практическая значимость: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов программно-целевого формирования бюджетов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: программно-целевое бюджетирование; публично-правовое образование; общественные финансы; государственные услуги; программный бюджет; целевая программа; мониторинг; субсидия; показатели эффективности; программные расходы; бюджетные расходы.

Введение

Улучшение экономической ситуации и качества государственных услуг, решение широкого спектра задач перспективного социально-экономического развития территории является для России злободневной проблемой. Для достижения устойчивого развития государства, повышения результативности и эффективности его расходов, улучшения и доступности услуг, одним из наиболее перспективных инструментов решения этих задач становится переход к программно-целевым методам управления, в том числе программному бюджетированию в сфере управления общественными финансами как качественно иному способу представления бюджета на основе внедрения в бюджетный процесс целевых программ.

Научное обоснование программно-целевого метода в нашей стране развивалось постепенно и последовательно и шло в русле только государственной политики. Накопленный в данном направлении опыт относится преимущественно либо к плано-

во-централизованной экономике России, либо к зарубежной рыночной экономике. В 1960–1980 гг. в Советском Союзе сложились научные школы, создавшие методологию разработки и развития региональных программ. Представители этой школы: П. М. Алампиев, М. К. Бандман, А. А. Кисельников, Н. Н. Колосовский, Н. И. Комков, С. В. Кропачев, В. С. Лысенко, А. С. Маршалов, А. С. Новоселов, Р. И. Шнипер и др. Зарубежный опыт регионального программирования представлен в работах М. Newman, D. N. Rothblatt, A. N. Walsh и др. По оценке В. Н. Лексина и А. Н. Шевцова [1, с. 298], с 1976 по 1989 гг. были опубликованы сотни отдельных изданий, около восьмисот статей в журналах, в материалах конференций и совещаний, рассматривавших возможности применения программно-целевых методов для решения различных народнохозяйственных проблем.

Формирование и совершенствование государственных программ (далее – ГП), способы их мониторинга и оценки, разработка инструментов эф-

фактивного планирования бюджетных расходов отражены в работах таких зарубежных авторов, как Э. Аскота, А. Вильямса, Е. Грамлича, П. Долана, М. Ф. Друммонда, Дж. Косуба, Г. Кэмпбела, Е. Мишана, В. Нельмута, Б. Дж. О'Брайна, С. Пауля, М. Пэттона, С. Фолланда, Р. Эдлина и др.

Новые аспекты формирования и оценки целевых программ, в том числе программ развития регионов раскрыты в трудах современных авторов: М. П. Афанасьева, А. А. Беленчук, М. В. Васильева, О. В. Евстафьевой, А. И. Жуковского, В. С. Кабакова, А. М. Колесникова, Р. А. Кочкарова, П. Г. Крадинова, А. Г. Лобко, Б. З. Мильнера, Б. А. Минина, В. Б. Радина, Б. А. Райзберга, Г. Г. Фетисова, Е. А. Шакиной, Н. Н. Шаш, Л. И. Якобсона и др.

Вместе с тем в научной литературе не получили достаточной проработки вопросы, связанные с особенностью формирования и реализацией программно-целевого формирования бюджетов субъектов РФ, региональных целевых программ (далее – РЦП), что и определило выбор цели и задач исследования.

Результаты исследования

Переход к программному составлению бюджетов в РФ был обусловлен итогами реализации в 2000-х гг. среднесрочных бюджетных реформ, базовые направления которых были сформулированы в одобренных Правительством РФ программных документах¹.

На уровне регионов цели внедрения программно-целевого формирования бюджетов были связаны с задачами функционирования публично-правового образования (далее – ППО) в лице органов региональной власти как ответственного в вопросах правового регулирования целевых программ и гаранта предоставления услуг населению.

Практическая задача повышения результативности и эффективности деятельности данных органов предполагает необходимость развития теории программного бюджетирования. В настоящее время содержание данного понятия до сих пор трактуется по-разному. В зарубежной литературе

программно-целевое бюджетирование понимается как апробированная практика формирования государственных расходов и механизм повышения их эффективности. Представители администрации смотрят на программно-целевое формирование бюджетов как на механизм, позволяющий упростить и оптимизировать решения о распределении программных ресурсов, в то время как ученые рассматривают его как механизм повышения эффективности деятельности в общественном секторе.

По мнению автора, изначально программное бюджетирование – есть комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности общественного сектора. В связи с этим фундаментом программного бюджета является соотношение бюджетных расходов и предоставленных государственных (региональных) услуг. При данном подходе почти все расходы распределяются по программам, связанным с конкретным результатом (стратегическим итогом) деятельности ведомств, основанном на его показателях, а не на входящих ресурсах. Программно-целевой метод бюджетирования можно определить как отбор приоритетных целей общественного развития, разработку взаимосвязанных мероприятий, исходя из задач, заданных сроков при соответствующем обеспечении ресурсами. Данный подход включает и инструменты политики по обеспечению потребностей общества в услугах. Исходя из этого, должна определяться структура РЦП.

Подтверждением необходимости развития теории бюджетирования является также поиск форм практической реализации идеи программного бюджета путем формирования различных видов целевых программ. С 1 января 2008 г. в бюджетный процесс ППО были введены ведомственные целевые программы (далее – ВЦП). С 1 января 2009 г. он дополнен обязанностью формирования долгосрочных целевых программ (далее – ДЦП). Органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления было рекомендовано разработать и реализовать аналогичные целевые программы². С целью поддержки и стимулирования данных регионов, было принято постановление, согласно которому были утверж-

¹ Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г.: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 2593-р от 30 декабря 2013 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2014)

² Программа повышения эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г.: Распоряжение Правительства РФ № 1101-р от 30 июня 2010 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6639347/> (дата обращения: 15.11.2014)

дены Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию региональных целевых программ³. Субсидии выдавались при соблюдении условий их предоставления, а также при достижении наилучших результатов в сфере повышения эффективности бюджетных расходов и их положительной динамики. В 2011 г. таких субъектов было 15, в 2012 г. – 15 (включая Республику Башкортостан).

При методической поддержке Минфина РФ продолжалось внедрение программной структуры бюджетов на региональном уровне⁴ путем разработки единой методологии формирования ГП, в том числе с обеспечением взаимосвязи системы целей, задач, индикаторов, а также финансовых показателей; формирования в составе расходов бюджетов уникальных целевых статей, исходя из структуры государственных (муниципальных) программ (ГП, подпрограмма (федеральная целевая программа (далее – ФЦП), основное мероприятие (далее – ВЦП)); установления структуры и перечня групп, подгрупп и элементов видов расходов. Переход к новым видам расходов на федеральном уровне начался с бюджетного цикла 2012–2014 гг. При этом уже в 2012 г. в 46 субъектах РФ в составе законов (решений) о соответствующих бюджетах были утверждены виды расходов, аналогичные применяемым на федеральном уровне.

По состоянию на 1 января 2014 г. 45 субъектов РФ (54 % от общего числа) приняли правовые акты о порядке разработки и реализации ГП, 16 субъектов (19 %) утвердили данные программы, в 12 субъектах РФ (14 %) в законах о бюджетах на 2013 г. (на 2013 г. и на плановый период

2014–2015 гг.) было утверждено распределение бюджетных ассигнований по госпрограммам [2].

В 2011 г. у 26 регионов, а в 2012 г. – у 38 регионов расходы, формируемые в рамках программ, составляли более 50 % расходов соответствующих бюджетов. Средний показатель в РФ составлял 46,9 %. В некоторых субъектах доля программных расходов составляла 5 %, т. е. находилась на крайне низком уровне. Перед органами исполнительной власти была поставлена задача долю расходов программного бюджета довести до 80–90 % к 2014 г.

В целом, задачи Программы повышения эффективности бюджетных расходов были в основном решены, что обеспечило преемственность развития системы управления общественными финансами и создало качественно новую базу для разработки новой программы в этой сфере.

В Республике Башкортостан программно-целевое развитие в органах государственной власти обеспечивается с конца 1990 – начала 2000 гг. в рамках разработки и реализации РЦП и ВЦП. Многие программные документы носили локальный характер, были слабо взаимосвязаны между собой и со Стратегией социально-экономического развития Республики Башкортостан. С 2011 г. программно-целевое планирование осуществляется в долгосрочной перспективе с использованием ДЦП. Первый перечень ДЦП был утвержден в 2011 г.⁵ Он содержал 28 программ, подлежащих разработке республиканскими органами исполнительной власти в 2011–2012 гг. В 2012 г. на смену данному перечню пришел новый⁶, содержащий уже 29 неструктурированных долгосрочных целевых программ, которые были подвергнуты корректировке в начале 2013 г.⁷ В 2013 г. все программные документы были проинвентаризированы. Часть из них была преобразована в новые ГП, часть объединены в одну госпрограмму, некоторые программы исключены из программного бюджета как малозначительные

³ Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию региональных программ повышения эффективности бюджетных расходов: Постановление Правительства Российской Федерации № 1203 от 31 декабря 2010 г. URL: <http://www.rg.ru/2011/01/11/budj-subsudii-site-dok.html> (дата обращения: 15.11.2014)

⁴ Об утверждении методики проведения оценки результатов, достигнутых субъектами Российской Федерации в сфере повышения эффективности бюджетных расходов, и динамики данных результатов: Приказ № 73-н от 29 июня 2011 г. URL: <http://www.mnogozakonov.ru/catalog/date/2011/6/29/71070/> (дата обращения: 15.11.2014)

⁵ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 767-р от 27 июня 2011 г. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1264603> (дата обращения: 15.11.2014)

⁶ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 787-р от 21 июня 2012 г. URL: http://minecon.bashkortostan.ru/netcat_files/907/885/h_05267db60387c10f5c4afd1742c43da9 (дата обращения: 15.11.2014)

⁷ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 75-р от 25 января 2013 г. URL: <http://www.worklib.ru/law/607290/> (дата обращения: 15.11.2014)

и не отнесенные к региональным приоритетам на среднесрочную перспективу.

В соответствии с новой редакцией ст. 179 Бюджетного кодекса РФ⁸, с 1 января 2014 г. исключается правовое основание для разработки и реализации ДЦП (муниципальных целевых программ (далее – МЦП)) органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Появился новый вид – государственные (муниципальные) программы. Это потребовало разработать перечень государственных программ Республики Башкортостан⁹.

Реализация целевых программ осуществлялась путем организации и проведения мониторинга¹⁰, на основе совокупных критериев путем анализа хода их реализации; выявления отклонений от сроков реализации; определения эффективности реализации; оценки влияния реализации мероприятий программ на социально-экономическое положение республики.

В 2010 г. Башкортостан участвовал в реализации двадцати федеральных целевых программ и одной государственной, в 2011 г. – в реализации семнадцати ФЦП и трех ГП.

В 2012 г. в республике исполнялись 54 целевые программы на сумму 81,2 млрд рублей. Наибольшая доля приходилась на республиканский бюджет – 65,4 млрд рублей (80,6 %). Основная доля финансирования программ была выделена на сферу образования (42,9 %) и социальную политику (29,4 %).

В 2013 г. в республике действовала 21 программа в области экономического и инфраструктурного развития, социальной политики и сферы государственного управления¹¹. Из бюджета Рес-

публики Башкортостан были профинансированы 21 ГП и 1 ДЦП. Плановые значения были достигнуты по 273 целевым показателям (72 %), в том числе перевыполнены по 113; не были достигнуты по 104 (28 %). Все показатели были достигнуты по двум госпрограммам. Остальные – выполнены по 96 (28,6 %). На финансирование госпрограмм было предусмотрено более 82 млрд рублей, выделено 94,8 млрд рублей (115,6 %), которые были освоены на 95 %. Из 727 мероприятий программ 637 реализованы (87,62 %); не были реализованы 90 (12,38 %).

В целом, реализация ГП в 2013 г. позволила синхронизировать процессы развития Башкортостана, сконцентрировать имеющиеся у республики ресурсы и направить их на реализацию проектов, которые решают перспективные задачи и реализуют основные социальные гарантии государства: привлечение инвестиций; инфраструктурные проекты в экономике; социальная защита граждан; повышение качества образования, здравоохранения; удовлетворение культурных потребностей граждан.

Кроме этого, в 2013 г. в республике реализовывалось 55 РЦП в сумме на 42,9 млрд рублей. Из этой суммы было выделено 29 млрд рублей (или 67,89 %), из которых было освоено 26 млрд рублей (89,93 %). Из 1606 мероприятий: реализованы 1514 (94 %); не реализованы 92 мероприятия (6 %). В 2013 г. действие завершили 24 РЦП.

В 2013 г. действовало 16 ВЦП. Из 49 целевых индикаторов и показателей плановые значения были достигнуты по 38 (77,5 %), не достигнуты по 11 (доля 22,5 %). Все целевые индикаторы и показатели были достигнуты по 8 ВЦП (50 %). На финансирование программ ведомств было предусмотрено 14,5 млрд рублей, выделено 32,97 млрд рублей (227,58 %), из них было освоено 31,4 млрд (95,2 %).

С 2014 г. бюджет республики начал формироваться программным методом, поэтому контроль был усилен главным образом в части их реализации. В статусе ГП действует 24 программы в области экономического и инфраструктурного развития, социальной политики и сферы государственного управления¹². Плановые значения были

⁸ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса: Федеральный закон № 104-ФЗ от 7 мая 2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164532/ (дата обращения: 15.11.2014)

⁹ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 1033-р от 19 августа 2013 г. URL: <http://atr-rb.bashkortostan.ru/about/regulatory/465/> (дата обращения: 15.11.2014)

¹⁰ Об утверждении Положения о порядке организации и проведения мониторинга реализации целевых программ: Постановление Правительства Республики Башкортостан № 315 от 30 декабря 2005 г. URL: <http://ufa.regionz.ru/index.php?ds=10571> (дата обращения: 15.11.2014)

¹¹ Отчет о ходе реализации государственных программ Республики Башкортостан (республиканских целевых

программ) в 2013 г. URL: <http://atr-rb.bashkortostan.ru/Otchet-GP-RZPVZP2013.pdf> (дата обращения: 15.11.2014)

¹² Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности реализации государственных программ Республики Башкортостан по итогам II квартала 2014 г. URL:// <http://>

достигнуты по 185 целевым показателям (33 %), в том числе перевыполнены по 69, не достигнуты по 232 (41 %). Все показатели были достигнуты только по 2 государственным программам. По 20 госпрограммам выполнены менее чем на 70 %, по 2 ГП не были достигнуты ни по одному целевому показателю. На финансирование ГП было предусмотрено 193 млрд рублей, а выделено 119,8 млрд рублей (62,1 %), из них освоено 74,9 млрд (62,5 %). В данных средствах наибольшая доля принадлежала ресурсам бюджета Республики Башкортостан и внебюджетным источникам. Из 667 мероприятий программ реализованы 486 (72,9 %), не реализованы 181 (27,1 %). Кроме того, реализовывались 32 республиканские и иные программы, 10 ВЦП.

Перечень целевых программ, предлагаемых к финансированию из бюджета Республики Башкортостан на 2015 г., сформирован и содержит 24 программы с прогнозным объемом финансирования 114,0 млрд рублей, в 2016 и 2017 гг. (количество программ 23 и 22, сумма 116,3 и 108,4 млрд рублей, соответственно). На 2015 г. «программная» часть составит 88,4 %, в 2016 и 2017 гг. (87,15 % и 84,06 % соответственно).

Анализ практики перехода на полноценное программное бюджетирование в различных регионах выявил ряд проблем, носящих системный характер. Основными из них являются [3, с. 240–241]:

1) несовершенство стратегических документов регионального уровня, их оторванность от бюджетной политики и экономических реалий;

2) бесконтрольность расширения количества целевых программ, зачастую пересекающихся между собой по целям, задачам, показателям и основным мероприятиям;

3) нормативные правовые акты, регламентирующие процесс разработки, утверждения и реализации целевых программ, требуют корректировки;

4) необходимость перестройки системы органов власти и организации процедур внутри органов власти;

5) сложность и непроработанность методологии программного бюджетирования, отсутствие универсальной методики оценки эффективности реализации программ;

6) отсутствие в ряде программ четких критериев оценки их достижения; несоблюдение законодательно установленных сроков разработки целевых программ;

7) сильная дифференциация целевых программ по сферам экономики.

Указанные недостатки носят организационный характер. К финансовым проблемам можно отнести: нечеткость в определении объемов, источников и направлений затрат на достижение установленных программой целей и задач; отсутствие взаимосвязи между объемами финансирования и результативностью программы; методологически не взаимосвязано планирование программных и непрограммных расходов, а также капитальных и текущих расходов; низкая доля расходов бюджета, формируемых программно-целевым методом; ежегодная корректировка целевых показателей и финансирования; отсутствие четкого разделения управленческих расходов и расходов на реализацию ГП.

Выявленные проблемы программного бюджетирования определяют рассмотрение их ключевых решений:

1) пересмотр концепций и стратегий социально-экономического развития региона и приведение их в соответствие с основными требованиями программного бюджетирования;

2) инвентаризация РЦП и устранение неэффективных, нефинансируемых либо неисполняемых программных документов;

3) тщательная проработка и качественная оценка содержания целевых программ как на этапе разработки и утверждения, так и на этапе оценки достигнутых результатов;

4) совершенствование нормативно-правовой базы региона, позволяющей использовать все преимущества программно-целевого формирования бюджета;

5) продолжение работы над совершенствованием методологии программного бюджетирования, разработкой универсальной методики оценки эффективности реализации программ;

6) четкое разграничение ответственности между органами власти за результаты социально-экономического развития в различных сферах;

7) повышение ответственности государственных ведомств, в том числе на уровне конкретных авторов и исполнителей целевых программ;

8) оптимизация управленческих процессов и снижение трудозатрат органов власти за счет активного внедрения программных продуктов, обеспечивающих автоматизацию процессов разработки программ и управления ими, включая анализ основных показателей результативности РЦП;

9) дополнение общей системы показателей (индикаторов) для мониторинга и оценки достижения поставленных целей в учетом специфики регионов. При этом целесообразно, чтобы ряд ключевых показателей был унифицирован в масштабах РФ, а определенный набор показателей – на региональном и отраслевом уровнях;

10) регулярное проведение анализа исполнения целевых программ и причин неполного освоения бюджетных средств, в случае возможного их неисполнения представлять своевременно предложения по корректировке бюджетных ассигнований;

11) проведение детального анализа причин неполного освоения средств, выделенных на реализацию целевых программ, по итогам года.

Выводы

Сравнительно небогатый опыт программного бюджетирования в субъектах РФ позволяет сделать следующие выводы.

Одной из новаций бюджетного планирования в ходе бюджетной реформы является повышение роли программно-целевого подхода к распределению ресурсов, позволяющего оценить вклад каждого ведомства или региона в решении задач социально-экономического развития страны. Переход на полноценный программный бюджет сравнительно долго откладывался в стране. Программа внедрения программно-целевых методов управления (до 2012 г.) плавно перешла в другую – программу повышения эффективности управления общественными финансами до 2018 г., которая, к сожалению, по большей части повторяет те задачи, которые так и не были выполнены в рамках предыдущей. По-прежнему одним из важных направлений остается модернизация бюджетного процесса в условиях внедрения программно-целевых методов управления.

Несмотря на ряд достоинств, программно-целевой метод все же имеет недостаточную научную базу, связанную с теоретической и методической незавершенностью. Так, к настоящему времени отсутствует единая точка зрения исследователей на основополагающие понятия программного

бюджета и бюджетирования [3, с. 240]. По мнению автора, фундаментом программного бюджета является соотношение использования финансовых ресурсов и результатов деятельности министерств и ведомств. При данном подходе почти все расходы распределяются по программам, связанным с конкретным результатом деятельности ведомств, основанном на его показателях, а не на входящих ресурсах. Данный подход целесообразно использовать при рассмотрении структуры РЦП.

В Бюджетном кодексе РФ до сих пор нет четких определений и классификационных взаимосвязей различных видов целевых госпрограмм. На практике это приводит к включению ВЦП и отдельных мероприятий органов государственной власти в состав ГП РФ, при этом их содержание и структура не меняются. Такой подход порождает копирование сложившихся проблем программно-целевого планирования предыдущего периода. Данная проблема предопределяет также серьезные недостатки и ошибки в методиках их формирования на региональном и муниципальном уровнях.

В экономической литературе и на практике не сформировалось однозначной позиции, каким образом внедрение программного бюджета будет осуществляться на региональном и муниципальном уровне. Одним из наиболее актуальных вопросов в связи с этим является нечеткое понимание того, должны ли субъекты РФ повторять конструкцию ГП вышестоящих уровней власти. Некоторые эксперты придерживаются позиции, что регионам необходимо ориентироваться, в первую очередь, на собственные приоритеты социально-экономического развития, а потому программы должны быть иными. Согласно противоположной точке зрения, в будущем региональные и муниципальные программы должны быть максимально приближены к федеральным программам. Автор придерживается этого мнения, поскольку зачастую у регионов и муниципалитетов нет собственного опыта и специалистов-профессионалов по вопросам применения программного бюджетирования.

Повышение эффективности бюджетного программирования предполагает необходимость публичного обсуждения проектов госпрограмм субъектов и муниципальных образований. Федеральное законодательство не содержит данной нормы. На наш взгляд, механизм публичного обсуждения заключается в направлении представителями общественности замечаний и пред-

ложений к проекту целевой программы в сети Интернет на сайте разработчика ГП или отдельном ресурсе. По результатам публичного обсуждения проекта вносятся необходимые коррективы в программы. В этом случае создаются условия для реализации двух основных принципов бюджетирования: внимание к потребителям общества и участия населения в бюджетном процессе.

Для оптимизации программно-целевого планирования необходимы дальнейшие и более глубокие научные разработки в этой области.

Список литературы

1. Лексин В.Н., Шевцов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 1997. 372 с.
2. Чулков А.С. Программно-целевое бюджетирование на региональном и местном уровнях // Финансы. 2014. № 3. С. 17–24.
3. Яруллин Р.Р. Внедрение программного бюджетирования в регионе: сб. науч. трудов «Управление. Экономический анализ. Финансы» / под общей ред. д-ра экон. наук, проф. И.Р. Кошегуловой. Уфа: УГАТУ, 2014. 502 с.

В редакцию материал поступил 17.11.14

© Яруллин Р. Р., 2014

Информация об авторе

Яруллин Рауль Рафаэлович, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Адрес: 450015, г. Уфа, ул. Мустая Карима, 69/1, тел.: (347) 251-08-23
E-mail: jrr61@mail.ru

Как цитировать статью: Яруллин Р.Р. Реализация программно-целевого формирования бюджетов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 215–221.

R. R. YARULLIN,

*Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Nature Studies
Ufa branch of Financial University of the Russian Government, Ufa, Russia*

IMPLEMENTATION OF PROGRAM-OBJECTIVE FORMING OF BUDGETS OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS

Objective: to determine the position of the regional program budgets in the management of public (state and municipal) finance, by understanding of the Russian Federation subjects' transition to the program budget and their systematization for use in budgeting.

Methods: abstract-logical, dialectical, historical, comparative, economical analysis and synthesis.

Results: The results of the implementation and evaluation of the targeted programs effectiveness in the Republic of Bashkortostan are reviewed; their composition, structure and funding sources are analyzed, as well as usage of funds and execution of the program indicators. The experience of the program budgets of the Russian Federation subjects is summarized, their shortcomings are discussed. The ways of their overcoming are proposed.

Scientific novelty: The role of the regional budget in public finance management is researched.

Practical value: The main points and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity when considering the program-objective formation of budgets of the Russian Federation subjects.

Key words: program-objective budgeting; public legal unity; public finance; state services; program budget; target program; monitoring; subsidy; efficiency indicators; program costs; budget costs.

References

1. Leksin, V.N., Shevcov, A.N. *Gosudarstvo i regiony. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* (State and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development). Moscow: URSS, 1997, 372 p.
2. Chulkov, A.S. Programno-celevoe bjudzhetirovanie na regional'nom i mestnom urovnjah (Program-objective budgeting at regional and local levels). *Finansy*, 2014, no. 3, pp. 17–24.
3. Yarullin, R.R. *Vnedrenie programmno bjudzhetirovaniya v regione: sb. nauch. trudov «Upravlenie. ekonomicheskii analiz. Finansy»* (Introducing program budgeting in a region: collection of scientific works "Management. Economic analysis. Finance"). Ufa: UGATU, 2014, 502 p.

Received 17.11.14

Information about the author

Yarullin Raul' Rafaelovich, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Nature Studies, Ufa branch of Financial University of the Russian Government
Address: 69/1 Mustay Karim Str., 450015, Ufa, tel.: (347) 251-08-23
E-mail: jrr61@mail.ru

How to cite the article: Yarullin R.R. Implementation of program-objective forming of budgets of the Russian Federation subjects. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 215–221.

© Yarullin R. R., 2014

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 342.9

Л. Р. КОМАРОВА,

кандидат юридических наук, доцент

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Россия*

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Цель: теоретическое обоснование критериев разграничения видов юридической ответственности, а также обоснование предложений и рекомендаций по совершенствованию норм административного и уголовного права, с учетом принятых в современном российском праве подходов к системе права как к праву частному и публичному, для дальнейшей модернизации отечественного законодательства и повышения эффективности правоприменительной практики.

Методы: Методологическая основа исследования включает в себя ряд общенаучных, специальных и частно-правовых методов, определяющих приемы, подходы и принципы познания согласно плюралистической концепции достижения истины. При изучении различных точек зрения по вопросам понимания и реализации юридической ответственности применен системный и сравнительно-правовой методы, использован ряд приемов в составе диалектического метода, что способствует правильному пониманию института юридической ответственности.

Выводы аргументированы посредством формально-юридических, структурно-правовых и логических приемов.

Результаты: Основные результаты заключаются в развитии научного понимания проблем ответственности в административном и уголовном праве, обосновании необходимости совершенствования норм, устанавливающих различные виды и пределы ответственности за правонарушения, посягающие на типовые отношения, охраняемые административным и уголовным правом, в целях эффективного применения средств предупреждения правонарушений.

Научная новизна: проведен анализ функциональных связей институтов административной и уголовной ответственности, определены критерии дифференциации административной и уголовной ответственности на основе характера и степени общественной опасности противоправного деяния и личности виновного, выделены особенности применения мер уголовно-правового принуждения в качестве последствий реализации уголовно-правовых отношений. Теоретически обоснованы предпосылки разграничения смежных видов юридической ответственности и предложены новые подходы к дифференциации административной и уголовной ответственности.

Практическая значимость: Сформулированные в исследовании выводы дополняют и развивают соответствующие разделы теории государства и права, отдельные институты административного права, уголовного и уголовно-процессуального права, способствуют формированию основы для разработки междисциплинарных институтов. Предложения и рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности, в практической деятельности должностных лиц правоохранительных органов, в научных исследованиях по отдельным отраслям права, при изучении и преподавании соответствующих юридических дисциплин и преподавании спецкурсов.

Ключевые слова: уголовная ответственность; критерии (основания) межотраслевой дифференциации; критерии (основания дифференциации); средства и обстоятельства дифференциации ответственности; предупреждение преступлений; смежные виды юридической ответственности; общественная вредность.

Введение

Проблема юридической ответственности является значимой не только в общей теории права, но и в отраслевых науках. Будучи правовой реакцией государства на совершение правонарушения, юридическая ответственность реализуется в определенных видах правоотношений и имеет глубокие

социальные предпосылки. Следствием изменения приоритетов и основных направлений уголовной политики является динамичный процесс криминализации и декриминализации деяний. Однако постоянное реформирование норм законодательства, регламентирующих вопросы административной и уголовной ответственности, приводят лишь к

чрезвычайно широкому и необоснованному применению мер государственного принуждения, но не способствуют сокращению числа правонарушений. Низкая эффективность средств борьбы с правонарушениями диктует необходимость качественного нормативно-правового регулирования ответственности за совершение административных правонарушений и преступлений.

Выработка оптимальной концепции модернизации норм об ответственности в административном и уголовном законодательстве невозможна без теоретического осмысления сущности и правовых последствий применения отдельных видов юридической ответственности, применяемой к виновным за нарушение норм административного и уголовного законодательства. Необходимость исследования названных институтов права обусловлена, с одной стороны, однородностью ряда правоотношений, регулируемых административным и уголовным правом, с другой – существенным различием правовых последствий применения к виновным соответствующих норм об ответственности. В частности, административная и уголовная ответственность определяются повышенной степенью общественной опасности публично-правового нарушения и влекут специфические правовые последствия. Традиционно эти виды ответственности именуется «карательно-штрафными» и, несмотря на существенные различия оснований их применения и соответствующих им мер государственного принуждения, признаются институтами одной отрасли – деликтно-наказательного права [1, с. 197].

Результаты исследования

В отечественной науке существуют различные классификации видов юридической ответственности, как в частных, так и в публичных отраслях права. Основу наиболее распространенной и практически значимой классификации юридической ответственности составляет характер нарушения нормы определенной отрасли права и соответствующей ему санкции. Такая классификация имеет конкретную цель – обеспечение эффективности функционирования института юридической ответственности. По мнению Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, «ни одна отрасль права не может нормально функционировать без собственного института юридической ответственности» [2, с. 818]. Не согласен с этой точкой зрения Н. В. Витрук, утверждая, что связь отраслей права

и видов юридической ответственности «не является жестко однолинейной» [1, с. 156].

Учитывая, что виды юридической ответственности обеспечивают нормальное функционирование правоотношений в различных отраслях правоотношений, различия между ними нередко имеют ярко выраженный характер. Убедительным свидетельством самостоятельности юридической ответственности за проступки и преступления служат соответствующие нормы в административном и уголовном праве. Правовая регламентация ответственности по УК РФ отражает не только тяжесть мер государственно-принудительного воздействия за совершение преступного деяния, но и установленные законом последствия их применения. Необходимо подчеркнуть, что судимость – следствие применения уголовного наказания – служит дополнительным элементом ответственности, а нередко создает серьезные препятствия к ресоциализации осужденного после отбывания наказания.

Актуальной задачей в процессе реформирования законодательства является выработка единых подходов к основаниям разграничения видов ответственности за совершение конкретных видов противоправных деяний. Наиболее острые споры авторов вызывает проблема оснований дифференциации административной и уголовной ответственности, реализация последней затрагивает самые важные блага и интересы личности. По характеру воздействия, оказываемого на права и свободы человека, меры государственного принуждения за совершенное им преступление являются самыми жесткими. В этой связи обсуждение вопросов дифференциации ответственности представляется невозможным без теоретического осмысления проблемы обоснования уголовной ответственности.

Уголовная ответственность служит средством утверждения правопорядка и формированию позитивной ответственности у правосубъектных лиц. С точки зрения целей уголовной ответственности и способов их достижения, по мнению И. Я. Козаченко, «уголовная ответственность обладает большим позитивным началом». Справедливость данного суждения обоснована специфической задачей уголовного закона оказывать воспитательное воздействие на правосознание граждан, поэтому существует стремление связать положения уголовно-правовой нормы с правомерным поведением.

В то же время уголовная ответственность определяется как негативное правовое послед-

ствие совершенного лицом преступного деяния, реализуется в рамках охранительного уголовно-правового отношения и заключается в принуждении этого лица претерпеть все меры уголовно-правового воздействия, связанные с совершением такого деяния. Являясь центральным институтом уголовного права, уголовная ответственность служит мерой социальной оценки общественно опасного поведения личности. Такое широкое понимание уголовной ответственности, включая криминологический аспект норм об ответственности в уголовном праве, имеет важное значение для решения задач борьбы с преступностью.

Обоснование уголовной ответственности и определение социальных предпосылок ее возникновения всегда были предметом острых обсуждений как в отечественном, так и в зарубежном уголовном праве. Истории развития уголовного права известны различные подходы к проблеме ответственности, методологические посылки и концепции противоправного поведения, попытки обоснования ответственности за опасное состояние личности и «мер защиты» общества от преступных посягательств [3; 4, с. 4; 5, с. 132].

Одно из современных направлений в познании теории уголовной ответственности основано на доктрине новой социальной защиты Ф. Граматики и М. Ансея. По мнению М. Ансея, новая социальная защита определяется как «наука о воспитании» [6]. Отечественные правоведы признают состоятельность некоторых положений доктрины, соглашаясь с тем, что ее содержание «составляет не только проблема ответственности, но и целая система социально-предупредительных мер в борьбе с преступностью» [7, с. 23].

Рациональное зерно в подходах к сущности уголовной ответственности находится в понимании ее двойственного характера (рассмотренных ранее позитивного и негативного аспектов). При разграничении видов ответственности, в частности, в административном и уголовном праве, законодатель опирается на типовые понятия, определяемые одними критериями. В первую очередь речь идет об основании определенного вида юридической ответственности.

Отсутствие в уголовном законе определения понятия «уголовная ответственность» компенсируется нормой ст. 8 УК РФ, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки

состава преступления, предусмотренного УК РФ. Однако законодательная формулировка не соответствует существующим реалиям, «конкурируя» как с определениями в теории уголовного права, так и с практикой применения норм об ответственности.

При разграничении правонарушений на уголовно-правовые и административные в отечественном уголовном законодательстве названные элементы (признаки) учитываются не в каждом составе. В частности, при установлении ответственности за противоправные посягательства на однородные общественные отношения, охраняемые различными отраслями права, критерием дифференциации правонарушений и преступлений служит характер и степень возможного вреда, как следствия деяния, причиняемого виновным. Возможный вред определяется в теории уголовного права как «угроза» его причинения, а следовательно, вред может и не наступить. Интегрирующее свойство общественной опасности, как совокупная оценка типовых и индивидуальных признаков деяния, может служить объективным критерием разграничения преступлений и иных правонарушений, а также актов правомерного поведения. Однако он вряд ли можно признать его единственным и универсальным критерием дифференциации ответственности.

В содержании оценочного понятия общественной опасности (вредоносности) выделяют объект, признаки объективной стороны, мотив и цель преступления, а также особенности личности виновного. Форма вины, мотив и цель отражают качественные признаки общественной опасности правонарушения, личности нарушителя и должны учитываться при дифференциации проступков и преступлений. Противоправное поведение лица, совершившего преступление, обуславливается не только внутренней мотивацией личности, но и внешними факторами, которые не зависят от воли субъекта, но способствуют совершению преступления. При возникновении обстоятельств, в силу которых у лица отсутствует возможность выбора определенного варианта поведения, определение степени вины и ответственности субъекта правонарушения не может ставиться в зависимость от субъективного усмотрения судьи или иного должностного лица правоохранительного органа, а должно быть регламентировано нормами соответственно административного или уголовного законодательства.

Позиция большинства правоведов о единстве социальной природы административного проступка и преступления находит поддержку законодателя, что, в свою очередь, способствует постоянному изменению норм об ответственности в административном и уголовном законодательстве, а также влечет систематическую корректировку положений УПК РФ, регламентирующих вопросы уголовного преследования. Значительное сходство в основаниях административной и уголовной ответственности нередко допускает возможность необоснованного выбора вида юридической ответственности субъектом правоприменения. Обладая общими признаками противоправности, виновности и наказуемости, административное правонарушение (проступок) и уголовное преступление различаются степенью общественной опасности. Напомним, что в основе отраслевой дифференциации противоправных деяний лежит типовая степень общественной опасности правонарушений, нижняя граница которой качественно и количественно характеризуется понятием «общественно вредные последствия».

По мнению большинства авторов, общественная опасность деяния является важнейшим признаком, отражающим социальную природу преступления. Размер причиненного ущерба, форма вины, конкретный перечень преступных деяний, все эти критерии в своей совокупности предполагают различное количество и качество общественной опасности. Я. М. Брагин, И. И. Карпец и другие исследователи считали, что характер общественной опасности выступает как общий признак определенного вида преступлений [8, с. 25; 9, с. 21; 10, с. 93]. Степень общественной опасности определяет тяжесть конкретного преступления данного вида. При этом характер общественной опасности оценивается законодателем в целях дифференциации преступлений, а степень общественной опасности в конечном итоге устанавливается судом и учитывается при индивидуализации наказания. Вместе с тем существует мнение, что степень общественной опасности преступного деяния характеризует ее как с количественной, так и с качественной сторон [11, с. 292]. Выделяя такой критерий, автор отмечает, что по степени опасности одни группы преступлений отличаются от других. Он также связывает с этим признаком санкции, важность и ценность объекта посягательства, величину причиненного ущерба,

форму вины субъекта. В научной литературе и в законодательстве часто используются термины: «степень общественной опасности» либо «тяжесть преступления», выделяются опасные, особо опасные и тяжкие преступления. Согласно утверждению М. И. Ковалева, эти понятия тождественны [12, с. 121]. Н. Г. Кадников справедливо полагает, что понятию «тяжесть преступлений» тождественно понятие «характер и степень общественной опасности преступлений» [13, с. 5–16].

Таким образом, основополагающим критерием криминализации противоправных деяний служит социальная оценка последствий противоправного деяния. Общественная опасность личности лица, его совершившего, выявляется при установлении формы вины, определяется характером и степенью общественной опасности преступления, а также имеет уголовно-правовые последствия в виде определения пределов ответственности, индивидуализации наказания, применения иных мер уголовно-правового воздействия и мер уголовно-процессуального принуждения.

Следовательно, устанавливая границы наказуемости (мер государственного принуждения) преступного деяния законодатель учитывает следующие обстоятельства:

- форму вины (умышленные и неосторожные деяния);
- характер преступления («общеуголовные преступления» и преступления, связанные с посягательством на «менее значимые» объекты уголовно-правовой охраны);
- тяжесть возможного вреда (размер возможного вреда).

Иные обстоятельства, имеющие существенное значение для оценки содеянного виновным, при дифференциации преступлений и проступков законодателем не учитываются. В то же время УК РФ содержит значительный арсенал средств, позволяющих учесть все обстоятельства совершенного деяния смягчить меру уголовно-правового воздействия, а иногда даже исключить уголовную ответственность, либо освободить от наказания.

Бесспорно, наличие смягчающих обстоятельств, несовершеннолетний возраст виновного, и иные обстоятельства, учитываемые при назначении наказания, способны уменьшить карательные свойства последнего. Более того суд вправе при осуждении виновного, не назначать наказание, либо вынести приговор об условном осуждении. Поэтому,

учитывая различные свойства объекта посягательства, факторы, способствующие совершению преступлений, общий уровень преступности, необходимость принимать меры по предупреждению преступности, законодатель продолжает процесс декриминализации и криминализации одних и тех же по содержанию противоправных деяний.

Административное правонарушение и уголовное преступление по своей социальной природе однородны, а границы ответственности за их совершение динамичны. Генетическая общность и структурное единство административной и уголовной ответственности подчеркивается термином «наказание», которое применяется за совершение преступлений и проступков. Санкции ряда статей УК РФ содержат наказания сопоставимые по своей тяжести с мерами административных взысканий. Между тем заметные различия в процедуре применения административной и уголовной ответственности, а также правовые последствия привлечения к уголовной ответственности требуют определения четких критериев отнесения каждого вида противоправного деяния к конкретной группе правонарушений и установления соответствующих им мер ответственности.

Следует признать, что базовым критерием ограничения проступков и преступлений служит степень их общественной опасности. Однако содержание признака общественной опасности нуждается в конкретизации. Исходя из целей административной ответственности, в числе которых охрана административного правопорядка и предупреждение совершения новых правонарушений, общественная опасность должна включать характеристику свойств и качеств личности виновного и возможность выбора последним определенного варианта поведения. Следовательно, преступления связанные с нарушением различных правил, регулирующих административные правоотношения, совершаемые с неосторожной формой вины, должны быть отнесены к числу административных проступков.

Обоснование правомерности наших суждений находится в функциональном свойстве административной ответственности, первоочередной задачей которой является профилактика правонарушений и, соответственно, предупреждения более тяжких противоправных деяний, связанных с нарушением административных правил. Очевидно, что в тех случаях, когда нормы права не справляются с задачей предупреждения правонарушений, зако-

нодатель пытается усилить ответственность, что в конечном итоге приводит к противоположному результату. Возложение функций одних институтов права на нормы, призванные выполнять иные функции не может служить эффективным средством достижения целей юридической ответственности.

Объединяя все виды общественно опасных деяний понятием «преступление», уголовный закон нивелирует различия в форме вины, иных признаках, условиях и последствиях совершения преступления. При этом равным уголовно-процессуальным статусом наделяются лица, виновные в совершении преступлений, поскольку процедура реализации уголовных правоотношений в большинстве своих норм содержит единые правила для всех субъектов. Исключения в уголовном законодательстве установлены в случаях совершения актов правомерного поведения, которые составляют институт «обстоятельств, исключающих преступность деяния». К ним уголовное законодательство относит случаи, когда противоправное поведение виновного обусловливается не столько внутренней мотивацией, сколько внешними факторами, не зависящими от воли субъекта. Здесь законодатель ставит в зависимость от возможности выбора лицом варианта своего поведения наличие либо отсутствие указанных в законе обстоятельств, указывая в каждом случае определенные условия правомерности, а именно: «если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица...» (ч. 1 ст. 37 УК РФ), «если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным...» (ч. 1 ст. 38 УК РФ), «если эта опасность не могла быть устранена иными средствами...» (ч. 1 ст. 39 УК РФ), «если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)» (ч. 1 ст. 40 УК РФ), «если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием)...» (ч. 1 ст. 41 УК РФ)¹.

В процессе установления перечисленных обстоятельств, который осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, к субъектам противоправных деяний могут применяться раз-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. от 3 февраля 2014 г. с изменениями, вступившими в силу с 15 февраля 2014 г.). URL: <http://zakonbase.ru/ugolovnyj-kodeks/> (дата обращения: 07.11.2014)

личные правоограничения, в том числе и меры пресечения, свидетельствующие о начале реализации уголовной ответственности. Очевидно, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, требует закрепления специальных процессуальных норм, обеспечивающих эффективность его функционирования и охрану прав и свобод подозреваемого, обвиняемого.

Выводы

Таким образом, полагаем, что типовая степень общественной опасности противоправного деяния выступает единой мерой для всего комплекса правовых предписаний, регламентирующих вопросы уголовной ответственности.

Изложенное позволяет признать актуальность исследования дифференциации юридической ответственности, критериев ее разграничения на виды, специфики, особенностей взаимосвязей между видами и их законодательного регулирования, проводимого в целях модернизации норм действующего законодательства. Строгий и последовательный учет как характера и степени опасности совершенного правонарушения, так и общественной опасности личности виновного, в качестве основных критериев градации однородных правонарушений на преступления и проступки, послужит выработке наиболее эффективных мер борьбы с противоправными деяниями.

Важным направлением реформирования нормативно-правовых актов об ответственности за однородные по характеру, но различные по степени общественно опасного поведения и его последствиям противоправные деяния, является создание новых, межотраслевых институтов, основу которых должны составлять меры административно-полицейского воздействия. Особого

внимания заслуживает институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, практика применения которого свидетельствует о необходимости закрепления специальных процессуальных норм, обеспечивающих эффективность его функционирования и охрану прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Полагаем, что совершенствование законодательства, направленное на формирование модели ответственного поведения, очевидно, будет способствовать повышению уровня правосознания граждан и обеспечению профилактики противоправных деяний.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: НОРМА, 2009. 259 с.
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. 950 с.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 464 с.
4. Манковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. М., 1949. 123 с.
5. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву. М., 1957. 304 с.
6. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике): пер. с франц. М., 1970. 312 с.
7. Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. Т. 8. СПб., 2007.
8. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. 275 с.
9. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 232 с.
10. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. Т.1. Общая часть. М., 2001. 560 с.
11. Шишов О.Ф. Курс уголовного права в 6 т. Т.1. М., 1971.
12. Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. 208 с.
13. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. М., 2000. 349 с.

В редакцию материал поступил 13.11.14

© Комарова Л. Р., 2014

Информация об авторе

Комарова Лилия Рифовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры основ правоохранительной деятельности юридического факультета им. М. М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1, тел.: (495) 933-80-30

E-mail: kliliar@mail.ru

Как цитировать статью: Комарова Л.Р. К вопросу о критериях дифференциации ответственности за совершение административных правонарушений и неосторожных преступлений // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 222–228.

L. R. KOMAROVA,

PhD (Law), Associate Professor

Russian Academy for Economics and State Service of the Russian Federation President, Moscow, Russia

**ON THE CRITERIA OF DIFFERENTIATING LIABILITY FOR ADMINISTRATIVE BREACHES
OF LAW AND UNDELIBERATE CRIMES**

Objective: to theoretically prove the criteria for distinguishing the types of legal liability, and to ground the proposals and recommendations for improvement of the administrative and criminal legal norms, taking into account the existing approaches to the legal system as the private and public law, with a view of further modernization of the Russian legislation and increasing the law enforcement efficiency.

Methods: The methodological basis of the research includes a number of general scientific, special and private legal methods that determine the techniques, approaches and principles of cognition according to the pluralistic concept of finding the truth. When examining different perspectives on understanding and implementing the legal liability, we applied systemic and comparative legal methods, as well as a number of techniques as part of the dialectical method that contributes to the proper understanding of the legal liability institution.

The conclusions substantiated by formal legal, structural-legal and logical techniques.

Results: The main results consist in the development of scientific understanding of liability issues in administrative and criminal law, the justification of the need to improve standards, establishing different types and limits of liability for offences encroaching on the type of relationship, protected by administrative and criminal law, in order to effective application of crime prevention.

Scientific novelty: The analysis of functional linkages of administrative and criminal liability institutions is carried out, the criteria are defined for the differentiation of administrative and criminal liability on the basis of the nature and degree of public danger of a wrongful act and the criminal personality, the features are highlighted of the criminal-law enforcement measures as the implications of the criminal legal relations. Prerequisites for differentiation of the related kinds of legal liability are theoretically grounded. New approaches are proposed to the differentiation of administrative and criminal liability.

Practical value: The conclusions formulated in the article complement and develop the relevant sections of theory of state and law, particular institutions of administrative law, criminal law and criminal procedural law, contribute to the formation of the basis for interdisciplinary institutions development. The suggestions and recommendations can be used in lawmaking, in practice of law enforcement officials, in law research, and in the study and teaching of the legal disciplines and special courses.

Key words: criminal liability; criteria (bases) for inter-sectoral differentiation; criteria (the bases for differentiation); means and circumstances of liability differentiation; crime prevention; related types of legal liability; public harm.

References

1. Vitruk, N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* (General theory of legal liability). Moscow: NORMA, 2009, 259 p.
2. Khachaturov, R.L., Lipinskii, D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* (General theory of legal liability). Saint-Petersburg, 2007, 950 p.
3. Bekkaria, Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* (On crime and punishment). Moscow, 1939, 464 p.
4. Mankovskii, B.S. *Problema otvetstvennosti v ugovnom prave* (Problem of liability in criminal law). Moscow, 1949, 123 p.
5. Shargorodskii, M.D. *Nakazanie po ugovnomu pravu* (Punishment by criminal law). Moscow, 1957, 304 p.
6. Ansel', M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugovnoi politike)* (New social protection (humanistic movement in criminal policy)). Moscow, 1970, 312 p.
7. Astemirov, Z.A. *Ugovnaya otvetstvennost'* (Criminal liability). Entsiklopediya ugovnogoprava, vol. 8. Saint-Petersburg, 2007.
8. Brainin, Ya.M. *Ugovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave* (Criminal liability and its basis in the Soviet criminal law). Moscow, 1963, 275 p.
9. Karpushin, M.P., Kurlyandskii, V.I. *Ugovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* (Criminal liability and corpus delicti). Moscow, 1974, 232 p.
10. Ignatov, A.N., Krasikov, Yu.A. *Kurs rossiiskogo ugovnogo prava. T.1. Obshchaya chast'* (A course in the Russian criminal law. Vol.1. General part). Moscow, 2001, 560 p.
11. Shishov, O.F. *Kurs ugovnogo prava v 6 t. T. 1* (A course in criminal law. In 6 vol. Vol.1). Moscow, 1971.
12. Kovalev, M.I. *Ponyatie prestupleniya v sovetskom ugovnom prave* (The notion of crime in the Soviet criminal law). Sverdlovsk, 1987, 208 p.
13. Kadnikov, N.G. *Klassifikatsiya prestuplenii po ugovnomu pravu Rossii* (Classification of crimes in the Russian criminal law). Moscow, 2000, 349 p.

Received 13.11.14

Information about the author

Komarova Liliya Rifovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Fundamentals of law-enforcement Activity, Law Faculty named after M.M. Speranskiy, Russian Academy for Economics and State Service of the Russian Federation President

Address: 82 Prospekt Vernadskogo, building 1, 119571, Moscow, tel.: (495) 933-80-30

E-mail: kliliar@mail.ru

How to cite the article: Komarova L.R. Administrative barriers in the Russian economy as the conditions promoting corruption, and measures for their elimination. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 222–228.

© Komarova L. R., 2014

УДК 347:349.4

З. К. КОНДРАТЕНКО,

кандидат юридических наук, старший преподаватель,

Н. С. МУСТАКИМОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

ОСОБЕННОСТИ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ ГРАЖДАНСКОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

Цель: выработать комплексное научное представление о межотраслевых связях гражданского, земельного и градостроительного права при регулировании отношений по строительству объектов недвижимости.

Методы: обще- и частнонаучные, в том числе формально-логические методы (гипотеза, анализ, синтез, дедукция, индукция). Из специальных применялись исторический, юридико-технический, межотраслевой, сравнительно-правовой, системный и другие методы научного познания.

Результаты: При проведении исследования межотраслевых связей гражданского, земельного и градостроительного права авторами были получены следующие результаты: межотраслевые связи гражданского, земельного и градостроительного права прослеживаются при рассмотрении условий осуществления правомерного строительства (предоставление застройщику земельного участка под строительство, получение разрешения на строительство, соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам). Следовательно, исследование межотраслевых связей необходимо с целью разрешения практических вопросов, связанных с признанием права собственности на самовольно возведённые объекты, а также на правомерно созданные новые объекты недвижимого имущества.

Научная новизна: авторами рассмотрены межотраслевые связи гражданского, земельного и градостроительного права при регулировании общественных отношений по строительству объектов недвижимого имущества с целью выявления правовых коллизий и пробелов в российском законодательстве.

Практическая значимость: заключается в том, что результаты могут быть использованы в целях правотворчества для совершенствования норм отечественного гражданского, земельного и градостроительного законодательства. Отдельные положения могут быть восприняты судебной практикой при рассмотрении и разрешении дел. Научные предложения могут найти применение также при подготовке учебных программ, пособий и при преподавании курсов «Гражданское право» и «Земельное право».

Ключевые слова: гражданское право; градостроительное право; межотраслевые связи; земельное право; строительство; объекты недвижимого имущества; самовольная постройка; право собственности; земельный участок; собственник.

Введение

Изучение системы межотраслевых связей гражданского, земельного и градостроительного права при регулировании отношений по строительству объектов недвижимости в настоящее время имеет большое практическое и теоретическое значение. Строительство объектов недвижимости, в том числе многоквартирных жилых домов, является приоритетным направлением экономической политики российского государства^{1, 2}.

Указанное свидетельствует о необходимости эффективного правового регулирования этого вопроса с позиции различных отраслей права.

В современной научной литературе многими авторами, изучающими частное и публичное право, отмечается их взаимопроникновение, взаимовлияние [1, с. 109; 2, с. 31–33; 3, с. 31]. Однако достаточно редко можно встретить работы, посвященные подробному анализу данного явления [4, 5, 6]. Следует отметить, что комплексное изучение взаимовлияния отраслей частного и публичного права при регулировании конкрет-

¹ О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 гг.: Постановление Правительства РФ № 1050 от 17 декабря 2010 г. (ред. от 18 апреля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 5. Ст. 739.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и ком-

фортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ № 323 от 15 апреля 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. III). Ст. 2169.

ных отношений способствует выявлению связей внутри системы права. Непринятие во внимание законодателем существующих взаимосвязей подсистем права при регулировании отношений, связанных со строительством объектов недвижимости негативно проявляется в сфере как гражданского, так и земельного и градостроительного регулирования в форме межотраслевых коллизий.

Как известно, гражданское право, находясь в единой системе отечественного права, взаимодействует практически со всеми иными правовыми отраслями. Наблюдая подобное правовое взаимодействие гражданско-правовой отрасли, можно увидеть и некоторые тенденции развития современного правового регулирования соответствующих общественных отношений, в частности, связанных со строительством объектов недвижимости.

При проведении исследования использовались обще- и частнонаучные, в том числе формально-логические методы (гипотеза, анализ, синтез, дедукция, индукция). Из специальных применялись исторический, юридико-технический, межотраслевой, сравнительно-правовой, системный и другие методы научного познания.

Результаты исследования

Строительство представляет собой создание зданий, строений, сооружений (в том числе на месте сносимых объектов капитального строительства). Процесс строительства включает в себя все организационные, изыскательские, проектные, строительные-монтажные и пусконаладочные работы, связанные с созданием, изменением или сносом объекта, а также взаимодействие с компетентными органами по поводу производства таких работ [7]. О. В. Макаров определяет гражданско-правовой режим строительной деятельности во временном аспекте как взаимосвязанную систему стадий (этапов), включая подготовку, организацию, осуществление, консервацию и завершение строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов недвижимости [8]. Правовая регламентация строительной деятельности содержится не только в градостроительном законодательстве, но и в земельном (в частности, при предоставлении земельного участка под застройку) и гражданском (в частности, при приобретении вещных прав на вновь созданный объект недвижимости). Возникающие в судебной практике споры, связанные, например, с самовольным строительством, позволя-

ют говорить о наличии проблем в согласованности правового регулирования в указанных отраслях.

Согласно п. 1 ст. 218 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом. В то же время согласно норме ст. 219 ГК РФ право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Судебная практика же исходит из того, что здания и сооружения, возведенные собственником на принадлежащем ему земельном участке, права на которые не зарегистрированы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП), являются составной частью земельного участка⁴. При отсутствии же права на земельный участок объект представляет собой самовольную постройку, на которую по общему правилу право собственности не возникает, за исключением указанных в ст. 222 ГК РФ случаев.

В литературе встречается достаточно разнообразное понимание сущности самовольной постройки: от способа приобретения права собственности до правонарушения. Так, В. В. Селиванов приходит к выводу о том, что самовольное строение может быть признано первоначальным способом приобретения права собственности при определенных условиях, указанных в законе [9, с. 176]: специальный субъект приобретения (лицо, обладающее вещным правом на земельный участок), сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц либо не создает угрозу жизни и здоровью граждан; специальный порядок признания права собственности – судебный или административный. А. В. Савина квалифицирует самовольную постройку как гражданское правонарушение и способ приобретения права собственности [10, с. 7]. Она отмечает,

³ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrfl/> (дата обращения: 14.09.2014)

⁴ Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения: Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 153 от 15 января 2013 г. // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.

что самовольная постройка как способ приобретения права собственности носит исключительный характер и применяется лишь к тем категориям самовольных построек, у которых устранены нарушения строительных и градостроительных норм и правил, и только формальные нарушения являются препятствием для признания права собственности на них в ином порядке [10, с. 7]. Таким образом, признание права собственности на самовольную постройку следует считать исключительным способом приобретения права частной собственности на новую недвижимую вещь.

Указанное подтверждается тенденциями развития гражданского законодательства, изложенными в нормах Проекта изменений в ГК РФ (ст. 244), где содержатся правила, согласно которым самовольной постройкой является здание или сооружение, созданное на земельном участке, в отношении которого лицо, осуществившее постройку, не имеет гражданских прав, допускающих строительство на нем и (или) созданное без получения разрешения на строительство с нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Согласно действующему гражданскому законодательству, приобретателем самовольной постройки может быть признан законный владелец земельного участка. Проектом изменений в ГК РФ устанавливается еще один субъект приобретения – лицо, осуществившее самовольную постройку. Одновременно в данном случае должны быть соблюдены условия приобретения, предъявляемые к исковой давности, отсутствию угрозы жизни и/или здоровью граждан, отсутствие существенных нарушений градостроительных и строительных норм.

Согласно ст. 263 ГК РФ, собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам. Эти права осуществляются при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, а также требований о целевом назначении земельного участка. В этой же статье закреплено общее правило, согласно которому собственник земельного участка приобретает право собственности на здание, сооружение и иное недвижимое имущество, возведенное или созданное им для себя на принадлежащем ему участке. Таким образом, право лица на создание нового объекта недвижимости обусловлено в первую очередь наличием у него вещного или

обязательственного права на земельный участок, на котором осуществляется строительство.

В российском гражданском и земельном законодательстве определяется, что земельный участок может быть у застройщика в собственности, может принадлежать ему на праве постоянного (бессрочного) пользования, на праве пожизненного наследуемого владения, на основании договора аренды, на основании договора безвозмездного срочного пользования, на основании сервитута. Если вещь размещена на чужом земельном участке без согласия собственника, арендатора или субарендатора, на нарушителя может быть возложена обязанность устранить препятствия в пользовании земельным участком⁵. Следует признать дискуссионным вопрос о возможности признания права собственности на самовольное строение, возведенное гражданином без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости. Анализ п. 2 п. 1 ст. 40 и п. 1 ст. 41 ЗК РФ, ст. 30.1 ЗК РФ, п. 1 ст. 615 ГК РФ показывает, что право собственности на самовольную постройку, возведенную лицом без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости, может быть признано, если такое строение создано без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил и если его сохранение не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан⁶. Но при этом необходимо учитывать условия договора аренды: участок должен быть предоставлен в аренду для возведения строений капитального типа.

Следует отметить, что в условиях реформирования гражданского законодательства о вещных правах, в гл. 20.1 Проекта изменений в ГК РФ предполагается аналогичный существовавшему в русском дореволюционном праве институт права застройки – как право владения и пользования

⁵ Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл по делу № А38-2383/2011 // Банк решений арбитражных судов. URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2014).

⁶ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г. // СПС «Консультант Плюс».

чужим земельным участком в целях возведения на нем здания или сооружения и его последующей эксплуатации. Постройки, возведенные владельцем права застройки, согласно дореволюционному законодательству России считались его собственностью, но при этом не могли признаваться составными частями земельного участка и по окончании срока застройки могли быть снесены собственником земельного участка или оставлены за собой. С 1949 г. право застройки как особый вид вещного права перестало существовать. Отрицание принципа принадлежности всего, что находится на земле, ее собственнику, было обусловлено национализацией земли, что привело к образованию двух собственников на единый объект недвижимости – строение и земельный участок.

В действующем ГК РФ в ст. 271 не закрепляется право застройки, однако примечательно, что такие страны СНГ, как Республика Молдова и Республика Туркменистан закрепляют в своих гражданских кодексах институт права застройки [11, с. 206–208; 12]. В случае введения ограниченного вещного права застройки в российское гражданское законодательство, приобрести право частной собственности на вновь возведенный объект недвижимости сможет такой субъект, как обладатель права застройки, однако данное право собственности будет иметь срочный характер (на время сохранения права застройки). Указанное обстоятельство представляется неверным, так как право собственности – абсолютное вещное право, которое имеет бессрочный характер. Законодательно необходимо императивно закрепить право собственности на вновь возводимое строение за собственником земельного участка с возмещением обладателю права застройки затрат на строительство (рыночной стоимости объекта) [11, с. 206–208; 12].

Межотраслевые связи гражданского, земельного и градостроительного права прослеживаются при рассмотрении условий осуществления правомерного строительства: предоставление застройщику земельного участка под строительство, получение разрешения на строительство, соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам. Указанные условия являются неотъемлемыми составляющими такого основания приобретения права собственности на вновь созданные объекты недвижимости, как их создание. Рассмотрим данные условия в следующих примерах из судебной практики:

1. В решении Арбитражного суда Республики Марий Эл от 22 июля 2013 г. отмечается, что по смыслу п. 1 ст. 218 ГК РФ для признания права собственности необходимо, чтобы объект недвижимого имущества был создан в соответствии с требованиями закона: на земельном участке, предоставленном в установленном порядке для строительства; с получением разрешения на строительство и иных необходимых документов; при наличии акта ввода объекта в эксплуатацию; в соответствии с градостроительными и строительными нормами и правилами (ст. 51, 52, 55 Градостроительного кодекса РФ⁷ (далее – ГрК РФ)). Суд указывает, что правовой режим земельного участка, который определяется категорией земли и разрешенным использованием земельного участка, должен допускать возможность осуществления на земельном участке строительства объекта недвижимости определенного назначения (жилого, складского, производственного, административного и т. п.). При этом разрешенное использование земельного участка, в том числе и возможность осуществления его застройки, определяется градостроительным регламентом применительно к каждой территориальной зоне, к которой относится земельный участок⁸. Аналогичный вывод содержится в определении ВАС РФ от 30 августа 2012 г. № ВАС-11349/12, где указывается, что постройки, возведенные на земельном участке, не отведенном для целей строительства, признаны самовольными, и общество обязано их снести⁹. Таким образом, лицо, заявляющее требования о признании права собственности на самовольную постройку, должно предъявлять не только доказательства принадлежности ему земельного участка, но и доказательства соблюдения его целевого назначения¹⁰. Таким образом, объект,

⁷ Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 190 от 29 декабря 2004 г. URL: <http://base.garant.ru/12138258/> (дата обращения: 14.09.2014)

⁸ Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 22 июля 2013 г. по делу № А38-2376/2013 // Банк решений арбитражных судов. URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2014).

⁹ Определение ВАС РФ от 30 августа 2012 г. № ВАС-11349/12 по делу № А11-5342/2011 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г. // СПС «Консультант Плюс».

построенный на земельном участке, разрешенное использование которого не предусматривает возможности размещения такого объекта, равно как и объект, построенный на земельном участке помимо воли собственника земельного участка, выраженной при предоставлении земельного участка на вещном или обязательственном праве, следует квалифицировать как объект, созданный на земельном участке, не отведенном для целей строительства недвижимости, и как следствие, такой объект является самовольной постройкой. Последствия признания объекта самовольной постройкой – неприобретение права собственности лицом, ее осуществившим, и возникновение обязанности по сносу самовольной постройки за счет осуществившего ее лица.

2. Для осуществления строительства объекта недвижимости на земельном участке необходимо получить разрешение на строительство, только при наличии которого можно приступить к работам по строительству, реконструкции объектов капитального строительства (ст. 222 ГК РФ, ст. 51 ГрК РФ). Согласно ст. 51 ГрК РФ разрешение на строительство представляет собой документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка или проекту планировки территории и проекту межевания территории (в случае строительства, реконструкции линейных объектов) и дающий застройщику право осуществлять строительство, реконструкцию объектов капитального строительства, за исключением случаев, предусмотренных ГрК РФ.

ГК РФ определяет, что объект недвижимости, построенный (созданный) без разрешения на строительство, является самовольной постройкой и лицо, осуществившее строительство, право собственности на него не приобретает (ст. 222 ГК РФ). Однако ВАС РФ разъясняет, что, рассматривая иски о признании права собственности на самовольную постройку, суд устанавливает, допущены ли при ее возведении существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил, создает ли такая постройка угрозу жизни и здоровью граждан. Отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку. Если иное не установлено законом, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при установлении судом того, что единственными признаками самовольной

постройки являются отсутствие разрешения на строительство и/или отсутствие акта ввода объекта в эксплуатацию, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры¹¹. Таким образом, при возведении нового объекта должны быть соблюдены градостроительные, строительные, природоохранные и другие нормы и такая постройка не должна создавать угрозу жизни и здоровью граждан. Соответствие объекта градостроительным и строительным нормам и правилам – это необходимое условие, соблюдение которого исключает возможность отнесения объекта к самовольной постройке.

Так, в решении Арбитражного суда РМЭ от 5 октября 2007 г. по делу № А38-859-1/113-07 указано, что конструкции каркаса второй очереди жилого дома со встроенными помещениями предприятий обслуживания и художественной школы выше отметки 0,000 возведены обществом «Маристройинвест» без получения на это необходимых разрешений и с существенным нарушением строительных норм и правил. Обществом «Маристройинвест» возведен каркас девятиэтажного жилого дома без положительного заключения государственной экспертизы проектной документации и без разрешения на строительство объекта выше отметки 0,000. Также строительство жилого дома велось без письменного согласия собственника земельного участка¹². Таким образом, построенные объекты недвижимости должны быть безопасны для окружающей среды и обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельности человека. Допущенные при строительстве существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил влекут нарушение охраняемых прав и законных интересов третьих лиц, а также создают угрозу жизни и здоровью граждан. Следовательно, в соответствии с п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку не может быть признано судом в случае, если сохранение постройки нарушает права и охраняемые законом интересы третьих лиц, либо создает угрозу жизни и здоровью граждан.

¹¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. № 109.

¹² Решение Арбитражного суда РМЭ от 5 октября 2007 г. по делу № А38-859-1/113-07. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/2170451> (дата обращения: 21.11.2013).

Выводы

Таким образом, авторы пришли к следующим выводам.

Во-первых, признание права собственности на самовольную постройку следует считать исключительным способом приобретения права частной собственности на новую недвижимую вещь.

Во-вторых, право лица на создание нового объекта недвижимости обусловлено в первую очередь наличием у него вещного или обязательственного права на земельный участок, на котором осуществляется строительство.

В-третьих, межотраслевые связи гражданского, земельного и градостроительного права прослеживаются при рассмотрении условий осуществления правомерного строительства: предоставление застройщику земельного участка под строительство, получение разрешения на строительство, соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам. Указанные условия являются неотъемлемыми составляющими такого основания приобретения права собственности на вновь созданные объекты недвижимости, как их создание.

Таким образом, при возведении нового объекта должны быть соблюдены градостроительные, строительные, природоохранные и другие нормы и такая постройка не должна создавать угрозу жизни и здоровью граждан. Соответствие объекта градостроительным и строительным нормам и правилам – это необходимое условие, соблюдение которого исключает возможность отнесения объекта к самовольной постройке. Построенные объекты недвижимости должны быть безопасны для окружающей среды и обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельности человека.

Допущенные при строительстве существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил влекут нарушение охраняемых прав и законных интересов третьих лиц, а также создают угрозу жизни и здоровью граждан.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993. 220 с.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
3. Чельшев М.Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.
4. Косякова Н.И. Юридические лица и межотраслевые связи // Предпринимательское право. 2008. № 4. С. 11–18.
5. Сагтарова Н.А. Современные аспекты межотраслевых связей финансового права // Финансовое право. 2012. № 5. С. 11–14.
6. Чельшев М.Ю. О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального права // Российский следователь. 2005. № 10. С. 13–16.
7. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Строительство> (дата обращения: 15.02.2014).
8. Макаров О.В. Гражданско-правовой режим строительной деятельности и судебная практика о признании права собственности на самовольную постройку // Юридический мир. 2013. № 5. С. 51–54.
9. Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление. Казань: Отечество, 2011. 200 с.
10. Савина А.В. Правовой режим самовольной постройки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 194 с.
11. Кондратенко З.К. Приобретение права частной собственности на объекты незавершенного строительства в Российской Федерации и других странах СНГ: монография. Йошкар-Ола, 2014.
12. Мустафина З.К. Приобретение права собственности на постройку в трудах русских дореволюционных цивилистов // История государства и права. 2014. № 13. С. 19–25.

В редакцию материал поступил 21.10.14

© Кондратенко З. К., Мустакимов Н. С., 2014

Информация об авторах

Кондратенко Зарина Камилевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Марийский государственный университет

Адрес: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1, тел.: (8362) 68-80-26

E-mail: mati07@rambler.ru

Мустакимов Наил Салимович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права России и зарубежных стран, Марийский государственный университет

Адрес: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1, тел.: (8362) 68-80-26

E-mail: mustakim@bk.ru

Как цитировать статью: Кондратенко З. К., Мустакимов Н. С. Особенности межотраслевых связей гражданского, земельного и градостроительного права в области регулирования отношений по строительству объектов недвижимости // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 229–235.

Z. K. KONDRATENKO,

PhD (Law), Senior Lecturer,

N. S. MUSTAKIMOV,

PhD (Law), Associate Professor

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

FEATURES OF INTER-SECTORAL LINKS IN CIVIL, LAND AND TOWN-PLANNING LAW IN THE SPHERE OF REGULATION THE RELATIONS IN REAL ESTATE OBJECTS' CONSTRUCTION

Objective: to elaborate the complex scientific idea of inter-sectoral links in civil, land and town-planning law in the sphere of regulation the relations in real estate objects' construction.

Methods: general and private scientific methods, including formal-logic methods (hypothesis, analysis, synthesis, deduction, induction). Special methods included historical, juridical-technical, inter-sectoral, comparative-legal, systemic and other methods of scientific cognition.

Results: The following results were obtained during the research of inter-sectoral links in civil, land and town-planning law: the inter-sectoral links in civil, land and town-planning law are traced when viewing the conditions of planned construction (allocating a land site for the developer, obtaining the permission for building, correspondence to town-building and construction norms and rules). Consequently, the research of inter-sectoral links is necessary to solve practical problems connected with the admission of the property right for unauthorized constructions, as well as for the authorized real estate objects.

Scientific novelty: The authors view inter-sectoral links of civil, land and town-planning law in the sphere of regulation the relations in real estate objects' construction to reveal the legal collisions and gaps in the Russian legislation.

Practical value: the results can be used in law-making for improving the norms of the Russian civil, land and town-planning law. Particular provisions can be admitted by the court practice when considering and resolving cases. Scientific proposals can be also used in preparing educational programs, textbook and teaching the courses in "Civil law" and "Land law".

Key words: civil law; town-planning law; inter-sectoral links; land law; construction; real estate objects; unauthorized construction; property right; land site; owner.

References

1. Alekseev, S.S. *Teoriya prava* (Theory of law). Moscow: BEK, 1993, 220 p.
2. Tikhomirov, Yu.A. *Publichnoe pravo: uchebnik* (Public law: textbook). Moscow: BEK, 1995, 496 p.
3. Chelyshev, M.Yu. *Vzaimodeistvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s uchastiem predprinimatelei* (Interaction of civil and tax law in the regulation of relations with participation of entrepreneurs). Moscow: Statut, 2014, 160 p.
4. Kosyakova, N.I. Yuridicheskie litsa i mezhotraslevye svyazi (Legal persons and inter-sectoral links). *Predprinimatel'skoe pravo*, 2008, no. 4, pp. 11–18.
5. Sattarova, N.A. Sovremennye aspekty mezhotraslevykh svyazei finansovogo prava (Modern aspects of inter-sectoral links of financial law). *Finansovoe pravo*, 2012, no. 5, pp. 11–14.
6. Chelyshev, M.Yu. O mezhotraslevykh svyazyakh ugolovno-protsessual'nogo, grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo prava (On the inter-sectoral links of criminal-procedural, civil and civil procedural law). *Rossiiskii sledovatel'*, 2005, no. 10, pp. 13–16.
7. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Stroitel'stvo> (accessed: 15.02.2014).
8. Makarov, O.V. Grazhdansko-pravovoi rezhim stroitel'noi deyatelnosti i sudebnaya praktika o priznanii prava sobstvennosti na samovol'nyu postroiku (Civil-legal regime of building activity and court practice on admitting the property right for unauthorized construction). *Yuridicheskii mir*, 2013, no. 5, pp. 51–54.
9. Selivanov, V. V. *Grazhdansko-pravovoi rezhim samovol'noi postroiki i ego normativnoe zakreplenie* (Civil-legal regime of unauthorized construction and its normative confirmation). Kazan': Otechestvo, 2011, 200 p.
10. Savina, A.V. *Pravovoi rezhim samovol'noi postroiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* (Legal regime of unauthorized construction: abstract of PhD (Law) thesis). Samara, 2010, 194 p.
11. Kondratenko, Z.K. *Priobretenie prava chastnoi sobstvennosti na ob"ekty nezavershennogo stroitel'stva v Rossiiskoi Federatsii i drugikh stranakh SNG: monografiya* (Acquisition of a right for private property for unfinished objects in the Russian Federation and other CIS countries: monograph). Ioshkar-Ola, 2014.
12. Mustafina, Z.K. *Priobretenie prava sobstvennosti na postroiki v trudakh russkikh dorevolutsionnykh tsivilistov* (Acquisition of a property right for constructions in the works of Russian pre-revolutionary civilists). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2014, no. 13, pp. 19–25.

Received 21.10.14

Information about the authors

Kondratenko Zarina Kamilevna, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Procedure, Mari State University
Address: 1 Lenin Square, 424000, Yoshkar-Ola, tel.: (8362) 68-80-26
E-mail: mati07@rambler.ru

Mustakimov Nail Salimovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of the Russian and foreign private law, Mari State University
Address: 1 Lenin Square, 424000, Yoshkar-Ola, tel.: (8362) 68-80-26
E-mail: mustakim@bk.ru

How to cite the article: Kondratenko Z.K., Mustakimov N.S. Features of inter-sectoral links in civil, land and town-planning law in the sphere of regulation the relations in real estate objects' construction. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp 229–235.

© Kondratenko Z. K., Mustakimov N. S., 2014

УДК 346.453.4

Н.А. ЮЩЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань),
г. Набережные Челны, Россия*

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КОММЕРЧЕСКАЯ КОНЦЕССИЯ» И «ФРАНЧАЙЗИНГ»

Цель: провести комплексное исследование терминологических дефиниций «коммерческая концессия» и «франчайзинг» в российском законодательстве и законодательстве зарубежных стран, а также методологическое обоснование унификации понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг» в российском гражданском законодательстве.

Методы: общенаучный (диалектический) метод познания, сравнительно-правовой и логический методы.

Результаты: на основе сравнительного анализа отечественных и иностранных норм права выявлен логико-понятийный подход к выработке понятия «франчайзинг». Установлено, что основные понятия в сфере коммерческой концессии с целью устранения терминологической путаницы, должны быть подвергнуты систематизации как стандартные и обязательные к употреблению в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Научная новизна: научно обоснована унификация понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг» в российском гражданском законодательстве. Дано авторское определение понятия «франчайзинг».

Практическая значимость: Теоретические положения, сформулированные в статье, могут быть полезны для разработки дефинитивных норм гл. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации и специального законодательства о франчайзинге, могут быть использованы в правоприменительной практике, а также в учебном курсе «Гражданское право».

Ключевые слова: коммерческая концессия; франчайзинг; интеллектуальная собственность; лицензионный договор; договорное право; Гражданский кодекс Российской Федерации; правообладатель; франчайзи; франшиза.

Введение

Понятию коммерческой концессии в отечественной и зарубежной литературе уделено значительное внимание. На сегодняшний день существует множество подходов к его уяснению. Однако теоретический анализ рассматриваемого понятия должен иметь практическое значение, а выработка рекомендаций по унификации терминологии – ее реальное применение.

Одной из проблем в российском законодательстве является унификация терминологии в сфере коммерческой концессии. Причем проблема состоит не только в выборе используемого понятия, но и в содержании, которое в него вкладывается. Таким образом, необходимо, во-первых, выработать единую терминологию в сфере коммерческой концессии, а во-вторых, разработать точные их дефиниции с целью однозначности понимания и применения как гражданами, так и правоприменительными органами.

Устранение названных недостатков законодательства способно решить следующие задачи:

– приблизить российское законодательство в сфере коммерческой концессии к международным стандартам;

– облегчить применение института и отдельных его инструментов в предпринимательской деятельности;

– обеспечить возможность единообразного понимания правоприменительными органами России, зарубежными странами и международными организациями;

– способствовать эффективности применения отечественного законодательства в развитии экономических отношений как на отечественной, так и на международной арене.

Результаты исследования

Легализованное российским гражданским законодательством понятие договора коммерческой концессии не в полной мере раскрывает его суть. Так, по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключитель-

ных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) (п. 1 ст. 1027 ГК РФ)¹.

Подобные отношения в сложившейся международной практике именуется «франчайзингом». Однако законодатели разных стран, вырабатывая его определение, не одинаково подходят к смыслу и содержанию этого термина. При этом используются и применяются такие термины, как «франшиза», «франшизное соглашение», «комплексная предпринимательская лицензия» и др. Как отмечает Р. Бальди, трудности в выработке определения франчайзинга обусловлены очень широкой гаммой различных форм, в которых он реализуется на практике, и его особенностями, проявляющимися в каждой отдельной стране [1, с. 131].

Статья 1 закона Республики Молдова № 1335-XIII «О франчайзинге» от 1 октября 1997 г.² определяет франчайзинг как систему договорных отношений между предприятиями, в которых сторона, именованная франчайзер, предоставляет стороне, именованной франчайзи, право производить и/или продавать конкретную продукцию (товар), оказывать конкретные услуги от имени и под товарным знаком франчайзера, а также право пользования его технической и организационной помощью. На основании приведенного определения, можно сказать, что франчайзинг по своей сути является очень сложной системой договорных отношений и представляет собой целостность отношений аренды, лизинга, купли-продажи, предпринимательства (арендного подряда), представительства, совместного предприятия, предприятия с иностранным капиталом (п. 1 ст. 4).

В законодательстве Республики Казахстан франчайзинг определен как комплексная предпринимательская лицензия, представляющая собой предпринимательскую деятельность, при которой правообладатель комплекса исключительных прав предоставляет его в пользование на возмездной основе другому лицу³.

В гл. 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь франчайзинг также является синонимом комплексной предпринимательской лицензии⁴. В ст. 910 ГК Республики Беларусь дается только определение договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), т. е. договора франчайзинга, согласно которому одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий право использования фирменного наименования правообладателя и нераскрытой информации, в том числе секретов производства (ноу-хау), а также других объектов интеллектуальной собственности (товарного знака, знака обслуживания и т. п.), предусмотренных договором франчайзинга, для использования в предпринимательской деятельности пользователя.

В США имеется специальное законодательство о франчайзинге как федеральное, так и принятое в отдельных штатах, но собственно франшизных отношений оно не регулирует, а посвящено в основном преддоговорным отношениям сторон и заключению соглашения. В актах используются понятия «франшиза» или «франчайзинг» [2, с. 209].

В Постановлении № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях франчайзинга» 1978 г. Федеральная торговая комиссия США (далее – ФТК) определяет «франшизу» как длительные коммерческие отношения, возникающие по любому соглашению в соответствии с которым:

1. (А) Франчайзи предлагает, продает или сбывает другому лицу (но не франчайзеру) товары или услуги, которые идентифицированы торговой маркой, знаком обслуживания, фирменным наименованием, рекламой или иным коммерческим символом, определяющим фирму-франчайзера; или отвечают стандартам качества, прямо или косвенно предписанным франчайзером; или поставляются франчайзером; или поставляются третьим лицом (поставщиком), с которым фран-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/> (дата обращения: 16.11.2014)

² О франчайзинге: Закон Республики Молдова № 1335-XIII от 1 октября 1997 г. // Monitorul Oficial. № 82–83. 1997 г.

³ О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге): Закон Республики Казахстан № 330 от 24 июня 2002 г. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02103&ogl=all> (дата обращения: 16.11.2014)

⁴ Гражданский кодекс Республики Беларусь: Федеральный закон № 218-3 от 7 декабря 1998 г. // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

чайзи ведет дело и который прямо или косвенно рекомендован франчайзером и связан с ним.

(Б) Франчайзер осуществляет или имеет полномочия осуществлять тщательный контроль за методами работы франчайзи, включая организацию предприятия, рекламные мероприятия, маркетинг, деловые связи; или обеспечивает франчайзи различными торговыми точками, или обслуживает его расчетные операции по торговле указанными товарами или услугами; или обеспечивает помещения предприятия-франчайзи автоматами для продажи мелких товаров, стеллажами или другим инвентарем, используемым франчайзи, когда последний предлагает, подает или сбывает товары или услуги от имени франчайзера; или предоставляет франчайзи услуги лица, способного обеспечить его розничными точками, помещениями или другими услугами, перечисленными выше.

2. Франчайзи при условии приобретения права на франшизную деятельность или на открытие деятельности в рамках франшизной системы обязан произвести оплату франчайзеру или его филиалу⁵.

Несколько в другом аспекте рассматривается франчайзинг законодательством некоторых штатов США. Так, в законе Штата Калифорния «О франшизных отношениях» 1970 г. «франшиза» означает договор или соглашение между двумя или большим числом лиц, в соответствии с которым:

– предприятие-франчайзи получает право заниматься предпринимательством, предлагая, что продавая товары или оказывая услуги согласно плану по маркетингу или по системе разработанной в существенной степени предприятием франчайзером;

– предпринимательская деятельность предприятия-франчайзи осуществляется в соответствии с планом, либо система в существенной степени ассоциируется с торговой маркой франчайзера, знаком обслуживания, логотипом, рекламой или другим символом, определяющим предприятие-франчайзера или его филиал;

– предприятие-франчайзи должно выплатить прямо или косвенно компенсацию франчайзеру [3, с. 21–22].

В Великобритании франчайзинг был определен в 1986 г. в законе «О финансовых услугах»

как соглашение о праве на ведение предпринимательской деятельности, согласно которому лицо получает прибыль или доход, пользуясь предоставленным ему по соглашению правом использовать торговую марку, дизайн или другую интеллектуальную собственность, либо репутацию, ассоциируемую с ними [2, с. 167].

В законе Франции «О развитии коммерческих и кустарных предприятий и улучшении экономических, правовых и социальных условий их функционирования» № 89-1008 от 31 декабря 1989 г. (Закон Дубена)⁶, франчайзинг определяется как предоставление одного лица в распоряжение другого лица торгового имени или марки, с требованием от последнего соблюдения в своей деятельности отношений эксклюзивного или почти эксклюзивного характера.

Модельный закон «О раскрытии информации о франшизе», разработанный экспертами Международного Института Унификации Частного Права (УНИДРУА) в Риме в 2002 г. использует термин франшиза и раскрывает его как право, предоставленное одной стороной (франчайзером), уполномочивающее и обязывающее другую сторону (франчайзи) в обмен на прямую или косвенную финансовую компенсацию осуществлять предпринимательскую деятельность по продаже товаров или оказанию услуг от своего имени, но по системе, разработанной франчайзером, которая включает в себя: ноу-хау и содействие со стороны франчайзера, предписывает основные приемы и способы, которыми должна осуществляться деятельность, предусматривает текущий контроль со стороны франчайзера и использование товарного знака, знака обслуживания, фирмы или логотипа, принадлежащих франчайзеру. Под понятие франшизы также подпадают:

1) права, предоставленные франчайзером субфранчайзеру в соответствии с соглашением о мастер-франчайзинге;

2) права, предоставленные субфранчайзером субфранчайзи в соответствии с субфранчайзинговым соглашением;

3) права, предоставленные франчайзером другой стороне в соответствии с соглашением о развитии [4].

⁵ Franchising in U.S. Economy: prospects and problems. Committee on small business. House of representatives. Washington, 1990.

⁶ Journal officiel de la République Française. 1990.

Важную роль в определении франчайзинга и обосновании его правовой природы в Европе сыграло решение Европейского Суда по делу № 161/84 от 28 января 1986 г., (дело «Pronuptia»)⁷, который указал, что франчайзинг следует рассматривать как договор *sui generis*, отличный как от традиционных торгово-посреднических договоров (агентских, комиссионных т. д.), так и от эксклюзивных распределительных договоров типа коммерческой концессии. Франчайзинг представляет собой возможность использовать независимым торговцам за плату фирменное наименование и коммерческие методы предприятия-дистрибьютора. Для франчайзера (предприятия-дистрибьютора) – это возможность извлекать финансовый доход из своих предпринимательских методов и опыта без дополнительных затрат собственного капитала. В странах континентально-правовой системы суды не играют самостоятельной нормотворческой роли, исключением из этого порядка является судебная практика по франчайзингу Европейского Суда имеющая влияние только на стран-участниц ЕС, чьи решения имеют прецедентный характер [2, с. 68].

В определении франчайзинга, закрепленном в Регламенте КЕС № 4087/88⁸, раскрывается одно из важных его составляющих – франшиза (определяемая как пакет прав промышленной или интеллектуальной собственности, относящийся к товарным знакам, фирменным наименованиям, вывескам магазинов, полезным моделям, дизайну, авторскому праву, ноу-хау или патентам, которые должны использоваться для перепродажи товаров или оказания услуг конечным потребителям). Под франшизным соглашением, согласно этому же Регламенту, понимается соглашение, посредством которого одно предприятие – франчайзер – предоставляет другому предприятию – франчайзи – в обмен на прямое или косвенное финансовое встречное удовлетворение право использовать франшизу для продвижения на рынке определенных видов товаров и/или услуг; оно включает как минимум обязанности, относящиеся к:

– использованию общего наименования или вывески магазина и предоставлению единоо-

бразно оформленных помещений и/или средств транспорта, указанных в договоре;

– сообщению франчайзером франчайзи ноу-хау;
– длительному предоставлению франчайзером франчайзи коммерческой или технической помощи в течение срока действия соглашения.

В ряде европейских стран, таких как Франция, Бельгия, Швейцария, используется термин «коммерческая концессия», но употребляется он в контексте «эксклюзивного» договора, т. е. соглашения, в силу которого передается право на исключительное распространение товаров третьим лицам [5, с. 29]. Это значит, что в течение срока действия договора правом продавать этот товар на установленной в договоре территории будет обладать только контрагент производителя товара, что обеспечивает ему определенную монополию в отношении этого товара на договорной территории [6, с. 380–384]. Следовательно, можно сделать вывод, что «коммерческая концессия» в данных европейских странах по своей правовой природе отличается от «коммерческой концессии», закрепленной в гл. 54 ГК РФ.

Разрешение проблемы, связанной с унификацией юридической терминологии, необходимо проводить в 3 этапа, которые можно охарактеризовать как аналитический, подготовительный и основной.

На первом этапе необходимо выявить и проанализировать всевозможные мнения и подходы к определениям в области коммерческой концессии, а также изучить по этому вопросу действующее российское, зарубежное и международное законодательство.

На втором этапе при помощи логико-понятийного анализа юридического языка необходимо разработать перечень терминов с их семантической моделью, подлежащих унификации.

На третьем этапе (уточнения) систематизацию и унификацию понятия можно разбить на несколько подэтапов, в рамках которых необходимо:

- учесть все известные русские наименования – синонимы, обозначающие данное понятие. При отсутствии таковых использовать аналогичные синонимы иностранного происхождения;
- отделить слова устаревшие, не подлежащие употреблению в современном юридическом языке;
- отделить наименования, не отвечающие стилистическим нормам русского языка;
- оставшиеся термины проанализировать с точки зрения традиции, давности их употребле-

⁷ Pronuptia de Paris GmbH v. Pronuptia de Paris Irmgard Schillgallis // Franchising. Law and Practice. John Hamilton Pratt, M.A. London, 1998. P. A23001–A23030.

⁸ Регламент Комиссии ЕС № 4087/88 от 30 ноября 1988 г. // European Community Law after 1992. A practical guide for lawyers outside the Common Market. Kluwer. Deventer, 1993.

ния в отечественной и международной практике, устойчивости в юридическом языке [7, с. 46].

В результате проделанной работы, для устранения терминологического «расслоения» следует выработать основные наименования соответствующих юридических понятий с обязательной расшифровкой их содержания, которые должны быть подвергнуты систематизации как стандартные и обязательные к употреблению в юридическом языке и во всех нормативных правовых актах Российской Федерации. Нестабильность терминологического поля создает прямую угрозу эффективности как нормотворческого процесса, так и дальнейшего применения законодательства о коммерческой концессии [8, с.77].

Выводы

Разработанные термины и их определения должны быть в дальнейшем включены в гл. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в дефинитивные нормы специального законодательства о франчайзинге, которые обеспечат правильность, единообразие их понимания и применения.

Проанализировав приведенные выше легальные определения, закрепленные в законодательных актах рассмотренных стран, можно сделать вывод, что, во-первых, нет единой признанной терминологии, обозначающей один и тот же способ предпринимательской деятельности. Так, используются понятия «франчайзинг», «франшиза», «комплексная предпринимательская лицензия». Во-вторых, проводится разграничение, хотя и не всегда четкое, в различии правовой природы «франчайзинга», «коммерческой концессии» (так называемых «эксклюзивных договоров»). В-третьих, существует значительное расхождение в понимании франчайзинга США и европейскими странами. Г. Б. Кочетков справедливо отмечает, что «несмотря на значительные меры по унификации законов, которые регулируют правила ведения бизнеса в странах Европейского Союза, по-прежнему сохраняются значительные различия в законодательствах, которые препятствуют быстрому распространению франчайзинга» [9, с. 103].

На наш взгляд, рассматриваемые отношения должны именоваться франчайзингом. Во-первых, этот способ предпринимательства зародился и сформировался за рубежом. Во-вторых, в большинстве стран он именуется франчайзингом. В-третьих, сложилась достаточно стабильная практика при-

менения данной терминологии как в иностранных государствах, так и в России. Франчайзинг – более широкое понятие, чем понятие франчайзинговое соглашение, так как может включать и иные соглашения: лицензионный договор, договор о совместной деятельности, договор купли-продажи и т. д.

Таким образом, франчайзинг – это система правоотношений, основанная на продвижении на рынке товаров и/или услуг, а также технологии, которые основаны на тесном и продолжительном сотрудничестве между юридически и финансово независимыми сторонами – франчайзером и франчайзи [10, с. 8]. Франчайзинг можно определить как способ осуществления предпринимательской деятельности, формируемый через систему контрактных отношений, при которых одна сторона, именуемая франчайзер, на определенных условиях, в том числе и на встречном финансовом удовлетворении, предоставляет другой стороне – франчайзи, право использовать свое фирменное наименование, торговую марку, знак обслуживания, товарный знак, технологию ведения бизнеса, бизнес-идею, снабжение, развитие, маркетинг и рекламу при сохранении полной юридической и экономической самостоятельности франчайзи.

Список литературы

1. Baldi R. Le droit de la distribution commerciale dans e' Europe communautaire. Kluwer. Bruxelles, 1989.
2. Сосна С.А., Васильева Е.Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. М.: ИКЦ «Академкнига», 2005. 375 с.
3. Мендельсон М. Руководство по франчайзингу. М.: «Сибли Интернэшнл, Инк.», 1995. 174 с.
4. URL: <http://www.franchise.org> (дата обращения: 16.11.2014)
5. Сосна С.А. Новое в гражданском праве: франчайзинг // Государство и право. 1997. № 7. С. 25–32.
6. Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств. М.: Международные отношения, 1993. 560 с.
7. Туралин В.Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 46–48.
8. Ющенко Н.А. Правовое регулирование коммерческой концессии и франчайзинга в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 264 с.
9. Кочетков Г.Б. Франчайзинг: организация малого бизнеса // США. Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4. С. 102–118.
10. Ющенко Н.А. Правовое регулирование коммерческой концессии и франчайзинга в России и за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 25 с.

В редакцию материал поступил 07.11.14

© Ющенко Н. А., 2014

Информация об авторе

Ющенко Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423822, г. Набережные Челны, Набережночелнинский проспект, 31, тел.: (8552) 34-04-96

Как цитировать статью: Ющенко Н.А. Проблемы разграничения понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг» // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 236–241.

N. A. YUSHCHENKO,

PhD (Law), Associate Professor,

Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

DISTINGUISHING BETWEEN THE NOTIONS OF “COMMERCIAL CONCESSION” AND “FRANCHISING”

Objective: to conduct a comprehensive study of terminological definitions for "commercial concession" and "franchising" notions in the Russian and foreign legislations, and to methodologically ground the unification of the "commercial concession" and "franchising" notions in Russian civil law.

Methods: scientific (dialectical) method of cognition, comparative-legal and logical methods.

Results: Basing on the comparative analysis of domestic and foreign law, the logical-conceptual approach to the "franchising" notion is identified. It is established that, to resolve terminological confusion, the basic concepts in the field of commercial concession should be systematized as standard and mandatory for use in normative legal acts of the Russian Federation.

Scientific novelty: The unification of the "commercial concession" and "franchising" notions in the Russian civil law is scientifically proved. The author gives a definition of the "franchising" notion.

Practical value: The theoretical propositions formulated in the article can be useful for the development of definitive standards of Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation, and of specific legislation on franchising. They can be also used in law-enforcement practice and in teaching the course in “Civil Law”.

Key words: commercial concession; franchising; intellectual property; license agreement; contract law; Civil Code of the Russian Federation; rightholder; franchising.

References

1. Baldi, R. Le droit de la distribution commerciale dans e' Europe communautaire. Kluwer. Bruxelles, 1989.
2. Sosna, S.A., Vasil'eva, E.N. *Franchaizing. Kommercheskaya kontsessiya* (Franchising. Commercial concession). Moscow: IKTs «Akademkniga», 2005, 375 p.
3. Mendel'son, M. *Rukovodstvo po franchaizingu* (Manual on franchising). Moscow: «Sibli Interneshnl, Ink.», 1995, 174 p.
4. <http://www.franchise.org> (accessed: 16.11.2014)
5. Sosna, S.A. Novoe v grazhdanskom prave: franchaizing (Novelties in the civil law: franchising). *Gosudarstvo i pravo*, 1997, no. 7, pp. 25–32.
6. Vasil'ev, E.A. *Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv* (Civil and commercial law of capitalist countries). Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1993, 560 p.
7. Turanin, V.Yu. Problemy i perspektivy unifikatsii terminologii (Problems and prospects of terminology unification). *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2002, no. 11, pp. 46–48.
8. Yushchenko, N.A. *Pravovoe regulirovanie kommercheskoi kontsessii i franchaizinga v Rossii i za rubezhom: dis. ... kand. yurid. nauk* (Legal regulation of commercial concession and franchising in Russia and abroad: PhD (Law) thesis). Kazan', 2008, 264 p.
9. Kochetkov, G.B. Franchaizing: organizatsiya malogo biznesa (Franchising: organization of small business). *SShA. Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2000, no. 4, pp. 102–118.
10. Yushchenko, N.A. *Pravovoe regulirovanie kommercheskoi kontsessii i franchaizinga v Rossii i za rubezhom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* (Legal regulation of commercial concession and franchising in Russia and abroad: abstract of PhD (Law) thesis). Kazan', 2008, 25 p.

Received 07.11.14

Information about the author

Yushchenko Nataliya Anatolyevna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Civil and Entrepreneurship Law, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 423822, Naberezhniye Chelny, Naberezhnochel'ninskiy Prospekt, 31, tel.: (8552) 34-04-96

How to cite the article: Yushchenko N.A. Distinguishing between the notions of “commercial concession” and “franchising”. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 236–241.

© Yushchenko N. A., 2014

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

УДК 341.1

В. В. БОГАТЫРЕВ,

доктор юридических наук, профессор

*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Россия*

МЕСТО И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Цель: доказать объективность расширения международной деятельности субъектов федерации и отсутствие у них при этом международной правосубъектности.

Методы: исследование проведено с помощью общенаучных и юридических методов, используемых в совокупности включая системный, корпоративный, технико-юридический методы.

Результаты: Расширение международной деятельности – явление объективное и закономерное. При этом субъекты федерации не могут наделяться международной правосубъектностью, так как это противоречит главному признаку государства – государственному суверенитету. Появление даже элементов международного суверенитета у составной части государства, по сути, влечет за собой прекращение его деятельности и распад.

Научная новизна: автором проанализированы факторы, способствующие расширению и углублению роли международной деятельности субъектов федераций в современном мире. Рассмотрев современный подход к понятию «государственный суверенитет», сделан вывод о том, что субъекты федераций не могут обладать международной правосубъектностью (это доказано на примере Федеративной Республики Германии и Российской Федерации).

Практическая значимость: В статье автор доказывает невозможность и вредность ограничения международной деятельности субъектов федераций, но при этом утверждает, что правосубъектности у них быть не может. Данное заблуждение вредит пониманию места федераций и их субъектов в международной деятельности и увеличивает центробежные силы, разрывающие государства. Статья обосновывает необходимость совершенствования отношений между федеральной властью и властями субъектов федерации с помощью договорных правоотношений.

Ключевые слова: международная деятельность; субъект федерации; суверенитет; глобализация; регионализация; международная правосубъектность; демократизация политических режимов; правовое регулирование; Федеративная Республика Германия; Российская Федерация.

Введение

Современный мир стремительно изменяется в соответствии с законами эволюции. На новом этапе его развития происходит значительное расширение самостоятельности административных единиц государств, как во внутрисоциальном пространстве, так и в международном. При этом в настоящее время явно просматриваются попытки как гипертрофировать данное явление, так и игнорировать. По сути, и то и другое не дает оценить реальное положение дел и выработать наиболее действенные способы реагирования на данное явление. Необходимо разобраться, чем обусловлено расширение международной самостоятельности административных единиц, как оно соотносится с государственным суверенитетом и каким образом

государства смогут нейтрализовать возникающие в связи с возрастающей самостоятельностью субъектов федераций центробежные силы, которые могут привести к их распаду.

Прежде всего, отметим, что возрастающая активность административных единиц государств – явление объективное и закономерное. Объективен и закономерен данный процесс потому, что он обусловлен рядом факторов, возникших в результате эволюции социальных систем на планете. Эти факторы можно разделить на две группы: внутрисоциальные и международные. При этом стоит отметить, что все факторы составляют систему, в которой все элементы взаимообусловлены и изменение в одном элементе провоцирует изменения во всей системе.

Результаты исследования

В настоящей работе мы не ставим цель раскрыть весь элементный состав данной системы, так как это в принципе невозможно. Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее важные.

Попытка сформулировать наиболее полно систему факторов, влияющих на расширение международной деятельности административных единиц государств, уже предпринималась как российскими, так и зарубежными учеными [1]. Нами же к *внутригосударственным факторам* отнесены: эволюция структуры государств, демократизация политических режимов, национализм, а к *международным*: процессы глобализации, регионализации. При этом какая из групп первична, а какая вторична, сказать затруднительно. Традиционно мы начнем их рассмотрение с *внутригосударственных факторов*. С момента формирования первых государств и до настоящего времени испытывают центробежные силы, способствовавшие их распаду. Основной причиной данного явления является *конфликт интересов элитных групп* на определенном этапе развития каждого государства. Поиск путей разрешения конфликтов интересов внутри государств привел к эволюции структуры государств, к созданию новых их форм – федерации и конфедерации. В этой группе мы, в основном, рассмотрим федерацию, так как это *внутригосударственная структура*, тогда как конфедерация – *межгосударственная*. Под федерацией сегодня понимается сложное (союзное) государство, состоящее из образований, обладающих юридически определенной политической самостоятельностью. Составляющими федеральных государственных образований (штаты, земли, провинции) являются субъекты федерации, у которых есть свое административно-территориальное деление. В отличие от унитарного государства федерация имеет две системы высших органов власти – федеральные и соответствующие органы членов федераций. Федеральные органы осуществляют свои полномочия и функции на всей территории страны. Государственные образования, составляющие федерацию, не являются государствами в собственном смысле слова [2]. Формирование данной формы государственного устройства проходило в борьбе региональных элит за свои права и увенчалось успехом только в начале XIX в. с созданием ряда федеративных государств. Первыми из них были: Соединенные

Провинции Центральной Америки, или Федерация Центральной Америки (1823 г.); Конфедеративные Штаты Америки (1861 г.); Федеративная Республика Испания (1873 г.) и т. д. [3]. Сегодня уже 28 государств имеют федеративное государственно-территориальное деление [4]. Стоит отметить, что соотношение федеральной власти и власти субъектов федераций постоянно совершенствуется в соответствии с экономическими, политическими реалиями каждого конкретного государства.

Следующим фактором является *демократизация политических режимов*. Под демократией понимается политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса [5] или на его существенные стадии [6]. При демократизации политического режима центральная государственная власть прекращает регулирование значительного числа общественных отношений, которые переходят в компетенцию как властей субъектов федерации, так и самого населения. Чем демократичней режим в государстве, тем больше общественных отношений вынуждены регулировать власти субъектов федерации и, соответственно, тем больше им делегирует полномочий федеральная власть.

Развитие национального самосознания является одним из важнейших факторов, характеризующих современный мир. Оно параллельно с совершенствованием индивидуального самосознания, которое также активно развивается. Данное развитие осуществляется под воздействием информационной революции, которая привела, по мнению некоторых ученых, к формированию нового глобального человека [7, 8]. При этом под влиянием процесса глобализации возникает все большее число опасностей для индивидуального человека, и он интуитивно ищет защиту от них, что приводит его к самоиндификации в рамках национальных групп и борьбе за отстаивание своих прав. В настоящее время примеров создания национальных государственных образований под воздействием данного фактора довольно много – это и распад Чехословакии, деление ее на Чехию и Словакию; распад Югославии, с разделением на Сербию, Хорватию, Черногорию и т. д. Имеют место угрозы распада по национальному принципу во многих других государствах мира: Испании, Великобритании, Бельгии, России и т. д.

К международным факторам, прежде всего, можно отнести *расширяющийся и углубляющийся процесс глобализации*. Не вдаваясь в подробности терминологических споров в современной науке, что же это такое, мы остановимся на определении, данном этому явлению Х. А. Барлыбаевым. Он считает, что «глобализация есть многомерный, объективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля, замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми, формирование единообразия, взаимодействия и взаимообусловленности различных сторон жизни отдельных компонентов, стран народов и людей в рамках единого мира, в условиях распространения принципов свободы личности, а также открытости, устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, эстетических, этических и иных форм общения между людьми» [9].

Глобализация необратима и отличается тем, что не знает никаких территориальных или юридических барьеров. Она легко преодолевает государственные границы и способна затронуть любой регион в любой точке земного шара. При этом главным объектом, подвергающимся ее негативному влиянию, являются государства, которые за право участвовать в планетарных отношениях вынуждены делегировать ряд своих прав международному сообществу. Вместе с тем в международное разделение труда втягиваются и субъекты федераций, выступающие как самостоятельные субъекты международных отношений, что, разумеется, подтачивает федеральную власть и сокращает ее суверенные права.

Стоит отметить, что если центральная государственная власть не идет на компромисс по расширению как международных, так и внутригосударственных полномочий своих субъектов, то, как правило, это кончается распадом данного государства. В теории глобалистики данное явление уже получило название процессом регионализации [10]. При регионализации существенно возрастает стремление субъектов федераций к самостоятельности, что приводит к распаду крупных государств и возникновению на их месте большого количества мелких. Примеров множество. Если в начале XX в. на политической карте

мира существовало около 70 стран, которые были как мощными империями, так и зависимыми и колониальными территориями, [11] то в начале XXI в. их насчитывается уже около 262, из которых 194 (Ватикан и члены ООН) – независимые государства, 12 – «непризнанные» и 62 – зависимые территории [12].

В связи с этим возникает вопрос: сохраняется ли необходимость в крупных государствах или они уже изжили себя? Существует мнение, что сегодня на острие прогрессивного развития находятся США и страны старой Европы. Соединенные Штаты за счет своей военной и экономической мощи, обусловленной единством составляющих государство штатов, сохраняют и наращивают свою гегемонию на всей планете и при том активно ведут политику «разделяй и властвуй», способствуя распаду больших государств. Страны старой Европы, ощущая свою ущербность перед своим более мощным союзником, создали пока не совсем понятное объединение, называемое Евросоюзом, при этом явно идущее к формированию федеральной модели. Так возникает мысль: зачем разрушать уже существующее единство, а не проще ли его модернизировать на условиях, отвечающих потребностям времени?

Мы придерживаемся мнения, что Советский Союз являлся наиболее продвинутой моделью социального государства и к его распаду в большей степени привел эгоизм руководителей ряда республик: РСФСР, Украины и Белоруссии. Если проанализировать состояние государств, возникших после распада СССР, то вполне очевидно, что, их экономическое, техническое, финансовое и т. д. положение из-за выхода из Союза только ухудшилось, притом что во многих случаях эти страны находятся друг с другом в конфликте, а это, в свою очередь, приводит их к ослаблению и предоставляет возможность мощным государствам диктовать им свою волю.

Стоит отметить, что даже уже существующие государства на постсоветском пространстве имеют все предпосылки к распаду. Провоцирует распад и возрастающая международная самостоятельность субъектов федераций, что требует научного осмысления не только новых явлений, но и переосмысления уже сложившихся. Одним из таких явлений, требующих переосмысления, является «государственный суверенитет», в связи с этим в

научной литературе появилось значительное количество публикаций по данной теме [13, 14, 15].

Мы под «государственным суверенитетом» понимаем «верховенство государства на своей территории и независимость в международных отношениях» [16]. Многие ученые разделяют мысль, что суверенитет – это особое качество государства [17], и это качество не может быть относительным: оно или есть, или его нет. Однако при этом суверенитет имеет и количественные показатели, которые отождествляются с суверенными правами.

Как писал И. Валлерстайн: «Никогда в истории государства не обладали полным, абсолютным суверенитетом. Государства всегда были вынуждены, особенно в международных отношениях, или добровольно делегировать часть своих суверенных прав другим государствам, или иностранные государства их захватывали сами, используя слабость суверена» [18].

Все эти процессы связаны, прежде всего, с объективным явлением общечеловеческого процесса развития. Обусловлено это в первую очередь возрастанием самосознания населения и попыткой самоопределиться в пределах малой родины. Во всех федерациях активно растет процесс расширения полномочий субъектов федераций, разумеется, за счет суверенных прав федеральной власти. Однако при этом надо учитывать, что иногда данный процесс федеральная власть не может удержать, что и «приводит к потере суверенитета как качества» [19].

Из вышеизложенного следует, что удержать федеративное государство в едином государственном образовании было всегда непросто, а в современных условиях, при общепринятом демократическом режиме осуществления государственной власти особенно. Кроме того, очень важно грамотное правовое регулирование складывающихся взаимоотношений субъектов с центральной государственной властью. Об активности этого свидетельствует негативное развитие событий в Украине, где власть решила не договорным, а вооруженным путем разрешить противоречия со своими регионами.

Следует отметить, что имеет место зарубежный положительный опыт разделения компетенции в международной деятельности между федеральной властью и властью субъектов федераций. Это опыт ФРГ, США, Великобритании и многих других стран. Особенно нам важен опыт ФРГ. Причин тут много, среди них и территориальная

близость наших стран, и историческая связь России и Германии, при этом правовые системы у нас относятся к одной правовой семье.

Относительно нормативного регулирования международной деятельности германских земель в составе ФРГ отметим следующее: возможность указанной деятельности субъектов федерации прямо закреплена в конституции. Определяющей нормой для международной деятельности германских земель является ст. 32 Основного закона ФРГ 1949 г.: «1) Ведение сношений с иностранными государствами принадлежит Федерации. 2) Перед заключением международного договора, затрагивающего особое положение какой-либо земли, эта земля должна быть своевременно заслушана. 3) В той мере, в какой обладают законодательной компетенцией, они могут с согласия федерального Правительства заключать договоры с иностранными государствами» [20].

В ст. 87 Основного закона ФРГ четко закрепляется, что иностранная служба находится в ведении Федерации, а ст. 73 фиксирует право Федерации обладать исключительной законодательной компетенцией по иностранным делам.

В связи с вхождением ФРГ в Европейский Союз в Конституцию ФРГ была внесена ст. 23, в которой раскрывается участие Германии в общеевропейских делах. В части этой статьи говорится, что «Бундестаг и земли посредством своего участия в Бундесрате содействуют деятельности Европейского Союза» [20]. Закрепляется обязанность Бундесрата как органа, представляющего интересы земель, «содействовать принятию внутригосударственных мер, поскольку земли обладают компетенцией во внутреннем правопорядке» [20]. Важными в данной норме являются предусмотренные возможности учета интересов земель в рамках Европейского Союза. В ч. 5 предусматривается необходимость получения заключения на земли в случае, если Федерация в связи с участием в Европейском сообществе законодательствует по вопросам, отнесенным к ведению земель. Часть 6 ст. 23 устанавливает: «Если затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель, то соблюдение прав, которые возлагаются на Федеративную Республику Германию как на члена Европейского союза, должно передаваться представителю земель, назначенному Бундесратом» [20]. Мы видим, что ст. 23 Основного закона

ФРГ закрепляет возможность влияния земель на внешнеполитическую деятельность Федерации, но при этом основную роль в ней все же играет Бундесрат, состоящий из членов правительств земель. Отметим, что имеется точка зрения, что из всех федеральных конституций Основной закон ФРГ наиболее широко регулирует полномочия субъектов федерации в международных делах.

В Российской Федерации также создан механизм правового регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации. Он состоит из комплекса правовых средств. Это, во-первых, конституционные нормы как основа регулирования; во-вторых, федеральные законы, указы Президента РФ и акты Правительства РФ; в-третьих, конституции, уставы, а также законы и иные акты субъектов Федерации; в-четвертых, система международно-правовых актов, относящихся к этой сфере.

При рассмотрении вопроса о координации международной деятельности субъектов Российской Федерации следует иметь в виду следующие нормативно-правовые акты, посвященные этой теме: ст. 72 Конституции РФ, Федеральный закон № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 4 января 1999 г., Федеральный закон № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г., Федеральный закон № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г., Указ Президента РФ № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» от 8 ноября 2011 г., Положение о Министерстве иностранных дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ № 865 от 11 июля 2004 г., Положение о Министерстве торговли Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства РФ № 1420 от 21 декабря 1999 г.

Имеет место нормативное регулирование данной деятельности и в субъектах Российской Федерации. Так, во Владимирской области возможность международной деятельности предусмотрена в гл. XVIII «Международные и межрегиональные связи Владимирской области» Устава Владимирской области, а также в постановлении губернатора Вла-

димирской области № 775 «О Концепции развития внешнеэкономической деятельности Владимирской области на 2011–2015 гг.» от 1 августа 2011 г.

В научной литературе появилась точка зрения о возникновении признаков международной правосубъектности у субъектов федераций [21, 22]. На наш взгляд данное утверждение противоречит самой сути государства. В вышеприведенных нормативно-правовых актах нет признания возможности субъекта федерации заключать международные соглашения, и при этом вся международная деятельность субъектов контролируется двумя министерствами: Министерством международных дел и Министерством внешних экономических связей РФ. Это явно противоречит признакам правоспособности субъектов международного права, сформулированным К. А. Бекяшевым: а) известной внешней обособленности; б) персонафикации; в) способности вырабатывать, выражать и осуществлять автономную волю; г) участвовать в принятии норм международного права [23, с. 146].

Если говорить о международно-правовых актах, то стоит отметить, что ни в одном международном договоре нет даже упоминания о наличии международной правосубъектности у субъектов федеративных государств. Нет их и в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., и в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г., а также в Венской конвенции о правопреемственности государств 1978 г. и т. д.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что международная деятельность субъектов федераций активно расширяется под воздействием объективных факторов, имеющих место в XXI в. Расширение международной деятельности – явление важное и выгодное как для субъекта федерации, так и для самой федерации. При этом субъекты федерации не могут наделяться международной правосубъектностью, так как это противоречит главному признаку государства – государственному суверенитету. Появление даже элементов международной правосубъектности у составной части государства, по сути, влечет за собой прекращение его деятельности и распад. Возникающие на месте этого государства новые

государства все равно попадут в зависимость к более крупным государственным образованиям и полного суверенитета не получают, что подтверждается реалиями современного мира.

Список литературы

1. Кузнецов А. С. Интеграционная теоретическая модель парадипломатии. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=107&Itemid=96 (дата обращения: 13.10.2014)
2. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19120> (дата обращения: 13.10.2014)
3. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Federativnoe_gosudarstvo (дата обращения: 13.10.2014)
4. URL: <http://rus.ans4.com/58474/skolko-federatsiy-v-mire/> (дата обращения: 13.10.2014)
5. Hyland J.L. *Democratic Theory: The Philosophical Foundations*. Manchester, 1995. 280 p. ISBN 13: 9780719045172
6. Christiano T. *Democracy* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2006. 27 of July. P. 213.
7. Кэрролл Л., Тоубер Д. Дети Индиго: новые дети пришли. Пер с англ. Т. Белиной. М.: София; Киев: София, 2006. 284 с. ISBN 5-9550-0105-0
8. Грэй Д. Дети – с небес. М.: София, 2002. 384 с.
9. Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003. 336 с.
10. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 304 с.
11. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-815467-skolko-bylo-stran-na-karte-mira-v-nachale-20-veka#ixzz3988hSE5P> (дата обращения: 13.10.2014)
12. URL: <http://mnogofactov.ru/goroda-i-strany/27-skolko-stran-v-mire.html>. (дата обращения: 13.10.2014)
13. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве: учеб. пособие. М.: Восток-Запад, 2009. 384 с.
14. Кузнецова Е. Суверенитет. Незыблемый и неделимый? Суверенитет государства может быть ограничен, если оно им злоупотребляет // *Международная жизнь*. 2004. № 7–8. С. 150–167.
15. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // *Правоведение*. 2003. № 1. С. 186–197.
16. Ушаков Н.А. Суверенитет и его и во внутригосударственном и международном праве // *Московский журнал международного права*. 1994. № 2. С. 5.
17. Черниченко С.В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // *Российский ежегодник международного права*. СПб., 1995. С. 23.
18. Валлерстайн И. Конец знакового мира. *Социология XI в. М.*, 2003. С. 83–84.
19. Королев М.А. Наднациональность с точки зрения международного права // *Московский журнал международного права*. 1997. № 2. С. 5.
20. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>. (дата обращения: 13.10.2014)
21. Надирадзе Н.А. Федеративное устройство государств: Международная правосубъектность субъектов федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 20 с.
22. Лукьянченко Э.Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и проблемы регулирования международных связей субъектов Российской Федерации (1991–1999 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
23. *Международное публичное право: учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, М.Е. Волосов и др.; отв. ред. К.А. Бекашев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 928 с.*

В редакцию материал поступил 30.09.14

© Богатырев В. В., 2014

Информация об авторе

Богатырев Валерий Викторович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87, тел.: (4922) 47-99-78
E-mail: valerii.bg@rambler.ru

Как цитировать статью: Богатырев В.В. Место и роль международной деятельности субъектов федераций в современном мире // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4 (32). С. 242–248.

V. V. BOGATYRYOV,

Doctor of Law, Professor

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia

PLACE AND ROLE OF INTERNATIONAL ACTIVITY OF FEDERATION SUBJECTS UNDER MODERN CONDITIONS

Objective: to prove the objective character of broadening the international activity of federation subjects and the absence of their international legal personality.

Methods: the research is carried out with general scientific and juridical methods, used integrally, including the systemic, corporate, technical-juridical methods.

Results: Broadening the international activity is an objective and naturally determined phenomenon. However, the international legal personality cannot be attributed to federation subjects, as it contradicts to the main feature of a state – the state sovereignty. Actually, even the elements of international legal personality attributed to a part of state leads to elimination of the state's activity and disintegration.

Scientific novelty: The author has analyzed the factors broadening and deepening the role of the international activity of federation subjects under the modern conditions. Having viewed the modern approach to the “state sovereignty” notion, the author concludes that the federation subjects cannot enjoy international legal personality (which is proved on the examples of Federal Republic of Germany and the Russian Federation).

Practical value: the author proves that it is impossible and harmful to limit the international activity of the federation subjects, but proves that they cannot possess the international legal personality. This may harm the recognition of the position of federations and federation subjects in international activity and increases the centrifugal forces which destroy states. The article grounds the necessity to improve relations between federal and subject authorities by means of treaty relations.

Key words: international activity; federation subject; sovereignty; globalization; regionalization; international legal personality; democratization of political regimes; legal regulation; Federal Republic of Germany; Russian Federation.

References

1. Kuznetsov A. S. *Integratsionnaya teoreticheskaya model' paradiplomatii* (Integrative theoretical model of paradiplomacy), available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=107&Itemid=96 (accessed: 13.10.2014)
2. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19120> (accessed: 13.10.2014)
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Federativnoe_gosudarstvo (accessed: 13.10.2014)
4. <http://rus.ans4.com/58474/skolko-federatsiy-v-mire/> (accessed: 13.10.2014)
5. Hyland, J.L. *Democratic Theory: The Philosophical Foundations*. Manchester, 1995, 280 p. ISBN 13: 9780719045172
6. Christiano, T. Democracy. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2006, 27 of July, pp. 213.
7. Kerroll, L., Touber, D. *Deti Indigo: novye deti prishli* (Indigo children: new children have come). Per s angl. T. Belinoi. Moscow: Sofiya; Kiev: Sofiya, 2006, 284 p. ISBN 5-9550-0105-0
8. Grei, D. *Deti – s nebes* (Children from Heaven). Moscow: Sofiya, 2002, 384 p.
9. Barlybaev, Kh. A. *Obshchaya teoriya globalizatsii i istoichivogo razvitiya* (General theory of globalization and sustainable development). Moscow, 2003, 336 p.
10. Bek, U. *Chto takoe globalizatsiya?* (What is globalization?) Moscow, 2001, 304 p.
11. <http://www.kakprosto.ru/kak-815467-skolko-bylo-stran-na-karte-mira-v-nachale-20-veka#ixzz3988hSE5P> (accessed: 13.10.2014)
12. <http://mnogofactov.ru/goroda-i-strany/27-skolko-stran-v-mire.html> (accessed: 13.10.2014)
13. Moiseev, A.A. *Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave: ucheb. posobie* (Sovereignty of state in international law: manual). Moscow: Vostok-Zapad, 2009, 384 p.
14. Kuznetsova, E. Suverenitet. Nezyblemyi i nedelimi? Suverenitet gosudarstva mozhet byt' ogranichen, esli ono im zloupotrebyaet (Sovereignty. Unshakable and indivisible? The sovereignty of a state may be limited if it misuses it). *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2004, no. 7–8, pp. 150–167.
15. Marchenko, M.N. Gosudarstvennyi suverenitet: problemy opredeleniya ponyatiya i sodержaniya (State sovereignty: problems of defining the notion and content). *Pravovedenie*, 2003, no. 1, pp. 186–197.
16. Ushakov, N.A. Suverenitet i ego i vo vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom prave (Sovereignty and its in the national and international law). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1994, no. 2, p. 5.
17. Chernichenko, S.V. Gosudarstvo kak lichnost', sub"ekt mezhdunarodnogo prava i nositel' suvereniteta (State as a personality, subject of international law and subject of sovereignty). *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. Saint-Petersburg, 1995, p. 23.
18. Vallerstain, I. *Konets znakovogo mira. Sotsiologiya XI v.* (The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century) Moscow, 2003, pp. 83–84.
19. Korolev, M.A. Nadnatsional'nost' s tochki zreniya mezhdunarodnogo prava (Supranationality from the point of view of international law). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1997, no. 2, p. 5.
20. <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm> (accessed: 13.10.2014)
21. Nadiradze, N.A. *Federativnoe ustroistvo gosudarstv: Mezhdunarodnaya pravosub"ektnost' sub"ektov federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* (Federal structure of a state. International legal personality of federation subjects: abstract of PhD (Law) thesis). Moscow, 2000, 20 p.
22. Luk'yanchenko, E.N. *Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i problemy regulirovaniya mezhdunarodnykh svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (1991–1999 gg.): avtoref. dis. ... kand.yurid. nauk* (Interaction of international and intra-state law and the issues of international links regulation of the Russian Federation subjects (1991–1999): abstract of PhD (Law) thesis). Moscow, 2003, 23 p.
23. Anufrieva, L.P., Bekyashev, D.K., Bekyashev, K.A., Volosov, M.E. *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: uchebnik* (International public law: textbook). Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004, 928 p.

Received 30.09.14

Information about the author

Bogatyryov Valeriy Viktorovich, Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Juridical Institute of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Address: 87 Gorkogo Str., 600000, Vladimir, tel.: (4922) 47-99-78

E-mail: valerii.bg@rambler.ru

How to cite the article: Bogatyryov V.V. Place and role of international activity of federation subjects under modern conditions. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 242–248.

© Bogatyryov V. V., 2014

УДК 341

М. Э. КАНДЕЛЬ,*ведущий юристконсульт**ОАО «Центр международной торговли», г. Москва, Россия*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ПРИНОСЯЩЕЙ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЮБОЙ ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ВЫРАЖЕННОГО В НОРМАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРТИИ И В ПРАВЕ ЕС И РФ

Цель: анализ отдельных аспектов процесса реализации права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны, выраженных в ст. 18 Европейской социальной хартии в праве ЕС и в праве РФ, с целью принятия Россией, на себя обязательств по п. 1, 3 ст. 18 Хартии и в частности – сравнительное исследование норм действующего законодательства РФ на предмет соответствия требованиям о «либеральности» и смягчении, на индивидуальной или коллективной основе, законодательства, регулирующего наем иностранных трудящихся (п. 1, 3 ст. 18 Хартии).

Методы: сравнительно-правовой метод исследования.

Результаты: выявлены основные тенденции, сходства и различия источников международного регионального права Совета Европы и Евросоюза. Проведен детальный анализ законодательства РФ на предмет соответствия принципам либеральности и смягчения законодательства, регулирующего наем иностранных трудящихся, п. 1, 3 ст. 18 Хартии и существующим пределам государственных ограничений с целью принятия на себя РФ обязательств по п. 1, 3 ст. 18 Хартии, с помощью закона доступа иностранных граждан, к занятости на своей территории, п. 1 ст. 6 ч. 5 Хартии.

Научная новизна: в статье впервые проводится глубокий сравнительно-правовой анализ норм п. 1, 3 ст. 18 Хартии, актов Совета Европы и ЕС об отдельных аспектах права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны, а также норм внутреннего законодательства РФ на предмет соответствия положениям п. 1, 3 ст. 18 Хартии с целью принятия подобных обязательств Российской Федерацией.

Практическая значимость: сформулированные в статье выводы, о реализации отдельных аспектов права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны, выраженных в ст. 18 Хартии, иных актах Совета Европы и права ЕС, а также установленные сходства, различия и несоответствия внутреннего законодательства РФ п. 1, 3 ст. 18 Хартии могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной практике России для устранения выявленных несоответствий (для усиления гарантий трудовым мигрантам), для соблюдения принципов равноправия и принципа недискриминации по национальному признаку в области занятости.

Ключевые слова: право заниматься приносящей доход деятельностью; наем иностранных трудящихся; равноправие трудовых мигрантов; работник-мигрант; ограничение доступа к занятости; ограничение свободного передвижения; либеральность законодательства; квоты иностранной рабочей силы; принцип приоритетного трудоустройства.

Введение

Основанием для нормы ст. 18 Европейской социальной хартии (далее – Хартия)¹, обязывающей страны-участницы в целях обеспечения реализации права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны (а) применять действующее законодательство в либеральном духе (п. 1 ст. 18 Хартии), а также (б) смягчить на индивидуальной или коллективной основе законодательство, регулирующее наем иностранных трудящихся (п. 3 ст. 18 Хартии), является Рекомендация Международной органи-

зации труда (далее – МОТ) № 2 (от 29 октября 1919 г.) «О взаимности в области отношения к трудящимся–иностранцам»², в соответствии с которой, каждый член МОТ на условиях взаимности и на основе согласованных между странами положений, распространил на трудящихся–иностранцев (вместе с их семьями), работающих в пределах их территории, действие своих законов и правил, защищающих трудящихся своей страны.

Рассматривая упомянутые выше положения ст. 18 Хартии, можно отметить их антидискриминационный аспект. Их необходимо рассматривать

¹ URL: <http://www.refworld.org.ru/type/REGLEGISLATION.html> (дата обращения: 29.08.2014)

² URL: <http://law.rufox.ru/view/5/6617.htm> (дата обращения: 29.08.2014)

с точки зрения соблюдения принципа равноправия трудовых мигрантов наравне с гражданами государства или принципа не дискриминации по национальному признаку в области занятости с целью увеличения числа рабочих мест, которые не могут быть заполнены работниками–гражданами страны (с учетом факторов старения трудовых национальных ресурсов, а также экономических, демографических и технологических изменений в стране, которые создают необходимость найма трудовых мигрантов).

Результаты исследования

Работником–мигрантом (согласно Хартии), признается лицо, работающее по найму и имеющее гражданство другого государства–члена (ст. 1 Регламента). Решениями Суда ЕС и актами ЕС включены в смысл этого понятия, дополнительные критерии, в соответствии с которыми работник–мигрант должен:

– в течение определенного времени осуществлять работу, за которую предполагается прямое или косвенное вознаграждение (Дело С–66/85 «Lawrie-Blum» (1986 г.)³),

– осуществлять реальную и эффективную деятельность независимо от условий заработной платы или рабочего времени (Дело С–53/81 «Levin» (1982 г.)⁴).

Работниками–мигрантами признаются лица, прекратившие трудовую деятельность и оставшиеся на территории государства–члена с целью поиска новой работы, т. е. получившие статус безработного (Дело С–75/63 «Hoekstra» (1964 г.)⁵), а также лица, имеющие право оставаться на территории государства–члена после завершения трудовой деятельности, при соблюдении определенных условий (в случаях выхода на пенсию, наступления нетрудоспособности, получения работы в другом государстве–члене), с правом оставаться на территории принимающего государства–члена

³ URL: <http://netess.ru/3knigi/942952-1-programma-evropeyskogo-soyuza-europe-aid-dlya-rossiyskoy-federacii-trudovoe-socialnoe-pravo-evropeyskogo-soyuza-dokume.php> (дата обращения: 29.08.2014)

⁴ URL: <http://all-sci.net/evropeyskogo-soyuza-pravo/svoboda-peredvizeniya-rabotnikov-28833.html> (дата обращения: 29.08.2014)

⁵ Там же.

также членов его семьи, даже в случае смерти работника (ст. 3 Регламента Комиссии (ЕЭС) № 1251/70 от 29 июня 1970 г.⁶).

С точки зрения Европейского Комитета по Социальным Правам (далее – ЕКСП), в рамках принятия на себя обязательств, согласно ст. 18 Хартии, допустимы индивидуальные ограничения на занятие работником–мигрантом вакантного места, в случае если на данное место претендует лицо, являющееся гражданином данного государства. Однако полный запрет государством на использование труда иностранных работников рассматривается в качестве нарушения указанной нормы.

Ограничение государством с помощью закона доступа иностранных граждан, имеющих официальное разрешение на работу, к занятости на своей суверенной территории, за исключением случаев, установленных п. 1 ст. G ч. 5 Хартии⁷) признается нарушением права трудящихся зарабатывать себе на жизнь трудом по свободно избранной специальности, предусмотренном п. 2 ст. 1 Хартии, и считается одним из дискриминационных положений законодательства в отношении иностранных работников. В связи с этим для иностранных граждан следует установить определенные критерии отнесения отдельных видов трудовой деятельности к таким «запрещенным категориям» и классифицировать их. Кроме того, необходимо составить подробный перечень профессий и должностей, которые могут быть заняты исключительно гражданами государства [1, с. 12].

Свободное передвижение трудящихся в ЕС с целью трудоустройства охватывает все формы занятости: работу с фиксированным окладом или работу по найму и самостоятельную предпринимательскую деятельность (свобода жительства и

⁶ URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/svob_pereadv/svoboda_pered3.htm (дата обращения: 29.08.2014)

⁷ Ограничения, установленные законом и необходимые в демократическом обществе для защиты прав и свобод других лиц или защиты государственных интересов, национальной безопасности, здоровья или нравственности населения (включая ограничения для органов государственной власти и управления, прямо или косвенно связанные с осуществлением властных полномочий, органов прокуратуры и суда и иных административных органов власти, наделенных полномочиями выносить решения и предписания, о нарушении законодательства государства, предупреждении правонарушений, или возбуждении уголовных дел.

экономической деятельности), и предоставление услуг (свобода предоставления услуг). Гарантируются они широким набором соответствующих гражданских, политических, экономических и социальных прав граждан ЕС, а также иных проживающих в ЕС лиц. Эти права применимы в большинстве своем ко всем лицам независимо от их национальной принадлежности и основываются на принципе равноправия с гражданами ЕС (или недискриминации по национальному признаку (ст. 3, 12, 39–42 Римского Договора ЕС 1957 г.⁸, и Устав ЕС о фундаментальных правах 2000 г.), которые нашли также отражение в национальном законодательстве государств-членов, на которые опираются национальные судебные органы при принятии решений, а применение контролируется и толкуется Европейским судом по правам человека. Таким образом, в целях формирования европейской интеграции внутреннего рынка Сообщества и устранения препятствий для свободного движения рабочей силы программными документами Евросоюза и Европейской социальной хартией трудящимся-мигрантам стран членов ЕС гарантируется беспрецедентный набор социальных прав, не имеющих аналогов в мире, включая ряд мер защиты прав граждан третьих стран.

Договор о вступлении в ЕС (см. раздел IX.1.3.2), позволяет государствам-членам придерживаться своих национальных правил по приему на работу граждан новых стран-членов ЕС на период в 2 года в первый раз (с возможностью продления до 5 и даже 7 лет) и дополнительных критериев в этой области. При этом власти государств-членов обязаны отдавать предпочтение в трудоустройстве гражданам новых государств-членов ЕС перед гражданами третьих стран.

Принцип равноправия в отношении граждан ЕС, работающих в других государствах-членах ЕС, и граждан принимающих стран выходит за пределы контекста «занятости» и охватывает такие аспекты правового статуса трудящихся-мигрантов (регулируется Регламентом Совета (ЕЕС) № 1612/68/ 1968 г. «О свободном передвижении

работников в ЕС»⁹), как работа и условия занятости; профессиональное обучение; социальные и налоговые льготы и т. д.

Иными словами, защита трудящихся-мигрантов в период занятости в стране назначения обеспечивается законодательством этой страны, основанным на минимальных региональных нормах или в некоторых случаях – национальным законодательством страны-происхождения охраны прав ее работников за границей.

Права на свободу передвижения подкрепляются серьезными гарантиями, препятствующими высылке работника ЕС из другого государства-участника, или отказу во въезде, которые применяются только при условии, если работник представляет серьезную угрозу общественному порядку, общественной безопасности или здравоохранению данного государства (EU, 2002 г., ст. 39 (3) ЕС).

Кроме того, нормы ЕС создают правовые основания для двухсторонних и многосторонних межгосударственных соглашений о правах трудовых мигрантов, большинство из которых относится к обеспечению достаточной защиты трудящихся-мигрантов во время пребывания в стране назначения и реализуется в виде минимальных стандартов международных трудовых норм, принятых в странах ЕС.

Совет Европы регламентировал в Европейском Союзе трудовую миграцию, разработав многосторонние нормативные документы, регулирующие права трудящихся-мигрантов внутри региона, в соответствии с которыми во всех государствах-членах ЕС на рынке труда, используется «преференциальный принцип ЕС». В соответствии с этим принципом предпочтения по найму работников должны согласовываться с гражданами страны, жителями ЕС, и законно проживающими на территории ЕС гражданами третьих стран, однако доступ к службам занятости или рынку труда остается суверенной прерогативой государства и может быть им ограничен.

Резолюция Совета Европы 1994 г. (имеющая рекомендательный характер) дает государствам-членам право рассматривать запросы о приеме на

⁸ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=43631> (дата обращения: 29.08.2014)

⁹ URL: <http://www.trudsud.ru/ru/docs/legislation/reglament-ees-1612-68-soveta-ot-15-oktyabrya-1968-g-o-svobodnom-peredvizhenii-rabotnikov-vnutri-soob/> (дата обращения: 29.08.2014)

свою территорию новых трудовых мигрантов с целью трудоустройства только в случае, если трудовые вакансии этого государства не могут быть заняты гражданином/не гражданином любого члена сообщества, проживающим в государстве-члене на законных основаниях и уже являющимся частью законного рынка труда государства-члена.

В Договоре о ЕС присутствуют так же, как и в Хартии, ограничения принципа свободного передвижения лиц, которые дают государствам-членам право ограничивать свободу передвижения работников по мотивам общественного порядка, общественной безопасности и здравоохранения (§ 3 ст. 39 Договора), в связи с этим право на трудовую миграцию (свободу передвижения лиц), не распространяется на публичную государственную службу (§ 4 ст. 39 Договора), под которой понимается занятие «должностей, связанных прямо или косвенно с участием в осуществлении власти, предоставляемой публичным правом, и обязанностей, направленных на защиту общих интересов государства или других органов государственной власти. Однако решением Суда, по делу C-149/79 «RePublicEmployees» (1980 г.)¹⁰, такое ограничение в отношении работников-мигрантов признано допустимым только в армии, полиции, дипломатическом аппарате и судах.

Регламент Совета (ЕЭС) № 1612/68 1968 г. «О свободном передвижении работников по Сообществу» определяет условия и порядок реализации свободы передвижения и выбора места жительства работниками-мигрантами и членами их семей путем определения их правового статуса; закрепления конкретных правомочий физических лиц; определения условий доступа работника-мигранта к работе по найму (включая равенство возможностей получения предложений о трудоустройстве в другом государстве-члене, в том числе помощь службы занятости принимающего государства-члена); отмены квот на привлечение рабочей силы из других государств-членов. Таким образом регламент уравнивает правовое положение работников-мигрантов с работниками-гражданами любого члена Сообщества.

По результатам анализа актов права ЕС можно выделить следующие составляющие права свободного передвижения работников в масштабах ЕС, которые, в частности, включают:

– право граждан государств-членов ЕС на трудоустройство, или право на заключение трудового договора в любом государстве-члене ЕС;

– право свободно переезжать в это государство с семьей и находиться на территории этого государства сколько необходимо, подчиняясь требованиям и трудового законодательства, распространяющегося на местных работников.

В актах ЕС последовательно проводится принцип равенства прав работников-мигрантов из стран ЕС с правами местных работников, но с приведенными выше ограничениями, в соответствии с которыми к работникам-мигрантам из ЕС неприменимы:

– максимальные квоты иностранной рабочей силы, установленные в странах ЕС для работников государств, не входящих в Евросоюз;

– установление особых условий при приеме на работу (за исключением требования хорошего знания языка принимающей стороны для определенных видов работ);

– иных критериев профотбора по сравнению с местными работниками;

– образовательные или иные требования дискриминационного характера;

– иные, отличные от местных работников, профсоюзные права;

– трудовые договоры, устанавливающие дискриминационные условия для работников-мигрантов, которые заведомо признаются недействительными.

В целях гармонизации режима свободного передвижения и проживания для граждан третьих стран на территории государств-членов ЕС Директивами Совета 2003/109/ЕС от 25 ноября 2003 г. «О статусе граждан третьих стран, проживающих на долгосрочной основе»¹¹ и 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 г. «О праве на семейное воссоединение, лицу, обладающему статусом долгосрочно проживающего»¹² дано право на

¹⁰ URL: <http://all-sci.net/evropeyskogo-soyuz-a-pravo/svoboda-peredvijenija-rabotnikov-28833.html> (дата обращения: 29.08.2014)

¹¹ URL: <http://base.garant.ru/2564502/> (дата обращения: 29.08.2014)

¹² URL: <http://forum.aboutbulgaria.biz/viewtopic.php?p=46198> (дата обращения: 29.08.2014)

жительство в любом другом государстве-члене в качестве работника по найму или лица свободной профессии, если это связано с экономической деятельностью, профессиональным обучением или иными целями.

В Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией 1994 г. (СПС) сам принцип свободы передвижения граждан РФ по территории ЕС отсутствует, хотя установлен национальный режим в отношении условий труда, вознаграждения и увольнения для российских работников, принятых на законных основаниях на работу в государствах-членах, который гарантирует свободу перемещения работников между ЕС и РФ (ст. 23 Соглашения)¹³.

В РФ, как и в Евросоюзе, распространена практика установления взаимных преференциальных режимов – определенных преимуществ в отношении граждан одних государств по сравнению с другими на основе межгосударственных дву- и многосторонних соглашений, гарантирующих защиту и равенство трудовых и социально-экономических прав трудовых мигрантов с местными гражданами¹⁴. В некоторых международных договорах с участием РФ, употребляется

термин «трудоустроенный-мигрант»¹⁵. В заключенном государствами-членами СНГ Соглашении «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов»¹⁶ (1995 г.) достаточно общая формулировка этого понятия.

Однако наше законодательство понятие «трудоустроенный-мигрант» не определяет, а руководствуется понятиями «иностранный рабочий», «иностранный гражданин», «лицо без гражданства» и иными, характеризуя лиц, находящихся на территории РФ на законных основаниях, которые можно свести в некоторых случаях к правовому статусу работника-мигранта.

Для устранения коллизий и несоответствий правовых норм, содержащихся в разрозненных международных актах, и для приведения в соответствие норм российского законодательства с нормами Хартии, с целью принятия на себя обязательств по ст. 18 Хартии в наше законодательство, следует, прежде всего, ввести термины – «трудоустроенный мигрант» и «нелегальный трудовой мигрант». Это разграничит объем предоставляемых прав в сфере труда и занятости этим двум категориям лиц в зависимости от их правового статуса, на всем протяжении трудовой деятельности работника на территории России: с момента поиска рабочего места и поступления на работу и до момента увольнения работника с рабочего места, а также четко отграничит случаи дискриминации трудовых мигрантов (незаконного лишения трудовых прав) от случаев ограничения трудовых прав работника на основании закона.

¹³ Суд, следуя прецеденту по делу С-104/81 «Kupferberg» (1982 г.) о прямом действии международных договоров Сообщества с третьими странами и прецеденту по делу С-61/89 «Bosman» (1990 г.), приравнявшему профессиональных спортсменов к работникам-мигрантам, по иску футболиста В. Карпина (гражданина РФ) в 2000 г. признал условия труда, предоставленные ему правилами Королевской федерацией футбола и руководством клуба на основе Закона Испании о развитии спорта 1999 г., и трудового контракта с клубом «Сельта» как гражданину третьей страны менее благоприятными по сравнению с местными футболистами, футболистами из других государств-членов ЕС и игроками из государств-кандидатов, что противоречит ст. 23 СПС.

¹⁴ Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Армения о трудовой деятельности и социальной защите граждан РФ, работающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, работающих на территории Российской Федерации от 19 июля 1994 г. Между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о трудовой деятельности и социальной защите граждан РФ, работающих на территории Республики Беларусь, и граждан Республики Беларусь, работающих на территории РФ от 24 сентября 1993 г.

¹⁵ В Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов (1996 г.) трудящимися-мигрантами признаются лица, имеющие постоянное место жительства на территории одного государства и на законном основании временно осуществляющими трудовую деятельность на территории другого (принимающего) государства (ст. 1), на основе трудового договора (контракта), заключенного с работодателем принимающего государства на срок до 2 лет с возможностью продления данного срока до 1 года, либо на срок до 6 месяцев один раз в течение календарного года на сезонных работах (ст. 2).

¹⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86989/ (дата обращения: 29.08.2014)

Оценивая либеральность и следование принципу смягчения нашего законодательства, регулирующего наем иностранных работников, на предмет принятия на себя РФ обязательств по п. 1, 3 ст. 18 Хартии, принцип либеральности законодательства РФ в отношении трудовых мигрантов усматривается из положений Конституции РФ, предоставляющей иностранным гражданам и лицам без гражданства равные правомочия и свободы с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или международными договорами РФ, являющимися составной частью российской правовой системы (п. 4 ст. 15, 17, п. 3 ст. 62 Конституции РФ). Развивая эти положения, ст. 11 ТК РФ распространяет нормы трудового права, установленные трудовым законодательством и иными нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права на территории РФ, на всех работников, заключивших трудовой договор с работодателем, в том числе и на иностранных граждан и лиц без гражданства. Соответственно, они подлежат обязательному применению всеми работодателями (юридическими или физическими лицами), независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности. Статья 37 Конституции РФ гарантирует каждому на территории РФ без установления преференциальных различий – свободу труда (включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается), прав свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, закрепленные в ТК РФ. Также распространяются на них общие положения трудового законодательства о работниках по найму, занятых на основании трудового договора, включая право состоять в российских профессиональных союзах, что отвечает требованиям Хартии о либеральности национального законодательства в отношении работников-мигрантов.

Однако иностранные граждане, с учетом ряда ограничений для временно пребывающих и временно проживающих в России, не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта РФ, на территории которого им выдано разрешение на работу или разрешение на временное проживание (ст. 13 ФЗ № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской

Федерации»¹⁷; ст. 5, 11 ФЗ № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹⁸), что ограничивает их права на свободу труда, трудоустройство, выбор места работы, и обеспечение занятости как с точки зрения либеральности, так и смягчения законодательства. Эти ограничения противоречат принципу равенства прав работников-мигрантов с правами работников-граждан РФ, в том числе на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства, гарантированных Конституцией РФ (ч. 1 ст. 27), и Законом РФ 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹⁹, которые и признаются дискриминационными мерами, приводящими к прямому и косвенному ограничению прав иностранного работника, с точки зрения как российского законодательства (ст. 3 ТК РФ), так и Хартии.

Правительство РФ устанавливает квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу как на территории одного или нескольких субъектов, так и на всей территории Российской Федерации для обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов между иностранными и российскими работниками на рынке труда и содействия в приоритетном порядке трудоустройству граждан России. Применение принципа приоритетного трудоустройства граждан РФ (с учетом факторов демографической ситуации в соответствующем субъекте РФ, возможностей по обустройству иностранных граждан, и ситуации на рынке труда (п. 1 ст. 18 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»)) хотя и сохраняет необходимое количество рабочих мест для российских граждан, но противоречит принципу либеральности законодательства, рекомендованного Хартией в отношении принципа равенства прав работников-

¹⁷ URL: <http://base.garant.ru/184755/> (дата обращения: 29.08.2014)

¹⁸ URL: <http://base.garant.ru/12148419/> (дата обращения: 29.08.2014)

¹⁹ URL: <http://base.garant.ru/10102748/> (дата обращения: 29.08.2014)

мигрантов с правами местных работников. Применение к работникам-мигрантам максимальных квот иностранной рабочей силы и установление особых условий при приеме на работу носят явно дискриминационный характер²⁰, в связи с получением каких-либо преимуществ российскими работниками в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников (ст. 3 ТК РФ)²¹.

Законное основание для прекращения трудового договора с работником по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, – полные и частичные ограничения доступа иностранных граждан, имеющих официальное разрешение на работу на территории РФ (п. 12 ст. 83 ТК РФ и п. 6 ст. 22 ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»²² от 22 декабря 2006 г. № 271-ФЗ) – противоречит принципу равенства прав иностранных работников с правами местных работников, на свободу труда, в значении права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (в свете положений п. 1 ст. 6 ч. 5; п. 2 ст. 1 и п. «а») ст. 24 Хартии; ст. 24 Европейской Конвенции) и не может быть признано законным основанием для прекращения трудового договора. Значит, такие ограничения можно признать дискриминационными, нарушающими права иностранных работников на защиту в случае увольнения без достаточных оснований, связанных с их способностями, и поведением,

либо с производственными потребностями предприятия.

Ограничения, установленные для иностранных граждан в российском законодательстве на участие в отправлении правосудия (ст. 119 Конституции), Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2002 г. № 755 «Об утверждении перечня объектов и организаций, в которых иностранные граждане не имеют права быть принятыми на работу»²³ (исчерпывающий перечень объектов и организаций, в которые иностранные граждане имеют право быть принятыми на работу), в том числе включают некоторые должности в составе экипажей морских и воздушных судов, работу на отдельных территориях РФ (военных, радиационно- и ядерноопасных объектах и др.), в стратегических отраслях экономики, областях, связанных с общественным порядком, нравственностью, здоровьем, правами и законными интересами других лиц, с точки зрения ч. 5 ст. 6 Хартии, являются необходимыми для защиты прав и свобод других лиц и охраны общественных интересов, национальной безопасности, общественного здоровья и в качестве дискриминационных мер не рассматриваются.

Выводы

Учитывая практику ЕКСП, по отношению к нормам ст. 18 Хартии, в нашем законодательстве следует установить: критерии отнесения отдельных видов трудовой деятельности для иностранных граждан к таким ограниченным и «запрещенным категориям», а также устранить положения законодательства РФ, противоречащие принципу либеральности, принципу равенства прав иностранных работников с правами местных работников на свободу труда (в значении права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, выраженному в положениях п. 1 ст. 6 ч. 5; п. 2 ст. 1 и п. а), ст. 24 Хартии, носящие явно дискриминационный характер, в частности, основание для прекращения трудового договора с работником по обстоятельствам, независящим от воли сторон, выраженное в полных или частичных

²⁰ Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1243 «Об установлении на 2013 г. допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли и в области спорта на территории Российской Федерации» вводит полный запрет на использование иностранных работников для выполнения отдельных видов трудовой деятельности в сфере розничной торговли (фармацевтическими товарами, в палатках и на рынках и пр.) на всей территории РФ без применения принципа обязательного учета региональных особенностей рынка труда на территории субъекта.

²¹ С точки зрения Хартии и ЕКСП все это ограничение прав иностранных работников на свободу труда, выбора места работы, обеспечение занятости и трудоустройства на территории РФ.

²² URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156769> (дата обращения: 29.08.2014)

²³ URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=5584 (дата обращения: 29.08.2014)

ограничениях доступа для иностранных граждан, имеющих официальное разрешение на работу на территории РФ (п. 12 ст. 83 ТК РФ и п. 6 ст. 22 ФЗ № 271-ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г.) – как независимое от обстоятельств, связанных с деловыми качествами работников (ст. 3 ТК РФ).

Все эти меры позволят РФ усилить гарантии и либеральность нашего законодательства для трудовых мигрантов соблюдения принципа равноправия наравне с гражданами государства и принципа не дискриминации по национальному признаку в области занятости, а также принять на себя обязательства РФ по п. 1, 3 ст. 18 Хартии.

Список литературы

1. Committee of Social Rights Conclusions 2010. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy). Council of Europe Publishing. 2011. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (дата обращения: 29.08.2014)

2. European Social Charter Revised: Conclusions 2010. Articles 2, 4, 5, 6, 21, 22, 26, 28, 29. Vol. 2: Lithuania, Malta, Moldova, Netherlands (Kingdom in Europe), Norway, Portugal, Romania, Slovenia, Sweden, Turkey, Ukraine; European Social Charter: Conclusions XIX-3. 2010. Articles 2, 4, 5, 6 and Articles 2 and 3 of the 1988 Additional Protocol, Vol. XIX-3 Austria, Croatia, Czech Republic, Denmark, Germany, Greece, Hungary, Iceland, Latvia, Luxembourg, Poland, Slovakia, Spain, «the Former Yugoslav Republic of Macedonia», United Kingdom. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/conclusions/Year/2010Vol2_en.pdf (дата обращения: 29.08.2014)

3. European Committee of Social Rights Conclusions 2010. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy). Council of Europe Publishing. 2011. Выводы XV-1, Франция. Выводы XVIII-1, Заключение 2006. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (дата обращения: 29.08.2014)

4. European Social Charter Revised: Conclusions 2010. Articles 2, 4, 5, 6, 21, 22, 26, 28, 29. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy). URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (дата обращения: 29.08.2014)

В редакцию материал поступил 23.10.14

© Кандель М. Э., 2014

Информация об авторе

Кандель Марианна Эдуардовна, ведущий юрисконсульт ОАО «Центр международной торговли», аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Адрес: 123610, г. Москва, Краснопресненская наб., 12, тел.: (495) 258-12-17

E-mail: marianna_kandel@mail.ru

Как цитировать статью: Кандель М.Э. Реализация права заниматься приносящей доход деятельностью на территории любой другой стороны, выраженного в нормах Европейской социальной хартии и в праве ЕС и РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 249–257.

M. E. KANDEL,

Leading legal consultant

“International Trade Center” Open Corporation, Moscow, Russia

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT FOR PROFITABLE ACTIVITY ON THE TERRITORY OF ANY OTHER THIRD PARTY, EXPRESSED IN THE NORMS OF EUROPEAN SOCIAL CHARTER AND IN THE EU AND RF LAWS

Objective: to analyze individual aspects of the process of realization of the right for profitable activity in the territory of any other party, expressed in Art. 18 of the European Social Charter, in EU law and in the Russian Federation law, with the aim of Russia's taking obligations under item 1, 3 of Art. 18 of the Charter, and, in particular, to carry out a comparative study of the constituency of the current Russian Federation legislation with the requirements of individual or collective “liberation” of the legislation on foreign labor (item 1, 3 of Art. 18 of the Charter).

Methods: comparative-legal method of research.

Results: The key trends, similarities and differences of the sources of international regional law of the Council of Europe and the European Union are identified. The detailed analysis of the Russian Federation legislation is carried out on the compliance with the principles of legislation liberalization on the employment of foreign workers (item 1, 3 of Art. 18 of the Charter) as well as the existing state limitations on Russia's taking obligations under item 1, 3 of Art. 18 of the Charter, by adopting the law on foreigners' access to employment on this territory.

Scientific novelty: The article for the first time presents a deep comparative-legal analysis of the provisions of item 1, 3 of Art. 18 of the Charter, acts of the Council of Europe and the EU about the individual aspects of the right for profitable activity in the territory of any other party, as well as the Russian Federation domestic legislation on the compliance with the provisions of item 1, 3 of Art. 18 of the Charter for the adoption of such obligations by the Russian Federation.

Practical value: The conclusions on the implementation of certain aspects of the right for profitable activity in the territory of any other party, expressed in Art. 18 of the Charter and other acts of the Council of Europe and EU law, as well as the established similarities, differences and inconsistencies of the Russian Federation domestic legislation with item 1, 3 of Art. 18 of the Charter can be used in law-making and law-enforcement practice to eliminate the revealed inconsistencies (to providing guarantees for migrant workers), to observe the principles of equality and non-discrimination in employment.

Key words: right or profitable activity; employment of foreign workers; equality of migrant workers; migrant worker; limitation of access to employment; limiting the free movement; liberal legislation; quotas for foreign labour; principle of priority in employment.

References

1. Committee of Social Rights Conclusions 2010. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy). Council of Europe Publishing. 2011, available at: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (accessed: 29.08.2014)
2. European Social Charter Revised: Conclusions 2010. Articles 2, 4, 5, 6, 21, 22, 26, 28, 29. Vol. 2: Lithuania, Malta, Moldova, Netherlands (Kingdom in Europe), Norway, Portugal, Romania, Slovenia, Sweden, Turkey, Ukraine; European Social Charter: Conclusions XIX-3. 2010. Articles 2, 4, 5, 6 and Articles 2 and 3 of the 1988 Additional Protocol, Vol. XIX-3 Austria, Croatia, Czech Republic, Denmark, Germany, Greece, Hungary, Iceland, Latvia, Luxembourg, Poland, Slovakia, Spain, «the Former Yugoslav Republic of Macedonia», United Kingdom, available at: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/conclusions/Year/2010Vol2_en.pdf (accessed: 29.08.2014)
3. European Committee of Social Rights Conclusions 2010. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy). Council of Europe Publishing. 2011. Vyvody XV-1, France. Vyvody XVIII-1, Zaklyucheniya 2006, available at: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (accessed: 29.08.2014)
4. European Social Charter Revised: Conclusions 2010. Articles 2, 4, 5, 6, 21, 22, 26, 28, 29. Vol. 1 (Albania, Andorra, Armenia, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Cyprus, Estonia, Finland, France, Georgia, Ireland, Italy), available at: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/governmentalcommittee/2010_en.pdf (accessed: 29.08.2014)

Received 23.10.14

Information about the author

Kandel Marina Eduardovna, Leading legal consultant of “International Trade Center” Open Corporation, Post-graduate student of the Chair of Labor Law and Social Provision Law, Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin

Address: 12 Krasnopresnenskaya Naberezhnaya, 123610, Moscow, tel.: (495) 258-12-17

E-mail: marianna_kandel@mail.ru

How to cite the article: Kandel M.E. Implementation of the right for profitable activity on the territory of any other third party, expressed in the norms of European Social Charter and in the EU and RF laws. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 249–257.

© Kandel M. E., 2014

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.4:340.11

А. В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, доцент, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Цель: рассмотреть конституционное правопонимание как интегральную правовую доктрину, основанную на синтезе естественно-правовых, нормативистских и юридико-социологических аспектов Конституции РФ.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений и постмодернистская парадигма, которые и определили выбор конкретных методов исследования: компаративного, герменевтического, дискурсивного.

Результаты: Статья посвящена исследованию категории «конституционное правопонимание». На основе авторской типологии правопонимания доказывается интегральный характер конституционного правопонимания, которое определяет сущность правовой реальности России. В конституционном правопонимании осуществлен синтез нормативной, социологической и естественно-правовой теории при ведущей роли нормативизма.

Научная новизна: в статье впервые проанализированы сущность и содержание конституционного правопонимания как интегральной правовой доктрины.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правопонимания.

Ключевые слова: правопонимание; конституционное правопонимание; юридический дискурс; методология исследования права; типология правопонимания; интегральная правовая доктрина; постмодернистская парадигма; Конституция Российской Федерации.

Введение

Правопонимание – новая категория, которая принята в гуманитарных науках (философии, социологии, юриспруденции) и призвана определить теоретическую сущность и практический потенциал правового регулирования. Широкое распространение этой категории связано с формированием совершенно новой правовой реальности, в которой оказалась отброшена правовая традиция, носящая в целом нормативный этатистский характер. Эта правовая реальность нашла формальное выражение в Конституции РФ¹. Доктринальное восприятие Конституции как основного закона страны определяет значимость

конституционного правопонимания для формирования и функционирования правовой реальности.

Значимость правопонимания для развития правовой реальности обусловила широкое изучение этой проблемы как в отечественной, так и в зарубежной науке, несмотря на то, что сама категория была сформулирована лишь в 1950-е гг. Среди множества отечественных работ, затрагивающих различные аспекты правопонимания, прежде всего, в контексте формирования определенной правовой теории, выделяются несколько исследований специально посвященных изучению этой категории в историко-правовом аспекте (П. А. Оль [1], Г. Г. Бернацкий [2], Е. В. Тимошина [3], М. В. Немытина [4], Г. А. Адыгезалова [5], М. В. Антонов [6], Е. В. Масловская [7], В. А. Четвернин [8], Г. В. Мальцев [9], И. И. Царьков [10], Л. В. Батиев [11]), в контексте обоснования юридического и философского значения собственной теории права (В. С. Нерсесянц [12], Р. А. Ромашов [13], А. В. Поляков [14, 15, 16]), в контексте развития со-

¹ Конституция России. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 2.

временной философии и науки (В. В. Оглезнев [17], И. Л. Честнов [18, 19], М. И. Байтин [20], В. С. Веденин [21], Г. Д. Гриценко [22], В. В. Денисенко [23], О. Э. Лейст [24], В. П. Иванский [25]). Отдельным направлением исследования современных проблем правовопонимания является изучение современного правовопонимания (Р. П. Палеха [26]) и моделирование типологии правовопонимания (Н. В. Варламова [27], В. В. Лапаева [28, 29, 30], С. А. Маркова-Мурашова [31], А. В. Скоробогатов [32, 33, 34]).

Самостоятельным предметом правового исследования является конституционное правовопонимание. Однако эта проблема рассматривалась либо в контексте развития конституционного права (В. И. Крусс [35, 36, 37]), либо с точки зрения обоснования приоритета прав человека как ведущей конституционной ценности (В. В. Лапаева [28], В. А. Четвернин [38]).

Результаты исследования

Распад СССР и последовавшее за этим преодоление марксистско-ленинской философии и нормативной теории права А. Я. Вышинского [39] как доктрины, которая не соответствует целям построения демократического правового государства и гражданского общества, не только привели к ослаблению механизма правового регулирования, но и способствовали усилению роли правового опыта в развитии правовой реальности.

Если личный правовой опыт еще развивался под влиянием правовой нормы и ее реализации на практике, то социальный – все больше основывался на образе права, сформированном средствами массовой информации и «сарафанным радио». Несмотря на осуществляемое государством правовое воспитание, широкое распространение получили проявления правового нигилизма и правового инфантилизма.

В значительной степени это объясняется особенностями конституционного правовопонимания, сформировавшегося на постсоветском пространстве, в условиях запрета существования официальной идеологии, призванного выступить в качестве фактора, объединяющего российское общество. Сущность нового конституционного правовопонимания определялась не потребностями правового регулирования, а рецепцией западной правовой доктрины, основанной на верховенстве права и приоритете прав человека, реализовать

которые способно только демократическое правовое и социальное государство.

Синтез правовой традиции и правового опыта привел к формированию совершенно нового понимания права на всех уровнях правовой рефлексии.

Специфика современного понимания права обыденного уровня заключается в непризнании гражданином установленной государством и выраженной в законе нормы права, если она противоречит справедливости. Однако сама справедливость при этом приобрела специфичный характер: будучи основанной на социальном правовом опыте, т. е. выражая представления о правильном поведении, характерные для определенного социального сообщества. Для такого понимания права юридические характеристики имеют весьма ограниченное значение. Граждане стремятся к нравственному идеалу, ищут единой правды, неразделимой на право и совесть, проповедают правдивость и искренность в правовом поведении, осуждают двуличие и действия с заранее продуманным результатом.

Профессионально-практическое правовопонимание в условиях отсутствия достаточно эффективного механизма правового регулирования постепенно трансформируется в сторону правового нигилизма, уверенности во вседозволенности действий лиц, уполномоченных государством не только на правоприменение, но и на легальную интерпретацию правовых норм. Следствием расширения правового нигилизма в среде правоприменителей стало формирование чувства незащищенности граждан от произвола их действий и широкое распространение правового инфантилизма, усилению ориентации на нравственные ценности, даже в случае их противоречия правовой норме.

На доктринальном уровне правовопонимание переживает переходный период, заключающийся в полной смене существующих установок и переосмыслении базовых ценностей, которые закрепились в правовой традиции. Господствовавшее на протяжении нескольких столетий нормативное правовопонимание оказалось неспособным ответить на вызов времени и всесторонне проанализировать постсоветскую правовую реальность. Значительное число современных ученых поставили перед собой задачу разработать правовую теорию, которая соответствовала бы конституционным установкам и могла адекватно отразить сущность

и содержание новой правовой реальности, а также объяснить правовое поведение отдельных индивидов и социальных групп, его связь с правовой традицией и правовым опытом.

Категория «правопонимание» [34, с. 147–148] в российском юридическом дискурсе может быть представлена пятью моделями, которые в определенной степени обусловлены конституционными принципами и нормами.

Во-первых, нормативная модель, рассматривающая право как систему общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных или санкционированных государством и обеспеченных мерами государственного принуждения. Современный российский нормативизм представляет собой синтез западного юридическо-го позитивизма (прежде всего, в трактовке Г. Кельзена [40] и Г. Харта [41]), узконормативной теории права А. Я. Вышинского и русской дореволюционной догматической юриспруденции (прежде всего, идей Г. Ф. Шершеневича [42]). Наиболее полно эта модель воплотилась в работах А. В. Аверина [43] и М. И. Байтина [20]. Хотя нормативизм остается наиболее распространенной доктриной, в современных условиях он все больше приобретает интегральный характер. Анализ нормы права дополняется изучением влияния на ее создание и реализацию социальных и естественно-правовых ценностей. В значительной мере это связано с особенностями конституционной интерпретации правотворчества и правореализации.

Конституция РФ, заявляя о ведущей роли государства в правотворчестве (ст. 15), одновременно, запрещает создание официальной идеологии (ст. 13). Тем самым она обуславливает распространение правового и политического плюрализма, заставляя нормативизм трансформироваться с учетом современных социально-экономических и политических реалий. Под влиянием конституционного принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина нормативизм признает приоритет прав над обязанностями. Однако одновременно заявляется о необходимости законодательного закрепления не только прав гражданина, но и прав человека.

Развивая конституционный принцип народного суверенитета и верховенства народа в правотворчестве, современный российский нормативизм допускает возможность существования, наряду с государственным правотворчеством,

прямого народного правотворчества на референдуме. Фактически, это является движением в сторону социологии права, которая утверждает социальный механизм формирования права.

Во-вторых, юридико-социологическая модель, предполагающая, что право возникает в процессе социального взаимодействия и независимо от государства. Нормы создаются либо непосредственно обществом или локальным сообществом, либо субъектами, являющимися выборными представителями данного сообщества, получившими легитимную санкцию на осуществление правотворчества. Эффективность норм, издаваемых государством определяется, их социальной востребованностью. Данная модель характерна как для социологов [7], так и для юристов [44]. В значительной степени возникновение и развитие социологии права в России обусловлено конституционной идеей народного правотворчества (ст. 3).

Для постсоветской юридико-социологической теории важно не только изучение нормы права как эталона поведения, но и исследование ее действия на практике, выявление степени ее эффективности и социальной легитимации. Анализ правовых институтов не ограничивается исключительно научным интересом, и преследует цель преобразования социальной реальности [45]. Право при этом рассматривается как инструмент социального контроля, средство согласования интересов [29].

В-третьих, естественно-правовая модель, базирующаяся на конституционных положениях о приоритете принципов международного права и прав человека.

Интерес современных ученых к естественно-правовой доктрине обусловлен необходимостью обосновать правопорядок не только на принципе законности, но и принципе верховенства права. Данный принцип интерпретируется в конституционном контексте как признание существования неких надпозитивных идей, определяющих содержание нормативного права. В качестве таковых объявляются права и свободы человека, которые в соответствии с Конституцией РФ (ст. 2), являются высшей ценностью, имеющей прямое действие. Права и свободы человека признаются существующими объективно, имеющими незаконотворческий и дозаконотворческий характер, т. е. отождествляются с естественным правом в субъективном смысле [46]. Особенности со-

временной российской правовой реальности вынуждают опираться на неформальные (неписанные) источники права, в частности, на правовую доктрину естественного права [47].

Однако особенности закрепления прав и свобод человека в Конституции РФ (гл. 2) позволяют утверждать, что все права человека, независимо от источника установления, в равной степени являются обязательными, определяя содержание нормативного (позитивного) права [48, с. 8].

Одновременно Конституция РФ признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 15), придавая им надгосударственный (надпозитивный) характер и устанавливая принцип их верховенства по отношению к национальному (позитивному) праву. Таким образом, международное (надгосударственное) право выступает в роли естественного права в объективном смысле, причем не только в форме доктрины, но и в качестве правовых норм прямого действия.

Признание приоритета норм естественного права над законодательством широко распространено в российской науке. По мнению В. К. Бабаева [49], естественное право представляет собой совокупность идеальных, глубоко нравственных и в высшей степени справедливых представлений о праве. Позитивное право, закрепленное в правовых нормах, принятых государством, опирается на идеи свободы и справедливости, определяемые природой человека [50, с. 198–200]. Индивид в силу природных установлений стремится к естественно-правовым ценностям, которые определяют характер его поведения. Если же законодательство соответствует естественному праву, то тем самым обеспечивается и реализация позитивных норм [49].

В тоже время применительно к ч. 1 ст. 17 Конституции РФ порой отмечается, что гарантия прав и свобод человека и гражданина в России согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и Конституции РФ имеет характер политической декларации. Она не отражает действительное положение дел и не фиксирует приоритет данных принципов и норм в правовой системе России [51, с. 58]. Презумпция связанности государства естественными и неотчуждаемыми правами человека в настоящее время является не более чем ориентиром правового развития [52].

Однако, если в эпоху радикальных государственно-правовых преобразований приоритет в

правовом регулировании принадлежит доктрине естественного права, базирующейся на внеюрисдикционных основаниях права, то в период относительно стабильного развития распространение получают позитивистские концепции права. Если коренные изменения в правовой системе основывать исключительно на нравственных (естественно-правовых) ценностях, правовая система и государственный механизм могут обречь себя на разрушение, предполагающее восполнение пробелов в законодательстве на основе правовой доктрины в ее искаженном понимании лицами, получившими доступ к власти и правосудию. Это порождает несоответствие позитивного права идее естественного права, существующей в обществе, и еще более усиливает отторжение человека от реализации нормативных положений и ориентацию на нравственные ценности. Это и происходит в настоящее время на Украине. Это же происходило в России в 1990-е гг.

Правовое развитие в переходный период не должно вести к лавинообразно осуществляемому обвалу нормативной правовой системы. Ориентированные на упразднение прежней правовой системы силы обычно склонны к разрушению позитивного права и замене его естественным, в результате может возникнуть обстановка полного бесправия, так как правовая идеология не обладает регулятивными возможностями позитивного права и не способна обеспечить правопорядок без нормативного воплощения.

Однако нельзя противопоставлять естественное и позитивное право. Их следует рассматривать диалектически как единство и борьбу противоположностей, направленные на достижение оптимального синтеза, способного обеспечить гармоничное функционирование правовой реальности. Доктринальное толкование Конституции РФ позволяет утверждать, что для естественного права необходимо нормативное закрепление, в то время как позитивное право может быть бессодержательным без наполнения правовыми принципами, в том числе верховенства прав и свобод человека [48, с. 8–9]. Сочетание естественно-правовых и позитивных ценностей позволяет соединить в переходном праве «должное» и «сущее».

В тоже время сближение естественного и позитивного права не должно быть полностью механическим. Необходимо отказаться от наибо-

лее крайних положений обеих доктрин. С одной стороны, содержание права не сводится лишь к естественному праву, включая в себя различные правовые ценности. С другой – содержание права является более широкой категорией, чем форма. Трансформация содержания и формы права является асинхронным процессом. Содержание права обновляется быстрее, чем его форма (позитивное право). Однако по мере воспроизводства в законодательстве естественно-правовых идей, они эволюционируют от принципов к норме [53].

По мнению представителей естественно-правовой теории, это облегчается ценностной ориентацией естественного права в отличие от лишенных ценностной определенности государственной воли и классовых интересов. Только общечеловеческие представления о справедливости способны предоставить субъектам общее отношение к социальным конфликтам. Справедливость, рассматриваемая как моральная категория, требует соразмерности, соответствия между деянием субъекта и воздаянием за него, между правами и обязанностями. Идея естественно-правовой справедливости включает зафиксированные в международно-правовых документах общечеловеческие ценности, и в результате демократического правотворческого процесса официально закрепляется в правовой норме [54].

Сближение естественно-правовой и нормативистской теории как в правотворчестве и право-реализации, так и в правовой доктрине свидетельствуют о широком распространении новой тенденции в развитии отечественного правопонимания, которую можно обозначить как интегративную. Корреляция этой тенденции с правовой реальностью привела к формированию четвертой модели правопонимания – интегративной.

Будучи основанной на синтезе монистических методологий, эта модель предполагает, что право является воплощенными в правовых нормах и правовых действиях правовыми ценностями, которые одновременно определяют эффективность правовых норм и правоприменения. Современная интегративная теория права предполагает синтез нормативизма с юридико-социологической и естественно-правовой доктриной. В завершенном виде эта модель вербализована в теории реалистического позитивизма Р. А. Ромашова [13] и коммуникативной теории права А. В. Полякова [16].

Сторонники интегративного правопонимания справедливо заявляют, что право не сводится к законодательству. Нормативные правовые акты являются лишь одной из форм внешнего выражения права, наряду с иными источниками (юридическим прецедентом, правовым обычаем и т. д.). Кроме того, право имеет внутреннюю форму, выражающуюся в системе права. Но даже в этом случае речь идет лишь о праве в объективном смысле, в то время как в практической деятельности индивид чаще сталкивается с правом в субъективном смысле. При этом эффективность права имеет двусторонний характер: с одной стороны, эффективность нормы зависит от ее социальной обусловленности, с другой – индивид, реализуя норму, формирует новое правовое пространство, требующее дальнейшего регулирования [4]. Это обуславливает необходимость обогащения нормативизма методологией и аргументами естественно-правовой теории и социологии права.

В качестве варианта интегративной теории права можно рассматривать учение об интегральном правопонимании, предполагающее необходимость синтеза классических правовых теорий при ведущей роли одной из них [32]. Именно интегральная теория права наиболее соответствует задаче анализа конституционного правопонимания. Например, проанализируем гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». Из 16 статей этой главы 10 – основаны на нормативизме, в 5 присутствует естественно-правовая теория (в объективном и субъективном смысле), 4 статьи в той или иной степени используют методологию социологии права, т. е. синтез осуществлен на базе нормативизма, идеи которого дополнены естественно-правовой теорией и юридико-социологической доктриной.

В-пятых, постмодернистская модель, предполагающая необходимость познания не только онтологического значения права для отдельного индивида и социальной реальности, но и выявление гносеологической, аксиологической и деонтологической сущности права на основе обращения к методологии современной постмодернистской философии. В постсоветском юридическом дискурсе эта модель представлена диалогической теорией права И. Л. Честнова [18]. Конституция РФ создавалась в начале 1990-х гг., когда постмодернистское правопонимание еще не вошло в отечественный юридический дискурс,

поэтому оно не присутствует непосредственно в конституционном правопонимании. Однако использование этих доктрин позволяет всесторонне рассмотреть правовую реальность России, выявить большое значение для ее формирования и трансформации правовой традиции и правового опыта, в том числе созданных на основе реализации конституционных положений [55].

Выводы

Проведенный анализ показывает, что конституционное правопонимание объединяет нормативную, юридико-социологическую и естественно-правовую теорию не механически, а интегрально. Несмотря на отказ от нормативизма, именно эта теория является основополагающей и определяет как сущность конституционного правопонимания, так и содержание правовой реальности. Наряду с расширением правовых регуляторов и распространением правового плюрализма, правомерность поведения индивида по-прежнему определяется степенью его соответствия правовой норме.

Список литературы

1. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. 243 с.
2. Бернацкий Г.Г. Естественное право в истории правовых учений: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2001. 250 с.
3. Тимошина Е.В. Теория и политика права профессора Л.И. Петражицкого / Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / сост., подготовка текста, вступ. статья, библиография, коммент., науч. ред. переводов Е.В. Тимошиной. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. С. XIV–XXXVI.
4. Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство. 2-е изд., перераб. Саратов: Научная книга, 2008. 260 с.
5. Адыгезалова Г.А. Социологическая юриспруденция США в XX в. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. 272 с.
6. Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 448 с.
7. Масловская Е.В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества: монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. 139 с.
8. Четвернин В.А. Либертарно-юридическая теория В.С. Нерсесянца // Проблемы философии права. 2005. Т. 3. № 1–2. С. 449–452.
9. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
10. Царьков И.И. Развитие правопонимания в европейской традиции права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. 344 с.
11. Батиев Л.В. Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени. М.: Юрлитинформ, 2014. 472 с.
12. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. 160 с.
13. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1. С. 4–11.
14. Поляков А.В. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблемы философии права. 2006–2007. Т. 4–5. С. 60–67.
15. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 845 с.
16. Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 4. С. 7–12.
17. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.
18. Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2004. 128 с.
19. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.
20. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
21. Веденин В.С. Правопонимание и патентное право: монография / под ред. А.В. Аверина. Владимир: Транзит-ИКС, 2007. 220 с.
22. Гриценко Г.Д. Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 228 с.
23. Денисенко В.В. Основные теории правопонимания. Воронеж: Изд.-полиграф. центр ВГУ, 2011. 19 с.
24. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 452 с.
25. Иванский В.П. Научно-технический прогресс, правосознание и правопонимание // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2013. Т. 26 (65). № 2-1 (ч. 1). С. 32–37.
26. Палеха Р.Р. Интегративное отечественное правопонимание: современные концептуальные подходы: монография. М.: РАП, 2011. 164 с.
27. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 388 с.
28. Лапаева В.В. Конституционное правопонимание // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Междунар. науч.-теорет. конф. 4–6 декабря 2008 г. В 2-х т. Т. 1. С. 55–72.
29. Лапаева В.В. Социология права в современной России: основные направления исследований // Современная социология права: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН, 2013. С. 10–30.
30. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. 580 с.
31. Маркова-Мурашова С.А. Правовая система и типология правопонимания: историко-теоретический и сравнитель-

- но-правовой анализ: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 312 с.
32. Скоробогатов А.В. Интегральный характер современного российского правовопонимания // *NB: Вопросы права и политики*. 2014. № 3. С. 1-11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_11127.html (дата обращения: 26.10.2014)
33. Скоробогатов А.В. Проблема типологии правовопонимания в современной юридической науке // *Сравнительно-правовые исследования: Междунар. науч. журнал*. 2008. № 2. С. 31–36.
34. Скоробогатов А.В. Типология правовопонимания: сравнительно-правовой анализ // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2008. № 4 (8). С. 147–151.
35. Крусс В.И. Конституционное правовопонимание // *Право Украины*. 2011. № 1. С. 279–284.
36. Крусс В.И. Конституционное правовопонимание и злоупотребление правом // *Вестник РГГУ*. 2011. № 8 (70). С. 13–20.
37. Крусс В.И. Конституционное правовопонимание и юридическая практика // *Конституционное и муниципальное право*. 2005. № 2. С. 2–7.
38. Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правовопонимания // *Конституционное право: восточно-европейское обозрение*. 2003. № 4 (45). С. 28–36.
39. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. 424 с.
40. Кельзен Г. Сборник переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1988. 213 с.
41. Харт Г.Л.А. Понятие права / под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева; пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина и др. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2007. 300 с.
42. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/7/> (дата обращения: 13.10.2014)
43. Аверин А.В. Правовопонимание и юридическая практика // *Ленинградский юридический журнал*. 2008. № 4 (14). С. 19–36.
44. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. 316 с.
45. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетейя, 2002. 480 с.
46. Живулина Т.Л. Права человека и правовопонимание: историческое взаимодействие // *Вестник Чувашского университета*. 2006. № 4. С. 127–130.
47. Кацапова И.А. Естественное право и естественные права // *Гуманитарные научные исследования*. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1921> (дата обращения: 26.10.2014).
48. Александрова С.А. Правовопонимание и права человека: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 222 с.
49. Бабаев В.К., Демидов В.В. Законность и ее принципы // *Ленинградский юридический журнал*. 2004. № 1. С. 133–144.
50. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 776 с.
51. Лукьянова Е.Г. Право на защиту прав и свобод человека от законодателя? // *Правозащитный мониторинг соблюдения прав человека в субъектах Российской Федерации. Специальный выпуск РАЮН*. 2009. С. 58–64.
52. Шафиров В.М. Человекоцентристский подход к пониманию права // *Право Украины*. 2011. № 1. С. 101–106.
53. Антонов М.В., Касаткин С.Н. Перспективы изучения естественного права в рамках правовой концепции Брайана Бикса // *Российский ежегодник теории права*. 2009. № 2 / под ред. А.В. Полякова. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 63–68.
54. Байльдинов Е.Т. Моральная теория права и концепция относительности прав человека в контексте обеспечения устойчивости общественного развития. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7787> (дата обращения: 26.10.2014)
55. Слободнюк С.Л. Правовая реальность: понятие и структура // *Современное право*. 2013. № 2. С. 8–11.

В редакцию материал поступил 27.10.14

© Скоробогатов А.В., 2014

Информация об авторе

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Как цитировать статью: Скоробогатов А.В. Конституционное правовопонимание как интегральная правовая доктрина // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4 (32). С. 258–266.

A. V. SKOROBOGATOV,

Doctor of History, Associate Professor, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

CONSTITUTIONAL LAW INTERPRETATION AS AN INTEGRAL LEGAL DOCTRINE

Objective: to view the constitutional law interpretation as an integral legal doctrine, based on the synthesis of natural-legal, normative and juridical-sociological aspects of the Russian Constitution.

Methods: dialectic approach to cognition of social phenomena and post-modernist paradigm, which determined the choice of the specific research methods: comparative, hermeneutic, discursive.

Results: The article is devoted to the research of “constitutional law interpretation” notion. Basing on the author’s typology of law interpretation, the integral character of the constitutional law interpretation is proved, which determines the essence of the legal reality in Russia. The constitutional law interpretation realizes the synthesis of normative, sociological and natural-legal theory with the leading role of normativism.

Scientific novelty: The article for the first time analyzes the essence and content of constitutional law interpretation as an integral legal doctrine.

Practical value: The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activity when viewing the issues of the essence and content of law interpretation.

Key words: law interpretation; constitutional law interpretation; juridical discourse; methodology of law investigation; typology of law interpretation; integral legal doctrine; post-modernist paradigm; Constitution of the Russian Federation.

References

- Ol', P.A. *Pravoponimanie: ot plyuralizma k dvuedinstvu* (Law interpretation: from pluralism to doubleunity). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2005, 243 p.
- Bernatskii, G.G. *Estestvennoe pravo v istorii pravovykh uchenii: monografiya* (Natural law in the history of legal doctrines: monograph). Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii, 2001, 250 p.
- Timoshina, E.V. *Teoriya i politika prava professora L.I. Petrazhitskogo. Petrazhitskii L. I. Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy* (Theory and policy of law by Professor L.I. Petrazhitskiy / Petrazhitskiy L.I. Theory and policy of law. Selected works). Saint-Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortsiy «Yuridicheskaya kniga», 2010, pp. XIV–XXXVI.
- Nemytina, M.V. *Pravo Rossii kak integratsionnoe prostranstvo* (Russian law as an integral space). Saratov: Nauchnaya kniga, 2008, 260 p.
- Adygezalova, G.A. *Sotsiologicheskaya yurisprudentsiya SShA v XX v.* (Sociological jurisprudence of the USA in the 19th cent.). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2012, 272 p.
- Antonov, M.V. *Pravo i obshchestvo v kontseptsii Georgiya Davidovicha Gurvicha* (Law and society in the concept of Geogiy Davidovich Gurvich). Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2013, 448 p.
- Maslovskaya, E.V. *Sotsiologicheskie teorii prava i analiz pravovykh institutov rossiiskogo obshchestva: monografiya* (Sociological theories of law and analysis of legal institutions of the Russian society: monograph). Nizhniy Novgorod: Izd-vo NISOTs, 2007, 139 p.
- Chetvernin, V.A. *Libertarno-yuridicheskaya teoriya V.S. Nersesyantsa* (Libertarian-juridical theory by V.S. Nersesyants). *Problemi filosofii prava*, 2005, vol. 3, no. 1–2, pp. 449–452.
- Mal'tsev, G.V. *Ponimanie prava: podkhody i problem* (Law interpretation: approaches and problems). Moscow: Prometei, 1999, 419 p.
- Tsar'kov, I.I. *Razvitiye pravoponimaniya v evropeiskoi traditsii prava* (Development of lawinterpretation in the European tradition of law). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2006, 344 p.
- Batiev, L.V. *Evolyuitsiya pravoponimaniya ot Antichnosti do Novogo vremeni* (Evolution of law interpretation from Antique period till New Time). Moscow: Yurlitinform, 2014, 472 p.
- Nersesyants, V.S. *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* (Law as the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects). Moscow: Yurist', 1996, 160 p.
- Romashov, R.A. *Realisticheskii pozitivizm: sovremenniy tip integrativnogo pravoponimaniya*. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii* (Realistic positivism: modern type of integrative law interpretation). *Pravovedenie*, 2005, no. 1, pp. 4–11.
- Polyakov, A.V. *Kommunikativnyi podkhod v obshche i teorii prava* (Communicative approach in the general theory of law). *Problemi filosofii prava*, 2006–2007, vol. 4–5, pp. 60–67.
- Polyakov, A.V. *Obshchaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyi podkhod: kurslektsii* (General theory of law: phenomenological-communicative approach: lecture course). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003, 845 p.
- Polyakov, A.V. *Teoriya prava v globaliziruyushchemsya obshchestve: postmodernistskaya interpretatsiya*. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii* (Theory of law in a globalizing society: post-modernists interpretation). *Pravovedenie*, 2007, no. 4, pp. 7–12.
- Ogleznev, V.V. *G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoi filosofii prava* (H.L.A. Hart and creating the analytical philosophy of law). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012, 216 p.
- Chestnov, I.L. *Metodologiya i metodika yuridicheskogo issledovaniya: ucheb. Posobie* (Methodology and methods of juridical research: textbook). Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. yurid. in-ta General'noi prokuratury RF, 2004, 128 p.
- Chestnov, I.L. *Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya* (Post-classical theory of law: monograph). Saint-Petersburg: Izdatel'skii Dom «Alef-Press», 2012, 650 p.
- Baitin M.I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* (Essence of law (Modern law interpretation at the verge of two centuries)). Moscow: OOO ID «Pravo i gosudarstvo», 2005, 544 p.
- Vedenin, V.S. *Pravoponimanie i patentnoe pravo: monografiya* (Lawinterpretation and patent law: monograph). Vladimir: Tranzit-IKS, 2007, 220 p.
- Gritsenko, G.D. *Pravoponimanie: antropologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* (Law interpretation: anthropological and socio-cultural aspects). Stavropol': Izd-vo SGU, 2002, 228 p.
- Denisenko, V.V. *Osnovnye teorii pravoponimaniya* (Main theories of lawinterpretation). Voronezh: Izd.-poligraf. tsentr VGU, 2011, 19 p.
- Leist, O.E. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* (Essence of law.Problems of theory and philosophy of law). Moscow: Zertsalo, 2008, 452 p.
- Ivanskii, V.P. *Nauchno-tehnicheskii progress, pravosoznanie i pravoponimanie* (Scientific-technical progress, law conscience and law interpretation). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Yuridicheskie nauki*, 2013, vol. 26 (65), no. 2-1 (ch. 1), pp. 32–37.
- Palekha, R.R. *Integrativnoe otechestvennoe pravoponimanie: sovremennye kontseptual'nye podkhody: monografiya* (Integrative Russian law interpretation: modern conceptual approaches: monograph). Moscow: RAP, 2011, 164 p.
- Varlamova, N.V. *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* (Typology of law interpretation and modern trends of the theory of law development). Moscow: GU-VShE, 2010, 388 p.
- Lapaeva, V.V. *Konstitutsionnoe pravoponimanie* (Constitutional law interpretation). *Konstitutsionnye tsennosti: sodержanie i problemy realizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-teoret. konf. 4–6 dekabrya 2008 g. V 2-kh t. T. 1*. Pp. 55–72.

29. Lapaeva, V.V. *Sotsiologiya prava v sovremennoi Rossii: osnovnye napravleniya issledovaniy. Sovremennaya sotsiologiya prava: sb. nauch. tr.* (Sociology of law in modern Russia: main directions of research). Moscow: INION, 2013, pp. 10–30.
30. Lapaeva, V.V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika: monografiya* (Types of law interpretation: legal theory and practice: monograph). Moscow: RAP, 2012, 580 p.
31. Markova-Murashova, S.A. *Pravovaya sistema i tipologiya pravoponimaniya: istoriko-teoreticheskii i sravnitel'no-pravovoi analiz: monografiya* (Legal system and typology of law interpretation: historical-theoretical and comparative-legal analysis: monograph). Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2005, 312 p.
32. Skorobogatov, A.V. Integral'nyi kharakter sovremenno go rossiiskogo pravoponimaniya (Integral character of the modern Russian law interpretation). *NB: Voprosy prava i politiki*, 2014, no. 3, pp. 1–11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127, available at: http://e-notabene.ru/lr/article_11127.html (accessed: 26.10.2014)
33. Skorobogatov, A.V. Problema tipologii pravoponimaniya v sovremennoi yuridicheskoi nauke (The problem of typology in the modern juridical science). *Sravnitel'no-pravovye issledovaniya: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, 2008, no. 2, pp. 31–36.
34. Skorobogatov, A.V. Tipologiya pravoponimaniya: sravnitel'no-pravovoi analiz (Typology of law interpretation: comparative-legal analysis). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2008, no. 4 (8), pp. 147–151.
35. Kruss, V.I. Konstitutsionnoe pravoponimanie (Constitutional law interpretation). *Pravo Ukrainy*, 2011, no. 1, pp. 279–284.
36. Kruss, V.I. Konstitutsionnoe pravoponimanie i zloupotreblenie pravom (Constitutional law interpretation and law abuse). *Vestnik RGGU*, 2011, no. 8 (70), pp. 13–20.
37. Kruss, V.I. Konstitutsionnoe pravoponimanie i yuridicheskaya praktika (Constitutional law interpretation and juridical practice). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2005, no. 2, pp. 2–7.
38. Chetvernin, V.A. Rossiiskaya konstitutsionnaya kontsepsiya pravoponimaniya (Russian constitutional concept of law interpretation). *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie*, 2003, no. 4 (45), pp. 28–36.
39. Vyshinskii, A.Ya. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* (Issues of the theory of state and law). Moscow: Gosyurizdat, 1949, 424 p.
40. Kel'zen, G. *Sbornik perevodov* (Collection of translations). Moscow: INION RAN, 1988, 213 p.
41. Khart, G.L.A. *Ponyatie prava* (The notion of law). Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007, 300 p.
42. Shershenevich, G.F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* (The science of civil law in Russia), available at: <http://civil.consultant.ru/elib/books/7/> (accessed: 13.10.2014)
43. Averin, A.V. Pravoponimanie i yuridicheskaya praktika (Law interpretation and juridical practice). *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2008, no. 4 (14), pp. 19–36.
44. Kudryavtsev, V.N. *Yuridicheskaya konfliktologiya* (Juridical conflictology). Moscow: Izd-vo IGI P RAN, 1995, 316 p.
45. Sheregi, F.E. *Sotsiologiya prava: prikladnye issledovaniya* (Sociology of law: applied research). Saint-Petersburg: Aleteiya, 2002, 480 p.
46. Zhivulina, T.L. Prava cheloveka i pravoponimanie: istoricheskoe vzaimodeistvie (Human rights and law interpretation: historical interaction). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 127–130.
47. Katsapova, I.A. Estestvennoe pravo i estestvennye prava (Natural law and natural laws). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, available at: <http://human.snauka.ru/2012/11/1921> (accessed: 26.10.2014).
48. Aleksandrova, S.A. *Pravoponimanie i prava cheloveka: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk* (Law interpretation and human rights: abstract of PhD (Law) thesis). Vladimir, 2007, 222 p.
49. Babaev, V.K., Demidov, V.V. Zakonnost' i ee printsipy (Legality and its principles). *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2004, no. 1, pp. 133–144.
50. Babaev, V.K. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* (Theory of state and law: textbook). Moscow: Yurist", 2007, 776 p.
51. Luk'yanova, E.G. Pravo na zashchitu prav i svobod cheloveka ot zakonodatelya? (The right for human rights and liberties' protection against law-maker?) *Pravozashchitnyi monitoring soblyudeniya prav cheloveka v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii. Spetsial'nyi vypusk RAYuN*, 2009, pp. 58–64.
52. Shafirov, V.M. Chelovekotsentristskii podkhod k ponimaniyu prava (Human-centered approach to law interpretation). *Pravo Ukrainy*, 2011, no. 1, pp. 101–106.
53. Antonov, M.V., Kasatkin, S.N. Perspektivy izucheniya estestvenno go prava v ramkakh pravovoi kontseptsii Braiana Biksa (Prospects of natural law studies in the frameworks of Brian Bix's legal concept). *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava*, 2009, no. 2. Saint-Petersburg: Izd. dom SPbGU, 2011, pp. 63–68.
54. Bail'dinov, E.T. *Moral'naya teoriya prava i kontsepsiya otноситel'nosti prav cheloveka v kontekste obespecheniya ustoichivosti obshchestvennogo razvitiya* (Moral theory of law and concept of the human rights relativity in the context of providing sustainability of public development), available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7787> (accessed: 26.10.2014)
55. Slobodnyuk, S.L. Pravovaya real'nost': ponyatie i struktura (Legal reality: notion and structure). *Sovremennoe pravo*, 2013, no. 2, pp. 8–11.

Received 27.10.14

Information about the author

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law and Public-Law Discipline, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

How to cite the article: Skorobogatov A.V. Constitutional law interpretation as an integral legal doctrine. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 258–266.

© Skorobogatov A. V., 2014

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 341.4

Э. П. МЕЛЬНИК,

старший преподаватель

Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Россия

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, А ТАКЖЕ ПОСЯГАЮЩИХ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ АВИАЦИИ И МОРСКОГО СУДОХОДСТВА

Цель: обосновать идею о том, что основы дифференциации производства по делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства в уголовном процессе России заложены в международных правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией.

Методы: методологическую основу исследования составляет диалектический подход. В работе использовались также частно-научные методы исследования данной проблемы: системно-структурный, формально-логический и др.

Результаты: на основе анализа международно-правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией сделан вывод о том, что этими документами могут устанавливаться специальные (особые) процессуальные правила производства по отдельным категориям преступлений. Кроме того, особые процессуальные правила производства по отдельным категориям уголовных дел должны применяться только по четко ограниченному кругу составов преступлений, указанных в соответствующих статьях УПК РФ.

Научная новизна: в статье обращается внимание на необходимость уточнения процессуального порядка производства по делам террористической направленности, а также по делам о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства в развитие положений международно-правовых документов, ратифицированных Российской Федерацией.

Практическая значимость: Положения и выводы статьи могут быть использованы в законотворческом процессе, а также в научной и педагогической деятельности.

Ключевые слова: дифференциация; уголовно-процессуальные производства; уголовные дела о преступлениях террористической направленности; уголовный процесс; преступление; террористическая деятельность; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства; Уголовный кодекс Российской Федерации.

Введение

Дифференциация форм производства по различным категориям преступлений не является чем-то новым как для отечественного, так и для зарубежного уголовного процесса. В настоящее время отчетливо прослеживается тенденция появления процессуальных правил производств по делам террористической направленности, которые отличаются от общего порядка и зависят от квалификации совершенного преступления (ч. 2 ст. 100, ч. 7 ст. 241, ч. 6.1 ст. 241 Уголовно-процессуаль-

ного кодекса России (далее – УПК))¹. Помимо специальных правил производства по уголовным делам террористической направленности, предусмотренных в УПК, в международных правовых актах также имеются ряд положений, которые следует применять правоохранительным органам.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/> (дата обращения: 10.11.2014)

В настоящем исследовании мы попытаемся обосновать тезис, что некоторые международно-правовые документы предусматривают процессуальные правила производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства.

Результаты исследования

Следует обратить внимание, что в каждом в международном правовом акте определяется круг незаконных действий, на которые распространяют свое действие эти акты.

В соответствии со ст. 5 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г.)² (далее – Конвенция), каждое государство, ратифицировавшее конвенцию определяет свою юрисдикцию над такого рода преступлением в следующих случаях: 1) когда преступление совершено на территории данного государства; 2) когда преступление совершено на борту или в отношении воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве; 3) когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на его территории, и предполагаемый преступник еще находится на борту; 4) когда преступление совершено на борту или в отношении воздушного судна, сданного в аренду без экипажа арендатору, когда постоянное местопребывание арендатора находится в этом государстве или арендатор не имеет постоянного места деятельности в этом государстве.

Этими положениями уточняются правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве по вопросам безопасности гражданской авиации, а также правила подследственности по делам террористической направленности. Пункты первый и второй ст. 5 указанной выше Конвенции не вызывают вопросов, поскольку положения этих пунктов дублируются в ст. 2 УПК РФ. Однако в случаях, когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на территории государства, ратифицировавшего Конвенцию, и предполагаемый преступник еще

находится на борту, то оно подпадает под юрисдикцию этого государства. Это противоречит правилам действия уголовно-процессуального закона в пространстве многих зарубежных государств (например, ч. 2 ст. 3 УПК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 3 УПК Республики Казахстан и др.), поскольку преступления, совершенные на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами территории страны приписки судна автоматически подпадают под юрисдикцию государства, к которому оно было приписано. Территория воздушного судна, находящегося за пределами территории Российской Федерации под флагом Российской Федерации, если указанное судно приписано к порту Российской Федерации, считается территорией Российской Федерации. В данном случае действуют правила, предусмотренные ч. 1 ст. 2 УПК РФ, позволяющие применять положения международного договора, который ратифицировала Российская Федерация. Несмотря на то, что правила действия уголовно-процессуального закона уточняются положениями Конвенции, однако внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство не требуется, поскольку подобные случаи следует рассматривать как случаи исключения, которые предусмотрены ч. 1 ст. 2 УПК РФ и заключены в формулировке: «если международным договором Российской Федерации не установлено иное». Четвертый пункт ст. 5 Конвенции также следует рассматривать в качестве исключительного случая, а преступления, совершенные на борту арендованного судна подпадают под юрисдикцию того государства, в котором осуществляет свою деятельность арендатор. Это означает, что и в этом случае действуют нормы указанной выше Конвенции.

В исследуемых нами международных правовых актах можно обнаружить специальные правила применительно к действию уголовного и уголовно-процессуального закона по кругу лиц. Так, в п. «d» ч. 2 ст. 7 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.)³ указывается, что юрисдикция государства в отношении преступлений террористической направленности распространяется на лиц без гражданства, ко-

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения: 10.11.2014)

³ URL: <http://base.garant.ru/2541135/> (дата обращения: 10.11.2014)

торые обычно проживают на территории этого государства. Подобное положение содержится и в ст. 5 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников. Формулировка «обычно проживают», используемая в Конвенции является недостаточно четкой, а основания применения положений Конвенции можно считать формальными. Это обстоятельство затрудняет возможности по применению этих положений в практической деятельности правоохранительных органов. Однако им придется доказывать факт постоянного проживания на территории нашего государства лица без гражданства, в противном случае это государство не сможет установить свою юрисдикцию над этим преступлением.

Недостаточно четким и противоречивым по содержанию представляется п. «d» ч. 1 ст. 5 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (17 декабря 1979 г.), по смыслу которого юрисдикция государства определяется, если преступление совершено в отношении заложника, который является гражданином соответствующего государства, если данное государство считает это целесообразным. Подобное же правило установлено и в п. «б» ч. 2 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.)⁴, с учетом принадлежности потерпевшего к гражданину государства, который был захвачен, подвергался угрозам, был ранен или убит.

Проблема в том, что в УПК РФ не разрешен вопрос о действии уголовно-процессуального закона применительно к гражданству потерпевших. Данный вопрос является новым для отечественной уголовно-процессуальной науки. Из содержания Конвенции следует, что, если потерпевший является гражданином определенного государства, то государство распространяет свою юрисдикцию на преступление. Противоречивой эта ситуация выглядит, поскольку указанные положения Конвенции игнорируют правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве, установленные международно-правовыми актами и национальным законодательством стран-участниц международного договора.

И еще более запутанным выглядит ситуация, если в захваченном самолете находятся заложники из различных стран-участниц международного договора. По нашему мнению, в указанной ситуации первичными должны являться правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве. Только одно государство должно нести всю ответственность за предпринимаемые действия и результаты этих действий по указанному кругу преступлений.

Важными, по нашему мнению, являются положения п. «в» ч. 2 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, в соответствии с которыми юрисдикция государства распространяется на преступление, если оно совершено в попытке вынудить данное государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Из положений этой Конвенции вытекает вывод о том, что правоохранительные органы государства вправе начать процессуальное производство по тем уголовным делам, которые хотя и совершены на территории одного государства, но действия преступников были направлены на изменение линии поведения другого государства. В данном случае также не применяются общие правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве. В ч. 1 ст. 2 УПК устанавливается, что производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное. Данное правило международно-правового акта создает излишнюю напряженность в момент определения юрисдикции над преступлением, а также создает возможности для разрешения указанной ситуации по праву «сильного». По нашему мнению, государству, которое желает распространить юрисдикцию над такими преступлениями по подобным правилам следует согласовать свое желание с государством, которое распространяет на него свою юрисдикцию по правилу действия уголовно-процессуального закона в пространстве.

Выводы

Из сказанного выше можно сделать вывод, что международные договоры Российской Федерации могут устанавливать иные процессуальные правила действия уголовно-процессуального закона

⁴ URL: <http://base.garant.ru/10500005/> (дата обращения: 10.11.2014)

в пространстве, по кругу лиц применительно к отдельным категориям уголовных дел, в том числе по уголовным делам террористической направленности. Эти положения Конвенций являются исключениями из положений, предусмотренных ст. 2 УПК РФ, являющихся обязательными для всех компетентных на то должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

По нашему мнению, при определении юрисдикции того или иного государства над преступлениями, круг которых определен международными правовыми актами, этим государствам прежде всего, следует руководствоваться правилами действия уголовно-процессуального закона в пространстве. Данное правило не должно подменяться правилами, касающимися гражданства потерпевших, выдвигаемых преступниками требований и т. д.

Внесение изменений в УПК РФ относительно недопустимости подмены правил действия уголовно-процессуального закона в пространстве другими правилами не будет иметь практической значимости, поскольку в ч. 1 ст. 2 УПК имеется указание на большую юридическую силу международных правовых актов по сравнению с положениями УПК РФ. Мы можем лишь дать рекомендации должностным лицам и органам, которые правомочны начать производство по указанным преступлениям, быть настойчивыми при определении юрисдикции своего государства и руководствоваться общепринятыми правилами действия уголовно-процессуального закона в пространстве.

Согласно ч. 4 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации определены правила уведомления государства в том случае, когда государство, согласно настоящей статье, заключает лицо под стражу, оно немедленно уведомляет государства, которые в соответствии с указанными выше правилами определили юрисдикцию над совершенным преступлением, а также государство гражданства задержанного лица и, если оно сочтет это целесообразным, любые другие заинтересованные государства о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, послуживших основанием для его задержания. Государство, которое производит предварительное расследование, незамедлительно сообщает о полученных им данных вышеупомянутым государствам и указывает, намерено ли оно осуществить юрисдикцию. Указанные положения Конвенции обязывают сле-

дователя уведомлять дипломатических работников о необходимости передачи указанной информации по дипломатическим каналам и иным каналам своим коллегам в другом государстве, как только будет установлено, что преступление подпадает под юрисдикцию другого государства.

В ст. 13 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации указывается, что государство в соответствии со своим национальным законодательством сообщает Совету Международной организации гражданской авиации так скоро, как это возможно, любую имеющуюся у него соответствующую информацию относительно: обстоятельств преступления, действий о содействии пассажирам и экипажу судна в продолжении их следования и возвращению воздушного судна и его груза законным владельцам, а также мер, принятых в отношении преступника или предполагаемого преступника.

Подобные правила предусмотрены и в ст. 11 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.)⁵.

А как быть в ситуации, когда следователь имеющуюся у него информацию расценивает в качестве тайны следствия, не подлежащей огласке. Не нарушают ли эти положения Конвенции правила недопустимости разглашения данных предварительного следствия? Международный договор и его договор, если он ратифицирован в установленном порядке в Российской Федерации, принадлежит к правовым актам большой юридической силы, чем УПК РФ.

В этой связи возникает вопрос, а что понимать под обстоятельствами преступления, и на каком этапе уполномоченное на то должностное лицо вправе передавать о нем указанную информацию?

Передача информации о преступлении после вынесения обвинительного приговора и вступления его в законную силу учеными-процессуалистами не должна оспариваться. А правоохранительным органам в ходе предварительного расследования целесообразно передавать в международную организацию по дипломатическим либо иным каналам, лишь ту информацию и в том объеме, которая не может повлиять на

⁵ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007581 (дата обращения: 10.11.2014)

итоги расследования по делу. Идея о получении позитивного результата в ходе предварительного расследования является приоритетнее необходимости передачи информации по уголовному делу соответствующей международной организации. Правила о передаче информации по уголовному делу имеют процессуальную сущность, а это означает, что Конвенцией предусмотрены дополнительные процессуальные правила при производстве по уголовным делам, связанным с безопасностью полетов авиации.

Некоторые процессуальные правила производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с безопасностью морского судоходства, предусматриваются в Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Так, капитан судна одного государства может передать компетентным органам любого другого государства любое лицо, в отношении которого у него имеются разумные основания считать, что оно совершило одно из преступлений, указанных в ст. 3 указанной Конвенции. Капитан судна, на борту которого находится любое лицо, которое он намерен передать, передает его, когда это практически возможно осуществить и по возможности до входа судна в территориальное море принимающего государства. Капитан судна уведомляет компетентные органы принимающего государства о своем намерении передать такое лицо и о причинах передачи. Кроме того, капитан судна обязан предоставлять компетентным органам принимающего государства, имеющиеся в распоряжении его доказательства, которые относятся к предполагаемому преступлению. В Конвенции от 10 марта 1988 г. предусматриваются и иные правила процессуального характера. Это свидетельствует о том, что международным нормативным правовым актом могут устанавливаться специальные (особые) правила производства по отдельным категориям преступлений. А это означает, что в названной Конвенции закладываются основы для особого вида производства по указанной категории дел.

В нашей статье рассмотрены лишь некоторые процессуальные правила, содержащиеся в международно-правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией. Значительное число таких особых процессуальных правил производства по уголовным делам, вытекающих из международно-правовых актов ждут своего исследования и

освещения [1]. Однако уже при наличии имеющихся знаний по данной проблематике, можно рекомендовать предусмотреть в российском уголовно-процессуальном законодательстве особый порядок производства по делам террористической направленности, а также о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства.

В случае реализации наших предложений в российском уголовно-процессуальном законе будет уточнен процессуальный порядок производства по делам террористической направленности, а также по делам о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства. Эти правила будут действовать в системе с положениями ч. 2 ст. 100, ч. 7 ст. 241, ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ.

В литературе уже обращалось внимание на необходимость введения дифференцированной формы уголовного преследования лиц, совершивших преступления террористического характера [2, 3]. В развитие этой идеи мы обращаем внимание не только на необходимость введения в УПК особых правил производства по уголовным делам террористической направленности, а также о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства, но и в УПК РФ предусмотреть конкретные подпункты, пункты, части, статьи Особенной части УК РФ, по которым ведется это особое производство. Список составов таких преступлений не следует расширять. Особые процессуальные правила производства по отдельным категориям уголовных дел должны применяться только по четко ограниченному кругу составов преступлений, указанных в соответствующих статьях УПК РФ.

Список литературы

1. Хайдаров А.А., Мельник Э.П. Международно-правовые основы дифференциации процессуальных форм по уголовным делам: к постановке проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 91–93.
2. Курдюкова А.В. Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 22 с.
3. Макаров Л.В. О дифференциации формы уголовного судопроизводства по делам о преступлениях террористического характера: полемические заметки // Военно-юридический вестник Приволжского региона: сб. науч. трудов. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2004. № 2. С. 201–206.

В редакцию материал поступил 02.10.14

© Мельник Э.П., 2014

Информация об авторе

Мельник Эдуард Петрович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Казанский юридический институт МВД России

Адрес: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35, тел.: (843) 278-72-71

E-mail: eduard-melnik@mail.ru

Как цитировать статью: Мельник Э.П. Международно-правовые основы дифференциации производства по делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 267–272.

E. P. MEL'NIK,

Senior Lecturer

Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs, Kazan, Russia

INTERNATIONAL-LEGAL BASES OF DIFFERENTIATION IN CASES OF TERRORIST CRIMES, AS WELL AS INFRINGING THE SAFETY OF AVIATION FLIGHTS AND SEA NAVIGATION

Objective: to substantiate the idea that the bases of differentiation in cases of terrorist crimes, as well as infringing the safety of aviation and sea navigation in the Russian criminal procedure are embedded in international legal acts ratified by the Russian Federation.

Methods: the methodological basis of the research is dialectic approach. Also specific scientific methods were used: systemic-structural, formal-logic, etc.

Results: Basing on the analysis of international legal acts ratified by the Russian Federation, it was concluded that these documents may establish special procedural rules of proceedings for certain categories of crimes. In addition, special procedural rules of proceedings for certain categories of criminal cases should be applied only for a limited group of crimes, stated in corresponding articles of the Russian Criminal Code.

Scientific novelty: The article draws attention to the need for clarification of the procedural order in terrorist cases, as well as in cases of offences against the safety of aviation and shipping, which would develop the provisions of international legal documents ratified by the Russian Federation.

Practical value: The provisions and conclusions of the article can be used in the legislative process, as well as in scientific and pedagogical activity.

Key words: differentiation; criminal procedural process; criminal cases of terrorist crimes; criminal procedure; crime; terrorist activities; international Convention against hostages taking; Convention for the struggle against unlawful acts infringing the safety of sea navigation; Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Khaidarov, A.A., Mel'nik, E.P. Mezhdunarodno-pravovye osnovy differentsiatsii protsessual'nykh form po ugovolnym delam: k postanovke problemy (International-legal bases of differentiation of procedural forms in criminal cases: on the problem identification). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 91–93.

2. Kurdyukova, A.V. *Osobennosti ugovolnogo sudoproizvodstva po delam o terroristicheskom akte: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* (Features of criminal court procedures in terrorist cases: abstract of a PhD (Law) thesis). Ekaterinburg, 2009, 22 p.

3. Makarov, L.V. O differentsiatsii formy ugovolnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera: polemicheskie zametki (On differentiation of the forms of criminal court procedures in terrorist cases: polemic notes). *Voенно-yuridicheskii vestnik Privolzhskogo regiona: sb. nauch. trudov*. Samara: Izd-vo Samar. gumanit. akad, 2004, no. 2, pp. 201–206.

Received 02.10.14

Information about the author

Mel'nik Eduard Petrovich, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure, Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs

Address: 35 Magistral'naya Str., 420108, Kazan, tel.: (843) 278-72-71

E-mail: eduard-melnik@mail.ru

How to cite the article: Mel'nik E.P. International-legal bases of differentiation in cases of terrorist crimes, as well as infringing the safety of aviation flights and sea navigation. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 267–272.

© Mel'nik E. P., 2014

УДК 343.2(574)

А. Х. МИНДАГУЛОВ,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

СПОРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Цель: выявить, описать и объяснить основные спорные положения нового Уголовного кодекса Республики Казахстан, а также предложить авторские методы по их разрешению.

Методы: методологической основой проведенного исследования служат общенаучные методы познания.

Результаты: дана критическая оценка отдельных положений Уголовного кодекса Республики Казахстан, которая позволяет определить основные направления его совершенствования в краткосрочной перспективе.

Научная новизна: заключается в том, что впервые в российской научной литературе описываются и объясняются наиболее спорные вопросы принятого в 2014 г. Уголовного кодекса Республики Казахстан, что является полезным для российской правотворческой деятельности, и в этом заключается практическая значимость проведенного исследования.

Практическая значимость: Актуальность исследования обусловлена тем, что вопросы уголовно-правового воздействия на преступность сохраняют научную и практическую значимость как для Российской Федерации, так и для Республики Казахстан, а использование зарубежного опыта правового регулирования является одним из важнейших направлений современной российской науки уголовного права.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Казахстан; Уголовный кодекс Российской Федерации; уголовное право; наказание; Концепция правовой политики; уголовная ответственность юридических лиц; уголовное правонарушение; оперативно-розыскные мероприятия; кризис правовой системы.

Введение

Третьего июля 2014 г. президент Казахстана Н. Назарбаев подписал Закон Республики Казахстан № 226-V, в соответствии с которым с 1 января 2015 г. в стране вводится новый Уголовный кодекс (далее – УК РК)¹.

Строго говоря, это не новый УК, а переработанный Уголовный кодекс Казахстана (в редакции 1997 г.), поскольку основные его положения (институты и нормы) сохранились в неизменном виде. В течение прошедших 17 лет в него практически каждый год вносились изменения и дополнения, отражающие непрерывный процесс обновления общества, преобразования как в экономике, так и в социальной сфере.

Чем вызвана необходимость подготовки новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан? Надо полагать, что это обусловлено неудовлетворенностью общества состоянием

уголовного правоприменения. Кризис как явление неустойчивости время от времени поражает не только экономику [1, с. 3–8], но и другие сферы социальной жизни [2]. Не является исключением и право, правовые институты. Состояние неудовлетворенности, как нам представляется, порождается нарастанием кризиса всей правовой системы [3].

Основная идея разработки новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан заключается в реформировании уголовного законодательства на основе Концепции правовой политики республики на период до 2020 г. В частности речь идет о либерализации и гуманизации уголовной и административной ответственности, о пересмотре системы наказаний в целях более широкого применения видов наказаний, альтернативных лишению свободы и много других вопросов. Действительно, вера во всеислие наказания является не только наивной, но и вредной, ибо противоречит доводам разума, человеческому опыту. Отказ от концепции жесткого наказания в Европе произошел в XIX в., а Казахстан, впрочем, как и Россия, только приступает к его решению. Стало очевидным, что применение наказания в

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан № 167-І от 16 июля 1997 г. (с изменениями и дополнениями от 10 июня 2014 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032 (дата обращения: 09.10.2014)

виде лишения свободы обусловлено в большей степени политическими соображениями, нежели поиском его эффективности. Целью пересмотра многих положений уголовного кодекса является исключение противоречий и коллизий между законодательными актами, регламентирующими основания административной и уголовной ответственности, порядок исполнения административных взысканий и уголовных наказаний, правовые ограничения, связанные с привлечением к уголовной ответственности.

Результаты исследования

Введение нового УК предполагается уменьшение количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, за счет создания условий для более широкого применения штрафов, исправительных и общественных работ, ограничения свободы. В то же время вводятся новые нормы, направленные на борьбу с организованной и профессиональной преступностью, в том числе в сфере информационных технологий и медицины. Ужесточается наказание за преступления, направленные против материнства и детства. Усиливается ответственность за коррупционные преступления, проявления экстремизма и терроризм. Речь также идет о криминализации деяний, способствующих распространению радикальных идеологий.

Нет необходимости останавливаться на всех идеях и замыслах, нашедших отражение в Концепции, претворенной в новой редакции УК. Большинство из них своевременны и заслуживают реального воплощения в новом УК. Однако не все задуманное в Концепции нашло претворение в новом Уголовном кодексе. В частности, из-за возникших трудностей ее реализации пришлось временно отказаться от идеи привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Об уголовной ответственности юридических лиц. В Концепции справедливо отмечалось, что привлечению юридических лиц к уголовной ответственности должна предшествовать оценка возможных негативных последствий такого решения. Недопустимо применение наказаний, которые могут усугубить ситуацию и которые по своей тяжести превосходят общественную опасность деяния и его вредные последствия.

Но первоначальный посыл был таков: поскольку есть проблема привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, и такой опыт имеется в зарубежных странах, значит, и мы должны следовать этому примеру. На Западе решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц обеспечивается без очередного внесения изменений и дополнений в действующие законы, прежде всего, кодексы. Там принимается специальный закон с целевым назначением, и он работает. Мы же всякий раз при возникновении новой проблемы пытаемся ее решить в рамках действующих законов и кодексов. Но какова должна быть исходная позиция для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Этот вопрос до конца не продуман. В итоге все сводится к тому, чтобы при рассмотрении преступных деяний имущественного характера, если они совершались с использованием возможностей хозяйственных организаций, фирм, корпораций, т. е. юридических лиц, ставить вопрос и об уголовной ответственности последних. Юридическое лицо якобы тоже способно совершать преступления.

Актуальность проблемы привлечения юридических лиц к уголовной ответственности действительно существует и она обусловлена тем обстоятельством, что большинство преступлений экономической и экологической направленности совершаются с использованием возможностей организаций, наделенных статусом юридических лиц. У них всегда находятся огромные материальные и финансовые средства для того, чтобы, минуя правовые запреты, приумножать свои прибыли в ущерб интересам общества, государства, отдельной личности. А между тем становится все очевиднее, что уже сегодня, а в ближайшем будущем в еще большей степени именно преступления в сфере экономики и экологии будут представлять наибольшую угрозу для общества и государства. Разумеется, юридическое лицо является субъектом правовых отношений, но при этом не следует забывать, что оно не более чем фикция, т. е. условность, за которой угадываются действия людей. Юридическое лицо всего лишь олицетворяет человека, придает отвлеченным предметам свойства человека (если угодно, «одушевляет» вещи).

Если юридическое лицо способно совершить преступление, то такой взгляд заставляет полностью пересмотреть наши представления о том, что

такое уголовное право и что такое преступление. И такие попытки продолжают предприниматься, но, к сожалению (а может быть, к счастью), все они оказываются неудачными.

Мы не должны допускать смешения двух разных понятий: совершение преступления и ответственность за совершенное преступление. Совершает преступление только человек, ответственность же за это может нести не только он, но и те структуры, которые он создает для достижения своих преступных замыслов. Это могут быть не только преступные сообщества (организованные преступные группы), но и юридические лица. Они, являясь субъектами гражданско-правовых отношений и находясь под надежной правовой защитой государства, концентрируют материальные ценности и финансовые ресурсы (движимое и недвижимое имущество) создавших их людей. Думается, нет необходимости доказывать, что материальные ресурсы (финансы) юридических лиц могут использоваться не только во благо, но и во вред человека. И если действия юридических лиц представляют общественную опасность для общества (загрязнение окружающей среды, нанесение имущественного вреда субъектам уголовно-правовых отношений), естественно, возникает вопрос об уголовной ответственности не только человека, совершившего преступление, но и юридического лица. Уголовная ответственность юридического лица носит опосредованный характер. Его (юридическое лицо) нельзя допросить, предъявить ему обвинение, арестовать и т. д. Другими словами, к юридическому лицу неприменимо понятие субъективного вменения и личной вины. Но юридические лица в лице своих руководителей и отдельных сотрудников, вступая в правовые отношения, могут совершать действия, оцениваемые как общественно опасные. Это могут быть уголовно-правовые запреты в области финансов, налоговых сборов, таможенного дела, экологии и т. д. Естественно, прежде всего, встает вопрос об уголовной ответственности руководителей (собственников) юридических лиц, и лишь во вторую очередь – юридического лица как такового, если возникает необходимость возмещения материального ущерба, ареста на имущество, запрета на определенный вид деятельности. В гражданском праве юридическое лицо – весьма удачный ход для построения имущественных от-

ношений. В уголовном праве юридическое лицо может служить инструментом для совершения преступлений. Поэтому нельзя проводить параллели между юридическим лицом как субъектом гражданско-правовых отношений и юридическим лицом как субъектом уголовного права.

Возникает вопрос: отличаются ли действия юридических лиц чем-то от преступлений, совершаемых людьми, т. е. физическими лицами? Конечно же, совершает преступление физическое лицо, ответственность (имущественную, разумеется) при определенных условиях вместе с ним может нести и юридическое лицо. Субъектом любого преступления, связанного с действиями юридического лица, является, как правило, его собственник (руководитель, учредитель). В таком случае сразу возникает вопрос, как развести понятия «подозреваемый» («обвиняемый»), т. е. физическое лицо и «представитель юридического лица».

Необходимость постановки и решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц не подвергается сомнению. Все дело в подходе к решению этой действительно важной проблемы. Попытку привлечения к уголовной ответственности юридических лиц путем внесения изменений и дополнений в действующие законы и кодексы (прежде всего, гражданский, уголовный и уголовно-процессуальный) следует признать неудачной из-за необходимости коренного пересмотра многих фундаментальных положений Общей и Особенной частей этих кодексов. Правильнее было бы принять самостоятельный закон «Об уголовной ответственности юридических лиц». Но этому препятствует запрет принимать любой закон об уголовной ответственности вне рамок уголовного и уголовно-процессуального кодексов (ст. 1 УК РК и ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан). Если отказаться от этого ошибочного положения и такой запрет снять, сразу возникают сложные проблемы множественности и противоречивости источников уголовного права.

В целом, соглашаясь с выводами и рекомендациями авторов Концепции и их реализации в новом УК, нельзя не отметить, что некоторые сохранившиеся нормы действующего УК и вновь выдвигаемые положения требуют внимательного изучения и критической оценки. Предметом особого внимания и более глубокого освещения,

на наш взгляд, являются вопросы, касающиеся уголовного правонарушения и осуществления оперативно-розыскных мероприятий (ст. 35 УК РК). Рассмотрим их подробнее.

Об уголовном правонарушении. Именно так предполагается назвать раздел 2 УК (ст. 10–38). В действующем УК этот раздел (ст. 9–37) называется «Преступление». Всегда подразумевалось, что УК это и есть совокупность преступлений. Теперь получается, что уголовный кодекс есть совокупность уголовных правонарушений. Это понятие является ключевым, оно употребляется практически во всех статьях УК, но в то же время не дается его определение. Почему? Видимо, не случайно. Если бы такая попытка была предпринята, выяснилось бы, что это понятие означает то же самое, что и преступление. С точки зрения семантики нет совершенно никакого различия в понятиях «преступление», «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок». Под словом «уголовный» (уголовное дело, уголовный суд, уголовный закон, уголовный кодекс) подразумевается именно преступление. Не случайно в справочной юридической литературе (словарях, энциклопедиях) нет понятий «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок». Эти словообразования, конечно, встречаются в научной литературе, но всегда как синонимы слова преступление. Согласно общей теории права, преступления и проступки объединяются общим понятием «правонарушения» [4, с. 259]. В зависимости от характера общественной вредности и опасности правонарушения подразделяются на преступления и проступки (административные деликты, дисциплинарные проступки, гражданские правонарушения и др.) [5, с. 173; 6, с. 305]. Преступление признается наиболее опасным для общества деянием, все иные правонарушения признаются непроступными и их принято классифицировать по отраслям права: административные правонарушения, гражданские правонарушения, трудовые правонарушения, процессуальные правонарушения, международные правонарушения [7, с. 238–240]. Однако проступок – слово многозначное. Наряду с уголовным правонарушением, т. е. преступлением, принято говорить об уголовном проступке. Является ли уголовный проступок преступлением? В действующем УК как России, так и Казахстана (ч. 2 ст. 14

УК РФ и ч. 2 ст. 9 УК РК) отмечено: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Чем же является такое деяние, если это не преступление, но формально содержит признаки какого-либо преступного деяния? В силу своей малозначительности последнее и есть уголовный проступок, поскольку имеет связь с уголовным законом и преступлением.

В новой редакции УК Казахстана преступлением предлагается считать совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни. А уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие): а) не представляющее большой общественной опасности, б) причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, в) за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста.

Таким образом, предпринята попытка разграничить преступление и уголовный проступок не только по критериям общественной опасности и нанесенного вреда, но и по критериям видов наказания. Хотя уголовные проступки не представляют большой общественной опасности, но их все равно следует признать как виновно противоправные деяния, а потому они должны быть запрещены уголовным Кодексом под угрозой практически любого наказания, кроме лишения свободы. В таком случае, что это за деяния, которые, не будучи преступлениями, тем не менее запрещаются уголовным кодексом под угрозой наказания?

А далее утверждается (ч. 4 ст. 10 УК), что не является уголовным правонарушением, т. е. ни преступлением, ни уголовным проступком, действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Если это

и не преступление, и не уголовный проступок, хотя формально он и содержит признаки какого-либо преступного деяния, то, как назвать такое деяние? Эта норма полностью воспроизводит ч. 2 ст. 9 ныне действующего УК. Слово преступление заменено понятием уголовное правонарушение. В действующем УК преступление называется уголовным проступком, который в силу своей малозначительности не представляет общественной опасности. Теперь это нечто иное. Будет сложно разобраться в сложившейся понятийной базе, поскольку за одни виды уголовных проступков следует наказание, а за другие – нет. Сохраняется опасность, что попытка внедрения в уголовный кодекс этих новых понятий внесет много путаницы.

Осуществление оперативно-розыскных мероприятий (ст. 35 УК). Законодатель по новому УК считает, что не является **уголовным правонарушением** причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам, совершенное при проведении в соответствии с законом оперативно-розыскных мероприятий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом. То же относится к деяниям, направленным на предотвращение, выявление, раскрытие или расследование уголовных правонарушений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или преступной группой, а также если причиненный вред правоохраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом.

На наш взгляд, эта статья лишняя. Закон об оперативно-розыскной деятельности для того и был принят, чтобы в нем были определены рам-

ки и пределы такой деятельности, в том числе весь набор диспозиций, перечисленных в анализируемой статье. При превышении субъектом преступления этих пределов и ограничений, он должен нести ответственность, если не будет доказано, что действовал в пределах необходимой обороны или крайней необходимости, а также обоснованного риска.

Выводы

Принятие нового Уголовного кодекса Республики Казахстан (1914 г.) является закономерным процессом правовой сферы этого государства, направленным на совершенствование уголовного законодательства.

Введение в действие нового Уголовного кодекса Республики Казахстан не разрешает всех наиболее острых проблем уголовно-правовой теории и правоприменительной практики, а следовательно, в среднесрочной перспективе встанет вопрос о дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства Республики Казахстан при реализации основных положений как общей так и особенной части этого кодекса.

Список литературы

1. Максимов С.В., Утаров К.А. Преступность в сфере экономики и проблемы борьбы с ней в современной России. Шымкент, 2012. 345 с.
2. Овчинский В.С. Криминология кризиса. М.: Норма, 2009. 240 с.
3. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
4. Явич Л.С. Общая теория права. Ленинград, 1976. 298 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
6. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Советская энциклопедия, 1984. 416 с.
7. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 472 с.

В редакцию материал поступил 04.08.14

© Миндагулов А. Х., 2014

Информация об авторе

Миндагулов Алькен Хайдарович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
 Адрес: 480078, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект Аль-Фараби, 71, тел.: +7 (727) 377-33-36
 E-mail: Alken-06@mail.ru

Как цитировать статью: Миндагулов А.Х. Спорные положения нового Уголовного кодекса Республики Казахстан // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 273–278.

A. KH. MINDAGULOV,

Doctor of Law, Professor, Senior Researcher

Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan Republic

DISPUTABLE PROVISIONS OF THE NEW CRIMINAL CODE OF KAZAKHSTAN REPUBLIC

Objective: to reveal, describe and explain the main disputable provisions of the new Criminal Code of Kazakhstan Republic, and to propose means for their solution.

Methods: the methodological basis of the research is general cognition methods.

Results: Critical evaluation is made of particular provisions of the Criminal Code of Kazakhstan Republic, which allows to define the main directions of its improving in a short-term period.

Scientific novelty: For the first time in the Russian scientific literature the disputable provisions of the 2014 Criminal Code of Kazakhstan Republic are described and explained, which is useful for the Russian law-making activity. This constitutes the practical value of the research.

Practical value: The research is topical due to the fact that the issues of criminal-legal influence upon the criminality preserve their scientific and practical significance both for the Russian Federation and Kazakhstan Republic, while applying the foreign experience of legal regulation is one of the main directions of the modern Russian Criminal Law science.

Key words: Criminal Code of Kazakhstan Republic; Criminal Code of the Russian Federation; criminal law; punishment; Concept of criminal policy; criminal liability of legal persons; criminal breach of law; investigation and search operations; legal system crisis.

References

1. Maksimov, S.V., Utarov, K.A. *Prestupnost' v sfere ekonomiki i problemy bor'by s nei v sovremennoi Rossii* (Crime in economy and problems of struggle against it in the modern Russia). Shymkent, 2012, 345 p.
2. Ovchinskii, V.S. *Kriminologiya krizisa* (Criminology of crisis). Moscow: Norma, 2009, 240 p.
3. Alekseev, A.I., Ovchinskii, V.S., Pobegailo, E.F. *Rossiiskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* (Russian criminal policy" overcoming crisis). Moscow: Norma, 2006, 144 p.
4. Yavich, L.S. *Obshchaya teoriya prava* (General theory of law). Leningrad, 1976, 298 p.
5. Alekseev, S.S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 2* (General theory of law: in 2 vol. Vol. 2). Moscow: Yurid. lit., 1982, 360 p.
6. Sukharev, A.Ya. *Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar'* (Juridical encyclopedic dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1984, 416 p.
7. Lazarev, V.V. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnyk* (General theory of state and law: textbook). Moscow: Yurist", 1996, 472 p.

Received 04.08.14

Information about the author

Mindagulov Alken Khaidarovich, Doctor of Law, Professor, Senior Researcher, Kazakh National University named after Al-Farabi
Address: 71 Al-Farabi Prospekt, 480078, Almaty, Kazakhstan Republic, tel.: +7 (727) 377-33-36
E-mail: Alken-06@mail.ru

How to cite the article: Mindagulov A.Kh. Disputable provisions of the new Criminal Code of Kazakhstan Republic. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 273–278.

© Mindagulov A. Kh., 2014

УДК 340.1:519

С. Г. ОЛЬКОВ,

доктор юридических наук, профессор

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

ЮРИДИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПРАВА, ПРАВООТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Цель: теоретическое обоснование фундаментальных юридических понятий через авторские юридико-математические модели системы права, правоотношений и юридической ответственности.

Методы: 1) наблюдение, анализ и синтез; 2) дедукция и индукция; 3) использование законов формальной логики; 4) формально-юридический; 5) математическое моделирование; 6) исследование математических функций; 7) построение графиков.

Результаты: автором 1) обоснованы дефиниции свободы, добра, зла и справедливости; 2) дана формулировка основной аксиомы права; 3) в научный оборот введено понятие *элементарных разнозаряженных z- и s-частиц системы права*; 4) построены: математическая модель, связывающая субъективные права и юридические обязанности, математическая модель идеальных (теоретических) правоотношений, математическая зависимость деяний от свободы, математическая зависимость оценки деяний от деяний.

Научная новизна: заключается в том, что: 1) сформулирована основная аксиома права: в идеально построенной системе права каждое субъективное право в полной мере покрывается юридической обязанностью; 2) показано, что правовая система состоит из пар разнозаряженных элементарных z- и s-частиц, которые взаимно «притягиваются», в то время как одноименные заряды «отталкиваются»; 3) установлена зависимость между z- и s-частицами системы права в виде уравнения: $s = -z$; 4) получено уравнение правового баланса: $g = z + s = 0$; 5) доказано, что «работающее» правоотношение следует рассматривать, как векторную величину – направленное перераспределение свободы от должника к кредитору; 6) доказано, что количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении всегда равна единице, и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z- и s-частиц; 7) доказано, что в неидеальной правовой системе имеет место неравенство: $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, а следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – принципа справедливости; 8) построена математическая модель, связывающая свободу и деяния субъектов правовых отношений вида: $x = -L$; 9) в виде уравнения: $y = x$ в двумерном оценочном пространстве «деяние – оценка деяний» представлена функция справедливости; 10) на основе анализа математических функций, введенной аксиомы и фундаментального понятия свободы даны дефиниции добра, зла и справедливости.

Практическая значимость: заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии различных юридических теорий.

Ключевые слова: право; правоотношение; система права; субъективные права; юридические обязанности; свобода; справедливость; математическая функция; субстанция; энергия; s-частицы; z-частицы; юридическая ответственность; добро; зло.

Введение

Важно понять, что юридическая теория, а следовательно, и юридическая практика остро нуждаются в их адаптации к точным наукам. В юриспруденции за века накопилось слишком много вопросов, на которые нужно дать, по меньшей мере, удовлетворительные ответы. Человеку со стороны (не юристу) трудно представить, что в той отрасли знания, где измерения должны составлять ее самую суть, эти измерения остаются «за кадром», а важные решения принимаются «на глазок». Даже фундаментальные понятия юриспруденции остаются еще «в тумане». В данной статье нами предпринята очередная попытка расширить границы применения математических методов и «физического мышления» на сферу

юриспруденции, начав с ее основополагающих явлений и описывающих их понятий.

Результаты исследования

Субстанцией (лат. *substantia* – сущность; то, что лежит в основе), заполняющей юридические пространства, является свобода. Свобода (*freedom, liberty*) – это «воздух права», мера взаимодействия (потенциальная энергия) и движения (кинетическая энергия) правовых отношений, возможного и должного, мера добра и зла – количественная, переменная величина, способная принимать как положительные, так и отрицательные значения [1] в пределах от минус бесконечности до бесконечности: $-\infty < L < \infty$, где L – уровень свободы.

В отличие от других переменных свобода (L) может точно измеряться в разных единицах измерения, например, денежных, временных, пространственных. Свобода на рынках товаров и услуг в различных экономико-правовых отношениях измеряется обычно в денежном эквиваленте. Например, должник (*debitor*) может иметь отрицательную свободу, соответствующую сумме долга, измеренной в рублях и копейках. Эта же сумма в равной мере содержит положительную свободу кредитора (*creditor*). В уголовно-правовых отношениях отрицательная свобода – это величина наказания, выраженная, например, в месяцах, сутках или часах ограничения или лишения свободы. В свою очередь она положительна для государства, которому отдает «долг» осужденный. Географически свобода может определяться размерами соответствующей территории, например, территории данного государства в квадратных километрах, частного владения в квадратных метрах.

Прежде чем продолжить наше исследование, введем без доказательства основную аксиому права – аксиому № 1, которая гласит: *в идеальной правовой системе всякое субъективное право одного субъекта данного конкретного правоотношения должно быть полностью удовлетворено (покрыто) юридической обязанностью другого.*

Свобода заполняет элементарные частицы системы права – субъективные права (*subjective rights*), которые мы назовем z -частицами системы права, и юридические обязанности (*legal obligations*), которые будем называть s -частицами системы права. Субъективное право (z -частица) – это положительно заряженная элементарная частица системы права, поскольку она содержит в потенциале положительную свободу (управомоченный субъект по закону (иному нормативно-правовому акту) получает нечто – приобретает дополнительную свободу). Юридическая обязанность (s -частица) – отрицательно заряженная элементарная частица права, содержащая в потенциале отрицательную свободу (субъект, несущий обязанность по закону (иному нормативно-правовому акту), отдает нечто – теряет какую-то долю персональной свободы). Отсюда элементарное правоотношение (*legal relationship*) или простейшая правовая (юридическая) система всегда состоит из двух частиц – субъективного права и юридической обязанности: $g = z + s$, где g – правоотношение, z – субъективное право, s – юридическая обязанность. Единицей

измерения данного правоотношения выступают такие меры, в которых измеряется свобода применительно к данному правоотношению.

Всякое элементарное правоотношение (g) содержит в себе внутреннюю свободу ($L_{ю}$) – энергию движения (кинетическую энергию) и взаимодействия (потенциальную энергию) z - и s -частиц, носителями которых в реальных правоотношениях выступают физические и юридические лица во всем своем многообразии. Количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении всегда равна единице, и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z - и s -частиц. Владелец субъективного права в данном правоотношении получает ровно столько свободы, сколько ее отдает носитель юридической обязанности, а в сумме:

$$p(L_z) + q(L_s) = 1, \quad (1)$$

где p – доля свободы кредитора, q – доля свободы должника:

$$p = 1 - q, \quad (2)$$

Таким образом, работающее правоотношение (\bar{g}) следует рассматривать, как векторную величину – *направленное перераспределение свободы от должника к кредитору.* В начальной стадии правоотношения носитель субъективного права имеет свободу лишь в потенциале (потенциальная свобода кредитора равна единице), и реально обретает ее лишь по мере того, как носитель обязанности (должник) своими действиями (кинетическая энергия правоотношения) передает свою свободу (равную реальной единице) в данном правоотношении владельцу субъективного права.

В теории (норме права) конкретное правоотношение должно конструироваться как балансовое, т.е. количество свободы в закрытом правоотношении здесь равняется нулю: $g = z + s = 0$, поскольку $|z| = |s|$, но z – положительно, а s – отрицательно. Другими словами – субъективное право и юридическая обязанность данного правоотношения равны по модулю, но противоположны по направлению (знаку).

Представим математическую функцию, связывающую субъективное право и юридическую обязанность. Очевидно, что она будет иметь линейную обратно пропорциональную зависимость с коэффициентом пропорциональности равным минус единице:

$$s = -z, \quad (3)$$

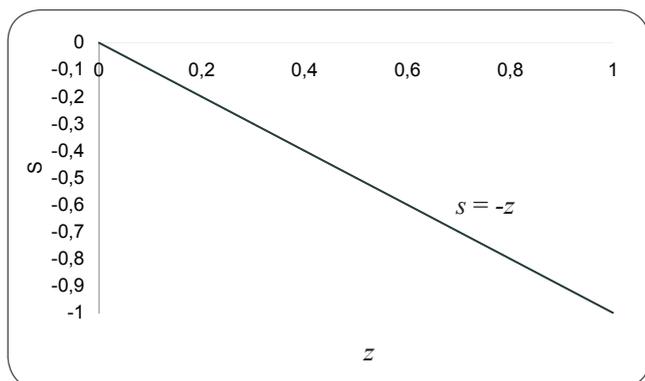

Рис. 1. Связь субъективного права и юридической обязанности*
(Fig. 1. Dependence of subjective right and legal liability)

* Источник: составлено автором.

Таким образом, определять характер связи будет z -частица правовой системы (субъективное право одного субъекта правоотношений должно полностью покрываться юридической обязанностью другого). Именно поэтому она помещена на ось абсцисс, и ей в строгом порядке соответствует s -частица правовой системы, расположенная на ординате в декартовой системе координат. В идеально построенной системе права каждое субъективное право в полной мере покрывается юридической обязанностью: $s = -z$.

В данном случае перед нами простая линейная функция вида:

$$s = a + bz, \quad (4)$$

где a – свободный член, а b – первая производная функции; $a = 0$, $b = -1$, представленная в IV квадранте декартовой системы координат. Свободный член (a) в модели равен нулю, поскольку отсутствие субъективного права предполагает отсутствие покрывающей его юридической обязанности, что соответствует аксиоме № 1. Параметр b данного уравнения равен минус единице, что отвечает принципу справедливости¹, в полной мере соответствующему аксиоме № 1.

Теперь обратимся к элементарным модельным правоотношениям (не реальным, а теоретическим), в которых связываются субъективные права и юридические обязанности:

¹ Более строго принцип справедливости обосновывается в математической модели юридической ответственности.

$$g = f(z, s) = z - s = 0, \quad (5)$$

где g – правоотношения (зависимая переменная), а z и s – субъективные права и юридические обязанности (независимые переменные). Очевидно, что нормы права должны задавать нуль-поверхность правоотношений в трехмерном оценочном пространстве. На рис. 2 отражена абсолютно ровная нулевая поверхность в трехмерном пространстве (со значениями координат по аппликате (расположена зависимая переменная) равными нулю).

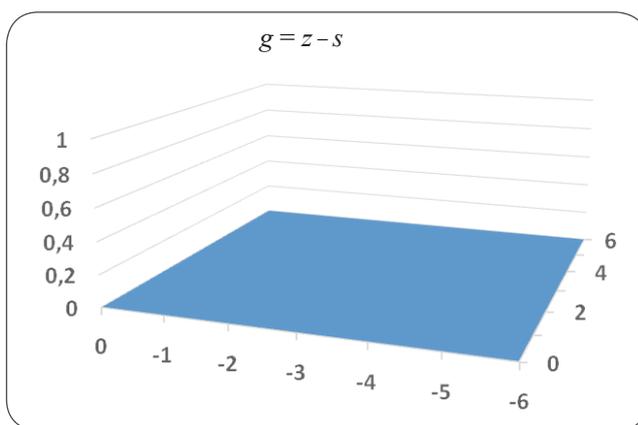

Рис. 2. Поверхность теоретических правоотношений (идеальная функция правоотношений (ИФП))*
(Fig. 2. Surface of the oretical legal relations (ideal function of legal relations (IFLR))*)

* Источник: составлено автором.

Сумма по каждой паре z - и s -частиц равна нулю, что в полной мере соответствует аксиоме № 1, утверждающей, что всякое субъективное право одного субъекта должно быть полностью удовлетворено юридической обязанностью другого. Очевидно, при нарушении данного правила правоотношение будет либо незавершенным (положительным: $g > 0$) либо избыточным (отрицательным: $g < 0$), и функция $g = f(z, s)$ потеряет линейный характер (станет не идеальной). То есть в данном случае имеет место неравенство: $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, а следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – **принципа справедливости**. Принцип справедливости в данном отношении означает равенство субъективных прав и юридических обязанностей и однозначно выражается коэффициентом пропорциональности уравнения,

равным минус единице в функции $s = f(z)$, что в полной мере соответствует аксиоме № 1.

В положительном правоотношении ($g > 0$) субъективное право остается полностью либо частично не закрытым юридической обязанностью ($|z| > |s|$), что говорит о пробеле в законодательстве, регулирующем данное правоотношение.

В отрицательном правоотношении ($g < 0$) субъективное право избыточно закрыто юридической обязанностью ($|z| < |s|$), что говорит о нарушении баланса (дисбалансе) в правоотношении, а следовательно, нарушении главного правового принципа – принципа справедливости.

Балансовое уравнение: $g = z + s = 0$ уместно назвать уравнением правового баланса (далее – УПБ). Оно в полной мере отражает суть аксиомы № 1 и принципа справедливости применительно к любой юридической (правовой) системе.

Важно отметить, что пары частиц в конкретных правоотношениях всегда имеют разные заряды. То есть в правовой системе притягиваются только разноименные заряды – z -частицы и s -частицы. Одноименные заряды – z -частица и z -частица, s -частица и s -частица – «отталкиваются». Подобные соотношения в правовой системе невозможны. Иными словами, в данном правоотношении субъективное право одного субъекта мы не можем закрыть субъективным правом другого. То же самое относится и к юридической обязанности. Правоотношение всегда образует только пара z -частица и s -частица, содержащая в себе конкретные субъективные права и юридические обязанности.

Теперь, понимая смысл и суть свободы, обратимся к такому правовому явлению, как деяние, под которым юридическая теория понимает действие либо бездействие субъектов правовых отношений, имеющих юридическое значение. Всякое деяние характеризуется определенным количеством свободы. При этом положительная свобода – это зло, а отрицательная – добро. Поэтому понятия добра и зла всего лишь характеризуют соответствующий вид свободы, не являются первичными и могут быть точно измерены в единицах измерения свободы.

Нулевой уровень свободы в деянии говорит о том, что оно нейтрально – не содержит в себе ни добра, ни зла – следовательно, ни отрицательной (добро), ни положительной (зло) свободы.

Стоит отметить, что понятия добра и зла, представленные в научной литературе, довольно туманны, поскольку их пытаются представить, как первичные и самостоятельные категории, описывающие конкретные явления. На самом же деле, *добро* и *зло* – производные и вторичные понятия, характеризующие конкретный вид свободы в поведении субъектов моральных и правовых оценочных пространств, что можно показать на математической модели, связывающей свободу и деяния. Обозначим свободу буквой L , а деяния буквой x , и получим зависимость: $x = -L$. То есть отрицательную линейную функцию, проходящую через II и IV квадранты декартовой системы координат, пропорционально связывающую свободу и деяния. Эта функция показывает распределение добра и зла в деяниях в зависимости от количества и направления (знака) величины свободы. При этом свобода выступает в качестве независимой переменной, а деяния – зависимой.

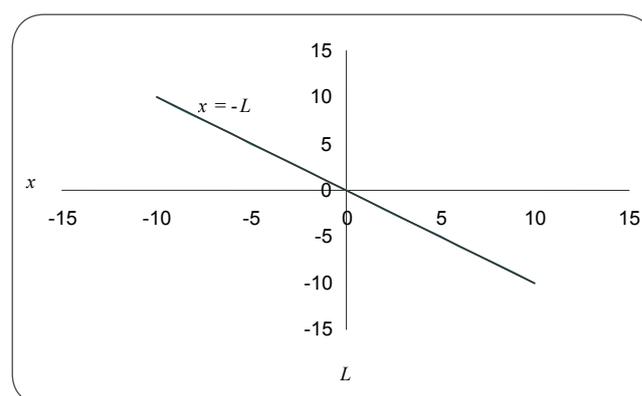

Рис. 3. Зависимость деяний от свободы*

(Fig. 3. Dependence of acts on freedom)

* Источник: составлено автором.

Нетрудно заметить, что *положительные деяния образуются только при отрицательных значениях уровня свободы* и возрастают по мере уменьшения уровня свободы.

Напротив, *отрицательным деяниям соответствуют только положительные значения уровня свободы*, и величина злодеяний растет по мере увеличения количества свободы.

В начале отсчета содержатся деяния, имеющие нулевой уровень свободы (ни положительный, ни отрицательный) – те деяния, которые мы не можем отнести ни к добру, ни к злу.

Таким образом, приходим к следующим выводам:

Во-первых, координата $(0; 0)$ на плоскости «свобода-деяния» показывает, что свобода индивида и общества сбалансированы в данном виде деяний – индивид ничего не отдает и не приобретает в ходе общественного отношения.

Во-вторых, если $L < 0, x > 0$ – значит, что в правоотношениях (или шире – общественных отношениях) индивид жертвует собственной свободой (своими интересами) в пользу общества, на благо других людей или участников правоотношений, увеличивает их персональную свободу, удовлетворяет их потребности, работает на чужое счастье.

В-третьих, если $L > 0, x < 0$ – значит, что индивид или участник правоотношений противопоставляет себя обществу, другим людям, «похищает», «присваивает» себе их свободу в собственных интересах, для удовлетворения своих личных потребностей, достижения персонального счастья. Увеличивает персональное благополучие за счет других. При этом неважно, о каких субъектах идет речь. Сюда в равной мере могут относиться физические и юридические лица, государства и их структурные составляющие.

Именно поэтому следующая математическая модель – модель юридической ответственности на плоскости [2] (рис. 4) однозначно представляет функцию вида: $y = x$, (где x – деяния субъектов общественных (правовых) отношений, y – оценка деяния обществом (компетентными органами государства)) как *функцию справедливости*.

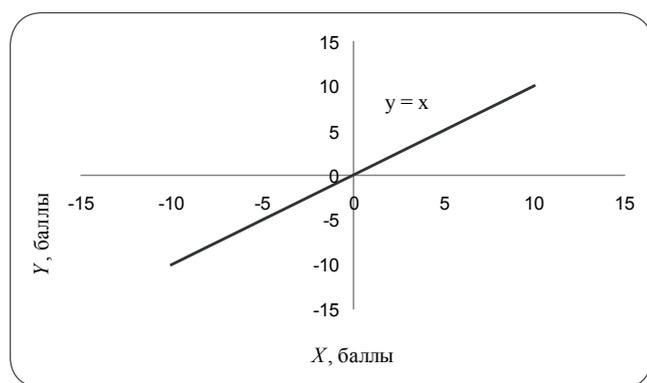

Рис. 4. Математическая модель юридической ответственности с функцией справедливости*
(Fig. 4. Mathematical model of the legal liability with the function of fairness)

* Источником: составлено автором.

Индивид как субъект правоотношения в идеале получает ровно такую награду, которую он заслужил, жертвуя личной свободой во имя общества и государства – это отражено в первом квадранте декартовой системы координат, представляющей поле позитивной юридической ответственности. Например, субъект правоотношения получает звезду героя России за то, что он совершил подвиг, а подвиг связан с высочайшей долей риска – вплоть до утраты собственной жизни во имя спасения других. С другой стороны, преступник по справедливости получает от общества такое возмездие (наказание), на сумму которого он причинил ущерб другим людям (субъектам правоотношений), что показано в третьем квадранте (поле негативной юридической ответственности). В функции справедливости четко и строго выражается баланс общественного и личного интереса в правоотношениях. Функция справедливости представлена простейшим линейным уравнением вида: $y = a + bx$, где x – деяния в баллах, y – оценка деяний в баллах, $a = 0$, $b = 1$. Деяния и оценки деяний могут измеряться в любых удобных единицах, например, в единицах времени или денежных средств. Допустим, что юриста-исследователя интересует вопрос опозданий сотрудников на работу. Опоздание на работу – трудовое правонарушение. Опоздание можно точно измерить в минутах, приняв за нуль время прибытия на работу [3]. С другой стороны, работник может прибывать на рабочее место досрочно, и это характеризует его в системе юридической ответственности с положительной стороны. То есть работник, прибывший на рабочее место досрочно, жертвует личной свободой (в данном случае личным временем) в интересах своего трудового коллектива. Работник же, допустивший прогул или опоздавший на работу, действует против интересов и свободы трудового коллектива, незаконно расширяя собственную свободу, за что и несет дисциплинарное взыскание, пропорциональное величине его проступка.

Поле позитивной юридической ответственности расположено в первом (I) квадранте декартовой системы координат, а поле негативной – в третьем (III), что ясно отражает юридико-математический смысл юридической ответственности. Функция справедливости в математической модели юридической ответственности является единствен-

но возможной математической функцией, точно связывающей конкретные деяния и их оценки. Именно поэтому данная математическая функция и получила точное название – функция справедливости. Любая другая (линейная или нелинейная) функция в данной модели не может выступать в качестве эталонной функции справедливости, ибо *не будет давать ноль в разности пар «деяние и оценка»*.

Выводы

1. Основным фундаментальным понятием юриспруденции является свобода, под которой понимается мера возможного и должного, мера добра и зла – количественная, переменная величина, способная принимать, как положительные, так и отрицательные значения [1] в пределах от минус бесконечности до бесконечности: $-\infty < L < \infty$, где L – уровень свободы. В отличие от других единиц измерения свобода (L) может точно измеряться в разных единицах измерения.

2. Правовая система строго состоит из пар разно заряженных элементарных z - и s -частиц, которые взаимно «притягиваются», в то время как одноименные заряды «отталкиваются». Субъективное право (z -частица) – это положительно заряженная элементарная частица права, поскольку она содержит в потенциале положительную свободу. Юридическая обязанность (s -частица) – отрицательно заряженная элементарная частица права, содержащая в потенциале отрицательную свободу. Простейшая правовая (юридическая) система, равно как и элементарное правоотношение всегда состоит из двух частиц – субъективного права и юридической обязанности: $g = z + s$, где g – правоотношение, z – субъективное право, s – юридическая обязанность.

3. Основная аксиома права – аксиома № 1 гласит: *в идеальной правовой системе всякое субъективное право одного субъекта данного конкретного правоотношения должно быть полностью удовлетворено (покрыто) юридической обязанностью другого*.

4. В неидеальной правовой системе имеет место неравенство: $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, а следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – *принципа справедливости*. В положительном правоотношении ($g > 0$) субъективное право остается полностью либо частично не закрытым

юридической обязанностью ($|z| > |s|$), что говорит о пробеле в законодательстве, регулирующем данное правоотношение. В отрицательном правоотношении ($g < 0$) субъективное право избыточно закрыто юридической обязанностью ($|z| < |s|$), что говорит о нарушении баланса (дисбалансе) в правоотношении, а, следовательно, нарушении главного правового принципа – принципа справедливости.

5. Всякое элементарное правоотношение (g) содержит в себе внутреннюю энергию ($L_{ю}$) – энергию движения и взаимодействия z - и s -частиц, носителями которых в реальных правоотношениях выступают физические и юридические лица в многообразных своих проявлениях.

6. Количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении, всегда равна единице и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z - и s -частиц.

7. Работающее правоотношение (\overline{g}) следует рассматривать, как векторную величину – направленное перераспределение свободы от должника к кредитору.

8. Всякое деяние характеризуется определенным количеством свободы. При этом положительная свобода – это зло, а отрицательная – добро.

9. Функция справедливости однозначно описывается в математической модели юридической ответственности уравнением: $y = x$, где x – деяния субъектов общественных (правовых) отношений, y – оценка деяния обществом (компетентными органами государства). Любая другая функция *не будет давать ноль в разности пар «деяние и его оценка»*.

Список литературы

1. Ольков С.Г. Матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности. Вероятность нахождения системы судей в справедливом и несправедливом состоянии // Публичное и частное право. 2014. № 1 (XXI). С. 37–42.
2. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства // Актуальные проблемы правоправедения. 2004. № 1 (7). С. 196–204.
3. Ольков С.Г. О сверхточной математической модели юридической ответственности // Актуальные проблемы правоправедения. 2007. № 2. С. 142–146.

В редакцию материал поступил 27.10.14

© Ольков С. Г., 2014

Информация об авторе

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет

Адрес: 628412, г. Сургут, проспект Ленина, 1, тел.: (3462) 76-28-93

E-mail: olkovsg@mail.ru

Как цитировать статью: Ольков С.Г. Юридикоматематическая модель системы права, правоотношений и юридической ответственности // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 279–285.

S. G. OL'KOV,

Doctor of Law, Professor

Surgut State University, Surgut, Russia

JURIDICAL-MATHEMATICAL MODEL OF THE SYSTEM OF LAW, LEGAL RELATIONS AD LEGAL LIABILITY

Objective: to the oretically prove the fundamental juridical notions through the author's juridical-mathematical model of the system of law, legal relations and legal liability.

Methods: 1) observation, analysis and synthesis; 2) deduction and induction; 3) using the laws of formal logic; 4) formal juridical; 5) mathematical modelling; 6) research of mathematical functions; 7) building graphs.

Results: The author 1) proved the definitions of freedom, good, evil and fairness; 2) formulated the basic axiom of law; 3) introduced into scientific circulation the notion of *elementary oppositely charged z- and s-particles of the legal system*; 4) built a mathematical model linking the subjective rights and legal liabilities, a mathematical model of ideal (theoretical) legal relations, a mathematical dependence of acts on freedom, a mathematical dependence of acts evaluation on acts.

Scientific novelty: 1) the basic axiom of law is formulated: in ideal legal system each subjective right is fully correspondent to a legal liability; 2) it is proved that the legal system consists of pairs of elementary oppositely charged z- and s-particles, which are mutually "attracted", while the similar charges are "repelled"; 3) the dependence between z- and s-particles of the legal system is stated, in the form of equation: $s = -z$; 4) the equation of legal balance is formulated: $g = z + s = 0$; 5) it is proved that the "working" legal relation should be viewed as a vector value – the directed redistribution of freedom from the debtor to the creditor; 6) it is proved that the amount of freedom in a closed legal relation is constant, as the aggregate freedom always equates to 1, and consists of the shares of freedom forming the legal relation between z- and s-particles; 7) it is proved that in a non-ideal legal system there is an inequality: $|z| \neq |s|$, there is an obvious misbalance in legal relation, consequently, the main principle is violated – the principle of fairness; 8) the mathematical model is built, linking freedom and acts of the legal relations subjects: $x = -L$; 9) fairness function is represented as an equation: $y = x$ in the two-dimensional evaluation space "act – evaluation of act"; 10) basing on the analysis of the mathematical functions, the introduced axiom and the fundamental notion of freedom, the definitions of good, evil and fairness are given.

Practical value: possibility to use the obtained scientific results for the development of various juridical theories.

Key words: law; legal relations; legal system; subjective rights; legal liabilities; freedom; fairness; mathematical function; substance; energy; s-particles; z-particles; legal liability; good; evil.

References

1. Ol'kov, S.G. Matritsa sostoyanii soglasovannosti tochnykh, sub"ektivnykh i ob"ektivnykh otsenok v sisteme yuridicheskoi otvetstvennosti. Veroyatnost' nakhozheniya sistemy sudei v spravedlivom i nespravedlivom sostoyanii (*Matrix of coordination conditions of precise, subjective and objective valuations in the system of legal liability. Probability of the judges' system being in a fair and unfair condition*). *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2014, no. 1 (XXI), pp. 37–42.

2. Ol'kov, S.G. Yuridicheskaya otvetstvennost' i mnogomernye otsenochnye prostranstva (*Legal liability and multi-dimensional evaluation spaces*). *Aktual'nye problem pravovedeniya*, 2004, no. 1 (7), pp. 196–204.

3. Ol'kov, S.G. O sverkhtochnoi matematicheskoi modeli yuridicheskoi otvetstvennosti (On the high-accuracy mathematical model of legal liability). *Aktual'nye problem pravovedeniya*, 2007, no. 2, pp. 142–146.

Received 27.10.14

Information about the author

Ol'kov Sergei Gennad'evich, Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law, Surgut State University

Address: 1 Lennin Prospekt, 628412, Surgut, tel.: (3462) 76-28-93

E-mail: olkovsg@mail.ru

How to cite the article: Ol'kov S.G. Juridical-mathematical model of the system of law, legal relations ad legal liability. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 279–285.

© Ol'kov S. G., 2014

УДК 343.91

А. Л. РЕПЕЦКАЯ,

*доктор юридических наук, профессор, заместитель директора
Иркутский юридический институт – филиал Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск, Россия,*

Ю. В. ЗЫРЯНОВА,

*инспектор отдела процессуального контроля
Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Хакасия, г. Абакан, Россия*

ТЕХНОЛОГИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ КАК МЕРА СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

Цель: рассмотреть необходимость и целесообразность использования технологий восстановительного правосудия как меры специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи.

Методы: совокупность общенаучных и частнонаучных методов.

Результаты: В статье рассматриваются вопросы реализации технологий восстановительного правосудия (медиации) в уголовном судопроизводстве, в том числе при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о насильственных преступлениях, совершенных в семье в отношении несовершеннолетних, о целесообразности и пределах их применения. Авторы приходят к выводу о том, что восстановительные программы как таковые призваны выполнять ту же функцию, что уголовная юстиция: реагировать на преступление. Основными задачами использования медиации в уголовном процессе России является не замена официального уголовного судопроизводства, а его дополнение, а основными используемыми формами, применительно к рассматриваемым преступлениям: неформальное посредничество между пострадавшим и правонарушителем.

Научная новизна: заключается в том, что в статье рассматриваются вопросы реализации технологий восстановительного правосудия как меры специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи, раскрывается их сущность, а также рассматриваются вопросы пределов их применения в следственной и судебной практике.

Практическая значимость: Сформулированные в статье выводы могут быть использованы в научной, правоприменительной деятельности и учебном процессе.

Ключевые слова: насилие в семье; несовершеннолетние; восстановительное правосудие; медиация; восстановительные технологии; уголовное судопроизводство; общественные суды; правонарушитель; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Введение

Статьей 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определено, что назначением уголовного судопроизводства, наряду с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, которая среди указанных задач поставлена на первое место. Особенно остро вопрос защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений встает,

когда таковыми являются дети, а преступниками – взрослые члены их семей.

Государством также признано, что одной из основных проблем в сфере детства на сегодняшний день является распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей, а также то, что в Российской Федерации отсутствует эффективная система защиты детства¹. Все это позво-

¹ Национальная стратегия действий в интересах детей

ляет констатировать, что необходимо неотложное принятие мер, направленных на предупреждение семейного насилия в отношении детей, на их защиту. Одной из задач, которые в данном направлении ставит перед собой государство, является создание действенной системы предотвращения насилия в отношении несовершеннолетних, а также организация деятельности учреждений, специалистов, волонтеров по социально-психологической реабилитации детей – жертв насилия и оказанию помощи следственным органам при расследовании преступных посягательств в отношении детей².

В связи с этим представляется весьма целесообразным и актуальным рассмотрение вопроса о технологиях восстановительного правосудия, в частности медиации, как одной из мер предупреждения, необходимости и пределах ее применения в уголовном судопроизводстве, когда такое связано как с расследованием, так и с судебным рассмотрением уголовных дел о насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних членов семьи.

Ведь именно восстановительный подход при разрешении ситуаций семейного насилия может содействовать исцелению жертвы, нормализации отношений жертвы и обидчика, инициированию участия правонарушителя в исправлении нанесенного им вреда и привлечению местных сообществ к разрешению насильственных ситуаций в семье [2, с. 161]. Кроме того, это поможет более детально выяснить истинные причины и условия совершения отдельных преступлений, изучить личность преступника и жертвы, обстоятельства совершения преступления и, как следствие, эффективно предупредить совершение новых преступлений.

Объективности ради отметим, что использование в уголовной юстиции медиации (медиативных технологий) либо других форм урегулирования конфликтов, приближенных к местным обычаям и ориентированных на достижение соглашения сторон, заглаживание вреда и восстановление здоровья жертвы, получило название «restorative justice» (восстановительное правосудие)³. Для обозначения

указанных процессов также употребляются и иные термины, например, технологии восстановительного правосудия, восстановительный подход, восстановительные программы и т. д.

В соответствии с восстановительной парадигмой основная цель правосудия – восстановление, понимаемое не формально-юридически как восстановление нарушенного правопорядка, установленного государством (при полном фактическом равнодушии к драме жертвы), но в широкой социально-антропологической рамке – как исцеление жертвы, реальное (а не виртуальное) возмещение ей причиненного преступлением вреда, искупление вины обидчиком, взятие им на себя ответственности, восстановление нарушенных отношений в социальной общности. Основными действующими лицами, решающими проблемы, связанные с конкретным преступлением, его причинами и последствиями, становятся сами участники события: правонарушитель и жертва [2].

Между тем восстановительное правосудие как таковое призвано выполнять ту же функцию, что уголовная юстиция – реагировать на преступление.

Результаты исследования

В 2010 г. в России принят закон о медиации⁴. Данный федеральный закон разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнер-

сам, участниками которых являются взрослые люди, в то время как понятием *r paration* охватывается только уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних. В Германии используется термин *T ter-Opfer-Ausgleich*, а в Австрии – *Au bergerichtlicher Tatausgleich*. Норвежцы назвали свою модель – *konflikt and mediation*. В Соединенном Королевстве термины *mediation* и *reparation* вначале были взаимозаменяемы, кроме того, необычайно быстро стало популярным понятие *restorative justice*. Такое разнообразие в терминологии обусловлено различиями в происхождении, целях и замысле программ медиации. (См.: Рекомендации № R (99) 19, принятые Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., подготовленные Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах, учрежденным Европейским комитетом по проблемам преступности).

⁴ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. URL: <http://www.rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html> (дата обращения: 10.10.2014)

на 2012–2017 гг., утвержденная указом президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. URL: base.garant.ru/70183566/ (дата обращения: 10.10.2014)

² Там же.

³ Небезынтересно, к примеру, что во Франции термин *m diation* в юридической лексике применяется к процес-

ских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений. Законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений.

Таким образом, сфера уголовно-правовых отношений из сферы регулирования данного закона «выпадает», что является не совсем правильным, так как медиативные процедуры в уголовном процессе могли бы иметь весьма действенное предупредительное значение. Однако представляется, что основные задачи восстановительного правосудия при этом состоят не в том, чтобы заменить официальное, а в том, чтобы дополнить его, акцентируя внимание на тех аспектах преступления, которые остаются вне поля внимания официального уголовного процесса.

Существующее правосудие отличает невнимание к нуждам жертв преступлений. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверия к людям, в компенсации материального ущерба. Болезненные переживания – страх, горе, незащитность, недоверие к людям, самообвинение – могут много лет мучить жертву. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от преступника.

Следует отметить и то обстоятельство, что после совершения преступления чаще всего внимание общества сосредоточивается на преступнике. Вместе с тем о жертве и ее близких, которым в результате преступления причиняется вред, забывают [3].

Существует много различных форм и экспериментов с восстановительным правосудием в разных странах мира.

Так, в Рекомендациях № R (99) 19, принятых Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., подготовленных Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах, учрежденным Европейским комитетом по проблемам преступности, приведены следующие возможные модели медиации:

1. *Неформальное посредничество* осуществляется работниками органов уголовной юстиции в

ходе их обычной работы. Применительно к процессу медиации в отношении насильственного преступника и его несовершеннолетней жертвы эта модель в основном и используется в России. Специфика этой модели применительно к описываемым преступлениям заключается в том, что поскольку их жертвами являются дети, то целесообразно было бы, чтобы такое посредничество осуществлялось с участием их законных представителей, а также педагогов и психологов.

2. *Традиционные деревенские или племенные сходы* – это древнее установление, предполагающее, что все сообщество встречается для разрешения споров и уголовных конфликтов между его членами, до сих пор распространено в менее развитых странах и сельских районах. Сходы характерны для тесно сплоченных сообществ, которых уже не найти в современных развитых странах. В современной России эта модель вообще не встречается.

3. Говоря о медиации в уголовных делах, многие имеют в виду модель *посредничества между пострадавшим и правонарушителем*. Предполагается, что стороны (при этом число как правонарушителей, так и пострадавших не ограничивается) встречаются в присутствии специально назначенного медиатора, ведущего встречу бескорыстно или за плату. Участвовать в примирительной встрече могут сразу обе стороны (прямое посредничество) или, если пострадавший не желает видеть правонарушителя, встречи организуются с каждой стороной отдельно (непрямое посредничество). Варианты этой модели многообразны.

И действительно бывают ситуации, когда совместные встречи преступника и жертвы устраивать достаточно «сложно». К таким можно отнести случаи сексуального насилия в отношении ребенка. Является ли в данном случае процедура примирения целесообразной? Не будет ли встреча с преступником очередной психологической травмой для потерпевшего, которым является ребенок? При этом следует помнить, что в основе сексуального насилия лежит, как правило, не конфликт, а удовлетворение сексуальных потребностей, самоутверждение за счет ребенка, в редких случаях месть. Ответ на данный вопрос является неоднозначным и должен решаться «по ситуации» в зависимости от возраста ребенка, обстоятельств совершения преступления и других факторов.

Важно помнить, что прежде чем использовать медиативные процедуры, надо обязательно убедиться, что стороны желают этого, в добровольности их согласия и в том, что они способны осознавать происходящее, что по итогам состоявшихся встреч и обсуждений способны сделать для себя какой-то вывод.

Между тем это фактически «классический» способ медиации, который может применяться на любой стадии движения дела, а медиаторами могут выступать как сотрудники правоохранительных органов, так и независимые лица либо специализированные организации. Особенно действенным представляется данный способ при наличии «семейных конфликтов», обусловленных поведением преступника и (или) потерпевшего, так и вызванного вследствие ситуативных факторов.

При осуществлении данной модели в урегулировании конфликта, связанного с применением насилия в отношении несовершеннолетнего члена семьи, посредником между пострадавшим и правонарушителем могут быть педагоги и психологи, а в случаях, когда жертве сложно общаться с преступником – ее законный представитель.

4. *Программы переговоров о компенсации* существуют единственно для того, чтобы определить размер материальной или иной возможной компенсации причиненного вреда, которую должен будет выплатить правонарушитель пострадавшему на основании решения суда. В рамках программ переговоров о компенсации не ставится цель примирить стороны, но лишь оговариваются условия выплаты материального возмещения.

5. *Общественные суды* предполагают передачу уголовных дел на рассмотрение местным сообществам по принятым в нем правилам, которые отличаются большей гибкостью и отсутствием формализма, часто включают в себя элементы посредничества и переговоров. Местные власти могут создавать свои органы по проведению посредничества. Однако в России данная форма фактически вообще не применяется, не говоря о ее использовании в уголовных делах рассматриваемой категории.

6. *Семейные и общественные конференции*. Здесь предполагается встреча не только пострадавшего и правонарушителя, но также родных и близких правонарушителя, представителей таких учреждений, как полиция и органы юстиции для молодежи и несовершеннолетних, а также

иногда и сторонников пострадавшего. От правонарушителя и членов его или ее семейства требуется выработать всеобъемлющее соглашение, содержащее пункты о компенсации, взысканиях, обязательствах, которое было бы приемлемо для пострадавшего и позволяло бы правонарушителю избежать дальнейших неприятностей⁵.

Применительно к разрешению конфликтов рассматриваемой категории эта модель может хорошо работать, если есть организатор таких встреч. В качестве организатора может выступать как родственник потерпевшего/преступника (поскольку оба они являются членами одной семьи), так и представитель государственных или общественных организаций. Известно, что многие семьи не любят публичности в решении проблемных вопросов своей семьи и вмешательства в нее извне. Поэтому когда в урегулировании участвуют родственники пострадавшего и преступника, которые знают ситуацию «изнутри», легче решить конфликт, да и несовершеннолетнему легче доверять и проще рассказать о своих проблемах людям, которых он знает с детства.

Таким образом, для реализации целей предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи, нейтрализации его последствий оптимальными медиативными моделями являются: использование неформального посредничества; посредничество между преступником и жертвой, а также семейные конференции.

Заметим, что определенные «идеи» восстановительного правосудия содержатся и в отечественном уголовном законодательстве. Так, в УК РФ и УПК РФ предусмотрены процедура прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). Однако, как верно отмечено исследователями вопросов восстановительного правосудия, предусматривая возможность примирения сторон, российский закон ничего не говорит, как именно стороны приходят к примирению, не регламентирует данную процедуру [4]. Это является достаточно негативным

⁵ Рекомендации № R (99) 19, принятые Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., подготовленные Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах, учрежденным Европейским комитетом по проблемам преступности. URL: <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/11/> (дата обращения: 10.10.2014)

моментом, так как большинство уголовных дел о насильственных преступлениях небольшой и средней тяжести, совершенных в семье в отношении несовершеннолетних в судах прекращается именно по этому основанию. Как таковые примирительные процедуры не проводятся, причины и условия, способствующие возникновению конфликтных ситуаций, а следовательно, и совершению преступлений, не устраняются, «последствия» примирения не проверяются, что в последующем способствует повторению подобных ситуаций, совершению повторных более тяжких преступлений в одних и тех же семьях.

Вот здесь-то в качестве «дополнения» существующего уголовного процесса процедуры восстановительного правосудия, а именно медиации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, в частности по делам о насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних членов семьи, могли бы реализовать себя в полной мере.

Между тем, думается, что указанные примирительные процедуры должны использоваться не только по определенным категориям уголовных дел, которые указаны в законе (небольшой и средней тяжести), но и по более тяжким преступлениям. Это связано в первую очередь с тем, что потерпевший, несмотря на тяжесть преступления и причиненные им последствия, все-таки «пришел» к примирению с преступником. При наличии заглаживания вреда перед потерпевшим, указанные обстоятельства могут учитываться в качестве смягчающих при назначении наказания. На сегодняшний же день примирение с потерпевшим в уголовно-процессуальной сфере, как правило, носит формальный характер. Речи о раскаянии и извинении перед потерпевшим вести не приходится. В то же время без проработки подобных моментов сложно говорить об осознании вины и эффективном действии уголовной превенции.

Нельзя не сказать, что для того, чтобы движение восстановительного правосудия всесторонне реализовывалось и развивались программы примирения в семье, необходима поддержка со стороны государства по созданию и функционированию специальных организаций, реализующих технологии восстановительного правосудия. Большинство сторонников данного движения считают, что этим должны заниматься только общественные

организации, и с этим следует согласиться, так как создание таких организаций в сети государственных органов, может оттолкнуть население от обращения за помощью к специалистам [1].

Между тем такие общественные организации и государственные органы должны работать в тесном взаимодействии, заключающемся в осознании необходимости технологий восстановительного правосудия со стороны государства и принятии соответствующих правовых решений по результатам таких программ примирения каждым государственным органом в соответствии со своей компетенцией.

С учетом тяжести, с точки зрения последствий для ребенка, полностью подменять существующие процедуры уголовного судопроизводства восстановительным правосудием нельзя, это приведет, на наш взгляд, к безнаказанности и росту преступности, нарушению принципов уголовного права и недостижению превентивных целей.

Участие в процессе медиации все же позволит *пострадавшему* выразить свое отношение к происшедшему, а также получить извинения и объяснения от обидчика. Это обычно помогает справиться с гневом и страхом, что способствует лучшему исцелению душевных травм в дальнейшем. Особенно это эффективно, если потерпевший – ребенок или подросток. Оставшиеся неразрешенными психические травмы обычно оказываются очень глубокими и могут влиять на всю взрослую жизнь человека.

Некоторые пострадавшие, видя готовность правонарушителя принять на себя ответственность, могут пожелать пойти ему навстречу и простить его. Что касается *правонарушителя*, предоставление ему возможности объясниться с несовершеннолетним потерпевшим, который, как правило, остается связанным с ним и в дальнейшем, осознать содеянное, принести ему извинения – важное средство дать правонарушителю понять, что он совершил и зачем, прочувствовать причиненный им вред, а также боль и страдания, которые претерпел потерпевший. Таким образом, медиация способствует социальной реабилитации правонарушителя и возвращению его в общество.

Выводы

Следует констатировать, что в настоящее время восстановительный подход противостоит существующему в современном уголовном правосудии

отношению к обвиняемому, согласно которому он должен быть однозначно наказан за содеянное. Использование уголовного правосудия считается доминирующим, поскольку без него исправить преступника, без использования «государственной машины» невозможно. Идея же восстановительного правосудия основывается на оптимистичных воззрениях, в частности представлении о том, что человек способен к позитивным изменениям без применения к нему наказания, применение которого за многие столетия его существования показало свою низкую эффективность.

Однако абсолютно верно указано президентом Российской Федерации в одном из Посланий Федеральному собранию Российской Федерации, что, к сожалению, в настоящий момент у нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений⁶. Это свойственно и для сферы уголовного судопроизводства. Однако этому нужно учиться.

Кроме того, наше общество, несмотря на провозглашение идеи гуманизма, не готово в полной мере к радикальным изменениям устоявшейся системы уголовного судопроизводства в виде полной замены в определенных случаях технологий традиционной системы на восстановительное правосудие. Думается, в случаях совершения насильственных преступлений в отношении собственных детей, которые, как правило, продолжают оставаться связанными с теми, кто допустил такое поведение, медиация должна стать одним из

основных способов урегулирования нарушенных отношений. Между тем технологии восстановительного правосудия должны существовать параллельно с текущим уголовным процессом, «идти нога в ногу», сопровождая друг друга.

Итак, на вопрос о необходимости осуществления восстановительных процедур в уголовном процессе и пределах их применения при производстве по уголовным делам о насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних в семье, и иных категориях уголовных дел, пожалуй, стоит дать положительный ответ, с условием, что медиация как способ урегулирования уголовно-правовых конфликтов не будет подменять уголовное судопроизводство. Поэтому представляется необходимым регламентировать процедуры медиации в законодательстве, четко определив их место в уголовном процессе. Осуществление такой работы заложит основы успешного предупреждения рецидива применения насилия в семье.

Список литературы

1. Шакина В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 204 с.
2. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 42–44.
3. Максудов Р. Восстановительное правосудие. URL: http://index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm (дата обращения: 10.10.2014)
4. Карнозова Л.М. Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Адвокат. 2012. № 12. С. 34–46.

В редакцию материал поступил 29.09.14

© Репецкая А. Л., Зырянова Ю. В., 2014

Информация об авторах

Репецкая Анна Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора, Иркутский юридический институт – филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

Адрес: 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4
E-mail: repetsk@mail.ru

Зырянова Юлия Вениаминовна, инспектор отдела процессуального контроля, следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Хакасия

Адрес: 655017, г. Абакан, ул. Крылова, 68а
E-mail: yv_z@mail.ru

⁶ Послание президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/14088> (дата обращения: 10.10.2014)

Как цитировать статью: Репецкая А.Л., Зырянова Ю.В. Технологии восстановительного правосудия как мера специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 286–292.

A. L. REPETSKAYA,

Doctor of Law, Professor, Deputy Director

Irkutsk Juridical Institute – branch of Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice, Irkutsk, Russia,

YU. V. ZYRYANOVA,

Inspector of the Department of Procedural control

Investigation Office of Investigation Committee of the Russian Federation in Khakass Republic, Abakan, Russia

TECHNIQUES OF REHABILITATION JUSTICE AS A MEANS OF SPECIAL-CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF VIOLENT CRIMES AGAINST UNDER-AGED FAMILY MEMBERS

Objective: to view the necessity and appropriateness of using the techniques of rehabilitation justice as a means of special-criminological prevention of violent crimes against under-aged family members.

Methods: a system of general scientific and private scientific methods.

Results: The article views the issues of implementation of rehabilitation techniques (mediation) in legal procedures, including investigating and cognizance of violent crimes committed in families against under-aged children, as well as their appropriateness and limits of application. The authors conclude that rehabilitation programs as such should perform the function of criminal justice, i.e., to react to a crime. The main tasks of using mediation in the Russian criminal procedure should be not substituting the official criminal court procedure, but supplementing it. The main form concerning these types of crimes should be informal mediation between the victim and the offender.

Scientific novelty: The article views the issues of rehabilitation justice techniques as a means of special-criminological prevention of violent crimes against under-aged family members. Their essence is revealed. The issues of limits of their application in the investigation and court practice are discussed.

Practical value: The conclusions formulated in the article can be used in scientific, law-enforcement practice and in education.

Key words: violence in the family; under-aged children; rehabilitation justice; mediation; rehabilitation techniques; criminal court procedure; public courts; offender; Criminal-Procedural Code of the Russian Federation

References

1. Shakina, V.A. *Zhenshchina kak zhertva semeinogo nasiliya v supruzheskikh otnosheniyakh: problemy, prichiny, preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk* (Woman as a victim of family violence in spouse relations: problems, causes, prevention: PhD (Law) thesis). Irkutsk, 2002, 204 p.
2. Karnozova, L., Maksudov, R., Flyamer, M. Vosstanovitel'noe pravosudie: idei i perspektivy dlya Rossii (Rehabilitation justice: ideas and prospects for Russia). *Rossiiskaya yustitsiya*, 2000, no. 11, pp. 42–44.
3. Maksudov, R. *Vosstanovitel'noe pravosudie* (Rehabilitation justice), available at: http://index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm (accessed: 10.10.2014)
4. Karnozova, L.M. Vosstanovitel'noe pravosudie v rossiiskoi pravovoi sisteme (Rehabilitation justice in the Russian legal system). *Advokat*, 2012, no. 12, pp. 34–46.

Received 29.09.14

Information about the authors

Repetskaya Anna Leonidovna, Doctor of Law, Professor, Deputy Director, Irkutsk Juridical Institute, branch of Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice

Address: 4 Nekrasov Str., 664011, Irkutsk

E-mail: repetsk@mail.ru

Zyryanova Yuliya Veniaminovna, Inspector of the Department of Procedural Control, Investigation Office of Investigation Committee of the Russian Federation in Khakass Republic

Address: 68a Krylov Str., 655017, Abakan

E-mail: yv_z@mail.ru

How to cite the article: Repetskaya A.L., Zyryanova Yu.V. Techniques of rehabilitation justice as a means of special-criminological prevention of violent crimes against under-aged family members. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 286–292.

УДК 343.98:343.72

А. Ю. ШАПОШНИКОВ,

кандидат юридических наук

Самарский государственный университет, г. Самара, Россия

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ВИРУСОВ¹

Цель: рассмотреть и проанализировать механизм совершения мошеннических действий с использованием компьютерных вирусов; требующих перечисления денежных средств; определить квалификацию преступлений данного вида; разработать рекомендации по организации расследования данного вида мошенничеств.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который определил выбор конкретных методов исследования: компаративного, герменевтического, дискурсивного, формально-юридического, системного.

Результаты: В результате проведенных исследований определен механизм преступного поведения и его основные стадии, рассмотрен вопрос определения размера материального ущерба, в том числе на этапе возбуждения уголовного дела, предложены отдельные рекомендации по организации раскрытия и расследования преступлений данного вида.

Научная новизна: в статье впервые анализируются криминалистические и уголовно-правовые аспекты практики расследования мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных вирусов, требующих перечисления денежных средств, а также спорные вопросы квалификации преступлений данного вида.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении вопросов раскрытия, расследования и предупреждения компьютерных преступлений.

Ключевые слова: мошенничество; вредоносные компьютерные программы; компьютерные вирусы; Trojan; компьютерные преступления; преступное намерение; хищение денежных средств; электронные платежные системы; пострадавший от мошеннических действий.

Введение

Постоянное развитие и совершенствование компьютерной техники приводит к ее повсеместному распространению, повышению уровня ее доступности для различных слоев населения, а развитие технологий связи обеспечивает возможность подключения к сети Интернет практически в любом месте. Но, как и у большинства достижений научно-технического прогресса, у компьютерной техники есть оборотная сторона – она активно используется злоумышленниками для совершения преступлений.

Одним из наиболее распространенных видов криминального использования компьютерной техники является создание и распространение вредоносных программ. С момента написания первого вируса в ноябре 1983 г. появилось множество компьютерных вирусов и иных угроз [1, 2].

Результаты исследования

Компьютерные вирусы используются злоумышленниками для различных целей: от простого повреждения операционной системы отдельного компьютера, копирования учетных записей пользователя и паролей до создания сети зомбиро-

ванных компьютеров для DOS-атак и хищения средств с использованием электронных платежных систем. В данной статье мы рассмотрим криминалистический и правовой анализ небольшой группы вредоносных программ, требующих перевода денежных средств на номер сотового телефона или электронный кошелек. Специалисты отмечают, что идея требования денег с использованием вирусов появилась именно в России [3]. Опубликованная криминальная статистика², к сожалению, не содержит достаточной информации для оценки реального масштаба ущерба, причиняемого вирусами данного вида, кроме того, огромное количество пострадавших просто не обращаются в правоохранительные органы, что обеспечивает высокий уровень латентности подоб-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 13-13-63001 «Совершенствование правового механизма комплексной охраны собственности от правонарушений, совершаемых путем злоупотребления доверием, использования служебного положения и обмана».

² URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 10.11.2014)

ных правонарушений. Основу рассматриваемой группы вирусов составляют различные вариации «троянецов» (вирусы типа Trojan). В основе данной вредоносной программы лежит принцип «троянского коня». Программа, как правило, скрывается внутри или под видом вложения в электронное письмо, рабочую программу, баннер и другие файлы либо просто загружается с инфицированного сайта. Попав на компьютер, вирус активируется и блокирует нормальную работу операционной системы в целом или отдельных программ, шифрует файлы. Например, вирус **Trojan.Encoder.6** при активации начинал шифровать хранящиеся на жестких дисках файлы документов. Другие виды подобных вирусов активируются при запуске компьютера и не позволяют пользователю загрузить операционную систему. Объединяет все подобные вирусы схожее требование – для разблокирования компьютера или расшифровки файлов пользователю предлагают перевести деньги, как правило, в сумме от 300 до 1 500 рублей на указанный номер электронного кошелька или пополнить счет сотового телефона. В некоторых случаях пользователю предлагают отправить СМС-сообщение на короткий номер, что в итоге приводит к списанию средств со счета абонента. Требование выводится на экран в виде текста, причем, что интересно в России требование написано на русском языке и требуется перевод денежной суммы в рублях, в Украине – в гривнах и т. д. Изучение доступных скриншотов подобных вирусов позволяет отметить ряд интересных особенностей. Прежде всего, привлекает внимание общий подход к содержанию сообщений. Текст требования составлен так, что пользователь прямо обвиняется в совершении преступлений, например в просмотре, хранении и распространении детской порнографии, либо использовании нелегального программного обеспечения. Сообщается, что в виду выявленных преступлений компьютер заблокирован. Пользователю предлагают оплатить штраф или приобрести лицензию, далее приводится инструкция, каким образом и какую сумму пострадавший должен перевести на счет мошенников. В некоторых случаях сообщения содержат эмблемы и логотипы Министерства внутренних дел России или Следственного комитета РФ, составлены от имени данных правоохранительных структур. Встречается вирус, который содержит обвинения и требования от име-

ни лаборатории Касперского. В сообщении, как правило, присутствует угроза, например, «в случае если в течение 12 часов штраф не будет уплачен, все данные на вашем персональном компьютере будут безвозвратно удалены, а дело передано в суд для разбирательства по ч. 1 ст. 242 УК РФ», или «по вашему адресу будет направлена следственно-оперативная группа, для вашего задержания и проведения следственных мероприятий» и т. д. В некоторых случаях в сообщении приводится IP-адрес компьютера, с утверждением, что это адрес компьютера пользователя и что именно с этого IP-адреса рассылается детская порнография. Фактически приведенный в сообщении IP-адрес не имеет никакого отношения к реальному IP-адресу пострадавшего пользователя. Практически все вирусы данного вида содержат строку для введения кода разблокировки. Варианты сообщения данного кода зависят от способа оплаты: если выбраны СМС-сообщения, то код якобы будет прислан на номер сотового; если e-mail, то код якобы пришлют в отвесном письме. Чаще встречается следующее: «в случае оплаты суммы, равной штрафу или превышающей ее, на фискальном чеке терминала будет напечатан код разблокировки», однако на фискальном чеке никакой код отпечатан быть не может, и потерпевший его не найдет. Как показывает анализ сообщений и запросов, связанных с подобными вредоносными программами, подавляющее большинство пользователей пытаются справиться с ними самостоятельно, без обращения в правоохранительные органы [4]. Причем значительное количество обращений содержат сведения о том, что потерпевший уже перечислил требуемую злоумышленником сумму, но так и не получил обещанного кода разблокировки.

Причины, по которым потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, по нашему мнению, кроются в содержании сообщения и сумме «выкупа», требуемой мошенниками.

Подавляющее большинство пострадавших «ловит» вирус при обращении к сайтам, содержащим порнографические материалы, или при скачивании бесплатных файлов с инфицированных торрентов. В нашем обществе просмотр порнографических материалов не одобряется, поэтому потерпевший стремится скрыть подобную неблагоприятную информацию о себе и, следовательно, не обращается в правоохранительные органы. Тоже самое

относится к скачиванию «пиратских» файлов, — опасаясь реальной или мнимой ответственности, пользователь предпочтет не обращаться к представителям закона. Кроме того, требуемая преступниками сумма является относительно небольшой. Если запрошенная сумма менее 1 000 рублей (подавляющее большинство вредоносных программ за разблокировку компьютера требует порядка 800 рублей), то в соответствии с законодательством РФ, этот вид мошенничества подпадает под определение «мелкого хищения». Теряя подобную незначительную сумму, граждане не обращаются в правоохранительные органы, предпочитая решать проблему самостоятельно. Кроме того, большая часть населения России скептически относится к способности правоохранительных органов найти виновных и привлечь их к ответственности. При проведении данного исследования нам не удалось найти ни одного уголовного дела, возбужденного по фактам требования перевода денег за разблокирование компьютера, пораженного вирусом. Пик активности «троянов» данного вида приходился на 2006–2011 гг. В настоящее время основные анти-вирусные программы распознают их и блокируют.

Фактически, авторами подобных вирусов была реализована эффективная система мошеннических действий. По имеющимся данным³, подобные вирусы и схемы мошеннических действий используются и в настоящее время. Нельзя исключать возможности появления новых вирусов, использующих схожий принцип мошенничества, поэтому мы проанализируем некоторые криминалистические и правовые аспекты проблемы установления и привлечения к ответственности виновных.

Одной из основных причин, по которой мошенничество с использованием троянов не вызвало пристального внимания правоохранительных органов, по нашему мнению, является сложность квалификации подобных преступлений.

Прежде всего, следует обратить внимание на сложность самого способа совершения преступления: оно состоит из нескольких этапов, каждый из которых может образовывать отдельное преступление, а все вместе — систему криминального промысла. Так, первоначально должен быть создан компьютерный вирус (правовой термин

— вредоносная программа), что само по себе образует состав преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ. Поскольку троян блокирует доступ к операционной системе, не позволяя пользователю получить доступ к компьютерной информации, он полностью отвечает правовым критериям вредоносной программы. Кроме того, рассматриваемые нами виды вирусов требуют перевода денег, следовательно, создатели и распространители действуют из «корыстной заинтересованности», т. е. их действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 273 УК РФ. На втором этапе вирус активизируется и требует у пострадавшего перевести денежные средства для получения кода разблокирования системы. Подобное требование часто сопровождается угрозой уничтожения информации либо привлечения к уголовной ответственности. Возникает вопрос, каким образом можно квалифицировать данные действия (как мошенничество или как вымогательство), особенно при наличии угроз и временного таймера. Полагаем, что основу выдвигаемых злоумышленниками требований составляют обман и введение в заблуждение, поскольку именно на этом построена основная схема преступления. Потерпевший перечисляет денежные средства не из-за угроз, а поскольку не обладает достаточными знаниями для нейтрализации вируса и его последствий и полагает, что ему действительно пришлют код для разблокирования системы. Поскольку угрозы в сообщении не конкретизированы, непосредственный контакт между преступником и потерпевшим отсутствует. По нашему мнению, потерпевший в данной ситуации располагает определенной свободой выбора, которая отсутствует при вымогательстве. Следовательно, его действия обусловлены не угрозами, а именно обманом и введением в заблуждение, и он, по сути, добровольно отправляется к терминалу и перечисляет деньги. Полагаем, что действия преступников в данном случае должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ. Вместе с тем серьезной проблемой остается вопрос размера причиненного ущерба. Для признания рассматриваемых действий преступлением требуется, чтобы стоимость похищенного превышала 1 000 рублей, когда как подавляющее большинство вирусов-мошенников требует перевода меньшей суммы, как правило, 600–900 рублей. Полагаем, что в данном случае необходимо отталкиваться

³ URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 10.11.2014)

от направленности умысла. При создании и распространении подобного вируса преступники рассчитывают получить денежные средства от неопределенного круга лиц, личностные характеристики которых для них не имеют значения. Значение имеет только общая сумма, полученная в итоге от всех пострадавших. Полагаем, что все мошеннические действия на самом деле образуют одно продолжаемое преступление, охваченное единым умыслом, но направленным изначально на неопределенный круг потерпевших. Таким образом, по нашему мнению, действия виновных образуют состав мошенничества только после того, как общая сумма полученных денежных средств превысит 1 000 рублей, т. е. фактически после того, как второй потерпевший перечислит требуемую сумму.

Выводы

Раскрытие и расследование подобных преступлений требует определенной криминалистической методики, учитывающей специфику не только компьютерных преступлений, но и мошенничества. Для построения системы доказательств необходимо установить:

- 1) факт создания компьютерного вируса, личность его автора;
- 2) факт распространения вируса, способ распространения, способы и схемы сокрытия «трояна», механизм активации, основные действия, совершаемые вирусом;
- 3) факт выдвигания требований о перечислении денежных средств, содержание текстового сообщения, размер требуемой суммы;
- 4) наличие в сообщении ложной или вводящей в заблуждение информации;
- 5) факт передачи (пересылки) денежных средств злоумышленнику;
- 6) факт получения им денежных средств или распоряжение ими по своему усмотрению, в том числе путем создания схемы, при которой они направляются иному лицу.

Необходимость установления и доказывания указанных фактов требуют использования специальных знаний в области программирования, проведения исследований вирусов и способов их распространения. Кроме того, необходимо получение информации от финансовых учреждений или операторов сотовой связи о личности держателей

номеров, карт и счетов, о движении денежных средств, расчетах и т. д. Расследование представляет собой сложный комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. По нашему мнению, сотрудники правоохранительных органов во многом скептически относятся к проблеме организации противодействия «троянам-мошенникам», поскольку полагают, что причиняемый ими ущерб малозначителен. Однако, мы считаем, что подобные компьютерные вирусы представляют серьезную угрозу для всех пользователей, а общий размер ущерба можно установить на основе примерных расчетов. Так, вирус Trojan.RpcTonzil за несколько часов заразил компьютеры более чем 50 тысяч пользователей социальной сети «ВКонтакте» [5]. Предположим, что гипотетический «троян» столь же эффективно распространился через социальную сеть и требует перечислить злоумышленникам 1 000 рублей за разблокирование операционной системы. Даже если злоумышленникам придет деньги только 0,1 % пострадавших, то криминальный доход составит 5 млн рублей.

Полагаем, что данный вид мошенничества, совершаемых с использованием компьютерных вирусов, требует серьезного исследования с целью формирования единого подхода к квалификации и разработки эффективной частной криминалистической методики расследования и предупреждения преступлений данного вида.

Список источников

1. Москапленко Е. Вирус блокирует Windows, требует отправить SMS для разблокировки системы. «Trojan.Winlock.3300». Методы! URL: <http://evgmoskalenko.com/virusy/virus-blokiruet-windows.html> (дата обращения: 10.11.2014)
2. Что такое троянская программа? URL: <http://www.kaspersky.ru/internet-security-center/threats/trojans> (дата обращения: 10.11.2014)
3. В Интернете появилась новая и более опасная модификация троянской программы Trojan.Encoder.6. Портал для вебмастера. URL: <http://wb0.ru/forum/index.php?showtopic=426> (дата обращения: 10.11.2014)
4. Онлайн – Dr.Web. Как разблокировать Windows от вируса вымогателя? URL: <http://serfock.ru/soft/add-soft/online-unlock-windows> (дата обращения: 10.11.2014)
5. Юрина Т. Около 50 тысяч пользователей сетью «ВКонтакте» получили вирус. URL: <http://36on.ru/news/people/30787-okolo-50-tysyach-polzovateley-setyu-vkontakte-poluchili-viru> (дата обращения: 10.11.2014)

В редакцию материал поступил 15.09.14

© Шапошников А. Ю., 2014

Информация об авторе

Шапошников Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, доцент кафедры безопасности информационных систем, Самарский государственный университет

Адрес: 443011, г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1, тел.: (846) 278-09-76

E-mail: shaposhnikoff@mail.ru

Как цитировать статью: Шапошников А.Ю. Криминалистический и уголовно-правовой анализ мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных вирусов // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 302–306.

A. YU. SHAPOSHNIKOV,

PhD (Law)

Samara State University, Samara, Russia

CRIMINALISTIC AND CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS OF FRAUD COMMITTED WITH COMPUTER VIRUSES¹

Objective: to examine and analyze the mechanism of committing fraud using computer viruses, requiring transfer of funds; to determine the qualifications of such crimes; to develop recommendations on the organization of investigation of this type of fraud.

Methods: the dialectic approach to the cognition of social phenomena determined the choice of specific research methods; comparative, hermeneutic, discursive, formal-legal, systemic.

Results: As a result of studies, the mechanism of criminal behavior and its main stages were identified; the issue is viewed of determining the size of the material damage, including at the stage of criminal prosecution; specific recommendations are offered for the organization of the disclosure and investigation of crimes of this type.

Scientific novelty: In the article for the first time the criminalistic and criminal-legal aspects of investigation practice are analyzed for the fraud committed using computer viruses, requiring transfer of funds, as well as controversial issues of qualification of crimes of this type.

Practical value: The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, educational and practical activities when viewing the issues of disclosure, investigation and prevention of computer crimes.

Key words: fraud; malicious computer programs; computer viruses; Trojan; computer crimes; criminal intent; theft of funds; electronic payment systems; victim of the fraud.

References

1. Moskaplenko, E. *Virus blokiruet Windows, trebuetsya otpraviti SMS dlya razblokirovki sistemy. «Trojan. Winlock. 3300». Metody!* (The virus blocks Windows, and demands to send SMS for unblocking the system. «Trojan. Winlock. 3300». Methods!), available at: <http://evgmoskalenko.com/virusy/virus-blokiruet-windows.html> (accessed: 10.11.2014)

2. *Chto takoe troyanskaya programma?* (What is Trojan software?), available at: <http://www.kaspersky.ru/internet-security-center/threats/trojans> (accessed: 10.11.2014)

3. *V Internete poyavilas' novaya i bolee opasnaya modifikatsiya troyanskoi programmy Trojan. Encoder. 6. Portal dlya vebmastera* (In the Internet a new and more dangerous modification of the Trojan program Trojan. Encoder. 6 appeared. Portal for webmaster), available at: <http://wb0.ru/forum/index.php?showtopic=426> (accessed: 10.11.2014)

4. *Onlain – Dr. Web. Kak razblokirovat' Windows ot virusa vymogatelya?* (Online – Dr. Web. How to unblock Windows from a virus of a racketeer?), available at: <http://serfock.ru/soft/add-soft/online-unlock-windows> (accessed: 10.11.2014)

5. Yurina, T. *Okolo 50 tysyach pol'zovatelei set'yu «VKontakte» poluchili virus* (About 50 thousand user of “VKontakte” network got a virus), available at: <http://36on.ru/news/people/30787-okolo-50-tysyach-polzovateley-setyu-vkontakte-poluchili-viru> (accessed: 10.11.2014)

Received 15.09.14

Information about the author

Shaposhnikov Andrey Yuryevich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Associate Professor of the Chair of Information Systems Safety, Samara State University

Address: 1 Academician Pavlov Str., 443011, Samara, tel.: (846) 278-09-76

E-mail: shaposhnikoff@mail.ru

How to cite the article: Shaposhnikov A.Yu. Criminalistic and criminal-legal analysis of fraud committed with computer viruses. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 293–297.

© Shaposhnikov A. Yu., 2014¹

¹ The article is written with the financial support of RSSF and Samara region government within the frameworks of scientific project no.13-13-63001 «Improving the legal mechanism of the complex protection of property against crimes committed with violation of trust, abuse of official position, or fraud».

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.95(479.25)

В. В. ОГАНЕСЯН,

кандидат юридических наук, доцент

Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВАНИЙ БЕЗОГОВОРЧНОЙ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ОТМЕНЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ НА СТАДИИ АПЕЛЛЯЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Цель: проанализировать ст. 228 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и обосновать, что указанная статья, устанавливающая процессуальные нарушения, не в полной мере отражает содержание безоговорочных оснований для отмены судебного акта.

Методы: методологическую основу исследования составляют методы индукции, дедукции, анализа, синтеза, аналогии, так и специальные профессиональные методы: системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты: в работе проанализированы законодательства Республики Армения и иностранных государств, регулирующие апелляционное производство по пересмотру судебных актов. На основе проведенного анализа было предложено в ч. 2 ст. 228 ГПК РА¹ отдельным пунктом предусмотреть в качестве основания для безоговорочной отмены судебного акта принятие нижестоящей судебной инстанцией (1) немотивированного судебного акта, или (2) если аудиопотоколирование судебного заседания и его краткая запись компьютерным способом не соответствуют друг другу, а также (3) протокол судебного заседания был составлен с такими существенными недостатками, которые не дают полноценной возможности суду проверить действия, осуществленные во время разбирательства дела в нижестоящей судебной инстанции.

Научная новизна: в статье разработаны и впервые введены в научный оборот концептуальные теоретико-правовые положения о разделении понятий «основание для безоговорочной отмены судебного акта» и «основание для обязательной отмены судебного акта». Было предложено рассматривать понятие «основание для безоговорочной отмены» в рамках ошибки правосудия, когда независимо от ее возможного влияния на исход дела или от того, что нижестоящая судебная инстанция правильно разрешила дело, апелляционный суд обязан отменить обжалованный судебный акт.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: ГПК Республики Армения; судебный акт; основание для безоговорочной отмены судебного акта; основание для обязательной отмены судебного акта; судебная инстанция; процессуальное право; процессуальные нормы; судопроизводство.

Введение

Нарушения норм процессуального права как основание для отмены судебного акта в порядке апелляции. Деятельность суда в ходе рассмотрения и решения гражданских дел,

помимо применения регулирующих спорные правоотношения норм материального права, преимущественно основана на нормах процессуального права, и результатом судебной деятельности является реализация содержащихся

¹ URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qorensgirkrUS.pdf> (дата обращения: 15.11.2014)

в процессуальных нормах требований. Как отмечает С. Ю. Кац, «первейшим условием обеспечения законности судебных решений является строжайшее соблюдение процессуальных норм, устанавливающих порядок осуществления правосудия в гражданских делах» [1, с. 166]. Более того, обобщая результаты судебной практики по отмене судебных актов, принятых по гражданским делам, Г. А. Жилин пришел к выводу о том, что основу судебной ошибки преимущественно составляют именно нарушения требований норм процессуального права, которые главным образом являются результатом несоблюдения судом первой инстанции правил подготовки дела к судебному производству [2, с. 44–45].

Еще в начале XX в. И. Е. Энгельман отмечал, что существенным и приводящим к отмене судебного акта следует считать нарушение процессуального права в том случае, если с нарушением процессуальных правил или форм было принято иное решение, чем то, которое было бы принято в случае соблюдения их требований [3, с. 405–406].

Целью данного исследования является проанализировать ст. 228 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и обосновать, что указанная статья, устанавливающая процессуальные нарушения, не в полной мере отражает содержание безоговорочных оснований для отмены судебного акта.

Результаты исследования

Статья 228 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения (далее – ГПК РА) устанавливает критерий определения существенности нарушения нормы процессуального права, выступающей основанием для отмены судебного акта: согласно ч. 1 указанной статьи, нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для отмены судебного акта, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела. Правильное по существу решение суда не может быть отменено по одним лишь формальным соображениям.

Нарушение нормы процессуального права можно считать существенным, если ее неправильное применение или толкование:

– привело к неправильному разрешению дела, т. е. суд принял решающий дело по существу незаконный и необоснованный судебный акт;

– могло привести к неправильному разрешению дела, т. е. ставится под сомнение истинность и правомерность принятого по делу судебного акта.

Следует отметить, что в юридической литературе не сформировалось единого подхода в плане обязательности процессуальных последствий нарушений норм процессуального права. По мнению некоторых авторов, необходимо выделить ту группу процессуальных норм, нарушение которых не приводит к отмене судебного акта [4, с. 26–27]. Другие авторы считают, что любое нарушение норм процессуального права, исходя из конкретного обстоятельства рассмотрения гражданского дела или создавшейся в ходе судопроизводства ситуации, может повлиять на правильность судебного решения [5, с. 169–170; 6, с. 77–78]. И. М. Зайцев, исследовав влияние нарушений норм процессуального права на исход дела, пришел к выводу, что существенно влиять на исход дела они могут в двух случаях: 1) когда нарушения негативно влияют на результаты рассмотрения и разрешения гражданского дела сказывается на сути и правомерности решения, 2) когда нарушения непосредственно не влияют на правомерность решения, но являются грубыми нарушениями формы (вида) судопроизводства.

По нашему мнению, невозможно исчерпывающе представить в ГПК все те существенные нарушения процессуального права, которые могут привести к отмене пересматриваемого судебного акта. Их влияние на исход дела должно определяться в каждом конкретном случае, учитывая фактические обстоятельства гражданского дела. Однако в любом случае мы не можем отрицать также то обстоятельство, что, независимо от фактических обстоятельств гражданского дела, не все нарушения процессуальных норм приводят к отмене решения. Следовательно, не правы те авторы, которые утверждают, что, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела, любое нарушение процессуальной нормы может повлиять на исход дела и стать основанием для отмены судебного акта.

Мы считаем, что в основу отмены судебного акта можно ставить влияющие на исход дела нарушения тех процессуальных норм, которые непосредственно воздействуют на права и обязанности участников судопроизводства, устанавливают процессуальный порядок рассмотрения и раз-

решения дел и обеспечивают основные условия правомерности решения. Из содержания ст. 228 ГПК РА следует, что нарушения не всех норм процессуального права или случаи их неправильного применения приводят к отмене судебного акта.

Основанием для отмены судебного акта не могут быть даже нарушения императивных положений Гражданского процессуального кодекса. Например, согласно ч. 1 ст. 8 ГПК РА, разбирательство гражданских дел в судах – открытое. Слушание дела на закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных законом, а также при удовлетворении судом ходатайства о необходимости обеспечения тайны усыновления, неприкосновенности личной или семейной жизни граждан, сохранения коммерческой или иной тайны. То есть, зафиксировав принцип публичности рассмотрения дел, Гражданский процессуальный кодекс устанавливает, в каких именно случаях возможно слушание дела на закрытом заседании. Однако нарушение только лишь вышеотмеченного положения на практике не может быть основой для отмены судебного акта. Более того, согласно ст. 19 Конституции РА², каждый для восстановления своих нарушенных прав, а также выяснения обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право на публичное рассмотрение своего дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости.

К отмене судебного акта приводят нарушения тех норм процессуального права, влияющих на исход дела, которые на предусмотренных законом основаниях устанавливают обязанность суда проявлять определенное правомерное поведение.

В частности, суд первой инстанции обязан соблюдать правила принятия в производство искового заявления (выяснить, имеются ли какие-либо основания для принятия или отказа в принятии судебного акта, предусмотренное ст. 91 или 92 ГПК РА), в случае наличия одного из оснований, предусмотренных ст. 109 для оставления иска или заявления без рассмотрения или ст. 109 для прекращения производства по делу – в обязательном порядке оставить иск или заявление без

рассмотрения или прекратить производство по делу и т. д. Нарушения вышеотмеченных процессуальных норм непременно влияют на исход дела и приводят к неправомочности решающего дела по существу судебного акта. Вышеописанное относится к правильному применению дискреционных полномочий суда. Для применения каждого из дискреционных полномочий существуют условия правомерности. Как отмечает В. Л. Исаченко, «строжайшее соблюдение судом процессуальных норм и процессуального вида является наилучшей гарантией защиты участвующих в деле лиц от произвола» [7, с. 156].

Часть 2 ст. 228 ГПК РА предусматривает основания для безоговорочной отмены судебного акта, т. е. решение во всех случаях подлежит отмене, если:

- 1) дело рассмотрено судом в незаконном составе;
- 2) дело рассмотрено судом в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте заседания;
- 3) решение подписал не тот судья, который его принял;
- 4) решение принял не тот судья, который входил в состав суда, рассматривавшего дело;
- 5) в деле отсутствует протокол судебного заседания.

Основания для безоговорочной отмены судебного акта подразумевают грубые ошибки правосудия или такие существенные недостатки, в случае которых законодательство ни придает значение обстоятельству правильного разрешения дела по существу.

В юридической литературе есть мнение, что основания для отмены судебных актов, предусмотренные п. 1, 3, 4, 5 ч. 2 ст. 228 ГПК РА, утратили свой смысл и на практике применяются очень редко, так как рассмотрение дел в суде первой инстанции осуществляется судьей единолично, а протокол судебного заседания составляется в обязательном порядке во всех судах [8].

По нашему мнению, вышеотмеченные основания не потеряли своей актуальности и в равной степени применимы в случае пересмотра решений суда первой инстанции. В частности, в судах общей юрисдикции дела рассматриваются судьей единолично. При единоличном рассмотрении

² URL: <http://constitutions.ru/?p=204> (дата обращения: 15.11.2014)

дела судья выступает как суд (ст. 19 ГПК РА). Следовательно, п. 1 ч. 2 ст. 228 ГПК (дело рассмотрено судом в незаконном составе) применим в части отмены решения суда первой инстанции, которое должно включать в себя:

- нарушение права на рассмотрение дела судом, созданным на основе закона (п. 1 ст. 6 Конвенции);

- нарушение права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом (ст. 19 Конституции РА).

- несоблюдение правил предметной подсудности (например, суд общей юрисдикции рассмотрел дело, зарезервированное за предметной подсудностью административного суда);

- нарушение запрета на новое рассмотрение дела судьей, который ранее участвовал в рассмотрении дела;

- нарушения правил самоотвода судьи (например, когда судья не берет самоотвод или отклоняет ходатайство о самоотводе в случаях, предусмотренных ст. 91 Судебного кодекса РА).

Пункты 3 и 4 ч. 2 ст. 228 ГПК РА (решение подписал не тот судья, который его принял, решение принял не тот судья, который входил в состав суда, рассматривавшего дело) также применимы в случае отмены решений суда первой инстанции в порядке апелляции. В частности, судебный акт должен подписать суд, рассмотревший дело и принявший решение, и ст. 24 ГПК РА предусматривает, что в случае самоотвода судьи судебное заседание объявляется закрытым, а судья сменяется другим судьей суда. Судья, смененный в результате самоотвода, или обновленный судебный состав осуществляет рассмотрение дела с начала.

Мы считаем, что в п. 5 ч. 2 ст. 228 ГПК РА в качестве основания для безоговорочной отмены судебного акта необходимо предусмотреть также следующую формулировку: «если аудиопrotocolирование судебного заседания и его краткая запись компьютерным способом не соответствуют друг другу, а также если протокол судебного заседания был осуществлен с такими существенными недостатками, которые не предоставляют полноценную возможность суду проверить действия, совершенные в ходе рассмотрения дела в нижестоящей судебной инстанции».

Помимо этого, в п. 5 ч. 2 ст. 228 ГПК РА говорится только о протоколе судебного заседания,

тогда как, согласно ст. 147 ГПК, протокол составляется и при осуществлении отдельных процессуальных действий вне судебных заседаний.

Участникам судопроизводства надо предоставить возможность представлять замечания относительно протоколов, составленных как простым способом на бумаге, так и посредством аудиопrotocolирования судебного заседания и его краткой записи компьютерным способом, особенно когда речь идет об имеющихся в них несоответствиях.

Что касается п. 2 ч. 2 ст. 228 (дело рассмотрено судом в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте заседания), то здесь речь идет о грубом нарушении гражданской процессуальной формы, когда не соблюдены правила состязательной формы судопроизводства, условия равенств, и участвующее в деле лицо лишилось возможности участвовать в судебном заседании и представить на нем свою позицию. Участие в судебном заседании является правом участвующего в деле лица. Разбирательство дела происходит на заседании суда с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса (ст. 112 ГПК). Согласно ч. 2 ст. 118 ГПК РА, неявка ответчика или истца, надлежащим образом извещенного о времени и месте заседания суда, не является препятствием к рассмотрению дела (по нашему мнению, это правило в равной степени относится и к третьему лицу, заявившему самостоятельное требование к предмету спора, который пользуется всеми правами истца и несет обязательства последнего). Из этого следует, что определяющим в вопросе отмены судебного акта является то обстоятельство, что суд не известил участвующее в деле лицо надлежащим образом о времени и месте заседания.

Кассационный суд РА в своих решениях множество раз касался проблем должного извещения в гражданском судопроизводстве, отмечая, что предусмотренные ст. 78 ГПК РА право участвующих в деле лиц на извещение судом надлежащим образом о времени и месте судебного заседания и обязанность суда извещать об этом напрямую связаны с гарантированным Конституцией Армении всеобщим принципом равенства всех перед законом и вытекающим из него и установленным ГПК РА принципом состязательности и равенства

сторон. Отмеченные принципы во всем своем объеме могут быть реализованы только в том случае, когда каждому из участвующих в деле лиц предоставлена возможность присутствовать на судебном заседании³.

В случае наличия оснований для безоговорочной отмены судебного акта влиянию нарушения нормы процессуального права на исход дела не придается какого-либо значения. Именно этим признаком и отличаются основания для безоговорочной отмены судебного акта от других нарушений процессуальных норм, являющихся основанием для обязательной отмены судебного акта. Причем, анализ Гражданского процессуального кодекса показывает, что в отдельных случаях к отмене решающего по существу судебного акта приводит такое нарушение процессуальной нормы, которое не предусмотрено ч. 2 ст. 228 ГПК, однако влиянию последнего на исход дела также не придается никакого значения. В случае наличия оснований, предусмотренных ст. 91 ГПК РА, суд обязан отказать в принятии искового заявления, а если их наличие было выявлено после возбуждения гражданского дела – прекратить производство дела (ст. 109 ГПК). Если суд не прекращает производство дела, то принятое в результате рассмотрения дела решение подлежит обязательной отмене, так как закон исключает существование более одного вступившего в законную силу решения относительно спора между теми же лицами о том же предмете и по тем же основаниям. Обсуждаемый случай свидетельствует об отсутствии у обращающегося в суд лица предпосылок права на иск. Причем, ч. 3 ст. 110 ГПК РА устанавливает, что в случае прекращения производства по делу вторичное обращение в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается, за исключением случая, когда истец отказался от иска на этапе подготовки к судопроизводству. По нашему мнению, в случае отказа от иска на этапе судопроизводства запрет на вторичное обращение в суд должен распространяться только на истца. Если, согласно ГПК, отказ истца от искового заявления является основанием

для прекращения производства дела, а процессуальные правила не предусматривают продолжения рассмотрения дела по требованию ответчика, то, мы считаем, ответчик должен иметь право обратиться в суд с адекватным иском.

Основания для безоговорочной отмены судебного иска исчерпывающим образом перечислены во второй части ст. 228 ГПК. Однако, следует отметить, что ГПК РА целым рядом своих статей также предусматривает основания для безоговорочной отмены судебного акта. В частности, согласно п. 1 ч. 1 ст. 221 ГПК РА, апелляционный суд правомочен отклонить апелляционную жалобу, одновременно мотивируя недостаточно или неправильно мотивированный, а также немотивированный судебный акт, решающий дело по существу. Тогда как из содержания решения Конституционного суда о признании неконституционной нормы, предусматривающей полномочие апелляционного суда мотивировать правильно решающий по существу, но немотивированный судебный акт, вытекает, что немотивированное решение во всех случаях подлежит отмене. То есть формальное требование мотивировать судебный акт считается соблюдаемым, даже если суд неполноценно или неправильно мотивировал решение. Из этого следует, что независимо от обстоятельства правильного решения дела по существу, апелляционный суд обязан отменить немотивированный судебный акт суда первой инстанции, решающий дело по существу.

Мы считаем, что в ч. 2 ст. 228 ГПК РА отдельным пунктом как основание для безоговорочной отмены судебного акта следует предусмотреть следующую формулировку: «если суд принял немотивированный судебный акт».

Помимо этого, согласно ч. 2 ст. 219 ГПК РА, если во время рассмотрения дела в суде первой инстанции доказательство не было представлено по независящим от воли сторон обстоятельствам, апелляционный суд прекращает производство по делу и отправляет его в соответствующий суд первой инстанции на новое рассмотрение, если находит, что доказательство имеет существенное значение для решения дела. *Мы считаем, что в результате анализа Гражданского процессуального кодекса можно выделить также основания для обязательной отмены судебного акта (когда наличествуют исключяющие гражданское судо-*

³ Решение Кассационного суда РА по гражданскому делу № 3-1867/А от 25 декабря 2007 г.; Решение Кассационного суда РА по гражданскому делу № 08-1442 от 24 марта 2011 г.

производство обстоятельства, однако суд не отказал в принятии искового заявления (ст. 91) или не прекратил производство дела и принял решение (ст. 109), или участвующее в деле лицо по независящим от него обстоятельствам не представил имеющих существенное значение для разрешения дела доказательств (ч. 2 ст. 219). Основания для безоговорочной отмены судебного акта являются такими нарушениями норм процессуального права, которые, независимо от влияния на исход дела, а также от того обстоятельства, что решение нижестоящего суда правильно решает дело по существу, приводят к отмене решения.

Помимо этого, учитывая предусмотренные ст. 91 Судебного кодекса Армении основания для самоотвода судьи, необходимо установить законодательный запрет, согласно которому в случае полной или частичной отмены апелляционным судом судебного акта и возвращения дела в нижестоящую судебную инстанцию на новое рассмотрение разбирательство дела должно осуществляться иным судебным составом, а в случае невозможности замены судьи дело должно быть отправлено в другой суд той же инстанции.

Выводы

В статье изучены проявления нарушений процессуальных норм, выступающих основанием для отмены судебных актов. Автор, проанализировав нормы ст. 228 ГПК Республики Армения, устанавливающие процессуальные нарушения, пришел к выводу о том, что они не полностью отражают содержание безоговорочных оснований для отмены судебного акта. В результате предложено внести дополнение в ГПК РА, касающееся оснований для безоговорочной отмены судебного акта. Автор в результате системного анализа Гражданского процессуального кодекса Армении пришел к выводу о том, что ГПК РА предусматривает также основания для обязательной отмены судебного акта, когда закон просто обязывает апелляционный суд отменить обжалованный судебный акт и осуществить адекватное процес-

суальное действие. Автор предлагает разделить понятия «основание для безоговорочной отмены судебного акта» и «основание для обязательной отмены судебного акта», рассматривать понятие «основание для безоговорочной отмены» в рамках ошибки правосудия, когда, независимо от ее возможного влияния на исход дела или от того, что нижестоящая судебная инстанция правильно разрешила дело, апелляционный суд обязан отменить обжалованный судебный акт. Помимо этого, в статье предложено в ч. 2 ст. 228 ГПК РА отдельным пунктом предусмотреть в качестве основания для безоговорочной отмены судебного акта принятие нижестоящей судебной инстанцией немотивированного судебного акта, или если аудиопрототолирование судебного заседания и его краткая запись компьютерным способом не соответствуют друг другу, а также протокол судебного заседания был составлен с такими существенными недостатками, которые не дают полноценной возможности суду проверить действия, осуществленные во время разбирательства дела в нижестоящей судебной инстанции.

Список литературы

1. Кац С.Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. М., 1980. 208 с.
2. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 320 с.
3. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. 646 с.
4. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. 325 с.
5. Лесницкая Л.Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М., 1974. 192 с.
6. Гойденко Е.Г. Отмена не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 188 с.
7. Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Т. 1: судопроизводство исковое. СПб, 1906. 338 с.
8. Медякова С. Основания к отмене судебных постановлений // Российская юстиция. 1996. № 5. С.44.

В редакцию материал поступил 30.10.14

© Оганесян В. В., 2014

Информация об авторе

Оганесян Ваге Вагинакович, кандидат юридических наук, доцент, Ереванский государственный университет
Адрес: 375049, Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

Как цитировать статью: Оганесян В.В. Гражданско-процессуальные вопросы применения оснований безоговорочной и обязательной отмены судебных актов на стадии апелляции в Республике Армения // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 298–304.

V. V. OGANESYAN,

PhD (Law), Associate Professor

Erevan State University, Yerevan, Armenia

CIVIL-PROCEDURAL ISSUES OF APPLYING THE GROUNDS FOR UNCONDITIONAL AND OBLIGATORY WITHDRAWAL OF LEGAL ACTS AT THE STAGE OF APPEAL IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Objective: to analyze Art. 228 of the Civil-Procedural Code of the Republic of Armenia and to prove that this article, which establishes procedural irregularities, does not fully reflect the content of unconditional grounds for withdrawal of a legal act.

Methods: the methodological basis of the research are methods of induction, deduction, analysis, synthesis, analogy, as well as specific professional methods: systemic-structural, comparative-legal.

Results: The paper analyzes the legislation of the Republic of Armenia and foreign states regulating the appeal procedure of legal acts. On the basis of the analysis it was proposed to add to part 2 of Art. 228 of the Armenian Civil-Procedure Code an item providing the grounds for the unconditional withdrawal of the legal act, i.e. the adoption by the lower court 1) of an unmotivated legal act, or 2) the audio protocol of the court session and its brief computer recording do not coincide, and 3) if the protocol; of the court session was written with such significant deficiencies that do not give full opportunity to the court to verify the actions taken during the proceedings in the lower court.

Scientific novelty: The article has developed and first introduced into scientific use the conceptual theoretical and legal provisions on the separation of the concepts of "the basis for the unconditional withdrawal of the legal act" and "the basis for obligatory withdrawal of a legal act". It was suggested to consider the concept of "basis for the unconditional cancellation" to be the error of justice, when regardless of its probable impact on the outcome or the correctness of the lower court's decision, the appeal court must withdraw the appealed legal act.

Practical value: Theoretical principles formulated in the research can be used in scientific, legislative and law-enforcement activities, during the educational process of higher educational institutions of legal profile, when improving the qualification of practitioners and scientific-pedagogical personnel in the field of jurisprudence.

Key words: Civil-Procedural Code of the Republic of Armenia; legal act; the basis for the unconditional withdrawal of the legal act; the basis for obligatory withdrawal of the legal act; court; procedural law; procedural norms; court proceedings.

References

1. Kats, S.Yu. *Sudebnyi nadzor v grazhdanskom sudoproizvodstve* (Court supervision in civil court proceedings). Moscow, 1980, 208 p.
2. Zhilin, G.A. *Tseli grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya v sude pervoi instantsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* (Objectives of civil court proceedings and their implementation in the court of first instance: abstract of Doctoral (Law) thesis). Moscow, 2000, 320 p.
3. Engel'man, I.E. *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* (A course in the Russian civil court proceedings). Yur'ev, 1912, 646 p.
4. Zaitsev, I.M. *Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse* (Withdrawing errors in the civil proceedings). Saratov, 1985, 325 p.
5. Lesnitskaya, L.F. *Peresmot rresheniya suda v kassatsionnom poryadke* (Reconsidering of a court decision in cassation order). Moscow, 1974, 192 p.
6. Goidenko, E.G. *Otmena nevstupivshikh v zakonnyu silu sudebnykh reshenii v grazhdanskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* (Withdrawal of court decisions, which have not come in to force, in the civil court proceedings: PhD (Law) thesis). Moscow, 2008, 188 p.
7. Isachenko, V.L. *Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo. Prakticheskoe rukovodstvo dlya studentov i nachinayushchikhy uristov. T. 1: sudoproizvodstvo iskovoe* (Russian civil court proceedings. Practical manual for students and unpracticed lawyers. Vol.1: adversary trial). Saint-Petersburg, 1906, 338 p.
8. Medyakova, S. *Osnovaniya k otmene sudebnykh postanovlenii* (Grounds for withdrawal of court decrees). *Rossiiskayayustitsiya*, 1996, no. 5, p. 44.

Received 30.10.14

Information about the author

Oganessian Vage Vaginakovich, PhD (Law), Associate Professor, Yerevan State University
Address: 1 Alek Manukyan Str., 375049, Yerevan, Armenia

How to cite the article: Oganessian V.V. Civil-procedural issues of applying the grounds for unconditional and obligatory withdrawal of legal acts at the stage of appeal in the Republic of Armenia. *Aktual'niye problem ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 298–304.

© Oganessian V. V., 2014

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (не более 10 строк по ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»);
- список литературы (на русском языке и на латинице);
- ключевые слова на русском и английском языках;
- заявление;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), а также периодическом справочнике «Система ГАРАНТ» в информационном блоке «Законодательство Республики Татарстан».

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегии может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 200 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкарвна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal's themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: «Economics Theory», «Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)», «Economics and Economy Management (Marketing)», «Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law», «Labour Law; Social Provision Law», «Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law», «Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations», «International Law. European Law», «Administrative Law, Financial Law, Informational Law», etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author's sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors in Russian and English languages;
- information about the authors in Russian and English languages (scientific degree, title, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article summary in Russian and English languages (not more than 10 lines by ГОСТ 7.9-95 «Abstract and Summary. General Requirements»);
- bibliography (in Russian and Roman);
- key words in Russian and English languages;
- application;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a doctor of science.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), as well as in the periodic reference book «GARANT System» in the «The Tatarstan Republic Legislation» information block.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer's and the editorial board's notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal's editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY (according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials»)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...
2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION to the Journal «Actual problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB «BTA-Kazan» (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova